

ISSN 2077-8325

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

- **ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

№ 4 (90)-2025

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА
(РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4 (90) – 2025 г.

Душанбе – 2025

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

UNIVERSITY BULLETIN

(RUSSIAN-TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY)

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 4 (90) – 2025 г.

Dushanbe – 2025

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Иброхимзода Илхомуддин Раджабали, доктор экономических наук

Редакционная коллегия:

Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Шамбезода Хусрав Джамшедович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)

Султанова Рафохат Мирзоевна, доктор филологических наук (Таджикистан)

Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)

Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Комилов Сироджиддин Джалалиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)

Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)

Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)

Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)

Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)

Редактор:

Р.В.Баратова

Технический редактор/

компьютерная верстка:

Г.Х.Ташматова

Перевод на английский язык:

С.У.Тагаева

Перевод на таджикский язык:

К.Камолов

Компьютерная верстка:

Ш.Кодиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации №275/ЖР-97 от 08 февраля 2023 года.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства
науки и высшего образования Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики
Таджикистан

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М. Турсунзаде,
д.30

тел: (+992) 44 620 42 34; 44 620 42 11

www.vestnik_rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименований только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуются материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Искандарова Д.М. Корпусно-ориентированные исследования в таджикском языкознании: типологический и сопоставительный аспекты (на материале конструкций с глаголом – <i>зирифтан</i>).....	13
Мухторов З.М., Атаева Т.Х. Структурно-семантический анализ терминов социальной работы в таджикском и английском языках.....	23
Султанова Р.М. Деривативы как результат морфологической деривации в системе частей речи русского и таджикского языков.....	34
Давлатмирова М.Б. Ценности культуры как основа для формирования «Словаря культуры» таджикского народа.....	45
Хамидова М.Н. К вопросу о категориях переходности и каузативности (на материале английского и таджикского языков).....	54
Икромзода Х.И. Лингвокогнитивные основы спортивной лексики таджикского языка.....	65
Солиходжаева Ш.А. Структура лингвистической терминологии: моделирование многослойной иерархии терминов в таджикском, русском и английском языках.....	76
Аламшоев Ш.М. Лексика ткачества и прядения в ваханском языке.....	87
Турсунова Ш.А. Структурно-семантический анализ концепта «уважение» в английском и таджикском языках.....	96
Иматшоева М. Сравнительное исследование префиксально-суффиксального словообразования в шугнанском, таджикском и английском языках.....	106
Абдужалилова Х.С. Функционирование вводных слов и вставных конструкций в газетном тексте английского языка и их соответствия в таджикском языке.....	114
Ибодуллоев Б. Типы и стратегии передачи реалий в кросс-культурном переводе.....	125
Исмоилова Н.М. Лексикографический и корпусный анализ благопожеланий и проклятий в таджикском языке.....	135
Ахмадзода И.И. Объективация концепта «Хизмат» в паремиологическом и фразеологическом фондах таджикского языка.....	146
Саидова Д.Дж. Теоретические основы исследования семантических полей в лингвистике.....	154

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

Хамидиён И.И., Худойдоди И., Мансурова Б.С. Роль и влияние сетевых СМИ на трансформацию журналистики.....	165
Сафарзода Х.Х. Газета «Джумхурият» в контексте процессов глобализации....	178
Бобоева М.С. Комментарии к газетам Хафиза в Индии XVII века: методы и подходы.....	187

Шарипов В.А. «Шахнаме» А.Фирдоуси в русских переводах Ц.Б.Баку-Лахути и Михаила Лозинского.....	205
Батенкова Е.В. Пресс-конференции как инструмент публичной коммуникации в странах постсоветского пространства.....	217
Касымова Л.Т. Цифровизация и развитие электронного правительства в Таджикистане.....	231

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ткаченко А.А. Страны Центральной Азии и новая концепция миграционной политики России.....	241
Шарипова А.Г. Цифровизация государственной политики занятости как инновационный фактор развития рынка труда.....	259
Самиев А.А., Мамадризохонов А.А. Экосистемный подход к управлению туристско-рекреационным природопользованием в горных регионах Таджикистана.....	272
Кошонова М.Р. Развитие предпринимательства: современная инфраструктура и механизмы обеспечения финансовой устойчивости малых и средних предприятий в Республике Таджикистан.....	279
Баринов М.А. Методические аспекты исследования национальной безопасности экономических систем.....	297
Быкова М.Л. Анализ вклада различных видов научных исследований и разработок в социально-экономический рост на региональном уровне.....	310
Бахриев У.А. Зарубежный опыт урегулирования взаимных интересов трудовых мигрантов и страны пребывания.....	327
Лукманов А.А. Автоматизация труда: революция на рынке труда или угроза занятости?.....	338
Парфёнова Д.А. Анализ институциональных механизмов управления жилищно-коммунальным хозяйством Республики Таджикистан.....	348
Указатель статей, опубликованных в журнале «Вестник университета» в 2025 году.....	370

CONTENTS

• PHILOLOGICAL SCIENCES

LINGUISTICS

Iskandarova D.M. Corpus-oriented research in Tajik linguistics: typological and comparative aspects (based on constructions with the verb <i>giriftan</i>).....	13
Mukhtorov Z.M., Ataeva T.Kh. Structural-semantic analysis of social work terminology in the Tajik and English languages.....	23
Sultanova R.M. Deverbatives as a result of morphological derivation in the parts of speech of Russian and Tajik languages.....	34
Davlatmirova M.B. Cultural values as a basis for developing the 'Cultural dictionary' of the Tajik people.....	45
Khomidova M.N. On the categories of transitivity and causativity (based on the English and Tajik languages).....	54
Ikromzoda Kh.I. Linguo-cognitive foundations of sports vocabulary in the Tajik language.....	65
Solikhodjaeva Sh.A. The structure of linguistic terminology: modeling a multi-layer hierarchy of terms in Tajik, Russian and English.....	76
Alamshoev Sh.M. Weaving and spinning vocabulary in the Wakhan language.....	87
Tursunova Sh.A. Structural and semantic analyses of the concept "Respect" in the English and Tajik languages.....	96
Imatshoeva M.B. Comparative study of prefix-suffix word formation in Shughni, Tajik and English languages.....	106
Abdujalilova Kh.S. Functioning of parenthetical words and constructions in English newspaper text and their correspondences in the Tajik language.....	114
Ibodulloev B.J. Types and strategies for translating realia in cross-cultural translation.....	125
Ismoilova N.M. A lexicographical and corpus analysis of wishes and curses in the Tajik language.....	135
Ahmadzoda I.I. Objectivation of the concept "Khizmat" in the paroemeological and phraseological funds of the Tajik language.....	146
Saidova D.J. Theoretical foundations of the study of semantic fields in linguistics.....	154

LITERARY CRITICISM, JOURNALISM

Khamidiyon I.I., Khudoydodi I., Mansurova B.S. The role and impact of online media in the transformation of journalism genres.....	165
Safarzoda Kh.Kh. The «Jumhuriyat» newspaper and the problem of globalization.....	178
Boboeva M.S. Commentaries on the ghazels of hafiz in 17 th -century India: methods and approaches.....	187
Sharipov V.A. «Shahnameh» of A.Firdawsi in Russian translations by Ts.B.Banu-Lakhuti and Mikhail Lozinsky.....	205

Batenkova E.V. Press-conferences as a tool of public communication in the countries of the post-soviet space.....	217
Qosimova L.T. Digitalization and development of e-government in Tajikistan.....	231

• **ECONOMIC SCIENCES**

Tkachenko A.A. Central Asian countries and Russia's new migration policy concept.....	241
Sharipova A.G. Digitalization of state employment policy as an innovative factor in labor market development.....	259
Samiyev A.M., Mamadrizokhonov A.A. An ecosystem-based approach to managing tourism and recreational nature management in the mountain regions of Tajikistan.....	272
Koshonova M.R. Entrepreneurship development: modern infrastructure and mechanisms for ensuring financial stability of small and medium-sized enterprises in the Republic of Tajikistan.....	279
Barinov M.A. Methodological aspects of the study national security of economic systems.....	297
Bykova M.L. Analysis of the contribution of various types of scientific research and development to socio-economic growth at the regional level.....	310
Bahriev U.A. International experience in the settlement of mutual interests of migrant workers and the host country.....	327
Lukmanov A.A. Automation of labor: a revolution in the labor market or a threat to employment?.....	338
Parfyonova D.A. Analysis of institutional governance mechanisms in the housing and public utilities sector of the Republic of Tajikistan.....	348
List of articles published in Bulletin of university in 2025.....	370

МУНДАРИҶА

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ

ЗАБОНШИНОСӢ

Искандарова Д.М. Таҳқиқоти пайкараасос дар забоншиносии тоҷик: ҷанбаҳои типологӣ ва муқоисавӣ (дар асоси маводи сохторҳо бо феъли « <i>гирифтан</i> »)	13
Мухторов З.М., Атаева Т.Х. Таҳлили сохторӣ ва семантикаи истилоҳоти қори иҷтимоӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ	23
Султонова Р.М. Девербативҳо ҳангоми натиҷаи морфологии деривация дар системаи ҳисмҳои луғӣ забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	34
Давлатмирова М.Б. Арзишҳои фарҳангӣ ҳамчун асос барои сохтани “Луғати фарҳагии халқи тоҷик”	45
Ҳомидова М.Н. Речё ба масъалаи гузаранда ва каузативият (дар асоси забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ)	54
Иқромзода Х.И. Асосҳои лингвокогнитивии лексикаи варзишии забони тоҷикӣ	65
Солиходжаева Ш.А. Сохтори истилоҳотии лингвистикӣ: моделсозии бисёрқаблаҳои иерархияи истиҳолот дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ	76
Аламшоев Ш.М. Лексикаи бофандагӣ ва ресандагӣ дар забони ваҳонӣ	87
Турсунова Ш.А. Таҳлили сохторӣ-семантикии концепти “эҳтиром” дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ	96
Иматшоева М. Таҳқиқоти қиёсии сохтани калимаи префиксал-суффиксал дар забонҳои шӯғонӣ, тоҷикӣ ва англисӣ	106
Абдуҷалилова Ҳ.С. Корбурди вожаҳои туфайлӣ ва таркибҳои иловагӣ дар матнҳои рӯзномавии забони англисӣ ва мубоқатҳои онҳо дар забони тоҷикӣ	114
Ибодуллоев Б. Навъ ва усулҳои интиқоли реалиҳо дар тарҷумаи байнифарҳангӣ	125
Исмоилова Н.М. Таҳлили луғиграфӣ ва корпусии дуо ва дуои бад дар забони тоҷикӣ	135
Аҳмадзода И.И. Мафҳуми концепти “Хизмат” дар асосҳои парозмеологӣ ва фразеологии забони тоҷикӣ	146
Саидова Д.Ҷ. Асосҳои назариявии таҳқиқи майдонҳои маъноӣ дар забоншиносӣ	154

АДАБИЁТШИНОСӢ, ЖУРНАЛИСТИКА

Ҳамидиён И.И., Худойдоди И., Мансурова Б.С. Нақш ва таъсири ВАО-и онлайнӣ дар тавдидаи жанрҳои журналистика	165
Сафарзода Х.Х. Рӯзномаи “Ҷумҳурият” ва мушкили ҷаҳоншиносӣ	178
Бобоева М.С. Шарҳи ғазалиёти Ҳофиз дар Ҳиндустон дар асри XVII: усулҳо ва равишҳо	187
Шарипов В.А. “Шоҳнома”-и А.Фирдавсӣ дар тарҷумаҳои русии С.Б.Бону-Лохутӣ ва Михаил Лозинский	205

Батенкова Е.В. Нишастҳои матбуоти ҳамчун воситаи муоширати ҷамъиятӣ дар кишварҳои пасошӯравӣ.....	217
Қосимова Л.Т. Рақамикунонӣ ва рушди ҳукумати электронӣ дар Тоҷикистон.....	231

• ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ

Ткаченко А.А. Кишварҳои Осиёи Марказӣ ва мафҳуми нави сиёсати муҳоҷирати Россия.....	241
Шарипова А.Г. Рақамикунонии сиёсати давлатии шуғли аҳоли ҳамчун омили инноватсионии рушди бозори меҳнат.....	259
Самиев А.А., Мамадризоҳонов А.А. Равиши экосистемӣ ба идоракунии сайёҳӣ ва идоракунии табиати фарогардӣ дар минтақаҳои кӯҳистони Тоҷикистон.....	272
Қошонов М.Р. Рушди соҳибкорӣ: инфраструктура ва механизмҳои муосир барои таъмини устувории молиявии соҳибкории хурд ва миёна дар Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	279
Баринов М.А. Ҷанбаҳои методологии тадқиқоти амнияти миллии системаҳои иқтисодӣ.....	297
Бикова М.Л. Таҳлили саҳми намудҳои гуногуни тадқиқот ва таҳқиқоти илмӣ ба рушди иҷтимоӣ-иқтисодӣ дар сатҳи минтақавӣ.....	310
Баҳриев У.А. Таҷрибаи хориҷӣ дар ҳалли манфиатҳои муттаҳидаи муҳоҷирони меҳнатӣ ва кишвари мичоратчӣ.....	327
Луқмонов А.А. Автоматизатсияи меҳнат: инқилоби бозори меҳнат ё таҳдид ба шуғл?.....	338
Парфенова Д.А. Таҳлили механизмҳои институтионии идоракунии хоҷагии манзилию коммуналии Ҷумҳурии Тоҷикистон.....	348
Фехристи мақолаҳои дар маҷаллаи «Вестник университета» дар соли 2025 нашргардида.....	370

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.222.8'32:81'37

**КОРПУСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В
ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛОМ *ГИРИФТАН*)**

Искандарова Дилоро Мукаддасовна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
diloroiskandarova@gmail.com

Современная лингвистика переживает эпоху эмпирического поворота, в рамках которого корпусные методы становятся не просто вспомогательным инструментом, но основой теоретического осмысления языковых явлений. Статья посвящена актуальному направлению современной науки – развитию корпусно-ориентированных исследований в таджикском языкознании. На материале Национального корпуса таджикского языка, объем которого превышает 58 миллионов словоупотреблений, рассматриваются типологические и сопоставительные аспекты функционирования глагольных конструкций. В качестве конкретного материала для анализа выбран многозначный глагол *гирифтан* («брать»). Исследование охватывает две его ключевые функции: участие в формировании составных глагольных конструкций (лексический уровень) и выражение фазового значения начала действия, или инхоатива (грамматический уровень). Цель работы заключается в выявлении типологической специфики таджикского языка через призму сопоставления с русским языком. Качественный анализ корпусных данных позволил установить фундаментальное различие: таджикский язык демонстрирует ярко выраженную тенденцию к аналитизму, используя перифрастические конструкции для передачи когнитивных и аспектуальных значений, в отличие от преимущественно синтетического строя русского языка. Полученные результаты подтверждают эффективность применения корпусных методов для решения задач типологического языкознания и уточнения когнитивных моделей, лежащих в основе таджикской языковой картины мира.

Ключевые слова: таджикский язык; глагол *гирифтан*; Национальный корпус таджикского языка; корпусная лингвистика; когнитивная семантика; составные глагольные конструкции; инхоатив; аналитизм; языковая картина мира.

Введение. Современный этап развития лингвистики характеризуется усилением эмпирической направленности исследований, что находит своё выражение в широком внедрении корпусных методов. Если ещё недавно анализ языковых явлений основывался преимущественно на интуитивных примерах, то сегодня на

передний план выходит верификация гипотез на репрезентативных массивах реальных текстов. Особенно актуален этот подход для языков, обладающих богатой внутренней структурой и глубокой историко-культурной традицией, таких как таджикский язык.

Междисциплинарный подход в прикладных лингвистических исследованиях, эксплицитно и подробно описанный в трудах Д.М.Искандаровой [9; 10], М.Б.Давлатмировой [3], С.Г.Сабировой [15] и др., демонстрирует принятый в таджикской лингвистической науке корпусно-ориентированный вектор изучения лингвокогнитивных и сопоставительно-типологических аспектов. Если ещё недавно анализ языковых явлений основывался преимущественно на интуитивных примерах, то сегодня на передний план выходит верификация гипотез на репрезентативных массивах реальных текстов [7; 13]. Особенно актуален этот подход для языков, обладающих богатой внутренней структурой и глубокой историко-культурной традицией, таких как таджикский язык.

Представленные в данном исследовании результаты базируются на методологических принципах научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан». Это первый и пока единственный научный центр в стране, где синтез когнитивной теории и корпусных технологий реализуется на практике, а не декларируется теоретически [3; 9; 15].

Целью настоящей статьи является системное описание функций глагола *гирифтан*, а также выявление типологических особенностей его употребления по сравнению с контактным русским языком на основе данных Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ) [14].

1. Теоретические основания и методология исследования

1.1. Теоретическая база

Выбор глагола *гирифтан* в качестве объекта анализа обусловлен его центральным положением в глагольной системе таджикского языка и исключительной семантической многозначностью, его семантическая структура и синтаксическая продуктивность делают его уникальным объектом для типологического и сопоставительного анализа [4; 5; 6]. Конструкции с *гирифтан* находятся на стыке лексики, синтаксиса и семантики, что требует комплексного теоретического подхода.

Как показывают предварительные исследования, *гирифтан* выполняет, по крайней мере, три ключевые функции:

- 1) базовое значение «взять физический объект» (нон),
- 2) участие в составных глагольных конструкциях с предикатными актантами (напр., *ёд гирифтан* — «выучить»),
- 3) выражение инхоатива (начала действия) в перифрастических конструкциях (*рафтан гирифтан* — «начать идти»).

В настоящей статье рассматриваются две взаимосвязанные проблемы, центральное место в которых занимает глагол *гирифтан* («брать»):

- 1) функционирование данного глагола в составных глагольных конструкциях (СГК),

2) его роль в качестве фазового маркера, выражающего начало действия (инхоатив) в конструкциях с предикатными актантами.

Выбор теоретической базы определяется природой исследуемого явления. Конструкции с *гирифтан* не могут быть адекватно описаны в рамках традиционной грамматики, поскольку они находятся на стыке лексики, синтаксиса и семантики [4; 5]. Соответственно, *теоретической базой исследования* послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов. Теория валентности, разработанная Ю.Д.Апресяном [2], позволяет описать структуру составных глаголов, выделяя *предикатный актант* (номинальный компонент) и *семантический оператор*. Согласно Ю.Д.Апресяну, валентность – это способность глагола требовать определённого набора актантов. В случае составных глаголов типа *ёд гирифтан*, глагол *гирифтан* сам по себе имеет валентность (агент + объект), но в составной конструкции его валентность трансформируется: объектом становится не физический предмет, а абстрактное содержание, выражаемое номинальным компонентом. Этот компонент Ю.Д.Апресян называет предикатным актантом – сущностью, которая сама по себе обладает предикативным потенциалом («знание» предполагает процесс «знания»).

Когнитивная лингвистика, представленная в работах Е.С.Кубряковой [11] и Н.Ф.Алефиренко [1], рассматривает языковые конструкции как отражение когнитивных процессов.

С другой стороны, когнитивная грамматика Р.Лэнгекера [16] рассматривает такие конструкции как проявление концептуальной метафоры. В частности, модель ПОЗНАНИЕ – ВЗЯТИЕ [12] предполагает, что абстрактные ментальные процессы концептуализируются через призму физического взаимодействия с объектами. В таджикском языке эта метафора получает грамматическое оформление в виде составных глаголов с *гирифтан*.

Корпусная лингвистика, в свою очередь, обеспечивает эмпирическую базу для проверки этих теоретических построений. Как отмечает Н.А.Левшина, языковой корпус позволяет перейти от «кажется, что...» к «вот данные, которые показывают...», иначе говоря, корпус позволяет перейти от интроспекции к доказательной лингвистике [13]. Именно этот переход и совершается в настоящем исследовании с помощью НКТЯ.

1.2. Описание корпуса и процедура анализа

Эмпирической базой исследования послужил Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ) – первый в Республике Таджикистан масштабный аннотированный ресурс, содержащий более 58 млн словоупотреблений [14].

Для анализа был выполнен лемматический запрос по лексеме *гирифтан*, выдавший 100 548 употреблений (рис.1.).

Результат поиска: найдено 1 уникальная лемма примерно в 2314 документах, общая частота найденных словоформ: 3820.

лемма	грамматика	частота						
гирифтан		100548		1	97498	42084		

Рисунок 1 – Пример конкорданса для леммы «гирифтан» в интерфейсе НКТА

Все примеры были категоризированы по функциям: 1) физическое действие, 2) составные глагольные конструкции, 3) инхоатив.

2. Составные глагольные конструкции: когнитивная семантика и типология

2.1. Концептуальная метафора «Твердого объекта»

Анализ выборки, как отмечалось, выявил три основные функции глагола:

1. Прямое значение: Взять физический объект – *китоб, себ гирифтан* (взять книгу, яблоко).

2. Составные глагольные конструкции (СГК): *ёд гирифтан* (выучить), *илхом гирифтан* (вдохновиться).

3. Инхоатив (фазовый глагол): *рафтан гирифтан* (начать идти).

Дальнейший анализ второй группы – СГК выявляет следующие модели со значением:

2а. Ментальный процесс:

- *илм гирифтан*
- *ёд гирифтан*
- *донии гирифтан*.

В этой группе доминирует метафора ПОЗНАНИЕ – ВЗЯТИЕ, где знание, решение или представление рассматриваются как материальные объекты, которые можно «взять» и «иметь».

2б. Эмоциональные состояния:

- *илхом гирифтан* – «вдохновиться»,
- *унс гирифтан* – «подружиться»,
- *хавф гирифтан* – «испугаться».

Здесь действует модель ЭМОЦИЯ – ПРИОБРЕТЕНИЕ, где эмоциональное состояние возникает как результат «взятия» некоего качества.

2в. Функциональные значения:

- *ба назар гирифтан* – «рассмотреть»,
- *ба ҳисоб гирифтан* – «учесть»,
- *зери назар гирифтан* – «взять под контроль».

Эти факты позволяют выявить ключевые метафорические модели и верифицировать фундаментальную когнитивную метафору таджикского сознания: Аб-

страктные ментальные состояния осмысляются как материальные объекты, которые можно «взять»:

- Знание – это не состояние, в котором пребывают, а предмет, который *берут* (ёд/илм гирифтан).

- Вдохновение – это субстанция, которую *захватывают* извне (илҳом гирифтан).

- Внимание – это объект, который *берут* в поле зрения (ба назар гирифтан).

2.1. Валентная структура и когнитивная мотивация

Исследование конструкций с предикатными актантами в структурно-типологическом аспекте и в сопоставлении с телугу подробно освещено в фундаментальных работах Д.М.Искандаровой [4; 5; 6].

В конструкции «*X + гирифтан*» глагол теряет прямое значение «взять физический объект» и выступает как оператор интериоризации.

Глагол *гирифтан* задаёт общую схему действия: «принять», «усвоить», «возникнуть». Номинальный компонент определяет конкретное содержание: когнитивное (ёд – «знание», *илм* – «наука»), эмоциональное (илҳом – «вдохновение»), функциональное (*назар* – «внимание»).

Примеры из НКТА:

- *ёд гирифтан* (470) – «научиться, усвоить знание»,

Эй паҳлавони номдор, ҳунари шикоркунии шуморо чӣ хел *ёд гирифтан* мумкин аст? (Афсонаҳои халки тоҷик). – «О прославленный богатырь, как можно *научиться* твоему искусству охоты?» (Таджикские народные сказки).

- *илм гирифтан* (21) – «усвоить науку / получить образование»: *Сӯйисти-фода аз ҳуқуқи падару модарӣ маънои сӯйисти-фода аз ин ҳуқуқ бар зидди манфиатҳои қудак, аз қабилӣ монеъ шудан ба илм гирифтан, иҷрои вазифаҳои ҷамъиятӣ, талбандагӣ қардан, одад қунондан ба истеъмоли нӯшоқиҳои спиртӣ ва нашъамандӣ, ҷалб намудани нобилигон ба ҷиноят ва ба даст овардани даромад бо роҳи ҷиноятро дорад* (Ovozi Tojik, 2022) – «Злоупотребление родительскими правами означает использование этих прав в ущерб интересам ребенка, например, препятствование *получению образования* (обучению), выполнению общественных обязанностей, принуждение к попрошайничеству, приобщение к употреблению спиртных напитков и наркомании, вовлечение несовершеннолетних в преступления и получение дохода преступным путем».

- *ба назар гирифтан* (737) – «рассмотреть, принять во внимание»:

Инчунин, ба назар гирифтан лозим аст, ки иттилоотикунони соҳаи маориф бояд пеш аз иттилоотикунони дигар самтҳои фаъолияти ҷамъиятӣ ба роҳ монда шавад (Maorifi Tojikiston, 2022). – Также необходимо *принять во внимание*, что информатизация сферы образования должна быть налажена раньше информатизации других направлений общественной деятельности.

- *илҳом гирифтан* (61) – «вдохновиться».

Ӯ бо рассомон, коргардонҳо, сурагирон, аҳли илм, файласуфон муошират қарданро дӯст медорад ва ин ҳамаро ба хотири ба ҷо овардани арзишҳои инсонӣ ва *илҳом гирифтан* анҷом медиҳад (Pressa.tj, 2021) – Он любит общаться с художниками, режиссерами, фотографами, учеными, философами и делает всё

это ради соблюдения человеческих ценностей и получения вдохновения (вдохновения).

Классификация семантических классов предикатных актантов выявила доминирование метафоры «Твердого объекта» (ПОЗНАНИЕ – ВЗЯТИЕ). Абстрактные ментальные состояния осмысляются носителем таджикского языка как материальные объекты, которые можно «взять»:

- *Ёд гирифтан* («выучить») – знание как предмет, который «берут».
- *Илҳом гирифтан* («вдохновиться») – вдохновение как субстанция, захватываемая извне.

Здесь проявляется специфика национальной языковой картины мира: знание в таджикской лингвокультуре концептуализируется не как пассивное состояние, а как ценный ресурс («добыча»), требующий активного действия по его присвоению (*гирифтан*).

Также выделяются группы эмоциональных состояний (*унс гирифтан* – «привыкнуть/подружиться» – 154 вхожд.) и функциональных значений (*ба назар гирифтан* – «принять во внимание» – 737 вхождений).

2.2. Типологическое сопоставление: Аналитизм vs Синтетизм

Сравнение с русским языком выявляет фундаментальную дихотомию. Таджикский язык демонстрирует устойчивый аналитизм: ментальное состояние рассматривается как объект, требующий внешнего воздействия (двухкомпонентные конструкции). Русский язык склоняется к синтетизму: ментальное состояние чаще осмысляется как внутренний процесс (однословные глаголы, часто с приставками).

Важно отметить, что эта структура не является случайной или заимствованной. Сопоставление с родственным персидским языком показывает идентичные модели: *yād gereftan* (учить), *ons gereftan* (привыкать). Это доказывает, что, несмотря на мощное лексическое влияние русского языка в XX веке, грамматическое и когнитивное ядро таджикского языка сохранило иранскую аналитическую природу [8].

3. Аспектуальная функция: Инхоатив

Второй важнейшей функцией *гирифтан* является маркирование фазы начала действия. Фазовые значения в таджикском языке, как отмечалось выше, являются предметом глубокого анализа в монографии и диссертационном исследовании Д.М.Искандаровой [4; 5], а также в статье о типологических характеристиках аспектуальности [6].

3.1. Синтаксис и функционирование

Конструкция строится по схеме: [Инфинитив] + [личная форма *гирифтан*] (напр., *рафтан гирифтам* – «я начал идти/пошел» – 1400 вхождений). Семантически такая конструкция часто выражает внезапность интенсивность или решимость начала действия:

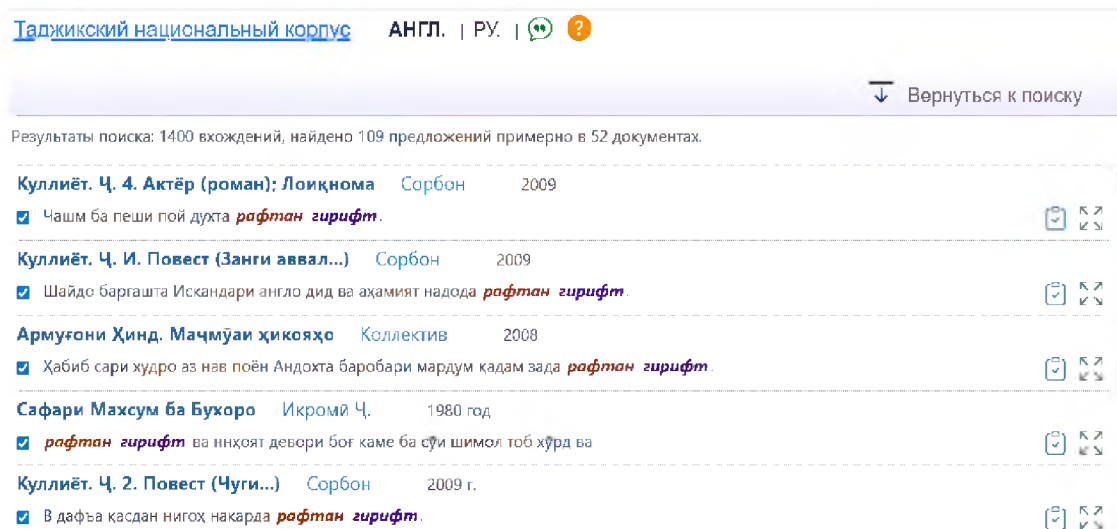

Рисунок 2 – Примеры с «*рафтан гирифт*» в НКТЯ

3.2. Сводный сопоставительный анализ

Обобщая данные по лексическому (СГК) и грамматическому (инхоатив) уровням, мы можем систематизировать различия между таджикским и русским языками в таблице 2.

Таблица 1 – Сопоставительный анализ стратегий концептуализации

Семантическая зона	Таджикский язык (Аналитическая модель)	Русский язык (Синтетическая модель)	Тип различия
Усвоение знаний	<i>ёд гирифт</i> ан (суц. + гл.) (букв. «взять на-мать»)	<i>выучить</i> (приставка + гл.)	Лексико-грамматический
Эмоциональное состояние	<i>илҳом гирифт</i> ан (суц. + гл.)	<i>вдохновиться</i> (постфикс -ся)	Лексический
Начало действия (Фаза)	<i>рафтан гирифт</i> (инф. + вспом. гл.)	<i>пошёл / зашагал</i> (приставка по-/за-)	Аспектуальный

3.2. Типологический контраст

Здесь также наблюдается оппозиция стратегий: русский язык использует морфологический способ (приставки *за-*, *по-*), тогда как таджикский – синтаксический (вспомогательный глагол). Это подтверждает мнение Н.Ф.Алефиренко [1] о разной природе грамматикализации фазовых значений в типологически различных языках.

Заключение. Проведённое на материале НКТЯ исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Глагол *гирифтан* является уникальным когнитивным оператором, выходящим далеко за рамки лексического значения. Он реализует метафору «ПОЗНАНИЕ – ВЗЯТИЕ» и обслуживает ключевые зоны грамматики (аспектуальность).

2. Корпусный анализ подтвердил устойчивость аналитического строя таджикского языка. Сопоставление с русским языком показывает, что даже в условиях длительного языкового контакта таджикский язык сохраняет свои исконные типологические характеристики (перифрастические конструкции), поддерживаемые родственной связью с персидским языком.

3. Апробированная на примере глагола *гирифтан* методика корпусного анализа, принятая в научной школе «Прикладная лингвистика в РТ», доказала свою эффективность. Использование НКТА позволяет верифицировать теоретические гипотезы на большом массиве данных, открывая перспективы для создания новой доказательной грамматики таджикского языка и масштабных типологических исследований.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лингвистика: становление, методология, перспективы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – 285 с.
2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
3. Давлатмирова М.Б. Научная преемственность и новаторство – мост между традицией и современностью / М.Б. Давлатмирова, Х.Ё. Худоев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – № 2(88). – С.311-323.
4. Искандарова Д.М. Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Искандарова Дилоро Мукаддасовна. – Душанбе, 1997. – 38 с.
5. Искандарова Д.М. Фазовые конструкции в таджикском языке: монография. – Душанбе: ТГНУ, 1997. – 108 с.
6. Искандарова Д.М. Типологические характеристики аспектуальности (на материале таджикского языка) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №3(71). – С.225-237.
7. Искандарова Д.М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований // Казанская наука. – 2021. – №1. – С.94-97.
8. Искандарова Д.М. Исследования по формальной типологии лексико-морфологической системы таджикского языка (на материале книги М.Н. Касымовой «Забон ва муъҷизаи он» («Язык и его феномены»)) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №1(79). – С.104-116.
9. Искандарова Д.М. Векторы развития таджикской лингвистики: цифровизация научных исследований // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №2(88). – С.166-182.
10. Искандарова Д.М. Национальный корпус таджикского языка: Архитектура, лингвистические возможности и роль в развитии когнитивно-корпусных исследований // Интегральная наука: методология и практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 12 ноября 2025 г.). – СПб.: «НАЦРАЗВИТИЕ», 2025. – С.41-45.
11. Кубрякова Е.С. Языковая личность в когнитивном аспекте // Вопросы языкознания. – 2004. – №5. – С.32-47.

12. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж.Лакофф, М.Джонсон. – М.: Изд-во ЛКИ, 2004. – 256 с.
13. Левшина Н.А. Корпусная лингвистика: от данных к теории // Вопросы языкознания. – 2019. – №6. – С.3-21.
14. Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tajik-corpus.org>
15. Сабирова С.Г. Наследие первых: неизменная актуальность просветительской мысли: к юбилею профессора Дилоро Мукаддасовны Искандаровой и научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан» // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №2(88). – С.294-310.
16. Langacker R.W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction. – New York: Oxford university press, 2008. – 584 p.

**CORPUS-ORIENTED RESEARCH IN TAJIK LINGUISTICS:
TYPOLOGICAL AND COMPARATIVE ASPECTS (BASED
ON CONSTRUCTIONS WITH THE VERB *GIRIFTAN*)**

Iskandarova Diloru Mukaddasovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics,
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
diloroiskandarova@gmail.com

Modern linguistics is experiencing an era of empirical turn, within which corpus methods are becoming not merely an auxiliary tool, but the foundation for the theoretical conceptualization of linguistic phenomena. The article is devoted to a topical direction of modern science – the development of corpus-oriented research in Tajik linguistics. Based on the material of the Tajik National Corpus, the volume of which exceeds 58 million tokens, the typological and comparative aspects of the functioning of verbal constructions are examined. The polysemous verb *giriftan* ("to take") was selected as the specific material for analysis. The study covers two of its key functions: participation in the formation of compound verb constructions with predicate actants (lexical level) and the expression of the phase meaning of the beginning of an action, or inchoative (grammatical level). The aim of the work is to identify the typological specificity of the Tajik language through the prism of comparison with the Russian language. Quantitative and qualitative analysis of corpus data allowed establishing a fundamental difference: the Tajik language demonstrates a pronounced tendency towards analytism, using periphrastic constructions to convey cognitive and aspectual meanings, in contrast to the predominantly synthetic structure of the Russian language. The obtained results confirm the effectiveness of applying corpus methods for solving problems of typological linguistics and refining cognitive models underlying the Tajik linguistic worldview.

Keywords: Tajik language; verb *giriftan*; Tajik National Corpus; corpus linguistics; cognitive semantics; compound verb constructions; inchoative; analytism; linguistic worldview.

**ТАҲҚИҚОТИ ПАЙКАРААСОС ДАР ЗАБОНШИНОСИИ ТОЧИК:
ЧАНБАҲОИ ТИПОЛОГӢ ВА МУҚОИСАВӢ (ДАР АСОСИ МАВОДИ
СОХТОРҲО БО ФЕЪЛИ «ГИРИФТАН»)**

Искандарова Дилоро Муқаддасовна

Доктори илмҳои филология,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
diloroiskandarova@gmail.com

Забоншиносии муосир давраи гардиши эмпирикиро аз сар мегузаронад, ки дар доираи он усулҳои корпусӣ на танҳо ҳамчун воситаи ҷирасон, балки ҳамчун асоси дарки назариявии ҳодисаҳои забонӣ баромад мекунад. Мақола ба самти мубрами илми муосир – рушди таҳқиқоти корпусмехвар дар забоншиносии тоҷик бахшида шудааст. Дар асоси маводи Пайкараи миллии забони тоҷикӣ, ки ҳаҷми он аз 58 миллион вожа иборат аст, чанбаҳои типологӣ ва муқоисавии фаъолияти сохторҳои феъли мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Ҳамчун маводи мушаххас барои таҳлил феъли сермаъноӣ *гирифтан* интихоб шудааст. Таҳқиқот ду вазифаи калидии онро фаро мегирад: иштирок дар ташаккули феълҳои таркибӣ бо актантҳои предикативӣ (сатҳи лексикӣ) ва ифодаи маъноӣ фазавии оғози амал ё инҳоатив (сатҳи грамматикӣ). Мақсади кор дар муайян кардани хусусияти типологии забони тоҷикӣ тавассути муқоиса бо забони русӣ ифода меёбад. Таҳлили миқдорӣ ва сифатии маълумоти корпусӣ имкон дод, ки фарқиати бунёди муайян карда шавад: забони тоҷикӣ тамоюли равшанро ба аналитизм нишон дода, барои интиқоли маъноҳои когнитивӣ ва аспектuali аз сохторҳои перифрастикӣ истифода мебарад, ки ин бархилофи сохти синтетикӣ забони русӣ мебошад. Натиҷаҳои бадастомада самаранокии истифодаи усулҳои пайкаравиро барои ҳалли масъалаҳои забоншиносии типологӣ ва дақиқ кардани моделҳои когнитивие, ки дар асоси манзараи забонии олами тоҷикон қарор доранд, тасдиқ мекунад.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; феъли *гирифтан*; Корпуси миллии забони тоҷикӣ; забоншиносии корпусӣ; семантикаи когнитивӣ; феълҳои таркибӣ; инҳоатив; аналитизм; манзараи забонии олам.

УДК 81'373.46*364-78

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Мухторов Зайнидин Мухторович

Доктор филологических наук, профессор,
ректор

Филиал Сингапурского института развития менеджмента в Душанбе

734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Саид Носир 33

Тел.: (+992) 907 80 18 22 (м.)

mukhtorov67@gmail.com

Атаева Тахмина Хусеновна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры языков,
Худжандский политехнический институт

Таджикского технического университета имени академика М.С. Осими

735700, Республика Таджикистан, Согдийская область,

Худжанд, пр. Исмоили Сомони, 226

Тел.: (+992) 92 761 76 16 (м.)

ataevatahmina78@gmail.com

В статье рассматриваются особенности формирования и развития терминов социальной работы в таджикском и английском языках. Особое внимание уделяется семантическим и структурным особенностям, влиянию межъязыковых заимствований, а также современным тенденциям унификации терминологии социальной работы. Социальная работа представляет собой сложную и многогранную сферу, направленную на поддержку различных групп населения, особенно социально уязвимых категорий. В условиях глобализации и расширения международных контактов возрастает потребность в изучении и унификации терминологии социальной работы, что особенно важно для межкультурного и профессионального взаимодействия.

Проведен структурно-семантический анализ терминов социальной работы в таджикском и английском языках, выявляются их сходства, различия и влияние историко-культурных факторов на их формирование. В исследовании используются сравнительно-исторический метод для анализа развития терминологии и влияния заимствований, лексико-семантический анализ для изучения значений, многозначности и синонимии терминов, а также структурный анализ, позволяющий выявить морфологические и словообразовательные особенности.

Ключевые слова: социальная работа; терминология; структурно-семантический анализ; таджикский язык; английский язык; заимствования; лексико-семантические особенности; профессиональный дискурс; межкультурная коммуникация.

Терминология социальной работы включает в себя множество понятий, относящихся как к профессиональной деятельности (например, «социальный работник», «психосоциальная поддержка», «инклюзия»), так и к теоретическим аспектам этой области (например, «социальная защита», «права человека», «социальное неравенство»).

Важность точности в использовании терминов социальной работы трудно переоценить, поскольку неточности в определениях и пониманиях могут привести к непониманию и неправильной интерпретации ключевых понятий, что в свою очередь затруднит эффективную реализацию социальной политики и помощь гражданам.

Основные термины социальной работы:

Социальная работа: 1) инструмент реализации государственной политики; 2) разновидность профессиональной деятельности, профессия; 3) помощь населению в кризисных или тяжелых жизненных ситуациях, в т.ч. через оказание социальных услуг. *Кори иҷтимоӣ* – воситаи амалӣ гардонии сиёсати давлатӣ; 2) фаъолияти гуногунҷанбаи касбӣ, ихтисос; 3) тавассути хизматрасонии иҷтимоӣ ба шахсони дар ҳолати бўҳронӣ ва вазъи мушкили ҳаётӣ гирифташуда кумак расонидан [1].

Аномия: состояние общества, при котором происходит разрыв между провозглашёнными целями и доступными средствами их достижения, что приводит к дезорганизации и девиантному поведению [5, с.439].

Аномия – ин мафҳуми сотсиологист, ки ҳолати чомааро тавсиф мекунад, ки дар он меъёрҳо ва арзишҳои иҷтимоӣ суст ё номуайян мешаванд. Ин ҳолат метавонад боиси ноустуворӣ ва бетартибӣ дар чомаа гардад, зеро аъзоён дигар наметавонанд ба меъёрҳои возеҳ таъа кунанд, то рафтори худро роҳнамоӣ кунанд.

Аскетизм: крайняя форма воздержанности от чувственных удовольствий, сознательное подавление естественных желаний и потребностей, полное пренебрежение к материальным благам и радостям земной жизни [5]. Аскетизм — ин тарзи зиндагист, ки шахс бо ихтиёри худ аз лаззатҳо ва молу мулкӣ моддӣ даст мекашад, то ба ҳадафҳои маънавӣ ё рӯҳонӣ ноил гардад.

Навыки социальной работы: умения, которыми должен обладать социальный работник, включая способность выслушивать, выявлять информацию, подбирать соответствующие факты для составления социальной истории и другие компетенции [6].

Методы социальной работы: совокупность исследовательских и терапевтических процедур, способов деятельности, с помощью которых осуществляется социальная работа [6].

Словарь терминов по теории социальной работы: содержит определения ключевых понятий, используемых в теории социальной работы, включая такие термины, как "адресная социальная помощь", "благотворительность", "волонтерство", "группы риска" и другие.

В области социальной работы существует множество терминов, которые могут интерпретироваться по-разному в зависимости от используемого глоссария

или контекста. Данные различия могут привести к несоответствиям в понимании и применения терминов. Ниже представлены некоторые примеры таких несоответствий:

1. Аномия:

Определение 1: состояние общества, характеризующееся распадом норм, регулирующих социальные взаимодействия и индивидуальное поведение [5].

Определение 2: различные виды нарушений в целостно-нормативной системе общества; состояние, при котором значительная часть общества, зная о существовании норм, относится к ним негативно или равнодушно [1, с.114].

Первое определение акцентирует внимание на распаде норм, тогда как второе подчеркивает отношение общества к существующим нормам.

2. Индивидуальная социальная работа:

Определение 1: Управление поведением отдельных людей [6].

Определение 2: Вид профессиональной деятельности, направленный на удовлетворение потребностей и интересов отдельных лиц посредством предоставления социальных услуг и поддержки [3].

Первое определение более узкое и фокусируется на управлении поведением, тогда как второе охватывает более широкий спектр деятельности, включая предоставление услуг и поддержку.

А также в социальной работе достаточно терминов, которые могут не иметь прямых эквивалентов в таджикском языке, что может привести к трудностям в переводе и интерпретации:

1. *Advocacy* – действие по прямому представлению или защите интересов других; отстаивание прав отдельных лиц, групп или сообществ посредством прямого вмешательства или расширения их возможностей [7]. В таджикском языке точного эквивалента найти трудно, возможно использование термина «*ҳимояи ҳуқуқ*».

2. *Case Management* – процесс планирования, координации и предоставления услуг для удовлетворения комплексных потребностей клиента в социальной работе [4]. Термин переводится как «*идоракунии ҳолат*», но концепция может быть менее знакома в таджикском контексте.

3. *Empowerment* – процесс повышения способности отдельных лиц или групп принимать решения и осуществлять контроль над своей жизнью. На таджикский язык можно перевести как вариант «*қудратмандсозӣ*», однако термин может нести разные оттенки значения.

4. *Resilience* – способность человека восстанавливаться после трудностей или стрессовых ситуаций. Возможный перевод - «*устуворӣ*», но термин опять-таки может не полностью передавать концепцию.

Поскольку многие термины социальной работы являются специфическими так как обусловлена ее междисциплинарностью и особенностями взаимодействия с различными группами населения и могут не иметь точных соответствий в таджикском языке. Важно учитывать культурные и языковые различия при переводе и адаптации данных понятий.

Основные термины и понятия по направлению подготовки "Социальная работа": словарь-тезаурус, систематизирующий материалы по данному направлению гуманитарного знания, выделяя термины, категории и понятия, имеющие отношение к социальной работе и социальной деятельности.

Понятийно-категориальный аппарат социальной работы: рассматривает общенаучные принципы социальной работы, включая общие правила образования и формализации научных понятий, категорий, объяснений явлений и процессов, обоснование и установление законов и закономерностей, а также выработку средств, форм и методов социальной работы.

Изучение и понимание специализированной терминологии социальной работы являются неотъемлемой частью подготовки профессионалов в этой сфере, обеспечивая эффективное взаимодействие с клиентами и коллегами, а также повышение качества предоставляемых социальных услуг.

Социальная работа как дисциплина возникла в конце XIX века и активно развивалась в XX столетии. Современная социальная работа охватывает широкий спектр профессиональных и социальных функций, таких как помощь семьям, индивидуальное консультирование, социальная поддержка, правозащита и др. [3, с.15]. Соответственно, терминология социальной работы охватывает все эти направления и представляет собой смесь международных, национальных и профессиональных терминов.

Важность изучения терминологии социальной работы обусловлена необходимостью точного и ясного понимания профессиональных понятий, что способствует эффективной работе специалистов в области социальной поддержки и благосостояния. Согласно международным стандартам, терминология социальной работы играет ключевую роль в стандартизации профессиональных практик и повышении качества работы социальных работников [4, с.48]. Для анализа терминов социальной работы используется метод структурного и семантического анализа. Структурный анализ включает в себя исследование формы и строения терминов, а семантический – анализ их значений, ассоциаций и изменений в ходе адаптации и перевода [7, с.45]. Этот подход позволяет более глубоко понять, как термины социальной работы функционируют в различных языковых системах и какие особенности они приобретают при их заимствовании и адаптации.

Таджикский и английский языки различаются не только по структуре, но и по своему восприятию социальных проблем. Социальная работа, как социальная практика, в странах англоязычной культуры имеет давнюю историю, в то время как в Таджикистане социальная работа, в своем современном виде, развивалась в последние десятилетия, во многом благодаря влиянию международных организаций и программ помощи.

Английский язык является одним из главных международных языков в сфере социальной работы. Большинство международных стандартов, включая практики социальной работы и этические кодексы, изначально были разработаны на английском языке. Это объясняет широкое использование англоязычных терминов в международной практике [1, с.95].

Примеры основных терминов социальной работы на английском языке:

Social worker – социальный работник,

Case management – управление случаем,

Social welfare – социальное благосостояние,

Psycho-social support – психосоциальная поддержка,

Community development – развитие сообщества.

Четко определенные термины, такие как «social welfare» (социальное благосостояние), «psychosocial support» (психосоциальная поддержка), «inclusion» (инклюзия), которые широко используются в международной практике и имеют устоявшиеся значения. Эти термины связаны с правами человека, социальной интеграцией и равенством. Например, термин «inclusion» в англоязычных странах предполагает не только физическое присутствие людей с ограниченными возможностями, но и их полную интеграцию в общественную, экономическую и политическую жизнь.

В английском языке термины социальной работы часто образуются путем сочетания существительного и прилагательного, что позволяет сделать их более универсальными и понятными. Также распространены латинские и греческие корни, что делает термины международными и доступными для перевода в другие языки [9, с.98].

Таджикская терминология социальной работы развивалась под воздействием нескольких факторов, включая влияние русского языка, особенности персидско-арабской лексики, а также процессы глобализации. В последние десятилетия в таджикский язык активно заимствуются английские термины, что способствует интеграции таджикской социальной работы в международную практику. Множество терминов социальной работы, таких как «социальная защита» (хифзи ичтимой), «психосоциальная поддержка» (тавонбахши ичтимой), в таджикском языке заимствованы, и их значение часто воспринимается в контексте советской модели социальной помощи. Однако с учетом новых международных норм и подходов, такие термины, как «инклюзия» и «права человека», требуют дополнительной адаптации и объяснения в контексте таджикской действительности.

Примеры терминов социальной работы в таджикском языке:

Корманди ичтимой – социальный работник,

Кӯмаки ичтимой – социальная помощь,

Мудирияти холат – управление случаем,

Ҳимояи ҳуқуқӣ – правовая защита.

Таджикская терминология социальной работы сильно зависит от исторических и культурных факторов. Например, многие термины, связанные с социальной помощью и поддержкой, заимствованы из русского языка. Однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к прямым заимствованиям с английского, что отражает процессы глобализации и внедрения международных стандартов.

В английском языке чаще всего используются аналитические конструкции, состоящие из существительного и прилагательного. В таджикском языке термины

нология часто использует более сложные словосочетания или словообразования, что связано с грамматической структурой языка.

Семантически многие термины в таджикском языке обладают более узким значением по сравнению с их английскими аналогами. Например, термин *welfare* в английском языке может обозначать как "благополучие", так и "социальную помощь", в то время как в таджикском языке слово *кӯмак* ограничивается только понятием помощи [14, с.120].

Многие англоязычные термины заимствуются в таджикский язык, но в процессе адаптации они подвергаются изменениям, что может привести к искажению первоначальных значений. Например, *case management* в таджикском языке часто переводится как *мудирияти ҳолат*, что не всегда отражает все аспекты оригинального термина [2, с.45].

Следовательно, перевод терминов социальной работы между таджикским и английским языками является сложной задачей, поскольку термины социальной работы часто имеют культурные и контекстуальные различия. Переводчик должен учитывать не только лексическое значение термина, но и его социальное и культурное значение в разных странах. Например, термин «*social welfare*» в английском языке подразумевает широкую систему социальной защиты граждан, включающую как финансовую помощь, так и различные программы поддержки. В Таджикистане аналогичный термин «социальная защита» имеет более ограниченное значение и связано преимущественно с финансовой помощью малоимущим и социально уязвимым слоям населения. Таким образом, при переводе необходимо учитывать не только лексическую точность, но и функциональное значение термина в разных странах. Также стоит отметить, что в Таджикистане, как и в других постсоветских странах, терминология социальной работы находится на этапе становления и развития. Это связано с тем, что на протяжении длительного времени в стране не существовало четко структурированного и стандартизированного подхода к социальной работе, что также сказывается на точности употребления терминов.

Одной из основных проблем при переводе терминов является отсутствие в таджикском языке прямых аналогов для многих английских терминов. Это приводит к необходимости либо заимствования, либо создания новых слов. Например, термин «*social integration*» (социальная интеграция) в таджикском языке не имеет точного аналога, и перевод часто происходит через объяснение или калькирование.

Другой проблемой является различие в социальной и культурной практике. К примеру, в англоязычных странах инклюзия в образовательной и социальной сферах является важной частью государственной политики, в то время как в Таджикистане этот процесс только начинает свое развитие, что отражается на восприятии и применении соответствующих терминов.

Ввиду вышеизложенного терминология социальной работы в таджикском и английском языках, несмотря на общие черты, имеет значительные различия, которые обусловлены социальными, культурными и историческими контекстами. При переводе терминов социальной работы важно учитывать не только лексиче-

ское значение, но и культурную специфику, особенности социальной работы в каждой стране. Развитие и стандартизация терминологии социальной работы в Таджикистане требует активного обмена опытом с международными практиками и создания новых слов для более точного отражения понятий социальной работы в местном контексте. Терминология социальной работы в таджикском и английском языках демонстрирует как сходства, так и различия, обусловленные историческими, культурными и социальными факторами. Для улучшения межъязыковой коммуникации и стандартизации терминов социальной работы необходимо продолжить работу по разработке двуязычных словарей и стандартизированных терминологических систем [13, с.105].

Следует особо отметить, что современная терминология социальной работы в таджикском языке, в основном образована на базе терминов социальной работы современного английского языка посредством переводов. Поэтому при сравнении данной категории лексических единиц можно проследить определенные схожести, которые показывают калькированные переводы терминов социальной работы. Например, в нижеприведенной таблице можно заметить данной категории терминов социальной работы (табл.):

Английский термин	Таджикский эквивалент	Семантическое значение	Примечания
Social worker	Корманди ичтимой	Профессионал, оказывающий помощь в социальной сфере	Займствованный термин
Case management	Мудирияти ҳолат	Организация и координация услуг для отдельного клиента или группы	Таджикский термин использует аналоги с русского
Social welfare	Кӯмаки иҷтимоӣ	Социальная помощь, поддержка нуждающихся граждан	Лексика заимствована из русского языка
Psychosocial support	Дастгирии психосоциалӣ	Помощь, направленная на улучшение психологического и социального состояния	Сложные заимствования, в том числе с английского
Community development	Рушди ҷомеа	Процесс улучшения социальной и экономической инфраструктуры	Прямое заимствование с английского языка

		общины	
Social justice	Адолат иҷтимоӣ	Принципы социальной справедливости и равенства	Лексика частично заимствована из арабского
Child protection	Ҳимояи кӯдак	Охрана прав детей, предотвращение насилия и пренебрежения	Используются как международные, так и локальные термины
Mental health	Саломатии раванӣ	Поддержка психического здоровья, включая лечение и консультирование	Прямое заимствование с английского
Social assistance	Кӯмакҳои иҷтимоӣ	Финансовая или материальная помощь социально незащищённым слоям	Заимствования с русского и английского языков
Vulnerability	Осебпазирӣ	Уязвимость, подверженность риску и социальной несправедливости	Прямое заимствование

К приведенной таблице можно привести следующие примечания:

1. Все термины были выделены по смысловым категориям для лучшего понимания их роли в социальной работе.
2. Термины, заимствованные из русского языка, часто используются в таджикской практике, особенно в контексте социальной помощи и социальной защиты.
3. Прямые заимствования из английского языка имеют тенденцию к адаптации в таджикский язык, особенно в сфере профессионального общения и международной практики.

Таким образом, данная таблица различия и сходства в терминологии социальной работы между английским и таджикским языками, а также демонстрирует процесс заимствования и адаптации терминов.

Литература

1. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе [Электронный ресурс]. – СПб: Питер, 2008. – 400 с. – Режим доступа: <http://ibooks.ru/bookshelf>
2. Зайцева И.М. Кросс-культурные подходы к терминологии социальной работы // Высшая школа экономики. – М., 2021. – 234 с.
3. Иванова Л.Г. Социальная работа и системы благосостояния. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2023. – 310 с.
4. Медведева Е.С. Терминология социальной работы: словарь. – М.: Наука, 2023. – 152 с.
5. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская и социологическая мысль. – М., 1994. – С.379-448.
6. Рахимов А. Перевод и адаптация терминологии социальной работы. – Душанбе Таджикский национальный университет, 2019. – 190 с.
7. Смирнов В.В. Социальная работа: глобальная перспектива. – Кембридж: Oxford university press, 2022. – 248 с.
8. Baxter P. Case Management in Social Work Practice. – London: Routledge, 2021. – 215p.
9. Brown A. International social work terminology: a comparative study. – Oxford: Oxford university press, 2022. – 289 p.
10. Houghton P. Ethics and Terminology in Social Work. – Chicago: University of Chicago press, 2023. – 212 p.
11. International Federation of Social Workers (IFSW). Global Social Work Standards. – Geneva: IFSW, 2024. – 105 p.
12. Pirooz S. Social Work Terminology in Persian and Tajik Contexts. – Tehran: Iran university press, 2020. – 175 p.
13. Smith J. Welfare Systems and Social Work: Global Comparisons. – New York: Springer, 2022. – 275 p.
14. Williams M. Social Work in a Globalized World. – Berlin: Springer-Verlag, 2020. – 263p.
15. https://www.academia.edu/94362403/Social_Work_Dictionary_taj
16. <http://ibooks.ru/bookshelf>
17. <https://studfile.net>
18. www.oxfordreference.com
19. chem.msu.ru/Социология_словарь_терминов
20. nsportal.ru
21. ocswssw.org

STRUCTURAL-SEMANTIC ANALYSIS OF SOCIAL WORK TERMINOLOGY IN THE TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

Mukhtorov Zayniddin Mukhtorovich

Doctor of philological sciences, professor,
rector

Branch of Singapore Institute of management development in Dushanbe
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Said Nosir str., 33
Ph.: (+992) 907 80 18 22 (m.)
mukhtorov67@gmail.com

Ataeva Takhmina Khusenovna

Candidate of philological sciences,
senior lecturer of the chair of languages
Khujand polytechnic institute of the Tajik technical university
named after academician M.S.Osimi
735700, Republic of Tajikistan, Khujand, Ismoil Somoni ave., 226
Ph.: (+992) 92 761 76 16 (m.)
ataevatahmina78@gmail.com

This article deals with the formation and development of social work terminology in the Tajik and English languages. Special attention is given to the semantic and structural differences between the terms, the impact of interlingual borrowings, and the current trends in the unification of social work terminology. Social work is a complex and multifaceted field aimed at supporting various social groups, particularly vulnerable populations. In the context of globalization and the expansion of international contacts, the need for studying and unifying social work terminology is growing, which is especially important for intercultural and professional interactions.

A structural and semantic analysis of social work terms in Tajik and English was conducted to identify their similarities, differences, and the influence of historical and cultural factors on their formation. In the study, a comparative-historical method is used to analyze the development of terminology and the influence of borrowings, lexical-semantic analysis to study the meanings, polysemy, and synonymy of terms, and structural analysis to identify morphological and word-formation features.

Keywords: social work; terminology; structural and semantic analysis; Tajik language; English language; borrowings; lexical and semantic features; professional discourse; intercultural communication.

**ТАҲЛИЛИ СОҲТОРӢ ВА СЕМАНТИКАИ ИСТИЛОҲОТИ КОРИ
ИҶТИМОӢ ДАР ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА АНГЛИСӢ**

Мухторов Зайниддин Мухторович

Доктори илмҳои филологӣ, профессор,
ректор
Филиали донишкадаи рушди менеҷменти Сингапур дар Душанбе
734000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Саид Носир, 33
Тел.: (+992) 907 80 18 22 (м.)
mukhtorov67@gmail.com

Атаева Тахмина Хусеновна

Номзади илмҳои филологӣ,
омӯзгори калони кафедраи забонҳо
Донишқадаи политехникии Донишгоҳи техникии Тоҷикистон
ба номи академик М.С. Осимӣ дар шаҳри Хучанд
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, хиёбони Исмоили Сомонӣ, 226
Тел.: (+992) 92 761 76 16 (м.)
ataevatahmina78@gmail.com

Дар мақолаи мазкур хусусиятҳои ташаккул ва рушди истилоҳоти қори иҷтимоӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва муқоисаи он бо муодилҳои истилоҳоти манзури назар дар забони англисӣ таҳлилу таҳқиқ мешавад. Аҳамияти хос ба фарқиятҳои семантикӣ ва сохтор, ба таъсири тамоюлҳои имрӯзаи иҷтимоӣ ба низоми истилоҳоти қори иҷтимоӣ дода шудааст. Қори иҷтимоӣ як соҳаи мураккаб ва гуногунсамте ҳаст, ки ба дастгирии гурӯҳҳои мухталифи иҷтимоӣ, махсусан ба дастгирии гурӯҳҳои осебпазири аҳоли равона шудааст. Дар шароити глобализатсия ва васеъшавии иртибототи байналмилалӣ, зарурати таҳқиқ ва ягонагӣ дар истилоҳоти қори иҷтимоӣ афзудааст, ки ин барои ҳамкорихон байнифарҳангӣ ва касбӣ махсусан муҳим аст.

Мақсади асосии мақолаи таҳқиқотӣ гузаронидани таҳлили сохтор ва семантикаи истилоҳоти қори иҷтимоӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ, муайян кардани умумият, монандӣ ва фарқиятҳо, инчунин таҳлил кардани таъсири омилҳои таърихӣ ва фарҳангӣ ба ташаккули онҳо доништа мешавад.

Калидвожаҳо: қори иҷтимоӣ; истилоҳот; таҳлили сохтор; таҳлили семантикӣ; иқтибос; хусусиятҳои лексикӣ-семантикӣ; мунозираи касбӣ; муоширати байнифарҳангӣ.

УДК 811.161.1'373.611:811.222.8'373.611

ДЕВЕРБАТИВЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ

Султанова Рафохат Мирзоевна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
rafoat10@mail.ru

В центре внимания автора статьи находятся морфологические механизмы образования отглагольных существительных и их системные семантико-словообразовательные характеристики. Основным способом образования девербатов двух языков признаётся суффиксация. Специфичным для русского языка является разветвленная система словообразовательных суффиксов, а для таджикского языка – реализация способа словосложения.

На основе анализа языкового материала устанавливается, что девербаты образуют структурно и семантически организованную подсистему, в рамках которой реализуются четыре базовых словообразовательных значения: действие (процесс), состояние, деятель (лицо, производящее действие) и предмет (объект, инструмент или результат действия). Показано, что каждое из указанных значений коррелирует с определёнными суффиксальными моделями и типами глагольных основ, что свидетельствует о системном характере девербативного словообразования. Полученные результаты позволяют уточнить место девербатов в системе частей речи русского и таджикского языков и могут быть использованы в дальнейших теоретических, сопоставительных и типологических исследованиях.

Ключевые слова: девербаты; отглагольные существительные; деривационные механизмы; аффиксация; словообразовательное значение; суффиксы; мотивирующая основа.

Язык с позиций антропоцентрического, функционального и когнитивного подходов рассматривается как динамическая система, ориентированная на коммуникативные потребности человека. Такая ориентация обуславливает формирование языковых единиц, репрезентирующих концептосферу носителя языка и позволяющих выражать абстрактную лексическую семантику в различных ситуациях общения. В этом контексте особый интерес представляют субстантивные отглагольные образования со значением «абстрактного действия».

На современном этапе подкласс отглагольных имён существительных представляет собой значимый сегмент разряда существительных, в котором наиболее полно реализуются семантические связи между мотивирующими глаголами и образованными от них именными дериватами.

Проблематика структурных и семантических характеристик отглагольных существительных на протяжении длительного времени находится в центре внимания лингвистических исследований. Существенный вклад в разработку данного направления внесли российские исследователи Б.Абрамов, В.В.Виноградов, Б.Н.Головин, Т.Ф.Ефремова, Е.А.Земская, Е.С.Кубрякова, А.Н.Тихонов, И.С.Улукханов и др.

Несмотря на значительное количество работ, посвящённых данной проблеме, нельзя считать явление отглагольных существительных полностью изученным. В существующих работах авторы либо сосредотачиваются на широких теоретических обобщениях, либо анализируют отдельные структурные и семантические аспекты отглагольных существительных. В настоящее время отсутствует обобщающее исследование, посвящённое теории данного явления, не выработано последовательное описание структурно-семантических особенностей данного пласта лексики. Обозначенные научные проблемы сохраняют актуальность и требуют дальнейшего изучения.

На современном этапе развития лингвистики особую значимость приобретают сопоставительные исследования отглагольных существительных в разносистемных языках. В данной области всё более востребованным становится типологический метод, предполагающий сопоставление языковых структур с точки зрения их сходств и различий независимо от генетической принадлежности языков. Как отмечал Ф. де Соссюр, «тот, кто хочет обнаружить истинную природу языка, должен прежде всего обратить внимание на то, что в нем общего с иными системами того же порядка» [8, с.33].

Таким образом, актуальность проводимого в рамках данной статьи сопоставительного исследования обусловлена растущим интересом лингвистов к проблемам отглагольного словообразования в русском и таджикском языках, а также необходимостью всестороннего описания словообразовательных процессов как в формальном, так и в семантическом аспектах. Объектом исследования выбран фрагмент деривационной системы двух языков. Цель заключается в выявлении и описании словообразовательных механизмов русских и таджикских девербативов в сравнительно-сопоставительном аспекте. В качестве источника исследования выступают двуязычные словари русского и таджикского языков.

Для определения субстантивных отглагольных образований в лингвистической литературе используется ряд неоднозначных терминов, таких как «отглагольные имена существительные», «субстантивные формы глагола», «именные формы глагола», «субстантивные аналоги глагола», «имена действия», «девербативы», «отглагольные дериваты». Исходя из этого, в языкознании не сложилось единой точки зрения и на природу данного понятия. В научных исследованиях отглагольные существительные интерпретируются с различных позиций: их относят к абстрактным существительным, рассматривают как глагольные имена или характеризуют как носителей событийного значения. Часть исследователей подчеркивает их абстрактный характер, тогда как другие ограничиваются указанием на словообразовательную природу данных единиц. В рамках традиционной грамматики отглагольные существительные описываются как имена со словооб-

разовательной семантикой «отвлеченного процессуального признака» или «отвлеченного действия» [3] и рассматриваются как ядро семантико-словообразовательной категории имен действия. При этом отмечается, что у значительного числа отглагольных существительных наряду с процессуальной семантикой формируется «значение результата действия, связанное с конкретной предметной отнесенностью» [10].

В таджикском языкознании проблема отглагольной деривации до настоящего времени не получила широкого освещения. Имеются отдельные исследования, в которых данный вопрос затрагивается фрагментарно. В частности, словообразованию различных частей речи посвящен ряд работ, в которых рассматриваются отдельные аспекты данной проблематики. Это исследования Ф.Р.Амоновой, Ш.Рустамова, Б.Сиёева, С.Хоркашева, Ш.Мухаммадиева. В сопоставительном аспекте отглагольные существительные рассматривались С.Ш.Надыршиной и Д.О.Ташпулатовой.

Диссертационная работа С.Ш.Надыршиной имеет узкую направленность и рассматривает один из сегментов девербативной лексики, в частности отглагольные наименования лица и их словообразовательные ряды в русском и таджикском языках [5].

Исследование Д.О.Ташпулатовой [9] посвящено отглагольным субстантиватам таджикского, русского и французского языков, а именно выявлению их типологических сходств и различий на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях языка. Раскрывая сущность отглагольных образований, ученый основное внимание уделяет лингвистическим феноменам субстантивации и конверсии как способам образования отглагольных существительных. В частности, Д.О.Ташпулатова подробно останавливается на субстантивации причастий русского и таджикского языков. Такой подход, на наш взгляд, является сомнительным и дискуссионным, поскольку существует ряд критериев отграничения девербативов от субстантивированных форм. Прежде всего это способ их образования: первые из них образуются морфологическим способом словообразования от глагольной основы с помощью формантов (чаще всего суффиксов), в результате чего возникает новая лексема (*чтение, бег, строительство*). Субстантивированные формы возникают в результате грамматико-функционального перехода слов других частей речи в разряд существительных без словообразовательных формантов (*дежурный, больной, будущее*).

Другим критерием дифференциации этих двух феноменов являются их морфологические признаки: если девербативы характеризуются наличием полной парадигмы имени существительного (род, число, падеж), при этом не совпадают формально с глагольными или адеективными формами, то субстантивированные формы сохраняют морфологические особенности исходной части речи.

Более того, отличие проявляется на уровне семантики: девербативы выражают действие (*чтение*), процесс (*обсуждение*), результат действия (*постройка*), состояние (*волнение*), в то время как субстантивированные формы

обозначают лицо (заведующий), признак как предмет (святое), отвлеченное качество или категорию (прошлое).

О субстантивации как о деривационном механизме отглагольной лексики можно говорить в случае проявления функциональной омонимичности некоторых инфинитивных форм глаголов таджикского языка. Инфинитив, будучи наряду с причастием и деепричастием одной из неспрягаемых форм глагола, характеризуется одновременно признаками и глагола и существительного.

“Инфинитив называет имя действия и состояния, поэтому принимает все грамматические категории существительного и может употребляться в речи и с аффиксами, изафетной связкой, личными местоименными суффиксами, количественными числительными и указательными местоимениями [7, с.21]. *Шукуфтан (цвети) – шукуфтаньо, шукуфтани садбарг (цветение розы), шукуфтанро дидан (видеть цветение), шукуфтанаширо дидан (видеть его цветение); паридан (летать) – париданьо, паридани тайёра (полет самолета), париданро омӯхт (научился летать), париданатро дид (видел твой полет).*

Того же мнения придерживается Ш.Мухаммадиев, отмечая, что “инфинитив прежде всего является неспрягаемой формой глагола, а в речи, приобретая грамматические признаки существительного, субстантивируется” [4, с.122].

Отмечая отсутствие у неопределенной формы глагола грамматических категорий времени, лица, наклонения, залога, и констатируя номинальную функцию инфинитива, В.С.Расторгуева и А.А.Каримова подчеркивают: “Инфинитив с точки зрения семантики также может быть именем действия, поэтому он может связываться с аффиксами” [6, с.46].

В дериватологии девербатив трактуется как результат морфологической деривации, т. е. образования новой лексемы от глагольной основы.

Производящей базой русских девербативов выступают различные типы глагольных основ, различающиеся по видовой, морфемной и семантической характеристике. Наиболее продуктивными являются основы несовершенного вида, от которых регулярно образуются имена действия и процесса с помощью суффиксов *-ни(е)*, *-ани(е)*, *-ени(е)* (*чтение, обсуждение, переписывание, ожидание, движение*). Основы глаголов совершенного вида в меньшей степени участвуют в девербативном словообразовании и, как правило, мотивируют существительные со значением результата действия (*постройка, выписка*).

С точки зрения аспектуально-временной организации наиболее деривационно активными являются инфинитивные основы и основы настоящего времени, обладающие семантической нейтральностью и высокой словообразовательной открытостью.

По морфемной структуре различаются непр производные и производные глагольные основы. Простые (непр производные) основы являются наиболее «прозрачной» производящей базой девербативов и отличаются высокой деривационной активностью: *бегать → бег, говорить → говор*.

Приставочные глаголы активно участвуют в образовании девербативов, однако приставка в таких случаях входит в состав производящей основы глагола

и не является словообразовательным формантом существительного, что позволяет квалифицировать образование девербативов как суффиксальное (переписывать → переписывание, обсуждать – обсуждение). Этот момент хорошо согласуется с общей дериватологической установкой: способ образования девербатива определяется не наличием приставки в глаголе, а тем, каким формантов оформляется существительное.

Существенную роль играет и семантический тип глагольной основы. Процессуальные глаголы мотивируют имена действия (*движение, ожидание*), результативные – имена результата (*строительство*), моментальные – девербативы с нулевой суффиксацией (*крик, удар*), а глаголы состояния – абстрактные имена состояния (*волнение*).

Таким образом, в русском языке тип глагольной основы определяет продуктивность девербативного словообразования и характер словообразовательного значения, что подтверждает системный и семантически мотивированный характер образования отглагольных существительных в русском языке.

Производящей основой девербативов таджикского языка, как правило, выступают основы прошедшего и настоящего времен глагола. Согласно авторам академической грамматики таджикского языка, «переход в разряд существительных наблюдается в обеих формах глагола, но их соотношение не одинаково, количество существительных, образованных от основы прошедшего времени глагола больше, чем от основы настоящего времени [1, с.130]. Иллюстрацией тому могут послужить приводимые в данном источнике примеры существительных, образованных от основы прошедшего времени безаффиксным способом *дид* – *видение, видел* (от *дидан* – *видеть*), *зист* – *жизнь, жил* (от *зистан* – *жить*), *рафт* – *ход (процесс), ушёл* (от *рафтан* – *уходить*), *ёфт* – *находка, нашёл* (от *ёфтан* – *находить*), *хост* – *желание, желал* (от *хостан* – *желать*), а также производные от них *бозёфт* – *приобретение, дархост* – *пожелание, бозгаиш* – *возвращение*. Основа глаголов настоящего времени в таджикском языке совпадает с формой повелительного наклонения, она же выступает в качестве отглагольного существительного, образованного безаффиксным способом: *бахш* – *подарок, подари* (от *бахишдан* – *дарить*), *ист* – *остановка, остановись* (*истодан* – *останавливаться*), *фуруш* – *продажа, продай* (*фурухтан* – *продавать*).

На данном этапе исследования остановимся подробнее на способах образования девербативной лексики.

Как было отмечено, словообразование отглагольных существительных осуществляется морфологическими способами, наиболее продуктивным из которых является суффиксация. В русском языке, согласно Н.Н.Зольниковой, в качестве деривационных ресурсов выступают 60 суффиксов, 59 из которых материально выражены [2, с.11]. Присоединяясь к основе инфинитива, каждый из них наделяет слово различными значениями.

В современном русском языке девербативы со значением действия формируются преимущественно суффиксальным способом. Такие образования сохраняют событийно-процессуальную соотнесенность с мотивирующим

глаголом и выступают в качестве номинативных коррелятов глагольной предикации. В образовании отглагольных существительных со значением действия участвуют 20 суффиксов, среди которых *-аниј/-ниј/-нј-*, *-ениј-*, *-к-/лк-/унк-*, *-ациј/-ициј/-циј-*, нулевой суффикс.

Суффиксы *ниј/-нј-*, *-ениј* являются наиболее продуктивными и образуют девербативы со значением процесса или развернутого действия: *изменять* → *изменение* (действие изменения), *распространять* → *распространение* (процесс распространения).

Суффиксы *-ани(е) / -яни(е)* используются для образования девербативов, обозначающих длительное, повторяющееся или интенсивное действие: *формировать* → *формирование* (процесс формирования), *воспитывать* → *воспитание* (действие воспитания).

Суффикс *-к-* формирует девербативы, обозначающие действие как целостный акт, нередко связанный с физической или трудовой деятельностью: *стричь* → *стрижка* (действие стрижки), *разгружать* → *разгрузка* (действие разгрузки).

Суффикс *-циј-* широко используется в книжной и научно-официальной речи для образования девербативов со значением абстрактного действия или процесса, часто терминологического характера: *реализовать* → *реализация*, *рекомендовать* → *рекомендация*.

При нулевой суффиксации образуются девербативы, обозначающие краткое, моментальное или одноактное действие: *выходить* → *выход* (акт выхода), *вздохнуть* → *вздых* (действие вздоха).

Эти модели образуют ядро девербативного словообразования и отражают основные способы номинации действия в системе имени существительного русского языка.

Девербативы со значением состояния образуются с помощью ограниченного круга словообразовательных средств. В их формировании используются 8 суффиксальных моделей (с суффиксами *-аниј/-ниј/-нј-*, *-ениј-*, *-ств-/тельств-*, нулевой суффикс), обеспечивающих номинацию внутреннего, продолжительного или относительно стабильного состояния, соотносимого с мотивирующим глаголом.

Суффиксы *-аниј-* / *-яниј-* формируют девербативы, обозначающие протяженное, устойчивое состояние, часто связанное с эмоциональной или физиологической сферой: *волноваться* → *волнение* (состояние волнения), *колебаться* → *колебание* (состояние неустойчивости).

Суффиксы *-ниј-* / *-нј-* образуют девербативы, обозначающие общее или фоновое состояние, воспринимаемое как процессуально-статичное: *томиться* → *томление* (состояние томления), *угнетать* → *угнетение* (состояние угнетенности).

Суффикс *-ениј-* используется для образования девербативов, выражающих психическое, эмоциональное или физическое состояние, нередко возникающее как результат воздействия, но осмысляемое именно как состояние: *возбуждать* →

возбуждение (состояние возбужденности), подавить → подавление (состояние подавленности).

Суффиксы *-ств-* / *-тельств-* формируют девербативы, обозначающие длительное, социально или психически обусловленное состояние, часто обобщенного характера: *бодрствовать → бодрствование (состояние бодрствования), владычествовать → владычество (состояние господства).*

При нулевой суффиксации формируются девербативы, обозначающие кратковременное или внезапно возникающее состояние, нередко пограничное между действием и состоянием: *страдать → страх (состояние страха), тревожиться → тревога (состояние тревоги).*

Девербативы со значением деятеля, то есть лица, осуществляющего действие, образуются в русском языке с помощью разветвленной системы словообразовательных суффиксов. Указанные суффиксы обеспечивают номинацию субъекта действия и отражают его функциональную, профессиональную или ролевую характеристику. В образовании данных девербативов участвуют шестнадцать суффиксальных моделей, среди которых наиболее продуктивными являются следующие.

Суффиксы *-чик* / *-щик* образуют девербативы со значением лица, регулярно или профессионально выполняющего действие: *переводить → переводчик (лицо, выполняющее действие перевода), разносить → разносчик (лицо, осуществляющее разнос).*

Суффиксы *-еник* / *-ик* / *-ник* используются для образования девербативов, обозначающих лицо, связанное с действием по роду занятий или функции, нередко с оттенком принадлежности к определенной сфере деятельности: *учить → ученик (лицо, вовлеченное в процесс учения), работать → работник (лицо, выполняющее работу).*

Суффиксы *-тель* / *-итель* формируют девербативы со значением активного субъекта действия, часто с нейтральной или книжной стилистической окраской: *учить → учитель (лицо, осуществляющее обучение), исполнять → исполнитель (лицо, выполняющее действие).*

Суффикс *-льщик* образует девербативы, обозначающие лицо, занятое определенным видом трудовой или профессиональной деятельности, часто с разговорно-профессиональной окраской: *плавить → плавильщик (лицо, выполняющее плавку), бурить → бурильщик (лицо, выполняющее бурение).*

При нулевой суффиксации формируются девербативы, в которых значение деятеля выражено без формального суффиксального показателя. Такие образования часто имеют разговорную или профессиональную окраску: *служить → слуга (лицо, выполняющее действие служения), сторожить → сторож (лицо, осуществляющее охрану).*

Девербативы со значением предмета, то есть объекта, инструмента или материального результата действия, образуются с помощью ряда суффиксальных моделей. В отличие от имён действия, данные образования характеризуются предметной отнесенностью и ослабленной событийностью, хотя сохраняют мотивационную связь с исходным глаголом.

Суффиксы *-к-* / *-лк-* / *-унк-* формируют deverбативы, обозначающие предмет или орудие действия, а также его конкретный результат: *застегивать* → *застежка* (предмет для застегивания), *печатать* → *печатка* (предмет, используемый при печати).

Суффикс *-ок* участвует в образовании deverбативов, обозначающих конкретный предмет или результат действия, часто с уменьшительно-предметным оттенком: *скрести* (скребу) → *скребок*, *свистеть* → *свисток*.

При ослаблении процессуальной семантики суффикс *-ениј-* может формировать deverбативы, обозначающие результат действия как предмет или объект: *сооружать* → *сооружение* (построенный объект), *украшать* → *украшение* (предмет как результат действия).

Деривационные механизмы deverбативной лексики таджикского языка также реализуются преимущественно аффиксальными ресурсами, в частности суффиксальными морфемами. Однако в отличие от русского языка участвующие в образовании отглагольных существительных суффиксы представлены сравнительно в меньшем количестве.

Так, суффикс *-гор* используется при образовании существительных со значением лица, выполняющего действие в силу профессиональной деятельности или функциональной роли, и присоединяется к основе настоящего времени глагола: *омухтан* → *омуз+гор* (учить → учитель), *талабидан* → *талаб+гор* (требовать → требующий); а также реже к основе прошедшего времени: *хостан* → *хост+гор* (хотеть → сват);

- суффикс *-ор*, будучи полисемичным, образует прежде всего deverбативы со значением лица по роду его деятельности: *харидан* → *харид+ор* (покупать → покупатель), *парастидан* → *параст+ор* (поклоняться → попечитель). Также является словообразовательным ресурсом в формировании субстантиватов со значением действия или состояния. В этом случае в качестве мотивирующей основы выступает основа прошедшего времени: *гуфтан* → *гуфт+ор* (говорить → речь, беседа), *сӯхтан* → *сӯхт+ор* (гореть → пожар);

- суффикс *-иш* является продуктивной морфемой, сохраняет событийно-процессуальный характер глагола и на базе основы настоящего времени образует существительные со значением длительного, повторяющегося или интенсивного действия: *хондан* → *хон+иш* (читать → чтение), *навохтан* → *навоз+иш* (ласкать → ласка);

- суффикс *-гоњ* наделяет слово семантикой места совершения действия и образует отглагольное существительное как на основе глагола прошедшего времени: *баромадан* → *баромад+гоњ* (выходить → выход), *зодан* → *зод* (родиться → место рождения), - так и с глагольными основами настоящего времени: *истодан* → *ист+гоњ* (стоять → остановка), *гузааштан* → *гузар+гоњ* (переходить → переход);

- суффикс *-ак* является малопродуктивным, присоединяясь к основе настоящего времени, образует существительные со значением действия или его орудия: *галтидан* → *галт+ак* (надать → катушка ниток), *бастан* → *банд+ак* (завязать → шнурок);

- суффикс *-ок* отличается меньшей продуктивностью, присоединяясь к основе глагола настоящего времени образует существительное с семантикой предмета: *хӯрдан* → *хӯр+ок* (*кушать* → *еда*), *пӯшидан* → *пӯш+ок* (*одевать* → *одежда*).

Образование отглагольных существительных в таджикском языке не сводится исключительно к аффиксации. Значительное количество подобных лексем формируется посредством сложения слов или основ, при котором реализуются несколько следующих типовых словообразовательных моделей, выступающих репрезентантами данного способа деривации:

- редупликация глагольной основы настоящего времени посредством интерфикса *-о-*: *давидан* → *дав* → *даводав* (*бегать* → *беготня*), *кофтан* → *ков* → *ковоков* (*искать* → *поиски*);

- сочетание двух глагольных основ настоящего времени при помощи интерфикса *-у-*: *рафтан* → *рав*, *омадан* → *ой* → *равуой* (*уходить, приходит* → *общение, связь*), *пурсидан* → *пурс*, *кофтан* → *ков* → *пурсуков* (*спрашивать, искать* → *расспрос*);

- сочетание основ прошедшего и настоящего времен глаголов посредством соединительной гласной *-у-*: *харидан* → *харид*, *фурухтан* → *фуруш* → *харидуфуруш* (*покупать, продавать* → *купля-продажа*), *нишастан* → *нишаст*, *хестан* → *хез* → *нишастухез* (*садиться, вставать* → *общение*);

- сочетание существительного и основы настоящего времени глагола: *шинохтан* → *шинос* → *адабиётшинос* (*знать, литература* → *литературовед*), *коридан* → *кор* → *сабзавоткор* (*сеять, овощи* → *овощевод, огородник*).

В совокупности рассмотренные факты свидетельствуют о том, что наряду с универсальными признаками, проявляющимися в аффиксальном словообразовании, в том числе нулевой суффиксации, деривация отглагольных субстантиватов в таджикском языке имеет и специфические особенности, которые представлены в таком способе, как сложение. Различие наблюдается также в ограниченном составе словообразовательных аффиксальных ресурсов таджикского языка.

Проведенное исследование позволяет рассматривать девербативы как одну из ключевых и системообразующих подсистем словообразования русского и таджикского языков. Девербативное словообразование характеризуется высокой продуктивностью, формальной регулярностью и тесной семантической связью с мотивирующим глаголом. Основным способом образования девербативов является суффиксация.

Анализ материала показывает, что девербативы формируют устойчивую систему, в рамках которой реализуются четыре базовых словообразовательных значения, отражающие различные способы номинации действия и связанных с ним сущностей.

Таким образом, девербативное словообразование в сопоставляемых языках представляет собой семантически и структурно организованную систему, в которой формально-морфологические средства находятся в прямой корреляции со словообразовательными значениями. Четыре основных значения девербативов – действие, состояние, деятель и предмет – отражают основные направления

номинации глагольной семантики в системе имени существительного и свидетельствуют о динамическом, многоуровневом характере взаимодействия лексики и грамматики в сопоставляемых языках.

Литература

1. Грамматика современного таджикского литературного языка: в 2-х ч., ч.1: Фонетика. Морфология. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с. (на тадж.яз.)
2. Зольникова Н.Н. Структурно-семантические особенности отглагольных существительных русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Зольникова Наталья Николаевна. – Челябинск, 2010. – 26 с.
3. Коряковцева Е.И. Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. – М.: Ин-т рус.яз. РАН, 1998. – 218 с.
4. Мухамадиев Ш. Субстантивация в таджикском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Мухамадиев Шамсудин. – Душанбе, 2009. – 153 с.
5. Надыршина С.Ш. Сопоставительное исследование словообразовательных рядов отглагольных наименований лица в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Надыршина Суфия Шамильевна. – Душанбе, 1999. – 166 с.
6. Расторгуева В.С., Каримова А.А. Система таджикского глагола. – М.: Наука, 1964. – 292 с.
7. Рустамов Ш. Словообразование имен существительных в современном литературном таджикском языке. – Душанбе: Дониш, 1972. – 78 с. (на тадж.яз.)
8. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
9. Ташпулатова Д.О. Сравнительно-типологический анализ отглагольных субстантивов в таджикском, русском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ташпулатова Дилрабо Олимовна. – Душанбе, 1999. – 155 с.
10. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.

DEVERBATIVES AS A RESULT OF MORPHOLOGICAL DERIVATION IN THE PARTS OF SPEECH OF RUSSIAN AND TAJIK LANGUAGES

Sultanova Rafohat Mirzoevna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of modern Russian language
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 80 666 66 68 (m.)
rafoat10@mail.ru

The author of this article focuses on the morphological mechanisms of verbal noun formation and their systemic semantic and word-formation characteristics. Suffixation is recognized as the primary method of deverbative formation in both languages. A distinctive feature of the Russian language is its extensive system of word-formation suffixes, while the Tajik language is characterized by its implementation of the word-formation method.

Based on the analysis of linguistic material, it is established that deverbatives form a structurally and semantically organized subsystem within which four basic word-formation meanings are realized:

action (process), state, agent (person performing the action), and subject (object, instrument, or result of the action). It is shown that each of these meanings correlates with specific suffix patterns and verb stem types, demonstrating the systemic nature of deverbative word formation. The obtained results allow us to clarify the place of deverbatives in the parts-of-speech system of the Russian and Tajik languages and can be used in further theoretical, comparative, and typological research.

Keywords: deverbatives; verbal nouns; derivational mechanisms; affixation; word-formation meaning; suffixes; motivating basis.

ДЕВЕРБАТИВҲО ҲАНГОМИ НАТИҶАИ МОРФОЛОГИИ ДЕРИВАЦИЯ ДАР СИСТЕМАИ ҲИСМҲОИ ЛУҒФИ ЗАБОНҲОИ РУСӢ ВА ТОҶИКӢ

Султонова Рафоҳат Мирзоевна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забони муосири русӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 80 666 66 68 (м.)
rafoat10@mail.ru

Муаллифи мақола ба механизмҳои морфологии ташаккули исмҳои феълӣ ва хусусиятҳои семантикӣ ва калимасозии системавии онҳо тамаркуз кардааст. Суффиксатсия ҳамчун роҳи асосии ташаккули девербативҳои ду забон эътироф шудааст. Хусусияти ҳоси забони русӣ системаи васеи пасвандҳои калимасозӣ мебошад, дар ҳоле ки татбиқи усули калимасозӣ ҳоси забони тоҷикӣ аст. Дар асоси таҳлили маводи забонӣ, муайян карда шудааст, ки девербативҳо зерсистемаи сохторӣ ва семантикии муташаккилро ташкил медиҳанд, ки дар доираи он чор маънои асосии калимасозӣ амалӣ мешаванд: амал (раванд), ҳолат, иҷроқунанда (шахси иҷроқунандаи амал) ва субъект (объект, асбоб ё натиҷаи амал). Нишон дода шудааст, ки ҳар яки ин маъноҳо бо қолибҳои муайяни пасвандҳо ва намудҳои решаҳои феъл алоқаманданд, ки ин аз хусусияти системавии калимасозии девербативӣ шаҳодат медиҳад. Натиҷаҳои бадастоварда ба мо имкон медиҳанд, ки мавқеи девербативҳоро дар системаи қисмҳои нутқи забонҳои русӣ ва тоҷикӣ равшан кунем ва метавонанд дар таҳқиқоти минбаъдаи назариявӣ, муқоисавӣ ва типологӣ истифода шаванд.

Калидвожаҳо: девербативҳо; исмҳои феълӣ; механизмҳои деривативӣ; аффиксатсия; маънои калимасозӣ; пасвандҳо; асоси ангежанда.

УДК 81'272

ЦЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ «СЛОВАРЯ КУЛЬТУРЫ» ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 935 98 35 53 (м.)
mdavlatmirova76@gmail.com

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение традиционных ценностей и выявление социально ориентированных, национальных и индивидуально-личностных аксиологических установок. Национальное языковое сознание представляет собой ментальный лексикон, отражающий ценностные доминанты, нормы поведения и аксиосферу народа.

В данной статье предпринимается попытка анализа ценностей культуры, что даёт возможность систематизировать лингвоаксиологические единицы, отражающие национально-этнокультурные доминанты.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска решений проблем межкультурной коммуникации и определения перспектив ее развития особенно в контексте конфликтов между представителями различных культур. Кроме того, необходимо иметь в виду, что процессы столкновения и взаимодействия культур нередко приводят к трансформации или утрате традиционных ценностей. В условиях глобализации сохранение ценностных ориентиров и поведенческих норм становится важнейшей задачей для поддержания культурной самобытности.

Результаты проведённого исследования создают предпосылки для разработки научно обоснованного «Словаря культуры» таджикского народа. Тем более, что в рамках исследований «Школы прикладной лингвистики в РТ» были изучены основополагающие концепты, культурные типы и ценностные категории, которые формируют основу для создания подобного лексикографического труда.

К анализу привлечены некоторые ценностные доминанты таджикской лингвокультуры, которые отражают национальную специфику и особенности традиционной культуры таджикского народа, представлены результаты их реализации в текстах Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ).

Ключевые слова: лингвоаксиология; ценостная картина мира; ценностная доминанта; культурно-маркированные ценности; этноспецифические особенности; Национальный корпус таджикского языка; «Словарь культуры».

Языковая картина мира представляет собой сложную и многослойную систему языковых единиц, которые репрезентируют ментальный лексикон носителей языка и отражают различные аспекты их мировидения – научный, наивный,

духовный и эмоциональный. Актуальность исследования ценностных доминант, универсальных и этноспецифических концептов заключается в том, что они составляют ценностную картину языка, а также формируют концептосферу народа.

Исследование носит междисциплинарный характер, поскольку объединяет такие направления, как лексикография, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и лингвоаксиология. Создание словаря культуры таджикского языка будет способствовать развитию отечественной лингвистики в области лексикографии, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, а также способствует созданию ассоциативного словаря и прогнозирует дальнейшее развитие национального языка в обществе, духовной культуры таджикского народа.

Теорию «ориентации ценностей» представили учёные Ф.Клукхон и Ф.Стродтбек [8], которые отмечают, что разные народы и соответственно культуры имеют разные ценности, но также в них отражаются ограниченное число универсальных понятий, такие как отношение ко времени, природе, человеческой природе. По результатам исследования учёными была представлена модель сопоставления культурно-значимых лексем, а также выявления различных ценностей в языковых картинах мира конкретного сообщества.

С.Шварц исследовал теорию базовых человеческих ценностей, его модель включает совокупность универсальных ценностей и отражает систему их взаимосвязей, основанную на принципах совместимости и конфликта. Это позволяет рассматривать ценности как целостную мотивационную структуру, определяющую поведение личности и специфику культурных установок общества [11].

Следует упомянуть известную работу А.Вежбицкой «Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations» [12], в которой исследование осуществлено на стыке семантики и культурной антропологии. Естественный семантический метаязык (Natural Semantic Metalanguage) занимает особое место в исследовании, представляя собой способ описания значений, основанный на универсальных семантических примитивах, общих для всех языков. Также следует указать, тот факт, что данная работа стала ключевой в развитии лингвоаксиологии, этнолингвистики, а также когнитивной лингвистики. А.Вежбицкая отмечает, что язык является не только инструментом коммуникации, а носителем культурной модели мира, каждый язык отражает специфическую систему ценностей и способов восприятия действительности, но в то же время все языки связаны универсальными базовыми понятиями присущие всему человечеству [12].

А.Вежбицкая отмечает: «Понимание культуры невозможно без понимания языка, так как язык воплощает и сохраняет культурно-значимые категории мышления» [12], также учёный указывает, «...чтобы понять чужую культуру, нужно уметь говорить на её языке – не просто грамматически, но и семантически, на уровне концептов» [12].

В статье А.Г.Ратниковой, В.В.Богуславской «Лексикографическое описание в словарях лингвокультурологической направленности: обзор современных подходов» [10] представлены вопросы, связанные с описанием лексических единиц в словарях различного типа – как и лингвострановедческих, лингвокультурологи-

ческих и культурологических. Учёные отмечают, что «...целью исследования является обнаружение базовых критериев отбора и лексикографического описания лингвокультурных единиц в словарях указанного типа для последующего применения полученных данных при разработке концепции лингвострановедческого национально ориентированного учебного словаря для вьетнамских граждан, изучающих русский язык» [10].

Создание «Словаря культуры» таджикского народа предполагает систематизацию тех лингвокультурных и лингвоаксиологических единиц, которые наиболее ярко отражают национально-этноспецифические доминанты и нормы, закреплённые в таджикском языке.

На основе ранее полученных результатов анализа ценностной картины таджикского языка в данной работе рассматриваются некоторые базовые традиционные ценности, которые сохраняются и отражаются в языковом сознании носителей таджикского языка и культуры. Лексема *арзии* в таджикском языке репрезентирует понятия «ценность».

Прежде всего представляется необходимым рассмотреть этноним-доминант «*тоҷик/таджик*», который в различных исторических и лексикографических источниках трактуется по-разному. Известный таджикский учёный Д.М.Искандарова отмечает: «...нам встретилось и более раннее упоминание этнонима *tājika* с переводом «перс» в «Санскритско-русском словаре», который содержит наиболее употребительную лексику (28 000 слов) из текстов эпического (VII в. до н. э. – III в. н. э.) и классического (IV–VII вв.) санскрита. Это является свидетельством того, что данное слово, как обозначение этноса, присутствовало уже в санскритских текстах более раннего периода» [4, с.323].

Также Д.М.Искандарова отмечает ценностную сторону этнонима-доминанта: «Таджики на протяжении многих веков были жителями городов. Учёные говорят о факторах исторического выживания таджиков как народа, называя среди них в первую очередь «градоцентричность культуры», т. е. ведущую созидательную и охранительную роль города» [4, с.323].

Мудрость и разум представляют собой универсальные философские ценности, глубоко укоренённые в культуре таджикского народа. В связи с этим практически ни один прецедентный текст не обходится без обращения к их анализу и иллюстрации как ключевых ценностных доминант.

«*Ақл/разум*» является одной из ключевых ценностных доминант таджикской лингвокультуры и обладает разветвлённым синонимическим полем, включающим такие лексемы, как *хирад*, *фаҳм*, *зеҳн*, *шуур*, *идрок*. Каждая из этих единиц репрезентирует собственные семантические и коннотативные оттенки концепта разума и мудрости. При этом каждая лексема имеет строго дифференцированное значение и употребляется в определённых контекстах, которые зависят от конкретной коммуникативной ситуации.

Названные лексемы широко представлены в составе устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц, формируя самостоятельный пласт аксиологически значимых выражений. Среди них можно отметить следующие: *ақли бедор* – «бодравующий ум»; *ақли гуҳаринос* – «проницательный

(оценивающий суть) ум»; *ақли ғаризӣ* – «врождённый ум»; *ақли ғарра* – «яркий, блестящий ум»; *ақли солим* – «здоровый ум»; *ақли шариф* – «благородный ум» [6].

К числу частотных фразеологических выражений с компонентом *ақл* относятся также «*ақл ба ҷояш омадан*» – «прийти в себя; обрести рассудительность, начать мыслить здраво»; «*ақл расидан*» – «поумнеть; достичь зрелости ума, становиться благоразумным».

Фразеологизм «*дар тарозуӣи ақл баркашидан*» относится к метафорическому типу и основан на образе взвешивания на *весах разума*. Его семантическая структура отражает представление о разуме как о критерии оценки и мере истины, что соответствует значениям «тщательно обдумывать» и «оценивать явление или ситуацию с позиции разума и логики». Компонент «*тарозӯ/весы*» выступает культурно-специфическим кодом *справедливости, уравновешенности и мудрого решения* и в таджикской лингвокультуре функционирует как символ высшей ценности, выполняя роль познавательного и нравственного регулятора.

Фразеологизм «*зеҳни касе тез будан*» относится к глагольным фразеологическим единицам, обозначающим когнитивное состояние субъекта. Он характеризует интеллектуальные способности человека и передаёт значения: «обладать быстрым умом; быть сообразительным, остроумным, интеллектуально развитым; быстро понимать ситуацию и принимать решения».

В таджикской аксиологической картине мира компонент «*тезӣ*», применённый к характеристике ума, традиционно соотносится с природной одарённостью, способностью к быстрому усвоению знаний и умением находить точные решения как в научной, так и в повседневной жизни.

Понятие «*нон/лепёшка*» в таджикской этнолингвокультуре выступает как ценностная доминанта, воплощающая представления о благополучии, достатке и сакральной значимости домашнего очага. Нон/депёшка в традиционной культуре таджиков обладает не только практической, но и глубоко символической функцией, рассматривается как основа жизни, как знак благословения от Бога и материального благополучия семьи.

В таджикской этнолингвокультурной традиции широко распространено изречение «*нон бошад – суруд ҳам мешавад*», которое функционирует как культурный код, репрезентирующий достаток, благополучие и устойчивость семейной жизни. В повседневном речевом обиходе и фольклоре культурный код *нон/хлеб* закреплён во множестве устойчивых выражений и пословиц, что подчёркивает его аксиологическую значимость.

Известный таджикский поэт Мирзо Турсунзаде подчёркивает в своих стихах сакральность хлеба и таким образом отражает трудолюбие таджикского народа:

Аз замин нонрезаҳоро чида мемолам ба чаши,
Нони гарми меҳнатиро дида мемолам ба чаши.
Чунки ман ҳам дар замони худ даравгар будаам,
Хӯшачину бозбанду дос дар бар будаам.

В жизни таджикского народа *нон* является доминантным лингвокультурным кодом. Строка «*аз замин нонрезаҳоро чида мемолам ба чаши*» символизирует

высшую степень почтения к хлебу. В таджикской культурной традиции приложение *нон/хлеба* к глазам является символ благодарности и признания его святости и ценности. Данный невербальный знак воспринимается как священный дар, соединяющий человека с природой и трудом, также говорят: *Нон ҳам нону, нонреза ҳам нон!* (*Хлеб есть хлеб, и крошка – тоже хлеб*). Данное изречение выражает основополагающий принцип таджикской ценностной системы, что каждая частица хлеба священна и достойна почтения, поскольку в ней заключён труд человека и благословение Всевышнего.

Строка «*нони гарми меҳнатӣ*» реализует особую ценностную категорию – труд, где *нон/хлеб*, полученный собственным трудом, является *тёплым, благословенным и достойным*.

В строках «*Чунки ман ҳам дар замони худ даравгар будаам, хӯшачину бозбанду дос дар бар будаам*» отражается культурная память народа, для которого земледелие является традиционной формой жизнедеятельности. Представленная аксиологическая доминанта *нон/хлеб* выступает как материальная ценность, также как духовная и этнокультурная ценность.

С древних времён и до настоящего времени *нон/хлеб* в таджикской лингвокультуре ассоциируется с *правдой, справедливостью и святостью*. Для подтверждения истинности своих слов люди использовали изречения «*нон занад*» и «*нон кӯр кунад*», которые выполняли функцию своеобразной клятвы и гарантии правдивости. Нарушение такой клятвы воспринималось как серьёзное нравственное нарушение.

Д.М.Искандарова подчеркивает: «Если таджик видит хлеб на земле, он никогда не пройдет мимо, поднимет его и приложит к глазам, а потом уберет с дороги, чтобы другие не наступали (это святое). Нон – это не просто концепт, это ценность, аксиологическая доминанта, не случайно данная ценность присутствует в присяге президента РТ (Савганд ба номи поки Худо, ба нону намаки мардуми шарифи Тоҷикистон... «Клянусь именем Бога, хлебом и солью благородного народа Таджикистана...») [5, с.596].

Если человек проявлял неуважение к хлебу, ему напоминали: «*Нонро хор макун, вагарна кӯр мешавӣ*» – выражающее убеждение, что пренебрежительное отношение к хлебу приведёт к наказанию, подобные выражения отражают ценность хлеба и его особый статус в таджикской лингвокультуре.

Также в традиционной таджикской культуре *нон/хлеб* выполняет защитную функцию. В дорогу всегда брали *нон*, *кулча* как оберег против беды и в знак благословения на благополучный путь. Кроме того, под подушку младенцу клали кусок лепёшки, чтобы уберечь его от дурного глаза, обеспечить здоровье и спокойный сон.

Следующая ценностная доминанта – *Бахт* *بخت* в толковом словаре таджикского языка имеет такие значения: *насиба* «удел, судьба, доля», *бахра* «доля, удел, судьба», *қисмат* «судьба», *икбол* «счастье, успех», *саодат* «удача». Представленная константа была анализирована в диссертационной работе М.Б.Давлатмировой [1].

Бахт в таджикском языке, духовной культуре, традиционном представлении таджикского народа многопланова: бахт выражает значения «счастье», «удача», «участь», «судьба». Очевидно, что наши предки употребляли эту лексему для того, чтобы дать оценочную характеристику своей судьбе – счастливая она или несчастная. В сочетании с другими словами отражает разные коннотации Судьбы, как позитивного характера, так и негативного.

Этноспецифические особенности ценностной доминанты *Бахт* в таджикском языке заключается в широком применении исконно таджикского слово *бахт*, которое восходит к древнеиранской основе. Об этом свидетельствует «Этимологический словарь иранских языков» (*baga-bag-ta-> зап.- иран. *baga-baxta; вост.-иран. *vaga-vayda ав.п. bayō. Baxta – «предназначенное Богом; божественное предназначение» ср.-перс. bagō baxt/bayōbaxt «судьба (счастье), дарованная богами; божественное предназначение») [2].

Бахт в современном таджикском языке выражает значения “счастье”, “удача”, “участь”, “судьба”. Исследования показали, что бахт больше содержит положительные коннотации: *бахти баланд* “великое счастье”, *бахти баландахтар*, *бахти бедор* “удача, счастливая доля”, *бахти неkhoх* (*толеъи баланд*), *бахти нек*, *бахти фирӯз*, *бахти голиб*, *фатху нусратовар* “счастливая судьба”, *бахти ҷавон*, *бахти нав*, *бахти умедбахш* “надёжная судьба”, бахти безавол “вечное счастье, благоденствие”.

Вместе с тем *бахт* несет в себе и противоположные значения: *бахти шӯр*, *бахти бад* «злая доля»; *бахти сиёҳ*, *бадбахтӣ*, *бахти ошӯфта* (*ё парешон*) «тревожная судьба, несчастье»; *бадбахт* «злосчастный»; *бахтбаргашта* «неудачник, несчастливый»; *вожгунабахт* «злополучная участь» [1].

Из сказанного следует, что языковая картина мира включает наивную и научную картины мира, ценностную картину, а также картину антиценностей, отражающую ключевые концепты, ценностные доминанты и бинарные оппозиции.

Что касается ценностной картины мира, то следует отметить традиционные ценности, укоренившиеся в духовной культуре каждого народа и передающиеся из поколения в поколение посредством прецедентных текстов, формируя ценностную концептосферу народа.

Полученные результаты исследования показывают, что ценностные доминанты представляют собой культурный код, показатель национального мировоззрения и являются ключевым средством для формирования «словаря культуры» таджикского народа. Данные НКТЯ [3] подтвердили, что ценностные доминанты устойчиво закреплены в языковом сознании носителей и проявляются в высокой частотности лексем, обозначающих ценностные для таджикской культуры категории идентичности, морали, разума и благополучия.

Статистические данные НКТЯ [3] демонстрируют, что лексема «*точик*» является одной из центральных этнокультурных единиц, отражающих этническую идентичность: 55355 словоформ, 52121 предложение и 21334 документа подтверждают её исключительную значимость в дискурсивных практиках. Лемма в целом представлена 466075 словоформами в 365145 предложениях, что подчёр-

кивает высокую репрезентативность корпуса как инструмента исследования национальной концептосферы.

Следует отметить, что особое место в ценностной системе занимают ментальные и интеллектуальные категории. Так, лексема «ақл» представлена 6864 словоформами (6563 предложения), тогда как её культурно маркированный синоним «хирад» – 3776 словоформами (3631 предложение). Полученные данные указывают на значимость *разума*, *мудрости* и *рассудительности* как базовых аксиологических доминант таджикской лингвокультуры.

Лексема «нон» (*хлеб*), связанная с сакральным отношением к хлебу и трудовой этикой, показывает особенно высокую частотность – 8686 словоформ (8063 предложения). Представленные показатели свидетельствуют о глубокой укоренённости ценности хлеба в повседневной и ритуальной практике таджикского народа, где хлеб выступает как символ благополучия.

Не менее важное место в национальной концептосфере занимает категория «бахт» (счастье, удача), отражённая в 6746 словоформах (6627 предложений). Высокая репрезентация данной лексемы подтверждает, что стремление к благополучию, гармонии и благодати является устойчивой ментальной доминантой.

Сопоставительный анализ частотности ценностных доминант представленной работы показывает, что ядро таджикской культурной концептосферы формируют этническая идентичность («точик»), ментальные и интеллектуальные качества («ақл», «хирад»), социально-нравственные и духовные категории («нон», «бахт»). Важно заметить, что эти концепты обладают устойчивой дискурсивной репрезентацией.

Таким образом, корпусный анализ подтверждает необходимость и теоретическую обоснованность создания «словаря культуры», который позволит систематизировать лингвокультурные и лингвоаксиологические единицы, отражающие национальные ценности. Такой словарь станет важным инструментом в изучении различных аспектов формирования культурной идентичности, сохранения духовно-нравственных ценностей и развития современных аксиологических исследований в таджикском языкознании.

Литература

1. Давлатмирова М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта “судьба” (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. – Душанбе, 2019. – 388 с.
2. Расторгуева В.С. Этимологический словарь иранских языков / Etymological dictionary of the Iranian languages / В.С.Расторгуева, Д.И.Эдельман; Российская академия наук, Институт языкознания. а - ā. – М.: Вост. лит-ра, 2000. – 326с. ISBN 5-02-018124-2, 5-02-018125-0.
3. Национальный корпус таджикского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://taiik-corpus.org/taiik_corpus/search
4. Искандарова Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны // Русин. – 2023. –Т.74. –С.319-338. DOI: 10.17223/18572685/74/16
5. Искандарова Д.М. Перспективные направления лингвокогнитивных исследований в Таджикистане// Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2025. –№10. – С.596-598.

6. Фарҳанги мукаммали забони тоҷикӣ. Ҷилди I. – Душанбе: Шарқи Озод, 2011. – 832 с.
7. Johnson Mark. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. – Chicago: University of Chicago Press, 2024. – 273p.
8. Kluckhohn F.R., & Strodtbeck F.L. (1961). *Variations in Value Orientations*. Evanston, IL; Elmsford. – NY: Row, Peterson and Company, 1961. – 450p.
9. Martin J. R. Interpersonal meaning, persuasion, and public discourse: Principles and practices of evaluative language // *Discourse & Society*. – 1997. – №8(3). – P.337-363.
10. Ratnikova A.G., Boguslavskaya V.V., Mamontov A.S. & Trinh Thi Kim Ngoc. Lexicographic description in linguoculturological dictionaries: a review of modern approaches [Electronic resource] // *Communication Studies (Russia)*. – 2022. – №9(2). – P.399-412. – Access mode: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9\(2\).399-412](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2022.9(2).399-412)
11. Schwartz S.H. An Overview of the schwartz theory of basic values [Electronic resource]. // *Online readings in psychology and culture*. – 2012. – №2(1). – Access mode: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1116>
12. Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations*. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487p.

CULTURAL VALUES AS A BASIS FOR DEVELOPING THE ‘CULTURAL DICTIONARY’ OF THE TAJIK PEOPLE

Davlatmirova Manizha Borakovna

Doctor of philology, associate professor,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 935 98 35 53 (m.)
mdavlatmirova76@gmail.com

One of the current trends in modern linguistics is the study of traditional values and the identification of socially oriented, national and individual axiological attitudes. National linguistic consciousness is a mental lexicon that reflects the dominant values, norms of behavior and axiosphere of a people.

This article attempts to analyze cultural values, which makes it possible to systematize linguistic-axiological units that reflect national and ethno-cultural dominant values.

The relevance of the study is due to the need to find solutions to the problems of intercultural communication and to determine the prospects for its development, especially in the context of conflicts between representatives of different cultures. In addition, it should be borne in mind that in the modern world there are processes of cultural collision and interaction, which often lead to the transformation or loss of traditional values. In the context of globalization, preserving values and behavioral norms is becoming a crucial task for maintaining cultural identity.

The results of the study provide the basis for the development of a ‘Dictionary of Culture’ of the Tajik people, since the research conducted by the ‘School of Applied Linguistics in the Republic of Tajikistan’ examined the fundamental concepts, cultural types and value categories that form the basis for the creation of such a lexicographical work.

The analysis draws on some of the dominant values of Tajik linguistic culture, which reflect the national specificity and characteristics of the traditional culture of the Tajik people, and presents the results of their implementation in the texts of the National Corpus of the Tajik Language (NCTL).

Keywords: linguoaxiology; value picture of the world; value dominant; culturally marked values; ethno-specific features; National corpus of the Tajik language; 'Dictionary of Culture'.

АРЗИШҶОИ ФАРҲАНГӢ ҲАМЧУН АСОС БАРОИ СОХТАНИ “ЛУҒАТИ ФАРҲАГИИ ХАЛҚИ ТОҶИК”

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктори илмҳои филологӣ, дотсент,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 935 98 35 53 (м.)
mdavlatmirova76@gmail.com

Яке аз самтҳои муҳимтарини забоншиносии муосир омӯзиши арзишҳои анъанавӣ ва муайян кардани муносибатҳои аксиологӣ иҷтимоӣ, миллий ва инфиродӣ-шахсӣ мебошад. Тафаккури забонии миллий луғати зеҳнро ифода мекунад, ки он арзишҳои бартаридошта, меъёрҳои рафторӣ ва фазои арзишии халқро таҷассум мекунад.

Дар ин мақола қўшиши таҳлили арзишҳои фарҳангӣ ба миён гузошта шудааст, ки он имкон медиҳад воҳидҳои аксиологӣ забонӣ, ки доминантҳои миллий ва мардумӣ-фарҳангиро инъикос мекунад, бо мақсади таҳия ва ба низоми даровардани «Луғати фарҳангии халқи тоҷик».

Аҳамияти ин таҳқиқот аз зарурати ҷустуҷўи роҳҳои ҳалли мушкилоти муоширати байнифарҳангӣ ва муайян намудани дурнамои рушди он, бахусус дар заминаи низоъҳои миёни намоёндогони фарҳангҳои гуногун бармеояд. Ғайр аз ин, бояд дар назар дошт, ки ҷаҳони муосир шохиди равандҳои бархӯрд ва таъсири мутақобилаи фарҳангҳо мебошад, ки аксар вақт боиси тағйир ё аз даст рафтани арзишҳои анъанавӣ мегарданд. Дар шароити ҷаҳонишавӣ нигоҳ доштани самтҳои арзишӣ ва меъёрҳои рафторӣ ба вазифаи муҳими ҳифзи ҳувияти фарҳангӣ табдил меёбад.

Натиҷаҳои таҳқиқоти гузаронидашуда заминаи илмиро барои таҳияи «Луғати фарҳангии халқи тоҷик» фароҳам меоранд, зеро дар доираи натиҷаҳои ба дастовардашудаи «Мақтаби забоншиносии амалии ҚТ» концептҳои асосӣ, типажҳои фарҳангӣ ва категорияҳои арзишӣ, ки асоси таҳияи чунин тадқиқоти луғатшиносиро ташкил медиҳанд, мавриди омӯзиш қарор гирифтанд.

Барои таҳлил баъзе доминантҳои арзишии фарҳангии забони тоҷик ҷалб гардидаанд, ки хусусиятҳои миллий ва вижагӣҳои анъанавии фарҳангии халқи тоҷикро инъикос мекунад. Ҳамчунин натиҷаҳои таҳлили онҳо дар матнҳои Пайкараи миллии забони тоҷикӣ (НКҲТЯ) пешниҳод шудаанд.

Калидвожаҳо: забоншиносии аксиологӣ; тасвири арзишии ҷаҳон; доминанти арзишӣ; арзишҳои фарҳангии нишондор; вижагӣҳои махсуси мардумӣ; Пайкараи миллии забони тоҷикӣ; «Луғати фарҳангӣ».

УДК 811.111'36

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИЯХ ПЕРЕХОДНОСТИ И КАУЗАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Хамидова Мунира Нумоновна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой перевода и грамматики английского языка
ГОУ «Худжандский государственный университет им. акад. Б. Гафурова»
735700, Республика Таджикистан, Согдийская область, Худжанд,
пр. Мавлонбекова, 1
Тел.: (+992) 92 765 11 47 (м.)
munira.homidova@bk.ru

В статье рассматривается категория переходности и каузативности как особые грамматические явления в двух разных языках – английском и таджикском. Переходность анализируется как способность глагола управлять прямым дополнением, в то время как каузативность трактуется как выражение причинно-следственной связи между двумя событиями или действиями. Исследование опирается на теоретические положения функциональной грамматики и типологического языкознания. Подчеркивается, что, несмотря на универсальность данных категорий, способы их грамматического оформления в английском и таджикском языках существенно различаются.

На основе сравнительного анализа выявляются подобию и различия в способах выражения переходных и непереходных глаголов, в том числе формы и передачи каузативных значений. Особое внимание уделяется способам выражения каузативности в разных языках. В английском языке реализация каузативности осуществляется преимущественно аналитически, с применением каузативных конструкций (S+V+O). В таджикском языке, наоборот, доминируют морфологические способы выражения каузативности – посредством присоединения каузативных аффиксов к глагольной основе. Сходным образом различается и выражение переходности: в таджикском языке трансформация глагольной валентности происходит за счёт деривации, тогда как в английском языке – путём замены или реорганизации синтаксических компонентов.

Ключевые слова: категория; переходность; непереходность; прямое дополнение; косвенное дополнение; каузативность; некаузативность; аналитический способ; морфологический способ.

Введение. Одна из актуальных и спорных проблем теоретической грамматики – классификация глаголов на переходные и непереходные, которые часто становились предметом обсуждения и поводом к разным интерпретациям.

Категория переходности и непереходности встречается в разных языках и имеет следующие названия: в русском языке “переходность – непереходность”, в английском языке “transitivity – intransitivity” (транзитивный-интранзитивный), в немецком языке “Transitivität – Intransitivität”, в современной персидской грамматике – мутааддӣ (гузаро) и лозим (ногузаро), в таджикском языке

“гузаранда – монда” и т.д. В каждом языке указанный термин выражает сущностную семантику данного языкового явления. Кроме того, категория переходности очень тесно связана с такими грамматическими категориями, как категория каузативности и категория залога.

В данном исследовании рассматривается проблема категории переходности и её связь с каузативностью в английском и таджикском языках.

В настоящее время проблема переходности исследуется с разных сторон: она рассматривается как *лексико-грамматическая категория* (см. И.В.Арнольд, П.Я.Скорик, Ю.С.Маслов, *морфологическая* (А.Бондарко), *грамматическая* (А.А.Потебни, В.В.Виноградова, В.Н.Ярцевой, А.В.Десницкой и В.Д.Гогошидзе), *лексико-синтаксическая, логическая*.

Сопоставляемым языкам свойственно значительное количество противопоставлений. Оппозиция переходность и непереходность толкуется специалистами многозначно и с разных сторон.

В лингвистическом энциклопедическом словаре переходность трактуется следующим образом: «Переходности-непереходности категория – языковая категория, отражающая в широком понимании характер синтаксических свойств глагола в предложении с точки зрения наличия / отсутствия у него прямого дополнения. Содержательная сторона переходности (непереходности) категории – передача типа субъектно-предикатно-объектных отношений: переходность – направленность действия субъекта на объект, непереходность – замкнутость действия в сфере субъекта» [10, с.370].

О.С.Ахманова понимает под переходностью лексико-синтаксическую категорию, на основе которой выделяются глаголы со значением действия, распространяющегося на предмет, который является объектом этого действия. А непереходность – это категория, определяющая глагольное действие как не подразумевающее предмета, на которое это действие естественно направляется [1, с.320].

А.М.Мухин вслед за О.С.Ахмановой рассматривает переходность в двух аспектах – лексическом и синтаксическом, и прежде всего, акцентирует внимание на лексической семантике глагола, который детерминирует собой предпочтение способов управления и сочетаемость глаголов с остальными лексемами, и кроме того, предполагает использование при данных глаголах синтаксических единиц, отличающихся семантикой объектности или косвенной объектности. Далее он разъясняет каждый аспект по отдельности, в частности, лексическую конструкцию, включающую глагольные фразы и словосочетания и предложения, в которой объектная синтаксема выступает в позиции зависимого компонента и в позиции подлежащего [7, с.17].

Д.Э.Розенталь, изучая переходные и непереходные глаголы, трактует их следующим образом: «Переходность/непереходность связана со значением самого глагола. В языке часть глаголов обозначает такое действие, которое направляется на предмет, который при этом изменяется или возникает как результат этого действия. Предмет, на который направлено действие, является прямым объектом действия. Непереходные глаголы – это глаголы, которые обозначают действие, не способное переходить на прямой объект» [8, с.291].

П.А.Лекант в ходе рассмотрения категории переходности-непереходности отмечает, что глаголы, характеризующиеся грамматической переходностью, образуют лексико-грамматический разряд переходных глаголов. Ему противопоставлен разряд непереходных глаголов, включающий все глаголы, не обладающие свойством переходности, в том числе и так называемые косвенно-переходные глаголы...» [6, с.307-308].

М.Я.Блох (6) под переходностью понимает способность глагола принимать прямое дополнение, т.е. такое дополнение, которое непосредственно подвергается воздействию. Соответственно, непереходность предполагает ненаправленность действия на объект [14, с.99].

Следует отметить, что в обоих языках категория переходности – непереходности выражается неоднородно. Однако объектные подсистемы таджикского и английского языков характеризуются дифференцированием глаголов на две лексико-грамматические подгруппы: переходные глаголы и непереходные глаголы.

В английском языке ядром подобного дифференцирования признаётся признак синтаксической сочетаемости глагола с прямым дополнением. Переходные глаголы определяются, как глаголы, обозначающие действие, направленное на объект, который может быть выражен прямым дополнением. Они отвечают на вопросы Who(m)? (кого?), What? (что?) Например: *bring, leave, buy, cost, give, get, lend, play, teach, read, write, send, sing, show, help, speak* и т.д. Непереходные глаголы выражают действие, которое не направляется непосредственно на некий объект, они не могут обладать при себе прямого дополнения, а тянут за собой прилагательное или наречие. Глаголы как *arrive, go, laugh, sit, stand, stay, wait* и некоторые другие считаются непереходными.

В таджикском языкознании переходность и непереходность глаголов не становилась объектом специального исследования. С данной проблемой можно ознакомиться в научной и учебной литературе, где переходность и непереходность определяется почти одинаково и именуется как «феъли гузаранда» (переходный глагол) и «феъли монда» (непереходный глагол). [2, с.192; 13, с.17-18].

В современном таджикском языке также основным признаком для определения категории переходности и непереходности является признак синтаксической сочетаемости глагола с прямым дополнением.

Переходные глаголы обозначают действие, которое переходит на другое лицо или предмет. Они отвечают на вопросы “киро?” (кого?), “чиро?” (что?). Например: *бурдан, овардан, харидан, фуруҳтан, гирифтан, гузоштан* и др. Непереходные глаголы обозначают действия, движения и поступки, которые не переносятся на другое лицо или предмет. Они обозначают перемещение в пространстве, однако к ним нельзя задать вопросы “киро?” (кого?), “чиро?” (что?). Непереходные глаголы затрагивают глаголы движения или состояния. Кроме того, данные глаголы имеют отношение с субъектом своим лексическим значением или значением именной части составных именных глаголов и, следовательно, могут быть связаны с косвенным дополнением и обстоятельством. [2, с.192]. Например: глаголы движения *рафтан, омадан, нишастан, хестан, давидан, ҷаҳидан, шино кардан, парвоз кардан* и т.д., и

глаголы эмоционального состояния *хандидан, гурия кардан, розӣ шудан, ранҷидан* и т.д.

В английском языке в определённых случаях, если глагол переходный, то после глагола присутствие дополнения является обязательным, так как предложение кажется неполным по смыслу: *Congratulations on your title of ‘Associate Professor’, you **deserved it**.*

Однако в таджикском языке возможны два варианта использования дополнения, точнее, переходные глаголы могут использовать без дополнения или с дополнением: *Унвони “Дотсент” муборак бошад, шумо арзанда.* (переходный глагол без дополнения)

Унвони “Дотсент” муборак бошад. Шумо ба ин унвон арзандаед. (переходный глагол с дополнением). Здесь оба варианта правильны. Ещё примеры:

1. Have you read S.Aini’s novel? – Yes, I have read it.

2. Have you read S.Aini’s novel? – Yes, I have read.

1. Шумо асари С.Айниро хондед? – Хондам.

2. Шумо асари С.Айниро хондед? – Бале, хондам.

3. Шумо асари С.Айниро хондед? – Бале, онро хондам.

В таджикском языке возможны первый и второй варианты ответа, т.е. без дополнения: «Хондам» или же «Бале, хондам». В английском же необходимо использовать дополнение после **to read**. Неверно говорить: «Have you read S.Aini’s novel? – Yes, I **have read**». Корректнее выразить «Have you read S.Aini’s novel? – Yes, I **have read it**».

Для подтверждения этих суждений приведём примеры из художественной литературы:

1. Hunter brought the boat round under the stern-port (R.L.Stevenson, p.92) ~ Ребрат забраќчаро ба тарафи думи киштии бурд (Р.Л.Стивенсон, с.113).

2. As he passed Jeff Thatcher’s house, he saw a new girl in the garden (M.Twain, p.9).

3. Here and there I saw snakes, (R.L. Stevenson, p.78) ~ Дам ба дам ман ба морҳо дучор мешудам (Р.Л.Стивенсон, с.97).

4. Dogger gave me a stirrup to descend by (R.L.Stevenson, p.30) ~ Доггер узањиро ба таѓи пои ман дод, ки фуромаданам осон шавад (Р.Л.Стивенсон, с.41).

5. I’ll stay here a bit (R.L.Stevenson, p.2) ~ Ман камтар дар ин ҷо истикомат мекунам (Р.Л.Стивенсон, с.6).

6. Солеҳ давида рафта аз тоќчаи хона корди ошро гирифт ва ба сари Саодат омад (Ҳаким Карим, с.167).

7. Шофер оринчи ҷап ва сари худро аз тиреза берун карда, авчи сурӯдро меҳонд (Ф.Муҳаммадиев, с.8).

8. Ин ваќт мани дувоздаҳсола дар Мадраса меҳондам (Р.Ҷалил, с.141).

9. Мо ба сари канал равона шудем (Ҳаким Карим, с.31).

10. *Асад аз қуттии гӯғирд як малахи нимкуштаро гирифта ба тарафи Мошон ҳаво дод* (А. Шукӯҳӣ, с.6). ~ *Asad took a grasshopper and tossed it toward Moshone* (A.Shookuhi, p.13).

В приведённых примерах (2, 5, 8, 9, 10) использованы английские и таджикские глаголы “to pass”, “to stay ~ истиқомат кардан”, “хондан”, “равона шудан”, “ҳаво додан ~ to toss”, которые являются непереходными глаголами. Все перечисленные глаголы обозначают действие, замыкающееся в самом субъекте (he, I ~ ман, мани дувоздаҳсола, мо, Асад ~ Asad), оно не переходит ни на какой объект и не требуют после себя прямого объекта.

В остальных примерах (1, 2, 4, 6, 7, 10) употреблены глаголы “to bring ~ бурдан, овардан”, “to see”² ~ дидан, дучор шудан, “to give ~ додан”, “гирифтан”, “берун кардан”, “хондан”, “гирифтан ~ to take”, они являются переходными глаголами, за ними стоят их объекты “the boat ~ заврақчаро”, “a new girl”, “snakes ~ ба морҳо”, “me a stirrup – узангиро ба тағи пои ман”, “корди ошро”, “оринҷи чап ва сари худро”, “авҷи сурудро”, “як малахи нимкуштаро ~ a grasshopper”, которые отражают значения названных глаголов.

В таджикском языке морфологическим маркером переходности является послелог –ро, который присоединяется к прямому дополнению. В указанных примерах указанный послелог участвует после дополнения, который обозначают конкретные и известные предметы и явления. В большинстве случаев прямое дополнение обладает послелогом, когда оно выражено местоимениями и именами собственными или если к нему принадлежат местоимения и имена собственные.

В примере (3) обнаруживается отношение направленности действия, выраженного глаголом «to see» на объект “snakes ~ ба морҳо”. Содержанием данного отношения представляется чувственное восприятие. Кроме того, в таджикском варианте пропущен послелог –ро, который не обозначает определённый, конкретный предмет или явление, то есть определённый класс имен, здесь предполагаются представители всего класса. Поэтому послелог –ро в данном случае не использован.

Когда прямой объект имеет при себе определение, которое относится к прямому объекту, то послелог –ро присоединяется к данному определению: *Ў либоси худро чала пушид* (Ф.Муҳаммадиев, с.29).

В примере (10) глагол (гирифт – take) первого предложения является переходным и его объектом представляется «як малахи нимкуштаро». Далее в предложении употреблен переходный глагол (ҳаво дод – tossed), где объект не обнаруживается в силу ситуативных условий коммуникации, а он имплицитруется из контекста. В таджикском языке элиминирование объекта – явление обычное, однако в английском языке все наоборот – указание на объект обязательно. В английском языке, несомненно, необходимо к глаголу добавлять прямое дополнение в виде местоимения it. Местоимение в контексте обладает неопределённым значением. На самом деле, местоимение выражает в весьма общей форме направленность действия в целом на некий неодушевлённый объект. В связи с этим английскому языку совсем не характерно подразумевание объекта действия, за исключением редких случаев.

Пример (6) представляет собой сложное предложение. Глагол первого предложения, как отмечалось выше, является переходным, потому что он обозначает действие, требующее после себя определённый объект. Далее идёт последовательность действия «*омад*». По структуре можно сказать, что данный глагол непереходный в связи с отсутствием дополнения. Здесь внимание говорящего сосредоточивается на самом процессе, то есть упоминание объекта представляется неактуальным. Без участия первого предложения глагол «*омад*» считается непереходным. Но при присутствии первого предложения глагол «*омад*» является переходным, так как предполагается объект «*қорди оиро*». Чтобы не повторить объект дважды, во втором предложении он опускается. Если предложение простого типа *Сунбула омад* (Ф.Муҳаммадиев, с.31). (*Сунбула пришла*) и отсутствует объект, то в данном случае глагол «*омад*» считается непереходным.

Подобное использование переходных глаголов характерно для обоих языков, о чём свидетельствуют приведённые английские и таджикские примеры.

Исходя из этого, понятие переходности не подразумевает устойчивого использования глаголов такого лексико-семантического разряда с прямым дополнением.

В примерах (7) и (8) употреблены глаголы «*хондан*», в одном случае (7) он выступает как переходный, в другом (8) – как непереходный. У переходного глагола «*мехонд*» существует объект «*авчи сурудро*», а у глагола “мехондам” не обнаруживается объект, вместо него присутствует наречие “*дар Мадраса*”. Глагол “*мехондам*” обозначает действие, которое не направляется на некий предмет, а обозначает передвижение в пространстве (*дар Мадраса* – в Мадрасе). Такая способность глагола быть в одно время переходным и в другом – непереходным зависит от общего глагольного значения. К примеру, глаголы *move, read, write, eat, drink, draw* и т.д. Рассмотрим следующие предложения:

1. *The two adventurers moved quietly toward the door in the darkness (M.Twain, p.80)*

2. *Tom moved his brush gently, and looked at the result (M.Twain, p.6)*

Как показывает английские примеры, в обоих предложениях использован глагол «*move* – *двигать, двигаться*»: в примере (1) он выступает как непереходный, а в примере (2) – переходный. В таджикском языке подобные случаи можно обнаружить в вышеприведённых примерах (7, 8).

В сопоставляемых языках от непереходных глаголов можно образовать каузативные глаголы. В таджикском языке посредством суффикса *-он, -ён*, который добавляется к основе настоящего времени: *давидан* – *давондан*, *нишастан* – *шинондан*, *афтидан* – *афтондан* и т.д. В английском языке ряд непереходных глаголов, таких как *to walk, to move, to stand, to run, to sit* и т.д., так же могут функционировать как каузативные глаголы.

Е.А.Гордон (1981) отмечает, что переходность является производным признаком каузативных глаголов. [4]

По мнению Н.Хомского, каузативность составляет внутреннее лексическое свойство переходных глаголов [15, с.215]. Отсюда вывод, что почти все глаголы, содержащие каузативные значения, считаются переходными, однако не все пере-

ходные глаголы могут оказаться каузативными. Касательно вопроса, какие переходные глаголы являются каузативными, имеются разные взгляды.

Представляется, что между этими двумя понятиями не обнаруживается взаимно-однозначного сходства. В действительности, каузативные глаголы представляются переходными по своей сущности, их синтаксическая переходность указывается самой семантикой каузативности.

Профессор Б.А.Ильиш понимает под каузативным глаголом глагол, имеющий значение «заставить (кого-нибудь или что-нибудь) производить действие, выраженное другим глаголом» [5, с.212].

Значение воздействия на объект в каузативной конструкции подразумевает, что осуществляется каузативное отношение между каузативным глаголом и его объектом. Вследствие проявленного на каузируемый объект воздействия он подвергается разным переходам или изменениям. При переходе в новое состояние или качество объекту приходится самому совершать действие. Приведём примеры:

1. *Eliza was putting on her bonnet and warm garden-coat to go and feed her poultry* (J.Eyre, p.26) – Элиза кулоҳ ва куртаи гарми боғӣ менӯшид, то ба назди парандааш рафта хӯрок хӯронд.

2. *The rain rushed down. He hurried me up the walk, through the grounds, and into the house.* (J.Eyre, p.216) – Борон бориш. Вай маро дар найраҳа, аз саросари қаламрав ба сӯи хона шиноб кунонд.

3. *From less to more, I worked him up to considerable irritation* (J.Eyre, p.230) – Аз хурдатар ба калонтар гузашта, ман ӯро ба ҳаши овардам.

4. *She told me last week he'd walked his horse by her side all up Moss Lane* (Ch.Brontë, p.391) – Вай ба ман гуфт, ки ҳафтаи гузашта ӯ асти худро дар паҳлуи вай дар Мосс лейн сайр кунонд.

В английских примерах субъекты (Eliza, he, I, he) служат как субъект – инициатор, объекты (*her poultry, me, him, his horse*) выступают как объект-исполнитель, а каузативное значение выражается в глаголах “*feed, hurried, worked, 'd walked*”. Кроме того, уникальной чертой выражения каузативных значений представляется соблюдение следующей модели: S+V+O.

Eliza feed her poultry = S (Eliza)+V (feed)+O (her poultry)

Из переводов примеров на таджикский язык можно сделать вывод, что каузативное значение выражается в аналитических глаголах “*гизо додан, шиноб кунондан, ба ҳашм овардан, сайр кунондан*”. При применении модели S+V+O здесь также возникает каузативное значение:

Элиза ба парандааш хӯрок хӯронд = S (Элиза)+ O (ба парандааш) + V (хӯрок хӯронд).

Для обоснования вышесказанного приведём примеры из таджикской художественной литературы:

1. *Вай одамони ба сари қабр омадаро то ба ҳавлии Тоҳир овард* (Р.Ҷалил, с.17) – Он привел людей, пришедших к могиле, во двор Тахира.

2. *Ҳоло муаллим ... дар ба дар гашта бачаҳоро ба мактаб чалб мекард, ҳамаи онҳоро, аз ҳафтсола то ҳабдаҳсола, дар як хона шинонда ҳарф ёд меод, дарс мегуфт, нақлу ривоятҳо мекард ва шарқӣ мехононид* (Қўҳзод, с.13) – Так

учитель ... от двери к двери привлекал детей в школу и, посадив их всех – от семи до семнадцати лет – в одном доме, учил письму, рассказывал рассказы и обучал их по традиционно-восточному методу.

В примере (1) использован глагол *овард*, где каузатором является «вай» (он) и объектом-исполнителем представляется *одамон* (люди). Только под воздействием его люди пришли во двор Тахира. Здесь не использован суффикс *-он*, который является ключевой морфемой для выражения каузативного значения. Это означает, что глагол в прошедшем времени без суффикса *-он*, т.е. с нулевой морфемой и с участием каузатора и объект-исполнителя, также может обозначать каузативное значение.

В последнем примере явно обнаруживаются субъект-каузатор – муаллим (учитель), главный источник каузативного значения глаголов *шинонд*, *ёд медод*, *шарқӣ мехононид* и объект-исполнитель – *бачаҳо*. А глаголы *дарс мегуфт*, *нақлу ривоятҳо мекард* представляют непереходные глаголы.

Как уже было сказано выше, каузативный глагол представляется в обоих языках непременно переходным и настаивает на постоянном участии объекта. Саму переходность мы анализируем в расширенном смысле, а каузативность – ограниченном.

В обоих языках один и тот же глагол может быть как переходным, так и непереходным в зависимости от особенностей употребления.

С.Н.Соколов отмечает, что каузативное значение представляется в некотором смысле гиперпереходностью, поскольку сверх того, что действие переходит на объект, этот объект собственно еще понуждается к действию [12, с.3-4]. Переходность глагола невозможно определить волей субъекта, а узнается лишь по его способности обладать прямой объект, точнее говоря, переходные глаголы требуют после себя эксплицитно или имплицитно выраженного прямого объекта.

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае присоединения суффиксов *-он/-ён* к основам глаголов таджикского языка переходные глаголы сохраняют свою переходность (хондан ‘читать’ → хонондан ‘велеть читать’), (навиштан ‘писать’ → нависондан ‘велеть писать’), однако непереходные глаголы приобретают её (хандидан ‘смеяться’ → хандондан ‘велеть смеяться’, баргаштан ‘возвращаться’ → баргардонидан ‘велеть возвращаться’), при этом в обеих ситуациях в производном обнаруживается новый оттенок побудительной модальности. Данный новый оттенок, который прибавлен к производно-переходному глаголу, и представляется специфической разницей каузативности от переходности. Далее действие переходного глагола всего лишь переходит на объект, а действие каузативного глагола, помимо прямого перехода на объект, также воздействует на него, то есть заставляет его действовать или перейти в новое состояние. Если в контекстах переходные глаголы встречаются без участия дополнения, то использование каузативных глаголов при утрате прямого дополнения воздействия каузатора становится бессмысленным и неосуществимым.

В английском языке прямой объект связан с существительным без предлога, в таджикском языке прямой объект выражается с послелогом *-ро*.

По количеству переходных глаголов значительно больше, чем каузативных глаголов. Сравнивая количество переходных и непереходных в английском и таджикском языках, мы обнаружим такую же картину, т.е. переходных глаголов больше, чем непереходных. К каузативным глаголам относятся объектные переходные глаголы, то есть лишь объектонаправленные глаголы способны обладать каузативным признаком, но субъектные переходные глаголы не могут быть каузативными, так как их семантика нацеливается на идентификацию субъекта. К ним причисляют некаузативные глаголы состояния, выражающие действие, замкнутое в субъекте.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Грамматика современного таджикского литературного языка. – Душанбе: Дониш, 1985. – 358 с. (на тадж.яз.)
3. Гогошидзе В.Д. Пространственная характеристика глагольного слова и непереходные глаголы в современном английском языке. – Душанбе: Дониш, 1991. – 89 с.
4. Гордон Е.Я. Каузативные глаголы в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гордон Елена Яковлевна. – Душанбе, 1981. – 191 с.
5. Ильиш Б.А. Современный английский язык. Теоретический курс. – 2-е изд., исп. и доп. – М.: Изд-во «Литературы на иностранных языках», 1948. – 348с.
6. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа. – 1986. – 172 с.; Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682с.
7. Мухин А.М. Системные отношения переходных глагольных лексем: на материале англ. и рус. яз. – Л.: Наука, 1987. – 291 с.
8. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. и др. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1991. – 448с.
9. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. – М.: Вост. лит-ра РАН, 2001. – 600с.
10. Русская грамматика. Т.1. – М.: Наука, 1982. – 792с.
11. Современный русский язык / под ред. П.А.Леканта. – М.: Дрофа, 2001. – 233с.
12. Соколов С.Н. Историческое развитие каузатива в западноиранских языках: автореф. дис... канд. филол. наук: 10.00.00 / Соколов Сергей Николаевич. –Л., 1958. – 15с.
13. Халимиён С. Глагол (Действие): учеб. пособие. – Душанбе, 2013. – 126 с. (на тадж.яз.)
14. Blokh M. Y. A course in theoretical English grammar. – М.: Higher school publishing house, 1983. – 383p.
15. Chomsky N. Remarks on nominalization. – «Readings in English transformational Grammar», 1970. – 221p.

Источники

16. Қўҳзод Ў. Як сару сад хаёл: Ҳикояҳо. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 256с.
17. Мухаммадиев Ф. Сози Мунаввар (хикояҳо). Мураттиб Қаёмиддин Сатторӣ. –Душанбе, Маориф, 2016. – 192с.
18. Стивенсон Р.Л. Чазираи чавохирот. –Душанбе: Адабиёти бачагона, 2022. – 240 с.
19. Ҳаким Карим. Одам дар халта (мунтахаби осор). –Душанбе: “Адабиёти бачагона”, 2022. – 328с.

20. Шукӯҳӣ А. Об аз қучо меояд? (Қисса барои бачаҳо). – Душанбе: “Адабиёти бачагона”, 2020. – 96 с.
21. Ҷалил Р. Табиби ман. – Душанбе: Нашриёти “Маориф”, 1981. – 154с.
22. Brontë Ch. Wuthering Heights by Emily Brontë and Agnes Grey by Anne Brontë. – London: Smith, Elder, & Co., 15 Waterloo Place, 1889. – 462p.
23. Bronte Ch. Jane Eyre. Ebook was designed and published by Planet PDF. For more free eBooks visit Web site at <http://www.planetpdf.com/>
24. Shookuli A. Where does the water come from? (Translated by [Karim Khodjibaev](#), [Moukhabbat Khodjibaeva](#), illustrated by [Jan Seabaugh](#)). – Publisher: Viveca Smith Publishing, 2009. – 88p.
25. Stevenson R.L. Treasure Ireland. Ebook was downloaded from Web site at Schatzinsel E.pdf.
26. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. Hartford 1876. Printed by Global Publishing Solutions (A/GIS/GPS) © (06-0566-E-1.0)

ON THE CATEGORIES OF TRANSITIVITY AND CAUSATIVITY (BASED ON THE ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES)

Khomidova Munira Numonovna

Candidate of philological sciences, associate professor,
head of the chair of translation and English grammar
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735019, Republic of Tajikistan, Khujand, Mavlonbekov passage, 1
Ph.: (+992) 92 765 11 47 (m.)
munira.komidova@bk.ru

This article examines the categories of transitivity and causativity as distinct grammatical phenomena in two different languages – English and Tajik. Transitivity is analyzed as a verb's ability to control a direct object, while causativity is interpreted as expressing a cause-and-effect relationship between two events or actions. The study draws on theoretical principles of functional grammar and typological linguistics.

The author emphasizes that, despite the universality of these categories, their grammatical construction in English and Tajik differs significantly.

The author seeks, through comparative analysis, to identify similarities and differences in the expression of transitive and intransitive verbs, including their form and the transmission of causative meanings. Particular emphasis is placed on the expression of causativity in different languages. In English, causativity is realized primarily analytically, using causative constructions (S+V+O). In Tajik, on the contrary, morphological expressions of causativity predominate – by attaching causative affixes to the verb stem. The expression of transitivity also varies similarly: in Tajik, verbal valency is transformed through derivation, whereas in English it occurs through the replacement or reorganization of syntactic components.

Keywords: category; transitivity; intransitivity; direct object; indirect object; causativity; noncausativity; analytical method; morphological method.

РОЦЕЪ БА МАСЪАЛАИ ГУЗАРАНДА ВА КАУЗАТИВИЯТ (ДАР АСОСИ ЗАБОНҲОИ АНГЛИСӢ ВА ТОЧИКӢ)

Ҳомидова Мунира Нӯмоновна

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
мудири кафедраи кафедраи тарҷума ва грамматикаи забони англисии
МДТ “Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Ғафуров”
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, Хучанд, хиёбони Мавлонбеков, 1
Тел.: (+992) 92 765 11 47 (м.)
munira.homidova@bk.ru

Дар мақола категорияи гузаранда ва каузативият ҳамчун падидаҳои махсуси грамматикӣ дар ду забони гуногун – англисӣ ва тоҷикӣ баррасӣ карда мешавад. Гузарандагӣ ҳамчун қобилияти пурқунандаи бевоситаро идоракунии феъл таҳлил карда мешавад, дар ҳоле ки каузативият ҳамчун ифодаи робитаи сабабӣ байни ду ҳодиса ё амал тафсир карда мешавад. Таҷқиқот ба муқаррароти назариявии грамматикаи функционалӣ ва забоншиносии типологӣ таъяс мекунад.

Муаллиф таъкид мекунад, ки сарфи назар аз умумӣ будани ин категорияҳо, тарзи ифодаи грамматикӣ онҳо дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ ба қуллӣ фарқ мекунад.

Муаллиф қўшиш ба ҳарч додааст, ки тавассути таҳлили муқоисавӣ умумӣ ва тафовутҳоро дар тарзи ифодаи феълҳои гузаранда ва монда, аз ҷумла шакл ва ифодаи маъноҳои каузативӣ ошкор кунад. Ба тарзи ифодаи каузативият дар забонҳои гуногун диққати махсус дода шудааст. Дар забони англисӣ татбиқи каузативият бештар ба тарзи аналитикӣ, бо истифодаи конструкцияҳои каузативӣ (S+V+O) сурат мегирад. Дар забони тоҷикӣ, баръакс, воситаи морфологияи ифодаи каузативият тавассути ҳамроҳшавии аффиксҳои каузативӣ ба асоси феълӣ бартарӣ дорад. Ифодаи гузарандагӣ низ дар забонҳои мавриди таҳқиқ фарқ мекунад: дар забони тоҷикӣ тағйирёбии валентнокии феълӣ аз ҳисоби дериватсия, дар забони англисӣ бошад бо роҳи иваз ё таҷдиди ташкили ҷузъҳои синтаксисӣ, ба амал меояд.

Калидвожаҳо: категория; гузаранда; монда; пурқунандаи бевосита; пурқунандаи бавосита; каузативият; ғайрикаузативият; тарзи аналитикӣ; тарзи морфологӣ.

УДК 811.161.1-3(575.3)

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Икромзода Хайём Икром

Кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета русской филологии
Таджикский национальный университета
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 93 719 80 30 (м.)
dalerti@mail.ru

В статье представлен комплексный лингвокогнитивный анализ спортивной лексики таджикского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью глубокого изучения механизмов взаимодействия национальных языковых структур с глобальной спортивной терминосистемой. Автором последовательно реконструируется «таджикский спортивный фрейм», ядром которого выступает лексема *варзиш*. На основе диахронического анализа доказывается, что в таджикском языковом сознании спорт концептуализируется не как «игра» (в западной традиции Й.Хёйзинги), а как «трудовая дисциплина» и «возделывание личности», что подтверждается связью корня *варз-* с авестийским *varəz-* (работать, совершать).

В работе применяются методы фреймовой семантики Ч.Филлмора и силовой динамики Л.Талми, что позволило выявить специфику субъектно-объектных отношений в таджикском спортивном дискурсе. Особое внимание уделено роли глагола *задан* как универсального оператора каузации и морфологической адаптации заимствований через суффиксальную деривацию (*-боз*, *-гар*).

Ключевые слова: таджикский язык; лингвокогнитивистика; спортивная лексика; этимология; фрейм; силовая динамика; концептуальная метафора; *варзиш*; каузация; национальная идентичность.

В эпоху глобализации спортивный дискурс перестал быть узкопрофессиональной сферой, превратившись в мощный инструмент трансляции культурных кодов и национальных ценностей. Для современного Таджикистана, где спорт выступает фактором консолидации общества и репрезентации государства на мировой арене, лингвистический анализ спортивной терминосистемы приобретает особую значимость. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как в таджикском языковом сознании уживаются глобальные спортивные стандарты и глубокие индоиранские архетипы, определяющие восприятие силы, состязания и чести.

Существующий в современной лингвистике подход зачастую сводится к простой инвентаризации заимствований и калек из западных языков. Однако та-

кой поверхностный анализ игнорирует внутреннюю когнитивную логику таджикского языка, которая не просто «принимает» чужие термины, а активно перерабатывает их под воздействием собственной «генетической памяти». Основная научная проблема заключается в выявлении механизмов этой когнитивной адаптации и расшифровке уникального «таджикского спортивного фрейма», который принципиально отличается от западной игровой модели.

Объектом исследования выступает современная спортивная лексика таджикского языка, зафиксированная в медиа-текстах, лексикографических источниках и живой речи комментаторов.

Предметом являются лингвокогнитивные механизмы формирования этой лексики: от этимологических корней до метафорических проекций и силовой динамики глагольных конструкций.

Цель работы – провести комплексную реконструкцию когнитивной модели спорта в таджикском языке, доказав её преемственность по отношению к национальному этическому и трудовому наследию.

Работа опирается на синтез четырех фундаментальных теорий: 1) диахронический анализ (по В.С.Расторгуевой) [6] для выявления этимологического ядра; 2) фреймовая семантика (по Ч.Филлмору) [14] для описания структуры спортивного события; 3) силовая динамика (по Л.Талми) [9] для анализа энергетики глагольных сочетаний; 4) теория концептуальной метафоры (по Дж.Лакоффу) [3] для расшифровки культурных смыслов победы.

В данной статье впервые обосновывается тезис о том, что таджикский концепт *варзиш* генетически и когнитивно противопоставлен концепту «спорт». Впервые на материале таджикского языка анализируется роль суффиксальной деривации (дифференциация *-боз* и *-гар*) как инструмента категориального деления спорта на «игру» и «созидание».

Представляется логичным начать исследование с изложения результатов диахронического анализа. Данный подход позволяет выявить «генетическую память» слова, которая продолжает определять его когнитивные связи в современном языке. Различия в семантике таджикского *варзиш* и английского *sport* подтверждают тезис А.Вежбицкой о культурной специфичности лексики: “The vocabulary of a language is a repository of the shared history, social attitudes, and cultural values of a community” [15, с.1]. (Лексический состав языка является хранилищем общей истории, социальных установок и культурных ценностей сообщества). Исследование этимологии лексемы *варзиш* показывает, что таджикская спортивная модель концептуально отлична от западноевропейской.

Ядро таджикской спортивной лексики – корень *варз-* – уходит корнями в праиндоиранское наследие. Глагол *варзидан* (тадж. *варзидан*, перс. *ورزیدن*) исторически не был связан с игрой или досугом. Его первичное семантическое поле – производительный труд и агрикультура.

Как отмечает выдающийся иранист В.С.Расторгуева в «Этимологическом словаре иранских языков», «основа *varz-* восходит к авестийскому *varəz-* (делать, работать, совершать). Когнатами в других индоевропейских языках являются греческое *ἔργον* (работа) и немецкое *Werk*» [6, с.86].

Необходимо отметить, что связь спорта с трудом подтверждается наличием в таджикском языке слова *барзгар* (земледелец), где корень *барз-/варз-* прямо указывает на обработку земли. Из этого следует, что на когнитивном уровне «заниматься спортом» для носителя таджикского языка исторически означало «возделывать самого себя», подобно тому как дехканин возделывает поле.

В эпоху классического персидско-таджикского языка (X-XV вв.) термин *варзиш* начинает приобретать значение «систематического повторения действий».

В этом плане, мы можем обратиться к прямому свидетельству из фундаментального словаря XVII века «Бурхони Қотеъ» (Мухаммадхусайн Бурхон): «Варзиш – бар вазни ларзиш: ба маънои малака кардан бошад, ки пай дар пай ичро намудани корест, то он ки дар он кор устод шавад» [2, с.173] (Варзиш – в рифму к 'ларзиш': означает приобретение навыка (малака), выполнение дела последовательно один за другим, пока человек не станет в этом деле мастером). Здесь зафиксирован важнейший когнитивный сдвиг. Спорт (варзиш) определяется через арабское заимствование «малака» (навык, габитус). В средневековой исламской философии и педагогике (например, у Аль-Фараби и Ибн Сины) *малака* – это устойчивое качество души и тела, достигнутое путем многократных упражнений.

В «Шахнаме» Фирдоуси и в трудах Кайковуса («Кабус-наме») развитие богатырской силы (пахлавонӣ) всегда сопряжено с глаголом *варзидан*: «*Хунар варзидану дониш омӯхтан*» [1] (Культивировать искусство и приобретать знания). Здесь *варзиш* выступает в одном синонимическом ряду с обучением, а не с развлечением.

Для наглядного представления данного вопроса необходимо провести разграничение с концептом «игра». В западной лингвистике (Й.Хёйзинга «*Номо Ludens*») спорт – это производное от игры [10, с.214]. В таджикском языке эти линии расходятся:

1) Концепт «Бозӣ»: Восходит к пехлевийскому *wāzig*. Это действие, ограниченное правилами и временем, часто сопряженное с риском или удачей (ср. *қиморбозӣ* – азартная игра).

2) Концепт «Варзиш»: Всегда подразумевает телеологию (наличие высшей цели – здоровья, силы, совершенства).

Академик М. Шакури (Шукуров) в своих исследованиях, посвященных культуре речи, указывает на аксиологическую асимметрию данных концептов: «Слово *варзиш* в современном таджикском языке сохранило свой высокий этический статус, в то время как *бозӣ* часто несёт оттенок несерьезности или имитации реальности» [11, с.48].

В XX веке, с приходом советской системы физкультуры, слово *варзиш* было выбрано как эквивалент русскому «спорт» именно из-за его глубокого значения «воспитания».

В таджикском языке закрепились термины *тарбияи бадан* (физическое воспитание – дословно «воспитание тела»), *варзиши сабук* (легкая атлетика), *варзиши вазнин* (тяжелая атлетика).

Использование *варзиш* в этих конструкциях подчеркивает, что даже современный спорт воспринимается таджикским языковым сознанием как дисциплинарная практика.

Следовательно, для глубокого понимания данной терминосистемы недостаточно простой классификации лексем. Необходимо реконструировать фрейм – когнитивную структуру, представляющую собой схематизированный сценарий спортивного события.

Согласно определению Чарльза Филлмора, основоположника фреймовой семантики, «фреймы – это когнитивные структуры, знание которых предполагается концептами, репрезентируемыми словами. Любая система лингвистических форм, связанных с определенной областью человеческого опыта, активирует в сознании весь комплекс знаний этой области» [14, с.111].

В таджикском спортивном дискурсе активация слова «мусобиқа» (соревнование) мгновенно «подсвечивает» в сознании носителя обязательные компоненты (роли), без которых сценарий не будет полным. Мы называем это «таджикским спортивным фреймом».

Спортивный фрейм в таджикском языке состоит из ядра (обязательных слотов) и периферии. Ниже представлен анализ ключевых слотов с фактологической базой.

Слот 1. АГОНИСТ (субъект усилия). Это центральная фигура фрейма. В таджикском языке этот слот заполняется не просто именами, а терминами, кодирующими статус. Как указывает исследователь А.Шафоатов, «в таджикской спортивной терминологии субъект часто наделяется эпитетами, восходящими к классической поэзии, что делает спортивный дискурс преемником героического эпоса» [12, с.74]. Использование лексемы «*пахлавон*» вместо нейтрального «*варзишгар*» в единоборствах. Слово *пахлавон* активирует дополнительный субфрейм «Национальное достоинство / Эпос», что подтверждается цитатами из репортажей о гуштингири: «*Паҳлавони ҷавони мо майдонро фатҳ кард*» (*Наш молодой борец покорил арену*).

Слот 2. АНТАГОНИСТ (сопротивляющаяся сила). В таджикском языке для этой роли существует строгая дифференциация: 1) рақиб: когнитивно маркирует врага или серьезного противника (высокая степень противостояния) и (2) хариф: маркирует партнера по состязанию (более нейтральный, «игровой» оттенок).

В футбольных репортажах чаще встречается *рақиб* («*рақибӣ сахт*» – сильный соперник), что усиливает метафору «Спорт – это война».

Слот 3. ИНСТРУМЕНТ (орудие достижения). Этот слот уникален тем, что в таджикском языке названия инструментов часто становятся метафорическими обозначениями самих видов спорта (например, чавгон (клюшка) → чавгонбозӣ). В современном дискурсе инструмент часто подвергается каузации: «*тӯбро ба нишон расонидан*» (доставить мяч в цель).

Немаловажную роль также решает анализ динамики фрейма. Фрейм – это не статичная таблица, а процесс. Мы выделяем терминальные узлы (ожидаемые результаты), которые определяют структуру предложений в спортивных СМИ.

Как отмечает Д.Саймиддинов, «глагольные сочетания в таджикском языке сохраняют конкретно-чувственный характер, где действие всегда направлено на объект, что создает высокую степень визуализации спортивного события» [8, с.88-89]. В этом плане можно провести фактологический анализ на примере конструкции «Гол задан» (Забить гол). В английском языке *score a goal* – это достижение абстрактного счета. В таджикском, как и в русском, гол задан (букв. «ударить гол») – это физическое действие. Здесь активизируется связь слотов АГОНИСТ → ИНСТРУМЕНТ → ЦЕЛЬ.

Для структуризации наших результатов мы предлагаем модель «концентрических кругов» спортивной лексики Таджикистана:

1. Ядро (Nuclear): термины, общие для всех видов (*галаба, бохт, довар, тамрин*). Это инвариантная часть фрейма.

2. Ближняя периферия: видоспецифичные термины (*камарбанд* – для борьбы, *тур* – для волейбола).

3. Дальняя периферия (окказионализмы): метафорические переносы, характерные для комментаторов (например, «*туфангча*» – «пистолет» в значении сильного удара футболиста).

В рамках лингвокогнитивных исследований спортивной лексики нами были рассмотрены силовая динамика в спортивном дискурсе. Если фреймовый анализ описывает «сцену» и «актеров», то силовая динамика объясняет саму «физику» взаимодействия между ними.

В лингвистике этот подход был детально разработан Леонардом Талми, согласно которому силовая динамика описывает то, как объекты взаимодействуют в отношении силы: «Силовая динамика – это фундаментальная когнитивная категория, которая структурирует наше понимание физического мира и переносится в язык через глаголы каузации, позволения и сопротивления» [9, с.409]. В таджикском спортивном дискурсе это проявляется через противостояние двух сущностей: агонист (объект, чья сила находится в фокусе внимания (например, таджикская сборная) и антагонист (объект, оказывающий сопротивление (команда противника, гравитация, время).

В таджикском языке спортивное событие описывается через специфическую группу глаголов, которые мы классифицируем по типу силового воздействия:

1. Глаголы преодоления и смещения. Когда агонист оказывается сильнее антагониста, используются глаголы: *мағлуб кардан* (побеждать), *шикаст додан* (букв. «давать надлом»), *зери фишор мондан* (оставлять под давлением). Лексема *шикаст* (надлом/разрушение) когнитивно указывает на то, что сопротивление противника было физически «сломлено». Это не просто абстрактный выигрыш, это разрушение структуры защиты антагониста, например: «*Дастаи мо хати мудофиаи рақибро шикаст дод*» (Наша команда сломала линию обороны противника).

2. Глаголы сохранения вектора. В циклических видах спорта (бег, плавание) антагонистом выступает среда или усталость. Здесь доминируют глаголы: *нигоҳ доштан* (удерживать), *суръат афзудан* (увеличивать скорость). Глагол *нигоҳ*

доштан (удерживать темп) кодирует внутреннюю силу агониста, направленную против энтропии или сопротивления воздуха/воды.

Ключевым элементом силовой динамики в таджикском спорте является концепт «зарба» (удар). Это момент мгновенной передачи энергии от агониста к инструменту (мячу) для достижения цели. По словам А.Н.Шафоатова, «в таджикском языке глагол 'задан' (бить) является универсальным оператором каузации. Он переводит потенциальную энергию спортсмена в кинетическую энергию снаряда, создавая завершённую силовую цепь» [13, с.112]. Вместо нейтрального «выполнил удар» таджикские комментаторы используют: «*Зарбаи ҳалокатбор зад*» (Нанес сокрушительный удар). Здесь прилагательное *ҳалокатбор* (несущий гибель/разрушение) усиливает силовую составляющую, превращая мяч в метафорический снаряд.

Силовая динамика отражается и в грамматике: активный залог – используется для описания триумфа («*Мо ғалаба кардем*» – Мы сделали победу). Агонист полностью контролирует силу; пассивный залог / непроизвольность – используется для описания поражения или случайности («*Тӯб ба дарвоза ворид шуд*» – Мяч вошёл в ворота). Здесь агонист теряет статус источника силы, становясь пассивным наблюдателем.

Таким образом, анализ через призму силовой динамики доказывает, что таджикская спортивная лексика – это система передачи импульсов. Она ориентирована на визуализацию борьбы сил. Это делает таджикский спортивный репортаж крайне экспрессивным и «физичным», что подтверждает нашу гипотезу о том, что спорт в таджикском сознании – это прежде всего преодоление материального сопротивления.

Особое место в нашем исследовании занимает изучение системы концептуальных метафор в спортивном дискурсе. Согласно теории Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, «метафора – это не просто литературный прием, а «основной механизм, с помощью которого мы понимаем абстрактные концепции и рассуждаем о них» [3, с.126]. В таджикской спортивной лексике мы выделяем три доминирующие метафорические модели, обладающие мощной доказательной базой.

Метафорическая модель «СПОРТ – ЭТО ВОЙНА» (ВАРЗИШ – ҶАНГ АСТ) – это самая продуктивная и экспрессивная модель в таджикском языке. Спортивное состязание когнитивно проецируется на область военных действий. Как отмечает исследователь спортивного дискурса А.Б.Панкратов, «военная метафора позволяет канализировать агрессию и трансформировать её в легитимное спортивное противостояние, где победа приравнивается к завоеванию чести (номус)». Исследователь отмечает, что «Концептуальная метафора СПОРТ – ЭТО ВОЙНА является одной из самых продуктивных моделей в разных культурах, так как она позволяет переносить физическую борьбу, стратегическое планирование и концепцию победы из домена конфликта в домен атлетического состязания» [5, с.62]. Этот тезис можно хорошо рассмотреть на примере следующих лексических маркеров:

- Ҳамла / Ҳучум (Атака): использование военного термина для обозначения действий нападающих.

- Дифоъ / Ҳимоя (Оборона/Защита): кодирование спортивной задачи как защиты территории.

- Мағлуб кардан (Нанести поражение): глагол, исторически использовавшийся в хрониках завоеваний.

- Тир (Пуля/Снаряд): метафорическое обозначение мяча или удара (например, «зарбаи тирвор» – удар, подобный пуле).

Анализ газетных заголовков выявляет устойчивую метафорическую проекцию военного штурма на игровое пространство: «*“Истиклол” қалъаи рақибро ғатҳ кард*» (Истиклол завоевал крепость соперника). Здесь ворота противника выступают в роли целевого домена «крепость» (*қалъа*), а финальный успех осмысливается через категорию «завоевания» (*ғатҳ*), что переводит спортивную победу из плоскости игры в плоскость военно-героического триумфа».

Следующей является метафорическая модель «СПОРТ – ЭТО ПУТЬ» (ВАРЗИШ – РОҶ АСТ). Данная модель структурирует понимание времени и развития в спорте. Спортивная карьера или турнирная сетка воспринимаются как пространственное перемещение. Также для данной модели можно представить следующие лексические маркеры:

- Марҳила (Этап/Стадия): от арабского «стоянка на пути каравана».

- Пешсаф (Лидер/Идущий впереди): тот, кто возглавляет колонну.

- Роҳхат (Путевка/Билет): дословно «письмо пути», разрешающее движение к следующей цели (например, «*роҳхат ба Бозиҳои олимпӣ*» / *путёвка на Олимпийские игры*).

В этой модели поражение воспринимается не как «смерть» (как в военной метафоре), а как «остановка» или «схождение с дистанции». Это подчеркивает процессуальный характер спорта.

Спорт в таджикском языке часто осмысливается через категорию зрелищности, где стадион – это сцена. Для данной категории нами была сформулирована метафорическая модель «СПОРТ – ЭТО ТЕАТР / ПРЕДСТАВЛЕНИЕ». Примеры: намоиш додан (показывать/демонстрировать): Используется для описания техничного владения мячом или борьбы; майдон (поле/арена) (слово *майдон* имеет глубокие когнитивные связи с площадью, где происходят народные гуляния и представления).

Необходимо также отметить, что часто спортивные снаряды наделяются человеческими качествами. Например, «*Тӯб нахост ба дарвоза ворид шавад*» (Мяч не захотел входить в ворота). Здесь мяч выступает как субъект с собственной волей. Это свидетельствует о высокой степени эмоциональной вовлеченности носителей языка в спортивный процесс.

Метафорический анализ показывает, что спортивная лексика таджикского языка – это живая, динамичная система. Военные метафоры подчеркивают волю к победе, метафоры пути – преемственность и развитие, а театральные метафоры

– эстетическую ценность спорта. Таким образом, через метафору спорт в Таджикистане легитимизируется как важная часть национального этоса.

В рамках исследования темы данной статьи мы посчитали необходимым изложить результаты анализа морфологической деривации и адаптации заимствований. Словообразовательная система таджикского языка в области спорта является жестко структурированной и иерархичной. Основным механизмом здесь выступает агглютинация суффиксов деятеля, каждый из которых несет уникальную когнитивную нагрузку.

В таджикской спортивной терминологии выбор суффикса для номинации спортсмена зависит от типа фрейма (игра, ремесло или функция), который активируется в сознании. Д. Саймиддинов подчеркивает, что морфологические показатели в иранских языках исторически служили инструментом классификации деятельности на профессионально-созидательную и игровую [8, с. 154]. Рассмотрим это на примере дифференциации когнитивных ролей суффиксов *-боз*, *-гар* и *-чӣ*.

1. Суффикс *-БОЗ* (от глагола *бохтан* – играть). Используется преимущественно в командных и игровых видах спорта, где результат зависит от взаимодействия с предметом (мячом, шайбой, фигурой, например: футболбоз, теннисбоз, шохмотбоз, волейболбоз и др.). Суффикс *-боз* когнитивно связывает деятельность с концептом «игры» (*бозӣ*), который предполагает наличие правил, азарта и неопределенности исхода. В этом плане уместно привести слова С.Назарзода: «суффикс *-боз* в спортивной лексике указывает на участие субъекта в состязательном процессе, где доминирует элемент ловкости и маневра» [4, с. 142].

2. Суффикс *-ГАР* (суффикс мастерства/ремесла). Применяется в видах спорта, требующих индивидуальной подготовки, дисциплины и «культивации» тела (например: *варзишгар* (спортсмен), *шиновар* (пловец), *камонвар* (лучник) и др.). Когнитивно *-гар* (от корня *кардан* – делать) превращает спорт в «созидание». Спортсмен здесь – не «игрок», а «мастер» своего дела. Слово *варзишгар* является концептуальным антиподом слову *футболбоз*: первое подчеркивает статус и профессию, второе – участие в конкретной игре.

3. Суффикс *-ЧӢ* (функциональный деятель). Часто используется для номинации современных, технически сложных видов спорта или заимствований (*боксчӣ*, *велосипедчӣ*, *мототсиклчӣ* и т.п.).

Процесс заимствования в таджикском спортивном дискурсе проходит через фильтр морфосинтаксической интеграции. Заимствованное имя существительное (например, *гол*, *пас*, *трансфер*) не может существовать в языке изолированно – оно обязано встроиться в систему таджикского глагола. Академик Д.Саймиддинов подчеркивает, что «адаптация европейских спортивных терминов в таджикском языке происходит не путем прямого калькирования синтаксических структур, а через их подчинение аналитическому строю таджикского глагола, что сохраняет национальную специфику восприятия действия» [7, с. 94]. В качестве примера можно привести модель «Имя + Вспомогательный глагол»: 1) каузация действия: *пас додан* (дать пас), *гол задан*

(забить гол), *старт гирифта*н (взять старт); 2) изменение состояния: *офсайд шудан* (стать/оказаться в офсайде), *дисквалификасия шудан*.

Словообразовательный анализ указывает на высокую жизнеспособность таджикского языка. Вместо хаотичного поглощения заимствований язык распределяет их по морфологическим нишам, четко разделяя «игру», «труд» и «функцию». Это подтверждает системность таджикской спортивной лексики как объекта научного изучения.

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что спортивная терминосистема таджикского языка представляет собой уникальный когнитивный феномен, в котором архаичные пласты культуры гармонично интегрированы в современный дискурс. Проведенный диахронический анализ доказал, что таджикское языковое сознание интерпретирует спорт не как производное от «игры», а как дисциплинарную практику возделывания личности. Генетическая связь корня *варз-* с производительным трудом и этическая маркированность концепта *варзиш* определяют его высокий аксиологический статус, противопоставляя созидательное усилие игровой несерьезности.

Структурное моделирование спортивного фрейма выявило глубокую связь языка с национальным кодом. Наполнение слота «Агонист» образами героического эпоса и использование военной метафоры (*фатх*, *қалъа*, *муҳосира*) превращают спортивное состязание в акт защиты личной и национальной чести (*номус*). При этом лингвистическая динамика взаимодействия сил, описанная через призму теории Л.Талми, подтверждает конкретно-чувственный характер таджикского глагола, где универсальные операторы каузации (например, глагол *задан*) обеспечивают высокую степень визуализации борьбы и передачи энергии.

В конечном счете, адаптация международных терминов через аналитические структуры таджикского языка свидетельствует о его высокой жизнеспособности и способности «переплавлять» глобальные заимствования, подчиняя их национальной грамматической логике. Таким образом, спортивная лексика Таджикистана – это не просто инструментальный набор терминов, а живой механизм трансляции культурных смыслов, в котором физическое действие всегда наделено глубоким этическим и героическим подтекстом.

Литература

1. Анвари С. Военная терминология в “Шахнаме”. – Душанбе: Маориф, 1994. – 120 с. (на тадж.яз.)
2. Бурхон Мухаммадхусейн. Бурхон Қотеъ / подг. текста с предисл., пояснением и приложением А.Нурова. – Душанбе: Адиб, 1993. – Т. 1. – 416 с. (на тадж.яз.)
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
4. Назарзода С. Лексика и терминология таджикского языка (лексикологические и терминоведческие исследования. – Душанбе: Дониш, 2004. – 302 с. (на тадж.яз.)

5. Панкратов А.Б. Языковая природа спортивного дискурса (на материале русскоязычных и англоязычных СМИ). – М.: ИЦПКПС, 2005. – 134 с.
6. Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т.1 (а–ā). – М.: Вост. лит-ра, 2000. – 327 с.
7. Саймидинов Д. Словарь среднеперсидского языка. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310с. (на тадж.яз.)
8. Саймидинов Д. Языковедческие исследования. – Душанбе: Шарки озода, 2013. – 200с. (на тадж.яз.)
9. Талми Леонард. Путь к когнитивной семантике. Т.1: Системы структурирования концептов. – Кембридж, Массачусетс: MIT Press, 2000. – 409с.
10. Хейзинга Й. *Homo Ludens*; Статьи по истории культуры / пер. с голланд. Д.В.Сильвестрова. – М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
11. Шакури М. (Шукуров). Всеми своё место, и для каждого мудрого изречения – свой случай. – Душанбе: Адиб, 1991. – 272 с. (на тадж.яз.)
12. Шафоатов А.Н. Таджикская спортивная терминология. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 209 с.
13. Шафоатов А.Н. Формирование и развитие таджикской спортивной терминологии. – Душанбе: Дониш, 2023. – 287 с.
14. Fillmore, Charles J. Frame semantics // *Linguistics in the Morning Calm*. – Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. – P.111-137.
15. Wierzbicka A. *Understanding Cultures through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 448 p.

LINGUO-COGNITIVE FOUNDATIONS OF SPORTS VOCABULARY IN THE TAJIK LANGUAGE

Ikromzoda Khayom Ikrom

Candidate of philological sciences, associate professor,
dean of the faculty of Russian philology
Tajik national university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 17
Ph.: (+992) 93 719 80 30 (m.)
dalerti@mail.ru

The article presents a comprehensive linguo-cognitive analysis of the sports vocabulary of the Tajik language. The relevance of the study is determined by the need for an in-depth study of the interaction mechanisms between national linguistic structures and the global sports terminology system. The author consistently reconstructs the "Tajik sports frame", the core of which is the lexeme *varzish*. Based on diachronic analysis, it is proved that in the Tajik linguistic consciousness, sport is conceptualized not as a "game" (as in the Western tradition of J. Huizinga), but as "labor discipline" and "cultivation of personality", which is confirmed by the connection of the root *varz-* with the Avestan *varəz-* (to work, to perform).

The work applies the methods of Charles Fillmore's frame semantics and Leonard Talmy's force dynamics, which made it possible to identify the specifics of subject-object relations in Tajik sports discourse. Particular attention is paid to the role of the verb *zadan* as a universal operator of causation and the morphological adaptation of loanwords through suffixal derivation (*-boz*, *-gar*).

Keywords: Tajik language; cognitive linguistics; sports vocabulary; etymology; frame; force dynamics; conceptual metaphor; *varzish*; causation; national identity.

АСОСҲОИ ЛИНГВОКОГНИТИВИИ ЛЕКСИКАИ ВАРЗИШИИ
ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Икромзода Хайём Икромӣ

Номзади илмҳои филологӣ, дотсент,
декани факултети филологияи рус
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 93 719 80 30 (м.)
dalerti@mail.ru

Дар мақола таҳлили лингвокогнитивии комплекси луғати варзишии забони тоҷикӣ пеш-ниҳод карда шудааст. Мубрамияти тадқиқот ба зарурати омӯзиши амиқи механизмҳои ҳамкориҳои сохторҳои забонҳои миллий бо низомии мафҳуми глобалии варзишӣ вобаста аст. Муаллиф пайдарпай "фрейми варзишии тоҷикӣ"-ро барқарор мекунад, ки ҳудуди он калимаи "варзиш" мебошад. Бар асоси таҳлили диахронӣ нишон дода мешавад, ки дар огоҳи забони тоҷикӣ варзиш ҳамчун «бозӣ» (дар анъанаи Ғарбӣ, аз ҷониби Й.Хёйзинга) намоиш намеёбад, балки ҳамчун «дисциплини меҳнатӣ» ва «парвариши шахсият» тасаввур мешавад, ки ба воситаи иртиботи решаи *варз-* бо авестиҳои *varəz-* (қор қардан, анҷом додан) тасдиқ мегардад. Дар таҳқиқот методҳои маъноии фрейми Ч.Филлмори ва динамикаи қувваи Л.Талми истифода гардидаанд, ки имконият доданд ҳосияти муносибатҳои субъект-объектӣ дар дискурси варзишии тоҷикиро ошкор созанд. Эътибори вижа ба нақши феъл "зада" ҳамчун оператори универсалии каузатсия ва адаптатсияи морфологӣ иқтибосҳо тавассути калимасозии суффиксали (-боз, -гар) дода шудааст. Таҳқиқот нишон медиҳад, ки дискурси варзишии тоҷикӣ фарзанди эпоси қаҳрамонӣ мебошад, ки ғалаба дар он тавассути категорияи «номус» (шараф) маънидод мешавад.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; лингвокогнитивистика; луғати варзишӣ; этимология; фрейм; динамикаи қувва; метафораи концептуалӣ; варзиш; каузатсия; шиносоии миллий.

УДК 801.8

**СТРУКТУРА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ:
МОДЕЛИРОВАНИЕ МНОГОСЛОЙНОЙ ИЕРАРХИИ ТЕРМИНОВ
В ТАДЖИКСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

Солиходжаева Шахнозахон Анварходжаевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры методики преподавания русского языка
и литературы русской филологии
ГОО «Худжандский государственный университет им. академика Б.Гафурова»
735700, Республика Таджикистан, Согдийская область,
Худжанд, ул. Мавлонбекова, 1
Тел.: (+992) 92 736 09 99 (м.)
alixon1924@mail.ru

В статье рассматриваются принципы построения многоуровневой иерархической модели лингвистической терминологии для таджикского, русского и английского языков в контексте образовательных и научных потребностей Республики Таджикистан. Предложена оригинальная методология создания трёхязычного терминологического словаря, основанная на семантическом моделировании и распределении терминов по концептуальным слоям. Описаны четыре базовых уровня терминологической иерархии: метатеоретический, дисциплинарный, операциональный и дидактический. Представлены конкретные примеры реализации предложенной модели для ключевых разделов лингвистики. Обоснована необходимость учёта специфики таджикской научной традиции при адаптации международной терминологии. Результаты исследования могут применяться для разработки учебных пособий, составления терминологических баз данных и совершенствования методики преподавания языкознания в многоязычной среде.

Ключевые слова: лингвистическая терминология; многоязычная лексикография; таджикский язык; терминологическая иерархия; семантическое моделирование; трёхязычный словарь; концептуальная структура.

Современное состояние лингвистической терминологии в Таджикистане характеризуется неравномерностью развития отдельных её компонентов. С одной стороны, сохраняется мощное влияние советской терминологической школы, которая заложила фундаментальные основы таджикского языкознания в середине XX столетия [4, с.3-7]. С другой стороны, активное взаимодействие с англоязычной научной традицией последних трёх десятилетий создаёт настоятельную потребность в систематизации терминов, отражающих новейшие лингвистические концепции и направления исследований [3, с.89-112]. Эта двойственность требует разработки комплексной модели, способной органично интегрировать разнородные терминологические массивы в единую функциональную структуру, отве-

чающую нуждам современного таджикского научно-образовательного пространства.

Анализ существующих двуязычных и трёхязычных терминологических словарей различных национальных языков показывает, что подавляющее большинство из них ориентировано на традиционный алфавитный принцип организации словарного материала [1, с.5-8; 15, с.11-15]. Подобная структура, безусловно, удобна для быстрого поиска отдельных терминов, однако она не отражает внутренние смысловые связи между понятиями и не демонстрирует логику развития и функционирования терминосистемы как целостного образования. Между тем именно глубокое понимание иерархических отношений между терминами различных уровней абстракции и обобщения позволяет не просто механически запоминать специальную лексику, но эффективно усваивать её и свободно оперировать ею в профессиональной научной и педагогической деятельности.

Опыт создания терминологических словарей для национальных языков постсоветского пространства демонстрирует значительное разнообразие подходов к решению сложной задачи терминологической стандартизации и унификации. Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов Тагировой и Гаффаровой содержит развёрнутые толкования, существенно облегчающие понимание сложных абстрактных концептов [11, с.12-18]. Русско-казахский словарь Кенесбаева и Жанузакова акцентирует особое внимание на морфологической структуре терминов и их словообразовательных моделях [5, с.23-29]. Трёхязычный словарь для азербайджанского языка успешно интегрирует турецкую терминологию, что значительно расширяет лингвокультурный контекст восприятия терминосистемы [10, с.8-14]. Каждое из этих лексикографических решений обладает определёнными несомненными достоинствами, но ни одно не предлагает универсальную модель многоуровневой концептуальной организации терминологического материала, которая могла бы служить надёжной основой для создания принципиально нового типа учебного терминологического словаря.

Предлагаемая нами концепция основывается на идее последовательного послойного структурирования терминологии по степени её абстрактности, обобщённости и функциональной роли в научном лингвистическом дискурсе. Первый уровень – метатеоретический – включает термины, описывающие саму природу и сущность лингвистического знания как научной дисциплины: «теория» (theory/назария), «метод» (method/усул), «парадигма» (paradigm/парадигма), «школа» (school/мактаб), «направление» (trend/самт), «подход» (approach/равиш). Эти понятия не привязаны жёстко к конкретным узким разделам языкознания, они формируют универсальный концептуальный каркас дисциплины в целом и применимы ко всем её областям без исключения. Второй уровень – дисциплинарный – охватывает названия основных разделов и областей лингвистики, а также их центральные базовые категории: «фонетика» (phonetics/фонетика), «морфология» (morphology/морфология), «синтаксис» (syntax/синтаксис), «семантика» (semantics/семантика), «лексикология» (lexicology/луғатшиносӣ). Третий, операциональный уровень представлен конкретными терминами, обознача-

ющими языковые единицы различных уровней и наблюдаемые языковые явления: «фонема» (phoneme/фонема), «морфема» (morpheme/морфема), «предложение» (sentence/чумла), «слово» (word/калима). Наконец, четвёртый, дидактический уровень включает термины преимущественно учебно-методического характера, которые используются главным образом в образовательном процессе при обучении языку и лингвистике: «правило» (rule/қоида), «исключение» (exception/истисно), «упражнение» (exercise/машқ), «задание» (task/вазифа) (см. рис.1).

Рисунок 1 – Четырёхуровневая иерархия терминов: от абстрактных метатеоретических концептов к конкретным дидактическим единицам

Такая многоуровневая стратификация позволяет не просто составлять механические списки и перечислять термины в алфавитном порядке, но выстраивать между ними сложные системные отношения различного типа. Рассмотрим детально применение этой модели на конкретном примере раздела «Фонетика и фонология». На метатеоретическом уровне ключевым базовым концептом является термин «артикуляционная база» (articulatory basis / асоси талаффузӣ), который фиксирует фундаментальное концептуальное представление о физиологиче-

ских и анатомических механизмах порождения человеческой речи. Дисциплинарный уровень включает «фонетику» как эмпирическую науку о материальной стороне звуков речи и «фонологию» (phonology/фонология) как теоретическую дисциплину, изучающую функциональную сторону звуковых единиц в языковой системе. Операциональный уровень насыщен такими конкретными терминами, как «гласный» (vowel/садонок), «согласный» (consonant/хамсадо), «дифтонг» (diphthong/дуовоз), «трифтонг» (triphthong/сеовоз), «аффриката» (affricate/овози пуфакдор), «сонорный» (sonorant/садодор), «шумный» (obstruent/шовулидор). На дидактическом уровне присутствуют термины практического применения: «транскрипция» (transcription/транскрипция), «позиция звука» (sound position / мавкеи овоз), «сильная позиция» (strong position / мавкеи қавӣ), «слабая позиция» (weak position / мавкеи заиф), «фонетический разбор» (phonetic analysis / таҳлили овозӣ), «артикуляционная характеристика» (articulatory description / тавсифи талаффузӣ) (см. рис.2).

Рисунок 2 – Многоуровневая структура терминология раздела «Фонетика» с трехязычными эквивалентами

Важнейшим преимуществом предложенной модели становится реальная возможность систематически отслеживать и фиксировать терминологические несоответствия и расхождения между различными языками. В частности, русский термин «слово» соотносится с английским эквивалентом «word» достаточно прозрачно и однозначно, тогда как таджикское соответствие «калима» в классической персидско-таджикской лингвистической традиции исторически имело более широкое и размытое значение, охватывая в некоторых контекстах и устойчивые словосочетания [3, с.156-163]. Подобные семантические расхождения требуют не механического подстрочного перевода терминов, а глубокого концептуального анализа, обязательно учитывающего исторические особенности и спе-

цифику развития национальной лингвистической мысли в персидско-таджикском культурном ареале.

Для морфологического уровня терминологии характерна принципиально иная конфигурация внутренних терминологических связей и отношений. Метатеоретический слой здесь представлен фундаментальными концептами «грамматическая категория» (grammatical category / категории грамматикӣ), «оппозиция» (opposition/мухалифат), «нейтрализация» (neutralization / нейтралӣ кардан), «маркированность» (markedness / нишондор будан). Дисциплинарный уровень включает собственно «морфологию» как учение о формах слова и «словообразование» (word formation / калимасозӣ) как раздел, изучающий способы создания новых слов. Операциональный пласт насыщен конкретными терминами: «корень» (root / реша), «аффикс» (affix / афикс), «префикс» (prefix / пешванд), «суффикс» (suffix / пасванд), «основа» (stem / асос), «флексия» (inflection / тағйирёбандаи ниҳой), «окончание» (ending/охир). Дидактический компонент содержит «морфемный анализ» (morphemic analysis / таҳлили морфемӣ), «словообразовательную модель» (word-formation pattern / намунаи калимасозӣ), «морфологический разбор» (morphological parsing / таҳлили морфологӣ), «парадигму» в узком смысле таблицы склонения или спряжения (paradigm / парадигма).

Синтаксический раздел терминологии обнаруживает наибольшее концептуальное расхождение между таджикской и европейской терминологическими традициями. Если русская и английская системы во многом унаследовали античную греко-латинскую грамматическую схему с её принципиальным акцентом на предикативности как центральном свойстве предложения, то персидско-таджикская лингвистика длительное время развивалась преимущественно под мощным влиянием арабской грамматической теории, где центральное место занимало понятие «джумла» (جمله), которое не вполне эквивалентно европейскому понятию «предложение» и имеет собственную специфику [14, с.201-215]. Метатеоретический уровень включает здесь «синтаксическую связь» (syntactic connection / пайванди синтаксисӣ), «синтаксические отношения» (syntactic relations / муносибатҳои синтаксисӣ), «валентность» (valency/зарфият), «дистрибуция» (distribution/таксимот). Дисциплинарный уровень представлен «синтаксисом словосочетания» (syntax of phrase / синтаксиси ибора) и «синтаксисом предложения» (syntax of sentence / синтаксиси ҷумла). Операциональные термины: «подлежащее» (subject / мубтадо), «сказуемое» (predicate / хабар), «определение» (attribute / сифат), «приложение» (apposition / изофа), «дополнение» (object / мафъул), «обстоятельство» (adverbial modifier / қайд). Дидактический слой содержит «синтаксический разбор» (parsing / таҳлили синтаксисӣ), «схему предложения» (sentence diagram / нақшаи ҷумла), «синтаксическую ошибку» (syntactic error / хатои синтаксисӣ).

Лексикология и семантика представляют особый специфический блок терминологии, где непосредственно пересекаются собственно лингвистическая теория и философия языка. Метатеоретический уровень здесь формируют фундаментальные концепты «значение» (meaning / маъно), «смысл» (sense / мафхум), «референция» (reference / истинод), «денотация» (denotation / маънои асосӣ),

«коннотация» (connotation / маънои иловагӣ), «концепт» (concept / концепт). Дисциплинарный уровень охватывает «лексикологию» (lexicology / луғатшиносӣ), «семасиологию» (semasiology / маъношиносӣ), «ономасиологию» (onomasiology / номшиносӣ), «этимологию» (etymology / этимология). Операциональные термины включают «лексему» (lexeme / воҳиди луғавӣ), «сему» (seme / сема), «семантическое поле» (semantic field / майдони семантикӣ), «лексико-семантическая группа» (lexico-semantic group / гурӯҳи луғавӣ-семантикӣ), «синоним» (synonym / мутарадиф), «антоним» (antonym / зиддмаъно), «гипероним» (hypernym / калимаи умумӣ), «гипоним» (hyponym / калимаи хусусӣ). Дидактическая терминология представлена «словарной статьёй» (dictionary entry / мақолаи луғатӣ), «толкованием» (definition / тафсир), «примером употребления» (usage example / мисоли истифода), «пометой» (label / нишон) (см. рис.3).

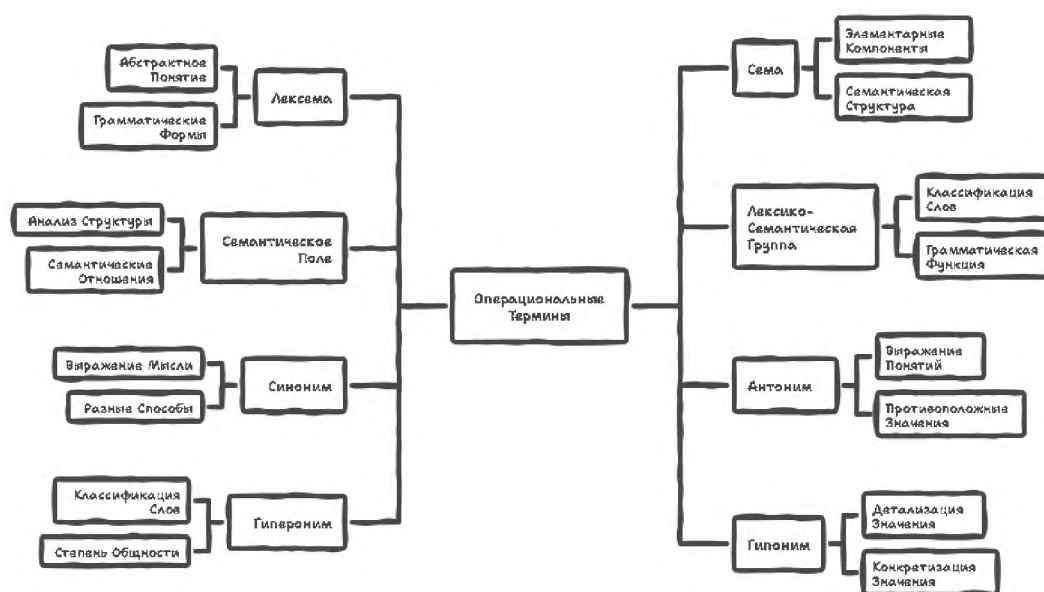

Рисунок 3 – Метатеоретические, дисциплинарные, операциональные и дидактические термины в лингвистике

Особого пристального внимания заслуживает терминология социолингвистики и психолингвистики – сравнительно молодых областей, которые активно развиваются в последние десятилетия. Здесь наблюдается острый дефицит устоявшихся общепринятых таджикских эквивалентов для многих новых понятий международной науки. Термин «language planning» традиционно переводится на таджикский язык как «языковое строительство» (сохтмони забонӣ), однако современная социолингвистика вкладывает в это понятие значительно более широкий смысл, охватывающий языковую политику государства, процессы кодификации литературной нормы и модернизацию терминологических систем [8, с.145-152]. Метатеоретический уровень включает «социальную дифференциацию языка» (social differentiation of language / тафовути иҷтимоии забон), «язы-

ковую ситуацию» (language situation / вазъяти забонӣ), «языковую политику» (language policy / сиёсати забонӣ). Дисциплинарный уровень представлен «социолингвистикой» (sociolinguistics / иҷтимоиётшиносии забон) и «психолингвистикой» (psycholinguistics / равоншиносии забон). Операциональные термины: «социолект» (sociolect / идиоми иҷтимоӣ), «идиолект» (idiolect / идиолект), «диалект» (dialect / лаҳча), «билингвизм» (bilingualism / дузабонагӣ), «интерференция» (interference / интерференция), «переключение кодов» (code-switching / иваз кардани рамз).

Методологическая новизна предлагаемого подхода заключается в принципиальном отказе от механического копирования западных терминологических стандартов и в сознательном стремлении органично адаптировать международную терминологическую номенклатуру к специфическим особенностям таджикского научного дискурса. Это достигается несколькими взаимодополняющими способами. Во-первых, при создании новых оригинальных терминов предлагается опираться прежде всего на внутренние словообразовательные ресурсы самого таджикского языка, максимально используя продуктивные суффиксы персидско-таджикского происхождения: -шинос (знающий), -шиносӣ (знание о чём-либо), -гар (деятель), -гарӣ (деятельность), -вар (подобный), -варӣ (свойство). Во-вторых, для терминов, которые уже прочно укоренились в научной практике через русское языковое посредство, разумно сохранять их традиционную устоявшуюся форму с минимальными необходимыми фонетическими адаптациями к таджикской фонологической системе [9, с.78-84]. В-третьих, для сложных многокомпонентных концептов, не имеющих прямого однословного эквивалента, целесообразно вводить описательные аналитические конструкции с последующей их постепенной стабилизацией и закреплении в терминологическом употреблении научного сообщества.

Практическая реализация предложенной концептуальной модели предполагает создание современной электронной терминологической базы данных с развитыми возможностями многопараметрического и многоаспектного поиска. Пользователь должен иметь техническую возможность не только быстро находить прямые межъязыковые переводные эквиваленты терминов, но и детально просматривать их точную позицию в иерархической структуре всей терминосистемы, изучать разнообразные семантические связи с гипонимами и гиперонимами, знакомиться с реальными примерами употребления терминов в аутентичных научных текстах на трёх языках [12, с.45-51]. Для студентов особенно полезным может стать специальный режим «поуровневого обучения», когда интеллектуальная система предлагает сначала освоить базовые термины дидактического уровня, затем постепенно и последовательно переходить к более сложным операциональным, дисциплинарным и, наконец, абстрактным метатеоретическим понятиям высшего уровня обобщения.

Важным функциональным компонентом предлагаемой терминологической системы должен стать специализированный модуль сопоставительного межъязыкового анализа, позволяющий эффективно выявлять и систематизировать многочисленные случаи неполного или асимметричного соответствия между

терминами разных языковых традиций. Например, английский термин «tense» в грамматике охватывает исключительно грамматическую категорию времени глагола, тогда как русское многозначное слово «время» обладает значительно более широкой семантикой, включая в свой объём и философское абстрактное понятие темпоральности вообще. Таджикское слово «замон» также характеризуется выраженной полисемией и обязательно требует контекстного уточнения для однозначного понимания. Разрабатываемая система должна систематически фиксировать подобные семантические расхождения и предлагать пользователю развёрнутые квалифицированные комментарии, разъясняющие тонкости межязыковых соответствий.

Другим перспективным направлением практического применения разработанной концептуальной модели может стать создание дифференцированных учебных терминологических минимумов для различных ступеней и уровней образования. Для школьного уровня общего образования вполне достаточно освоения дидактического и частично операционального слоёв терминологии [6, с.89-95]. Студенты программ бакалавриата должны овладеть всем операциональным уровнем в полном объёме и основными ключевыми терминами дисциплинарного уровня. Магистранты и аспиранты объективно нуждаются в полном систематическом освоении всех четырёх уровней терминологической иерархии, включая абстрактную метатеоретическую лексику, совершенно необходимую для критического осмысления различных лингвистических концепций и плодотворного ведения научной дискуссии на профессиональном уровне.

Разработка многослойной иерархической модели лингвистической терминологии представляет собой масштабный долгосрочный проект, требующий тесной координации согласованных усилий лингвистов-теоретиков, практикующих терминологов, опытных лексикографов и высококвалифицированных специалистов по компьютерной обработке естественного языка. Первоочередной практической задачей на начальном этапе является создание пилотной экспериментальной версии электронного словаря, охватывающего базовые традиционные разделы лингвистики. Объём такого пилотного словаря может составить приблизительно 1500-2000 терминологических единиц, рационально распределённых по четырём уровням иерархической структуры. Система должна обеспечивать развитую обратную связь с пользователями, предоставляя лингвистическому сообществу Таджикистана реальную возможность оперативно предлагать обоснованные уточнения, содержательные дополнения и альтернативные варианты спорных терминов для коллективного обсуждения.

Предложенная модель многослойной иерархической организации лингвистической терминологии представляет собой методологическую основу для создания принципиально нового типа трёхязычного терминологического словаря, специально ориентированного на актуальные образовательные и научные нужды современного Таджикистана. Структурирование терминов по четырём концептуальным уровням позволяет не только рационально систематизировать обширный разнородный терминологический массив, но и сделать его максимально доступным для эффективного усвоения пользователями с принципиально различным

уровнем базовой подготовки. Последовательный учёт специфических особенностей таджикской лингвистической традиции при адаптации международной терминологии обеспечивает органичное включение таджикского языка в глобальное мировое научное пространство без утраты национальной культурной идентичности. Практическая реализация предложенных концептуальных принципов будет способствовать существенному повышению качества лингвистического образования, планомерному развитию национальной терминологической системы и укреплению позиций таджикского языка в академической сфере.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / под ред. А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азбуковник, 2001. – 623 с.
3. Джаматов С.С. Становление и развитие лингвистической терминологии таджикского и английского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Джаматов Самиддин Салохиддинович. – Душанбе, 2015. – 407 с.
4. Калонтаров Я.И., Капранов В.А. Краткий русско-таджикский и таджикско-русский словарь лингвистических терминов. – Душанбе: Дониш, 1974. – 90 с.
5. Кенесбаев С., Жанузаков Т. Русско-казахский словарь лингвистических терминов. – Алматы: Гылым, 1966. – 207 с.
6. Куликова И.С., Салмина Д.В. Обучающий словарь лингвистических терминов. – СПб.; М., 2009. – 144 с.
7. Марузо Жюль. Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960. – 439 с.
8. Михальченко В.Ю. Словарь социоллингвистических терминов. – М., 2006. – 312 с.
9. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 358 с.
10. Rüstəmov R.Ə., Rəsulov Ə.A., Rüstəmov C.R. Türkçə-rusca-azərbaycanca, Azərbaycanca-türkçə-rusca, Rusca-türkçə-azərbaycanca dilçilik terminləri lüğəti. – Bakı: Elm və təhsil, 2010. – 164 s.
11. Тагирова Ф.И., Гаффарова Ф.Ф. Русско-татарский толковый словарь лингвистических терминов. – Казань: ИЯЛИ, 2016. – 248 с.
12. Хворостин Д. Англо-русский словарь лингвистических терминов. – Челябинск, 2007. – 113с.
13. Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / пер. с англ. В.В.Иванова; под ред. В.А.Звегинцева. – М.: Прогресс, 1964. – 264 с.
14. Бобомуродов Ш., Мухторов З. Словарь лингвистических терминов. – Душанбе, 2016. – 428 с. (на тадж.яз.)
15. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. – 6-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.

**THE STRUCTURE OF LINGUISTIC TERMINOLOGY: MODELING A
MULTILAYER HIERARCHY OF TERMS IN TAJIK, RUSSIAN
AND ENGLISH**

Solikhodjaeva Shahnozakhon Anvarkhodjaevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of methods of teaching Russian language
and literature of Russian philology
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735700, Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, Mavlonbekov str., 1
Ph.: (+992) 92 736 09 99 (м.)
alixon1924@mail.ru

The article examines the principles for constructing a multilevel hierarchical model of linguistic terminology for Tajik, Russian and English languages within the context of educational and scientific needs of the Republic of Tajikistan. An original methodology for creating a trilingual terminological dictionary based on semantic modeling and distribution of terms across conceptual layers is proposed. Four basic levels of terminological hierarchy are described: metatheoretical, disciplinary, operational and didactic. Specific examples of implementation of the proposed model for key sections of linguistics are presented. The necessity of considering the specificity of Tajik scholarly tradition when adapting international terminology is substantiated. Research results can be applied for developing educational materials, compiling terminological databases and improving methods of teaching linguistics in multilingual environment.

Keywords: linguistic terminology; multilingual lexicography; Tajik language; terminological hierarchy; semantic modeling; trilingual dictionary; conceptual structure.

**СОХТОРИ ИСТИЛОҲОТИИ ЛИНГВИСТИКӢ:
МОДЕЛСОЗИИ БИСӖРҚАББАӊОИ ИЕРАРХИЯИ ИСТИҲОЛОТ
ДАР ЗАБОНӊОИ ТОЧИКӢ, РУСӢ ВА АНГЛИСӢ**

Солихочаева Шахнозахон Анвархочаевна

Номзади илмӊои филология,
дотсенти кафедраи методикаи таълими забон ва адабиёти руси филологияи рус
МДТ "Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров"
735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, Хучанд, кӯч. Мавлонбеков, 1
Тел.: (+992) 92 736 09 99 (м.)
alixon1924@mail.ru

Дар мақола принсипҳои сохтани модели иерархивии бисёрқабатии истилоҳоти лингвистикӣ барои забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ дар заминаи ниёзҳои таълимӣ ва илмӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ шудааст. Методологияи аслии эҷоди луғати истилоҳоти сазабона пешниҳод

шудааст, ки дар асоси моделсозии семантикӣ ва тақсими истилоҳот дар қабатҳои концептуалӣ асос ёфтааст. Чаҳор сатҳҳои асосии иерархияи истилоҳот тавсиф мешаванд: метаназариявӣ, фаннӣ, амалиётӣ ва дидактикӣ. Намунаҳои мушаххаси татбиқи модели пешниҳодшуда барои соҳаҳои асосии забоншиносӣ оварда шудаанд. Зарурати ба назар гирифтани хусусиятҳои анъанавӣ илмӣ тоҷик ҳангоми мутобиқ кардани истилоҳоти байналмилалӣ асоснок шудааст. Натиҷаҳои таҳқиқотро метавон барои таҳияи воситаҳои таълимӣ, мурағаб сохтани базаи истилоҳотӣ ва тақмили усулҳои таълими забоншиносӣ дар муҳити бисёрзабонӣ истифода бурд.

Вожаҳои калидӣ: истилоҳоти забонӣ; лексикографияи бисёрзабона; забони тоҷикӣ; иерархияи истилоҳот; моделсозии семантикӣ; луғати сезабонӣ; сохтори концептуалӣ.

УДК 811.222.6'373:677

ЛЕКСИКА ТКАЧЕСТВА И ПРЯДЕНИЯ В ВАХАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аламшоев Шервоншо Мукбилшоевич

Докторант кафедры иностранных языков

Хорогский государственный университет имени Моёншо Назаршоева
736000, Республики Таджикистан, ГБАО, Хорог, ул. Ш. Шотемура, 109

Тел.: (+992) 93 804 79 04 (м.)

sh.alamshoev@gmail.com

В статье проведён синхронный анализ лексики ткачества и прядения в ваханском языке для дальнейшего сравнительно-исторического анализа ремесленной лексики памирских языков.

Ткацкая и прядельная лексика ваханского языка глубоко связана с историей носителей языка, в ней выделяются такие тематические группы, как названия лиц по деятельности, глаголы действия, названия предметов прядельного производства (одежда, головные уборы, обувь, украшения), постельных принадлежностей, деталей швейных, ткацких и сапожных изделий, ёмкостей для сыпучих материалов и прочих вещей, изделий, связанных с вьючными животными, названия других изделий, имеющих отношение к быту и хозяйству, названия тканей (материалов), наименования волокон и нитей, инструментов ткачества и прядения, текстильных станков (оборудование), прялок и их частей, лексика, связанная с цветами, используемыми в ткацкой работе, слова, обозначающие размер, длину и единицу измерения, используемых в процессе ткачества.

Последние годы ремесленная лексика утрачивается. С одной стороны, данный лексический пласт является довольно архаичным в отношении языковой картины мира, с другой – развитие технологии, интернационализация, глобализация во всех их проявлениях, политические, религиозные, экономические и социальные факторы влияют на данную лексику.

Ключевые слова: ваханский язык; ремесленная лексика; ткацкая и прядельная лексика; памирские языки.

Вахан находится между Памиром и Гиндукушем на высоте от 2500 до 3000 над уровнем моря, территория его «распространения совпадает с исторической провинцией Вахан»¹ [2, с.9-10]. Ваханский язык входит в восточную группу иранских языков индоевропейской семьи. Само название ваханцев «*xik zik*», или «вахи» (от корня *вах* – добрая, благостная), происходят также такие топонимы, как Ваханская долина, Ваханский хребет, Вахан-дарья (название реки), Ваханский коридор – отрезок «Великого шелкового пути», проходившего через Ваханскую долину» [3]. Слово «*wix*» «Вахан», кажется, восходит к др. -ир. «*vahvi*», что букв. означает «добрая, благодатная» (Markwart, 1938:52). «Таким образом, название Вахан соотносится с *авест.* «*vanhuuā dāityaya*» (gen.) «Добрая Датия»

¹ До второй половины XIX в. Вахан был автономным владением, периодически попадавшим в вассальную зависимость от миров (правителей) Бадахшана. С.9-10.

или же «Вахви, принадлежащая правильному закону» – рекой на мифической прародине иранцев, упоминаемой в первом фрагменте Видевдата [11, с.6], или происходит от «Waxšu», старого названия реки Оксус (Амударья), которая является крупной рекой, образованной слиянием рек Вахш и Пяндж на границе между Таджикистаном и Афганистаном. Ваханцы обитают в высокогорных долинах Памира и Восточного Гиндукуша. Они, в основном, компактно проживают «в исторической провинции Вахан, охватывающей долину реки Вахан-Дарья (на территории Афганистана и оба берега пограничной между Афганистаном и Таджикистаном р.Пяндж, где расположены нижние ваханские кишлаки Namadgut (правый берег) и Qozide (левый берег). Правый берег реки Пяндж входит в состав Ишкашимского района ГБАО. Отдельные ваханские поселения имеются на территории КНР (Автономный район Синцзян – Уйгур), а также в предгорьях северного Пакистана в долинах Хунзы и Ишкоман». «Как историческое княжество, Вахан известен со II в. до н.э. Во второй половине XIX в. вследствие проводимой великими державами колониальной политики припамирские княжества – Вахан, Шугнан и Дарваз – были ликвидированы» [3]. На территории Вахана существуют множество крепостей имперского значения, построенных в греко-бактрийскую, кушанскую и эфталитскую эпохи (Бабаев 1973). «Долина Вахана в прошлом была связана караванными путями с Индией и Афганистаном, когда-то здесь проходил «шёлковый путь <...> в Китай ...» [2]. По некоторым лингвистическим данным [12, с.84-85], протоваханский язык, кажется, отделился от других восточноиранских диалектов на рубеже I-ой тысячи тысячелетия до. н.э. К тому же в «разные исторические периоды формирование и развитие ваханского языка происходило по-разному. Вахан, как и все другие территории Памира, в 1895 был разделён договором, заключённым между Россией и Англией, в результате ваханцы были отделены друг от друга границей Китая, России, Афганистана и Британской Индии. Язык тоже начал развиваться по-своему, будучи специфически отдалён в этих государствах. В результате разделений язык ваханцев Афганистана, Таджикистана, Пакистана и Китая стал различаться на уровне фонетики, морфологии, синтаксиса и лексического состава, особенно заимствованными единицами. В Афганистане на ваханский язык повлияли дари и пушту, в Таджикистане – таджикский, русский и памирские языки, в Китае – уйгурский, китайский и сарыкольский, другие памирские языки и киргизский, в Пакистане (в провинции Гилгит-Балтистан, в верховьях Хунза-Нагарского района, в Годжале, в долине Ишкоман на территории Гхизарского района) – урду, дардские языки, бурушаски, шина и английский. Ваханская территория Таджикистана имеет 3 диалекта: Нижний Вахан (селения от Нижнего Наматгута до Шитхарва), Средний Вахан (от Змудга до Дриджа), Верхний Вахан (от Ширгина до Ратма) [11]. Что касается других вариантов ваханского языка, то из-за отсутствия материалов судить об их лингвистических особенностях не представляется возможным и требует немало усилий.

В Пакистане используется иранская транскрипция и имеются письменность, радио. «Вахан в прошлом был связан караванными путями с Афганистаном и с областями к югу от Гиндукуша. Когда-то здесь проходил «Шёлковый путь» в

Китай, по которому прошел Марко Поло» [11, с.6]. Точное число ваханоговорящих нам не удалось установить, однако утверждение о том, что приблизительно «общая численность говорящих на вахи составляет около 50 000-70 000 человек»¹, ближе к действительности.

Хотя ваханский язык был распространен на огромной территории, однако европейская наука узнала о нем довольно поздно. В 1835 А. Бёрнс в своей книге “Travels in Bokhara” (стр. 136) дает информацию о ваханском языке и публикует несколько слов (Бёрнс 1835:136, vol. III). Огромный вклад в изучении ваханского языка внёс английский ориенталист Роберт Беркли Шоу (1839-1879). Отмечая ценность его обширных материалов по ваханскому языку, надо сказать, что он определил основные задачи и направления изучения ваханского языка. Как пишут другие учёные, «материалы А.Шоу были позже использованы В.Томашеком, а также В.Гейгером при составлении очерка, посвященного памирским языкам, в компендиуме по иранской филологии, и Г.Грирсоном в соответствующем разделе его обзора языков Индии ... Некоторое количество ваханского материала содержится в более поздних работах А.Юлера и Х.Шелда» [2, с.10, 11]. Г.Моргенстиерне дополнил ценные материалы по изучению этимологии (Моргенстиерне: IFL, 429-558). В 1985 вышла книга Д.Л.Лоримера под названием «The Wakhi language», где даётся введение о ваханском языке, фонетике, грамматике, а также ваханский текст (Lorimer 1958). Уникальность работы заключается в том, что материалы были собраны немножко раньше в Хунзо, Чатроле, Ишкомане, Ясине, в ближайших сёлах в 1935 году, однако помощь Халифа Фарагата в его работе довольно велика. Если сравнить данные того времени, то становится ясно, что число ваханцев на всех территориях уменьшается. Очень ценные работы по ваханскому языку принадлежат И.М.Стеблин-Каменскому, который основывается на материалах, собранных им в 1966-1969, 1972, 1976 гг. в правобережном Вахане [2; 9; 10; 11 и др.]. Известно, что автор также проверил материалы всех предшествующих исследователей (словари и списки слов в работах Р.Шоу, Г.Моргенстиерне, С.И.Климчицкого, И.И.Зарубина², Т.Н.Пахалиной, Д.Л.Р.Лоримера, Шах Абдуллаха Бадахши и др.), также были уточнены фонетические и фонологические вопросы [11]. В 1976 А.Л.Грюнберг и И.М.Стеблин-Каменский публикуют обширные уникальные материалы о ваханском языке, его фольклоре и этнографии, где предоставляются образцы живой разговорной речи, рассказы этнографического содержания, грамматический очерк и ваханско-русский словарь [2].

Состав фонем ваханского языка, как гласных, так и согласных, отличает его от других памирских языков. Как сообщают другие ученые, «впервые И.И.Зарубин (при участии Щербы) установил фонетический состав ваханского языка. Также состав фонем довольно подробно описан В.С.Соколовой и опубли-

¹ Wakhi Language. URL: [GLOBALROOF. Режим доступа: http://globalrooftimes.blogspot.com](http://globalrooftimes.blogspot.com)

² Ваханский консонантизм был установлен И.И.Зарубиным в его неопубликованных текстах и словаре и кратко (с иллюстрацией палатограммами) описан В.С.Соколовой [Соколова. Очерки. II. С.221-224].

кован в ее «Очерках по фонетике иранских языков» [8, с.209-229]. Наш материал ваханского языка, с привлечением носителей языка, был проверен. Подробное описание ваханского языка встречается в других работах (см подробно в работах Грюнберга, Стеблин-Каменского и Т.Н.Пахалиной [2; 5, с.537; 15, с.209-229; 5; 6; 7]). Поэтому не считаем целесообразным вновь приводить и давать характеристику работ, посвященных ваханскому языку.

Как известно, в ваханском языке существуют 42 звука, из них 10 гласных фонем, 7 из них <ī>, <ē>, <ê>, <ā>, <ō> и <û>, – долгие и 3 кратких <a>, <i>, <u>. Состав консонантизма исследован В.С.Соколовой, дополнен А.Л.Грюнбергом, И.М.Стеблин-Каменским. В основном согласные звуки мало отличаются от других памирских языков, однако некоторые из них имеют отличительные фонетические черты и требуют уточнения.

Проблема вымирания языков во всем мире не новая, и последние десятилетия она активизировалась по разным причинам. Это особенно остро ощущается в лексике малых языков. Так как ваханцы, в основном, занимались, земледелием и скотоводством, лексика, связанная с ремеслом, довольно архаична и глубоко связана с этими и другими занятиями. Ремесло началось с производственной деятельностью человека, которая отражалось в языке. Данная категория лексики была накоплена в течение многих веков и передавалась из поколения в поколение, принимая различные формы. Как правило, ремесло различается по следующим видам: (1) плотницкое, (2) ткацко-прядельное, (3) гончарное, (4) кузнечное, (5) столярное, (6) портняжное, (7), шорное, (8) пекарное (печное), (9) сапожное, (10) скорняжное, 11 (печное), (12) ювелирное ремесло.

В данной статье предпринята попытка исследовать, классифицировать и проанализировать ткацкую и прядельную лексику и слова, связанные с данными ремёслами в ваханском языке, что требует отдельного научного рассмотрения. Материал исследования был отобран методом сплошной выборки из словарей и научных работ по ваханскому языку (А.Л.Грюнберг, И.М.Стеблин-Каменский. 1976; Т.Н.Пахалина. 1976, D.L.R.Logimer и др.) и из интервью с носителями. Автором были составлены таблицы, состоящие из 146 языковых единиц, связанных с ткачеством и прядением, приведённых и классифицированных по тематическим группам, что подготовило почву для сопоставления ткацкой лексики с аналогичной лексикой других памирских языков для выявления их исторического сходства и различия, а также для реконструкции древней восточноиранской (пропамирской) лексики.

Лексика ткачества и прядения тесно связана с бытовыми потребностями людей, однако со временем она эволюционировала, приобретая культурное и социальное значение. В ваханском языке, несмотря на наличие общеиранской лексики, прослеживается её самостоятельное развитие, что привело к появлению специфических терминов, относящихся к ткацко-прядельному ремеслу. Лексика ткачества и прядения подразделяется на названия лица по деятельности, глаголы действия, названия предметов прядельного производства (одежда, головные уборы, обуви, украшения), постельных принадлежностей, названия деталей швейных, ткацких и сапожных изделий, ёмкостей для сыпучих материалов и прочих

вещей, названия изделий, связанных с выючными животными, названия других изделий, связанных с бытом и хозяйством, названия тканей (материала), волокон и нитей, названия инструментов ткачества и прядения, названия текстильных станков (оборудования), прялок и их частей, лексика, связанная с цветами, используемыми в ткацкой работе, слова, связанные с единицами измерения, используемыми во время ткачества и прядения, и другие слова, имеющие отношение к процессам ткацкого и прядильного производства. Для более полного и системного изучения данной лексики представляется целесообразным разделить её на тематические группы.

1. Глаголы действия и воздействия, связанные с лексикой ткачества и прядения: *drav-*: *dravd-*: *dravd-*, *d(ə)rəvd* – шить, вышивать, *vrin*, *vruiyn* -: *writ* – стричь (шерсть), *lwarsk-xaš* – прясть, мотать нитки, *žyp*: *žəvd* – прясть, *breš di* – кроить, резать материю для шитья, *səbas(s)ic* – в соч. *səbas(s)ic car-*, *di* – делать стежки, шить, *kəmonək di* – трепать шерсть, *pidžip* –, *pidžyv* : *pidžopt* –, *pidžəvd* – скручивать нить (вдвое), *ыf-*, *ыf-* : *oft* – вязать, ткать, плести, заплетать, *čok-* : *čokt* – резать, *тыš* : *tošt* – строгать, тесать и др.

2. Общие слова, описывающие одежду: *luq-par* – одежда, *барахло*, *baɬ* – одежда, одевание и др.

2.1. Названия одежды:

2.2.1. Головные уборы: *dəsmol* – платок, *sarjūč* – детская головная повязка, женская головная повязка (из белой материи), *čil* – платок (женский), покрывало; материя, *šol* – шаль, платок, *rəmol* – платок.

2.2.2. Верхняя одежда: *škan* – вишивной кусок материи, клин, ластовица, *čəktəp* – чекмень – халат из домотканого сукна из овечьей шерсти, широко распространенная ранее в Припамирье верхняя мужская одежда (ныне замененная фабричными пальто), *bila/dastbila* – шерстяные перчатки. Вязанные из белой шерсти перчатки с разноцветными узорами (аналогичными узорам на джурбаках) – часть свадебного наряда жениха, *dastmyza* – рукавица (рукавица из кожи или плотной материи, применяемая во время жатвы, *jərab* – шерстяные чулки (длинные носки, вяжутся без пятки, *krəst* – тулуп, шуба, *šəwolək/patlun* – брюки, *rəndaq* – кожаный ремень, *šyšk* – сапоги из сыромятной кожи без каблуков, *dəriši* – костюм, мундир, *dəstor* – тонкая ткань, марля, чалма, *ləngi* – надбедерная повязка, поясной платок, *son-təmbun* – белые мужские штаны, *woskaɬ* – жилет, безрукавка, телогрейка без рукавов и др.

2.2.3. Названия обуви: *šyšk* – местные сапоги из сыромятной кожи (поршни).

3. Названия украшений: *časkôrd* – ожерелье из крупных (агатовых, сердоликовых) бусин, *məsərgal* – ожерелье из крупных бусин и др.

4. Названия постельных принадлежностей: *kətpal* – шерстяное одеяло, *kəgra* – одеяло, *čodir* – постельные принадлежности; *vorz-ǰəl* – скатерть, наволочка; *kəgrača* – постель, матрац, подстилка, тюфяк.

5. Названия деталей швейных, ткацких и сапожных изделий: *astar* – подкладка, обратная сторона, изнанка, *čikān(duzi)* – вышитый воротник чекменя, *šyšk-band* – завязка, тесемка (придерживающая сапоги на щиколотке),

breš – кусок материи, вышивка, *dəstor* – тонкая ткань, марля, чалма, *derwič* – кожаная заплата на сапоге, *gərdgi* – кусок толстой кожи для подошвы, *jībək* – карман, *kafrošt* – заплата (на подметке), *kəngəra* – вышивка окольши, *kərnaxš* – название узора вышивки, *čərbux* – сморщившаяся и потрескавшаяся засохшая шкура, кожа, *čiu* – подметка, *təškili* – узор вышивки на верхней части тюбетейки, *piḡani* – кусок материи на одно платье, *sargaz* – отрез сукна, кусок шерстяной ткани, *šaydoyi* – тип вышивки на тюбетейке, *kərnaxš* – название узора вышивки, *škan* – вышивной кусок материи, клин, ластовица *čok* – разрез, разрыв, *rəṭuung* – нитяной пояс (для подштанников или женских шаровар), *taš* – обшивка, облицовка (об обшитой материей шкуре, тулупе).

6. Названия ёмкостей для сыпучих материалов и прочих вещей: *čil* – материя, фильтр (для муки из материи, марли, также из конского волоса), *tašk* – кожаный мешок для масла, воды, *rətvər* – кожаный мешок (для муки, зерна, *talīča* – мешочек и др.

7. Названия изделий, связанных с вьючными животными: *qalida* – ошейник; *laʃot*, *uixup* – поводья, узда, *rədn* – седло; *kəṭuon* – потник под седлом вьючных животных.

8. Названия других изделий, связанных с бытом и хозяйством ваханцев: *pozvaš* – шерстяные тесемки, *dastbandək* – верхняя перекладина колыбели, которыми завязывают заплечного младенца, *təlux* – войлочная вьючная сумка, вышитая войлочная сумка невесты, *vorz* – подушка, изголовье, *samdarč* – завязки ярма – бечевка из грубой шерсти, которая подвязывается под шеей вола и др.

9. Названия тканей (материал): *kəpəu* – белая домотканая бумажная ткань, *mata*, *pist* – кожа, шкура, кора, *bəxtal* – бархат, парча, *čulk* – бахрома, *gabruṇ* – род полосатой материи, похожей на тик, привозившейся ранее из Афганистана и Читрала, *yijin/ijin* – войлок, кошма, нижн. *writ*, *kəbōs* – вата, хлопок; хлопчатобумажная материя, *kola* – материя, мануфактура, *lwars* – клачок шерсти (шуг), *son* – бязь, род плотной ткани белого цвета, бязь, *vrešim* – шелк, *aloča* – полосатая ткань для халатов, *pīš* – нитка (для вдевания в иголку), иголка с ниткой *ton* – рулон сукна, свернутый отрез шерстяной материи, *wišk* – плетенный из ивовой коры или лозы обруч, плетеный обод – подставка под котел; головная повязка невесты (из белой материи), *wurit/urit* – нижн. войлок, кошма и др.

10. Названия волокон и нитей: *bit* – уток, поперечные нити ткани, *byrs* – козья, ячья шерсть – употребляется преимущественно для прядения бечевок, *byrž* – узкий кожаный ремешок, полоска кожи, *čətra* – четки, скрученные вместе белая и черная шерстяные нити (*žitr*), – на них завязывают узелки во время молитв, *žər* – шерсть (овечья), *uərov* – мягкая шерсть, пух (подшерсток яков, коз), *kəlowa* – окрашенная пряжа в мотках, *švən* – веревка, канат, *tindā* – шерстяная нить, пряжа, подготовленная для тканья, *vaš* – веревка, канат, *wənoṭ*, ш. *winoṭ*, – нить (шелковая, шерстяная), *žitr* – шерстяные нитки (из овечьей или верблюжьей шерсти) и др.

11. Названия инструментов ткачества и прядения: *kətonak* – палочка для трепания шерсти, *kəz* – нож, ножик, *xown* – большие двуручные ножницы

для стрижки овец, *bastak/bastik* – одноручные ножницы для стрижки овец. ср. *ẋown*, *carzn* – шило, *bastik* – шило, *ṣoqyṯ* – складной нож, перочинный нож, *sic* – иголка, *sril* – ножницы (для стрижки овец) и др.

12. Названия текстильных станков (оборудования), прялки и их частей: *сыtr* – веретено (на прялке), досл. «спряденное» (о нитях), *ṣarx* – колесо, прялка, самопрялка, *kaṣk* – мужское ручное веретено, *ṣarxgərdip* – ручка прялки, отходит тонкий стержень с крючком, на таких веретенах (называемых также *duk/dyk*, ср. *сыtr*) мужчины прядут бечевки (*darč*) из козьей или ячьей шерсти для плетения паласов, *ṣərtak* – две тальниковые вилки, в которых удерживается веретено (*сыtr*) на прялке, *dyk* – ручное веретено, — палочка с расщеплением на конце для прядения козьей, ячьей шерсти, «самого первобытного способа прядения, — *liw-ṣarx* моталка (прялка) для козьей шерсти, *tokyṯ* – ткацкий челнок, *naṭək* – палочка для наматывания ниток, *pidōf* – лучок (для разборки, взбивания шерсти, *gəṣryk* – челнок, *шпулька* (ткацкая) — палочка для продергивания нити утка (*bit*) с при плетении паласов, *sarpəra* – обмотка (из шерсти или веревки) спиц колеса самопрялки, *iṣək* – цевка челнока (ткацкого станка), *ṣarṣyr* – название части станка для плетения паласов, *tikta(y)* – кудель — соединенные вместе клочки шерсти при прядении нити; кокон шелкопряда, *rərwəl* – деревянная шайба на веретене (*сыtr*) прялки (*ṣarx*) и др.

13. Лексика производства ткацкого и прядильного ремесла: *lwarsk* – веретено с камешком – для прядения козьей, ячьей шерсти, *darč* – бечевка (из грубой шерсти, обычно козьей или ячьей, используется, в частности, и для плетения грубошерстных ковров – паласов, *kəlowa* – окрашенная пряжа в мотках и др.

14. Лексика, связанная с цветами, используемыми в ткацкой работе: *jigari* – коричневый, *alo* – пестрый, *bəztiṯ* – козья шерсть, *byrṣ* – узкий кожаный нить, полоска кожи.

15. Слова, связанные с размером, длиной и единицей измерения, используемые во время ткачества и прядения: *arət* – локоть (мера длины) — расстояние от локтя до конца пальцев (около 2 газа; по данным, *avart*, верхн. *avərt* пядь (мера — расстояние между вытянутыми большим пальцем и мизинцем) и др.

16. Другие частотные слова, связанные с процессами текстильного и прядильного производства: *ṣorsixa* – способ вязания — вязка четырьмя спицами (распространилась в последнее время, в отличие от *yaksixā*). *drevakызg* — шьющий, *duṣixa/buṣixa* – способ вязания — вязка двумя спицами и др.

Лексика ткачества и прядения, которая с давних времен использовалась ваханцами, является архаичной. Этот пласт лексики глубоко связан с жизнью носителей языка и накапливался веками, передаваясь из поколения в поколение, она прошла длительный исторический путь развития и принимала различные формы.

В последние годы данные реалии выходят из активного употребления, что обусловлено многочисленными причинами; отсутствие письменности, отсутствие языка в среде СМИ и печатных изданий, а также ограничение употребления в связи с социально-экономическими факторами. С утратой прядильного ре-

месла происходит архаизация и выпадение лексики. Вместе с тем, очень много исконных слов сохранилось в составе лексики памирских языков, которые помогут исследователям приблизиться к общему для иранских живых и неживых языков источнику.

Литература

1. Андреев М.С. Материалы по этнографии иранских народов Средней Азии. Ишкашим и Вахан / М.С.Андреев, А.А.Половцов. СМАЭ. – СПб., 1911. – 41 с.
2. Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Ваханский язык. Тексты и словарь. – М.: Изд-во восточной литературы, 1976. – 672 с.
3. Лашкарбеков Б.Б. Ваханский глагол в историческом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 / Лашкарбеков Богшо Богшоевич. – М.: АКД, 1984. – 19 с.
4. Пахалина Т.Н. О происхождении топонимов «Ишкашим», «Язгулям» и «Вахан» // Иранское языкознание. – М., 1976. – С. 43-49.
5. Пахалина Т.Н. Ваханский язык. – М.: Изд. Наука, 1975. – 341с.
6. Пахалина Т.Н. Памирские языки. – М.: Наука, 1969. – 165 с.
7. Пахалина Т.Н. Сравнительно историческая морфология памирских языков. – М.: Изд-во «Наука». 1987. – 263 с.
8. Соколова В.С. Очерки по фонетике иранских языков. Т.II. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 247 с.
9. Стеблин-Каменский И.М. Новые материалы по ваханской лексике // Иранское языкознание. Ежегодник 1980. – М., 1981. – С.178-185.
10. Стеблин-Каменский И.М. Историческая классификация ваханских глаголов // Иранское языкознание. Ежегодник 1980. – М., 1981. – С.57-66.
11. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. – 480 с.
12. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. – М., 1986. – 231 с.
13. Wakhi 2002 Peter C. Backstrom. Wakhi // Language of Northern Areas. Vol.2. – Islamabad, 2002. – P.51-1A.
14. Kreutzmann H. Ethnizität in Entwicklungsprozess – Die Wakhi in Hochasien. – Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1996. – 488 с.
15. Loremer D.L.R. The Wakhi language. Introduction, Phonetics, Grammar and Text. Vol. I. – London, 1958. – 427 p (PDF version 868 p.).

WEAVING AND SPINNING VOCABULARY IN THE WAKHAN LANGUAGE

Alamshoev Shervonshho Mukbilshoevich

Doctoral student of the chair of foreign languages
Khorog state university named after Moensho Nazarshoev
736000, Republic of Tajikistan, GBAO, Khorog, Sh. Shotemur str., 109
Ph.: (+992) 93 804 79 04 (m.)
sh.alamshoev@gmail.com

In the article, a synchronic analysis of the vocabulary of weaving and spinning in the Wakhi language for a further comparative-historical analysis of the handicraft vocabulary of the Pamir languages is provided. The weaving and spinning vocabulary of the Wakhan language is deeply connected to the history of its native speakers. It includes thematic groups such as names of individuals by occupation, action verbs, names of spinning items (clothing, headwear, footwear, jewelry), names of bedding, names of parts of sewing, weaving, and shoemaking products, names of containers for bulk materials and other items, names of items associated with pack animals, names of other items related to everyday life and the economy, names of fabrics (materials), names of fibers and threads, names of weaving and spinning tools, names of textile looms (equipment), spinning wheels and their parts, vocabulary related to colors used in weaving, words related to size, length, and units of measurement used in the weaving process.

In recent years, craft vocabulary has been lost. On the one hand, this vocabulary is quite archaic in relation to the linguistic worldview. On the other hand, technological advances, internationalization, and globalization in all their manifestations, as well as political, religious, economic, and social factors, are influencing this vocabulary.

Keywords: Wakhan language; craft vocabulary; weaving and spinning vocabulary; Pamir languages.

ЛЕКСИКАИ БОФАНДАГӢ ВА РЕСАНДАГӢ ДАР ЗАБОНИ ВАХОНӢ

Аламшоев Шервоншоҳ Муқбилшоевич

Докторанти кафедраи забонҳои хориҷии

Донишгоҳи давлатии Хоруғ ба номи Моёншо Назаршоев

736000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ВМКБ, Хоруғ, кӯч. Ш. Шотемур, 109

Тел.: (+992) 93 804 79 04 (м.)

sh.alamshoev@gmail.com

Мақсади тадқиқот таҳлил ва муайян намудани хусусиятҳои фонди луғавии бофандагӣ ва ресандагӣ дар забони вахонӣ мебошад.

Лексикаи бофандагӣ ва ресандагии забони вахонӣ бо таърихи мардуми вахонзамин алоқаи зич дошта дар дохили он гурӯҳҳои мавзӯии зеринро метавон мушоҳида намуд, ба монанди луғати бофандагӣ ресандагӣ, номгӯии шахсо аз рӯи ғайриҷойӣ, ғайриҷойӣ амал, номгӯи ашёи истеҳсоли (либос, қулоҳ, пойафзол, ҷавохирот), номҳои ҷойгаҳ, номгӯии калимаҳои дӯзандагӣ, бофандагӣ ва пояфзолдӯзӣ, номгӯии зарфҳо барои маводҳои моеъ ва дигар маводҳо, маҳсулот барои ҳайвоноти боркаш (хонагӣ), номҳои дигар маҳсулоти рӯзгор, номгӯии матоъ (мавод), номгӯии нахҳо ва риштаҳо, номгӯии асбобҳои бофандагӣ ва ресандагӣ, номгӯии асбобҳои бофандагӣ (таҷхизот), ҷарҳҳои ресандагӣ ва қисмҳои онҳо, лексикаи ҳунариҳои бофандагӣ ва ресандагӣ, луғати номгӯии рангҳои дар қори бофандагӣ истифодашаванда, калимаҳо вобаста ба ҳаҷм, дарозӣ ва воҳиди ченаки бофандагӣ ва ресандагӣ ва дигар калимаҳои марбут ба равандаҳои истеҳсоли бофандагӣ ва ресандагӣ мебошад.

Таҳлили синхронии лексикаи мазкур барои тадқиқи минбаъдаи таърихӣ-муқоисавии забонҳои помирӣ маводро фароҳам меорад. Навоварии илмӣ мақолаи ба муомилаи илмӣ дохил намудани маводи реалӣ, ки то ҳол мавриди таҳлили пурраи забоншиносӣ қарор нагирифтанд, мебошад. Дар натиҷаи тадқиқот муайян шуд, ки солҳои охир лексика ҳунаремандӣ дар арафаи маҳвшавӣ қарор дорад. Таҳлил нишон медиҳад, ки ин қабати луғат қадимӣ буда, рушди технология, интернационализиатсия, зухуроти ҷаҳонишавӣ, омилҳои сиёсӣ, динӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоӣ ба он таъсири зиёде мерасонанд. Лексикаи ҳунаремандии забони вахонӣ дар солҳои охир мавриди омӯзиши илмӣ қарор дода нашудааст.

Калидвожаҳо: забони вахонӣ; лексикаи ҳунари; лексикаи дуредгарӣ; забонҳои помирӣ.

УДК 811.111+811.512.122

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА “УВАЖЕНИЕ” В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Турсунова Шахло Аюбджановна

Старший преподаватель кафедры перевода и грамматики английского языка
ГОУ “Худжандский государственный университета имени акад. Б.Гафурова”
735019, Республика Таджикистан, Согдийская область,
Худжанд, проезд Мавлонбекова, 1
Тел.: (+992) 92 747 49 04 (м.)
shakhlotursunova@mail.ru

Статья посвящена комплексному сопоставительному анализу лингвокультурного концепта «уважение» в английской и таджикской языковых картинах мира. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистики к проблемам взаимодействия языка, культуры и мышления, а также необходимостью углубленного изучения ключевых этических категорий в условиях межкультурной коммуникации.

В статье предпринята попытка выявить общие и специфические черты в структуре и семантике концепта «уважение» в двух лингвокультурах через анализ его языковых репрезентаций, систематизировать основные лексико-семантические средства вербализации данного концепта, проанализировать семантические компоненты, составляющие значение ключевых лексем, репрезентирующих уважение (англ. respect, esteem, honour; тадж. эхтиром, иқром, хурмат), установить культурно-обусловленные особенности реализации концепта, отражающие социальные иерархии, традиции и ценностные ориентации носителей английской и таджикской культур.

Несмотря на универсальность этической категории уважения, её языковое воплощение и аксиологические акценты в английском и таджикском языках имеют значительные различия. В английской лингвокультуре концепт «уважение» в большей степени связан с личными достижениями, правами и автономией индивида. В таджикской лингвокультуре, глубоко укоренённой в традиционных и исламских ценностях, концепт «эхтиром/хурмат» неразрывно связан с возрастной и социальной иерархией, почитанием старших, гостеприимством и коллективизмом. Эти различия находят прямое отражение в паремиологическом фонде и особенностях употребления соответствующих лексических единиц.

Ключевые слова: лингвокультурология; концепт уважение; структурно-семантический анализ; сопоставительный анализ; английский язык; таджикский язык; языковая картина мира; фразеология.

В современной лингвистике, находящейся на пересечении антропоцентрической и культурологической парадигм, центральным объектом изучения становится концепт как ментальная единица, отражающая ценности, традиции и специфическое мировидение того или иного лингвокультурного сообщества. Среди базовых концептов, формирующих этическое пространство культуры, особое место занимает концепт «уважение». Его изучение является особенно актуальным в

контексте интенсивно развивающихся межкультурных контактов, где несовпадение в понимании и проявлении уважения может привести к коммуникативным сбоям и культурным конфликтам.

Сопоставительный анализ данного концепта в английском и таджикском языках представляет значительный научный интерес в силу их принадлежности к разным лингвокультурным ареалам: западному (англо-саксонскому) и восточному (иранскому, с сильным влиянием персидско-исламской традиции). Английская культура, с её ориентацией на индивидуализм, личные достижения и равенство, и таджикская культура, для которой характерны коллективизм, почитание старших и глубокое уважение к социальной и возрастной иерархии, предлагают различные модели репрезентации этого сложного этического понятия. Выявление этих различий и сходств позволяет не только глубже проникнуть в суть каждой из культур, но и расширить теоретические представления о способах вербализации универсальных человеческих ценностей.

Понятие «уважение» и его языковые корреляты многократно становились предметом научного анализа как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Различные аспекты концепта «*respect*» в английском языке исследовались в рамках лингвокультурологии, прагматики и социолингвистики. Аналогично, этические категории таджикской лингвокультуры, включая «*эхтиром*», «*хурмат*» и «*икром*», рассматривались в работах отечественных иранистов и этнолингвистов. Однако комплексный структурно-семантический анализ концепта «уважение» именно в сопоставительном аспекте английского и таджикского языков не было подвергнуто комплексному анализу.

Лингвистические направления в последние годы получают всё большее развитие и в центре внимания находятся исследования ментального аспекта процесса коммуникации. Концепты, понимаемые как структурные единицы человеческого сознания, вызывают наибольший исследовательский интерес, так как именно они являются частью национальной культуры.

Под "концептом" понимается некая "универсалия", "общая идея", закреплённая в ментальности, психике, языке и воспроизводящая картину мира и стереотипы поведения представителей того или иного этноса. Исходя из этого каждое, слово или действие становится "концептом" только в процессе коммуникации [1].

Впервые в российской науке термин концепт был употреблён С.А.Аскольдовым в 1928 году. Он определил концепт как мыслительное образование, которое замещает в процессе мысли неопределённое множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода [1].

Как отмечает Н.Н. Болдырев, "структура и содержание различных концептов выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты" [2, с.26]. Первоначально анализ концепта предполагает определение его репрезентантов, для каждого из которых приводятся словарные дефиниции.

Концепты представляют собой абстрактные единицы, которые отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания окружающего мира.

По мнению учёных, сферы лингвокультуры, выбор методов исследования концептов зависит от типа (содержательный, структурный) и от подхода (философский, лингвокогнитивный, лингвокультурологический, психологический) изучение концепта, а также от материала исследуемых языков. В статье проводится структурно-семантический анализ концепта «Уважение» с позиций лингвокогнитивистики. Цель исследования – выявить и описать его внутреннюю организацию, а также вербализацию в таджикском и английском языках. Методология включает компонентный анализ, концептуальный анализ и изучение лексикографических источников. Результаты демонстрируют сложную многоуровневую структуру концепта, отражающую его ключевую роль в аксиологической картине мира таджикской и английской лингвокультур.

Сложность структуры концепта стала причиной возникновения различных мнений об основных составляющих концептов.

Как отмечает Ю.С.Степанов, к структуре концепта принадлежит «всё то, что принадлежит строению понятия», а с другой стороны, в его структуру входит «всё то, что делает его фактом культуры», а именно этимология, история, современные ассоциации, оценки и другое [15].

В последнее время в современной лингвистике намечается растущий интерес к изучению её антропоцентрических аспектов в целом и категории вежливости, в частности. Она изучается на материале одного языка в рамках отдельности лингвокультурной общности, а также на материале нескольких как одноструктурных так и разноструктурных языков в различных лингвокультурных общностях, что позволяет проводить межкультурные сравнения в этой области.

Итак, концепт – это единица коллективного знания/сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой.

Чаще всего учёные приписывают представительство концепта в языке слову, а само слово получает статус имени концепта – языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. Однако слово как элемент лексико-семантической системы языка всегда реализуется в составе той или иной лексической парадигмы, что позволяет его интерпретировать как:

- 1) инвариант парадигмы, образованной ЛСВ этого слова;
- 2) имя смыслового (синонимического) ряда, образованного синонимами, соотносимыми с одним из ЛСВ слова [7, с.4; 8, с.67].

В любом случае, концепт, как правило, соотносится более чем с одной лексической единицей, и логическим завершением подобного подхода является его соотнесение с планом выражения всей совокупности разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических и афористических) средств, описывающих его в языке [10, с.6], то есть, в конечном итоге концепт соотносим с планом выражения лексико-семантической парадигмы.

Поскольку данная статья посвящена структурно-семантическому анализу концепта «Уважение», хотелось бы сначала дать характеристику самому слову *уважение*. Так что же такое уважение?

Уважение – это понятие, относящееся к способности ценить и почитать личность другого человека, его слова и поступки, даже если мы не разделяем и не одобряем его действия.

Уважение можно определить как почтительное отношение и особая оценка кого-либо или чего-либо, основанная на признании достоинств, заслуг или высоких качеств. Анализом понятия «Уважение» занимались философы И.Кант, М.Бубер и И.Левинас.

По мнению знаменитого философа И.Канта уважение устанавливает норму человеческих отношений даже в большей мере, чем симпатия. Только на основе уважения может появиться взаимопонимание.

Уважение является одним из важнейших требований нравственности. Сложившееся в моральном сознании общества понятие «уважения» предполагает: *справедливость, равенство прав, внимательное отношение к убеждениям, устремлениям, скромность, вежливость*.

В таджикском языке понятие «*respect*» - «*уважение*» - «*эхтиром*» формируется посредством таких вариантов как «*хурмат*» - «*уважение*», «*иззат*» - «*уважение*», «*икром*» - «*уважение*». Для подтверждения приведём следующие примеры: «*Ман ҳам бо камоли эҳтиром як даста авроқи ҳикматро ба даст гирифта, аҳд кардам, ки*» [2, с.23]. – «*Я также с почтением взял горсть листьев мудрости и поклялся*», «*Лоақал ҳурмати нону намак не?*» [9, с.45]. – «*Неужели нет хоть кого-то уважения к хлебу и соли*», «*Ҳикоят мекунамд, ки марди некному нақуре иззату икромии Ҳаҷҷоҷ ибни Юсуфро, ки ҳокими Бағдод буд, ба ҷой наовард*» - «*Говорят, что хороший и добродетельный человек не оказал почтения и уважения Хаджаджу ибн Юсуфу, правителю Багдада*» [9, с.54].

В выше приведённых примерах таджикские слова – *эхтиром*, то есть «*хурмат*», «*иззат*», «*икром*» – (уважение) выступают как синонимы уважения и входят в единое семантическое поле.

Не подлежит сомнению, что вежливость является одной из составных частей концепта уважение. Существует огромное количество теорий, связанных с категорией вежливости. Языковая категория вежливости исследована в работах Н.И.Формановской [13], в монографии Т.В.Лариной [6] и многих других исследователей. Так, Т.В.Ларина пишет: «Вежливость понимается как национально-специфическая коммуникативная категория, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при интеракциональной коммуникации (установлении, поддержании и завершении межличностного контакта)» [5, с.17]. Отмечается также, что понятие вежливости в разных культурах различно. В каждой культуре существует своё содержание понятия вежливости, которое отражается в языке [5, с.14].

Таким образом, наиболее частым толкованием вежливости в обеих культурах оказалось «проявление уважения к другим людям», однако, важно отметить, что слово уважение в английском и таджикском языках, означает не одно и то же. Английское слово *respect* (уважение) имеет следующие значения: *consideration* – внимание, уважение, *deference* – почтение, *esteem* – почтение, *regard* – внимание [18]. В толковых словарях в качестве синонимов таджикского слова «*эҳтиром*» (уважение) приводятся почитание, *хурмат*, *иззату икром* (почтение, почтительность, уважительность) [17].

He was **respected** all along the Volga as a man of wealth and brains [20, с.7].

Его **уважали** по всей Волге как человека богатого и умного.

Приведём примеры английского варианта концепта *уважение* – **respect-уважение, consideration-внимание, deference-почтение, esteem-почтение, regard-внимание.**

The faculty all **regard** the doctor as one of the best in the field, always treating him with both **respect and admiration** [20].

Весь преподавательский состав считает доктора одним из лучших в своей области, всегда относясь к нему с **уважением и восхищением.**

The professor had taught for years and enjoyed the **esteem** of all his colleagues [20].

Профессор преподавал в течение многих лет и пользовался **уважением** всех своих коллег.

He had given her **respect, consideration** and love [20].

Он оказал ей **уважение, внимание** и любовь.

The king was angry that the men did not show enough **respect and deference** to him [20].

Король был в гневе из-за того, что люди не проявили к нему должного уважения и почтения.

Таким образом, если сравнить синонимические цепочки в дефинициях двух языков, то видно, что в таджикском языке из этой цепочки выпадает слово «внимание» (*consideration*), то есть уважение и внимание не являются в таджикском языке синонимами. Английское слово «*respect*» может выражать как внутреннее состояние, так и внешнее проявление этого состояния:

A feeling of admiration that you have for someone because of their personal qualities, their achievements, or their status, and that you show by treating them in a polite and kind way [17].

Consideration-внимание всегда выражает внешнее проявление внимания:

A kind way of behaving that shows you care about other people's feelings and needs' [16]; to show consideration for others.

Добрый способ поведения, показывающий, что вы заботитесь о чувствах и потребностях других людей, [16]; проявление внимания к другим.

Например: You must treat them with more **consideration** [20].

Вы должны относиться к ним с большим вниманием.

В таджикском языке слово уважение толкуется как «почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств» [16], почтение, являющееся его синонимом, – как «глубокое уважение» [16].

В английском языке для выражения уважения, основанного на признании достоинств собеседника, существует также слово *deference*, соответствующее таджикскому *иззат*, *хурмат* (почтение):

It suggests that the person to whom you are deferring is somehow more worthy by virtue of age or experience and that their judgement overrules your own [17].

Предполагается, что человек, к которому вы доверяете, каким-то образом более достоин в силу возраста или опыта, и что его суждение перевешивает ваше собственное.

Но в связи с демократизацией общества и отношений данное слово в современном английском языке приобрело некоторую отрицательную коннотацию [17]. Сопоставление толкований данных слов выявляет следующее различие в понимании уважения носителями двух культур: для англичан уважение (*respect*, *consideration*) – это, прежде всего, уважение как внимание к другим людям, которое проявляется внешне: в манерах поведения и в речи; для таджиков – это, скорее, внутреннее отношение, и касается оно всех, то есть уважение как почтение. Сопоставление семантики глаголов *to respect* и уважать также выявляет эти различия.

Ср. уважать –

1. Относиться с уважением к кому-чему-н. Уважение старших. Уважение чьей-либо седины.

2. Считаться с кем-чем-н., принимать во внимание и соблюдать чьи-н. интересы [19];

to respect –

1. to feel respect (especially for a person or their qualities). – чувствовать уважение;

2. to show careful consideration [19]. – показывать внимательное уважение

Таким образом, за внешне похожей трактовкой вежливости как уважения других скрывается разное содержание: вежливость как внимание к другим (у англичан) и вежливость как почтение (у таджиков).

Данные факты свидетельствуют о том, что в таджикском коммуникативном сознании вежливость выступает как антипод грубости, вежливость – это отсутствие грубости, вежливый значит не грубый. Наши наблюдения совпадают с выводами других исследователей, которые отмечают, что в современном языковом сознании вежливость имеет меньшую яркость, чем грубость и выступает не самостоятельно, а как антипод грубости [11, с.95]; дихотомия «вежливость – грубость» носит контрастный характер (т.е. между ними не мыслится что-то среднее, человек, который не грубит, уже считается вежливым), а грубость является базовым членом в данной оппозиции [3, с.54].

Эта особенность имеет принципиальное значение: она подтверждает прежние выводы и раскрывает суть различия между английским таджикским концептами вежливости. В таджикском языке вежливость – это соблюдение правил по-

ведения, а в английском – демонстрация уважения, внимания к окружающим, что соответствует семантике слов «*боадаб, хушмуомила*» и *polite* в двух языках.

Напомним: «*боадаб, хушмуомила*» – *вежливый* – «*соблюдающий правила приличия; учтивый*» [17]; *polite* – «*showing consideration for others in one's manners, speech, etc.*» [18] (показывающий внимание к другим манерами и речью); «такой, который в общении с другими соблюдает внешние правила этикета и демонстрирует своими манерами уважительное отношение к партнеру по общению» [17]. Синонимами этого слова являются слова *civil* – *вежливый, courteous* – *вежливый, courtly* – *вежливый, gallant* – *галантный, chivalrous* (книжн.) – рыцарский, отличающиеся друг от друга по характеру и форме проявления вежливости, особенностям поведения субъекта и адресата. *Polite* и, в меньшей степени, *civil* являются наиболее широкими по значению словами и могут характеризовать любого человека, соблюдающего минимум предписаний вежливого общения с любым другим человеком. При этом *polite* (вежливый, учтивый, благовоспитанный, любезный) обычно описывает воспитанного и тактичного человека, внимательного к чувствам и нуждам других людей [18].

Об ориентированности английской вежливости на партнёра по коммуникации, а также о необходимости совершать определённые коммуникативные усилия, которые не всегда соответствуют желаниям участников коммуникативного акта, свидетельствуют некоторые выражения. Например,

just / only being polite – «говорить что-то из вежливости»

Saying something not because it is true but in order not to offend someone: Did you really like her book, or were you just being **polite**? [19]

Говорю что-то не потому, что это правдв, а чтобы никого не обидеть: Вам действительно понравилась её книга, или вы просто проявили вежливость?

Также словосочетание *polite conversation* (вежливый разговор), которое определяется словарями как *conversation that is made with someone because they are with you and not because you really want to talk to them* [17] – разговор, который вы ведёте с кем-то не потому, что хотите, а потому что этот человек находится рядом с вами.

Как следует из определения вежливости, каждый из языковых уровней характеризуется наличием маркеров вежливости. По мнению Н.Г.Тырниковой, этикетную структуру устного дискурса составляют этикетная рамка, этикетный каркас и этикетные вкрапления. Вежливым в английской культуре считается обращения к матери и отцу, бабушке, дедушке, тетушкам и дядюшкам по наименованию иногда в уменьшительно-ласкательной форме. Обращения – *Grandmother!* – «Бабушка!», *Grandma!* «Бабуля!»; *Gran!* «Бабулька!»; *Nanny!* «Бабулечка!»; *Grandfather!* «Дедушка!» *Grandpa!* «Дедуля!»; *Mother!* «Мама!»; *Father!* «Папа!»; *Mum(my) / Mom(my)!* «Мамочка!»; *Dad(dy)!* «Папочка!»; *Aunt(ie) Lora* «тетя Лора»; в английском языке употребляются по отношению к родственникам [12].

Изучение материалов таджикского языка также показывает, что в процессе коммуникации говорящий часто употребляет вежливые слова по отношению того, к кому направлен разговор. В знак уважения или почитания при обращении

он может употреблять такие слова как “*муҳтарам*” или ласкательный суффикс “*ҷон*”. Например “*муҳтарам устод*” – “уважаемый учитель”, или “*модарҷон*” – “*мамулечка*”.

Махсум аслан аз Бойсун ва номиш Асад. Аммо ҷураҳо ба таври эҳтиром уро Махсум ва ё Махсумҷон мегуфтанд. [4, с.14]. – Махсум был родом из Байсуна, его звали Асад. Однако друзья уважительно называли его Махсумом или Махсумджаном.

Таким образом, говорящи выражает своё почтение и любовь к говорящему.

Предварительный сопоставительный анализ концепта «уважение» в современном английском и таджикском языках позволил выявить тождественность средств его выражения, при этом языковые средства в каждом из этих языков тесно взаимодействуют друг с другом и не существуют вне ситуаций и речевого пространства. Следовательно, можно сделать вывод, что категория вежливости зависит от культуры использования языка представителями различных слоёв языкового социума и неверное использование средства её выражения может привести к разрушению стройности высказываний и в результате говорящий не достигает необходимой цели коммуникации.

Таким образом, проведённый структурно-семантический анализ позволяет сделать вывод о том, что концепт «Уважение» представляет собой сложное, многоаспектное ментальное образование в языковой картине мира носителей как таджикского, так и английского языков. Его ядро составляет позитивное отношение, основанное на признании достоинств объекта. Ближняя периферия раскрывает практические проявления этого отношения: от соблюдения формальных норм до глубокой личной оценки. Дальняя периферия связывает уважение с широким кругом смежных эмоциональных и социальных явлений (благодарность, авторитет, преданность). Вербализация концепта осуществляется разноуровневыми языковыми средствами, что подчёркивает его значимость в системе ценностных ориентаций таджикской и английской лингвокультуры. Концепт «Уважение» функционирует как важнейший регулятор социального взаимодействия, балансируя между формальным признанием статуса и глубокой личной признательностью за нравственные и профессиональные качества.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Academia, 1997. – С.267-279.
2. Бабаджан Икром. Смех. – Худжанд: Хуросон, 2015. – 216 с.
3. Зацепина Е.А. Лексико-фразеологическая объективация концепта «вежливость» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Зацепина Елена Анатольевна. – Воронеж, 2007. – 189 с.
4. Икром Д. 12 ворот Бухары. – Душанбе: Адиб, 2016. – 559 с.
5. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск, 2002. – 116с.
6. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М.: Академия, 2003. – 336 с.

7. Лихачёв Д.С. Концептосхема русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, №1. – 576с.
8. Москвин А.Ю. Англо-русский и русско-английский словарь наиболее употребительных слов и выражений. – М., 1997. – 420 с.
9. Насриддин А. Трогательные истории из «Сада» шейха Саади. – Худжанд: Ношир, 2015. – 236 с.
10. Панченко Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Панченко Надежда Николаевна. – Волгоград, 1999. – 236 с.
11. Романова И.А. Концепт «вежливость» и его объективация в русском языке // Культура общения и её формирование. – Воронеж, 2001. – Вып.8. – С.95-97.
12. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
13. Тырникова Н.Г. Русский речевой этикет как проявление статусно-ролевых отношений (на материале романа А.Н.Толстого «Хождение по мукам») // Филологические этюды. – М., 2001. – Вып.4. – 174с.
14. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: ЭКСМО, 1989. – 150с.
15. Фарханги забони тоҷикӣ: в 2 т. / под ред. М.Ш.Шукурова [и др.]. – М., 1969. – 952с.
16. Gorky M. *Foma Gordeev*. – М., 1978. – 311 p.
17. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow: Pearson Longman, 2009. – 2082 p.
18. Oxford Dictionary. – Franklin Electronics Publisher Inc., 2010. – 1082 p.
19. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.macmillandictionary.com>
20. Концепт и понятие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ozlib.com>

STRUCTURAL AND SEMANTIC ANALYSES OF THE CONCEPT “RESPECT” IN THE ENGLISH AND TAJIK LANGUAGES

Tursunova Shahlo Ayubjonovna

Senior lecturer of the chair of translation and English grammar
SEI “Khujand state university named after academician B.Gafurov”
735019, Republic of Tajikistan, Khujand, Mavlonbekov passage, 1
Ph.+(992) 92 747 49 04 (м.)
shakhlotursunova@mail.ru

This article is dedicated to a comprehensive comparative analysis of the linguacultural concept of "respect" in the English and Tajik linguistic worldviews.

The relevance of the study is determined by the growing interest of linguistics in the problems of interaction between language, culture and thinking, as well as the need for an in-depth study of key ethical categories in the context of intercultural communication.

In the article, an attempt is made to identify common and specific features in the structure and semantics of the concept of “respect” in two linguistic cultures through the analysis of its linguistic representations, to systematize the main lexical and semantic means of verbalizing this concept, to analyze the semantic components that make up the meaning of key lexemes representing respect (English respect, esteem, honour; Tajik ehtirom, ikrom, hurmat), to establish culturally determined features of the concept’s implementation, reflecting the social hierarchies, traditions and value orientations of the bearers of English and Tajik cultures.

Despite the universality of the ethical category of respect, its linguistic embodiment and axiological emphases in English and Tajik languages have significant differences. In English linguistic culture, the concept of "respect" is more associated with personal achievements, rights and autonomy of the individual. In the Tajik linguistic culture, deeply rooted in traditional and Islamic values, the concept of "ehtiroм/hurmat" is inextricably linked with age and social hierarchy, respect for elders, hospitality and collectivism. These differences are directly reflected in the paremiological fund and the peculiarities of the use of the corresponding lexical units.

Keywords: linguacultural studies; concept; respect; structural-semantic analysis; comparative analysis; English language; Tajik language; linguistic picture of the world; phraseology.

ТАҲЛИЛИ СОҲТОРӢ-СЕМАНТИКӢИ КОНСЕПТИ “ЭҲТИРОМ” ДАР ЗАБОНҲОИ АНГЛИСӢ ВА ТОЧИКӢ

Турсунова Шахло Аюбҷоновна

Муаллими калони кафедраи тарҷума ва грамматикаи забони англисӣ

Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Гафуров

735019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хучанд, гузаргоҳи Мавлонбек, 1

Тел.: (+992) 92 747 49 04 (м.)

shaxlotursunova@mail.ru

Мақолаи мазкур ба таҳлили ҳамҷонибаи муқоисавии концепти забоншиносии фарҳангӣ «эҳтиром» дар тасвири забонии ҷаҳони забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ бахшида шудааст. Муҳимияти ин пажӯҳиш аз тавачҷуҳи афзояндаи забоншиносӣ дар мушкилоти таъсири мутақобилаи забон, фарҳанг ва тафаккур бармеояд, инчунин зарурати омӯختани амики категорияҳои асосии ахлоқӣ дар заминаи муоширати байнифарҳангӣ, инчунин зарурати омӯзиши дақиқи категорияҳои калидии этикӣ дар шароитҳои муоширати байнифарҳангӣ мебошад.

Дар мақола кӯшиши муайян кардани хусусиятҳои умумӣ ва хоси дар сохтор ва семантикаи концепти «эҳтиром» дар забоншиносии фарҳангии ду забон тавассути таҳлили ифодаҳои забонии он, ба низом даровардани воситаҳои асосии лексикӣ ва семантикӣ вербализатсияи ин мафҳум, таҳлил и ҷузъҳои маъноӣ, ки маънои лексемаҳои асосии ифодакунандаи эҳтиромро ташкил медиҳанд, (англ. respect, esteem, honour; таҷж. эҳтиром, иқром, ҳурмат), муқаррар намудани хусусиятҳои аз ҷиҳати фарҳангӣ татбиқи концепсия, ки инъикосгари зинанизоми иҷтимоӣ, анъана ва тамоюлҳои арзишманди барандагони фарҳангҳои англисӣ ва тоҷикиро мебошад, қарда шудааст.

Сарфи назар аз универсалии категорияи ахлоқии эҳтиром, таҷассуми забонии он ва таъкидҳои аксиологӣ дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ тафовути ҷиддӣ доранд.

Дар фарҳанги забоншиносии англисӣ мафҳуми «эҳтиром» бештар бо дастовардҳои шахсӣ, ҳуқуқ ва мустақилияти шахсият алоқаманд аст.

Дар фарҳанги забоншиносии тоҷик, ки аз арзишҳои суннатӣ ва исломӣ решаҳои амиқ дорад, мафҳуми «эҳтиром/ҳурмат» ба синну сол ва зинаи иҷтимоӣ, эҳтироми бузургсолон, меҳмоннавозӣ ва коллективизм робитаи ногустастанӣ дорад.

Ин тафовутҳо бевосита дар фонди паремиологӣ ва хусусиятҳои истифодабарии воҳидҳои луғавии мувофиқ ифода ёфтаанд.

Калидвожаҳо: забоншиносӣ; мафҳум; эҳтиром; таҳлили сохторӣ-семантикӣ; таҳлили муқоисавӣ; забони англисӣ; забони тоҷикӣ; тасвири забонии ҷаҳон; фразеология.

УДК 801.2:802/809

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕФИКСАЛЬНО-СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ШУГНАНСКОМ, ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Иматшоева Мунира Бандишоевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка для двух профильных специальностей
Таджикский Международный университет иностранных языков
им. С. Улугзаде
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6
Тел.: (+992) 93 955 48 47 (м.)
imatshoeva_munira81@mail.ru

Статья посвящена изучению суффиксально-префиксального способа словообразования как одного из продуктивных способов деривации в языках с разной морфологической структурой. Рассматриваются основные механизмы образования слов при одновременном использовании приставок и суффиксов, а также их взаимодействие в процессе формирования новых лексических единиц. Особое внимание уделяется структурным моделям, семантической мотивации и частотности данного способа в сравниваемых языках. Анализ показывает, что суффиксально-префиксальный способ обладает высокой функциональной гибкостью и играет важную роль в расширении словарного состава языка.

Отмечается, что суффиксально-префиксальный способ словообразования недостаточно изучен в шугнанском и таджикском языках, в отличие от английского, где данный тип деривации получил более широкое освещение в научной литературе.

Подчеркивается, что префиксы и суффиксы играют ключевую роль в процессе образования новых слов, выступая важным источником пополнения лексического запаса языка, особенно в формировании имён существительных. Рассматриваемый способ словообразования позволяет образовывать не только существительные, прилагательные и другие части речи, но и абстрактные лексемы, расширяя выразительные возможности языка.

Ключевые слова: имя существительное; сравнение; префикс; суффикс; аффикс; словообразование; шугнанский, таджикский, английский языки.

Конфигурация, или префиксально-суффиксальный способ словообразования, – это процесс образования новых слов путем одновременного присоединения к основе слова приставки (префикса) и суффикса.

Префиксально-суффиксальный способ образования существительных является неактивным и периферийным в языкознании. Он редко используется и мало исследуется учёными.

Е.А.Земская пишет, что «префиксально-суффиксальное производство существительных не активно» [6, с.82], данный способ «порождения новых единиц

более активен в сфере прилагательных, чем существительных и наречий» [6, с.80]. Среди приведенного 6 примеров отсубстантивных (безмужье, бескровье, безмыслие, бессвободье, затрубье, межзвездье) и отадъективных неологизмов (безреагентность, бестелесность) нет ни одной номинации лица. Тем не менее, обращение к периферийным процессам актуально [12, с.72], а в ряде случаев наблюдается перемещение периферийных явлений к центру [9, с.116].

При префиксально-суффиксальной деривации существительные образуются с помощью двух морфем: префикса и суффикса, выступающих как один словообразовательный формант, отсюда и название способа: смешанный [16, с.59] или комбинированный [6, с.32].

Ученые используют три варианта термина: приставочно-суффиксальный [6, с.31], префиксально-суффиксальный способ [6, с.267-269], суффиксально-префиксальный [8, с.253]. Термины «префиксально-суффиксальный способ» и «приставочно-суффиксальный способ» словообразования (the prefixal-suffixal way of word formation) приняты авторами словаря грамматических терминов [17, с.172].

Этот способ словообразования недостаточно изучен в шугнанском и таджикском языках, в отличие от английского, где многие учёные посвятили ему свои работы.

Как мы уже говорили, префиксы и суффиксы играют ключевую роль в образовании новых слов. Префиксально-суффиксальный способ – важный источник пополнения словарного запаса, особенно для образования новых существительных. При словообразовании важно уделять больше внимания морфологическому составу слова, поскольку аффиксы, присоединяясь к основе, изменяют её значение и образуют новые слова. Иногда аффиксы могут быть самостоятельными, значимыми элементами языка. Чтобы понять функцию и значение слов и аффиксов в процессе словообразования, необходимо провести их морфологический и структурный анализ. Они образуют не только отдельные существительные, прилагательные или другие слова, но и абстрактные существительные.

В морфологическом анализе шугнанского языка отмечается *низкая продуктивность аффиксации* (префиксации и суффиксации) как способа словообразования. Заимствованные лексемы, образованные с помощью аффиксов, как правило, представляют собой *кальки из таджикского языка*. В шугнанском, так же как и в таджикском, исконно представлены лишь префиксы - *at*, -*no*, -*be*. Например:

шугн: Bewafoyi ačga makə

Dev balaftaen tu laki.

В этом стихотворении слово *Bewafoyi* (состоящее из приставки *be*, корня *wafo* и суффикса *yi*) – это абстрактное существительное. Подобных примеров в шугнанском языке *много*. Например: *bewafoyi*, *betoqati*, *benawoyi*, *bekasoti* и.т.д

шугн: Wađen fuk waxt as xu bekasoti rāmajinađ pi mardumand falt – (из –за своего сиротство они постоянно жалобно поглядывали на людей). В этом

предложение слово *bekasoti* является существительным, образованный путём присоединения префикса *be* и суффикса *i* к корню *kasot*.

Слово *beḍindūni* также образовано по модели префикс + корень + суффикс (*be+ḍindūn+i*). При помощи этих аффиксов от уже существующего существительного образовано новое существительное. Например: шугн: *As dasti beḍindūni qoq garḍā xidow navaḡdim*. (из-за отсутствия зубов я не могу усть черствый хлеб).

В некоторых случаях в шугнанском языке вместо префикс *be* + корень + суффикс *i* используется суффиксы *-gi* и *-gari*. Например: шугн: *Beaqligari maḡi, zibo xemūn sawi*. Не совершай глупости, потом будешь сожалеть об этом); шугн: *Wam ḡori wamard beḡoragi ḡud xu ya toyd as wi*. (она чувствовала его нищета и ушла от него).

В шугнанском языке, помимо префикса *-be*, префикс *"-no"* также является продуктивным элементом в словообразовании новых существительных. Образование происходит по морфологической модели "префикс + корень + суффикс", причём суффикс *-i* сохраняет свою функцию в данной структуре. Например: шугн: *Wi nodūni – yi tar di ol wi vud*. (Его невежество привело его к такому положению).

Стоит отметить, что суффиксы *-gi* и *-gari* иногда тоже находят применение в данном контексте. Например: шугн: *As wam nodidagi (nodidagari) wam piḡi iḡai naḡiwj* (из-за её неопытности никто её не любит).

По модели префикс *am+* корень + суффикс *i* в шугнанском языке тоже образуются новые существительные. Например: шугн: *Amḡoyi (amḡogi) baḡand*. (сотрудничество – это хорошо).

В таджикском языке, в основном, для образования новых существительных при префиксально – суффиксальном способе словообразования участвуют префиксы *-ҳам*, *-но*, *-бе* и суффикс *-ӣ*.

Префикс *"ҳам"* выступает в качестве деривационного морфа, участвующего в формировании абстрактных существительных. Этот процесс реализуется по морфологической модели "префикс *ҳам-* + корень + суффикс *-ӣ*". Например: тадж: *ӯ оиди ҳамавлодӣ бо амакаш сӯхбат кард*. (Он говорил о родственном отношении со своим дядей).

Исследователь А.Тоирзода отмечает, что префикс *-ҳам*, используемый в префиксально-суффиксальном способе образования существительных, прежде всего, формирует новые существительные и прилагательные от уже существующих, а при добавлении суффикса *-ӣ* образует новое существительное [15, с.106]. Он приводит три примера, используя эту модель *ҳамҷаворӣ*, *ҳамриқобӣ*, *ҳамрозӣ*:

Бошад, ки ба юмни *ҳамҷаворӣ*,

3- ин хок ту низ сар барорӣ [Мунт., 196].

В таджикском языке префикс *-бе* продуктивно используется для образования прилагательных, но с добавлением суффикса *-ӣ* он формирует абстрактные существительные от этих прилагательных. Например: тадж: *ӯ бар зидди беадолати мубориза бурд* (Он боролся с несправедливостью).

А.Тоирзода приводит следующие примеры: «бевафой, бешармӣ, бекарорӣ, бечашмӣ, беҳушӣ, бепулӣ, бебахрагӣ, беривочӣ, бесуботӣ, бекаси, беҳудӣ, беватанӣ, бепардагӣ, беҳосилӣ» [15, с.106].

Ибрат аз ин зиёда чӣ хоҳӣ, ки паст шуд,

Дар *бевафой* аз ҳама хубон –т эътибор [Мунт., 116].

В таджикском языке префикс *-но* используется для образования прилагательных с отрицательным значением, однако при добавлении суффикса *-ӣ* от таких прилагательных образуются абстрактные существительные. Например: тадж: Ў аз нотавашиаш бисёр азиат кашид. (Он очень страдал от своей слабости).

Профессор Ш.Рустамов в своей книге отмечает: "Многие арабские заимствованные слова используются как дополнительная основа для словообразования (из арабских слов также образуются новые слова по готовым моделям). Новые словообразовательные суффиксы практически не появлялись, префиксы также не сильно увеличились, например, арабское слово "ғайр" с помощью изафетной связки почти полностью переходит в категорию префикса: "ғайридин" (неверующий), "ғайриимкон" (невозможный), и в то же время с его участием и суффиксом "-ӣ" образуется новое слово: "ғайринизомӣ" (нерегулярный, внесистемный), "ғайрсамимӣ" (неискренний)." [13, с.95].

Согласно концепции Ш.Рустамова, лексема *ғайр* может быть классифицирована как префикс. В рамках данной морфологической модели, объединение префикса *ғайр-* с корнем и последующим присоединением суффикса *-ӣ* является продуктивным способом образования новых существительных. Например: Тадж: Ҳозир дар ҳамаи мағозаву бозорҳо пардохти ғайринақдӣ амал карда истодааст. (Сейчас во всех магазинах и на рынках действует безналичная оплата); шугн: *šiç fuk magazinemat bozorenand ғайринақди pul siport suđ*; англ: Currently, non-cash payment is available in all stores and markets; тадж: Онҳо ба толор бо либоси ғайринизомӣ ворид шуданд ва террористонро дастгир намуданд. (Они вошли в зал в гражданской одежде и задержали террористов); шугн: *Waden tar wam tolör be nizumi luq ded hu teraristenen anjuvd*; англ: They entered the hall in civilian clothes and arrested the terrorists.

По сравнению с шугнанским и таджикским языками в английском этот способ словообразования развит в большей степени.

Префикс *un-* в сочетании с корнем и суффиксом *-ness* образует абстрактные существительные от прилагательных. Например: англ: Her stepmother showed her nothing but unkindness. (Мачеха не проявляла к ней ничего, кроме недоброжелательности); тадж: Модари угайаш ба ӯ ғайр аз номехрубонӣ чизе нишон наметод; шугн: *Wam nanęaki ba ғайр аз nomerubuni ičiz ga wamard načud*.

При добавлении префикса *-re* к корню (для обозначения повторного действия) и суффикса *-er* (для образования новых существительных) формируются одушевлённые существительные. Например: англ: Thus, many studios hire writers to fix specific problems, and most studios favor the rewriter over first writer. (Таким образом, многие студии нанимают сценаристов для устранения

конкретных проблем, и большинство студий отдают предпочтение сценаристу-переработчику, а не первому автору).

Модель "префикс *-dis-* + корень + суффикс *-y*" используется для образования новых существительных, имеющих отрицательное значение. Например: англ: Because of his dishonesty he has been prisoned. (За свою нечестность его посадили в тюрьму).

В лингвистике морфологическая модель "префикс *de-* + корень + суффикс *-ization*" описывает процесс деривации. В данной модели префикс *de-* семантически выражает операции аннулирования, элиминации или инверсии действия, обозначаемого корнем. Суффикс *-ization*, в свою очередь, является деривационным средством для образования нового существительного от уже существующего существительного, часто указывая на процесс или результат трансформации. Например: De+national+ization.

англ: The government introduced measures on price deregulation, denationalization and privatization. (Правительство приняло меры по дерегулированию цен, разгосударствлению и приватизации).

В контексте вышеупомянутой словообразовательной модели термин "deregulation" также формируется путём присоединения префикса "de-" к корню и последующим добавлением суффикса "-tion". При этом его семантика аналогична значению "отмены", "удаления" или "обращения" процесса регулирования. Например: англ: The early years of deregulation were good for the agriculture in our country. (Первые годы дерегуляции были хороши для сельского хозяйства нашей страны).

В морфологическом анализе префикс "inter-" несёт семантическое значение "между" или "взаимо-". При аффиксации к корню, совместно с суффиксом "-tion", он способствует образованию новых существительных, обозначающих процессы или состояния, происходящие между объектами или явлениями. Например: interaction, internationalization, intercommunication, interconnection, intercolumnation, interpretation, interdiction, и.т.д. Англ: There was a business interaction between their companies, but they stopped the agreement. (Между их компаниями было деловое взаимодействие, но они приостановили соглашение).

В рамках данной словообразовательной модели, присоединение суффикса "-ence" так же является продуктивным способом формирования новых существительных. Например: interdependence. Англ: This interdependence has been key to our success in scientific research. (Эта взаимозависимость стала ключом к нашему успеху в научных исследованиях); шугн: id az yakdigar wobast widow wev mufafaqiyat de wev tadqiqotatd sut; тадж: Ин вобастагии байниҳамдигарӣ асоси муваффақияти мо дар тадқиқоти илмӣ гардид.

В лингвистическом анализе морфологическая модель "префикс *trans-* + корень + суффикс *-tion*" служит для образования новых существительных. В данной конструкции, префикс "trans-" обозначает движение сквозь, через или переходное состояние. Суффикс "-tion", в свою очередь, является продуктивным средством деривации, формирующим существительные от глагольных основ. Например: Transformation, translation, transliteration, transportation: англ: Transpor-

tation is very problem in Dushanbe during the holidays. (Во время праздников в Душанбе очень проблемы с транспортом).

Префикс "under-" семантически выражает пространственное отношение "под" или "ниже", а также может указывать на недостаточность. Присоединяясь к корню и образуя существительное посредством суффикса "-tion", он формирует дериваты от глагольных основ. Например: underestimation, underaction, underassociation, underdeclaration, underenumeration, underestimation, и т.д. англ: This is due to the enemy's underestimation of China and also to his shortage of troops. (Это связано с недооценкой противником Китая, а также с нехваткой у него войск).

В лингвистическом анализе, морфологическая модель "префикс *in-* + корень + суффикс *-ity*" является продуктивным средством образования нового существительного от существующего прилагательного, при этом префикс "in-" придает образованному деривату отрицательное значение. Например: inability, incapability, inequality, insanity, insecurity, и т.д.: англ: They discussed the problem of inequality between students. (Они обсудили проблему неравенства между студентами); тадж: Онхо мушкилоти нобаробарӣ байни донишҷӯёнро мухокимакарданд; шугн: Waden masalai notifoqi dev doniṣṣuen bainard masliat čud.

В лингвистике *over-* может функционировать как префикс, образуя новые лексемы. При присоединении к корню с последующим добавлением суффикса "-tion" "sion" формируется новое существительное. Например: overestimation, overabrasion, overabstraction, overaccumulation, overaction, overadaptation, overalloctation, и т.д.

англ: The woman accused police of a massive overreaction (Женщина обвинила полицию в чрезмерной реакции).

В морфологии префиксально-суффиксальный метод деривации существительных демонстрирует ограниченную продуктивность в шугнанском и таджикском языках. В то же время, в английском языке данный способ словообразования является относительно более развитым.

В шугнанском и таджикском языках наблюдается изоморфизм в словообразовании существительных, где идентичные морфемы (префиксы и суффиксы) выполняют эквивалентные деривационные функции. Различия между ними проявляются исключительно на фонетическом уровне.

В отличие от шугнанского и таджикского языков, английский язык характеризуется большим морфологическим инвентарем префиксов и суффиксов, обладающих широким спектром семантических значений. В шугнанском и таджикском языках отрицательное значение выражают лишь два суффикса, а один суффикс выполняет соотносительную (совместную) функцию.

Литература

1. Аламшоев М.М. Грамматика шугнанского языка: учебник / М.М.Аламшоев, Ш.М.Аламшоев, Д.Карамшоев. – Хорог, ГБАО: 2019. – 253 с. (на шугн.яз.)
2. Бахтибеков Т. Грамматика шугнанского языка. – Душанбе, 1976. – 78с.
3. Грамматика современного таджикского языка. Ч.1. – Душанбе: Дониш, 1985. – 367с.

4. Грамматика современного таджикского языка. Ч.2. – Душанбе: Дониш, 1986. – 372с.
5. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. – М.; - Л.; Изд-во АН СССР, 1960. – 387 с.
6. Земская Е.А. Словообразование как деятельность / отв. ред Д.Н.Шмелев. – Изд. 4-е. – М.: ЛИБРО-КОМ, 2009. – 224 с.
7. Комянова Т. Грамматика английского языка. – М., 2016. – 763с.
8. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование: учебник. – Н.Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. – 296с.
9. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной художественной литературы: монография. – М.: Гнозис, 2009. – 336 с.
10. Пахалина Т. Сравнительно-историческая морфология памирских языков. – М., 1989. – 543с.
11. Расторгуева В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка. Таджикско-русский словарь / под ред. М.В.Рахими и Л.В.Успенской. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. 1954. – 791с.
12. Рацибурская Л.В. Уникальные части слова: проблема их выделения и морфемного статуса: дис... д-ра филол. наук. 10.02.01 / Рацибурская Лариса Викторовна. – Н.Новгород, 2000. – 538 с.
13. Рустамов Ш. Имя существительное. – Душанбе: Дониш, 1981. – 220с.
14. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Иностранная литература, 1956. – 260с.
15. Тоирзода А.Р. Исследование способов словообразования существительных в произведениях Шамсиддина Шохина: дис... канд. филол. наук: 6D020500 – «Филология» / Тоирзода Аабдусаломи Рахим. – Душанбе, 2023. – 198с.
16. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: ИРЯ РАН: Русские словари, 1996. – 222 с.
17. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 310 с.

COMPARATIVE STUDY OF PREFIX-SUFFIX WORD FORMATION IN SHUGHNI, TAJIK AND ENGLISH LANGUAGES

Imatshoeva Munira Bandishoevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of English for two specializations
Tajik International university of foreign languages named after S. Ulughzade
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Muhammadiev str., 17/6
Ph. (+992) 93 955 48 47 (m.)
imatshoeva_munira81@mail.ru

The article is devoted to the study of the suffix-prefix method of word formation as one of the productive methods of derivation in languages with different morphological structures. The basic mechanisms of word formation with the simultaneous use of prefixes and suffixes, as well as their interaction in the process of forming new lexical units are considered. Particular attention is paid to structural models, semantic motivation and frequency of this method in the languages being compared. The analysis shows that the suffix-prefix method has high functional flexibility and plays an important role in expanding the vocabulary of the language.

The author notes that the suffix-prefix method of word formation has not been sufficiently studied in the Shughni and Tajik languages, in contrast to English, where this type of derivation has received wider coverage in the scientific literature.

The article emphasizes that prefixes and suffixes play a key role in the process of formation of new words, acting as an important source of replenishment of the vocabulary of the language, especially in the formation of nouns. The considered method of word formation makes it possible to form not only nouns, adjectives and other parts of speech, but also abstract lexemes, expanding the expressive capabilities of the language.

Keywords: noun; comparative; prefix; suffix; affixes; word-formation; Shughni, Tajik, English language.

ТАДҚИҚОТИ ҚИЁСИИ СОХТАНИ КАЛИМАИ ПРЕФИКСАЛ-СУФФИКСАЛ ДАР ЗАБОНҲОИ ШУҒОНӢ, ТОЧИКӢ ВА АНГЛИСӢ

Иматшоева Мунира Бандишоевна

Номзади илмҳои филологӣ,
дотсенти кафедраи забони англисӣ барои ду ихтисос
Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи С. Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Муҳаммадиев, 17/6
Тел.: (+992) 93 955 48 47 (м.)
imatshoeva_munira81@mail.ru

Мақола ба омӯзиши роҳҳои калимасозӣ ба воситаи суффикс ва префикс ҳамчун яке аз усулҳои сермаҳсул дар забонҳои дорои сохтори морфологии гуногун бахшида шудааст.

Сохти асосии калимасозӣ бо истифодаи префиксу суффикс ҳамзамон, инчунин таъсири мутақобилаи онҳо дар ҷараёни ташаккули воҳидҳои нави луғавӣ баррасӣ карда мешаванд. Диққати махсус ба қолабҳои сохторӣ, анғезаи семантикӣ ва такроршавии ин усул дар забонҳои муқоисашаванда дода мешавад. Таҳлил нишон медиҳад, ки роҳи калимасозӣ бо усули суффикс-префикс вазифаҳои гуногун дошта, дар васеъ намудани захираи луғавии забон нақши муҳим дорад.

Муаллиф таъкид мекунад, ки усули калимасозӣ бо роҳи суффикс-префикс дар забонҳои шуғнонӣ ва тоҷикӣ дар муқоиса бо забони англисӣ ба таври кофӣ омӯхта нашудааст, ки ин навъи калимасозӣ дар адабиёти илмӣ забони англисӣ ба таври кофӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтааст.

Дар мақола таъкид шудааст, ки суффиксу префикс дар раванди ташаккули калимаҳои нав нақши асосӣ дошта, ҳамчун манбаи муҳими пурра намудани захираи луғавии забон, бахусус дар ташаккули исмҳо баромад мекунанд. Усули баррасишудаи калимасозӣ имкон медиҳад, ки на танҳо исм, сифат ва дигар ҳиссаҳои нутқ, балки лексемаҳои абстрактӣ низ ба вучуд оварда, имкониятҳои ифодаи забонро васеъ менамоянд.

Калидвожаҳо: исм; муқоиса; префикс; суффикс; аффикс; калимасозӣ; шуғнонӣ, тоҷикӣ, англисӣ забонҳо.

УДК 811.111+811.21/22

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВВОДНЫХ СЛОВ И ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Абдужалилова Хикоят Саидмахмадовна

Ассистент кафедры языков
Международный институт
Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана
735017, Республика Таджикистан, Согдийская область, Худжанд,
27-й микрорайон, д.1
Тел.: (+992) 92 810 07 70 (м.)
ejod@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования вводных слов и вставных конструкций в газетном тексте английского языка и определению их структурно-семантических и функциональных соответствий в таджикском языке. Уточняется категория вводных слов как особого разряда единиц, выражающих отношение автора к сообщаемому, степень достоверности информации, источник сведений, последовательность изложения и оценочные компоненты. Вставные конструкции рассматриваются как элементы, обеспечивающие включение дополнительной семантически автономной информации без нарушения структуры основного высказывания.

Показано, что функциональная нагрузка рассмотренных вводных единиц в обоих языках в целом совпадает, однако наблюдаются различия в степени их эксплицитности, синтаксической интегрированности и частотности использования.

Вводные конструкции выполняют важнейшие когнитивные, прагматические, текстообразующие и дискурсивные функции, обеспечивая модальность, связность, интерпретативность и диалогичность газетного текста. Вставные конструкции рассматриваются как элементы, формирующие дополнительные смысловые пласты и усиливающие взаимодействие автора с читателем.

Полученные результаты позволяют более точно описать механизмы формирования субъективной модальности и дискурсивной структуры в английском газетном тексте, что представляет научную и практическую ценность для сопоставительной стилистики, теории перевода и преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: вводные слова; вставные конструкции; газетный текст; публицистический стиль; дискурс-анализ; модальность; структура высказывания; сопоставительная лингвистика; переводческие соответствия; английский язык; таджикский язык.

Использование вводных слов и вставных конструкций в газетном тексте представляет собой важный элемент организации журналистского высказывания. Данные языковые средства выполняют широкий спектр функциональных задач: они способствуют уточнению степени достоверности сообщаемой информации, выражают отношение автора к описываемым событиям и фактам, а также помо-

гают разграничивать собственно фактическое содержание и авторский комментарий.

Вводные конструкции обеспечивают сохранение объективности и достоверности изложения, что особенно значимо для публицистического стиля.

Кроме того, вводные слова выполняют связующую функцию, обеспечивая логическую последовательность и структурную целостность текста. Они создают семантические переходы между частями текста, формируют внутреннюю логику рассуждения, что делает восприятие информации читателем более осмысленным и упорядоченным.

Использование вводных слов и вставных конструкций является одним из значимых средств организации английского газетного текста, определяющих его структурно-семантическую целостность и коммуникативную направленность.

Вводные конструкции выполняют важные когнитивные и стилистические функции, поскольку позволяют автору выражать степень уверенности в достоверности сообщаемой информации, передавать отношение к описываемым событиям, а также разграничивать объективное содержание и субъективный комментарий.

Вставные конструкции, в свою очередь, повышают информативность текста, позволяя автору включать дополнительные сведения, уточнения или комментарии без нарушения основного смыслового потока. Их использование способствует созданию диалогичности и взаимодействия с читателем, что усиливает коммуникативную направленность газетного текста.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей функционирования вводных слов и вставных конструкций в газетном тексте английского языка и их соответствий в таджикском языке.

Для реализации поставленной цели в статье используются методы лингвистического анализа, такие как структурно-семантический и сопоставительный.

Необходимо отметить, что вводные единицы языка – это слова и словосочетания, выражающие отношение автора к сообщаемому, источник информации, степень уверенности, порядок мыслей и т. д. Они обычно выделяются запятыми и не являются членами предложения. А вставные конструкции – средства снабжения мысли дополнительной информацией.

Вводные слова в английском языке – *parenthetical words* – представляют собой такой разряд грамматических единиц, который присущ текстам различной жанрово-стилистической принадлежности. Одним из распространенных типов текстов в английском языке, где изобилуют вставные конструкции, являются тексты публицистического содержания, а именно газетные тексты. Исследованию вводных слов и вставных конструкций в газетных текстах в частности посвящен ряд научно-исследовательских работ ученых-лингвистов.

Одной из классических работ, посвященных исследованию вводных слов и маркеров дискурса является работа Деборы Шиффрин, которая рассматривает вводные слова в связи с маркерами дискурса и их роли в связывании частей дискурса в качестве организаторов общения [19; 20]. В данной работе особое внимание уделяется такой функции вводных слов, как идиоматический, прагматиче-

ский, семантический и синтаксический пласты. При этом следует сказать, что дискурсивные маркеры, о чём подробно ведет речь данный автор, воспринимаются как более широкое понятие, включающее в себя, среди прочего, и вводные слова – та часть вводных слов, которая используется в качестве элементов структурирования текста (*well, so, because, now, then, and, but* и др.) [там же].

Другой автор, Б.Фрейзер, исследуя вводные слова английского языка, указывает на их прагматический аспект, называя их прагматическими маркерами (*pragmatic markers*) и справедливо считая, что вводные слова являются как часть прагматической структуры текста (*frankly, honestly*). Им разработана типология вводных слов и их функций [17; 18].

М.Айе исследует английские вводные слова в связи с корпусной лингвистикой и прагматикой разговорной речи и уделяет внимание средствам выражения субъективности и модальности (*actually, you know, I think, well*) [8; 9].

На не менее интересный аспект функционирования вводных слов указывает А.Вежбицкая. По ее мнению, вводные элементы «отражают культурные сценарии», являются «культурными артефактами» и вводные слова типа *well, you know* и другие имеют социокультурный смысл, а «понимание вводных слов требует анализа культурной грамматики» [20; 21].

Р.Водак исследует вводные слова английского языка с точки зрения их влияния на социальные отношения, власть, идеологию. Анализируя роль вводных слов в политическом дискурсе и медиа, она считает, что вводные элементы могут служить инструментам манипуляции и выстраивания идентичности [22; 23].

Д.Бибер рассматривает вводные слова с точки зрения частоты, распределения и функциональных типов вводных элементов в разных жанрах английского языка и предлагает функционально-стилистическую классификацию (разговорный стиль: *well, you know*; академический стиль: *however, therefore, moreover* и др.) [12; 13].

П.Ауэр изучает вводные слова английского языка с точки зрения социолингвистики и разговорного анализа. Подчеркивая взаимодействие вводных слов с участниками коммуникации, П.Ауэр отмечает, что вводные элементы управляют переходами между темами и выступают как маркеры структуры диалога (*like, well, so*) [10; 11].

Дж.Браун и Джордж Юль анализируют вводные слова как средства когезии, связывающие элементы текста, и считают, что они выполняют текстообразующую функцию. Данные авторы также уделяют особое внимание функционированию вводных слов в разговорной речи [16].

По мнению Д.Блейкмура, вводные слова руководят процессом интерпретации, и основной их функцией является указание на связь между идеями, а не передача информации. Ею исследованы когнитивные принципы функционирования маркеров типа *after all, so, moreover* [14; 15].

Современный газетный текст представляет собой сложное коммуникативное образование, сочетающее в себе элементы информационного и оценочного дискурса и по праву претендует на то, чтобы стать площадкой для демонстрации са-

мых различных аспектов применения вводных слов, на некоторых из которых мы указали выше.

Так, одним из значимых средств выражения авторской позиции и организации текста являются вводные слова и вставные конструкции. Они способствуют реализации важнейших функций публицистического стиля – информативной, воздействующей и оценочной.

Как отмечает В.В.Виноградов, «вводные слова придают высказыванию дополнительную модальность, отражающую индивидуальное сознание говорящего» [1, с.312]. Таким образом, вводные конструкции обеспечивают выражение отношения автора к сообщаемому и формируют особый тип субъективной модальности, характерной для публицистического дискурса.

В газетных материалах вводные слова выполняют несколько ключевых функций. Прежде всего, они помогают автору уточнить степень достоверности информации (по мнению экспертов, очевидно, вероятно), что способствует сохранению баланса между объективностью и субъективной оценкой. Кроме того, такие конструкции обеспечивают логическую связность текста, создавая переходы между частями высказывания (во-первых, таким образом, следовательно).

По мнению И.Р.Гальперина, вводные конструкции выступают как «сигналы авторского присутствия», которые способствуют установлению диалогических отношений между автором и читателем [2, с.214]. Это придаёт тексту публицистическую выразительность и усиливает доверие к источнику информации.

Вставные конструкции, в отличие от вводных, обладают большей степенью семантической автономности. Они позволяют включать дополнительные сведения, уточнения, ремарки, не нарушая при этом основного информационного потока. Как подчёркивает Ю.М.Скребнев, подобные элементы «организуют внутренний диалог автора с самим собой и с читателем» [6, с.158], что делает газетный текст более гибким, динамичным и выразительным.

Рассматриваемой нами теме, посвящены и кандидатские диссертации. Например, Ю.Г.Полякова детально рассматривает структуру и особенности функционирования вставок в языке газеты на примере современного русского языка [5].

Непосредственно особенностям применения вводных слов и вставных конструкций в газетном тексте английского языка также посвящены специальные работы [7].

Имеются исследования вводных слов и вставных конструкций в более широких публицистических текстах на английском языке, включая особенности перевода, таких как медиатексты [4] и политический дискурс [3].

Таким образом, использование вводных слов и вставных конструкций в газетном тексте выполняет не только структурно-связующую, но и коммуникативно-прагматическую функцию, способствуя созданию индивидуального авторского стиля.

Далее рассмотрим примеры, сгруппировав их по функциональным признакам и подбирая к ним таджикские соответствия.

1. В первой группе представлены вводные единицы, выполняющие функцию указания на источник информации. Среди них в английском языке распространены такие единицы, как *according to...* – *бинобар...*, *as reported by* – *тибқи гузориши...*, *as...say* – *чунонки ... изҳор медорад* и др.

Анализ примеров показывает, что самым распространенным вводным элементом в английском газетном тексте являются сочетания, оформляемые при помощи *according to*. При использовании в начале, середине и конце предложения они обычно выделяются запятыми:

1. *According to a confidential memorandum, I.B.M. is cutting 13,000 jobs in the United States and in Europe and creating 14,000 jobs in India* (NYT, July 14, 2005).

2. *According to police accounts, the four men, aged between 18 and 30, gathered at King's Cross station at the heart of the London subway system...* (NYT, July 14, 2005).

3. *Life in the print media lacks the Soviet regimen of television, but is increasingly fraught, according to veteran editor Raf Shakirov, who has headed Russia's oldest daily, Izvestiya, its brightest spark, Gazeta, and its obstreperous outlaw, Kommersant* (Guardian, July 20, 2005).

4. *While his work colleagues viewed him as a conscientious member of staff, he, according to friends, was plotting to ensure that the world would know him as a "martyr"* (Independent, July 14, 2005).

5. *The British police plan to question Zeeshan Haider, 25, a British national arrested in May near Peshawar, in restive North-West Frontier Province, where he is being held by the Pakistani authorities, according to counterterrorism officials* (NYT, July 14, 2005).

6. *His father, Mumtaz, was delighted his son had not gone off the rails, according to Mr Ahmad* (Independent, July 14, 2005).

Как видно из примеров, выделенные вводные словосочетания образованы при помощи сочетания *according to*, причем оно выступает в качестве основного устойчивого компонента, в то время как вторая часть может состоять из разных свободных сочетаний в зависимости от конкретного источника информации.

При распознавании единиц данной категории следует иметь в виду, что при использовании в середине предложения вводные единицы, создаваемые при помощи анализируемого сочетания, могут не обособляться в середине предложения и выделяться запятыми с двух сторон, хотя их функция и статус остаются неизменными, т.е. они являются вводными единицами. Это одна из особенностей функционирования вводных единиц в английском языке вообще и в газетном тексте в частности, на что следует обратить внимание изучающим данный язык лицам, а также переводчикам. Например:

Shahzad Tanweer, a bright sports science graduate, seemed to have his life planned. He was "proud to be British" according to his uncle, Bashir Ahmad, and planned a career in sport. Yet the youngster's life went unthinkable wrong (Independent, July 14, 2005). Любопытно, что и вторая запятая в данном предложении относится не к вводной единице, а скорее к приложению *Bashir Ahmad*, следующему сразу после нее.

Продуктивными также считаются в газетном тексте английского языка вводные элементы, состоящие из модели *as... say*:

"That means standing out against, in a very strong way, anybody who preaches the kind of fundamentalism, as I say, that can lead four young men to blow themselves and others up on the tube on a Thursday morning (NYT, July 14, 2005).

В данной модели основным и устойчивым компонентом выступает слово *say*, в то время как первый компонент может опущен. Главным критерием распознавания вводного элемента в таких случаях является выделение единицы запятыми с двух сторон:

The reason, experts say, is that there are not enough trains, resulting in overcrowding, which further encourages people to ride in cars (NYT, July 14, 2005).

В функции источника информации также выступают такие сочетания, как *as reported by, as officials say, as experts note* и др., соответствиями которых в таджикском языке могут быть следующие выражения: *чунонки гузориш мешава.*; *чунонки шахсони расмӣ мегӯянд*; *чунонки коришносон қайд менамоянд*.

II. Во второй группе мы объединили вводные слова и словосочетания, указывающие на степень достоверности информации: *as seems likely*–ба эҳтимолӣ зиёд; *apparently* – зоҳиран и другие.

Следует отметить, что в большинстве своем соблюдаются типичные случаи выделения вводных элементов двумя запятыми:

1. *If, as seems likely, her decision stands, she will be the first secretary of state in more than 20 years not to attend, and some of the region's leaders are upset by her choice to skip the meeting and send Robert B. Zoellick, the deputy secretary of state (NYT, July 14, 2005).*

2. *Ties with the central Asian regimes have soured since troops in eastern Uzbekistan fired on a protest in May, apparently killing hundreds of civilians (Guardian, July 20, 2005)*

Однако встречается немало случаев, когда вводный элемент не выделяется запятой в предложении, что может создавать определенные трудности распознавания не носителями языка. Это зависит от авторского подхода. В любом случае функции этих единиц от этого не меняются и, тем более, не нарушаются. Пожалуй, лидером с этой точки зрения выступает слово *apparently*:

1. *The Taecheon reactor would apparently take at least two or three years to complete (NYT, July 14, 2005).*

2. *Hundreds of residents were evacuated, apparently because of the fear of explosions in the houses that were searched... (NYT, July 14, 2005).*

3. *That was apparently before they set off on their separate missions (NYT, July 14, 2005).*

4. *The governor, who has apparently been eyeing the possibilities of a 2008 run for president, may be thinking about the politics of this bill more than the science (NYT, July 19, 2005).*

Как видно из примеров, несмотря на то, что слово *apparently* не выделено запятыми с двух сторон, оно выступает в функции вводного слова, так как выражает отношение говорящего к содержанию высказывания и указывает на степень

достоверности информации. Это можно более ярко представить при переводе на русский и таджикский языки, например, первого предложения: *Реактор в Тэчхоне, по-видимому, потребует как минимум два или три года на завершение.* – *Рекатор дар Тэчхон, зоҳиран, барои ба итмом расидан ҳадди ақал ду-се сол талаб менамояд.*

Существует ряд других единиц, употребляемых в функции вводного элемента со значением данной группы, такие как *it seems, presumably* и другие, которые имеют в таджикском языке свои соответствия в форме *ба назар мерасад, зоҳиран* (*шояд, эҳтимол, ғуё*).

III. Следующую относительно продуктивную группу вводных слов английского газетного текста составляют единицы в функции выражения эмоционального и личного мнения и оценки: *unfortunately* – *мутаассифона, афсус ки*; *Clearly* – *беишубҳа, бешак*; *frankly* – *рошти ган, рошӣ* и др.

1. *What is desperately needed is a serious American policy. Unfortunately, there is no indication that the Bush administration has yet come up with one* (NYT, July 16, 2005).

2. *"Clearly, you learn by reading and studying, and not enough kids are spending that time," Dr. Hrabowski said* (NYT, July 16, 2005).

3. *"It's wrong, it's outrageous, and folks involved in this, frankly, owe Karl Rove an apology," Ken Mehlman, chairman of the Republican National Committee, said yesterday on "Meet the Press" on NBC* (NYT, July 19, 2005).

4. *Unfortunately, under the new plan the intelligence unit will be decoupled from the infrastructure protection group, which will be folded into a larger group within Homeland Security exclusively focused on preparedness* (NYT, July 19, 2005).

Как видно из примеров, вводные слова **unfortunately, clearly, frankly** употреблены в своей оценочной функции.

IV. В качестве следующей функциональной группы нами выделены вводные единицы, уточняющие порядок изложения: *first* – *аввалан*; *second* – *сония* и др.

1. *First, he said, North Korea demanded security assurances from the United States* (NYT, July 14, 2005).

2. *When I moved to Queens, in New York City, at the age of 14, I found myself, for the first time in my life, considered good at math* (NYT, July 14, 2005).

Как видно из примеров, в первом предложении слово *first*, выделенное от основного предложения запятой, обозначает порядок изложения мысли, в то время как во втором предложении мы наблюдаем в данной функции относительно пространственное выражение, где ключевым словом также является *first*.

Существует ряд других вводных единиц с данной функцией, такие как *on the one hand, on the other hand* и другие, которые имеют свои соответствия в таджикском языке: *аз як тараф, аз тарафи дигар*.

V. Исходя из специфики собранных нами примеров, в данной группе целесообразно рассматривать вводное слово *however-бо вучуди ин* (*аммо, вале, лекин*), которое является относительно универсальной вводной единицей и встречается в разных стилистических жанрах. Данный вводный элемент более продуктивен в научном тексте, однако встречается и в газетных текстах. Отличительной чертой

этого слова является то, что оно является более книжным и противопоставляется ряду единиц, используемых в английской разговорной речи. Рассмотрим ряд примеров его применения в газетных текстах:

1. *However, he said it could "trigger" action, with cases being referred to ministers* (Guardian, July 20, 2005).

2. *Once it did sink in, however, performance appraisal turned out to be 'very interesting', according to Petrova* (Guardian, July 20, 2005).

3. *The steep growth in automobile traffic here, however, seems to mock the city's efforts* (NYT, July 14, 2005).

4. *"Rove did, however, clearly indicate that she worked at the 'agency' - by that, I told the grand jury, I inferred he obviously meant the C.I.A. and not, say, the Environmental Protection Agency* (NYT, July 19, 2005).

Из анализа примеров данной группы становится очевидным, что анализируемое вводное слово показывает контраст между мыслями или фактами и может употребляться, в основном, в начале и середине предложения.

В газетном тексте также широко используются приложения, так называемые «*oppositives*», являющиеся дополнительным пояснением-определением предмета/субъекта и имеющие схожее оформление в тексте – при помощи дефиса и запятых с двух сторон. Поэтому следует четко разграничить вводные слова и вставные конструкции от приложений, изучение которых может темой отдельных исследований.

Таким образом, вводные слова и конструкции выполняют важные когнитивные, структурно-семантические и коммуникативные функции, обеспечивая точность, выразительность и содержательную насыщенность публицистического текста.

Вводные слова и конструкции представляют собой важнейшие элементы языковой организации газетного текста. Они обеспечивают модальность, логическую связность, коммуникативную направленность и экспрессивность высказывания. Использование этих средств позволяет автору выразить собственное отношение к описываемым событиям, уточнить достоверность информации и установить контакт с читателем. Тем самым данные конструкции служат неотъемлемым компонентом языкового инструментария современного журналиста.

Более детальное рассмотрение структурно-семантических, прагматических и грамматических особенностей вводных слов и конструкций, безусловно, представляет большой лингвистический интерес, и составляет дальнейшие исследовательские задачи автора.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1972. – 614 с.
2. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 334.
3. Данилова И.И., Голубева М.М. Особенности перевода вводных слов в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – №5-3. – С.317-320. – Режим доступа: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=10021>

4. Лебедева Е.А. Вводные модусные показатели в англоязычных аналитических медиа-текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Лебедева Елена Анатольевна. – Великий Новгород, 2013. – 26 с.
5. Полякова Ю.Г. Структура и особенности функционирования вставок в языке газеты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Полякова Юлия Григорьевна. – М., 2001. – 208 с.
6. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. – М.: Просвещение, 1994. – 239 с.
7. Kanaan Muhammad Hamza. Functions of parenthetical structures in an English Newspaper Report [Electronic resource] // Adab al-rafidayn. – 2012. – Vol. 63. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/337992161_Functions_of_Parenthetical_Structures_in_an_English_Newspaper_Report
8. Aijmer M. English Discourse particles: evidence from a corpus. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – 313 p.
9. Aijmer M., Simon-Vandenberghe A.-M. (eds.). Pragmatic Markers in Contrast. – Amsterdam: Elsevier, 2006. – 392 p.
10. Auer P. (ed.). Pragmatics of Society. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. – 739 p.
11. Auer P. Context and Contextualization. – Amsterdam: John Benjamins, 2010. – 261 p.
12. Biber D., Conrad S. Register, genre and style. – Cambridge: Cambridge university press, 2009. – 364 p.
13. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. – London: Longman, 1999. – 1204 p.
14. Blakemore D. Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge university press, 2002. – 228p.
15. Blakemore D. Semantic constraints on relevance. – Oxford: Blackwell, 1987. – 262 p.
16. Brown G., Yule G. Discourse analysis. – Cambridge: Cambridge university press, 1983. – 300 p.
17. Fraser B. Pragmatic markers // Pragmatics. – 1996. – Vol. 6, №2. – P.167-190.
18. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. – 1999. – Vol.31. – P.931-952.
19. Schifffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford: Blackwell, 1994. – 352 p.
1. Schifffrin D. Discourse Markers. – Cambridge: Cambridge university press, 1987. – 364p.
20. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 508 p.
21. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. – Oxford: Oxford university press, 2006. – 368 p.
22. Wodak R. The Discourse of Politics in Action. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. – 264 p.
23. Wodak R., Meyer M. (eds.). Methods of critical discourse analysis. – London: SAGE, 2009. – 200 p.

FUNCTIONING OF PARENTHETICAL WORDS AND CONSTRUCTIONS IN ENGLISH NEWSPAPER TEXT AND THEIR CORRESPONDENCES IN THE TAJIK LANGUAGE

Abdujalilova Khikoyat Saidmahmadovna

Assistant of the chair of languages
International Institute of the International university of tourism
and entrepreneurship of Tajikistan
735700, Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, 27th microdistrict, 1
Ph.: (+992) 92 810 07 70 (m.)
ejod@mail.ru

The article is devoted to the study of the functioning features of parenthetical words and constructions in the English newspaper text and the determination of their structural-semantic and functional correspondences in the Tajik language. The category of parenthetical words as a special class of units expressing the author's attitude to the reported information, the degree of reliability of the information, the source of information, the sequence of presentation and evaluative components are specified. Nested constructions are considered as elements that ensure the inclusion of additional semantically autonomous information without violating the structure of the main utterance.

It is shown that the functional load of the considered parenthetical units in both languages is generally the same, but there are differences in the degree of their explicitness, syntactic integration and frequency of use.

Parenthetical constructions perform the most important cognitive, pragmatic, text-forming and discursive functions, ensuring modality, coherence, interpretability and dialogism of the newspaper text. Nested constructions are considered as elements that form additional layers of meaning and enhance the interaction between the author and the reader.

The obtained results allow us to more accurately describe the mechanisms of formation of subjective modality and discursive structure in English newspaper text, which is of scientific and practical value for comparative stylistics, translation theory and teaching foreign languages.

Keywords: parenthetical words; nested constructions; newspaper text; journalistic style; discourse analysis; modality; utterance structure; comparative linguistics; translation correspondences; English language; Tajik language.

КОРБУРДИ ВОЖАҲОИ ТУФАЙЛӢ ВА ТАРКИБҲОИ ИЛОВАӢИ ДАР МАТНҲОИ РӢЗНОМАВИИ ЗАБОНИ АНГЛИСӢ ВА МУТОБИҚАТҲОИ ОНҲО ДАР ЗАБОИ ТОЧИКӢ

Абдужалилова Ҳикоят Саидмахмадовна

Ассистенти кафедраи забонҳои

Инститuti байналмилалӣ

Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣи Тоҷикистон

735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилоят Суғд, Хучанд, маҳаллаи 27, бинои 1

Тел.: (+992) 92 810 07 70 (м.)

ejod@mail.ru

Мақола ба таҳқиқи хусусиятҳои корбурди вожаҳои туфайлӣ ва таркибҳои иловашуда дар матни рӯзномаи англисӣ ва муайян намудани мувофиқати сохторӣ-маъноӣ ва функционалии онҳо дар забони тоҷикӣ бахшида шудааст. Дар мақола категорияи вожаҳои туфайлӣ ҳамчун синфи махсуси воҳидҳо, ки муносибати муаллифро ба маълумоти гузоришшуда, дараҷаи эътимоднокии иттилоот, манбаи иттилоот, пайдарпайии пешниҳод ва ҷузъҳои баҳодихӣ ифода мекунанд, муайян карда шудааст. Таркибҳои иловашуда ҳамчун унсурҳои ҳисобида мешаванд, ки ворид намудани маълумоти иловагиро аз ҷиҳати маъно бидуни ҳалалдор намудани сохтори ибораи асосӣ таъмин мекунанд.

Нишон дода шудааст, ки сарбории функционалии воҳидҳои туфайлии баррасишаванда дар ҳар ду забон дар умум якхела аст, аммо дар дараҷаи равшанӣ, ҳамгирони синтаксисӣ ва басомади истифодаашон фарқ дида мешавад.

Таркибҳои туфайлӣ муҳимтарин вазифаҳои маърифатӣ, прагматикӣ, матнсозӣ ва дискурсивиро бо таъмини модалити, пайванднокӣ, шарҳпазирӣ ва диалогӣ будани матни

рӯзнама иҷро мекунад. Таркибҳои иловашуда ҳамчун унсурҳои ҳисобида мешаванд, ки қабатҳои иловагии маъноро ташкил медиҳанд ва робитаи мутақобилаи муаллиф ва хонандаро афзоиш медиҳанд.

Натиҷаҳои бадастомада имкон медиҳанд, ки механизмҳои ташаккули модалияти субъективӣ ва сохтори дискурсивиро дар матни рӯзнамаи англисӣ, ки барои услубшиносии муқоисавӣ, назарияи тарҷума ва таълими забонҳои хориҷӣ арзиши илмӣ ва амалӣ дорад, дақиқтар шарҳ диҳем.

Калидвожаҳо: вожаҳои туфайлӣ; таркибҳои иловашуда; матни рӯзнама; услуби публисисти; таҳлили дискурс; модалият; сохтори ҷумлаҳо; забоншиносии муқоисавӣ; мувофиқатҳои тарҷумавӣ; забони англисӣ; забони тоҷикӣ.

УДК 811.112.2+811.161.1+811.21/.22

ТИПЫ И СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ПЕРЕВОДЕ

Ибодуллоев Бахром Джаборович

Ассистент кафедры романо-германских языков

Таджикский Международный университет иностранных языков им. С.Улугзаде
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6

Тел.: (+992) 93 599 83 80 (м.)

ibodulloewb@gmail.com

В статье анализируются классификации и подходы таких исследователей, как С.Влахов, С.Флорин, В.С.Виноградов, Г.Д.Томахин, Э.Маркштайн, В.Коллер и А.Келлетат. Особое внимание уделено трудностям перевода, проблемам эквивалентности и терминологическим расхождениям в классификациях. Подчеркивается необходимость комплексного межкультурного подхода и систематического анализа существующих методов передачи реалий.

Ключевые слова: реалия; безэквивалентная лексика; перевод; транскрипция; калька; контекстуальный перевод; межкультурная коммуникация.

Язык и перевод являются неотъемлемыми составляющими человеческой цивилизации, без которых невозможно развитие культуры и науки. Каждый человек в той или иной форме сталкивается с переводом: в общении с иностранцами, при чтении литературы или научных публикаций.

Для большинства людей перевод сводится к простой замене слов одного языка словами другого. Однако для профессионального переводчика это сложная задача, включающая поиск эквивалентов, сохранение смысла и передачу культурных особенностей. Особую сложность представляет перевод реалий – слов и выражений, обозначающих уникальные для конкретной культуры предметы, явления и социальные практики.

Безэквивалентная лексика (БЭЛ), к которой относятся реалии, – одна из самых дискуссионных тем в переводоведении. В статье анализируются типы реалий, их классификации, методы и стратегии перевода. Специальное внимание уделяется проблеме эквивалентности и терминологическим расхождениям между русскоязычными и немецкоязычными исследованиями.

Когда мы используем родной язык, то редко задумываемся о его уникальности, структуре и скрытых культурных кодах. Переводчик же, находясь между двумя языковыми мирами, должен учитывать все эти тонкости.

Разные исследователи по-разному определяют суть перевода: для одних это акт языковой замены, для других – преобразование текста, а для третьих – форма

межкультурного взаимодействия. Сложность переводческой деятельности осознавалась еще в древности. Как отмечают Клуге и Мицка, «термин "переводчик" прослеживается вплоть до XV века до н.э., когда он впервые появляется в малоазиатских источниках в форме *talami*» [11, с.137].

На протяжении веков перевод считался процессом, в котором невозможно полностью передать исходный текст. Существуют различные стратегии перевода: дословная (*wortgetreu*), смысловая (*sinntru*) и эффектная (*wirkungstreu*), каждая из которых имеет свои преимущества и ограничения. Эти стратегии особенно важны при переводе реалий – носителей культурных кодов, традиций и исторического опыта.

Реалии относятся к безэквивалентной лексике (БЭЛ) – одной из самых обсуждаемых тем среди переводчиков и теоретиков. В любом языке есть слова и выражения, которые невозможно передать одним словом на другом языке. Например, русское «кипяток» в таджикском передается описательно как «оби чушоматагй» («кипячёная вода»). А таджикское «ҷӯрабозӣ» (форма тесной мужской дружбы) не имеет точного эквивалента ни в русском, ни в немецком.

Как отмечала К. Райс, в современной теории перевода практически невозможно найти исследование, в котором не фигурировали бы понятия "эквивалентность" и "адекватность". Несмотря на их повсеместное употребление, именно эти категории остаются одними из наиболее спорных и многозначных в нашей дисциплине [15, с.124].

В немецкой научной среде понятие БЭЛ детально разработано В.Вольфрамом и В. Коллером. На русском языке используется термин «безэквивалентная лексика», на таджикском – «калимаҳои бе муодил», а в немецком – *Null-Äquivalenz*; Гюттингер (Güttinger) называет этот процесс «*leistungsgemäßes Übersetzen*».

Безэквивалентная лексика – это лексические единицы, которые не могут быть заменены ни по содержанию, ни по структуре. Ни одно слово другого языка не способно передать уникальную глубину значений и культурное богатство, заключённое в БЭЛ [7, с.64].

По классификации Ф.М.Турсунова, БЭЛ делится на несколько подгрупп: реалии, термины, лакуны, фразеологические единицы, структурные экзотизмы, сокращения, звукоподражательные слова и междометия [7, с.109-202].

Помимо классификации, важно учитывать степень эквивалентности: полная, частичная и нулевая.

1. Полная эквивалентность: фразы, слова и словосочетания совпадают по лексике, синтаксису и смыслу. Чаще всего это международные выражения или фразеологизмы с одинаковым мотивом. Например: «Яблоко от яблони недалеко падает» – «Модар чи гуна, духтар намуна» – «Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm».

2. Частичная эквивалентность: совпадает только лексическая и/или синтаксическая форма, но смысл отличается. Например, слово «центнер» в немецком означает 50 кг, а в русском и таджикском – 100 кг.

3. Нулевая эквивалентность: в языке перевода отсутствуют слова или выражения, способные передать содержание. Например, таджикское «пояндоз» не имеет эквивалента в русском или немецком. Причины могут быть культурными, историческими или языковыми.

Коллер выделяет пять типов лексических соответствий: соответствия «один к одному», «один ко многим», «многие к одному», «один к нулю» и «один к части» [12, с.228].

Тем не менее, отказываться от термина «эквивалентность» не следует. Напротив, его содержание необходимо уточнять, чтобы он оставался надёжным инструментом для теоретического анализа и практической оценки перевода.

Поскольку реалии также не имеют эквивалентов и связаны с конкретным народом, страной или регионом, Элизабет Маркштайн называет их «*Identitätsträger*» – носителями идентичности. «Реалии являются носителями идентичности национальной/этнической структуры, национальной/этнической культуры – в самом широком смысле – и закреплены за страной, регионом, континентом» [13, с.288].

Коллер использует термин «*landeskonventionelle Elemente*» (национальные конвенциональные элементы). Среди других немецких терминов можно выделить:

- *Ortsbezogene Determinanten* – факторы, зависящие от местоположения (Катарина Райсс);

- *Kulturelle und Spezifika* – культурные элементы и особенности (Хансен);

- *fremde Wörter* – иноязычные вкрапления (Пауль);

- *Lehnwort* – заимствования (Шмидт).

В русскоязычной традиции используются:

- Безэквивалентная лексика (Чернов, Федоров);

- Экзотическая лексика – географические и исторические реалии (Супрун);

- Лакуны – культурные пробелы (Ревзин, Розенцвейг);

- Варваризмы – иностранные слова, создающие колорит (Реформатский);

- Этнокультурная лексика / этнолексемы – отражение знаний о культуре народа (Шейман);

- Алиенизмы – редкие языковые единицы с экзотической функцией (Берков).

Реалии, как элементы национального колорита, начали активно обсуждаться в начале 1950-х годов. Этой темой занимались такие учёные, как С.И.Влахов, С.П.Флорин, Г.Д.Томахин, М.Л.Вайсбурд, Л.С.Бархударов, Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров, А.Д.Райхштейн, Вл.Россельс, Л.Н.Соболев, А.Е.Супрун, Г.В.Чернова. Среди немецких лингвистов реалии изучали Отто Адольф Венцель, Катарина Райсс, Вернер Коллер, Ингрид Куц, Герт Егер и Альбрехт Метцель. В последние годы вопросы безэквивалентной лексики и реалий привлекают внимание таджикских исследователей.

Реалия – это слово или выражение, обозначающее явления, предметы или события, которых нет в практическом опыте людей другого языка. Они придают культуре яркую и характерную окраску, отражая традиции, историю, политику или социальные нормы. Влахов отмечает, что «реалии – это наиболее яркие вы-

разители колорита» [4, с. 7]. Реалии могут быть специфичными для определённых групп, например, студенческого или военного жаргона. Некоторые термины могут стать локализмами или профессионализмами, закрепившись в языке народа; иначе они остаются лишь жаргоном [6, с. 7].

М.Л.Вайсбурд включает в число реалий события общественной и культурной жизни, организации, обычаи, предметы обихода, географические пункты, произведения искусства и литературы («Шохнома» – «Шахнаме»), имена исторических личностей (братья Гримм, Мартин Лютер, Фирдоуси), композиторов (Бетховен), артистов, спортсменов (Михаэль Шумахер), персонажей художественных произведений («Коваи охангар») и природные явления. Виноградов выделяет особый вид ассоциативных реалий, связанных с национально-историко-культурными феноменами [2, с.36], а Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров называют их коннотативными.

Л.С.Бархударов связывает реалии со словами, которые не встречаются в опыте носителей другого языка, относя их к безэквивалентной лексике [1, с.14]. В.С.Виноградов уточняет, что при сравнении двух языков некоторые реалии могут частично иметь эквиваленты [2, с.37]. Томахин делит реалии на денотативные (отсутствующие в другой культуре, например: «Bundeskanzler» – «канцлер», «корвонсарой» – «караван-сарай») и коннотативные (частично присутствующие и имеющие дополнительные значения, например: «баня» – «Sauna» – «хамам») [6, с.41-42].

Реалии могут включать крылатые слова, пословицы, афоризмы и фразеологизмы. Маркштайн уточняет, что реалию трудно определить полностью: *«Leichter ist es wohl zu sagen, was nicht Realien sind: Sprichwörter, idiomatische Wendungen, was nicht heißt, daß deren Übertragung dadurch leichter wird»* («Легче сказать, что не является реалиями: пословицы, идиоматические выражения, что не означает, что их передача становится от этого легче») [13, с.288]. С.Влахов подчеркивает, что «характерным примером непереводаемых элементов текста считается реалия» [3, с.6].

Реалии могут быть актуальными или историческими. Актуальные сохраняются в языке (например, Рустам из «Шахнаме» или Гензель и Гретель у немцев). Исторические быстро исчезают из обихода, как FDJ (Freie Deutsche Jugend) в ГДР или термин «Konsum» для небольшого магазина. Кратковременные реалии создают особые трудности для перевода.

Реалии отражают неразрывную связь между языком и культурой, а также социальные практики, обычаи, традиции, политические и экономические особенности общества. Э.Маркштайн предлагает расширенное толкование понятия «реалия», включая в него не только предметы материальной и духовной культуры, но также аббревиатуры, титулы, праздники и иные культурно значимые символы [13, с.288]. По мнению А.О.Иванова, к числу реалий могут относиться не только собственные имена и аббревиатуры, но и жесты и междометия, выполняющие важную культурно-коммуникативную функцию. Исследователь относит к этой категории термины, лакуны, слова с расширенным значением, сложные слова, заимствования, аббревиатуры, лексемы с субъективной оценкой, звукоизобрази-

тельные элементы, ассоциативные лакуны, имена собственные и формы обращения [5, с.86]. Маркштайн отмечает, что в сферу реалий могут включаться речевые формулы приветствия и прощания (например, «Уважаемый господин», «Шалом», «мадам»), а в определённых контекстах – и междометия с жестами [13, с.289].

Ярким примером невербальных реалий является китайская система жестов для счёта от 1 до 10 одной рукой. Эта система, возникшая как практическое средство общения на рынках, стала частью повседневного поведения китайцев и не имеет прямых аналогов в большинстве других культур. Для иностранца неверно понятый жест может привести к коммуникативной неудаче, что позволяет рассматривать такие жесты как невербальные реалии.

Один – поднятый указательный палец (аналогично европейскому). Два – поднятые указательный и средний пальцы (буква V). Три – вытянуты большой, указательный и средний пальцы. Четыре – вытянуты все пальцы, кроме прижатого большого. Пять – раскрытая ладонь. Шесть – вытянуты большой палец и мизинец (жест «позвони мне»). Семь – кончики большого, указательного и среднего пальцев соединены («щепотка»). Восемь – большой и указательный пальцы образуют «пистолет». Девять – согнутый указательный палец. Десять – перекрещенные указательные пальцы (символ иероглифа 十) или сжатый кулак.

Поскольку реалии неразрывно связаны с культурой, при их переводе важно учитывать не только значение, но и культурную окраску. Как отмечали С.Влахов и С.Флорин, «необходимо сохранить уникальность иностранного языка, соблюдая при этом нормы родного языка» [3, с.87]. Это означает, что:

1. перевод должен стремиться адаптировать «чужую культуру к родному языку»;
2. транскрипция направлена на «сохранение оригинального звучания» средствами целевого языка.

По их мнению, «реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и, опять-таки как правило, она передаётся (в контексте) не путем перевода» [3, с.80]. Тем не менее, переводчики находят различные способы её передачи – описательно или контекстуально. Согласно А.В.Фёдорову, «если реалию как часть безэквивалентной лексики невозможно перевести на уровне отдельного слова, это можно сделать в контексте» [8, с.144].

Влахов и Флорин выделяют две основные трудности:

- Отсутствие в языке перевода эквивалентного термина.
- Необходимость передать не только прямое значение, но и культурный подтекст.

К. Норд подчеркивает, что от переводчика требуется «быть бикультурным», то есть уверенно ориентироваться в обеих культурах. Она описывает эту задачу как «*Spagat zwischen Kulturen*» («шпагат между культурами») [14, с.6].

Исследователи неоднократно пытались систематизировать методы передачи реалий. При этом более полные классификации существуют для письменного перевода, тогда как для устного они менее разработаны.

Главная цель – сохранить специфику исходного текста как с точки зрения содержания, так и формы. Для этого используются различные приёмы: замена слов, перестановка, описательные конструкции и пояснительный перевод.

Классификация Влахова и Флорина:

I. Транскрипция – сохранение звучания слова.

II. Перевод (замены):

1. Неологизм:

*Калька – дословный перевод структуры слова/словосочетания.

*Полукалька – частичное заимствование, где одна часть слова остается из оригинала, а другая переводится [3, с.88-89].

*Освоение – адаптация иностранного слова к нормам родного языка (изменение формы, произношения, написания, часто с потерей части значения).

*Семантический неологизм – создание нового слова для передачи смысла реалии без этимологической связи с оригиналом [3, с.89].

2. Приблизительный перевод:

*Родо-видовое соответствие – замена конкретного слова более общим понятием.

*Функциональный аналог – замена на объект, вызывающий у читателя схожие ассоциации.

*Описание, объяснение, толкование – развернутое пояснение значения реалии.

3. Контекстуальный перевод – передача смысла реалии через общий контекст, иногда с её опущением.

Другие классификации:

Коллер: 1) *Übernahme*, 2) *Lehnübersetzung*, 3) *Entsprechung*, 4) *Umschreibung*, 5) *Adaption* [12, с. 235-236].

Келлетат: 1) *Unverändert*, 2) *Wörtlich übersetzen*, 3) *Lehnwort*, 4) *Entsprechung*, 5) *Adoption* [10, с.84-85].

Виноградов:

1. Транскрипция (транслитерация) [2, с.61].

2. Гипо-гиперонимический перевод (родо-видовая замена, например, «суши» → «блюдо»).

3. Уподобление (замена терминами с близким значением, например, «таб-лак» → «барабан») [2, с.62].

4. Перифрастический (описательный) перевод (например, «*Maßkrug*» → «литровая кружка для пива»).

5. Калькирование [там же].

Томахин:

1. Транслитерация и транскрипция.

2. Калькирование.

3. Описательный перевод.

4. Приблизительный перевод (аналог).

5. Трансформационный (контекстуальный) перевод [6, с. 31].

Маркштайн:

1. *Transkription* (транскрипция, напр., *Dirndl* → дирндль).
2. *Lehnübersetzung* (калька, напр., *Drittes Reich* → Третий рейх).
3. *Analogiebildung* (создание аналога, напр., *Kneipe* → пивнушка).
4. *Kommentierende Übersetzung* (описание, напр., *Kreuzer* → старинная монета) [13, с.291].

Комментарии к методам передачи реалий

- Транскрипция: наиболее часто применяется в ономастике. Например, нем. *Schwarzwald* → рус. Шварцвальд. При первом появлении в тексте часто требует пояснений [2, с.61].

- Неологизм: По Влахову и Флорину, включает кальки, полукальки, освоение и семантический неологизм. Использование неологизмов помогает сохранить колорит реалий [3, с. 88].

- Кальки и полукальки: Калька – дословный перевод (например, «чайхона» → «*die Teestube*»). Часто калька и заимствование сосуществуют, причем калька получает более широкое значение. Калькирование – творческий процесс, позволяющий передать не только значение, но и стилистическую окраску [2, с.98].

- Освоение: Процесс адаптации иностранного слова, близкий к транскрипции. Например, нем. *das Halstuch* (шейный платок) → рус. «галстук» (хотя в современном немецком «галстук» – *die Krawatte*). Примеры Влахова и Флорина (*Walküre* → валькирия, *concierge* → консьержка) находятся на грани транскрипции и освоения, так как подвергаются минимальной морфологической адаптации.

- Семантический неологизм: Создание нового слова для передачи смысла. Например, тадж. «сандай» (низкий стол с нагревателем) было передано как «*Schemeldecke*». Этот метод можно считать «свёрнутой формой» описательного перевода.

- Приблизительный перевод: используется чаще всего. Передает основное содержание, но часто теряет колорит. Например, тадж. «фарсах» (≈6 км) может быть переведен как «8 километров», а «ман» (мера веса, варьируется) — как «центнер» (что в Германии равно 50 кг).

- Родо-видовое соответствие: например, «амалдор» (чиновник в Бухарском эмирате) → «*der Beamte*» (госслужащий); «чома» (стеганный халат) → «*der Obermantel*» (верхняя одежда).

- Контекстуальный перевод: это не отдельный способ замены, а общая стратегия адаптации, когда переводчик ориентируется на общий смысл и эффект высказывания, а не на форму.

Терминологические разногласия в классификациях передачи реалий.

Термины для обозначения способов передачи реалий варьируются у разных исследователей, что создаёт значительные противоречия и затрудняет систематизацию.

Так, классификация Влахова и Флорина делит методы на транскрипцию и перевод с последующей детализацией. Однако такие понятия, как «неологизм», трактуются по-разному, а границы между методами (например, «адаптация» и

«транскрипция», «контекстуальный перевод» и «функциональный аналог») часто размыты.

Дополнительная сложность возникает при сопоставлении русскоязычной и немецкоязычной традиций:

Понятие	Немецкие термины
Транскрипция	<i>Übernahme</i> (Коллер), <i>Unverändert</i> (Келлетат), <i>Transkription</i> (Маркштайн)
Калька	<i>Lehnübersetzung</i> (Коллер, Маркштайн)
Описательный перевод	<i>Umschreibung</i> (Коллер), <i>Lehnwort</i> (в трактовке А.Келлетата)

Таким образом, отсутствие единой терминологии требует проведения сравнительного анализа существующих классификаций для их эффективного применения.

Заключение. Перевод реалий является сложной межкультурной задачей, требующей глубокого знания исходной и целевой культур. Реалии, как элементы безэквивалентной лексики, отражают уникальные исторические, социальные и культурные особенности народа.

Методы их передачи разнообразны: транскрипция, калька, неологизм, описание, функциональный аналог и контекстуальный перевод. Однако отсутствие единой терминологии в научной литературе усложняет их систематизацию.

Таким образом, эффективная передача реалий требует комплексного подхода, включающего лингвистическую компетенцию, знание культурного контекста и внимательное использование различных стратегий перевода.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 342 с.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе: учеб. пособие. – 5-е изд. – М.: Р. Валент, 2012. – 406 с.
5. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика: перевод, язык, культура: учеб. пособие. – СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – 192 с.
6. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы: учеб. пособие. – М.: Высшая шк., 1988. – 239с.
7. Турсунов Ф.М. Безэквивалентная лексика в переводе (на материале английского и таджикского языков): монография. – Душанбе, 2015. – 432 с.
8. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: ИД «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
9. Güttinger F. Zielsprache: Theorie und technik des übersetzens. – Zürich: Manesse Verlag, 1963. – 234 s.

10. Kelletat A.F. Zur Übersetzung von Realienbezeichnungen // Special languages and second languages: methodology and research (AFinLA Yearbook 1989) / ed. A.Nuopponen, R.Palmberg. – Vaasa: AFinLA, 1989. – P.79-91.
11. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F.Kluge; bearb. von W.Mitzka. – 21. unveränd. Aufl. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1975. – 915 s.
12. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. – 2. überarb. und erw. Aufl. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1983. – 303 s.
13. Markstein E. Realia // Handbuch Translation / Hrsg. M.Snell-Hornby, H.G.Hönig, P.Kußmaul, P.A.Schmitt. – Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1998. – S.288-291.
14. Nord C. Einführung in das funktionale Übersetzen: am Beispiel von Titeln und Überschriften. – Tübingen: Francke, 1993. – 285 s.
15. Reiss K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. – Tübingen: Niemeyer, 1984. – 245 s.
16. Wilss W. Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden. – Stuttgart: Klett, 1977. – 357 s.

TYPES AND STRATEGIES FOR TRANSLATING REALIA IN CROSS-CULTURAL TRANSLATION

Ibodulloev Bakhrom Jaborovich

Assistant of the chair of Romance and Germanic languages
Tajik international university of foreign languages named after S. Ulugzade
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Muhammadiev str., 17/6
Ph.: (+992) 93 599 83 80 (m.)
ibodulloewb@gmail.com

In the article, the classifications and approaches of researchers such as S.Vlahov, S.Florin, V.S.Vinogradov, G.D.Tomakhin, E.Markstein, W.Koller and A.Kelletat are considered. Particular attention is paid to translation difficulties, equivalence issues, and terminological discrepancies in classifications. The need for a comprehensive intercultural approach and a systematic analysis of existing methods for conveying realia is emphasized.

Keywords: realia; non-equivalent vocabulary; translation; transcription; tracing; contextual translation; intercultural communication.

НАВЪ ВА УСУЛҲОИ ИНТИҚОЛИ РЕАЛИЯҲО ДАР ТАРҶУМАИ БАЙНИФАРҲАНГӢ

Ибодуллоев Баҳром Ҷаборович

Ассистенти кафедраи забонҳои романӣ-германӣ
Донишгоҳи байналмилалӣи забонҳои хориҷӣи Тоҷикистон ба номи С. Улуғзода
734019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Муҳаммадиев 17/6
Тел.: (+992) 93 599 83 80 (м.)
ibodulloewb@gmail.com

Мақолаи мазкур навъҳо, стратегияҳо ва усулҳои интиқоли реалияҳоро дар тарҷумани байнифарҳангӣ баррасӣ менемояд. Реалия ҳамчун унсурҳои лугтавии бемуодил ё худ нобаробар хусусиятҳои беназири фарҳангӣ, таърихӣ ва иҷтимоиро инъикос намуда, рӯйкарди махсусро тақозо мекунад. Таснифот ва равишҳои муҳаққикон ба мисли С.Влахов, С.Флорин, В.С.Виноградов, Г.Д.Томахин, Е.Маркштайни, В.Коллер, А.Келлетат таҳлил карда мешаванд. Ба мушкилоти тарҷума, мушкилоти муодилоноки ва ихтилофи истилоҳот дар таснифҳо тавачҷуҳи махсус зоҳир карда мешавад. Зарурати баррасии ҳамачонибаи байнифарҳангӣ ва таҳлили низомдори усулҳои мавҷудаи интиқоли реалияҳо таъкид шудааст.

Калидвожаҳо: реалия; вожаи бемуодил; тарҷума; транскрипсия; калка; тарҷумани контекстуалӣ; муоширати байнифарҳангӣ.

УДК 004.934.2

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ И КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ И ПРОКЛЯТИЙ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Исмоилова Нилуфар Маноновна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+ 992) 901 31 07 24 (м.)
manonzodan@gmail.com

В статье проводится лексикографический и корпусный анализ благопожеланий и проклятий в таджикском языке. Рассматриваются примеры употребления различных выражений благопожеланий и проклятий в разговорной и письменной речи, анализируются их семантика, фразеологические особенности и контекстуальное употребление. Лексикографический и корпусный анализ дает возможность выявить общие тенденции и специфические особенности благопожеланий и проклятий в таджикском языке. Особый интерес представляют наиболее употребляемые формы благопожеланий, проклятий и их семантические и структурные особенности, а также их функции и роль в коммуникации. По результатам работы, делается вывод о значимости благопожеланий и проклятий в коммуникативном акте в таджикском языке и их роли в повседневном общении.

Ключевые слова: таджикский язык; благопожелания; проклятия; корпусный анализ; фразеологические особенности; контекстное употребление; разговорный язык; письменный язык; функции в коммуникации.

Лексикографический анализ благопожеланий и проклятий предполагает изучение слов и выражений, используемых в данных актах, и их сравнение с другими словами и фразами. Это может включать в себя анализ частотности употребления определенных слов, семантических связей между ними, исследование тенденций в использовании определенных выражений в различных контекстах.

Корпусный обзор благопожеланий, с другой стороны, предполагает использование корпуса текстов (набора текстовых данных) для изучения того, какие благопожелания и проклятия наиболее часто встречаются, как они используются в различных жанрах текстов, какие слова и фразы чаще всего сочетаются с благопожеланиями и т.д.

Как отмечают З.Д.Попова и И.А.Стернин, «под лексикографическим значением понимается описание значения, полученное путем обобщения словарных дефиниций разных толковых словарей традиционного типа» [5, с.23].

По мнению И.А.Стернина, данный метод направлен на «получение максимально полного описания значения исследуемого слова в системе языка на базе всей совокупности имеющихся толковых словарей» [6, с.26].

Благопожелания и проклятия – это важные элементы человеческой коммуникации и культурного взаимодействия. Вместе с тем, исследователи отмечают, что «некоторые жанры, такие как нравоучение, консилиум, клятва, молитва, заклинание, шутки, мифологический рассказ, восхваление на сегодняшний день менее собраны, на что следует обратить внимание» [3, с.25].

Благопожелания в таджикской лингвокультуре имеют большое значение и являются важной частью общения. Они выражают уважение, добрые пожелания и заботу о собеседнике. Пожелания успехов, здоровья, радости и удачи помогают укрепить отношения между людьми и создать позитивную атмосферу в общении [4, с.12].

Благопожелания также могут использоваться для поздравления с праздниками, рождением детей, свадьбой или другими важными событиями. Они помогают поддерживать и поднимать настроение собеседнику, а также показывать заботу и внимание к его благополучию.

Проклятия используются людьми по разным причинам. Иногда люди используют их как способ выразить ярость, разочарование или фрустрацию. Другие могут использовать проклятия для усиления своих высказываний или чтобы привлечь внимание к своим эмоциям. В некоторых случаях проклятия могут функционировать как часть культурных или социальных обычаев, хотя это может сильно зависеть от конкретной культуры или общества. Однако важно помнить, что использование проклятий может вызвать негативные реакции у других людей, поэтому, прибегая к ним, важно быть осмотрительным.

Целью исследования в данной статье является лексикографический и корпусный анализ благопожеланий на материале словарей и Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ) [<https://tajik-corpus.org>].

Для проведения анализа нами были рассмотрены следующие источники: «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» (Таджикско-русский словарь) Д.Саймиддинова [12], «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (далеи ФТЗТ)» (Толковый словарь таджикского языка) [13]; «Фарҳанги забони тоҷикӣ» М. Ш. Шукурова [16], «Арабско-русский словарь» Баранова Х.К.[8], «Фарҳанги ибораҳои рехта» (Фразеологический словарь) М. Фозилова [14], «Фарҳанги воҳидҳои фразеологии лаҳҷаи Хучанд» (Словарь фразеологизмов худжандского диалекта) под редакцией А.Зоҳидова [9], «Фарҳанги нави тоҷикӣ русӣ (далеи ФНТР)» Я. Калонтарова [10], (Новый таджикско-русский словарь), «Русско-таджикский словарь» Д.Арзуманова [7].

Итак, слово *Дуо* – заимствовано из арабского языка и означает “1. звать, позвать, призывать”;

Рассмотрим слово “дуо” в словаре Х.К.Баранова [8]: Здесь мы выбираем только те значения, которые близки нашему исследованию:

1) звать, призывать (к чему ل); взывать, вызывать; الله ~ взывать к Аллаху; اذا ما الامر الى ذلك ~ الامر الى ذلك если в этом возникнет необходимость; اذا ما الامر الى ذلك ~ الامر الى ذلك если это потребуется 6) благословлять (кого); призывать благословение (на кого ل); желать (добра, успеха → кому ل); له بطول البقاء (العمر) ~ желать кому-л. долгой жизни;

له بسفر سعيد пожелать кому-л. счастливого пути; 7)содействовать (кому) 8) проклинать (кого)على)

Такое же значение дается по словарю Г.Ш.Шарбатова [15].

«ФТЗТ [12]; даёт следующие определения слову «Дуо»:

ДУО а. دعا-д. дархост аз Худо, ниёиш; дуои хайр аз Худо хостани хайрият ва некии касе; дуо кардан касеро хайру баракати касеро аз Худо талаб кардан; дуои касеро гирифтани ба касе хизмате ё некие карда, мавриди ситоиш ва дуоталабии вай шудан. - «Дуо» - просьба к Богу, молитва; добрая молитва с просьбой к Богу о милостыне и благе к кому-либо; помолиться за кого-нибудь, попросить у Бога чьего-то благословения; принять чью-либо молитву, оказать кому-либо услугу или добро, быть предметом его похвалы и молитвенной просьбы.

Слово дуо имеет ряд парадигм. Как отмечает известный таджикский лингвист Д.М.Искандарова, «словообразовательная парадигма представляет собой реализацию деривационных значений слов определенной части речи, входящих в единую лексико-семантическую группу. Соответственно, словообразование можно рассматривать как фрагмент языковой картины мира, поскольку оно помогает понять те ценности, которые имеют значимость для носителей языка, выявить отношение к окружающему миру, природным и общественно-социальным явлениям» [2, с.66].

Рассмотрим словообразовательную парадигму слова:

ДУОГАР دعاگر дуогӯй, ситоишгар, ҳамду санохон. – молящийся; молеельщик; благожелатель, проситель, восхваляющий, восхваляющий.

ДУОГУЁН دعاگو дуо ӯян дар холи дуогӯй, хангоми хондан. – молящиеся во время молитвы, во время чтения молитвы.

ДУОГУЎИ دعاگوи талаб кардани хайру неки аз Худованд, дуохонӣ. ДУОГУЎИ дуокунанда; хайрхоҳ, некхоҳ. - благожелатель دناووئي прошение благо от Бога, молитва. Молящийся, доброжелательный, доброжелательный.

ДУОНАВИС دعاويس он ки ба ивази пулу мол барои дигарон дуову тӯмор менависад, тӯморнавис. - тот, кто пишет молитвы и заговоры для других в обмен на деньги и товары, заклинатель.

ДУОХОН دعاخوان 1. азоимхон, афсунхон; бо дуову афсун табобаткунанда. 2. он ки дар зиёратгоҳҳо ва ғӯристонҳо дуо мехонад; дуогӯй. – читающий заклинания, заклинатель; 2. лечащий больных молитвами, заклинаниями, знахарь.

ДУОХОНӢ دعاخوانи кор ва амали дуохон, азоимхонӣ, афсунхонӣ. – читать заклинания.

В “ФНТР” Я. Калонтарова дается следующее определение “дуо”:

Дуо – (рел.) молитва, дуо гуфтан, дуо кардан, дуо хондан – молиться

Дуогӯй – молеельщик [10, с.113].

В «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» под редакцией Д.Саймиддинова [12], дается следующий перевод слова «Дуо»:

дуо 1. молитва; мольба; 2. заклинание; ~и бад проклятие, проклинание; ~и нек (хайр) благословение, пожелание всяческих благ; ~ву салом привет и добрые

пожелания; ~ кардан, ~ гуфтан молитъся, читать молитву; ~ хондан а) см. ~ кардан; б) заклинать, читать заклинания

В “Фарҳанги забони тоҷикӣ” под редакцией М.Ш.Шукурова [16] дается следующее определение:

ДУО دعا дархост аз худо, хоҳиш; ниёиш. - просьба к Богу, просьба; молитва.

Зурмандӣ, макун бар аҳли замин,

То дуое бар осмон наравад.

Саъдӣ

(Не будьте жестоки к людям земли.

Чтобы небеса не услышали их молитвы).

дуо гуфтан

а) изҳори хоҳиш ва талаб кардан аз Худо. - выражать желание и требовать что-либо от Бога.

Хоҳам аз баҳри саломат рафтанат гуям дуо,

Чавҳари гуфтор аз теги забонам меравад.

Сайидо

(Хочу помолиться за твой благополучный отъезд

Способность говорить покидает мой язык).

б) маҷ.: видоҳ кардан, хайрухуш намудан; вогузор намудан, тарк кардан.- попрощаться, попрощаться;

Бо ҳасу хор дар чаман хуфтӣ,

Нангу номусро дуо гуфтӣ.

Зиё

(Ты в поле спал на траве

И молился о чести).

ДУОГУ(Й) يصلي и з дуокунанда; он ки дар ҳаққи касе неқӣ ва хайр металабад; хайрхоҳ, некихоҳ. – молитъся; тот, кто желает добра и доброты для кого-то; доброжелательный, доброжелательный.

Хуш он, ки забон аз паи дашином барорӣ,

Ман даст бароварда дуогӯи ту бошам.

Ҳилолӣ

(Хорошо было бы, если бы ты за языком своим следил.

Я протяну руки и помолюсь за тебя).

По данным словарей можно сделать вывод, что слово дуо имеет арабское происхождение, и его значение во всех словарях приравнивается к «молитве, просьбе, обращению к Богу».

В “Фарҳанги ибораҳои рехта” М.Фозилова [14]: приводятся следующие примеры с лексемой «дуо»:

1) Ба дуои курмуш (гурбаи сиёҳ) борон намеборад – молитвой крота (черной кошки) дождь не пойдёт.

- бо орзуи бадӣ касе бадӣ руй намедихад. – с пожеланием кому-либо плохого ничего плохого не случится.

- *Ха, ха, ха!* — хандид колхозчӣ,— *Бо дуои курмуш борон намеборад, «Хорнуштак»*

2) Дуо мувофиқи ато

1. ба ҳиммат, марҳамати касе нигоҳ карда, миннатдорӣ кардан, - смотреть на чью-то смелость и доброту и быть благодарным.

2. чавоби бил-мисл додан, муомилаи бил- мисл кардан. – отвечать со знанием, относиться со знанием.

- *Дар бораи шаҳри мо чӣ гуна таассурот ҳосил кардед? Мо ҳам, ба қавли одамони пешина «дуоро мувофиқи ато» карда гуфтем: Бисёрӣ ва бузургии трубаҳо гувоҳӣ медиҳанд, ки дар ин шаҳр саноат хеле тараққӣ кардааст, аз фавворазании дуди зафси онҳо маълум мешавад, ки дар он корхонаҳои саноатӣ кор дар ҷуш аст. Таассуроте ки мо аз ин баландӣ ҳосил кардем, ҳамин аст (А.Дехотӣ «Ҳаёт қадам мезанад») – Какое впечатление у вас сложилось о нашем городе? Мы тоже, как это принято, прочитали «молитву по просьбе» и сказали: количество и размер труб указывают на то, что в этом городе очень развита промышленность, из фонтана их густого дыма видно, что на этих промышленных предприятиях работа кипит. Вот такое впечатление мы получили от этой высоты (А.Дехоти “Жизнь шагает”).*

В “Фарҳанги воҳидҳои фразеологии лаҳҷаи Хучанд” под редакцией А.Зохидова [9] приводятся следующие примеры:

а) Дуо рафтаги- одати будани амале ё хусусияте: *Ин одам-ба дуо рафтаги, ҳама кор-у ҳамаҷо-ва ӣаг бино-ӣи умр- аш бевах(т) мон-даги-ш мондаги.* – привычка в каком-либо действии.

б) Дуо-ӣи бад қадан нияти бад, изҳори норозиги, хоҳиш кардан аз Худо барои бо ҷазои бад гирифта кардани гунаҳ- гор, лаънат кардан: *Тоба, тоба, Азамат-а був-аш дойбат қадӣ-ӣан. Ва-ӣа ақун гур-аш сух(т).* – проклинать кого-то, выражать недовольство, просить Бога о наказании виновника.

с) Дуо-ӣи ҷони касеро қадан – дуою нияти нек кардан нисбат ба касе, нехогоҳӣ кардан: *Дуо-ӣи ҷон-ат-а мекунам, илоҳи, қалон шав, азони ҳолат ҳамун қаланда гирон бийо, бача-м. Дуо-у фотийа қадан маросими хурд (порае аз «Қуръон» ба арвоҳи мурдагон хондан бо иштироки қори ёқориён) дар хонаи шахси фавтида ё ҳар вақт дар ёдбуди гузаштагон, ки онро дар Хучанд «Хатми Қуръон» ҳам мегуянд, ки дуруст нест. «Хатми Қуръон» маросими дигар аст, ки соҳиби хона ба қорие мефармояд, ки ба арвоҳи гузаштагонаш Қуръонро пурра хонда (хатм карда) саво- баширо бахшад, ба ивази он фармоянда зиёфате орошта, ба қори музди назаррасе медиҳад: Баро-ӣи дадо-т-у гузашта-ҳо ӣаг дуо-ӣу фотийа қуни-чи? Ҳич ӣод-о-том-ба-ӣам намеби- ӣод-а? Фарзанд-ам унту тиронсолаги-ва парастор-ам шав-ат, сойиб-и мудда-ӣу зинд-ат шуда, шаб-и ҷума-ӣу душамбе-ва ҷироқ-и хона-т-а даргирон-ад-у арбоҳ-ат-а ҷирикқас наку-нон-ат, ҳар сар-и вахт ӣаг дуо-ӣу фотийа қада ист-ат-дӣӣа, илоӣим, Худо фармо-т-дӣӣа. – молится за кого-то, давать кому-то благословение, на каждом мероприятии таджикского народа используются “дуо”: если это*

свадебное торжество, то читается какая-то часть Корана и посвящается предкам этого дома, если это поминание покойного, то готовят тир и тоже читается какая-то часть Корана, а в большинстве случаев читается полностью Коран и посвящается ему (этот процесс называется Хатми Куръон).

В словарях отмечается, что слово “дуо” означает не только “молитву”, оно также несет в себе семантику “благословлять, благословление”.

В таджикском языке много слов и формул, в которых отражается Благопожелание: дуо, дуои нек, дуои хайр, дуои модар, дуои падару модар, даст ба дуо бардоштан, дуои устод, дуо калонсолон, дуо фарзандон дар ҳаққи падару модар.

“Следует отметить, - пишет в своем исследовании М.Б.Давлатмирова – что Дуо (Благословение) в исламской картине мира имеет разные коннотации, где и когда читается, по назначению: дуои ид, дуои хайр ва худой, дуои дастархон, дуо дар ҳаққи тифли навзод, дуо дар ҳаққи беморон, дуои сафар, дуои волидайн, дуо хангоми хоб рафтан и др.” [1].

В Национальном корпусе таджикского языка было обнаружено:

лексема «Дуо»: найдена 2581 словоформа, 2503 предложения примерно в 988 документах:

Аз хонаи дигар бӯи нони гарм меомад. То нишастанду даст ба дуо бардоштанду меҳмон хонаро аз назар гузаронд, ки Саврӣ рӯи хонтахтаро пур аз нозу неъмат кард. Чой дам карда овард. – Из другого дома доносился запах горячего хлеба. Присев и подняв руку в молитве, гость оглядел дом, а Саври накрыла на стол. Она принесла чай.

«Дуои нек»: найдено 8588 словоформ, 161 предложение примерно в 137 документах:

Падару модар бо ҳазор умеду орзу фарзандро ба воя мерасонанд ва ба онҳо дуои нек медиҳанд, то оила бунёд кунанду хушбахт шаванд», - чунин меандешад номбурда. [Зам мешаваду кам не. Аз бекоркунии ақди никоҳ дар Хатлон то пушаймонӣ (аудио). Pressa.tj, 2022].

Родители воспитывают своих детей с тысячей надежд и мечтаний и молят, чтобы они построили семью и были счастливы”, - так думает названный человек.

«Дуои хайр»: найдено 7200 словоформ, 138 предложений примерно в 117 документах:

Илоҳо пайдо шавад, – дуои хайр мекард камтири Майса, чашимони хираи обраваширо пок карда. [Сармаддеҳ. Душанбе, 2002]. - Дай Бог, чтобы появился, - взмолилась старушка Майса, вытирая затуманенные глаза.

«Дуои модар»: найдено 4310 словоформ, 114 предложений примерно в 69 документах:

Дуои модар чун шири ӯ поку беолоиш аст [ДАР СИТОИШИ ЗАН-МОДАР. Ovozi Tojik, 2019]. – Молитва матери чиста, как ее молоко.

«Дуои падару модар»: найдено 795 словоформ, 18 предложений примерно в 18 документах:

Хусусан дуои падару модар аз ҳама беиштар таъсиргузорафт ва зуд муштаҷоб мешавад [Қитоби орзуҳо. Дилнавиштаҳои Дили Тоҷик. Душанбе, Адиб, 2014]. – В частности, молитвы родителей наиболее действенны и быстро реализуются.

«Даст ба дуо бардоштан»: найдено 169 словоформ, 4 предложения примерно в 4 документах:

Ҳангоми даст ба дуо бардоштан низ Лолаойтиро дуо карданд [БЕМОРБИНИЙ. Ovozi Tojik, 2022]. – Вознося руки для молитвы, они также молились за Лолаойти.

«Дуои устод»: найдено 106 словоформ, 3 предложения примерно в 3 документах:

Дуои устод сахт рӯҳбаландам кард [Достони муаллим (нигора). Душанбе, Ирфон, 2013]. – Молитва наставника очень воодушевила меня.

По данным Национального корпуса таджикского языка можно сказать, что наиболее часто употребляемой формулой в таджикском языке является «дуои нек», которое имеет 8588 словоформ.

Изучение благопожеланий и проклятий идет параллельно, так как оба явления отражают особенности языковой культуры и коммуникативного поведения. В связи с этим, наряду с благопожеланиями, нами были проанализированы и формулы проклятий на основе лексикографических источников и на материале Национального корпуса таджикского языка. Стоит отметить, что проклятие (*дуои бад*) в таджикском языке имеет несколько формул и одной из распространенных является «лаънат».

Из результатов анализа данных НКТЯ можно сделать вывод, что само слово *дуо* используется реже, чем его коннотации: *дуои нек*, *дуои хайр*, *дуои модар* или *дуои бад*.

В «Фарҳанги забони тоҷики» под редакцией М.Ш.Шукурова [16] дается следующее определение «Лаънат»:

ЛАЪНАТ а. дуои бад; бадгуй, дашном, изхори нафрат. – проклятие; клевета, оскорбление, выражение ненависти.

Намонад ситамгори бадрузгор,

Бимонад бар у лаънати пойдор.

Саъдӣ

(Не останется злой угнетатель

Будет на нем вечное проклятие).

В «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» под редакцией Д.Саймиддинова [12] дается следующий перевод слова «Лаънат»:

ЛАЪНАТ проклятие; -**кардан**, -**хондан**, -**фиристодан**, -**гуфтан** проклинать кого - л.; предать проклятию; посылать проклятия; - **ба ӯ!** будь он проклят!

ЛАЪНАТӢ проклятый, окаянный

В «Фарҳанги ибораҳои рехта» М.Фозилова [14] приведены следующие фразеологизмы со значением «дуои бад»:

Лубиёю каду – лаънат ба хар ду

лаънат ба ду чиз ва ба ду касе ки дар бад будани сифат бо хамдигар як хеланд; ба хар ду хам лаънат. – Проклятие двум вещам и обоим людям, имеющим одинаковое плохое качество; черт поberi их обоих.

1. - *Гапро чаро дароз мекунетон? «Кал додари кур» гуетон намешавад? — гуфт Маҷид. — Аз хама беҳтараши «лубъёву каду — лаънат ба хар ду» гуфтан аст... - Почему вы затягиваете разговор? Разве ты не говоришь: «Лысый — брат слепого»? - сказал Маджид. - Лучше всего сказать "фасоль и тыква - прокляни обоих"...*

С.Айнӣ «Асарҳои мунтахаб»

(С.Айни «Избранные произведения»)

2. - *Араки лаънатӣ хамин тавр, нафаскаши мекунад. Аммо коньяк ин тавр не, агар коньяк хурам, нафасам намегирад... Умуман лубиёю каду – лаънат ба хар ду! Нушидан лозим не, - Чертова водка такая удушливая. Но коньяк не такой, если я выпью коньяк, я не смогу дышать... В общем, бобы и тыква – черт возьми, и то, и другое! – не нужно употреблять*

Ҷ.Икромӣ «Ман гунаҳкорам»

(Дж.Икрами «Признаю себя виновным»)

Замини сиёҳ кашад!

дуои бад: дар мавриди ба касе марг хоستان гуфта мешавад. – плохая молитва: ее произносят в случае пожелания кому-либо смерти.

- *Алҳазару тавба, замини сиёҳ кашад туро!*

Р.Чалил «Одамони ҷовид», қ. 1

(Р.Джалил «Вечные люди» ч.1)

Нону намаки касе кур кардан

нисбат ба одам носипос дар мавриди дуои бад гуфта мешавад; хурдагиат харом бод! – о неблагодарном человеке говорят при проклинании;

1. *Нону намаки тағоиям шумоёнро кур кунад. – Пусть хлеб и соль моего дяди ослетит тебя.*

С.Ғанӣ «Туй»

(С.Гани «Свадьба»)

Результат поиска лексемы «Дуои бад» в Национальном корпусе таджикского языка: найдены 3703 словоформы, 111 предложений примерно в 79 документах.

Зан дар ҷавоб: — Ваҳ, ту чӣ хел дилат мешавад, ки тисаракамонро чунин дуои бад кунӣ?! [Аз таҳти дил бихандед!. Pressa.tj, 2023]. – Женицина ответила: «Ах ты, как ты можешь проклинать нашего сына?»

Так как одной из распространённых формул проклятия в таджикском языке является «лаънат» и «падарлаънат», мы также рассмотрели данные лексемы в Национальном корпусе таджикского языка:

В Национальном корпусе таджикского языка найдено 17537 словоформ, 575 предложений примерно в 227 документах:

Дигар намедонистам чӣ касеро лаънат кунам, мусаббибони ин ҷангро ё хоинонашро [До. Душанбе, Мастер-Принт, 2015]. – Я не знал, что проклинать, причину этой войны или ее предателей.

Проклятие «лаънат» имеет также другую очень распространённую форму использования – «Падарлаънат» (проклятый отцом).

Результат поиска лексемы “Падарлаънат” в Национальном корпусе таджикского языка: найдена 1431 словоформа, 53 предложения примерно в 43 документах.

Ё вожаи “пахат”-ро мегирем, ки соддакардашудаи вожаи “падарлаънат” аст [Умарҷон Ҳаитов: Теша ба решаи забон задан миллатро аз байн бурдан аст!. osiyoavuro, 2020].

Или возьмем слово «пахат», которое является упрощенным вариантом слова падарлаънат «проклятый отцом».

Анализ благопожеланий и проклятий по данным словарей и Национального корпуса таджикского языка, показал, что эти языковые выражения играют значительную роль в повседневном общении. Благопожелания отражают доброжелательное отношение говорящего к адресату и используются для выражения пожеланий здоровья, удачи и счастья. Данные речевые формулы носителей языка используют не только в обычной коммуникации, но и при обращении к Богу с целью проклинать или защитить кого-либо. С другой стороны, проклятия могут использоваться в эмоционально насыщенных ситуациях для выражения негативных эмоций или неодобрения.

Лексикографический анализ благопожеланий и проклятий позволяет понять их семантику, употребление и контекст использования. Корпусный анализ позволяет изучить частотность употребления данных выражений и их вариативность в различных текстах и устной речи. Из корпусного анализа можно сделать вывод, что просто «дуо» используется реже, чем его коннотации.

Исследование благопожеланий и проклятий в таджикском языке представляет интерес для лингвистической науки и культурологии, поскольку они отражают особенности менталитета и коммуникативных практик этнокультурной общности. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию языковой и культурной специфики таджикского общества.

Литература

1. Давлатмирова М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта "Судьба" (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков). – Душанбе, 2019. – 389с.
2. Искандарова Д.М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С.58-70.
3. Рахмони Р. Полевые исследования: руководство по сбору таджикской устной литературы: метод. пособие. – 3-е изд. – Душанбе: Офсет-Империя, 2018. – 40 с. (на тадж.яз.)
4. Каххор Р. (Р. Рахмони). Молитва – форма фольклора // Мардумгӣҳ. – 1995-1996. – №1-2. – С. 209-211. (на тадж.яз.)
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 32с.

6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007 – 226с.
7. Арзуманов Д. Каримов Х. Русско-таджикский словарь. – М.: Изд-во «Госиздат иностранных и нац. Словарей», 1957 – 631с.
8. Баранов Х.К. Большой Арабско-русский словарь: в 2-х т. – М.: Живой язык, 2006. – 928 с.
9. Зохидов А. Словарь фразеологических единиц хужандского диалекта. – Худжанд 2013 – 394с. (на тадж.яз.)
10. Калонтаров Я. Новый таджикско-русский словарь – Душаенбе, 2008. – 320с.
11. Национальный корпус таджикского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tajik-corpus.org/>
12. Саймиддинов Д. Таджикско-русский словарь. – Душанбе, 2005. – 461 с. (на тадж.яз.)
13. Назарзода С. Словарь таджикского языка. – Душанбе, 2008. – Т.2. – 945 с. (на тадж.яз.)
14. Фозилов М. Словарь фразеологизмов. – Душанбе, 1963. – 968с. (на тадж.яз.)
15. Шарбатов Г.Ш. Арабско-русский учебный словарь. – М.: Русский язык, 1981. – 1076с.
16. Шукуров М.Ш. Словарь таджикского языка. – Душанбе, 2006. – Т.2. – 950с. (на тадж.яз.)

A LEXICOGRAPHICAL AND CORPUS ANALYSIS OF WISHES AND CURSES IN THE TAJIK LANGUAGE

Ismoilova Nilufar Manonovna,

Postgraduate at the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+ 992) 901 31 07 24 (м.)
manonzodan@gmail.com

This article provides a lexicographic and corpus analysis of wishes and curses in the Tajik language. Examples of the use of various expressions of wishes and curses in spoken and written languages are considered, along with their semantics, phraseological features, and contextual usage. Lexicographic and corpus analysis allows to identify general trends and specific features of good wishes and curses in the Tajik language. Particular interest is the identification of the most frequently used forms of good wishes and curses and their semantic and structural features, as well as analyzing their functions and role in communication. It is concluded that good wishes and curses are significant in Tajik communication and their role in everyday interaction.

Keywords: Tajik language; good wishes, curses, corpus analysis, phraseological features, contextual use, spoken language, written language, communicative functions.

**ТАҲЛИЛИ ЛУҒИГРАФӢ ВА КОРПУСИИ ДУО ВА ДУОИ БАД
ДАР ЗАБОНИ ТОЧИКӢ**

Исмоилова Нилуфар Маноновна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+ 992) 901 31 07 24
manonzodan@gmail.com

Дар ин мақола таҳлили луғавӣ ва корпусии орзуҳо ва лаънатҳо дар забони тоҷикӣ пешниҳод шудааст. Намунаҳои истифодаи ибораҳои гуногуни орзуҳо ва лаънатҳо дар забонҳои шифохӣ ва хаттӣ, дар баробари семантика, хусусиятҳои фразеологӣ ва истифодаи контекстуалии онҳо баррасӣ карда мешаванд. Таҳлили луғавӣ ва корпусӣ ба мо имкон медиҳад, ки тамоюлҳои умумӣ ва хусусиятҳои хоси орзуҳои нек ва лаънатҳоро дар забони тоҷикӣ муайян кунем. Муайян кардани шаклҳои маъмултарини орзуҳои нек ва лаънатҳо ва хусусиятҳои семантикӣ ва сохтории онҳо, инчунин таҳлили вазифаҳо ва нақши онҳо дар муошират тавачҷӯи хоса дорад. Таҳқиқот ба хулосае омад, ки орзуҳои нек ва нафрин дар муоширати тоҷикӣ ва нақши онҳо дар муоширати ҳаррӯза муҳиманд.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; орзуҳои нек; нафринҳо; таҳлили корпус; хусусиятҳои фразеологӣ; истифодаи контекстӣ; забони гуфторӣ; забони хаттӣ; вазифаҳои муоширатӣ.

УДК 821.222.8

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ХИЗМАТ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДАХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Ахмадзода Исмоилшох Икром

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания,
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+ 992) 988 55 36 46 (м.)
ismoilshoh08@mail.ru

В статье проводится анализ объективации концепта "хизмат" (услуга, служба) в паремиологическом и фразеологическом фонде таджикского языка. Автор предпринимает попытку выявить особенности и значение данного концепта в контексте таджикской культуры и языка, а также определить его роль и функции в языковом общении. Даются интерпретация и объяснение концепта "хизмат" на основе анализа поговорок, пословиц и устойчивых выражений, используемых в таджикском языке. Анализ паремиологического фонда таджикского языка показал, что в составе паремий, репрезентирующих концепт «хизмат», ярко функционирует национально-маркированная лексика, представляющая собой богатый материал для лингвокультурного анализа. Приведены различные толкования и интерпретации «хизмат» в лексикографических трудах и текстовая реализация концепта в примерах из Национального корпуса таджикского языка.

Ключевые слова: таджикский язык; концепт «Хизмат»; фразеологизмы; паремии; контекст; словарные дефиниции; национальный корпус таджикского языка.

История языка и история культуры – два важных и взаимосвязанных аспекта развития общества. Язык и культура тесно взаимодействуют друг с другом, влияя на формирование и эволюцию общественного сознания.

Кроме того, анализ истории языка и культуры помогает раскрыть своеобразие и уникальность каждой нации, ее идентичность и ценности.

Паремии как один из видов фольклорного жанра отражают различные стороны материальной и духовной жизни каждого народа, прежде всего его менталитет и культуру. Паремии являются важной частью восприятия жизни любого этноса, поскольку в них закрепляется опыт народа, в основном – общечеловеческий и национальный, в паремиях также хранится и транслируется культурная информация. «Исследование паремий в когнитивном аспекте основано на понимании их как знаков, имеющих в своем содержании несколько блоков информации, охватывающих национально-культурные ценности» [1, с.288]. В целом паремии играют значительную роль в формировании когнитивной базы языковой личности в процессе ее становления.

Пословицы и поговорки являются одним из видов устного народного творчества, в которых обобщается социально-исторический опыт народа, его мудрость. В пословицах и поговорках проявляются особенности культуры и своеобразие исторического развития народа – их создателя. И вместе с тем по своему идейному содержанию пословицы и поговорки самых различных народов обладают сходными чертами. Истинно народные понятия о труде, чести, патриотизме, дружбе, добре и зле, о страхе и доблести носят общечеловеческий характер и сходны у разных народов мира [6, с.5].

Важность изучения процесса объективации концептов лексико-фразеологическими средствами (словами, устойчивыми сочетаниями) не вызывает сомнений у исследователей: «Представленные в паремиях концепты дают возможность судить о картине мира, закреплённой в языке и сознании носителей языка. Паремии образуют номинативное поле концепта и тем самым выступают средствами его вербализации» [7, с.69-71].

Д.М.Искандарова отмечает «Объективация на основе фразеологических и паремиологических единиц также позволяет раскрыть структуру концепта, показать его значимостные составляющие» [2, с.64]. По ее мнению, «паремиологический фонд является уникальным источником информации о менталитете народа, о его ценностных ориентациях и традициях. Изучение семантического поля ключевых концептов в паремиях позволяет глубоко понять его культурные особенности» [3, с.1239].

Целью исследования в данной статье является определение жизненных ценностей носителей таджикского языка на примере языковых средств (фразеологических, паремиологических единиц) объективации концепта «Хизмат», что позволило нам выявить культуроспецифические признаки данного концепта в таджикской лингвокультуре.

З.Д.Попова и И.А.Стернин в своей работе «Очерки по когнитивной лингвистике» пишут: «Получить о концепте более полное представление, выявить дополнительные присущие ему признаки можно путем анализа парадигматических связей ключевых лексем–репрезентантов, особенностей их употребления, а также путем изучения устойчивых единиц языка, включающих ключевые слова – фразеологизмов, пословиц, поговорок» [5, с.235].

Для выявления выражения концепта «Хизмат» в паремиологическом и фразеологическом фондах таджикского языка теоретической основой послужили труды по данной теме Я.Калонтарова [4], М.Фозилова [11], Д.Рахими и др. [10].

В ходе анализа был использован метод сплошной выборки из различных словарей образцов таджикских пословиц, и поговорок и метод корпусного анализа.

На основе анализа их толкований в указанных лексикографических источниках выявляются лексемы-репрезентанты концепта «услуга». Комплексный характер предпринятого исследования обусловил использование данного типа словарей, в основе которого лежит задача полноты концептуального описания.

В работе Дилшода Рахимова [10] «Гулчини зарбулмасалу мақолаҳои халқҳои ҷаҳон» были найдены следующие пословицы и поговорки с лексемой «Хизмат»:

1. Пул ҳам хизматгори хуб аст ва ҳам хўҷаини бад. – Деньги – хороший слуга, и плохой хозяин.

2. Аз хўҷаини ҷоҳил будана, хизматгори доно будан беҳтар аст. – Лучшие быть мудрым слугой, чем невежественным господином.

3. Хизматгорзани бад нишонаи хонахаробшавӣ аст, табиби бад – нишонаи марг. – Плохая служанка - признак запустения дома, плохой лекарь – признак смерти.

4. Аввал хизмат кун, баъд бипурс. – Сначала послужи, потом спроси.

5. Ҳар як зан дар хона ҳам бону асту ҳам хизматгор. – Каждая женщина дома и госпожа, и служанка.

Со словом “Хидмат” было найдено больше пословиц и поговорок, что говорит о том, что оно более популярно в фольклорном лексиконе:

1) Пул ба ҳушмандон хидмат мекунаду ба беҳирадон ҳукумат. – Деньги служат мудрым, а правят – глупыми.

2) Оқилон беиштар дар хидмати ҷоҳилонанд. – Мудрые люди в основном служат невежественным.

3) Комёбиро маҳсули хидматҳои худ мешумораду дар нокомӣ дигаронро гунаҳкор мекунад. – Успех считает результатом своих трудов и винит других в неудачах.

4) Шоҳин барои як порча гӯшт ба шикорчӣ хидмат мекунад. – Сокол служит охотнику за кусок мяса.

5) Рӯз дар калисо хидмат мекунаду шаб дар масҷид. – Днем он служит в церкви, а ночью в мечети.

6) Ба дӯстӣ – дӯстӣ, ба хидмат – хидмат. – Дружба дружбой, служба службой.

7) Ғуломи ҳақиқӣ ба ду хоҷа хидмат намекунад. – Настоящий раб не служит двум господам.

8) Аблаҳ онест, ки камбудии худро бо хидматҳои гузаштагонаш пӯшонад. – Дурак тот, кто прикрывает свои недостатки достоинствами своих предшественников.

Из вышеперечисленных пословиц и поговорок можно сделать вывод, что в языковой картине мира таджикского народа понятие хизмат/хидмат связано с мудростью – то есть, если ты мудр, то деньги будут служить тебе, мудрые люди не считают успех результатом своих действий и не винят других в своих неудачах, даже о соколе говорится, что он служит своему хозяину за кусок мяса – ведь сокол – одна из мудрых птиц на земле.

Х.Маджидов в своей работе “Фразеология современного таджикского языка” пишет: “Каждый фразеологизм – это прежде всего проявление языкового знака. Как знак, он имеет две стороны – внешнюю форму и содержание. Процесс формирования языковых знаков, в частности фразеологизмов, напрямую связан с познавательной деятельностью людей” [9, с.12].

Принимая во внимание ценные суждения исследователей, мы проанализировали некоторые фразеологизмы в таджикском языке. В “Словаре

фразеологизмов” М.Фозилова [11] приводятся следующие примеры с лексемой «хизмат»:

а) Хизмат аз касе расидан – Получение услуги от кого-либо.

Аз тарафи касе коре, хизматеро ичро кардан, ичрои кори касеро ба ӯҳдаи худ гирифтан. – выполнить работу, услугу, взять на себя выполнение чьей-либо работы. Покажем реализацию семантики ФЕ на текстовых примерах:

1. *Ин тавр бошад, ин хизмат аз мо расад...* (С.Айнӣ, «Фуломон») – *Если да, то эта услуга будет от нас...* (С.Айни, «Рабы»).

2. *Ман аз шумо як-ду чиз меурсам, агар росташа гуфта, дили мана хотирҷамъ кунед, хизмат аз ман расад* (Ҷ.Икромӣ, “Духтари отаи”). – *Я хотел бы спросить тебя о кое о чем: если ты скажешь мне правду, пожалуйста, я к твоим услугам* (Дж.Икромӣ, “Дочь огня”).

б) Дар хизмати касе будан – служить кому-либо

1. Ба касе хизмат кардан, 2. ба ичрои фармоиши касе омода будан. – 1. служить кому-то, 2. быть готовым выполнить чей-то приказ.

Дар хизмати халқ будан – *нишонаи безаволист* (Ф.Ансори, «Ҳаёт ва ишқ»). – *Быть на службе у народа – признак вечности* (Ф.Ансори, «Жизнь и любовь»).

с) Ба хизмати касе даромадан – поступление на службу к кому-то.

1. Ба хизмат, кори касе дохил шудан, 2. хидматгор, навкар, фармонбардорӣ касе шудан. – 1. поступить к кому-либо на службу, работу, 2. стать слугой, послушником, исполняющим приказы

– *Ман ба ту гуфта будам-ку, ба хизмати подшоҳ намебароям, – гуфт ба занаш Аҳмад* («Афсонаҳои халқи тоҷик»). – *«Я говорил тебе, что не буду служить падишаху», – сказал Ахмед жене* («Таджикские народные сказки»).

д) Ба хидмат (хизмат) тӯхмат – Клевета на службу (службу).

1. Дар ивази сипоси меҳнат тухмат шунидан, 2. ба ивази неқӣ бадӣ дидан. – Слышать клевету в обмен на благодарность за труд, 2. видеть зло в обмен на добро.

Ҳоҷӣ Зокир камтирро ҳақораткунон гӯзаро ба ҷуволӣ камтир андохтан гирифт. Ӯ худ ба худ гуфт: «ба хидмат тухмат» гуфтаанд, ки тамоман рост аст (С.Айни, “Воспоминания”, ч.II). – *Хаджи Закир, оскорбляя старуху, стал кидать в ее мешок гузу (гуза – коробочки хлопчатника). Он пробормотал себе под нос: говорят: «В ответ за доброе дело (хизмат) – клевета», что совершенная правда* (С.Айни, «Воспоминания», ч.II.).

е) Ба хизмат ҳозир будан – Быть готовым к службе

Ба ичрои коре тайёр, омода будан, барои ёрдам додан ба касе тайёр будан. – Быть готовым что-то сделать, быть готовым, быть готовым помочь кому-то.

– *Албатта, мо ҳам ба хизмати шумо ҳозир ҳастем* (Н.Обиди ва В.Умари, «Намунаи адабиёти тоҷик»). – *Конечно, мы к вашим услугам.* (Н.Обиди, В.Умари. *Образец таджикской литературы*)

ф) Дар тағи дасти касе – служить у кого-то (под рукой)

1. Дар итоати касе, 2. дар зери роҳбарии касе, дар хизмати касе. – в чем-то послушании, 2. под чьим-то управлением, в чьей-то службе.

1. Охир, то дируз надари вай дар таги дасти Тағоймуродбой чорякорӣ мекард (Ҷ.Иқромӣ, «Шодӣ») – *Ведь до вчерашнего дня ее отец работал издольщиком у Тағоймурадбая (Дж.Иқроми, “Радость”)*

g) Таги табақи касеро лесидан – быть блюдолизом, подхалимничать

1. Дар хизмати касе будан, 2. хушомадгуй, балегуй кардан, 3. аз кордории касе бохабар будан. – 1. быть у кого-то на службе, 2. льстец, подхалим, 3. быть в курсе о чьей-то работе.

h) Якпоя истода хизмат кардан – служить от всего сердца

1. Дам нагирифта, беист кор кардан – работать без отдыха, работать неустанно. 2. аз сидки дил хизмат кардан – от души служить.

Худо хоҳад тисарам, ба тӯю сури ҳардуятон худам якпоя истода хизмат мекунам (Р.Ҷалил, «Субҳи саҳро» («Шарқи сурх»)) – *Даст Бог, сын мой, на твоей свадьбе я услужу тебе от всего сердца. (Р.Джалил, “Утро в поле” (“Красный восток”))*.

i) Хаққи қадам - музд барои ба ҷое рафта хизматеро кардан (масалан, ба табиб барои ба хона омада беморро диданаш). - заплатить, чтобы пойти куда-нибудь и оказать услугу (например, к врачу для посещения пациента на дому).

Магар «ҳаққи қадам» гуён бисту панҷ танга намедиҳӣ? (С.Айнӣ, «Марги судхур»). – *Разве вы не собираетесь заплатить двадцать пять монет в качестве «платы за услугу»?* (С.Айни, “Смерть ростовщика”)

j) Шаҳр пешкаш – ҳамчун ифодаи иззату ҳурмат ба меҳмони аз ҷои дигар омада мегуянд: марҳамат кунед, ҳама чиз ба хизмати шумо омодааст. – Как выражение чести и уважения к гостю говорят: пожалуйста, все готово к вашим услугам.

- Э, Саидов, ҷураҷон, салом, салом! Хуш омадед, **шаҳр пешкаш!** (А.Баҳорӣ, «Одамони шинос») – *Ой, Саидов, дорогой, здравствуй, здравствуй! добро пожаловать. Все к вашим услугам!* (А.Бахори, «Знакомые люди»)

k) Аввал як буса, баъд самбуса – по работе и плата

Аввал хизмате карда баъд музд талабидан даркор. – Сначала нужно оказать услугу, а потом просить плату за нее.

- *Рақс кун, суруд хон! Аввал як буса, баъд самбуса гуфтаанд* (М.Рабиев, «Орзуи ҷавонӣ») – *Танцуй, пой! По работе и плата говорят* (М.Рабиев, “Мечта молодости”)

l) Гуноҳи худро харида гирифтан – окупить свою ошибку каким-либо действием.

Хизмате, кори хубе карда худро ба сафедӣ баровардан. – Услуга, доброе дело, чтобы искупить свой грех.

Ман ин ҷо ниҳонӣ гаптам пайт мекофтам, ки хизмате карда гуноҳи худамро харида гирам (Ҷ.Иқромӣ, «Дохунда») – *Я приехал сюда тайно и жду подходящего момента, чтобы послужить чем-нибудь и искупить свой грех* (Дж.Иқроми, “Бродяга”)

m) Гурба беҳуда ба офтоб намебарояд – Ель не сосна: шумит неспроста.

Ба иҷрои хизмати касе бояд чизе дод, ҳеҷ хизмат бе додани музде ё тухфае намешавад. – за выполнение чьей-либо услуги должна быть оплата, ни одна услуга не оказывается без платы или дара.

Модоме ки ин одам «Худо ба умраиш барака додагӣ» ҳамин қадар қард, ба ӯ чизе додан лозим. Гурба беҳуда ба офтоб намебарояд. – Поскольку этот человек является одним из тех, кого «Бог благословил», сделал так много, его следует отблагодарить. Кот не зря выходит на солнышко.

Все перечисленные пословицы и поговорки можно поделить на две группы:

- 1) Пословицы и поговорки с отрицательным значением “хизмат”
- 2) Пословицы и поговорки с положительным значением “хизмат”

В первую группу входят такие пословицы и поговорки, как: *Ба хидмат (хизмат) тӯҳмат* – клевета на службу, когда в обмен на труд, на доброе дело, вместо благодарных слов можно услышать нехорошие слова. В эту группу также можно отнести фразеологизм «Табақи касеро лесидан» – служить кому-либо, подхалимничать.

Во вторую группу входят фразеологизмы: *Якноя истода хизмат қардан* – *служить от всего сердца*. Этот фразеологизм можно услышать в ответ на доброе дело, за какую-либо услугу, то есть человек в благодарность готов служить от чистого сердца. Сюда также можно отнести фразеологизм “*Шахр пешкаш*”, что означает все к вашим услугам – используется при выражении уважения почетному гостю – все готово, все к вашим услугам.

В “Фарҳанги воҳидҳои фразеологии лаҳҷаи Хучанд” (Словарь фразеологических единиц хужандского диалекта) А.Зохидова [8] приводится следующий фразеологизм: “*якноя истодан* – аз сидки дил хизмат қардан.

Худо агар хоҳад, туй-атом-ба йақноя истода хизмат мекун-ам-дӣя” [8, с.388].

Данный фразеологизм имеет значение *служить от всего сердца*. Обычно люди говорят, что будут помогать, служить на чьей-либо свадьбе от всего сердца.

Слово “хизмат” также обнаруживается в различных устойчивых выражениях:

1. “*Хизмат дар назди мардум*” – “*Служба народу*”. Здесь акцент делается на социальной ответственности и важности служения обществу.
2. “*Хизматкуниро таъриф қардан*” – “*Служение следует хвалить*”. Данное выражение указывает на положительное восприятие служения и труда.

Проведенное исследование показало, что концепт «хизмат» ярко представлен в таджикских паремиях. Данный концепт является одним из базовых, но имеет определенные особенности в отличие от других концептов в таджикском языке.

Анализ концепта “хизмат” в таджикском языке требует изучения его многозначности и применения в разных контекстах. В таджикском языке “хизмат” (что переводится как “служба” или “услуга”) наводит на размышления о труде, преданности, а также о социальном статусе и обязанностях. Анализ паремиологического фонда таджикского языка показал, что в составе паремий, репрезентирующих концепт «хизмат», ярко функционирует национально-маркированная лексика, представляющая собой богатый материал для лингвокультурологического

анализа. Национально-маркированная лексика в паремиях с компонентом «хизмат» подтверждает данный вывод.

Концепт "Хизмат" в таджикском языке представляется как многозначный и многослойный феномен. Его исследование, как и изучение любого лингвокультурного концепта, не может быть полным без комплексного анализа паремиологической реализации, способствующего более глубокому пониманию таджикского языка и культуры, а также выявлению всех аспектов национальной идентичности и социального взаимодействия.

Литература

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с
2. Искандарова Д.М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании. // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). –2023. – № 3 (81). – С.58-70.
3. Искандарова Д.М. Русский мир в таджикском научном дискурсе: направления исследований, проблемы, перспективы // Quaestio Rossica. – 2024. – Т.12, №4. – С.1232-1245. DOI: 10.15826/qr.2024.4.933.
4. Калонтаров Я.И. Мудрость трёх народов. – Душанбе: Изд-во «Адиб», 1989. – 432 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. – М.: АСТ «Восток-Запад»: 2007. – 314с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2002. – 318 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 32с.
8. Зохилов А. Словарь фразеологических единиц худжандского диалекта. – Худжанд 2013. – 394с. (на тадж.яз.)
9. Маджидов Х. Фразеология современного таджикского языка. – Душанбе, 1982. – 104 с. (на тадж.яз.)
10. Рахими Д. Сборник пословиц и изречений народов мира. – Душанбе: Истеъдод, – 2012. – 136 с. (на тадж.яз.)
11. Фозилов М. Фразеологический словарь. –Душанбе, 1963. – 968 с.

OBJECTIVATION OF THE CONCEPT "KHIZMAT" IN THE PAROEMIOLOGICAL AND PHRASEOLOGICAL FUNDS OF THE TAJIK LANGUAGE

Ahmadzoda Ismoilshoh Ikrom

Postgraduate at the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+ 992) 988 55 36 46 (m.)
ismoilshoh08@mail.ru

This article analyzes the objectification of the concept of "khizmat" (service, obsequies) in the paroemiological and phraseological resources of the Tajik language. The author attempts to identify the

characteristics and significance of this concept in the context of Tajik culture and language, as well as to determine its role and functions in linguistic communication. The concept of "khizmat" is interpreted and explained based on an analysis of proverbs, sayings, and set expressions used in the Tajik language. An analysis of the Tajik language's paroemiological resources revealed that paremias representing the concept of "khizmat" prominently feature nationally marked vocabulary, providing rich material for linguacultural analysis. Various interpretations of "khizmat" in lexicographic works and textual realizations of the concept are presented in examples from the National Corpus of the Tajik language.

Keywords: Tajik language; concept of "Khizmat"; phraseological units; paremias; context; dictionary definitions; national corpus of the Tajik language.

МАҲҶУМИ КОНСЕПТИ "ХИЗМАТ" ДАР АСОСҲОИ ПАРОЭМЕОЛОҒИ ВА ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Аҳмадзода Исмоилшох Иқром

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+ 992) 988 55 36 46 (м.)
ismoilshoh08@mail.ru

Дар ин мақола объектикунонии мафҳуми "хизмат" (хизмат, обсеквиҳо) дар захираҳои паромеиологӣ ва фразеологӣ забони тоҷикӣ таҳлил карда мешавад. Муаллиф қўшиш мекунад, ки хусусиятҳо ва аҳамияти ин мафҳумро дар заминаи фарҳанг ва забони тоҷикӣ муайян кунад, инчунин нақш ва вазифаҳои онро дар муоширати забонӣ муайян кунад. Мафҳуми "хизмат" дар асоси таҳлили зарбулмасалҳо, мақолҳо ва ибораҳои муқаррарии истифодашуда дар забони тоҷикӣ тафсир ва шарҳ дода мешавад. Таҳлили захираҳои паромеиологӣ забони тоҷикӣ нишон дод, ки паремияҳое, ки мафҳуми "хизмат"-ро ифода мекунанд, луғати миллиро нишон медиҳанд ва маводи ғайи барои таҳлили забоншиносӣ фароҳам меоранд. Тафсирҳои гуногуни "хизмат" дар асарҳои луғатшиносӣ ва татбиқи матнии ин мафҳум дар мисолҳо аз Корпуси миллии забони тоҷикӣ оварда шудаанд.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; мафҳуми "хизмат"; воҳидҳои фразеологӣ; паремияҳо; контекст; фаҳмишҳои луғатӣ; корпуси миллии забони тоҷикӣ.

УДК 801: 808.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Саидова Дилоро Джумаевна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе. ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 907 90 73 55(м.)
dilarasaidova6@gmail.com

В статье представлены теоретические исследования семантических полей как важнейшего инструмента для анализа лексико-семантической системы языка. Рассматриваются ключевые методы анализа семантических полей, включая компонентный, когнитивный и функциональный анализ, а также их применение для выявления лингвокультурных особенностей в различных языках. Охарактеризованы внутренние структуры семантических полей и их классификация по различным критериям. Обсуждаются способы выявления и анализа семантических связей между лексемами в рамках полей и их взаимодействие с другими частями лексической системы.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания механизмов формирования значений в языке и их взаимодействия, а также выявления закономерностей в организации лексической системы. Исследование семантических полей позволяет раскрыть взаимосвязи между словами и понять системность языка.

Работа имеет значение как для теоретической лингвистики, так и для прикладных направлений, таких как лексикография и когнитивная лингвистика.

Ключевые слова: лексика; семантика; семантическое поле; теория семантического поля; репрезентация; значение; смысл; корпусная лингвистика.

В лингвистике долгое время шла полемика вокруг вопроса о системности лексического уровня языка. После продолжительных дискуссий сегодня ни у кого из лексикологов не возникает сомнения в системности данного яруса, как и других основных и промежуточных языковых ярусов. В итоге сформировалась устойчивая точка зрения, согласно которой лексика как уровень языка представляет собой системно организованную часть языка с определёнными внутренними подсистемами. По утверждению А.К.Башариной, «...именно с описания целостности и системности в лексике начинается формирование теории семантического поля» [2, с.12]. Системность лексики привела исследователей к мысли о наличии какого-то наглядного показателя реальной реализации данного важного характерного понятия, названного Гюнтером Ипсеном в 1924 году «семантическим полем» [18, с.30]. Под данным термином Гюнтер Ипсен понимал «совокупность слов, объединённых общим семантическим признаком и образующих систему

внутри лексики языка» [18, с. 40]. Не секрет, что система лексического яруса складывается именно вокруг значения, идеальной стороны основной единицы языка – слова. Исследование значения стало настолько интересным, что привлекло исследователей из смежных наук.

Упоминая о семантической системе языка, известный российский лингвист, специалист в области семантики, философии языка и общей теории языка В.А.Никитин отмечает: «Семантическое поле представляет собой совокупность лексических единиц, объединённых общим значением содержания и характеризующихся сложной системой семантических отношений, определяемых как внутри данного поля, так и за его пределами» [12, с.36-39]. Эта цитата акцентирует внимание системности и взаимосвязанности элементов внутри семантического поля, а также их связи с другими полями и лексической системой языка в целом. Понятие семантического поля в настоящее время является одним из ключевых в современной лингвистике. Оно отражает системный характер языка, организованного на основе смысловых связей между единицами.

Следует отметить, что в исследованиях лексико-семантических полей используются различные методы анализа, позволяющие выявить и описать структуры значений слов в языке. В научных работах известных российских лингвистов, авторов исследований в области семантики, теории поля и когнитивной лингвистики З.Д.Поповой и И.А.Стернина, в частности, представлена следующая методика и последовательность анализа лексико-семантических полей:

- *метод компонентного анализа* – заключается в том, что значение слова разлагается на минимальные составляющие семантические компоненты, которые принято называть семами. Все составляющие принято разграничивать на дифференциальные (отличающие значение данного слова от других слов одного лексико-семантического поля) и интегральные семы (которые объединяют данное слово с другими словами одного лексико-семантического поля). Например, в лексико-семантическом поле «степь» можно выделить такие семы, как «растительность», «климатические условия» и «географическое расположение». В русском языке существует слово «молодожёны», но отсутствует антоним «старожёны» для обозначения людей, давно состоящих в браке. Хотя слово «старожёны» не используется, его смысл потенциально присутствует в языке;

- *метод цепочки словарных дефиниций* – заключается в последовательном анализе словарных определений, где каждое слово - идентификатор используется для выявления связанных с ним слов. Этот подход помогает определить состав структуры лексико-семантического поля, опираясь на существующие словарные связи. Например, а) «дом»: «строение, предназначенное для проживания людей»; б) «строение»: «сооружение, возведённое из строительных материалов»; в) «сооружение»: «объект, созданный для выполнения определённых функций» [14, с.112];

- *метод ступенчатой идентификации*, предложенный Э.В.Кузнецовой, представляет собой поэтапный способ анализа лексико-семантического поля. На первом этапе выделяются слова, которые являются ключевыми для понимания других лексических единиц. Затем устанавливаются слова, связанные с ними по

значению, что позволяет выстроить иерархическую структуру внутри поля. Процесс продолжается до тех пор, пока не будет определено основное, наиболее общее слово – так называемое стержневое. Например, для поля, связанного с понятием «дом», могут быть выделены такие слова, как «жилище», «квартира», «изба», «особняк», «хижина» и другие [9, с.80-104];

- *диахронический анализ* предполагает изучение эволюции лексико - семантического поля на протяжении определённого исторического периода, что позволяет выявить изменения в структуре и составе поля под влиянием как языковых, так и внеязыковых факторов. Например, в конце XIX – начале XX века слово «быт» в русском языке употреблялось преимущественно в двух основных значениях: а) «условия существования, жизненный уклад какого-либо народа, социальной среды (городской, сельский или патриархальный быт)» [15, с.84]; б) «повседневная жизнь человека в её привычных проявлениях; установивший порядок жизни (домашний или семейный быт)» [15, с.85]. Со временем лексема «быт» приобрела дополнительные смыслы, образ мыслей, интеллектуальную жизнь. Это отражает расширение её семантического поля и переход от конкретных значений к более абстрактным;

- *контекстуальный анализ* – этот метод фокусируется на изучении функционирования слов в различных контекстах, что помогает выявить особенности их употребления и семантические оттенки внутри лексико-семантических полей. Вот пример контекстуального анализа слов «собака» и «пёс». Нейтральный контекст: во дворе бегала **собака**; во дворе бегают **пёс**. Оба слова употребляются, но «собака» - нейтральное название животного, а «пёс» – более разговорное. «**Собака**» – нейтральное слово, используемое в официальных, научных, бытовых текстах; «**пёс**» – более экспрессивное и разговорное слово, часто подчёркивающее личное отношение к животному.

Применение этих методов позволяет глубже понять структуру и динамику лексико-семантических полей, а также их роль в организации лексической системы языка. Эти методы подтверждаются в трудах З.Д.Поповой, где подчёркивается важность системности и структуры в языке, а также значимость изучения семантических полей для понимания того, как лексика организует представления о мире [14, с.103]. По мнению учёного, «семантические поля – это не просто совокупности слов с близким значением. Это организованные системы, отражающие представление мира носителями языка и являющиеся основой для построения значений, взаимодействующих в языке с другими полями, способность членов поля притягивать к себе другие элементы или быть притянутыми» [13, с.34].

Огромный вклад в исследование семантических полей и разработку понятия семантического поля внесли: Г.Ипсен, Й.Трир, В. фон Гумбольдт, Л.Витгенштейн, Дж.Лакофф, Г.Паккард, Ф. де Соссюр, Дж.Лайонз, Эдвард Сепир, Бенджамин Ли Уорф, В.Виноградов, Ю.Д.Апресян, В.И.Карасик, З.Д.Попова, И.А.Стернин, Е.С.Кубрякова и многие другие. Согласно определению Вильгельма фон Гумбольдта, «через многообразие языков перед нами открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаём в нём, а человеческое бытие становится шире, поскольку языки в отчётливых и действенных

чертах представляют нам различные способы мышления и восприятия» [4, с.233].

Продолжая исследования Г.Ипсена, немецкий лингвист Йост Трир в 1931 году предложил более детализированное определение семантического поля, разработав теорию поля и системного анализа лексики. Как следует из его рассуждений, язык – замкнутая система, характеризующаяся самостоятельностью в плане отражения содержательной стороны языка. Следовательно, как отмечает учёный, «слово обладает такой характеристикой, как способность выражать определённый круг понятий, именно от этого зависит лексическая наполняемость самого поля» [19, с.100]. Он обосновал взаимосвязь между языковой системой, семантическим полем и словом и пришёл к выводу, что «слово не может характеризоваться «обособленностью» значения, оно имеет значение, смысл, так как другие лексические единицы, входящие в состав семантического поля, тоже им обладают. В составе всей системы языка семантическое поле является самостоятельной единицей. Без него невозможно понимание связи отдельного слова с целым кругом понятий. Каждый человек понимает отдельно звучащее слово только в том случае, если в его сознании фигурирует ряд других слов, наполняющих образуемое поле: «слово имеет значение только внутри целого поля» [19, с.36]. Как подчёркивал Й.Трир, «ключевым в изучении языка является логическая связь между понятийной системой в сознании носителя языка и семантическими полями в лексике» [19, с.156].

Общеизвестно, что выдающийся немецкий лингвист Й.Трир предложил рассматривать лексику языка как систему, организованную в виде семантических полей – групп слов, связанных общим понятием или смыслом: «Введение представления о семантическом поле позволило изучать слова не изолированно, а в системе их взаимосвязей, что стало важным этапом в развитии лексической семантики» [19, с.39]. Он рассматривал семантические поля как структурированные области лексики, представляющие определённые образы или категории. Основными чертами семантического поля являются:

1. Наличие центрального элемента (доминирующей лексемы, ядра).
2. Связь слов через общие семы.
3. Динамика изменений (развитие новых значений, утрата старых). Например: семантическое поле слова «жизнь» включает лексику, связанную с процессами существования (рождение, молодость, старость), действиями (жить, выживать) и характеристиками (жизненный, живой).

Анализ научных работ, посвящённых семантическим полям, позволяет выделить несколько ключевых подходов и методов, применяемых в данной области лингвистики.

Важное значение для анализа семантического поля имеет метод компонентного анализа. Идеи компонентного анализа довольно подробно изложены в работах выдающихся российских лингвистов, основателей современной теории лексической семантики и теории системного описания языка Н.Д.Арутюновой и Ю.Д.Апресяна, которые внесли огромный вклад в развитие прикладной лингвистики и лексикографии в 1960-1970-х годах. Ю.Д.Апресян разработал теорию компо-

нентного анализа, где значение слова рассматривается как совокупность семантических признаков или компонентов. Он подчёркивал, что для понимания семантики слова необходимо выделить основные смысловые компоненты, которые составляют его значение. Как отмечал учёный, «компонентный анализ является одним из основных методов исследования семантических полей. Он направлен на выявление минимальных смысловых единиц – сем, которые составляют значение слова. Такой подход позволяет детально изучить структуру семантического поля и определить, какие компоненты значений объединяют или различают слова внутри этого поля» [1, с.36].

Ю.Д.Апресян отмечает, что использование данного метода предполагает исследование семантического поля в три этапа: определение лексического состава данного поля; установление ядерного семантического компонента; нахождение семантических компонентов – определителей, которые раскрывают содержание ядерного семантического компонента [1, с.68].

В своей работе «Интегральное описание языка и системная лексикография» Ю.Д.Апресян рассматривает лингвистические исследования, посвящённые различным аспектам анализа семантических полей, среди которых особое внимание уделяется структурному и функциональному подходам.

Таким образом, структурный подход в изучении семантических полей фокусируется на выявлении их внутренней организации и системных связей между элементами поля, их структуры и организации, где каждая единица имеет своё место и значение благодаря взаимодействию с другими единицами. Структурный подход поможет: определить ядро поля в каждом языке; выявить периферию поля, включая метафорические и фразеологические выражения; сравнить отношения внутри поля: какие категории и их словесные реализации совпадают, а какие уникальны для каждого языка.

Этот подход, как отмечает учёный, позволяет систематизировать и визуализировать внутренние связи семантического поля. И, разумеется, это делает его одним из наиболее эффективных методов анализа лексической системы и её смысловых основ, особенно при межъязыковых и межкультурных исследованиях.

Функциональный подход в лингвистике, в свою очередь, рассматривает семантические поля с точки зрения их роли и функционирования в реальной речевой практике, как эти элементы функционируют в различных контекстах и коммуникативных ситуациях. Он позволяет понять, почему носители языка выбирают те или иные слова и как это отражает их восприятие мира. Например, семантическое поле «жизнь» в русском языке объединяет слова «жить», «существовать», «бороться», которые имеют различную функциональную нагрузку:

- «жить» – в нейтральном номинативном смысле: «Он просто хочет жить»;
- «существовать» – с оттенком отрицательной оценки: «Это не жизнь, а существование»;
- «бороться» – в экспрессивно-оценочной функции: «Бороться за жизнь» [1, с.69].

Таким образом, функциональный подход в лингвистике рассматривает язык как средство выполнения определённых функций в коммуникации, таких как номинативная (называние объектов и явлений), коммуникативная (передача информации), экспрессивная (выражение эмоций) и другие.

Известный российский лингвист В.В.Виноградов считал, что «язык должен рассматриваться как система средств, направленных на реализацию различных коммуникативных целей, как средство выражения мыслей и чувств в рамках общения, где каждое слово и грамматическая конструкция выполняет свою функцию в контексте высказывания. При изучении семантических полей функциональный подход делает акцент на том, как слова, входящие в поле, используются в реальной речи и как они взаимодействуют с контекстом» [3, с.29].

Таким образом, функциональный подход В.В.Виноградова акцентирует внимание на динамике языка и взаимодействии с реальной коммуникацией, в отличие от сугубо структурного анализа.

Согласно данным исследованиям В.В.Виноградова, «когнитивная лингвистика предлагает дополнительные перспективы в изучении семантических полей, рассматривая их как отражение ментальных идей и категорий. Этот подход позволяет понять, как языковые единицы связаны с познавательными процессами и культурными особенностями носителей языка. Методы структурирования семантических полей позволяют выделить ядро – центральные элементы, наиболее полно и часто выражающие основное значение поля, и периферийные, которые включает слова с более узкими или вторичными значениями» [3, с.35].

«Семантическое поле, по мнению И.М.Кобозевой, – совокупность частных систем, подсистем, внутри которых слова связаны отношениями взаимного противопоставления» [8, с.96-97]. И.М.Кобозева строит свой научный труд на основе данных исследований Й.Трира и М.М.Покровского, где анализируются «понятийное поле», «которое полностью структурируется посредством членения словами, то есть осуществляется наложением «словесного поля» на «понятийное поле» без остатка» [8, с.98].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что труды таких учёных, как Н.Д.Арутюнова, Ю.Д.Апресян, З.Д.Попова, И.А.Стернин, А.А.Уфимцева, В.А.Никитин, В.Г.Гак и других, посвящённые системности лексического уровня и становлению семантики как самостоятельного раздела лексикологии, сыграли ключевую роль в формировании теоретических основ концепции семантического поля. Современные исследования в данной области опираются на комплексный характер методологии, что позволяет более глубоко анализировать лексическую семантику и её отражение в языковом сознании носителей русской культуры.

В этом контексте методологические принципы, разработанные в рамках российской системно-семантической и когнитивной лингвистики, получили дальнейшее развитие в таджикской лингвистике, где они были адаптированы с учётом типологических и национально-культурных особенностей таджикского языка.

Разработанные в рамках российской лингвистической традиции системно-семантические и когнитивные подходы стали важной методологической базой

для развития исследований в других национальных лингвистических школах, в том числе и таджикской. Принципы анализа семантической структуры слова, моделирования семантических полей и учёта языкового сознания, сформулированные в трудах представителей российской школы, были восприняты и адаптированы при изучении лексики таджикского языка, что обеспечило методологическую преемственность и создало теоретические предпосылки для становления когнитивно-семантических исследований в таджикской лингвистике.

В таджикской лингвистике формирование когнитивно-семантического направления во многом связано с деятельностью научной школы, возглавляемой доктором филологических наук, профессором Д.М.Искандаровой. Данное направление сформировалось на базе кафедры теоретической и прикладной лингвистики Российско-Таджикского (Славянского) университета и развивалось в тесной связи с российской лингвистической традицией. В рамках данной исследовательской парадигмы проводятся работы, ориентированные на системно-семантический и когнитивный анализ лексики таджикского языка, моделирование лексико-семантических полей и изучение языкового сознания с учётом национально-культурной специфики. Дальнейшее развитие указанные направления получили в трудах Н.Маъсуми, Р.Гаффорова, Д.М.Искандаровой, Х.Д.Шамбезода, Н.И.Каримовой, Н.И.Гуловой, М.Шукурова, Б.Камолиддинова, Х.Маджидова, М.Мухаммадиева, М.Касымовой, Ш.Кабилова, Ш.Исмоилова, С.Анвары, З.Мухтори, М.Саломова, М.Б.Давлатмировой и других. Их исследования посвящены анализу концептов, семантических полей и когнитивных структур таджикского языка с учётом национально-культурной специфики и особенностей языкового сознания.

Таким образом, в таджикской лингвистике идеи российской школы получили дальнейшее развитие и адаптацию к особенностям национального языка и культурного контекста, что определило актуальность системного изучения лексико-семантических полей в современных исследованиях.

В рамках таджикской лингвистической традиции данное направление получает дальнейшее развитие в работах отечественных исследователей. Так, по мнению Н.И.Каримовой, «основания для выделения тематических полей носят как логический, понятийный, так и лингвистический характер. Семантическое поле может включать слова разных частей речи, соотносящиеся с каким-либо широким понятием, и охватывать несколько понятийно близких лексико-семантических групп. Семантический анализ многозначного слова проводится путём исследования семантических полей, компонентами которых может быть данное слово в том или ином своём значении. При этом каждое семантическое поле обладает особым набором дифференциальных признаков, они, в свою очередь, в зависимости от значения, могут повторяться. В некоторых случаях дифференциальный признак становится общекатегориальным в связи с дальнейшим выделением семантических групп» [7, с.76]. На обширном лексическом материале Н.И.Каримова доказывает, что лексико-семантические поля в русском, таджикском и польском языках обладают свойством

перекрёстного взаимодействия не только внутри одного поля, но и при вступлении во взаимодействие с другими макрополями или лексико-семантическими группами. «Это объясняется тем, что одна и та же лексическая единица в определённом компоненте своего значения может принадлежать различным лексическим классам или их подмножествам» [7, с.79].

В то же время в современной лексикологии сохраняется общетеоретическое понимание семантического поля как системного образования. Так, как отмечает З.К.Холикова, «наиболее важным в семантическом исследовании лексики в современной лексикологии считается системное изучение лексики языка как определённые структурно - семантически организованные классы, группы слов» [16, с.9].

Наряду с отдельными исследованиями, посвящёнными анализу семантических полей и концептов, значимый вклад в разработку данной проблематики внесли фундаментальные труды монографического характера. В этом отношении особого внимания заслуживает монография М.Б.Давлатмировой [5, с.64], посвящённая исследованию лексико-семантического поля «судьба» в родственных и неродственных языках, два из которых относятся к языкам с развитой письменной традицией, тогда как группа шугнано-рушанских языков относится к бесписьменным. Такое соотношение языков, с одной стороны усложняет исследование, а с другой – делает его особенно интересным с типологической точки зрения.

Так, в таджикском языке данное поле включает такие единицы, как «насиб» (доля, удел), «такдир» (предопределение), «умр» (жизненный срок), «хаёт» (жизнь). В арабском языке ему соответствует «кадар» (судьба, божественное предопределение), «мактуб» (написанное свыше), «мансуб» (предначёртанное). В шугнано-рушанских языках встречаются термины, обозначающие жизненный путь и предназначение, что подчёркивает связь судьбы с культурными и мировоззренческими особенностями региона [5, с.36-108].

Таким образом, теоретические основы исследования семантических полей представляют универсальный инструментарий для анализа языка, раскрывая закономерности его внутренней структуры и отражение культурных особенностей. Отечественные исследования семантических полей активно используют методы корпусной лингвистики, что позволяет выявлять частотность употребления лексических единиц в различных контекстах и прослеживать особенности их семантической и концептуальной репрезентации. Значительный вклад в становление и развитие корпусно-ориентированных и когнитивных исследований в таджикской лингвистике внесли ведущие учёные, в том числе Д.М.Искандарова, М.Б.Давлатмирова, Х.Дж.Шамбезода, в трудах которых корпус рассматривается как репрезентативная база для анализа лексико-семантических и концептуальных структур языка. Развитие данного научного направления наглядно представлено и в публикациях журнала «Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет)». Так, в статье Х.Х.Курбоновой «Корпусный анализ концепта «Хиёнат/Предательство» в русском и таджикском языках» [11, с.215-225] анализируются семантические и аксиологические характеристики концепта на

материале Национального корпуса таджикского языка. В работе О.Л.Козловой «Лексико-семантическое поле лингвокультурного типажа «Зан» в паремиях таджикского языка» [10, с.216-220] корпусные и паремиологические данные используются для описания культурно значимых смыслов. Корпусные и когнитивные подходы реализованы также в исследовании М.Х.Шамбезода [17, с.241-251] по концепту «Мухочир/Мигрант», где с помощью Национального корпуса таджикского языка анализируются лексико-фразеологические репрезентации концепта в языковом сознании носителей. Кроме того, виртуализация концепта «Хизмат» на материале Национального корпуса таджикского языка была проведена аспирантом Исмоилшохом Икроми [6, с.242-245], что свидетельствует о методологической преемственности и актуальности корпусной лингвистики в современной таджикской научной парадигме. На этой методологической основе применение компьютерных технологий и методов машинного анализа открывает новые возможности для анализа семантических отношений и их динамики во времени. Изучение семантических полей позволяет глубже понять механизмы организации лексического значения в языке, выявить когнитивные и культурные особенности понимания лингвистической картины мира, что особенно важно в условиях глобализации и межкультурного диалога. Теория семантических полей остаётся актуальной в лингвистике, так как позволяет анализировать лексику системно, выявлять закономерности языка и мышления, а также изучать национально-культурные особенности языковых картин мира.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С.36-69.
2. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К.Аммосова. – 2007. – Т.4, №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoe-pole/>
3. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312с.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С.37-297.
5. Давлатмирова М.Б. Национально-специфические особенности макроконцепта «Судьба» в различных лингвокультурах (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы): монография. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 182 с.
6. Икроми И. Вербализация концепта «Хизмат» (на материале словарей) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №4 (86). – С.242-245.
7. Каримова Н.И. Вербализация концепта «Пространство» в русской, польской и таджикской национально - культурных картинах мира: монография. – Душанбе, 2020. – 182 с.
8. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
9. Кузнецова Э. В. Введение в предмет лингвистической семантики. Глава 4. Лексико-семантическая парадигматика: монография. – Иркутск, 1989. – 104 с.
10. Козлова О.Л. Лексико-семантическое поле лингвокультурного типажа «Зан» («Жена») в паремиях таджикского языка // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №2 (88). – С.216-220.

11. Курбонова Х.Х. Корпусный анализ концепта «Хиёнат / Предательство» в русском и таджикском языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №2 (84). – С.215-225.
12. Никитин В.А. Опыт компонентного анализа лексико-семантического поля имён прилагательных со значением «Характер человека» // Лексико-фразеологические исследования русского языка. – Фрунзе, 1982. – С.36-39.
13. Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 196с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. – 2-е изд. – М.: Либрком, 2009. – 171с.
15. Садзинска Е. Концепт быт в художественной картине мира Александра Кушнера [Электронный ресурс] // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Litteraria Rossica. – 2013. – №6. – С.84-85. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/journal/Acta-Universitatis-Lodziensis-Folia-Litteraria-Rossica>
16. Холикова З.К. Семантический анализ глаголов и глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках (на материале глаголов семантического класса «любовь и ненависть»): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / Холикова Зухро Кенджаевна. – Душанбе: РТСУ, 2010. – 26 с.
17. Шамбезода М.Х. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта «Мухочир / Мигрант» в таджикском языке (на материале Национального корпуса таджикского языка) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №2 (84). – С.241-251.
18. Ipsen G. Der Alte Orient und die Indogermanen // Festschrift für W.Streitberg. – Heidelberg: Carl Winter, 1924. – С.30-40.
19. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. – Heidelberg: Carl Winter, 1931. – Bd.1. – 201 с.

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF SEMANTIC FIELDS IN LINGUISTICS

Saidova Diloru Jumaevna

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 907907355 (m.)
dilarasaidova6@gmail.com

In the article, theoretical research on semantic fields as a crucial tool for analyzing the lexical-semantic system of a language is presented. Key methods of semantic field analysis, including componential, cognitive, and functional approaches, as well as their application for identifying linguistic and cultural features across different languages, are discussed. The internal structures of semantic fields and their classification according to various criteria are characterized. Methods for identifying and analyzing semantic relations between lexemes within fields and their interaction with other parts of the lexical system are considered.

The relevance of the study is due to the need for a deeper understanding of the mechanisms of meaning formation in language and their interaction, as well as revealing patterns in the organization of

the lexical system. The study of semantic fields allows uncovering relationships between words and understanding the systematic nature of language.

This work is significant both for theoretical linguistics and for applied areas such as lexicography and cognitive linguistics.

Keywords: lexis; semantics; semantic field; theory of semantic fields; representation; meaning; sense; corpus linguistics.

АСОСҲОИ НАЗАРИЯВИИ ТАҲҚИҚИ МАЙДОНҲОИ МАЪНОЙ ДАР ЗАБОНШИНОСӢ

Саидова Дилоро Чумаевна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 907907355 (м.)
dilarasaidova6@gmail.com

Дар мақола тадқиқоти назариявӣ оид ба майдонҳои семантикӣ ҳамчун абзори муҳим барои таҳлили низоми луғавӣ – семантикии забон пешниҳод шудааст. Роҳҳои асосии таҳлили майдонҳои семантикӣ, аз ҷумла таҳлили компонентӣ, когнитивӣ ва функционалӣ, инчунин татбиқи онҳо барои ошкор кардани хусусиятҳои лингвокультури дар забонҳои гуногун баррасӣ мешаванд. Сохторҳои дохилии майдонҳои семантикӣ ва таснифи онҳо бар асоси меъёрҳои гуногун тавсиф шудаанд. Роҳҳои ошкор ва таҳлили робитаҳои семантикӣ байни луғатҳо дар доираи майдонҳо ва ҳамкориҳои онҳо бо дигар қисмҳои низоми луғавӣ муҳокима мегарданд.

Ақтуалӣ будани таҳқиқот аз зарурати фаҳмиши амиқтар оид ба механизмҳои ташаккули маъноҳо дар забон ва ҳамкориҳои онҳо, инчунин ошкор кардани қоидаҳои ташкили низоми луғавӣ маншаъ мегирад. Таҳлили майдонҳои семантикӣ имкон медиҳад, ки робитаҳо байни калимаҳоро фаҳмем ва систематикӣ будани забонро равшан созем.

Ин қор ҳам барои лингвистикаи назариявӣ ва ҳам барои соҳаҳои татбиқӣ, аз қабili луғатшиносӣ ва лингвистикаи когнитивӣ аҳамият дорад.

Калидвожаҳо: луғат; семантика; майдони семантикӣ; назарияи майдони семантикӣ; бознамой (репрезентация); маъно; мазмун; забоншиносии корпусӣ.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 82-92, 07 (575.3)

**РОЛЬ И ВЛИЯНИЕ СЕТЕВЫХ СМИ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ
ЖУРНАЛИСТИКИ**

Хамидиён Илхомджон Иномзода

Доктор филологических наук,
профессор гуманитарно-педагогического факультета
Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Борбада, 48/5
Тел.: (+992) 919 70 81 70 (м.)
i.hamidiyon@gmail.com

Худойдоди Ислон

Докторант PhD кафедры журналистики
Кулябский государственный университет имени Абуабдуллохи Рудаки
735360, Республика Таджикистан, Хатлонская область,
Куляб, ул. С. Сафарова, 16
Тел.: (+992) 988 36 54 37 (м.)
khudoydod.islomov@mail.ru

Мансурова Бибимарьям Сайдуллоевна

Кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 16; (+992) 988 20 40 04 (м.)
maryam_mansurova_19@mail.ru

В статье рассматриваются особенности организационно-технического, структурного и тематического аспектов аудиовизуального контента в интернете и формирование жанров журналистики в информационном обществе, рассматриваются этапы формирования понимания информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Авторы считают, что интернет создал новое направление в теории и практике мировой информационной системы со своими отличительными чертами и более широкими возможностями – онлайн-журналистику, или интернет-журналистику. Популяризация интернета в нашей стране также привела к появлению различных форм онлайн-журналистики. В статье рассматриваются этапы понимания

«информационного общества». Современные информационно-коммуникационные технологии изменили не только способы публикации и распространения информации, но и задачи, правовые рамки, виды, охват и принципы журналистики. Традиционные подходы и модели журналистики, воспринимавшиеся в определённых рамках, адаптировались к новым и меняющимся моделям. Авторы приходят к выводу: сегодня очень сложно предсказать, какие изменения мы увидим через несколько десятилетий, однако, несомненно, объём информации растёт ещё больше. Когда-то единственным средством распространения информации была пресса. Сегодня электронные СМИ включают радио, телевидение и интернет, которые стали неотъемлемой частью человеческой культуры. Интернет является источником информации и технического прогресса, и в условиях постоянного роста стоимости газет и журналов он остается единственным источником новых и актуальных новостей.

Ключевые слова: Таджикистан; контент; интернет; формирование; информационное общество; организационно-технические аспекты; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Современные средства массовой информации, особенно электронные, сформировались и стали важнейшим инструментом воздействия на общественное мнение, главным образом, с началом научно-технической революции в XX веке. Этот век останется в истории человечества со своими особенностями. Именно в XX веке сложился новый политический порядок, установились многоплановые международные отношения, возникла новая модель человеческого общения, а благодаря научно-техническому прогрессу охват, содержание и влияние средств массовой информации стали более полными. В то же время произошла переоценка типологии средств массовой информации по типу, формату, географии, идеологическим направлениям и рыночной экономике.

Важнейшим фактором возникновения и развития информационно-просветительской деятельности стала доступность технологий. Этот процесс, получив дальнейшее развитие в XX веке, стал важным фактором скачка в медиаактивности и формировании информационных отношений. В другой трактовке научно-технический прогресс привёл к появлению новых, более мощных средств коммуникации, что, естественно, заложило основу для развития СМИ и новой медиасистемы. Исследователи в различных областях науки и техники называют этот период «веком научно-технической революции». Термин «научно-техническая революция» появился в середине XX века, когда человечество изобрело ядерное оружие.

Следуя этой концепции, исследователи-журналисты используют термин «коммуникационная революция» для обозначения развития средств массовой информации. В свою очередь, исследователи В.М.Латенкова [5] и С.Г.Машкова [8] разделяют этот процесс на несколько этапов. Коммуникационная революция является одной из основных причин быстрых и масштабных социальных, политических и экономических изменений в XXI веке. Влияние информационно-коммуникационных технологий на образ жизни, социальные отношения и структуры обработки и передачи информации не остается неизменным, что отражается на языковых особенностях компьютерно-интернет-сленга в таджикском и английском языках и т.д.

Современная цивилизация сопровождается фундаментальными изменениями, которые привели к формированию информационного общества. Ключевая роль в этом принадлежит информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Этот процесс оказывает преобразующее воздействие на все социальные институты, включая средства массовой информации (СМИ), которые сами стали электронными новостными СМИ и рассматриваются как часть единой «системы массовых коммуникаций» (СМК).

Анализ концептуальных основ информационного общества, роли электронных СМИ и ИКТ в этом процессе, а также рассмотрение меняющихся характеристик телевидения и медиапространства в контексте современных информационных проблем, особенно с учетом информационной среды Таджикистана имеет теоретическое и практическое значение.

Определение термина «электронные СМИ» половине XX века. СМИ, в свою очередь, охватывают важную часть «информационного общества». Хотя СМИ появились до появления «информационного общества», человечество использовало их потенциал. Постепенно, с совершенствованием структуры и появлением более эффективных типов, а также с появлением СМИ как полезного инструмента воздействия, СМИ стали одним из средств развития «информационного общества». По сути, информационное общество возникло из двух полезных и постоянно развивающихся явлений:

- Возрастающая роль информации в различных социальных отношениях: систематическое и стандартизированное предоставление, распространение и потребление информации через средства массовой информации (первоначально печатные издания) прочно вошли в жизнь человека. Несмотря на то, что СМИ ещё не создали рамок для своей деятельности, основанных на определённых принципах и законах, они создали основу для использования информации за пределами простого информирования. Теперь информация и данные воспринимались не только как всё новые и новые слова в определённых форматах (главным образом, жанрах), и люди убедились в том, что информация обладает более широкими и полезными возможностями.

- Научный прогресс в изобретении и использовании технологий: Достижения человечества в области технологий привели к созданию новых видов информации и передачи данных, а также к углублению понимания смысла использования информации в различных сферах общественной жизни. Именно здесь вошло в употребление понятие «информационные технологии». Наконец, с появлением Интернета к этому понятию добавилось слово «коммуникация», и оно стало известно как «информационно-коммуникационные технологии». Согласно этому пониманию, медиа выражают не «технологии» и информацию, а лишь «новости» и «инновации».

Таким образом, сочетание «информации» и «технологий» с широким спектром целей и в различных областях заложили основу для возникновения «информационного общества» на практике. Сегодня медиа являются частью такого общества, которое характеризуется серьёзностью миссии СМИ, ответственно-

стью и деликатностью журналистской деятельности. То есть: «В современном обществе СМИ, транслируя информацию, функционируют как мощный социальный институт. С другой стороны, сама информация стала мощной, безграничной силой, которая может быть использована как опасное оружие в любой ситуации (как хорошей, так и плохой)» [9, с.215].

По сути, сущность термина «информационное общество» в научном определении и практике оформилась и стала более выраженной в XXI веке. Эта новая социальная структура изучалась преимущественно экономистами, специалистами по ИКТ и социологами.

В конце XX – начале XXI веков её стали больше изучать политологи и журналисты. По мере того, как сложные процессы, связанные с ИКТ, проникали в глубины общества и во все сферы жизни, известный американский социолог Иммануил Валлерстайн высказал интересную мысль: «... в первой половине XXI века, по сложности, нестабильности и одновременно открытости, оно значительно превосходит всё, что мы видели в XX веке» [6].

В этой связи механизмы и меняющиеся формы «информационного общества» также привлекли внимание политологов и журналистов. Это время становления и популяризации Интернета, и его влияние на политические и информационные процессы становится всё более заметным. По мнению российских исследователей «информационное общество – это глобальный экономический, политический, социальный и технологический проект, предполагающий управляемый переход цивилизации к глобальной социальной структуре, в которой устойчивую роль во всех сферах жизни играет система массовых коммуникаций (СМК), реализуемая посредством компьютерных и телекоммуникационных технологий, в частности интернет-технологий» [4, с.32]. Переход к информационному обществу сопровождается пониманием фундаментальной роли информации. Российский исследователь В.А.Городнова подчёркивает: «Информация в различных формах оказывает всё большее влияние на различные аспекты общественной жизни и определяет систему экономических и социальных отношений» [2, с.5].

Испанский социолог М.Кастельс предлагает более точный термин – «информационное общество, которое он определяет как «особую форму социальной организации», в которой в исторический период возникли новые технологические условия, а производство, обработка и передача информации стали основными источниками эффективности и власти [8, с.17]. Концепция информационного общества основана на идее о том, что «богатство и труд, как основа индустриального общества, уступают место информации и знаниям в информационном обществе» [2, с.25]. Эта идея в большей степени опирается на теорию японского учёного Ё.Масуды. Он считал, что основой нового общества будут авторская идея и потенциал компьютерных технологий. Эти два фактора способствуют повышению эффективности интеллектуального труда человека. На протяжении десятилетий эта концепция находила подтверждение на практике.

Новая парадигма – информация – определила её не только как ресурс, но и как средство обеспечения журналистской деятельности и социальный институт. В области журналистской деятельности исследователи указывают на эту точку

зрения. По мнению Б.С.Мансуровой, «у журналистики нет иных средств для выполнения своей социальной роли, кроме информации. Информация, выступая посредником между журналистикой и аудиторией, является рабочим инструментом, с помощью которого осуществляются различные функции журналистской системы как особого социального института» [7, с.253]. Обращая внимание на связь развития средств массовой информации с информационными революциями, историки выделяют несколько этапов таких революций. П.Друкер, говоря об информационных революциях отмечает «первая информационная революция в истории человечества стала результатом изобретения письменности; вторая – появления книгопечатания; третья – результатом ряда изобретений: телефона, телеграфа, радио, телевидения; четвёртая – появления компьютера» [2, с.12]. Современная медиасистема – продукт третьей революции, связанной с электронными СМИ, и четвёртой – компьютеризации, породившей Интернет и, можно сказать, ставшей «революцией» в деятельности СМИ и восприятии информации. Информационное общество всецело основано на этом этапе. Изобретение книгопечатания (образно именуемое «галактикой Гутенберга») привело к тому, что «впервые в истории книга перестала быть уникальным объектом. Печатный станок снизил стоимость производства книг и позволил тиражировать их в больших количествах, сделав книги доступными для большого числа людей» [2, с.17]. Однако, по мнению исследователей, «галактика Гутенберга» сохраняла свою актуальность до конца 1960-х годов, когда изменения в характере электронных и коммуникационных средств массовой информации стали более выраженными, постепенно снижая значение книг.

Электронные медиа – радио и телевидение – вытеснили печатные и быстро укрепили свои позиции. «Электронные медиа – радио и телевидение – восстанавливают характер естественных и древних способов восприятия мира – слухового и визуального. Единицей обмена информацией вновь становится визуальный образ, а не печатный символ», – пишет С.Машкова [8, с.13].

Некоторые исследователи называют появление Интернета чуть ли не «пятой революцией». С момента появления Интернета, являющегося результатом развития компьютерных технологий, произошел переход от СМИ к системе массовых коммуникаций (СМК): «СМИ практически не существовали как самостоятельный и централизованный институт общества. Произошел переход от информации к коммуникации (коммуникации), интерактивность стала одним из основных принципов работы любых СМИ в медиа» [4, с.21].

Деятельность современных электронных СМИ стала во многом зависеть от развития ИКТ. Эффективность их деятельности определяется уровнем их использования. В основе этих изменений лежат процессы, называемые цифровизацией и конвергенцией. Цифровизация – это переход всех процессов в СМИ и их контента в цифровые форматы, а конвергенция – это сближение различных технологий по их естественным характеристикам. Конвергенция, широкое использование новых коммуникационных технологий в бизнес-процессах и развитие мультимедийных продуктов относятся к числу важных тенденций мирового информационного пространства, которые всё больше занимают значимое место в

развитии корпоративных СМИ. В современных условиях, благодаря формам обратной связи, блогам, социальным сетям и другим интернет-ресурсам, сотрудники компаний и рядовые потребители могут напрямую взаимодействовать с руководством, влиять на маркетинговые, производственные и бизнес-процессы, участвовать в управлении и играть определённую роль в принятии важных решений. При этом, дальнейшая цифровизация корпоративных СМИ и их переход в онлайн-формат способны сделать диалог с целевой аудиторией ещё более интерактивным и эффективным, что является важной составляющей социализации бизнеса [11, с.195].

Эти процессы привели к объединению нескольких СМИ под юрисдикцией одной редакции и выражены термином «медиаконвергенция». Возникновение медиаконвергенции позволяет редакции стать производителем нескольких видов контента, а один журналистский продукт может одновременно удовлетворять потребности нескольких групп: читателей, зрителей и слушателей. Эти технологические изменения предъявляют новые требования к журналистам, которые должны владеть как компьютерными технологиями, так и журналистскими навыками.

Телевидение, которое ещё два десятилетия назад считалось пионером среди электронных СМИ, претерпело определённые изменения в контексте информационного общества и невообразимого развития ИКТ. Этот процесс называется интернетизацией, что означает, что телевизионные каналы транслируются в различных форматах через Интернет, а зрителям доступны другие виды их онлайн-активности.

Интернетизация, например, включает в себя несколько фундаментальных изменений в системе телевидения, в том числе:

- *Переход к интерактивности:* интернет-телевидение – это уже не просто технология вещания, а интерактивная технология, то есть оно сопровождается элементом выбора и реагирования. Пользователи интернет-телевидения, как и интернет-радио, создают собственную программу вещания и мир, отражающий их индивидуальность, а не индивидуальность издателя [4, с.21].

- *Конвергенция систем:* в телевизионном секторе больше нет единой системы передачи сигналов. С конвергенцией различных систем, в том числе через Интернет, телевизионная аудитория становится целостной. Наземное вещание «теперь выступает не как основная, а как равноправная часть конвергентной информационной системы портала интернет-телевидения» [5, с.29].

- *Смешанное вещание:* Видео не выступает в качестве единственного характерного и репрезентативного элемента телевидения. Телевизоры способны предложить смешанную форму журналистских работ. «Речь идёт не только о новостях или телепередачах. Обширные аудиовизуальные библиотеки позволяют зрителям получать доступ к архивам телепередач, отдельным сюжетам, фильмам и т.д.» [3, с.264].

Несмотря на позитивные и благоприятные аспекты формирования информационного общества на фоне развития цифровых технологий и формирования ме-

диасистемы, возникли или обострились определённые вызовы, представляющие опасность для обществ [10, с.45].

Рост информационных войн и усложнение конфликтов в эпоху ИКТ считаются основными вызовами. Однако общество должно создать надёжную систему защиты информации, которая не будет препятствовать его устойчивому развитию и не будет противоречить гуманитарным принципам. Эта система должна основываться на развитии информационной культуры личности, поскольку информационная борьба имеет глубокие исторические корни.

В начале прошлого века научно-технический прогресс постепенно охватил все сферы жизни человека. Влияние различных отраслей, от лёгкой и тяжёлой промышленности до военной, постепенно возрастало. С другой стороны, новый мировой порядок формировался на двух противоположных полюсах: капиталистическом мире (капитализме) и социализме (коммунизме). Большинство стран нашло прибежище на том или ином полюсе, что привело к обострению противоречий в более широкой геополитике, а также к политическим, идеологическим, промышленным и даже культурно-научным различиям.

Нарастающие противоречия, несомненно, обострили идеологическую и психологическую борьбу, которая велась главным образом в СМИ. Острая идеологическая и информационная борьба стала одним из факторов, превративших СМИ в определяющую политическую силу. Хотя СМИ на двух полюсах были совершенно разными по содержанию и форме собственности, их основным направлением была борьба друг с другом. На социалистическом полюсе открыто заявлялось, что СМИ служат достижению социалистических целей (на практике – борьбе с продвижением капитализма) и формированию общественного мнения. На капиталистическом же полюсе собственность СМИ могла быть негосударственной, а их цели и формат могли свободно выбираться. В журналистской теории такие СМИ описывались как «свободные», «демократические» и «пропагандирующие свободу прессы». Фактически, такие СМИ были полезны в обществах, к которым они принадлежали, но они отнюдь не были нейтральными в отражении вопросов, связанных с социализмом. В борьбе с влиянием социализма применялись многочисленные тактики, часто незаметные для аудитории. Вплоть до распада Советского Союза этот подход оставался предпочтительным направлением так называемых «свободных», «нейтральных» и «демократических» СМИ. Именно эта планомерная и непрерывная борьба в конечном итоге сыграла значительную роль в распаде Советского Союза. Иначе говоря, с обеих сторон СМИ, независимо от данного теоретического определения, служили инструментом. Эта теория была научно исследована учёным М.Мукимовым.

С этого периода информационная война приобрела систематический и плановый характер, однако после распада коммунистической системы, который политологи характеризуют как период биполярного распада, информационная война не только пошла на спад, но и продолжилась в иной, более сложной и опасной форме.

По мнению исследователя А.Н.Широбокова, «...информационная война – это вид военной операции, в которой основным объектом воздействия является

информация/новости, хранящиеся или распространяемые в системах управления, разведки, боевых действиях и других системах противника» [14, с.178]. Под понятием «психологическая война» понимается совокупность различных форм, методов и средств воздействия на людей, целью которых является изменение психологических характеристик человека (взглядов, идей, ценностей, менталитета, мотивации, установок, моделей поведения и т.д.) во всех направлениях и в целом общественного сознания [11, с.241]. Борьба за власть и богатство, сохранение ценностей и идеалов, навязывание культуры и господство над другими продолжают с тех пор, как человек осознал себя, а человечество разделилось на различные фракции (расовые, веровые, религиозные и т.д.). Возникновение информационных войн и их сложных моделей также является логическим продолжением подобной борьбы и противостояния, которые ведутся на оси различных ценностей и интересов. Было бы нелогично описывать использование СМИ в качестве инструмента (особенно как средства информационно-психологической войны) как явление отвратительное, бесчеловечное и неуместное. Однако, когда речь идет о многогранном развитии СМИ в XX веке, одним из факторов, пошатнувших совершенство медиа-структуры, стало именно обострение политических и геополитических противостояний.

Фактически, развитие ИКТ, лежащих в основе информационного общества, одновременно создает новые угрозы, расширяющие природу конфликтов. Все общества сходятся во мнении, что невозможно не реагировать на новые угрозы международной, национальной, общественной и личной безопасности, возникающие в связи с движением к информационному обществу, включая войну с информационным терроризмом и кибер- и компьютерными преступлениями, которые в современных условиях являются повседневной реальностью и на которые необходимо реагировать [12, с.224].

В то же время, это явление усилило контроль и мониторинг личной жизни людей, что во многих случаях может поставить под угрозу неприкосновенность частной жизни, поскольку развитие информационных технологий создаёт угрозу человеческой личности с помощью программных средств. Это явление напрямую связано с тотальной цифровизацией, которая привела к окружению аудитории средствами передачи информации.

Ещё одним негативным и угрожающим фактором в контексте продвижения ИКТ является воздействие на психическое здоровье аудитории. Чрезмерное и постоянное использование информационного пространства, особенно обилие новостей в Интернете, приводит к тому, что человек «не может усваивать длинные аналитические материалы и устаёт от объёма новостей» [1, с.6]. В то же время доля новостей, описывающих трагические события, возросла беспрецедентно и может в будущем повлиять на формирование апатии и депрессии.

В этом смысле, в контексте информационного общества, журналистика, особенно онлайн-журналистика, может использоваться как средство влияния и манипуляции. Формирование информационного общества – глобальный и необратимый процесс, определяемый информационными революциями и развитием ИКТ. Этот процесс трансформировал присутствие СМИ в форму виртуальной

реальности и, в конечном итоге, в систему массовых коммуникаций (СМК) [4, с.19]. ИКТ создали основу для цифровизации и конвергенции, предоставив СМИ новые возможности для журналистского творчества, такие как гипертекст, мультимедиа и интерактивность. Телевидение, как ключевой элемент электронных СМИ, изменило свою природу с вещательной модели на интерактивную и вошло в обширное интернет-пространство.

Для стран Центральной Азии, включая Таджикистан, этот переход сопровождался определенными трудностями, и этот недостаток в некоторой степени сохраняется. В частности, в деятельности региональных телеканалов Таджикистана наблюдается неравномерная адаптация онлайн-СМИ к международным стандартам и необходимость усиления локального контента для обеспечения информационной безопасности. В эпоху глобализации и возрастающей роли ИКТ Интернет, как глобальная сеть коммуникации, одновременно стал мультимедийным средством информации. Развитие ИКТ и формирование транснациональных информационных отношений оказывают многогранное влияние на региональные медиасистемы, заставляя их адаптироваться к намечающимся тенденциям технологической конвергенции и международной информационной конкуренции.

В этой связи региональное телевидение в Таджикистане выполняет социокультурную миссию, находясь в авангарде многих изменений новой цифровой эпохи. Функциональная роль регионального телевидения изначально во многих случаях важнее, чем центральных СМИ, поскольку оно гораздо ближе к пониманию местных проблем и жизни людей, чем национальные СМИ.

В условиях конвергенции, неограниченность аудитории СМИ, включая адресатов местных СМИ, и рост информационных угроз в приграничных регионах делают роль государства в укреплении их структурного и содержательного потенциала всё более значимой. В то же время, руководителям местных СМИ необходимо трансформировать внедрение традиционного радиовещания в новую парадигму телевизионного вещания под влиянием ИКТ, поскольку этот процесс требует от региональных телестанций перехода на смешанное и современное вещание. Результатом конвергентной трансформации является то, что «на телевидении должен появиться новый синтетический продукт, максимально использующий все преимущества, творческий и кадровый потенциал телевидения... и дополненный технологическими, коммуникационными и социализационными возможностями Интернета» [5, с.29].

В этой связи очевидна важность изучения роли электронных СМИ в формировании информационного общества для постсоветских стран, особенно Таджикистана. Ведь система ФЭА в этих странах формировалась на разных этапах и в настоящее время фактически переживает период интеграции в мировое информационное пространство. Естественно, этот этап имеет свои специфические проблемы. Одной из таких проблем является «цифровой разрыв» или «цифровое неравенство» на региональном уровне, что обуславливает необходимость адаптации традиционных институтов ФЭА к современным цифровым технологиям, включая Интернет [13, с.52]. В случае нашей страны система телевещания в регионах во многом сложилась в период независимости.

С этой точки зрения интернет-активность действующих в республике телеканалов может иметь особое значение. Целесообразно обозначить проблемы, прогнозировать развитие событий в сфере ИКТ, а также обосновать организационно-технические, структурные и тематические аспекты распространения аудиовизуального контента в Интернете и формирования жанров журналистики в информационном обществе в будущем с целью более целенаправленной и целенаправленной адаптации их деятельности к новым тенденциям.

Литература

1. Вартанова Е.Л. Медиа в условиях цифровизации // МедиаТренды. – М., 2024. – №5 (99). – 8 с.
2. Городнова А.А. Развитие информационного общества: учебник и практикум для академического бакалавриата. – М., 2017. – 235 с.
3. Друкер П. Практика менеджмента. – Киев, 2002. – 386 с.
4. Калмыков А.А. Интернет-журналистика в системе СМИ: становление, развитие, профессионализация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Калмыков Александр Альбертович. – М., 2009. – 41 с.
5. Латенкова В. М. Актуальные аспекты интернетизации современного телевидения: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Латенкова Вера Михайловна. – М., 2012. – 178с.
6. Львовф Б. СМИ и информационное общество [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://virmk.ru/read/ТЕМАТИКА/info-polbnika/smi-io.htm>
7. Мансурова Б.С. Информационные агентства Таджикистана в условиях медиаконвергенции (на примере "Азия-Плюс") // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города: материалы Международной научно-практической конференции. – Минск, 2024. – С.250-254.
8. Машкова С.Г. Интернет-журналистика. – Тамбов, 2006. – 80 с.
9. Умарбек Ф. Информационное общество и информационная безопасность // Молодежь и современная наука. – Душанбе, 2013. – 427 с. (на тадж.яз.)
10. Усмонова Н.К. Усмонов И.К. о роли Президента Эмомали Рахмона в новейшей истории Таджикистана // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носири Хусрава. Серия гуманитарно-экономических наук. – Бохтар, 2025. – №1-2 (134). – С. 43-48 (на тадж.яз.).
11. Хамидиён И.И. Корпоративные СМИ Таджикистана: генезис, современное состояние и перспективы: дис. ... д-ра филол. н.: 10.01.10 / Хамидиён Илхомджон Иномзода. – Душанбе, 2025. – 381 с. (на тадж.яз.)
12. Хамидиён И.И. Особенности SMM в журналистике и его роль в привлечении аудитории / И.И.Хамидиён, М.Тухтаева // Вестник Кулябского государственного университета имени А. Рудаки. Серия историко-археологических наук, педагогики и филологии. – Куляб, 2025. – №3-1 (40). – С.217-229 (на тадж.яз.).
13. Хамидиён И.И. Конвергенция, краудсорсинг, управление репутацией и социальный имидж компании // Актуальные вопросы современной журналистики (сборник научных статей). – Худжанд, 2025. – 348 с. – С.47-64 (на тадж.яз.).
14. Широбоков А.Н. Корпоративное радиовещание в СССР в 20-30 годах XX века // Проблемы современного радиовещания: материалы II Всероссийской студенческой научно-практической конференции; под ред. В.В.Барабаша. – М., 2016. – С.177-180.

THE ROLE AND IMPACT OF ONLINE MEDIA IN THE TRANSFORMATION OF JOURNALISM GENRES

Khamidiyon Ithomjon Inomzoda

Doctor of philological sciences
professor of the faculty of humanities and pedagogical sciences
International university of tourism and entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad str., 48/5
Ph.: (+992) 919 70 81 70 (m.)
i.hamidiyon@gmail.com

Khudoydodi Islom

PhD student of the chair of journalism
Kulob state university named after Abuabdulloh Rudaki
735360, Republic of Tajikistan, Khatlon region, Kulob, S. Safarov str., 16
Ph.: (+992) 988 36 54 37 (m.)
khudoydod.islomov@mail.ru

Mansurova Bibimaryam Saydulloevna

Candidate of philological sciences,
head of the chair of national and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 13 (w.)
maryam_mansurova_19@mail.ru

This article deals with the organizational, technical, structural, and thematic aspects of audiovisual content on the internet and the development of journalism genres in the information society. It also explores the stages of developing an understanding of information and communication technologies (ICT). The authors believe that the internet has created a new direction in the theory and practice of the global information system with its own distinctive features and broader capabilities – online journalism, or internet journalism. The popularization of the internet in our country has also led to the emergence of various forms of online journalism. The article also examines the stages of understanding the "information society." Modern information and communications technologies have changed not only the methods of publishing and disseminating information, but also the objectives, legal frameworks, types, scope, and principles of journalism. Traditional approaches and models of journalism, once understood within a certain framework, have adapted to new and changing models. The authors conclude that it is very difficult today to predict what changes we will see in a few decades. However, the volume of information is undoubtedly growing even further. Once upon a time, the press was the only means of disseminating information. Today, electronic media include radio, television, and the internet, which have become an integral part of human culture. It is impossible to imagine the development of society without the inter-

net. The internet is a source of information and technological progress, and with the ever-increasing cost of newspapers and magazines, it remains the only source of new and relevant news.

Keywords: Tajikistan; content; internet; formation; genres of journalism; information society; organizational and technical aspects; information and communications technologies (ICT).

НАҚШ ВА ТАЪСИРИ ВАО-и ОНЛАЙНӢ ДАР ТАВДИДИ ЖАНРҲОИ ЖУРНАЛИСТИКА

Ҳамидиён Илҳомҷон Иномзода

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори факултаи гуманитарӣ-педагогии
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибқории Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Борбад, 48/5
Тел.: (+992) 919 70 81 70 (м.)
i.hamidiyon@gmail.com

Худойдоди Ислом

Докторанти PhD-и кафедраи рӯзноманигорӣ
Донишгоҳи давлатии Кӯлоб ба номи Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ
735360, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Хатлон, Кӯлоб, кӯч. С. Сафаров, 16
Тел.: (+992) 988 36 54 37 (м.)
khudoydod.islomov@mail.ru

Мансурова Бибимарям Сайдуллоевна

Номзади илмҳои филологӣ,
мудири кафедраи рӯзноманигорӣ ватанӣ ва байналмилалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 16 (к.)
marvam_mansurova_19@mail.ru

Мақолаи мазкур баррасии вижагиҳои ҷанбаҳои ташкилӣ-техникӣ, сохторӣ ва мавзӯии контенти аудиовизуалӣ дар интернет ва шаклирии жанрҳои журналистика дар ҷомеаи иттилоотиро баррасӣ намуда, марҳилаҳои ташаккули фаҳмиши технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ (ТИК)-ро маънидод менамояд. Муаллифон бар ин назаранд, ки интернет дар назария ва амалияи низоми иттилоотии ҷаҳон шояд навро бо хусусиятҳои фарқкунанда ва имконоти фарохтари худ ба вуҷуд овард ва он онлайн-журналистика ва ё интернет-журналистика ном дорад. Оммавӣ шудани интернет дар кишвари мо низ шаклҳои гуногуни онлайн-журналистикаро ба шакл даровард. Мақолаҳо марҳилаҳои фаҳмиши “ҷомеаи иттилоотӣ”-ро ҳам таҳқиқ менамояд. Технологияҳои замонавии иттилоотӣ-коммуникатсионӣ, на танҳо усулҳои дарҷ ва паҳши иттилоотро тағйир дод, балки вазифа, қонуният, тип, фарогирӣ ва принципҳои журналистикаро

дигаргун сохт. Равишу қолабҳои анъанавии журналистика, ки дар қорҷӯбаи муайян дарк карда мешуданд, ба қолабҳои наву тағйирёбанда мувофиқ карда шуданд. Муаллифон ба чунин хулосае меоянд: имрӯз тахмин кардан бисёр душвор аст, ки пас аз чанд даҳсола мо шохиди боз ҷи гуна таҳаввулоте мешаедем. Аммо дақиқ аст, ки ҳаҷми иттилоот боз ҳам меафзояд. Васоити пахши иттилоъ замоне танҳо матбуоти даврӣ буд. Имрӯз воситаҳои электронии ахбор аз радио, телевизион ва интернет иборат аст, ки як ҷузъи фарҳанги башарӣ гардидааст. Имруз рушди ҷомеаро бе интернет тасаввур кардан ғайриимкон аст. Интернет манбаи рушди иттилоотиву техникӣ буда, дар замоне, ки арзиши рӯзномаву маҷаллаҳо то рафт боло меравад, ягона манбаи ахбори навину ғаврӣ боқӣ мемонад.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон; контент; интернет; шаклгирӣ; жанрҳои журналистика; ҷомеаи иттилоотӣ; ҷанбаҳои ташкилӣ-техникӣ; технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ (ТИК).

УДК 07(575.3) +327

ГАЗЕТА «ДЖУМХУРИЯТ» И ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сафарзода Хуршед Хайдар

Кандидат филологических наук, доцент,
проректор по экономическим и социальным вопросам
Таджикский Международный университет иностранных языков
имени С. Улугзаде
734019, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мухаммадиева, 17/6
Тел.: (+992) 918 21 44 44 (м.)
khursheds@mail.ru

В статье рассматриваются особенности информационной деятельности таджикских печатных СМИ, в том числе официального издания – газеты «Джумхурият», по освещению социально – политической ситуации в стране после распада советского государства и окончания гражданской войны в Таджикистане. По мнению автора, изучение информационной политики прессы того периода необходимо проводить в контексте специфических условий, сложившихся в стране после трагических событий начала 90-х годов, и переговорного процесса по достижению мира и согласия в таджикском обществе. Указанные события наложили глубокий отпечаток на жизнь и сознание таджикского народа, а также вызвали широкий резонанс у мирового сообщества. Изучение содержания деятельности «Джумхурият» в этот сложный переходный период позволило выявить ключевые подходы издания к освещению хода межтаджикских переговоров с учетом мировых глобализационных процессов. Автор предпринимает попытку раскрыть степень влияния газеты на общественно – политические настроения и обстановку, привлекая к анализу ряд ее публикаций. Обосновывается, что газета «Джумхурият» при освещении хода мирных переговоров стремилась сохранить основополагающие принципы своей редакционной политики – достоверность, объективность, оперативность, аналитичность, профессионализм.

Ключевые слова: таджикская печать; газета «Джумхурият»; редакционная политика; межтаджикские мирные переговоры; глобализация; достижение мира и согласия.

Одной из глобальных инициатив Таджикистана, реализованных в первые годы независимости, стали усилия государства и правительства по обеспечению мира и стабильности, спасению нации от разрушения и объединению таджикского народа. Нестабильная и опасная политическая, социальная и культурная ситуация в Таджикистане беспокоила всех: от простых людей до политических лидеров того времени. Новоизбранный Председатель Верховного Совета Таджикистана Эмомали Рахмон в своем обращении, опубликованном в газете «Джумхурият» 12 декабря 1992 года, подчеркнул: «Наш народ переживает сейчас самые трудные и трагические периоды своей истории. Правда горька, но мы должны признать, что определённые силы стали причиной трагедии нации. В результате на карту поставлено существование или несуществование нашей

независимой республики...» [6, с.23]. В том же призыве говорилось: «Трагедия наших отцов, матерей, сестёр и братьев – это трагедия нации. Той самой нации, которая на протяжении тысячелетий прославилась на весь мир своей глобальной цивилизацией и выдающимися личностями» [6, с.23].

Спустя несколько месяцев, 19 марта 1993 года, Президент Эмомали Рахмон, указав на глобальность событий в стране, заявил: «События, произошедшие в нашей республике в прошлом году, до сих пор являются притчей в языках во всем мире...» [6, с.3]. С высоким чувством ответственности за решение возникших проблем, прекращение войны и достижение мира, стабильности и национальной безопасности глава государства среди прочего заявил: «Острая общественно-политическая обстановка требует от нас принятия срочных и решительных мер... Таким образом, братские республики, государства взаимного интереса и другие страны протягивают нам руку помощи. Я лично обращаюсь к Организации Объединённых Наций и мировому сообществу с просьбой оказать республике содействие» [6, с.24]. Вопросы мира, стабильности и безопасности стали частью глобальных проблем. Поэтому соседние страны, международные организации и ООН помогали Таджикистану стабилизировать ситуацию. Глава государства подчеркнул: «Политический диалог, как единственный путь решения межтаджикских переговоров и обеспечения национального примирения, был обозначен в числе основных задач нашей политики, о чём я говорил с трибуны 48-й сессии Генеральной Ассамблеи...» [6, с.35]. В своем выступлении глава государства отметил важность инициатив Генерального секретаря ООН, Совета Безопасности, а также содействие Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в ускорении процесса национального примирения, деятельность Специального представителя Генерального секретаря ООН и делегации ОБСЕ, назвав «решение спорных вопросов путем переговоров» главным средством достижения конечной цели, что, как показали последующие реалии, было своевременным и эффективным шагом. Профессор И.Усмонов в этой связи отмечал: «Это чистое намерение также позволяло Таджикистану видеть опору в лице ООН» [8, с.29]. Осознавая важность и судьбоносность инициатив Таджикистана в области интеграции и миротворчества, таджикские СМИ, особенно газета «Джумхурият», с 1992 года стали уделять серьёзное внимание всестороннему освещению этого процесса и объективно рассматривать существующие проблемы. В исследуемый период тема таджикского мира, стабильности, безопасности, завершения войны и её последствий составляла основное содержание их материалов. Иными словами, издание уделяло больше внимания тому аспекту темы, который касался дальнейшей судьбы таджиков и их государственности. В этот очень сложный период в деятельности периодической печати, в том числе газеты «Джумхурият», можно наблюдать два подхода: один – осознание реальности, а второй – действия, основанные на ней. В первую очередь, газета считала важным объективное и точное освещение событий. Издание уделяло особое внимание отражению реалий процесса установления мира и стабильности для таджиков и достойно справлялось с этой задачей. В заметках и репортажах, интервью и

отчетах, статьях и рецензиях, беседах и интерпретациях событий, опубликованных в периодической печати, воссоздавалась реальная картина развития межтаджикских мирных переговоров, в частности, уделялось внимание причинам и истории противостояния. На самом деле, сложно определить суть мирного процесса без учета факторов, приведших к возникновению трагических событий тех лет. События, произошедшие в период независимости, включая войны и конфликты, а затем их мирное урегулирование, имели свои особенности, и газета «Джумхурият» при освещении этих событий учитывала их специфику. Другими словами, чтобы донести до читателя верную информацию, она не отклонялась от истины. Освещая реалии гражданской войны, переход страны к мирной жизни и стабильности, газета не стремилась к сенсационности, а учитывала интересы таджикского народа и его будущее. В одном из её выпусков сообщалось, что «Совет Безопасности выразил глубокую обеспокоенность в связи с продолжающимся насилием и конфликтами в Республике Таджикистан, а также эскалацией кризиса на таджикско-афганской границе и его угрозой миру и стабильности в регионе Центральной Азии и прилегающих к нему районах» [12]. Приведенная новость свидетельствует о том, что политические события того периода, особенно начало гражданской войны, продолжавшиеся беспорядки и отъезд части таджикского населения из мест постоянного проживания, находились в центре внимания официальной газеты. Изучение содержания опубликованных статей вызывает ряд вопросов, имеющих отношение к журналистике того времени. Во-первых, как готовились статьи и материалы, отражающие события в контексте глобализации, в том числе процесс конфликта и межтаджикских мирных переговоров в этой газете и какие причины и факторы повлияли на их подготовку и публикацию? Соответствовало ли содержание материалов требованиям учредителя или редакции газеты, является ли опубликованный материал реалистичным отражением рассматриваемых событий? Подчиняются ли корреспонденты или их источники информации руководству издания, или же они обладают свободой выбора в освещении и интерпретации новостных событий, при выборе темы и публикации статей? По нашему мнению, политическая и социальная ситуация, в которой публиковалась информация на данную тему в те годы, оказала непосредственное влияние на этот процесс. При отборе и публикации подобной информации определяющее значение имели такие факторы, как принятые в обществе ценности и социальное содержание самой информации. Важным моментом в этой связи является то, что газета «Джумхурият», стремясь приблизить реалии войны и мира к пониманию таджикской общественности, конструировала определённые гипотезы об обществе и о том, как оно функционирует. Исследователь Р.Нигрин писал: «В общем плане, если рассматривать вопросы общения между людьми, то возникнет необходимость в общем языке для этого общения. Особенно, если рассматривать этот вопрос на более сложном и конкретном уровне, то есть в вопросах массовых коммуникаций мы обнаруживаем, что владельцы СМИ считают, что общество основано на единой стратификации социальной реальности, поскольку иначе мы не сможем осмыслить и понять события в мире. Следовательно, с точки зрения

владельцев СМИ, человеческое общество характеризуется «единомыслием» и, другими словами, продолжает развиваться на основе «универсальной и последовательной идеологии». Именно эта теория обеспечивает стабильность тому, что пишут журналисты, и тем социальным значениям, которые они придают событиям» [8, с.28] Учитывая тот факт, что во время конфликтов в Таджикистане ежедневно и ежечасно происходили сотни различных событий, можно признать, что у периодических изданий страны была своя редакционная политика по освещению процесса межтаджикских мирных переговоров, на основе которой они отделяли информационный повод от неинформационного. В этом плане газета «Джумхурият» следовала единому методу подачи материалов, связанных с освещением процесса межтаджикских мирных переговоров. Анализируя новостной контент и и другие материалы газеты, мы видим, что информация для её журналистов – это не только отражение политических и общественных событий, но и акцентация ключевых для общества концептов. Газета в основном сосредоточилась на освещении свежих и востребованных новостей о межтаджикских переговорах по урегулированию конфликта и установлению мира. Причем она не только отражала фактическую сторону данного процесса, но и разъясняла их, благодаря чему у читателей формировалось реальное представление о ходе переговоров, причинах и поводах проведения каждого его этапа, об участниках переговоров.

Так, «Джумхурият» опубликовала статью о напряженной ситуации в Таджикистане под названием «Мухокимаи масъалаи Тоҷикистон» («Обсуждение таджикского вопроса»). Содержание статьи свидетельствует о том, что неоднократный выбор газетой темы кризиса в Таджикистане обусловлен, прежде всего, новостной ценностью данного события. Факторами выбора «Джумхурият» являются: важность, влияние и популярность новости. Отбор и публикация новостей основаны на том, что новостное событие (кризисная ситуация в стране) могло повлиять на большое количество людей в обществе в те дни и в последующий период. Отрывок из этой статьи дополняет наше мнение: «Совет Безопасности ООН призвал к переговорам между сторонами конфликта в Таджикистане. Содружество Независимых Государств сформируют совместные силы для противостояния противникам таджикского государства.

ИТАР-ТАСС: Совет Безопасности вчера вечером выразил глубокую обеспокоенность продолжающимся конфликтом в Таджикистане и острым кризисом на границах этой страны с Афганистаном, а также угрозой миру и стабильности в Центральной Азии [12]. В этой связи, как пишет исследователь М.Абдурахмон, «...в современных условиях ни одна страна не может в одиночку устранить опасности и риски эпохи глобализации» [1, с.123]. С самого начала внимание периодической печати, особенно газеты «Джумхурият», к проблеме межтаджикских переговоров было двусторонним, то есть публикация материалов осуществлялась на основе материалов как отечественных, так и зарубежных информационных агентств. Вместе с тем, следует сказать, что на начальном этапе реализации инициатив Таджикистана по вопросам мирного разрешения конфликта доступ к достоверной и беспристрастной информации затруднялся

наличием ряда серьезных факторов. Чтобы правильно оценить результативность работы средств массовой информации, в том числе прессы, в этот сложный исторический период, отметим эти факторы:

1. Внутренние беспорядки и внешняя оппозиция.
2. Финансовые проблемы и проблемы безопасности, ограничивавшие свободную деятельность прессы по освещению таджикского мирного процесса.
3. Запрет на деятельность некоторых СМИ и ограничение свободы прессы. Эта ситуация была исправлена только после 1999 года с возобновлением выпуска некоторых газет, что создало благоприятные условия для широкого освещения политических, социальных и культурных вопросов, включая таджикский мирный процесс.
4. Ухудшение экономического, социального и культурного положения таджикского общества, влияние политической и военной оппозиции не могли не отразиться на своевременном и профессиональном освещении мирного процесса.

Несмотря на влияние вышеперечисленных факторов, периодическая печать тех лет, особенно газета «Джумхурият», при отборе, анализе и интерпретации событий того времени руководствовались национальными интересами, призывая к диалогу, обусловленному потребностями общества, к осмыслению прошлого, настоящего и будущего страны и путей выхода из ситуации таджикского конфликта. В этой связи профессор А.Азимов отмечает, что «... роль периодической печати велика в отражении вопросов мира и единства, в достижении высших целей – всеобщего согласия об установлении мира и национального согласия» [2, с.92].

Анализ содержания газеты «Джумхурият» свидетельствует, что, освещая тему межтаджикских мирных переговоров, она, прежде всего, стремилась раскрыть предысторию и факторы возникновения вопроса мира среди таджиков, возможности разрешения конфликта и достижения согласия между сторонами, представить влиятельные фигуры этого процесса, оценить роль обеих сторон – правительства и оппозиции. При анализе данных материалов, исходя из политического и миротворческого облика Таджикистана, учитывались следующие моменты:

1. Усилия и инициативы Правительства Республики Таджикистан, сторон и международных организаций по установлению мира в рассматриваемый период времени.
2. Тенденции распространения опубликованных материалов и их динамика в тот же период.

Для сравнительного анализа тематики и содержания материалов, опубликованных в периодической печати, в том числе в изданиях «Джумхурият», «Садои мардум», «Минбари халк» и др., были использованы новостные заметки, отчеты, интервью, статьи и т.д., опубликованные с начала межтаджикских мирных переговоров и в последующие годы.

Хронологический период исследования вопроса обусловлен особой важностью уроков таджикского мирного процесса, который оказал глубокое влияние на историческую память народа, на последующее развитие страны, на

деятельность средств массовой информации, в том числе и прессы. А.Азимов, оценивая ситуацию тех лет, пишет: «Если взглянуть на страницы печати того времени, то мы увидим, насколько сложной и запутанной была политическая, социальная и культурная ситуация в республике» [2, с.128]. Газета «Джумхурият», освещая тему мира и стабильности среди таджиков, придерживается, прежде всего, законов и профессиональных методов журналистики, определяя процесс создания, разработки и публикации материалов по данной теме как «...процесс формирования документов текущей жизни общества» [4, с.206]. При таком подходе «принципиальный приоритет изображаемых реалий, всесторонний и комплексный подход к изучению и осмыслению проблем составляют содержательную значимость публикуемого материала» [4, с.206]. Основная и положительная тенденция публикуемых газетой материалов по данной теме определяется разнообразием документов, оценок, мнений и суждений, ценность которых, в первую очередь, заключается во включении информации об урегулировании конфликта и обеспечении мира и стабильности в Таджикистане. «Джумхурият», следуя «методу коммуникации и восприятия» [5, с.37], стремилась отразить всю совокупность и детали мирного процесса и межтаджикских переговоров на национальном и глобальном уровнях. В период с 1993 по 1997 год, то есть до подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия, газетой было опубликовано множество материалов: нормативно-правовые документы, обзоры и статьи, последние новости, интервью и репортажи, беседы и интерпретации событий и т.д. Среди них отметим материалы «Начало переговоров многообещающее» (Джумхурият. 1994. 27 апреля), «Мемуары Министерства иностранных дел Республики Таджикистан» (Джумхурият. 1994. 10 августа), «Исламабад: таджики стремятся к миру и спокойствию» (Джумхурият. 1994. 3 ноября), «Обращение к переговорной делегации правительства Таджикистана и оппозиции в Тегеране» (Джумхурият. 1997. 5 января), «Серьёзный шаг к национальному примирению» (Джумхурият. 1997. 10 февраля) и т.д., публикуя которые, газета реалистично отражала политическую обстановку в республике и проблемы процесса межтаджикских переговоров, опираясь на достоверные источники. Исследование, анализ и обзор материалов по теме межтаджикских переговоров и накопленного в этом процессе опыта свидетельствуют о том, что с 1993 года таджикская периодическая печать особое значение придавала публикации материалов, касавшихся вопросов таджикского опыта мира, хода переговоров между сторонами и достигнутых в этом процессе результатов. Безусловно, тема таджикского конфликта, факторы, приведшие к началу гражданской войны, продолжающиеся переговоры и публикация информации, связанной с этой темой, являлись основной целью газеты «Джумхурият» как на начальном этапе переговоров, так и в последующие ключевые моменты процесса установления мира в стране. Такие статьи, как «Влияние Таджикистана на процесс глобализации в решении вопроса межтаджикского конфликта и мирных переговоров», «Вопросы конфликта и межтаджикского мирного переговоров», «Сотрудничество в решении вопроса войны и межтаджикского мирного

договора», «Сотрудничество в процессе миростроительства со странами мира и региона» и «Социальные проблемы Таджикистана» и др., определили её преобладающий контент, составив основную и наиболее влиятельную часть материалов и являясь примером “социально ответственной журналистики”. Материалы, опубликованные в годы таджикских мирных переговоров, особенно по вопросу «Влияние Таджикистана на процесс глобализации в решении вопроса межтаджикского конфликта и мирных переговоров», свидетельствуют о восприятии мировым сообществом межтаджикского противостояния как глобальной проблемы. По мнению М.Имомзода, «в мировом сообществе Таджикистан представлен как центр мира и стабильности, образец для проведения мероприятий высокого уровня» [10, с.54]. Обсуждение этой темы в газете «Джумхурият» в целом носило объективный характер и отражало подход миротворческих сторон к переговорам. «Джумхурият» публиковала множество материалов, посвящённых коммуникации и диалогу двух сторон. Обращение прессы к такому вопросу, как двустороннее сотрудничество, было продиктовано стремлением к регулированию политического и военного конфликта и достижению социально-политического согласия с помощью формирования общественного мнения. Следует отметить, что мировое сообщество высоко оценивало сотрудничество правительства и оппозиции. Возросший интерес к этой теме на страницах газеты «Джумхурият» свидетельствует о положительном политическом имидже Таджикистана как страны, искренне стремящейся к позитивным отношениям с умеренной оппозицией и интеграции, об усилении морально-нравственных оценок происходящих событий. Среди тем и вопросов, которые обсуждались в ходе межтаджикских мирных переговоров и подробности которых публиковались в периодической печати, особое место занимали социальные проблемы. Эти проблемы касались, прежде всего, условий жизни и быта беженцев и вынужденных переселенцев, которых гражданская война оторвала от родины и домов. Газета «Джумхурият» постоянно следила за этой темой, отражая позиции правительства, оппозиции, ООН и государств-участников миротворческого процесса.

Следует отметить, что подходы к освещению межтаджикских переговоров явно отличались: первый – осторожный подход и достоверное, объективное осмысление политической реальности, второй – интерпретации и оценки, далекие от реалий и подлинных фактов. В любом случае, несмотря на некоторые отклонения в освещении процесса межтаджикских мирных переговоров, периодическая печать на примере «Джумхурият» в рассматриваемые годы способствовала публикации правдивой информации и достижению, таким образом, мира и согласия в стране, что является позитивным опытом распространения информации в новую информационную эпоху.

Литература

1. Абдурахмон М. Независимость и защита национальных интересов. – Душанбе, 2021. – 194 с. (на тадж.яз.)

2. Азимов А. Газета и миссия самопознания. – Душанбе: Шарки озод, 2015. – 152 с. (на тадж.яз.)
3. Азимов А. Публицистика и реальность. – Душанбе: Шарки озод, 2020. – 143 с. (на тадж.яз.)
4. Ворошилов В.В. Журналистика. – СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2006. – 640 с.
5. Дзялошинский И.М. Советская журналистика: три парадигмы творчества // Журналист. Пресса. Аудитория. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 145с.
6. Имомзода М.С. Мелодия верности и любви. – Душанбе: ЭР-граф, 2021. – 244 с. (на тадж.яз.)
7. Маджидзода Дж.З. Молодежь и информационная безопасность / Дж.З.Маджидзода, А.Г.Холикзода, Р.С.Одиназода. – Душанбе: Маориф, 2019. – 240 с. (на тадж.яз.)
8. Нигрин Р. Новости и анализ новостей // Профессиональная журналистика. – Тегеран: Министерство культуры и исламского руководства, Центр исследований и изучения СМИ, 1378. – С. 25-42 (на перс. яз.).
9. Рахмонов Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Т.1. – Душанбе: Ирфон, 2000. – 543 с. (на тадж.яз.)
10. Рахмонов Э. Речь на 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 30 сентября 2003 г. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Т.5. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 521 с.
11. Усмонов И. СМИ и внешняя политика Таджикистана. – Душанбе, 2003. – 64 с.
12. Усмон И. Мирный договор. – Душанбе: Матбуот, 2001. – 552 с. (на тадж.яз.)

THE JUMHURIYAT NEWSPAPER AND THE PROBLEM OF GLOBALIZATION

Safarzoda Khurshed Khaidar

Candidate of philological sciences, associate professor,
vice-rector for economic and social affairs

Tajik International university of foreign languages named after S. Ulughzoda
734019, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Muhammadiev str., 17/6

Ph.: (+992) 918 21 44 44 (м.)

khursheds@mail.ru

This article examines the information activities of Tajik print media, including the official newspaper Jumhuriyat, in covering the socio-political situation in the country following the collapse of the Soviet Union and the end of the civil war in Tajikistan. The author argues that studying the press's information policy during that period should be conducted within the context of the specific conditions that emerged in the country following the tragic events of the early 1990s and the negotiation process to achieve peace and national reconciliation in Tajik society. These events left a profound imprint on the lives and consciousness of the Tajik people and resonated widely with the international community. An examination of Jumhuriyat's activities during this difficult transition period allowed to identify the publication's key approaches to covering the inter-Tajik negotiations, taking into account globalization processes. The author attempts to uncover the newspaper's influence on socio-political sentiment and the situation by analyzing a number of its publications. It is argued that the newspaper Jumhuriyat, when covering the peace talks, sought to maintain the fundamental principles of its editorial policy-accuracy, objectivity, timeliness, analytical approach, and professionalism.

Keywords: Tajik press; «Jumhuriyat» newspaper; editorial policy; inter-Tajik peace talks; globalization; achieving peace and national reconciliation.

РЌЗНОМАИ ҚУМҚУРИЯТ ВА МУШКИЛИ ҚАҚОНШИНОСЌ

Сафарзода Хуршед Қайдар

Номзади илмқои филологЌ, дотсент,
ноибѣ ректор оид ба масъалақои иқтисодЌ ва иқтимоЌ
Донишгоқѣ байналмилалиѣ забонқои хориқѣи Тоҷикистон ба номи С.Улуғзода
734019, Қумқурии Тоҷикистон, Душанбе, кўч. Муҳаммадиев, 17/6
Тел.: (+992) 918 21 44 44 (м.)
khursheds@mail.ru

Дар ин мақола фаъолияти иттилоотѣи расонақои ҷопѣи Тоҷикистон, аз қумла рўзномаѣ расмѣи "Қумқурият", дар инъикосѣ вазъѣ иқтимоЌ-сиёсѣи кишвар пас аз ғурупошиѣ Иттиқоди Шўравѣ ва хотима ѓфтани қанги шаҳрвандѣ дар Тоҷикистон баррасѣ мешавад. Муаллиф изҳор медорад, ки омўзиши сиёсати иттилоотѣи матбуот дар ин давра бояд дар доираѣ шароитѣи мушаххасе, ки пас аз рўйдодқои ғоҷабораѣ оғози солқои 90-умѣ асри XX дар кишвар ва раванди музокирот барои ба даст овардани сулҳу ризоѣят дар қомеаѣи тоҷик ба вуҷуд омада буданд, анҷом дода шавад. Ин рўйдодқо дар ҳаёт ва шуури мардумѣи тоҷик таъсири амиқ ғузоштанд ва дар қомеаѣи қақонѣи ба таври васеъ инъикос ѓфтанд. Баррасѣи фаъолияти "Қумқурият" дар ин давраѣи душвори ғузариш имкон дод, ки талаботѣи асосѣи наشريро барои инъикосѣи музокиротѣи байни тоҷикон бо назардошти равандқои қақонишавѣ муайян карда шавад. Муаллиф қўшиш ба харљ додааст, ки таъсири рўзномаро ба вазъѣи иқтимоЌ-сиёсѣи бо таҳлили як қатор шуморақои наشريѣи нишон дињад. Таъкид мегардад, ки рўзномаѣи "Қумқурият" ҳангоми инъикосѣи музокиротѣи сулҳ қўшиш кардааст, ки принципқои асосѣи сиёсати идоравѣи худро, ки дақиқѣят, инъикосѣи объективона, ғаврият, таҳлил ва касбият мебошанд, нигоҳ дорад.

Қалидвожақо: матбуоти тоҷик; рўзномаѣи «Қумқурият»; сиёсати идоравѣи; музокиротѣи сулҳѣи байни тоҷикон; қақонишавѣи; расидан ба сулҳ ва ризоѣят.

УДК 821.221.31- 1.09 "16"(540)

КОММЕНТАРИИ К ГАЗЕЛЯМ ХАФИЗА В ИНДИИ XVII ВЕКА: МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Бобоева Муътабархон Саидмуртазоевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры таджикской классической литературы
ГООУ «Худжандский государственный университет имени акад. Б.Гафурова»
735019, Республика Таджикистан, Согдийская область,
Худжанд, проезд Мавлонбеков, 1
boboeva_0973@mail.ru

Статья посвящена анализу методов и принципов комментирования газелей Хафиза, сложившихся в Индии в XVII веке. В ней рассматриваются комментарии таких авторов, как Хатми Лахури, Афзаль Аллахбади и Убайдуллах Хешаки Чишти, которые внесли значительный вклад в интерпретацию поэтического наследия великого лирика. Анализируются особенности их подходов к пониманию как буквального, так и суфийского значения газелей Хафиза, выявляются общие черты и различия в их методах, а также оценивается их вклад в развитие хафизоведения. Особое внимание уделяется влиянию персидской литературной традиции на формирование методов комментирования, а также историко-литературному контексту, в котором создавались эти комментарии. В статье подчеркивается, что комментирование газелей Хафиза в Индии XVII века представляло собой активный и плодотворный процесс, в котором сформировались определенные методы и принципы интерпретации поэтического наследия великого лирика.

Ключевые слова: Хафиз; газели; комментирование; интерпретация; суфизм; мистицизм; Хатми Лахури; Афзаль Аллахбади; Убайдуллах Хешаки Чишти; Индия; XVII век; персидская литература; поэзия; методы комментирования; принципы комментирования; эзотерическое толкование.

Феномен творчества Хафиза Ширази, сочетающего в себе мистические, любовные и социальные мотивы, на протяжении веков привлекал внимание ученых Ирана, Индии и Пакистана. Согласно каталогам персидско-таджикских рукописей и другим источникам, только в Индии было составлено пятнадцать комментариев и девять словарей к дивану поэта. Несмотря на то, что некоторые из них остаются недоступными, основная часть опубликованных работ привлекла внимание специалистов и ценителей поэзии Хафиза, сформировав особые методы и принципы комментирования, некоторые аспекты которых рассматриваются в данной статье.

Сайфиддин Абульхасан Абдурахман Хатми Лахури, автор суфийского комментария «Марадж-уль-бахрайн» («Слияние двух морей»), стал одним из первых, кто с особым интересом обратился к комментированию изысканных

газелей и кит'а Хафиза Ширази. Согласно оценкам Бахауддина Хуррамшахи, Куруша Мансури и Хусейна Мутеи Амина, «его труд отличается от всех предыдущих комментариев, написанных комментаторами прошлого, ясностью и глубиной понимания» и «язык и изложение этого комментария, несмотря на насыщенность суфийскими и философскими терминами, не являются сложными. Мистика в этом комментарии представляет собой синтез суфийского эзотеризма без терминов и теоретического суфизма, с использованием терминологии», что демонстрирует подлинное и свежее видение Хатми в понимании, интерпретации и толковании поэзии Хафиза.

Распространение суфизма и исламского мистицизма в Индостане, достигшее своего пика в XVI-XVII веках, способствовало повышенному вниманию исследователей к личности и творчеству Хафиза, которого в Индии и Пакистане почитали не только как персидского поэта, но и как суфия, духовного наставника и благочестивого человека. Почитание Хафиза среди суфиев Индостана подтверждается свидетельствами таких выдающихся деятелей, как Саййид Мир Али Хамадани и Саййид Ашраф Джахангир Симнани. Они не только высоко ценили его поэзию, считая его совершенным мистиком, но и, по преданиям, встречались с ним, оказывая ему особое покровительство. Таким образом, интерес к Хафизу в регионе был обусловлен не случайными факторами, а его художественной идентичностью как Лисанульгайба (Знарок языка тайн) и распространением суфийских идей.

В литературно-культурном контексте Индии комментирование дивана Хафиза, начало которому положил Хатми Лахури, достигло расцвета. Его глубокое погружение в поэзию Хафиза было обусловлено не только личным интересом, но и его суфийским мировоззрением, унаследованным от семьи, и обширными знаниями, полученными от отца. Хатми. Будучи персоязычным мусульманином, мистиком и поэтом, владевшим персидским и арабским языками, а также посвященным в орден Кадирия, он естественным образом обратился к комментированию газелей Хафиза.

Таким образом, «редкие смыслы пленительных стихов и несравненные тонкости содержания Хазрата Хафиза» побудили его стать первым комментатором поэзии Лисанульгайба на субконтиненте. Ему принадлежат три комментария и словарь к произведениям поэта, изданные под общим названием «Шархи ирфонии ғазалҳои Ҳофиз» («Эзотерический комментарий к газелям Хафиза») в четырех томах, характеризующие его новаторский подход к комментированию и пониманию поэзии поэта.

Его метод заключался в тщательном анализе лексики и терминов, а также в использовании коранических аятов, хадисов и суфийских источников, таких как «Гульшани раз» («Цветник тайн»), «Манакиб-уль-арифин» («Жития святых»), «Маснавийи ма'нави» («Поэма о сокрытом смысле»), «Тамхидат» («Прославление»), «Тафсири Байзави» («Комментарий Байзави»), «Фусус-уль-хикам» («Геммы мудрости»), «Мирсад-уль-ибад» («Торный путь благочестивых»), «Кашф-уль-махджуб» («Раскрытие сокрытого»), «Рисалаи Кушариййа» («Трактат Кушариййа»), «Мир'ат-уль-арифин» («Зерцало постигающих»), «Лама'ати Ираки»

(«Сияния Ираки»), «Нафахат-уль-унс» («Дуновения святых») и др., для раскрытия глубинного смысла поэзии.

Хатми Лахури не только разъяснял текст, но и вел диалог с читателем, предвосхищая возможные вопросы и давая на них развернутые ответы. Для подкрепления своих интерпретаций он привлекал труды таких авторитетов, как Джалалуддин Балхи, Абдурахман Джами и Ибн Араби. Например, при комментировании бейта:

Шайдо аз он шудам, ки нигорам чу моҳи нав

Абру намуду ҷилвагарӣ карду рӯ бубаст.

Я стал безумным оттого, что мой возлюбленный, подобно новолунию,

Показал бровь, проявил великолепие и скрыл лицо.

Хатми ставит вопрос: «Этот бейт является ответом на предполагаемый вопрос, возникший из предыдущего бейта. Если явление красоты напоило любящих и закрыло перед ними врата надежды на дуновение и аромат, сделав их самодостаточными, то в чем причина беспокойства любящего? В ответ он говорит, что я стал шайда (страстно влюбленным, безумным) и вола (растерянным) оттого, что мой возлюбленный, подобно новолунию и полумесяцу, явил мне свою красоту, проявил великолепие и тотчас же скрыл свое истинное лицо за завесой величия и славы, ибо «мушахадат-уль-абрар байн-ут-таджалли валь-астатар» («Созерцание праведников происходит между явным и сокрытым»), являясь и похищая сердца».

Хатми Лахури при интерпретации дивана Хафиза демонстрирует глубокий аналитический подход, подкрепляя свои тезисы цитатами из классических персидских авторов, таких как Джалалуддин Балхи, Абдурахман Джами, Низами, Шибли, Абдуллах ибн Мубарак, Шейх Махмуд Шабистари, Маулана Зайнуддин Хавафи, Баязид Бастами, Ибн Араби, Джалалуддин Давани, Саййид Али Хамадани, Хафиз Мухаммад Парса и другие. Такой подход к комментированию позволяет ему обосновать свою герменевтическую позицию.

Методология Хатми отличается систематичностью: он комментирует газели Хафиза в соответствии с их каноническим расположением в диване, то есть в алфавитном порядке. Его анализ начинается с морфологического разбора отдельных букв и слов, постепенно переходя к синтаксическому анализу словосочетаний и предложений. Хатми тщательно исследует лексическое, метафорическое и образное значения, а также аллегорические и символические аспекты стиха, раскрывая их эзотерическую глубину. Этот многоаспектный подход является новаторским для своего времени.

При комментировании терминов и концепций Хатми активно использует понятийный аппарат риторики, литературоведения и смежных дисциплин, включая грамматику, поэтику, историю, логику, астрономию и музыку. Это свидетельствует о его эрудиции и стремлении к всестороннему анализу.

В результате его работы, во-первых, были усовершенствованы теоретические и практические основы комментирования, во-вторых, он способствовал

популяризации национального литературного наследия и углублению понимания поэзии Хафиза. Его метод направляет читателей к постижению как буквального, так и аллегорического смысла, а также к оценке художественной ценности поэтического текста.

Пример с бейтом о возлюбленной, скрытой вуалью, показывает, как Хатми использует «Шарх-и диван» («Комментарий к дивану»), автора которого он, к сожалению, не упоминает, для раскрытия мистического смысла поэзии Хафиза:

*Маъшуқа ҷаён мегузарад бар ту валекин
Ағёр ҳама бинад аз он баста ниқоб аст.*
Возлюбленная явно проходит мимо тебя, но
Посторонние не видят ее, потому что она закрыта вуалью.

В своем комментарии он пишет: «В «Шархи диван» написано, что «сведущим и осведомленным, идущим по пути истины, не останется тайным и скрытым, что возлюбленная здесь является иносказанием истинной Сущности Бога, чье явление в каждый миг абсолютно, и Он принимает разные образы под разными именами и формами. И от каждого атрибута Он проявляет другой атрибут. Подобно: ахадиййат (единственность) и самадиййат (самодостаточность), и хакикат (истина), и рубубиййат (господство), ибо в зависимости от каждого места и каждого времени истине присуще проявление в каждом аспекте. И сказал Всевышний: «Кулли явмин хува фи ша'н» (Каждый день Он занят делом. Ар-Рахман 55, аят 29), то есть из вселенских и божественных истин он каждый миг несет новое откровение мистикам и увлекает суфия все выше».

Значимым достоинством комментария Хатми является его текстологический подход: для определения подлинности бейтов он использовал различные списки дивана Хафиза. Например, при интерпретации следующего бейта:

*Роҳест роҳи ишқ, ки ҳеҷаш канора нест,
Он ҷо ҷуз он ки ҷон биспоранд, чора нест.*
Путь любви – это путь, которому нет конца,
Там нет иного выхода, кроме как отдать душу.

Он ссылается на альтернативный источник, где вместо «роҳест роҳи ишқ» («этот путь – путь любви») встречается «бахрест баҳри ишқ» («это море – море любви»), подчеркивая их смысловое тождество. Таким образом, Хатми выступает как текстолог, стремящийся к реконструкции аутентичного текста Хафиза. Это указывает на его стремление к установлению канонического текста и учет разночтений, что является важным аспектом научного подхода.

Хатми Лахури не ограничивается познанием мистического значения газелей Хафиза и в ряде случаев выявляет их подлинный переносный смысл, демонстрируя новый подход в комментировании того времени. Например, при анализе и толковании следующего бейта комментатор интерпретирует «возлюбленную»

как аллереорию Божественной Сущности, чьи проявления многогранны, и тем самым подтверждает свое умение видеть метафорические образы:

*Эй хунбаҳои нофаи Чин хоки роҳи ту,
Хуршед дар ҳимояти тарфи кулоҳи ту.
О, чья пыль с дороги – цена мускуса китайской пуповины,
Солнце под защитой края твоего колпака.*

Также важно отметить, что Хатми Лахури, во многих случаях указывает название используемого произведения или имя его автора, что выделяет его работу на фоне остальных. В частности, при анализе бейта:

*Бо таноби зулф Ҳофизро бикаш,
Монда дар чоҳи занахдон алғиёс.
Влеки Хафиза за прядь кудрей,
Застрявшего в колодце подбородка, о спасение –*

Хатми Лахури приводит толкование Шейха Джамали Ширази, согласно которому «зульф» (кудри) символизирует божественное влечение, а «чох-и занахдон» (ямка подбородка) в суфийской терминологии обозначает милость Возлюбленного.

Аналогичный подход он применяет и при интерпретации бейта:

*Ў ба хунам ташнаву ман бар лабаш то чун шавад,
Ком бистонам аз ў ё дод бистонад зи ман.
Он жаждет моей крови, а я – его губ, что же будет?
Достигну ли я от него желаемого или он взыщет с меня?*

Хатми Лахури ссылается на комментарий к «Гульшани раз» и отмечает, что «губы» аллегорически представляют «дыхание Рахмана» (Милостивого), являющееся источником жизни. Этот метод, основанный на эзотерических текстах, выделяет комментарий Хатми Лахури среди более поздних работ, предлагая углубленное понимание мистических аспектов поэзии Хафиза.

Таким образом, Хатми Лахури разрабатывает оригинальную методологию комментирования, отличающуюся от подходов его предшественников, таких как Шейх Азари и Джалалуддин Давани. Он демонстрирует интеллектуальную независимость и новаторство, что оказало влияние на последующих комментаторов, которые активно использовали его опыт.

Комментарий Хатми Лахури также сыграл значительную роль в развитии историко-литературной парадигмы в таджикском литературоведении, что способствовало формированию литературоведческих концепций, используемых при анализе, интерпретации и толковании поэзии Хафиза и персидской поэзии в целом. Содержание этих историко-литературных концепций отражает уровень

литературной мысли эпохи и ее эволюцию, прослеживаемую в последующих комментариях.

Афзаль Аллахабади является автором еще одного полного комментария к дивану Хафиза, написанного после Хатми Лахури и озаглавленного «Кашф-уль-астар мин вуджухи мушкилати ашъар» («Раскрытие тайн относительно трудностей поэзии»).

Датировка этого комментария является предметом дискуссии среди исследователей. Некоторые относят его к эпохе Шах-Джахана (1606-1627), в то время как А.Афсахзод, основываясь на анализе использованных словарей и источников (датируемых до XVII века), предполагает более раннюю датировку – XVI век.

В таджикском литературоведении первые сведения об этом комментарии были предоставлены А.Капрановым и А.Афсахзодом, которые, однако, не смогли установить имя автора из-за отсутствия первой и последней страниц в доступной им рукописи.

А.Насриддин, обнаружив полный список комментария Афзала Аллахабади в архиве Института востоковедения АН Узбекистана и сопоставив его с фрагментарным списком из Института востоковедения АН Таджикистана, установил, что труд состоит из двух томов, хранящихся, соответственно, в Ташкенте и Душанбе. Помимо комментария к Хафизу, Афзаль Аллахабади также известен своими комментариями к «Шараф-наме» (.....) Низами и «Киран-ус-са'дайн» («Соединение двух счастливых звёзд») Хусрава Дехлеви. О своей работе над комментированием поэзии Хафиза сам комментатор говорит следующее:

Кунун шарҳи девони Ҳофиз кунам,

Бурун аз дил он розҳо афканам.

Ки андар дили аксар аз мардумон

Аз он розҳо нест ному нишон.

Дар аснои ин шарҳи мушкилкушо,

Басе аз фавоид кунам ҳам адо.

Бад-он сон, ки дар шарҳи он шаш кутуб,

К-аз онҳо дар ин нусха рафъи ҳучуб.

Теперь я напишу комментарий к дивану Хафиза,

Извлеку из сердца те тайны.

Ибо в сердцах большинства людей об этих тайнах нет ни следа.

В процессе этого разрешающего трудности комментария

я также изложу множество полезных сведений.

Так же, как в комментарии к тем шести книгам,

из которых в этом списке устранению преград.

В предисловии к своему комментарию Афзаль Аллахабади излагает свою методологию. Он выделяет различные типы трудностей, встречающихся в бейтах Хафиза: «Следует знать, что трудности бейтов подлинного дивана Ходжи

Хафиза многообразны, и подробное описание этих аспектов таково, что некоторые из этих бейтов относятся к той части, смысл поэзии которой из-за сложности персидского выражения нелегко постигается. Следовательно, необходимо устранить эту сложность; некоторые относятся к той части, смысл поэзии которой параллелен арабскому выражению, поэтому следует написать его перевод; некоторые относятся к той части, смысл поэзии которой зависит от некоего положения, поэтому следует упомянуть это положение; некоторые относятся к той части, хотя их смысл очевиден, но в этих смыслах возникли разногласия. Следовательно, следует подробно изложить содержание этих бейтов, чтобы установить истину. Некоторые относятся к той части, в изложении смысла которой и в применении к вопросам шариата, тариката или хакиката невозможно достичь соответствия, кроме как посредством буквального смысла этих бейтов из их явного значения. Следовательно, следует направить эти буквальные значения от их явного смысла к скрытым значениям, посредством которых станет возможным указанное соответствие».

После этого предисловия, Афзаль Аллахабади для разъяснения терминов, таких как «зульф» (кудри), «хол» (родинка), «саки» (виночерпий), «май» (вино), «ма'шук» (возлюбленный), «буса» (поцелуй) и др., обращается к лексикографическим и герменевтическим источникам, включая «Мусталехати шуара» («Термины поэтов») Сиялкути, комментарий к «Гульшани раз», «Нафахат-уль-унс» и «Латаиф» («Тонкости») Ашрафи.

Первый том комментария Афзаль Аллахабади, подобно комментарию Хатми Лахури, начинается с первого бейта дивана Хафиза: «Ала йа аййуха-с-саки адир ка'сан ва навилха / Ки ишк асан намуд аввал вале афтад мушкилха // О, виночерпий, обнеси чашу и подай вина, / Ибо любовь сначала показалась легкой, но возникли трудности», и завершается комментарием к следующему бейту:

Соя то боз гирифтӣ зи чаман мурғи саҳар,

Ошён дар шикани турраи шамшод накард.

Пока ты вновь не принял тень от лужайки, утренняя птица,

Не свила гнезда в изгибе кипарисовой пряди.

Афзаль Аллахабади, в русле традиции других комментаторов, включая Хатми Лахури, подкрепляет свои интерпретации цитатами из различных источников, к которым относятся: аяты и хадисы, тафсиры (толкования Корана), суфийские произведения, труды по фикху (мусульманскому праву), словари, такие как «Муайид-уль-фузала» («Укрепляющий ученых») и «Мадар-уль-афазил» («Орбита ученых»), комментарий к «Гульшани раз», «Кафш-уль-махджуб» («Раскрытие скрытого за завесой»), «Кашф-уль-лугат» («Раскрытие слов»), «Кимийаи са'адат» («Эликсир счастья»), «Нафахат-уль-унс», «Маснавийи ма'нави» Джалалуддина Балхи, «Тазкире» Давлатшаха Самарканди и другие.

Кроме того, он использует хадисы и предания о пророках, четырех праведных халифах, легендарных личностях и жизнеописания известных деятелей, таких как Абулайс Факих, Яхья ибн Муаз, Хафиз Сафьян, Фирдоуси,

Абу Рейхан Бируни, Абу Саид Абульхайр, Наджмуддин Кубра, Айнульказзат Хамадани, Низами, Аттар, Шамс Тебризи, Джалалуддин Руми, Джалалуддин Давани и Хафиз Убайдуллах Ахрар.

Хотя «Кашф-уль-астар» в основном посвящен суфийской интерпретации поэзии Хафиза, он отличается от подхода Хатми Лахури. Афзаль Аллахабadi не стремится к расширению суфийского толкования, а ограничивается разъяснением суфийских терминов. Он характеризует Хафиза такими эпитетами, как «ширазский мистик», «ширазский ринд» (вольнодумец), «ширазский друг», «ширазский исследователь», «ширазский искатель», «ходжа» и др., и в этом контексте комментирует такие суфийские термины, как «май» (вино), «майкада» (винная лавка), «майфуруш» (продавец вина), «саки» (виночерпий), «джам» (чаша), «мухтасиб» (блюстителю нравственности), «булбул» (соловей), «гул» (роза), «харабат» (винный погреб), «ринд» (суфий) и др.

Однако, как отмечает А.Афсахзод, комментарий Афзаль Аллахабadi отличается от других суфийских комментариев тем, что он «наряду с суфийскими значениями и оттенками слов, также излагает их первоначальные лексические значения и переносные оттенки. В этом отношении он, наряду с соответствием суфийскому пониманию метафорического значения души под образом соловья, разума под образом мухтасиба, места любви мистиков под образом винной лавки и тому подобного, также приводит их лексические значения, причем первоначальные значения часто приводятся первыми, а затем интерпретируются как суфийские термины, что значительно облегчает понимание смысла поэзии Хафиза».

Афзаль Аллахабadi уделяет больше внимания разъяснению первоначальных значений слов и терминов, опираясь на реалистические аспекты поэтического изображения у Хафиза. Это является одним из преимуществ его комментария по сравнению с комментарием Хатми. Например, если Хатми Лахури в комментарии к слову «ходжа» ограничивается суфийским толкованием, то Афзаль Аллахабadi толкует «ходжа» как с произносимой «вов» — господин дома, правитель, шейх и великий. Он также излагает первоначальные значения таких слов и словосочетаний, как: «сахба» (чистое вино), которое согласно словарю означает вино, выжатое из белого винограда, «бади саба» (утренний ветерок) – ветер, который поднимается с востока и начинает дуть утром, будучи чрезвычайно нежным и прохладным, и приносит приятное дуновение, и цветы распускаются под его воздействием, и его также называют «весенним ветром», «сулаймони гул» (соловей розы), что в обиходе означает красную розу, которая является царицей цветов». Этот метод интерпретации, ориентированный на реалистическое понимание образности Хафиза, является отличительной чертой комментария Афзаль Аллахабadi [14, л.21 а].

В изложении Афзаль Аллахабadi иногда «мухтасиб» (блюстителю нравственности) является прозвищем Амира Муборизиддина, «савмаадор» (отшельник) – характеристикой Имада Факиха, а «ходжа» – почетным титулом Кавамуддина, что также усиливает реалистический и исторический аспект его комментария.

Примечательной особенностью этого комментария является его доступный и ясный язык, особенно заметный при прозаическом пересказе бейтов Хафиза. Например, прозаический пересказ строки:

*Аз хашират аҳли ҷаҳл ба Кайвон расидаанд,
 Ҷуз оҳи аҳли фазл ба Кайвон намерасад.*
 От твоей ярости невежды достигли Сатурна,
 Кроме вздоха мудрецов, ничто до Сатурна не доходит.

Передаётся следующим образом: «То есть, узрев бессмысленность судьбы, обратите внимание, как положение невежд возвысилось до Сатурна, в то время как горестные вздохи мудрецов остаются не услышанным», что является весьма простым, содержательным и понятным.

Как было отмечено, этот комментарий по сравнению с предыдущими имеет свои новшества. В отличие от предыдущих комментариев, данный труд, по мнению Абдуманнони Насриддина, характеризуется «объединением смыслового и лексикографического анализа», что представляет собой «синтез подходов авторов словарей и комментаторов дивана Хафиза».

Известно, что до написания труда Афзаль Аллахабади было создано несколько трактатов под названиями «Фарханги ашъори Хафиз» («Словарь поэзии Хафиза»), «Мусталехати ашъори Хафиз» («Термины поэзии Хафиза») и «Калиди девони Хафиз» («Ключ к дивану Хафиза»), которые носили лексикографический характер. Автор «Кашф-уль-астар» в этом контексте осознанно использовал опыт упомянутых произведений, усовершенствовав содержательную и художественную структуру своего комментария.

Афзаль Аллахабади при интерпретации поэзии Хафиза придает большое значение историко-литературному контексту, и в частности, комментируя бейт:

*Эй кабк-и хушхиром, куҷо меравӣ биист,
 Фарра машав, ки гурбаи зоҳид намоз кард.*
 О, куропатка с изящной походкой, куда ты идешь, остановись,
 Не обольщайся, ибо лицемерный кот совершил намаз.

Он показывает, связь поэта и его творчества с реальностью того времени и раскрывает отношение поэта на лицемерного и двуличного обитателя суфийской обители – Имада Факиха, что выражает суть его литературной, социально-исторической мысли по отношению к реальности того времени.

Сравнение текста комментария показывает, что комментатор создал его в основном на основе списков дивана Хафиза, переписанных в XV и XVI веках. В этом комментарии упоминаются и газели, которые «на самом деле Хафизу не принадлежат». Также интерпретация некоторых бейтов является копией комментария Хатми Лахури, ниже в качестве примера мы приводим фрагмент комментария обоих комментаторов к следующему бейту Хафиза:

*Ба бог тоза кун ойини дини Зардуштӣ,
Кунун ки лола барафрӯхт оташи Намруд.
В саду обнови обычаи религии Зороастра,
Теперь, когда тюльпан возжег огонь Намруда.*

Сначала приведем комментарий Хатми Лахури к этому бейту:

«Зартушт и Зардушт – имя человека из рода Манучехра, ученика мудреца Дакьянуса, который был учеником Фишогурса. Во времена Гуштаспа он объявил о своем пророчестве, и маги считают его пророком, а «Занд» называют небесной книгой. Фирдоуси же полагает, что он из рода Ибрахима (а.с.) и его имя – Абрахам, подобно тому как имя Ибрахима на сирийском – Ибрахим. А Зардушт – его прозвище на фарси, и его составное значение – заразушт, то есть то, что золото перед ним отвратительно и ненавистно; ибо «душт» (с дамой) означает отвратительный. Большинство мусульман считают его лжецом и колдуном, и он является основателем религии огнепоклонства. А «Занд» и «Пазанд» – его книги по установлениям религии огнепоклонства. Следовательно, религия зардушти – это религия огнепоклонства, и под религией огнепоклонства подразумевается созерцание огненного тюльпана. И суть смысла бейта такова: о, собеседник, во время благословенного прибытия Имадуддина Махмуда, которое произошло в период весеннего цветения и распускания тюльпанов, обнови в саду обычаи огнепоклонства. То есть созерцание огненных тюльпанов, теперь, когда огненный тюльпан возжег и зажег обширный огонь, подобный огню Намруда, который был разожжен на несколько фарсахов для сожжения Хазрата Халилуррахмана (да пребудут над ним благословения Аллаха)».

Приведем комментарий Афзаля Аллахабади к упомянутому бейту, который является копией комментария Хатми Лахури и не содержит ничего нового:

«Зардушт – имя человека из рода пророка, ученика мудреца Дакьянуса, который был учеником Фишогурса. Во времена Гуштаспа он объявил о своем пророчестве, и маги считают его пророком. «Занд» и «Пазанд» –его небесные книги, и Фирдоуси полагает, что он из рода Ибрахима (а.с.) и его имя –Абрахам, а Зардушт – его прозвище на фарси, и его составное значение – зардушт, то есть то, что золото перед ним отвратительно и ненавистно; ибо «душт» (с дамой) означает отвратительный, и большинство мусульман считают его лжецом и колдуном, и он является основателем религии огнепоклонства, и здесь под религией огнепоклонства подразумевается созерцание огненного тюльпана. И суть смысла бейта такова: во время благословенного прибытия Имадуддина Махмуда, которое произошло в период весеннего цветения и распускания тюльпанов, обнови в саду обычаи огнепоклонства, то есть созерцание огненных тюльпанов. Теперь, когда огненный тюльпан возжег и зажег обширный огонь, подобный огню Намруда, который был разожжен на несколько фарсахов для сожжения Халилуррахмана (а.с.)».

Несмотря на упомянутые недостатки, «Кашф-уль-астар» является одним из ценных образцов комментария к дивану Хафиза и «в настоящее время считается отражением художественного мышления и вкуса просветителей первой

половины XVII века и свидетельствует о том, что в понимании этого автора художественное познание поэзии Хафиза происходило во взаимосвязи с философией и учением мистицизма», влияние которого на последующее течение комментирования неоспоримо.

Дальнейшее развитие комментирования поэзии Хафиза тесно связано с именем Убайдуллаха Хешаки Чишти, скончавшегося в 1694 году. Этот комментатор внес значительный вклад в изучение и интерпретацию наследия Хафиза, и источники приписывают ему ряд комментариев к дивану Хафиза: а) «Джами'-уль-бахрайн фи заваид-ин-нахрайн» («Собрание двух морей относительно дополнений двух рек»); б) «Хуласат-уль-бахр фи илькикат-ид-дурар» («Сущность моря в подборе жемчужин»); в) «Хуласат-уль-бахри кадим ва джаид» («Сущность старого и нового моря»); г) «Бахр-уль-фирасат-иль-лафиз фи шархи девони Ходжа Хафиз» («Море красноречия в комментарии к дивану Хафиза Хафиза»).

Убайдуллах Чишти происходил из афганского племени и родился в 1034 году хиджры (1624-1625 гг. н.э.) на юго-востоке Лахора – в городе Касури. Коран, арабские науки и персидские поэтические и прозаические тексты, такие как «Гулистан», «Бустан» и диван Хафиза – он изучил на родине, а затем отправился в Дели и Агру, где совершенствовал свои знания у известных ученых того времени. После завершения учебы он вернулся на родину и занялся преподавательской деятельностью и написанием книг.

Как следует из жизнеописания Хешаки Чишти, в юности (в 23 года) он занимался преподаванием дивана Хафиза на родине, а затем по просьбе учеников за шесть месяцев написал «Бахр-уль-фароса» в алфавитном порядке до буквы «шин», посвятив его Шах-Джахану, правителю Тимуридов. В это же время из-за жизненных неурядиц он отправился в город Биджапур, где до 1077 года хиджры (1666-1667 гг. н.э.) написал второй том этого комментария. По его собственному свидетельству, «первый том комментария написан в полном спокойствии, а второй – в стесненных обстоятельствах, поэтому в первой части значения терминов и объяснение трудностей даны более подробно, и ссылок на авторитетные книги и трактаты также больше».

В «Бахр-уль-фароса» Убайдуллаха Чишти прокомментировано 485 стихотворений, включая газели, касыды, рубайи и бейты из «Сакинаме» Хафиза. Из них 396 газелей соответствуют дивану Хафиза в редакции Казвини и Гани, а также дивану, подготовленному к печати Ханлари, 2 газели повторяются, а остальные 83 газели приписываются Хафизу.

Из текста комментария Убайдуллаха Чишти видно, что при написании «Бахр-уль-фароса» он использовал различные списки дивана Хафиза, тем самым указывая на правильную форму бейтов по сравнению с вариантами. Например, приведя бейт: ««Чи надомат хурад он кас, ки чу мо бода нахурад / Ин чи айб аст бад-ин бехирадй в-ин чи хатост // Что за сожаление испытывает тот, кто, как мы, не пьет вино / Что за порок в таком невежестве и что за ошибка», он пишет: «В некоторых списках вместо «В-ин чи хатост» употреблено выражение «в-ин чи

атост», то есть вино – великий дар, а в некоторых списках вместо «чи» употреблено «на».

Ссылки автора «Бахр-уль-фароса», такие как «некоторые учёные отмечали», «некоторые мудрицы сказали» и «некоторые из комментаторов отметили, что...», свидетельствуют о том, что Убайдуллах Чишти имел доступ к различным источникам и нескольким комментариям к дивану Хафиза и использовал их. Во многих случаях он критиковал и обсуждал толкования этих комментаторов, высказывая своё мнение об их идеях. Например, приведя бейт Хафиза: «Чон бе чамоли чонон майли чахон надорад / Ҳар кас, ки ин надорад, ҳаққо ки он надорад // Душа без красоты возлюбленной не стремится к миру / У кого этого нет, клянусь, у того нет и того», он добавляет: «Некоторые говорят, что местоимение «ин» по сути относится к чему-то близкому, но здесь оно относится к красоте, а местоимение «он» по сути относится к чему-то далекому, но здесь оно относится к далекому понятию истины, если подумать».

Другим преимуществом этого комментария является использование и сравнительное толкование стихов таких поэтов, как Саади, Мавлави, Низами, Фахруддин Ираки, Захир Форьяби, Джами и др., в сравнении со стихами Хафиза, что придает ему аналитический характер. Например, комментатор, приводя строки из Хафиза: «З-он ёри дилнавозам шукрест бо шикоят» отмечает, что «это аллюзия на стихи Мавлави: Бишнава аз най чун ҳикоят мекунад / В-аз ҷудоӣҳо шикоят мекунад // Прислушайся к голосу флейты – о чем она, плача, скорбит, О горестях вечной разлуки, о горечи прошлых обид». Таким методом интерпретации автор «Бахр-уль-фиро́сат» иногда приводит бейт Хафиза и, сравнивая со своим бейтом, комментирует его. Например, сначала он приводит бейт Хафиза: «Ашки ғаммози ман ар сурх баромад чи ачаб / Хичил аз кардаи худ пардадаре нест, ки нест / Коль слезы выдали меня – не удивляйтесь, / Предателя, что стыдится, нет – в том не сомневайтесь», а затем объясняет и дополняет его смысл своим бейтом: «Ҳоли ҳудро чун кунам пинҳон аз ин номаҳрамон / Зоҳиран ғаммозии ман ашк пурхун мекунад // Как я скрою своё состояние от этих недостойных / Внешне мои кровавые слёзы предают» [12, с.302].

Убайдуллах Чишти в своем комментарии, подобно Хатми Лахури и Афзалю Аллахабади, стремился к разъяснению как буквального, так и суфийского смысла газелей Хафиза, а при комментировании газелей Хафиза он широко использует коранические аяты, хадисы, изречения суфийских шейхов, стихи персидских поэтов, а также суфийские термины и понятия. В частности, когда он объясняет слово «саки» (виночерпий), он пишет, что «саки» бывает разных видов, один из которых – непосредственный и причинный виночерпий, как в высказывании Всевышнего: «ва сақихум раббаҳум шаробан тухуран// и напоил их Всевышний напитком чистым».

В своём суфийском комментировании газелей Хафиза автор «Бахр-уль-фиро́сат» опирается на авторитетные источники, такие как «Фусус-уль-хикам и его комментарии», «Нафахат-уль-унс», «Гульшани раз», «Мир'ат-уль-ашикин» («Зерцало влюблённых») Байзави, трактат «Истилахат» («Термины») Ибн Араби, «Асрор-ут-таухид» («Тайна соединения с истиной»), «Тамхидат», «Авариф-уль-

маариф» («Просвещенные мистики»), «Лавоех» («Скрижали»), «Тазкират-уль-авлия» («Жизнеописания святых»), «Мир'ат-уль-маани» («Зеркало смысла») и др., уделяя особое внимание суфийской терминологии и объясняя большинство художественных образов газелей поэта с этой точки зрения. Однако сам он подчеркивает контекстуальную зависимость значений слов. Например, при комментировании первого бейта дивана Хафиза он пишет «Ало» означает знай и будь осведомлён, «саки» – поилец, «адир ка'сан» – поверни чашу, «ва навилха» – пей и напой. Следует знать, что некоторые слова, такие как «саки» (виночерпий), «турра» (локон) и «джа'д» (кудри), встречающиеся в речи суфиев, должны толковаться в соответствии с контекстом, и нельзя ограничиваться одним значением. Как говорит Мавлана Махмуд в «Гульшани раз»:

*Надорад олами маънӣ ниҳоят,
Куҷо бошад мар ӯро лафз гоҳт.
Ҳар он маънӣ, ки ғашт аз завқ пайдо,
Куҷо тафсири лафзӣ бояд ӯро.
Чу аҳли дил кунад тафсири маъно,
Ба монандӣ кунад таъбири маъно.
Мир смысла не имеет предела,
Где же тогда слово будет иметь предел?
Всякий смысл, возникший от восторга,
Где же тогда словесное объяснение ему нужно?
Когда люди сердца объясняют смысл,
Они уподобляют объяснение смыслу».*

В своём комментарии к бейтам Хафиза, особенно тем, которые требуют мистического толкования, автор «Бахр-уль-фиросат» последовательно применяет метод, позволяющий раскрыть как буквальный, так и метафорический смысл поэтических строк. Следуя традиции комментирования, распространённой в то время, Убайдуллах Чишти активно использует в своих комментариях бейты, пословицы и арабские выражения. Эта характерная черта, присущая данному и другим его комментариям, позволяет определить литературные, философские, религиозные и иные особенности подхода Чишти к интерпретации поэзии Хафиза.

Ещё одной отличительной чертой комментаторского стиля Убайдуллаха Чишти является его опора на литературные идеи и художественные тропы при объяснении бейтов Хафиза. Этот аспект теоретических и научных исследований комментатора подчёркивает его методичный подход к интерпретации поэзии. Наряду с разъяснением значений стихов, он тщательно анализирует и объясняет различные литературные приёмы, такие как уподобительные изафеты, метафоры, иносказания, джинос, ихам и др.

Этот подход особенно ярко проявляется в его интерпретации бейта Хафиза: «Киштишикастагонем, эй боди шурта, бархез, Бошад ки боз бинем дидори ошноро // Мы – потерпевшие кораблекрушение, о бурный ветер, поднимись,

Может быть, мы снова увидим лик друга». Чишти не просто переводит стих, но и проводит детальный лингвистический анализ. Он отмечает различия в словарях «Абдулхай» и «Муайид-уль-фузала» относительно значения слова «каштй» (корабль/судно), указывая на ошибочность произношения с касрой, распространённого в Индии. Он также объясняет, что «боди шурта» (бурный ветер) – это особый тип ветра, благоприятный для корабля, а не любой ветер.

Истинный смысл заключается в следующем: «каштй» – это метафора человеческого существа, отражающая его слабость, как сказано в Коране «халак ал-инсона заифун» – человек создан слабым, «боди шурта» символизирует наставника, духовного предводителя, ведущего человека по пути самопознания, а «ёри ошно» – это истинный возлюбленный, божественное начало, к которому стремится душа.

Чишти предлагает и другую интерпретацию, где «каштй» – это метафора тела, «боди шурта» – метафора души, а «киштишикаста» – метафора тел, оторвавшихся от своих душ, то есть утратившие связь с духовным.

Далее, Чишти рассматривает «потерпевших кораблекрушение» как «слабых мюридов», учеников и последователей, стремящихся к духовному просветлению. Он также отмечает, что в этом бейте содержится аллюзия на историю пророка Хизра (а.с.), известного своими суфийскими знаниями и способностью преодолевать трудности.

Убайдуллах Чишти, используя этот метод, раскрывает мистические символы и тайны поэзии Хафиза для читателей, интерпретируя при этом множество литературных и лингвистических нюансов, что свидетельствует о глубине его взгляда на теоретические и практические проблемы художественных произведений, в частности, поэзии. Например, при объяснении бейта Хафиза: «Ғазал гуфтию дур суфтй, биёву хуш бихон, Хофиз, Ки бар назми ту афшонад фалак икди Сурайёро // Газель сказал ты и жемчуг рассыпал, приди и красиво прочти, Хафиз, Ибо на твой стих небеса рассыпят ожерелье Плеяды», – он интерпретирует лингвистические и литературные аспекты следующим образом, что очень точно выражает его литературные взгляды: слово «хуш» имеет двойное значение: «добро» и «много». В качестве примера он приводит строку из произведения шейха Саади: «Бар дари Каъба соиле дидам, Ки хамегуфту мегиристй хуш // У дверей Каабы я видел просителя, Который говорил и много плакал». Чишти отмечает, что оба значения могут быть применимы в данном контексте.

Далее он переходит к анализу слова «назм», которое в словаре означает «нанизывание жемчуга на нить», а в поэтической терминологии – стихотворную форму, противоположную прозе. Он также подробно рассматривает слово «акд», указывая на его различные значения в зависимости от огласовки: с фатхой – «развязывание, завязывание узла, договор, женитьба, свод дома, десять единиц», а с касрой – «драгоценные камни, нить жемчуга».

Лингвистическая эрудиция Убайдуллаха Чишти проявляется в его сознательном анализе отдельных слов в газелях Хафиза. Его обращение к различным словарям для разъяснения значений слов свидетельствует о глубоком понимании языка и стремлении к точности интерпретации. Например, при

объяснении строки «Ишкат расид ба фарёд гар худ ба сони Ҳофиз // Твоя любовь дошла до крика, даже если подобно Хафизу», Чишти ссылается на словарь «Халл-ул -лугат» (.....), где слово «сон» имеет несколько значений: «мягкий камень для заточки мечей и ножей», «обычай, положение, состояние» и «подобие». Чишти демонстрирует, что каждое из этих значений может быть применимо в контексте стиха, обогащая его смысл.

Несмотря на возможные недостатки, комментарии Убайдуллаха Чишти отличаются точностью и свежестью, содержат ценные нюансы и материалы, сохраняющие свою актуальность на протяжении времени. Его интерпретации часто отличаются оригинальностью и глубиной, предлагая новые взгляды на поэзию Хафиза.

Примером такой оригинальной интерпретации является объяснение бейта: «Муъоширон гирех аз зулфи ёр боз кунед, Шабе хуш аст бад-ин хилааш дароз кунед // Сотоварищи, развяжите локон любимой, Эта ночь хороша, продлите её хитрость». Чишти предлагает следующее толкование: «Развязывание локона возлюбленной вызывает сгущение тьмы, подобно тёмной ночи. Следовательно, продлите ночь, ибо она прекрасна, и хитрость её продления заключается в развязывании локона возлюбленной». Это объяснение демонстрирует не только понимание буквального смысла стиха, но и его символическую глубину, связывая физическое действие с мистическим опытом.

В своём комментировании бейта «Муъоширон гирех аз зулфи ёр боз кунед...» автор «Бахр-уль-фиросат» ограничивается буквальным толкованием, в то время как Хатами Лахури предлагает суфийскую интерпретацию. Лахури связывает этот бейт с историей шейха Шарафуддина Абуали Каландара, который, находясь в состоянии духовного экстаза, остановил восход солнца, чтобы продлить ночь соединения с возлюбленной. Он приводит бейт шейха Каландара: «Гар шабе даст диҳад васли ту аз ғояти шавқ / То қиёмат нашавад субҳ дамидаи надиҳам // Если бы ночь дала мне соединение с тобой от сильного желания, Я бы не позволил рассвету взойти до Судного дня», демонстрируя, как поэзия может отражать глубокие мистические переживания.

Сравнение этих двух подходов показывает, что комментирование поэзии Хафиза в те времена было не просто академическим упражнением, но и способом выражения мировоззрения и эстетических предпочтений комментатора. Каждый комментатор привносил в свою работу уникальную перспективу, обогащая понимание поэзии.

В этой связи изметный таджикский ученый Худой Шарифов приходит к следующему выводу: «Поскольку автор комментария не раскрывает особенности произведения как итог, трудно назвать его работу анализом литературы и научным исследованием в полном смысле этого слова. Автор комментария лишь закладывает основу для понимания текста, оставляя окончательную интерпретацию на усмотрение читателя и исследователя. Поэтому исследователи, изучающие творчество писателя, непременно находят в комментариях к его произведениям начальную точку для своего исследования» [13].

Однако нельзя согласиться с утверждением некоторых литературоведов о том, что работу комментатора «трудно назвать анализом литературы и научным исследованием». Комментарии к дивану или газелям Хафиза, включая упомянутые выше, безусловно, являются не только образцами историко-литературных произведений, но и фундаментом для глубокого исследования, позволяющего познать и оценить художественные произведения, в частности, поэзию Хафиза, как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Таким образом, комментирование газелей Хафиза в Индии XVII века представляло собой активный и плодотворный процесс, в котором сформировались определенные методы и принципы интерпретации поэтического наследия великого лирика. Комментарии Хатми Лахури, Афзаля Аллахабади и Убайдуллаха Чишти являются яркими примерами этого процесса, отражая различные подходы к пониманию как буквального, так и эзотерического смысла поэзии Хафиза и демонстрируя глубокое проникновение комментаторов в мир суфийской мысли и персидской литературной традиции. Их труды не только способствовали популяризации творчества Хафиза на Индийском субконтиненте, но и заложили основу для дальнейших исследований его поэзии.

Литература

1. Афсахзод А. Шарх «Дивана» Хафиза. В ряду великих. – Душанбе: Ирфон, 1986. – С.285-291.
2. Бокири Б. Словарь комментариев Хафиза. – Тегеран: Амири Кабир, 1387. – 396 с.
3. Капранов В. Слово Хафиза в персидско-таджикских словарях // Юбилейный сборник Хафиза. – Душанбе: Дониш, 1977. – С.51-62.
4. Косими Ш. Персидские комментарии к дивану Хафиза в Индии // Горизонт. – Первый год. – С. 30-33.
5. Мухаммадхон М. Обсуждение и представление «Бахр-уль-фароса-иль-лафиз фи шархи девони Ходжа Хафиз» Убайдуллоха Хешаки Чишти // Слово людей сердца: сборник статей международной конференции, посвященной памяти Хафиза. – 1371. – С.713-718.
6. Насриддин А. Комментаторство в истории персидско-таджикской литературы. – Худжанд, 2000. – 252 с.
7. Рахими А., Камолванд Ф. Сравнительно-аналитическая критика двух комментариев к дивану Хафиза, написанных на субконтиненте // Древнеперсидская литература. Научно-исследовательский ежеквартальник Института гуманитарных наук и культурологии. – Девятый год, второй номер, осень и зима 1397. – С.1-28.
8. Суфиев Ш.З. Генезис и эволюция темы вина и трансформационные процессы в персидско-таджикской литературе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08 / Суфиев Шодимахмад Зикриевич. – Душанбе, 2017. – 391 с. EDN AADZNV.
9. Суфиев Ш.З. Описание невыразимого в суфийском поэтическом тексте // Ученые записки Худжандского государственного университета им. акад. Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. – 2014. – № 2[39]. – С. 34-42. EDN TFDPPP.
10. Хатми Лохури А.А. Мистический комментарий к газелям Хафиза / ред. и прим. Б.Хуррамшахи, К.Мансури, Х.Мутеи Амин. Т.3. – Тегеран: Изд-во Катра, 1378. – 2316с.
11. Хатми Лохури А.А. Мистический комментарий к газелям Хафиза / ред. и прим. Б.Хуррамшахи, К.Мансури, Х.Мутеи Амин. Т.4. – Тегеран: Изд-во Катра, 1378. – 3059с.
12. Хешаки Касури А. Бахр-уль-фароса-иль-лафиз фи шархи девони Хафиз / ред. и прим. Айюба Муради и Саро Чолок. Т.1. – Тегеран: Исхок, 1393. – 684 с.

13. Шарифов Х. Теория прозы в персидской литературе IV-IX веков хиджры. – Душанбе, 2004. – 319 с.
14. Комментарий к дивану Хафиза. Автор Афзаль Аллахбади / Рукопись №1395 из хранилища рукописей Института востоковедения Академии наук Республики Таджикистан.

COMMENTARIES ON THE GHAZELS OF HAFIZ IN 17TH-CENTURY INDIA: METHODS AND APPROACHES

Boboeva Mutabarkhon Saidmurtazoyevna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of Tajik classical literature
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735019, Republic of Tajikistan, Sughd region, Khujand, Mavlonbekov passage, 1
boboeva_0973@mail.ru

In the article, the methods and principles of commentary on the ghazals of Hafiz that developed in 17th - century India are analyzed. It examines the commentaries of authors such as Khatmi Lahuri, Afzal Allahabadi, and Ubaidullah Heshaki Chishti, who made significant contributions to the interpretation of the poetic legacy of the great lyricist. The article analyzes the distinctive features of their approaches to understanding both the literal and Sufi meanings of Hafiz's ghazals, identifies commonalities and differences in their methods, and assesses their contribution to the development of Hafiz studies. Particular attention is paid to the influence of the Persian literary tradition on the development of commentary methods, as well as the historical and literary context in which these commentaries were created. The article emphasizes that commentary on Hafiz's ghazals in 17th-century India was an active and fruitful process, which shaped certain methods and principles for interpreting the poetic legacy of the great lyricist.

Keywords: Hafiz; ghazals; commentary; interpretation; Sufism; mysticism; Khatmi Lahuri; Afzal Allahabadi; Ubaidullah Heshaki Chishti; India; 17th century; Persian literature; poetry; commentary methods; commentary principles; esoteric interpretation.

ШАРҲИ ҒАЗАЛИЁТИ ҲОФИЗ ДАР ҲИНДУСТОН ДАР АСРИ XVII: УСУЛҲО ВА РАВИШҲО

Бобоева Муътабар Саидмуртазовена

Номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи адабиёти классикии тоҷик
МДТ «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б. Ғафуров»
735019, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, Хучанд, гузаргоҳи Мавлонбек, 1
boboeva_0973@mail.ru

Мақола ба таҳлили усул ва равишҳои шарҳи ғазалиёти Ҳофиз, ки дар Ҳиндустони асри XVII ташаккул ёфтаанд, бахшида шудааст. Дар мақола асарҳои шорҳои аз қабилҳои Хатмӣ

Лохурӣ, Афзал Аллоҳободӣ ва Убайдуллоҳ Ҳешакии Чиштӣ, ки дар тафсири мероси адабии шоири бузург саҳми назаррас гузоштаанд, баррасӣ мешаванд. Хусусиятҳои равишҳои онҳо дар фаҳмиши маъноӣ луғавӣ ва суфиёнаи ғазалиёти Ҳофиз таҳлил карда шуда, хусусиятҳои умумӣ ва фарқкунандаи усулҳои онҳо муайян карда мешаванд ва саҳми онҳо дар рушди ҳофизшиносӣ арзёбӣ мегардад. Дар мақола ба масъалаи таъсири анъанаи адабиёти форсӣ ба ташаккули усулҳои шарҳ, инчунин заминаи таърихӣ-адабие, ки барои эҷоди шарҳҳо мусоидат намуданд, диққати махсус дода шудааст. Таъкид мешавад, ки шарҳи ғазалиёти Ҳофиз дар Ҳиндустони асри XVII раванди фаъол ва пурсамар буда, дар заминаи он усул ва равишҳои муассири тафсири мероси шоирии бузургӣ ғазалсаро ташаккул ёфтанд.

Калидвожаҳо: Ҳофиз; ғазалиёт; шарҳ; тафсир; суфизм; мистика; Хатмӣ Лохурӣ; Афзал Аллоҳободӣ; Убайдуллоҳ Ҳешакии Чиштӣ; Ҳиндустон; асри XVII; адабиёти форсӣ; шеър; усулҳои шарҳ; принципҳои шарҳ; тафсири эзотерикӣ.

УДК 83,3(0)

**«ШАХНАМЕ» А.ФИРДОУСИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
Ц.Б.БАНУ-ЛАХУТИ И МИХАИЛА ЛОЗИНСКОГО**

Шарипов Васид Абдухаликович

Кандидат педагогических наук, доцент

ГОУ «Худжандский государственный университет им. академика Б. Гафурова»

735700, Республика Таджикистан, Согдийская область,

Худжанд, ул. К.П.Рахматбаева, 60

Тел.: (+992) 770 02 30 (м.)

saripovvosid@mail.ru

DOI: 10.24412-2077-4990-2024-178-231-236

В статье проводится сравнительный анализ русских переводов «Шахнаме» А.Фирдоуси, выполненных Ц.Б.Бану-Лахути и Михаилом Лозинским. На примере 6 строф из поэмы «Рустам и Сухроб» («Ростом повергает Сохраба»), опираясь на выработанные критерии оценки качества переводов и используя метод сравнительного анализа, автор приходит к выводам относительно эстетической равноценности переводов подлиннику. При этом берутся во внимание соблюдение строфики, эквилинеарности, эквиритмии, каденции, смежности рифмовки и её разновидностей, специфика эвфонии, особенности лексических соответствий или их отсутствие, специфика перевода лексических и синтаксических стилообразующих средств (тропов, фигур, однородных членов предложений), различных видов трансформаций, достижения образности, эмоционального и эстетического эффекта и т.д.) По каждой строфе высказываются конкретные соображения, выявляются черты общности переводов и подлинника, их расхождения по тем или иным параметрам указанных критериев. При сравнении автор статьи широко опирается не только на анализируемые строки, но и на справочные материалы, приводит цитаты из трудов по теме исследования.

Ключевые слова: «Шахнаме»; А.Фирдоуси; Ц.Б.Бану-Лахути; М.Лозинский; перевод; эквиритмия; эквилинеарность; эквивалентный; строфа.

Введение. С момента создания «Шахнаме» А.Фирдоуси прошло более X веков, интерес же к эпосе с годами возрастает, и до сих пор в истории мировой литературы нет аналога этому бессметному творению, состоящему из 120 тыс. строк. Так, в поэмах французского, испанского и немецкого героического эпоса средневековья от 1000 до 2000 тыс. строк [3]. И дело здесь не только в объеме и в широте тематической амплитуды, но и в исключительной мощи идейно-художественного содержания «Шахнаме», в степени значимости рассмотренных в произведении проблем, актуальных для всех времен и народов, прежде всего в проникновенном гуманизме.

Статья представляет собой разработку очередного аспекта исследуемой нами глобальной проблемы, связанной с творческой историей и оценкой качества рус-

ских переводов «Шахнаме» А.Фирдоуси, в которой дан пример сравнительного анализа фрагмента из 6 строф (12 строк). Он посвящен столкновению отца и сына: «Ростем повергает Сохраба». Основная задача сравнительного анализа переводов Ц.Б.Бану-Лахути и Михаила Лозинского – выявить черты тождества и различия в двух переводах одного и того же эпизода, установить причины расхождений, определить наилучшее переложение. С целью выявления степени близости одного из переводов подлиннику мы должны решить задачу членения целого на части в соответствии с установленными критериями оценки качества поэтического (стихотворного) текста. «Всякий стихотворный текст, – пишет М.Лозинский, – является комплексом взаимодействующих и взаимообусловленных элементов разного порядка, образующим как бы замкнутый в себе организм. Сюда входят и элементы содержания, и элементы формы. Такое деление их, разумеется, чисто абстрактно, потому что элементы этих двух родов взаимообусловлены и в реальности не существуют оторванно друг от друга. Содержание воплощено в форме, форма проникнута содержанием» [5, с.176].

Прежде всего следует отметить, что оба перевода выполнены на высоком научно-художественном уровне. Поскольку «Шахнаме» написана мутакорибом (аруз), а не тоникой, силлабикой, силлабо-тоникой или верлибром, то, естественно, переводчики бессмертной поэмы были лишены возможности выбрать для перевода тот же стихотворный размер с тем же количеством стоп в строке. Стремление же максимально приблизиться к ритмике подлинника привело их к выбору наиболее близких (на их взгляд) размеров из состава силлабо-тонической системы. По этой причине оба переводчика выбрали для перевода мутакориба А. Фирдоуси четырёхстопный усеченный амфибрахий, с их точки зрения, наиболее близко передающий ритмический рисунок подлинника. При этом понимание степени близости выбранных другими переводчиками (С.Липкин, И.Сельвинский) размеров к ритмике «Шахнаме» у каждого из них различно. Так, поэма или её фрагменты были переведены, кроме амфибрахия, и ямбом, и анапестом. Переводчики отказались лишь от хорея и дактиля.

Аналитическая часть

Первая строфа.

А.Фирдоуси

Дигарбора аспон бубастанд сахт,

Ба сар-бар хаме гашт бадхох бахт [10, с.289].

Ц.Б.Бану-Лахути

Коней привязали, и ринуться в бой

Готовы, теснимые грозной судьбой [9].

М.Лозинский

Коней привязали для новой борьбы.

Настало свершение враждебной судьбы [4, с.92].

Кроме размера, в переводах строго соблюдается: единство строфики – двустипий, эквиритмия, парность (смежность) рифмы АА, каденция – мужская её разновидность (последний с начала строки слог ударный: в *бой* – *судьбой*; *борьбы* – *судьбы*), такая же мужская клаузула. Таким образом, в главном оба перево-

да близки к подлиннику и заслуживают высокой оценки. Обратим внимание на детали.

Если в переводе первой строки у М.Лозинского пропущено лишь обстоятельство образа действия, выраженное словом *сахт* – *крепко, туго*, то у Ц.Б.Бану-Лахути, помимо того, пропущено ещё и слово *дигарбора* – *повторно, вновь*. Предложению подлинника *аспон бубастанд* – эквивалентно предложение обоих переводчиков – *коней привязали*. Указание же на образ действия, что привязали *крепко*, – отсутствует в обоих переводах. Если у М.Лозинского значение повторности действия имеет место и оно передано словосочетанием *новая борьба*, где эпитет указывает на то, что это очередное столкновение героев, у Ц.Б.Бану-Лахути содержится лишь указание на готовность к битве. Первая она или очередная, по переводу данной строфы понять трудно. «Переводить слово за словом, – писал Н.К.Гарбовский, – не предпринимая никаких трансформаций, не изменяя порядка слов, не производя лексических и грамматических замен, не устраняя избыточных и не добавляя необходимых, с точки зрения норм языка перевода, элементов, – такое же предательство, как и переводческие вольности» [1, с.107]. Это, разумеется, детали, подробности, однако, когда неоправданных трансформаций, становится много, то данное обстоятельство может привести к существенному изменению смысла предложения. Это касается и такого типа трансформации, как неоправданные добавления.

Таким образом, перевод первой строфы, выполненный М.Лозинским, характеризуется большей смысловой полнотой, чем у Ц.Б.Бану-Лахути. Хотя оба перевода трансформированы, т.е. содержат пропуски, но их у Ц.Б.Бану-Лахути на один компонент больше. Кроме того, синтаксический и ритмический словораздел в переводе Ц.Б.Бану-Лахути не совпадает: наблюдается явление переноса, т.е. конец первой строки (слово *готовы*) переносится в начало второй.

В своей статье «Шахнаме» А.Фирдоуси в русских переводах Михаила Лозинского» [11] мы уже говорили о том, что звуковая организация в переводе несколько уступает эвфонии подлинника. Сказанное относится и к переводу Ц.Б.Бану-Лахути. Достаточно выделить то, что во всех словах первой строфы А.Фирдоуси содержится буква *а*, следовательно, строфа базируется на ассонансе. Кроме того, в одной только второй строке первой строфы сочетание аллитерации и ассонанса *ба* повторяется четыре раза, ещё один раз это буквосочетание имеет место в первой строке, три раза повторяется сочетание *ар*. И всё это без учета рифмовки: *ахт-ахт*. Такой звуковой инструментовки в своем переводе не достиг ни один из переводчиков. Сохраняя объективность, отметим, что у М.Лозинского (с учетом транскрипции) звука *[а]* больше, нежели в переводе Ц.Б.Бану-Лахути, которая в свою очередь превосходит перевод М.Лозинского в нагнетании разновидностей звука *[и]*. Объединяет эти два перевода, в отличие от подлинника, одинаковое начало первой строки (*Коней привязали*) и конец второй строки, где словосочетанию А.Фирдоуси *бадхох бахт* соответствует *грозная судьба* Ц.Б.Бану-Лахути и *враждебная судьба* М.Лозинского. В обоих переводах, сохраняющих образность текста, мы видим эквивалентную лексеме подлинника *бахт* лексему *счастье*, при которой также имеются эпитеты: *грозная* и *враждебная*.

Оба переводчика первую строку подлинника удачно оформили в виде неопределенно-личного предложения.

Вторая строфа.

А.Фирдоуси

Ҳар он гах, ки хашм оварад бахти шум,
Шавад санги хоро ба кирдори мум [10, с.289].

Ц.Б.Бану-Лахути

Ведь если злой рок разъярится – гранит
Он силой свирепую в воск обратит [9].

М.Лозинский

Где злобной судьбы надвигается тень,
Становится воску подобен кремь [4, с.92].

Из указанных выше основных достоинств двух переводов во второй строфе всё сохраняется, кроме синтаксического и ритмического словораздела. У Ц.Б.Бану-Лахути, как и в первой строфе, конец строк не совпадает с концом предложений. И во второй строфе наблюдается перенос: перевод словосочетания подлинника из второй строки *санги хоро – гранит* переносится в конец первой строки. Разница с предшествующим переносом в том, что в первой строфе переносится конец первой строки во вторую. У А.Фирдоуси и М.Лозинского, в отличие от перевода Ц.Б.Бану-Лахути, синтаксические единицы совпадают с концом строк. Следует напомнить, что у М.Лозинского соблюдался принцип переводить строку за строкой.

Словосочетание подлинника *бахти шум* эквивалентно передано обоими переводчиками: *злой рок* (Ц.Б.Бану-Лахути), *злобная судьба* (М.Лозинский). Как видим, при существительных сохранены и художественные определения (эпитеты). Словосочетанию подлинника *санги хоро* контекстуально эквивалентны оба слова: *гранит* (у Ц.Б.Бану-Лахути) и *кремь* (у М.Лозинского). По семантике они близки, ибо означают одно и то же: *очень крепкий камень*. Однако, если быть предельно точным, то в Таджикско-русском словаре словосочетанию *санги хоро* соответствует *гранит*, слово же *кремь* = *санги чакмоқ* [8, с.536]. В Русско-таджикском словаре читаем: «гранит *м хоро, хоросанг, санги хоро*» [6, с.188]. Следовательно, в выборе данного эпитета более точна была Ц.Б.Бану-Лахути.

Что касается особенностей синтаксиса подлинника и переводов, то сложно-подчиненное предложение с придаточной частью условия (А.Фирдоуси) оба переводчика передали соответствующим СПП с однородным придаточным. Разница лишь в том, что придаточное предложение в подлиннике стоит в середине главного, в переводах же – предшествует главному. Основная часть главного предложения в подлиннике также стоит после придаточной. И здесь мы наблюдаем почти полное соответствие. Небольшая разница между двумя переводами в специфике использования подчинительного союза: *если* (у Ц.Б.Бану-Лахути), *где* (у М.Лозинского). От использования М.Лозинским подчинительного союза *где*, более употребляемого для передачи значения места, тип придаточного не меняется, т.е. оно сохраняет в себе значение условия.

Н.И.Герасимова отмечала: «Пожалуй, самой яркой отличительной чертой именно художественного текста является чрезвычайно активное использование тропов и фигур речи, которые являются мощнейшим способом обновления планов выражения, соответствующих одному и тому же плану содержания» [2]. Так, из стилистических средств, на наш взгляд, сохраняя образность, оба переводчика также удачно репрезентировали сравнение подлинника. Во второй строке при капризах судьбы, при неудачном стечении обстоятельств, подчеркивает А.Фирдоуси, *санги хоро – гранит* может стать подобен воску: *мум – воск*.

Великолепна звуковая организация стиха как у А.Фирдоуси, так и у переводчиков. В подлиннике мы наблюдаем созвучие по вертикали, т.е. перекликаются буквосочетания (звукосочетания) первой строки с сочетаниями второй строки: **ба-ба; ва-ва; ум-ум**, и по горизонтали, т.е. внутри строки: **ар-ар; ор-ор**. У Ц.Б.Бану-Лахути три сочетания аллитерации и ассонанса (**лой, ра, ит**) образуют удивительную комбинацию: **лой-лой** дает созвучие по вертикали; следующие сочетания: **ра-ра-ра; ит-ит-ит**; – как по вертикали, так и по горизонтали. При этом буквосочетания **ра** и **ит** повторяются трижды. Специфика эвфонии у М.Лозинского в том, что все повторяющиеся сочетания образуют созвучия по горизонтали, т.е. сочетания первой строки **об, ви, тся, ень** повторяются во второй. По поводу созвучий сам М.Лозинский писал: «Вот перед нами два стиха, они живут этой светящейся перекличкой звуков. Измените звук в одном из слов первой строки, и сразу во второй строке погаснет нетронутое вами слово, которое было полно волнующего смысла. Оно станет слепо и невыразительно только потому, что в первой строке в каком-то слове погас перекликающийся с ним звук» [5, с.183-184].

Третья и четвертая строфы.

А.Фирдоуси

Ба гуштигирифтан ниходанд сар,
Гирифтанд ҳар ду дуволи камар

Сипахдор Сӯҳроб он зӯрдаст
Ту гуфтӣ, ки чархи баландаш **бубаст** [10, с.289].

Ц.Б.Бану-Лахути

Опять врукопашную **богатыри**
Схватились, и в это мгновенье, **смотри**,

Как будто всю мощь у **сохрабовых рук**
Высокое небо похитило вдруг [9].

М.Лозинский

И вот в поединке схватились **они**,
Руками **впились** в поясные ремни.

Всю мощь, - ты сказал бы, - **Сухрабовых рук**
Высокое небо опутало вдруг [4, с.92].

Поскольку здесь и далее то у одного, то у другого автора после первой строфы не точка, а запятая, что говорит о том, что это одно синтаксическое, смысловое целое, то анализу мы подвергнем по две строфы.

В первой строке подлинника представляет интерес слово *гуштигирифтан*, в Словаре таджикского языка имеющее значение спортивного состязания и поединка, борьбы [7, с.302]. По контексту поэмы А.Фирдоуси, разумеется, подходит второе значение, адекватно переведенное Ц.Б.Бану-Лахути (*врукопашную*) и М.Лозинский (*поединок*). Далее, в конце строки Ц.Б.Бану-Лахути вновь проявляет верность своей традиции переноса: слово из первой строки (*схватились*) она переносит во вторую. А вторую половину второй строки заполняет отсутствующим у А.Фирдоуси словосочетанием *и в это мгновенье*, практически пропустив информацию, данную во второй строке подлинника, а именно: сведения о том, что богатыри взяли друг друга за поясные ремни. Всю строфу удачно перевел М.Лозинский. Думается, широкое обращение Ц.Б.Бану-Лахути к явлению переноса сыграло с нею злую шутку, она увлеклась им и далее. Принцип её оппонента (построчный перевод), что не приветствовали некоторые из переводчиков и исследователей, например, К.И.Чуковский, в данной строфе оказался более оправданным. Предложение подлинника *Ту гуфти*, данное А.Фирдоуси в четвертой строке, Ц.Б.Бану-Лахути перевела в конце второй строки словом *смотри*. Это очередная трансформация в виде переноса. М.Лозинский данное предложение А.Фирдоуси репрезентировал эквивалентно – *ты сказал*, добавив частицу *бы*, вносящую в сочетании с глаголом прошедшего времени оттенок сослагательного наклонения. Указанное предложение подлинника М.Лозинским переносится в третью строку. Правда, переносы у обоих переводчиков существенно не влияют на изменение смысла строк подлинника. Проблема лишь в том, что Ц.Б.Бану-Лахути, увлекшись переносом, оставила вне поля зрения вторую строку подлинника.

Из изобразительно-выразительных средств следует отметить метафору *чархи баланд* – буквально: *высокое колесо*. Не исключается, что в подлиннике идет сложная метафоризация, когда *чархи баланд* – это *высокое небо*, но под *высоким небом* имеется в виду Всевышний. Именно Творец лишил мощи сухрабовых рук. Но оба переводчика ограничились вариантом *высокое небо*. Кроме того, эпитет, выраженный прилагательным, М. Лозинский пишет с прописной буквы, Ц.Б.Бану-Лахути – с маленькой. К сказанному следует добавить, что в четвертую строфу она вводит и сравнение: *как будто... похитило*. Следует отметить, что явление переноса в четвертой строфе имеет место и у М.Лозинского.

Остановимся на характеристике эвфонии. У Фирдоуси наблюдаются и лексические повторы (*гуштигирифтан* – *гирифтан*), и повторы буквосочетаний (*анд – анд, ду – ду, ар – ар – ар, да – да, аст – аст*), и повторы отдельных звуков [и], [р], [а]. Интересны и обрамления согласных одними и теми же гласными: *ири, иги, ама*, а также слово *ду* – *два* из состава словосочетания *хар ду* – *оба*, где самостоятельное слово *ду* предшествует первому слогу другой лексемы: *хар ду* *дуволи*.

У Ц.Б.Бану-Лахути с учетом транскрипции 3 раза повторяется сочетание **па**, 3 раза **ка**, 2 раза **тил**, 2 раза **вы**, 2 раза **ри**. Примеры созвучий по транскрипции: вру[ка]пашную – **как** – высо[ка]е; о[па]ть – вруко**па**шную – [па]хитило; [ба]гатыри – сохра[ба]вых – не[ба]. Созвучие по транскрипции имеет место и в рифмовке: **рук** – вдр[ук].

В переводе М. Лозинского особо заметно повторение буквосочетаний **ились** – **ились**. В дополнение к основной рифме **ни** – **ни** они образуют внутреннюю рифмовку. Кроме того, трижды повторяется сочетание **ни** – **ны** – **ни**, дважды **ал**, два раза **вы**. Как и у Ц.Б.Бану-Лахути, у М.Лозинского встречаются примеры созвучий по транскрипции: Сухра[ба]вых – не[ба]; **рук** – вдр[ук]. Звуковая организация у М.Лозинского интересна тем, что в первых двух строках по 5 раз повторяется гласная **и**, а в третьей и четвертой строках эта гласная сменяется буквой (звуком) **ы**.

Разумеется, когда речь идет об эвфонии, следует обратить внимание на те созвучия, которые очевидны и играют определенную роль в достижении благозвучия стихотворного текста, в создании определенного музыкального рисунка и эмоционального настроения. При этом не следует впадать в буквализм или формализм и констатировать мнимые переключки весьма далеко расположенных друг от друга буквосочетаний (звукосочетаний), не вносящих в текст желаемого эффекта.

Пятая и шестая строфы.

А.Фирдоуси

Гамин гашт, Рустам биёзид чанг,
Гирифт он сару ёли чангй паланг.
Хам овард пушти диловар чавон,
Замона сар омад набудаш тавон [10, с.289].

Ц.Б.Бану-Лахути

Во гневе, исполнясь невиданных сил,
Ростем исполина за шею схватил,
Рванул, и согнул, и Сохраб изнемог;
Истёк предназначенный юноше срок [9].

М.Лозинский

Рустем распалился, ремень отпустил,
За шею и голову барса схватил,
Согнул молодого бойца поперек,
И рок совершился, и он изнемог [4, с.92].

Правильно переводя начало первой строки (*Гамин гашт* – *Во гневе*), Ц.Б.Бану-Лахути вводит далее длинный, состоящий из восьми слогов, по сути, отсутствующий у А.Фирдоуси деепричастный оборот, заполнивший собой всю оставшуюся часть строки, который не позволил переводчику репрезентировать продолжение первой строки подлинника: *биёзид чанг* – *протянул руки*. В переводе М.Лозинского: (ремень) *отпустил*. Лексемы *ремень* в этой строке подлинника нет. Этот предмет известен нам по второй строке третьей строфы: *дуволи камар* – *кожаный поясной ремень*, но М.Лозинский, введя это слово в первую строку пя-

той строфы, конкретизирует, что именно отпустил Рустам. От этой трансформации его перевод не пострадал.

Во второй строке Ц.Б.Бану-Лахути не стала переводить слово *sar* – голова. Согласно строке А.Фирдоуси, Рустам схватил Сухроба не только за *ёл* – шею, но и за голову (см. перевод М.Лозинского). Первые два слова во второй строке первой строфы Ц.Б.Бану-Лахути (*Ростем исполина...*) образуют шесть слогов. Для русского языка это норма, когда в среднем на одно слово приходится три слога, но какая необходимость была для Ц.Б.Бану-Лахути отказаться от краткого слова *барс* и переводить его многосложной лексемой в падежной форме *исполина*. Возможно, одной из причин введения во вторую строку слова *исполин* является намерение Ц.Б.Бану-Лахути добиться благозвучия, ибо в первой строке ею уже был употреблен оборот с деепричастием *исполнясь*. По той же причине, добиваясь внутренней рифмовки, она употребила лексемы *рванул* и *согнул*. Кроме того, у А.Фирдоуси во второй строке нет имени собственного *Рустам*. Сократив его, точнее, вернув в первую строку, как в подлиннике, и заменив слово *исполин* (в падежной форме *исполина*) лексемой *барс*, можно было освободить пространство для перевода слова *sar* – голова. При этом возможен был вариант: Он барса за голову, шею схватил. Предложенный нами вариант страдает лишь тем недостатком, что и перевод М.Лозинского – отсутствием эпитета *воинствующий* (боевой).

М.Лозинский вводит в свой перевод почти всё, что имеет место у А.Фирдоуси в этой строке, в том числе и слово *барс*, кроме указанного эпитета *чангӣ* – *воинствующий*. Разумеется, пропуск оценочного эпитета – это потеря в деле достижения образности текста, но в целом перевод соответствует конвенциональной норме, т.е. очень близок к подлиннику.

При переводе третьей строки Ц.Б.Бану-Лахути остается верной своему методу перевода: уловить общий смысл единицы перевода и переложить его. Не так часто, как у М.Лозинского, для неё такой единицей становится стихотворная строка. Этим и объясняются переносы. В третьей строке подлинника всего лишь сообщается, что Рустам согнул спину отважному юноше. Слова *Рустам* в строке нет, он назван в предыдущей строфе, во второй и третьей строках на него указывает форма глаголов (3 л., ед.ч.). У Ц.Б.Бану-Лахути на первый взгляд удачное (в смысле компактности) начало третьей строки (*Рванул и согнул*). Если быть предельно объективным, то и слово *рванул* лишнее, оно отсутствует в подлиннике. Разумнее было бы, на наш взгляд, вместо него перевести лексему *пушт* – *спина* (*согнул спину*), что имеет место у А.Фирдоуси: *Хам овард пушти...* Целесообразно было выбрать следующий вариант третьей строки: И барсу отважному спину согнул. В предложенном варианте идет компенсация того, что во второй строке словосочетание *чангӣ паланг* – *воинствующий, отважный барс* (*тигр*) переведено словом *исполин*, кроме того, введено опущенное переводчиком слово *спина* (*спину согнул*).

Как и у Ц.Б.Бану-Лахути, слово *спина* отсутствует в переводе М.Лозинского. Вместо него он внес не совсем удачное, на наш взгляд, слово *поперек* (*согнул... поперек*). Причина такой трансформации, вероятнее всего, в том, что оно удачно рифмуется со словом *изнемог*.

Думается, при переводе строка к строке позитивность метода в том, что он дисциплинирует перевод и переводчика, что переводчику легче контролировать самого себя: перевел ли он все слова (иногда, правда, не обязательно, чтобы были все слова) в данной строке, смог ли передать смысл строки, насколько логически сочетается смысл её с содержанием предыдущей строки, какие просторы открываются в нижеследующей, не пропустил ли он что-либо важное, если да, то сделал ли он это намеренно, иногда вынужденно, искажает ли пропущенная часть перевод, не лучше ли заменить какие-то лексемы другими, точными, более эквивалентными и т.п. Перевод строка к строке в значительной степени облегчает и редактуру. Обратим внимание на строки перевода М.Лозинского. Там почти всегда, как и у А.Фирдоуси, конец строки завершается или концом самостоятельного простого предложения, или концом предложения из состава сложного синтаксического образования.

Ц.Б.Бану-Лахути использует сложную синтаксическую конструкцию, состоящую из 3 простых предложений, связанных союзной и бессоюзной связью. С начала до середины третьей строки это одно простое предложение, осложненное однородными глаголами-сказуемыми: *схватил, рванул, согнул. Сохраб изнемог* – это второе простое предложение, связанное с предыдущим с помощью сочинительного союза *-и*. Четвертая строка – это третье простое предложение, связанное со вторым бессоюзной связью. Запятая между однородными сказуемыми *рванул и согнул* не нужна.

Синтаксис М.Лозинского – одно сложносочиненное предложение, состоящее из трёх простых. Первые три строки – это одно простое предложение, осложненное однородными сказуемыми: *распаллся, отпустил, схватил, согнул*. Заключительная строка состоит из двух простых предложений, где все три предложения связаны сочинительной связью.

Как в подлиннике, так и в переводах великолепна эвфония. Позитивным моментом было бы, если бы мы заметили примеры созвучия рифмующихся частей подлинника и перевода. Так, Валерий Брюсов предлагал сохранить в переводе хотя бы одну рифму подлинника. Полное созвучие рифмующихся строк имеет место, но между переводами. И у Ц.Б.Бану-Лахути, и у М.Лозинского первая строфа рифмуется на *ил*, вторая строфа – на *ок*. (См. выделенное).

Итак, статистика по эвофонии А.Фирдоуси: великий мастер 4 раза повторяет сочетание *ам*, 3 из которых имеют место в начале строки, 4 раза повторяет сочетание *ар*, 3 раза *анг*, 2 раза *аи*, 2 раза *на*, 2 раза *авон*. При этом 19 раз повторяется буква *а*, имеющая место в 16 словах из 21.

Объективности ради отметим, если смысловая точность предложенного нами варианта третьей строки перевода М.Лозинского удачнее, чем у Ц.Б.Бану-Лахути, то в звуковой организации строки Ц.Б.Бану-Лахути превосходит и наш вариант, и перевод М.Лозинского. При этом достойно внимания не только буквосочетание *нул*: *Рванул – согнул*, но и сочетание союза *-и* с первыми слогами *со* в словах: *и согнул, и Сохраб*. Что интересно, сочетание ассонанса и аллитерации *ис* уже имело место в словах *исполняясь – исполина*, то же самое мы видим в слове *истёк*. Разница лишь в том, что где-то они слитны, а где-то написаны раз-

дельно. Далее рифмуются изнем[ок] – срок, с ними перекликается и слово ист[ок] в начале заключительной строки.

Итак, статистика по эвфонии Ц.Б.Бану-Лахути: 5 раз повторяется сочетание *ис*, 4 раза *не*, 3 раза *на*, 3 раза *ок*, 2 раза *нул*, 2 раза *пол* (или *испол*), 2 раза *ст*, 2 раза *нны*, 2 раза *ва*, 2 раза *ил*.

Статистика по эвфонии М.Лозинского: 4 раза *ил*, 3 раза *ок* (с учетом транскрипции), 2 раза *ся*, 2 раза *ла* (с учетом транскрипции), 2 раза *ба* (с учетом транскрипции).

Следует отметить, что в этих строфах А.Фирдоуси дважды использует вариант инверсии, более характерной для поэтической речи: чангй паланг – паланги чангй, диловар чавон – чавони диловар. Но этот порядок слов остался вне поля зрения переводчиков.

Таким образом, изложенное выше позволяет заключить:

1. В обоих переводах строго соблюдена строфика подлинника: двустишие.
2. Несмотря на то что «Шахнаме» А.Фирдоуси и переводы из разных стихотворных систем, в них соблюдена эквиритмия. Усеченный вариант четырёхстопного амфибрахия дает те же 11 слогов мутакориба.
3. В них соблюдена парность рифмы по схеме АА, каденция (мужская), мужская клаузула. В рифмовке как Ц.Б.Бану-Лахути, так и М.Лозинского наблюдаются случаи созвучий по транскрипции.
4. Ведущим принципом перевода М.Лозинского является построчный перевод. Ц.Б.Бану-Лахути же шире практикует явление переноса, когда конец строки переносится в следующую, что приводит к несоответствию между синтаксическим и ритмическим словоразделом.
5. Лексическая эквивалентность по Я.И.Рецкеру в подавляющем большинстве случаев соблюдена. При этом оба переводчика широко обращаются к трансформации: опущению, добавлению, переносу, конкретизации.
6. Эвфония А.Фирдоуси превосходит звуковую организацию в переводах, тем не менее, Ц.Б.Бану-Лахути и М.Лозинский добились существенного благозвучия в своих переложениях, в них наблюдается широкая перекличка отдельных звуков или комбинаций аллитерации и ассонанса. Правда, это не те звуки и лексемы, использованные в подлиннике, чего добиться в переводе весьма отдаленных друг от друга языков, как персидско-таджикский и русский, хотя они и из одной индоевропейской группы, весьма проблематично.
7. В большинстве случаев изобразительно-выразительные средства языка, тропы, переведены, образность текста достигнута, стиль автора репрезентирован. В отдельных случаях наблюдаются примеры опущения эпитетов.
8. Синтаксис подлинника, синтаксические стилистические средства (особенно однородные сказуемые) переданы, хотя в переводах встречаются случаи синтаксической трансформации, но они перевод не портят, ибо смысл строк А.Фирдоуси передают.
9. Оба перевода выполнены на высоком научном и художественном уровне, в них достигнута эстетическая равноценность, расхождения наблюдаются лишь в деталях.

Литература

1. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. – 544 с.
2. Герасимова Н.И. Краткий курс лекций по «теории перевода» для бакалавров [Электронный ресурс]. – Ростов/на Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 2010. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2915646/page:4/>
3. История зарубежной литературы. Средние века и Возрождение: учебник для филол. спец. вузов / М.П.Алексеев, В.М.Жирмунский, С.С.Мокульский, А.А.Смирнов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Высш.школа, 1987. – 415 с.
4. Книга царей Шахнаме / пер. М. Л. Лозинского, под ред., с коммент. и статьёй Ф.А.Розенберга. – М.: Л., 1934. – 156 с.
5. Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // Эткинд Е. Творчество М.Л.Лозинского // Багровое светило. – М., 1974. – С.170-189.
6. Русско-таджикский словарь: Свыше 72 000 слов / С.Д.Арзуманов, Х.А.Ахрори, М.Бегбуди и др.; под ред. М.С.Асимова. – М.: Рус. яз., 1985. – 1280 с.
7. Словарь таджикского языка (X – начало XX века): в 2 т. / под ред. М.Ш.Шукурова, В.П.Капранова, Р.Хашима, Н.А.Масуми. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. – Т.2. – 952 с.
8. Таджикско-русский словарь / под ред. Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой, С.Каримова. – Душанбе, 2006. – 814 с.
9. Фирдоуси. Шахнаме. Т.1. (От начала поэмы до сказания о Сохрабе) [Электронный ресурс] / пер. с фарси Ц.Б.Бану, коммент. А.А.Старикова. – М., 1957. – Режим доступа: <https://avidreaders.ru/read-book/shahname-tom-1.html>
10. Фирдавси Абулкосим. Шахраме: в 2 т. Т.II. – Душанбе: Адиб, 1987. – 320 с. (на тадж.яз.)
11. Шарипов В.А. «Шахнаме» Фирдоуси в русских переводах Михаила Лозинского // Вестник ТГУПБП. – 2025. – Вып.2 (103). – С.78-90.

«SHAHNAMEH» OF A.FIRDAWSI IN RUSSIAN TRANSLATIONS BY Ts.B.BANU-LAKHUTI AND MIKHAIL LOZINSKY

Sharipov Vasid Abduhalikovich

Candidate of pedagogical sciences,
SEI "Khujand state university named after academician B. Gafurov"
735700, Republic of Tajikistan, Sughd region,
Khujand, K.P.Rakhmatboev str., 60
Ph.: (+992) 770 02 30 (m.)

saripovvosid@mail.ru

DOI: 10.24412-2077-4990-2024-178-231-236

The article provides a comparative analysis of Russian translations of A.Firdausi's Shahnameh by Ts.Banu-Lahuti and Mikhail Lozinsky. Using six stanzas from the poem "Rustam and Suhrab" ("Rustam Overthrows Suhrab") as an example, relying on developed criteria for assessing the quality of translations and employing a comparative analysis method, the author draws conclusions regarding the aesthetic equivalence of these translations to the original. In this process, consideration is given to strophic adherence, equilinearity, equirhythm, cadence, rhyme contiguity and its variations, the specifics of eupho-

ny, the peculiarities of lexical correspondences or their absence, the specifics of the translation of lexical and syntactic style-forming devices (tropes, figures, homogeneous sentence parts), various types of transformations, the achievement of imagery, emotional and aesthetic effect, etc. For each stanza, specific considerations are expressed, identifying commonalities between the translations and the original, and their differences in various parameters of the specified criteria. In this comparison, the author draws extensively not only on the analyzed lines but also on reference materials, citing works on the topic of the study.

Keywords: "Shahnameh"; A.Firdausi; Ts.B.Banu-Lahuti; M.Loizinsky; translation; equirhythm; equilinearity; equivalent; stanza.

“ШОҲНОМА”- И А.ФИРДАВСӢ ДАР ТАРҶУМАҲОИ РУСИИ С.Б.БОНУ-ЛОҲУТӢ ВА МИХАИЛ ЛОЗИНСКИЙ

Шарипов Васид Абдухалиқович

Номзади илмҳои педагогӣ

Муассисаи давлатии таълимии

“Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Б.Ғафуров”

735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, вилояти Суғд, Хучанд,

кӯч. Қ.П. Раҳматбоев, 60

Тел.: (+992) 770 02 30 (м.)

saripovvosid@mail.ru

Мақола як мисоли таҳлили муқоисавии тарҷумаҳои русии «Шоҳнома» аз ҷониби С.Б.Бону-Лохутӣ ва М.Лозинский мебошад. Муаллиф дар мисоли 6 байт аз достони «Рустам ва Сӯҳроб» бо истифода аз усули таҳлили муқоисавӣ дар асоси меъёрҳои таҳияшудаи баҳодихии сифати тарҷумаҳо дар мавриди баробарии эстетикӣ тарҷумаҳо ба асл ба ҳулосаҳои объективӣ меояд. Дар баробари ин дар мақола риояи вазн, баробарии мисраъ, мувозинат, каденсия, пайвастигии кофия ва навҳои он, вижагиҳои эвфония, вижагиҳои мувофиқати лугавӣ ё набудани онҳо, хусусиятҳои тарҷумани услуби лугавӣ ва синтаксисӣ (санъатҳои бадеӣ, аъзоҳои ҷидаи ҷумла), намудҳои гуногуни трансформатсия, ба даст овардани образнокӣ, таъсири эмотсионалӣ ва эстетикӣ ва ғ. ба назар гирифта мешавад. Оиди ҳар як мисраъ мулоҳизаҳои мушаххас баён шуда, хусусиятҳои умумии тарҷумаҳо ва асл муайян карда шуда, фарқияти онҳо дар параметрҳои меъёрҳои зикршуда муайян карда мешаванд. Мавқеҳои назариявии баёншуда бо мисолҳо аз матнҳо тасдиқ карда мешаванд, онҳо мушаххас ва далелҳо боварибахшанд. Муаллифи мақола ҳангоми муқоисаҳо на танҳо ба сатрҳои таҳлилшаванда, балки ба маводи илмӣ ва иқтибосҳо аз асарҳои мавзӯи таҳқиқот таъя мекунад.

Вожаҳои калидӣ: “Шоҳнома”; А.Фирдавсӣ; Ҷ.Б.Бону-Лохутӣ; М.Лозинский; тарҷума; эквиритмия; баробарии мисра; байт.

УДК 070: 316. 774: 654. 1 (47+57)

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Батенкова Елена Викторовна

Аспирант кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 13
ms.batenkova@inbox.ru

В статье рассматриваются особенности появления и развития пресс-конференций на постсоветском пространстве. Исследуется роль пресс-конференций как инструмента публичной коммуникации между государственными структурами, средствами массовой информации и обществом. Уделяется внимание нормативно – правовой базе, обеспечивающей проведение пресс-конференций для СМИ в Таджикистане и берущей начало с 2005 года, когда был принят Указ Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона. Подчёркивается уникальность Таджикистана в проведении подотчётных, итоговых пресс-конференций, обеспечивающих механизм прозрачности работы государственных структур. Проведён сравнительный анализ практик России, Беларуси, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, отмечены некоторые их особенности. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении эволюции пресс-конференций в контексте постсоветской трансформации и введении малоизученного таджикского материала в научный оборот.

Ключевые слова: СМИ; пресс-конференция; коммуникация; государственные структуры; обеспечение прозрачности; информация.

При рассмотрении темы пресс-конференций в качестве инструмента публичной коммуникации возникает множество вопросов, которые касаются глобальных изменений и событий, произошедших в государствах постсоветского пространства в 21 веке и сильно влияющих на развитие современного общества. О каких факторах идёт речь?

Прежде всего, это политические перемены, увеличение числа военных конфликтов, гонка вооружения и борьба за мировое влияние, а также экономические и гуманитарные кризисы, экологические катаклизмы, распространение крупномасштабной мировой пандемии.

Нынешнее столетие можно с уверенностью охарактеризовать не только как период развития инноваций, технических открытий, прогресса в медицине и науке, но и повсеместно стремительного распространения информации.

Все эти изменения и явления непосредственно касаются деятельности правительств и чиновников, развития общества, каждого человека в его повседневной жизни.

Этого мнения придерживается Иммануэль Валлерстайн, который утверждает, что социум первой половины 21 века по своей сложности и своей неустойчивости, а вместе с тем и открытости превзойдет всё виденное нами в 20 веке [5, с.4].

В этом контексте проявляется важная роль средств массовой информации, которые выступают в качестве транслятора полноценной, достоверной и своевременной информации. В целом можно сказать, что СМИ формируют общественное мнение о тех или иных событиях и их изучение обуславливается рядом причин.

Уместно отметить, что сегодня многие исследователи характеризуют глобализирующееся общество как информационное, то есть информация затрагивает все стороны жизни людей.

Н.Гурьянов и А.Гурьянова утверждают, что данные и информация являются основополагающими ресурсами современной цивилизации и сравнивают их с «новой нефтью» 21 века [6, с. 65].

Особенностью работы современных СМИ является их взаимодействие с представителями пресс-центров, обеспечивающее основные факторы журналистской деятельности – сбор, оперативное и достоверное распространение качественной информации, открытость государственных и частных структур, что особенно важно в определённых ситуациях, как, например, в кризисной. К тому же это взаимодействие в условиях информационного общества, по мнению А.Рахимова и Р.Сохибназарбековой, позволяет обеспечивать информационную безопасность. Ссылаясь на аналитическую статью Д.Назриева учёные указывают на особую задачу пресс-центров, которые обязаны своевременно и оперативно публиковать информацию и необходимость сотрудничать с таджикскими и зарубежными СМИ [12].

В.Королько отмечает, что СМИ являются важнейшим каналом выхода на аудиторию. Важнейшими мероприятиями для СМИ он называет, брифинги, пресс-туры, тематические образовательные семинары, пресс-завтраки, эксклюзивные интервью, видеоконференции и телемосты. В этот список входят и пресс-конференции [9, с.281].

Пресс-конференция как один из форматов PR (public relations) является современным инструментом получения журналистами информации и ее распространения среди широкой аудитории.

Согласно определению Большого энциклопедического словаря, пресс-конференция – это собрание представителей средств массовой информации, проводимое официальными лицами с целью информирования по актуальным вопросам; встреча государственных, общественных деятелей, ученых и др. с журналистами для беседы и ответов на их вопросы [4].

В своей статье «Типология пресс-конференций в зависимости от их персуазивного потенциала» российская журналистка К.Ларина даёт следующее опреде-

ление пресс-конференции: «пресс-конференция является комплексным протокольным мероприятием, проведение которого зависит от многочисленных внешних и внутренних факторов: регламента, места проведения, тематики, уровня подготовленности оратора и его целей» [11 с.70].

Главным условием для ее проведения является информационный повод, которым могут служить подведение итогов работы министерств и различных учреждений, значимое событие или кризисная ситуация и т.д. При этом журналисты всегда должны помнить, что проведение самой пресс-конференции не является информационным поводом для написания того или иного материала.

Создаваемый в ходе такой встречи диалог с должностными лицами, позволяет журналистам получать достоверную и своевременную информацию, задавать вопросы, интересующие общество, уточнять детали, поднимать актуальные проблемы, а также налаживать контакты.

Изучая различные взгляды исследователей, таких как А.Марков, В.Королькои других можно сделать вывод, что пресс-конференции являются одним из неизменных условий публичных коммуникаций в продвижении государственной политики, политической и общественной идеологии, установления доверительных отношений между государственными министерствами и ведомствами, представителями предпринимательства, частных компаний, средствами массовой коммуникации, а также обществом.

В свою очередь В.Королько отмечает, что информацию до СМИ можно донести при помощи различных средств коммуникации, в этот список входят и пресс-конференции [9, с.281].

Исследования в этом направлении имеют важнейшее значение для связей с общественностью. Это обусловлено важностью отслеживания процесса PR-деятельности от ее начала, т.е. на стадии сбора информации и прогнозирования, и до ее окончания, то есть оценки эффективности.

Пресс-конференция, как форма коммуникации, была внедрена в начале 20 века в США, где также появились первые PR-агентства. Также в 1900 году в Бостоне открылось первое в мире пиар-агентство «PublicityBureau», а в 1904 году – агентство Айви Ли [16, с.85].

Президент США Теодор Рузвельт в начале 1900-х, стал одним из первых политических деятелей, кто активно использовал пресс-конференции для управления общественным мнением. Он модернизировал пресс-центр Белого дома и встречался с журналистами для продвижения своей политической повестки¹.

За годы своего руководства Соединенными Штатами Америки Ф.Рузвельт провёл 998 пресс-конференций, в среднем в год доходило до 83-х пресс-конференций. Это позволило президенту наладить взаимосвязь с вашингтонскими журналистами [13, с.27].

Проведение первых пресс-конференций в мировой практике относится к концу XIX века, когда начинают развиваться массовые коммуникации и газет-

¹How Teddy Roosevelt Invented Spin. URL: https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/01/how-teddy-roosevelt-invented-spin/426699/?utm_source=chatgpt.com

ный бизнес. Пресс-конференции становятся важным инструментом в диалоге между политиками, государственными деятелями, предпринимателями и журналистами.

С развитием PR и исследований общественного мнения в США в 1920-х годах эти методы распространились по всему миру. Работы таких исследователей, как Уолтер Липман и Эдвард Бернайс, сыграли важную роль в формировании современной системы публичных коммуникаций.

Вопрос о развитии пресс-конференций и PR в государствах СНГ и Центральной Азии остаётся открытыми и не изученным, несмотря на то, что они развиваются и проводятся не первый десяток лет.

Как показывают исследования ряда авторов, начало развития PR и рекламы в журналистике СНГ восходит к концу 1980 годов и до середины 1990 годов, когда с распадом Советского Союза меняется политическая система и начинают развиваться демократические принципы.

До этого периода во всех союзных республиках существовала строгая и регламентированная система распространения информации, обеспечивающая управление идеологией. Ряд учёных описывают её как строгую иерархическую структуру. Они отмечают подчинение всех СМИ Комитету по делам печати, который был всесоюзным контрольным органом, деятельность электронных СМИ контролировалась Комитетом по телевидению и радио. Велся строгий кадровый и идеологический контроль за деятельностью СМИ со стороны отдела агитации и пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза [5, с.30].

С обретением государственной независимости республиками бывшего СССР начинается происходить трансформация журналистики из партийно-идеологической в адаптирующуюся к происходящим событиям в каждом отдельном государстве. Реорганизуется работа государственных структур, появляются первые пресс-центры, меняется подход к работе корреспондентов и восприятие аудитории к информации, активно начинают проводиться публичные выступления.

Важную особенность того периода отмечает И.Блохин: «в период перестройки (1985-1991г.) условия существования советского общества кардинально изменились, что явным образом сказалось на состоянии журналистики, общественных наук и образовании. Процессы демократизации активизировали дискуссии о роли масс в социальном управлении, политика гласности привела к росту влияния журналистики на массовое сознание и приобретению ею функциональных свойств социального института» [2, с.98].

У каждого государства был свой идентичный путь к развитию СМИ, PR и рекламы. Однако важно отметить, что в Таджикистане, в отличие от других государств, где в этот период происходило планомерное формирование государственности, правительств и государственных структур, шла пятилетняя гражданская война, заблокировавшая все сферы жизнедеятельности, в том числе и полноценную работу СМИ.

Этот период в нынешних государствах можно также охарактеризовать как время принятия законов о СМИ, свободе слова, прессе и другие.

В Российской Федерации официальных документов, обязывающих руководителей министерств и ведомств проводить отчётные или итоговые пресс-конференции с установленной периодичностью и в каком-то строго определённом порядке, нет.

Борис Грушин, заместитель руководителя российского информационного агентства ТАСС, отметил, что всё зависит от необходимости публичных разъяснений, информационной повестки дня и ситуации в целом. Во-первых, это связано с учётом географических особенностей этой большой страны, состоящей из 8 федеральных округов. Вопрос о проведении пресс-конференций решается на уровне каждого отдельного округа самостоятельно. Во-вторых, каждое министерство и ведомство самостоятельно решает, когда проводить отчётную пресс-конференцию или не проводить вообще. Строгого графика их проведения нет.

Одним из довольно ярких и регулярных событий для прессы в современной России является пресс-конференция президента Российской Федерации Владимира Путина, которая ежегодно проводится с 2001 года и по сей день, за исключением 2005 года¹.

Во многих государствах мира сегодня лидеры используют проведение пресс-конференций как один из методов коммуникации с прессой.

Анализируя проведение Президентом Российской Федерации ежегодной большой пресс-конференции Г.Борщевский отмечает, что ежегодные пресс-конференции проводят канцлер Германии, президенты США, Франции и других стран. Рекордными по продолжительности стали пресс-конференции президента Украины В.Зеленского в 2019 г. (более 14 часов), президента Венесуэлы У.Чавеса (почти восемь часов), президента Белоруссии А.Лукашенко (более семи часов). Самая длительная пресс-конференция Президента России в 2008 г. заняла менее пяти часов.

В отличие от зарубежных стран, в России ранее не проводился анализ пресс-конференций главы государства за длительный период [3, с.126].

2009 год стал для белорусских журналистов знаменательным, так как именно тогда была сделана попытка усовершенствовать работу СМИ. Согласно указу Президента Республики Беларусь министерствам и ведомствам было поручено создать пресс-службы, ввести должность пресс-секретаря.

Как и в России в Беларуси каждое министерство и ведомство имеет свой график проведения пресс-конференций [1].

В 2015 году вопрос о регулярности пресс-конференций в Беларуси был поднят во время встречи Президента этой страны с представителями СМИ. Тогда один из журналистов заявил о закрытости чиновников для прессы. В ответ на

¹ Пресс-конференции и прямые линии Владимира Путина: форматы, цифры, рекорды. URL: <https://news.mail.ru/politics/64121106/>

высказывание журналиста чиновников, представляющих министерства и ведомства, обязали ежеквартально проводить встречи со СМИ¹.

Традиция организации пресс-туров российских журналистов по Беларуси с проведением для них пресс-конференции Главы государства началась в 2003 году.

Особенностью президентских пресс-конференций в Беларуси является их длительность. Если в первые годы они длились в среднем около 5 часов, то в 2015 году она продлилась 7 часов 7 минут, не дотянув трёх минут до рекорда бывшего кубинского лидера Фиделя Кастро в 1986 году².

Апофеозом законодательного творчества в годы «горбачевской» перестройки в Казахстане стал Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», принятый 1 августа 1990 года. Ценность этого документа в том, что он отменил предварительную цензуру печати и государственную монополию на право учреждения новых средств массовой информации. Действительно, по прогрессивности и демократичности значение закона трудно переоценить, он стал основополагающей базой для развития свободных демократических СМИ на всем постсоветском пространстве [8, с.82].

В другом государстве постсоветского пространства – Казахстане до 2024 года руководители министерств и ведомств регулярно отчитывались перед средствами массовой информации, проводя пресс-конференции и брифинги. Эти мероприятия обычно организовывались после заседаний правительства и были посвящены различным вопросам государственной политики.

В августе 2024 года были введены изменения в формат взаимодействия с прессой. Журналистам ограничили доступ к залу заседаний кабинета министров. По заявлению пресс-секретаря премьер-министра Диляры Аленовой, это было сделано для повышения оперативности и эффективности работы министров, а также в соответствии с указом о деbüroкратизации.

В свою очередь, для доступа журналистов к информации государственные органы Казахстана обязали публиковать отчёты о своей деятельности на открытом портале. Открытая публикация отчётов, по мнению казахских специалистов, должна помочь сделать работу госорганов прозрачной и подотчётной обществу. Периодичность проведения пресс-конференций министерств и ведомств Казахстана также не регламентирована единым графиком и может варьироваться в зависимости от конкретного государственного органа и актуальности обсуждаемых тем³.

¹ Белорусские чиновники и СМИ: есть ли контакт?[Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://aif.by/press-centr/articpress/beloruskie_chinovniki_i_smi_est_li_kontakt

² Александр Лукашенко провёл пресс-конференцию для представителей российских СМИ. URL: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-provel-press-konferentsiju-dlia-predstavitelei-rossijskix-smi-5013>

³ Казахстанским журналистам ограничивают доступ к чиновникам. Что происходит? URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazhstanskim-jurnalistam-ogranichivayut-dostup-chinovnikam-547222/?utm_source=chatgpt.com

Проанализировав ряд государственных и частных СМИ, уместно отметить, что в Казахстане президенты в разное время в зависимости от политического и международного положения проводили пресс-конференции со СМИ, собирая большое количество отечественных и зарубежных журналистов, тем не менее, регулярными их охарактеризовать нельзя.

Последний и ныне действующий президент Казахстана Касым Жомарт-Токаев первую свою большую пресс-конференцию провёл в 2019 году, сразу после назначения на свою должность. С 2022 года этот формат общения со СМИ был прекращён.

В Узбекистане вопрос о проведении чиновниками пресс-конференций перед СМИ рассмотрели в 2006 году. Было принято постановление кабинета министров Республики Узбекистан о мерах по развитию связей с общественностью органов государственного и хозяйственного управления, где была отмечена формулировка: практиковать проведение информационными службами регулярных (не реже одного раза в месяц) пресс-конференций, брифингов с представителями отечественных и зарубежных средств массовой информации¹.

В 2021 году был издан ещё один Указ Президента Республики Узбекистан – «О дополнительных мерах по обеспечению открытости деятельности государственных органов и организаций, а также эффективной реализации общественного контроля», согласно которому Агентство по противодействию коррупции совместно с Министерством юстиции и другими ведомствами должны регулярно вносить предложения в Администрацию Президента по расширению перечня социально значимой информации, размещаемой в открытом доступе Указ Президента Республики Узбекистан.

В указе отмечается, что для государственных органов и организаций установлены такие ежегодные обязательства, как, например, до 1 марта размещать на своих сайтах отчёты о своей деятельности, кроме секретных, информировать до 10 марта о времени и месте обсуждения отчётов и до 1 апреля проводить пресс-конференции для их обсуждения в более широком формате.

В 2022 году в Узбекистане было введено новое требование для представителей государственных органов о предоставлении информации о социально значимой и обязательно открытой информации².

Правительством Кыргызской Республики было опубликовано распоряжение от 15 июня 2012 года и утверждён график ежегодно проводимых встреч руководителей государственных органов, органов местного самоуправления, открытых акционерных обществ «Северэлектро», «Востокэлектро», «Жалалабатэлектро», «Ошэлектро», «Кыргызгаз», «Кыргызтелеком», «Бишкектеплосеть» с представителями гражданского общества, организуемых Общественным объединением социальной защиты населения имени

¹О мерах по развитию связей с общественностью органов государственного и хозяйственного управления: постановление. URL: https://med.uz/rpc/handbook/detail.php?ELEMENT_ID=1892&IBLOCK_ID=20&ysclid=m9s54uq6ns22912379

²<https://lex.uz/ru/docs/5459053>

Л.М.Фомовой, по обсуждению социально-экономических вопросов и принятию соответствующих мер по их решению согласно приложению¹.

Например, согласно этому графику, в 2022 году отчетная неделя руководителей государственных органов за первое полугодие 2022 года, широко освещалась в СМИ².

Кроме того, в ряде СМИ в 2022 году можно найти информацию о том, что кыргызских чиновников обязали отчитаться перед народом посредством социальных сетей Facebook и Instagram с уточнением графика³.

Практика встреч Президентов Кыргызстана А.Атамбаева, С.Жээнбекова с представителями СМИ была периодической, однако последний президент Садыр Жапаров изменил эту традицию, проведя всего одну пресс-конференцию в 2021 году.

Если в России понятие PR и рекламы вошло в обиход в конце в 90-х годов, то в Таджикистане и некоторых других постсоветских странах оно стало популярным, чуть позже по ряду объективных причин. В Таджикистане это обусловлено нестабильной обстановкой. В тот период действовал Закон Республики Таджикистан «О периодической печати и других средствах массовой информации» от 1990 года. В 2013 году его заменил Закон «О периодической печати и других средствах массовой информации». Кроме того, в 1994 году в статье 30 Конституции закреплены гарантии на свободу слова, печати, и пользование средствами информации [7, с.39]⁴.

Как возникли пресс-конференции в Таджикистане и какое получили развитие в годы государственной независимости, какое значение приобрели для государственных и частных структур, помогают ли они решать вопросы общественного мнения, кризисных ситуаций и укрепления прозрачности в государственном управлении? Эти и другие вопросы, касающиеся проведения пресс-конференций, начиная с 2005 года и до настоящего времени, не исследовались научным сообществом и не были ни разу объектом изучения за прошедшие 20 лет их проведения. Не исследовались мнения журналистов, представителей пресс-центров и самих чиновников по поводу их эффективности.

В Таджикистане появление пресс-конференций напрямую связано с обретением государством независимости, развитием государственных и независимых СМИ, свободой слова, доступом к информации, созданием пресс-

¹ Распоряжение Правительства Кыргызской Республики от 15 июня 2012 года № 274-р. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31211127&ysclid=mi763jrmey908653273

² Началась отчетная неделя руководителей государственных органов за первое полугодие 2022 г. URL: https://www.gov.kg/ru/post/s/21643-mamlekettik-organdardyn-zhetekchilerinin-2022-zhyldyn-birinchi-zharvm-zhyldygy-chn-otchettuk-zhumalgyv-bashtaldy?utm_source=chatgpt.com

³ Госорганы будут отчитываться о своей работе перед бизнесом и населением в Facebook и Instagram. URL: <https://economist.kg/novosti/2022/08/18/gosorgany-budut-otchityvatsya-o-svoej-rabote-pered-biznesom-i-naseleniem-v-facebook-i-instagram/>

⁴ Журналисты в Таджикистане хотят изменить систему проведения пресс-конференций. URL: <https://media.tj/strong-zhurnalisty-v-tadzhikistane-xotyat-izmenit-sistemu-provedeniya-press-konferencij-strong/>

центров и необходимостью обеспечения полноценного доступа журналистов к информации.

Важно отметить, что проведение пресс-конференций получило значительное развитие в государственном секторе, где они стали неотъемлемой частью коммуникационной стратегии. Государственные органы, ведомства и официальные лица активно используют пресс-конференции как инструмент для информирования общественности о ключевых событиях, политических решениях и экономических изменениях. Это позволяет обеспечить прозрачность работы правительства, повысить доверие к власти и дать ответы на актуальные вопросы граждан и журналистов.

В частных компаниях пресс-конференции проводятся реже, и их использование ограничено маркетинговыми и PR-целями, такими как презентации новых продуктов или услуг. Частные компании чаще всего предпочитают более гибкие и менее формальные формы коммуникации – пресс-релизы, интервью с топ-менеджментом или участие в специализированных отраслевых мероприятиях. Это связано с тем, что в сфере бизнеса акцент делается на оперативности и целенаправленности в общении с целевой аудиторией, а не на формальных встречах с журналистами, как в государственном секторе.

Пресс-конференции в министерствах и ведомствах, организациях и предприятиях, местных исполнительных органах государственной власти по итогам каждого квартала начали проводиться в соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан об организации и проведении пресс-конференций от 4 марта 2005 года.

2 июня 2005 года под председательством Президента Эмомали Рахмонова состоялось заседание правительства Республики Таджикистан на котором в целях обеспечения прозрачности деятельности правительства в части использования средств бюджета и кредитов глава государства в очередной раз обязал руководителей министерств и ведомств наладить сотрудничество со СМИ, обеспечив проведение пресс-конференций и прямых телефонных разговоров с представителями средств массовой информации на подобающем уровне[15].

В комментарии пресс-службы Президента Республики Таджикистан от 7 февраля 2009 года, опубликованном на сайте Национального информационного агентства Таджикистана «Ховар», отмечается, что организация и проведение пресс-конференций в министерствах и ведомствах, учреждениях и предприятиях, местных исполнительных органах государственной власти по итогам каждого квартала по тому времени в Содружестве Независимых Государств не имело своего аналога. Автор комментария отмечает, что деятельность свободных СМИ невозможна без критики и анализа актуальных вопросов. СМИ Таджикистана осознают эту функцию, регулярно публикуя критические материалы по важным темам.

Согласно Закону Республики Таджикистан «Об обращениях граждан», обращения в СМИ должны рассматриваться в соответствии с законодательством.

Однако, несмотря на это, многие критические материалы остаются без ответа от министерств, ведомств и местных властей. Это затрудняет эффективное сотрудничество СМИ и государственных органов, что важно для разьяснения кризисных ситуаций и предотвращения их последствий, что и стало основанием для подписания Указа Президента Республики Таджикистан [10].

Со временем периодичность проведения пресс-конференций в Таджикистане изменилась. Она была скорректирована по предложению главы государства Эмомали Рахмона, и ежеквартальные пресс-конференции стали полугодовыми.

Это решение журналистским сообществом было воспринято по-разному. Комментируя такое решение президента страны, председатель Национальной Ассоциации независимых СМИ Таджикистана Нуриддин Каршибаев заявил, что, хотя ежеквартальные конференции напоминали своеобразный отчет руководителей министерств и ведомств, но, во всяком случае, журналисты могли получить ответы на отдельные актуальные темы¹.

Издание «DeutscheWelle» в октябре 2011 года в своём материале «Таджикистан: СМИ и власть стали дальше друг от друга» пишет, что некоторые журналисты отнеслись к этому спокойно, другие восприняли как потерю: их лишили возможности получать информацию из первоисточника.

Журналист Исмаил Курбанов неоднозначно оценил отмену ежеквартальных пресс-конференций министров. Он отметил, что такие встречи помогали журналистам, но иногда приводили к абсурдным ситуациям, когда чиновники утверждали, что вопросы нужно было задать заранее. Курбанов также рассказал, что на квартальных пресс-конференциях министры тратят половину времени на зачитывание статистики, оставляя мало времени для вопросов, что затрудняло полноценное общение с прессой.

По мнению преподавателя отделения журналистики Таджикско-Российского (славянского) университета Шаходат Саибназаровой, сама идея обязательных встреч министров с журналистами была интересной. Но вместо того, чтобы развить эту инициативу, поступили наоборот. «Такой формат общения власти с прессой не практиковался больше нигде в Центральной Азии. Можно было перейти на ежемесячные встречи или проводить тематические брифинги», - отметила она.

Журналисты поделились с автором статьи и сошлись во мнении, что отмена квартальных пресс-конференций ослабит информационное общество, так как они были полезны как для чиновников, так и начинающих репортеров, а также выразили надежду, что власти найдут альтернативу для обеспечения информационной безопасности. Если у журналиста нет официальной информации, он вынужден прибегать к иным источникам. Так появляются слухи.

¹ Журналисты в Таджикистане хотят изменить систему проведения пресс-конференций. URL: <https://media.tj/strong-zhurnalisty-v-tadzhikistane-xotyat-izmenit-sistemu-provedeniya-press-konferencij-strong/>

Наверное, властям лучше самим возглавить поток информации, нежели идти в нем в роли аутсайдера, занимаясь только опровержением тех или иных данных¹.

Из сказанного вытекает, что сегодня пресс-конференции играют важную роль в глобализирующемся мире как важное звено, связывающее представителей правительств, чиновников. Они делают работу ответственных лиц прозрачнее и выступают в качестве удобной платформы для диалога. Это особенно важно в современном мире, так как доверие общества к, например подотчётности, постоянно колеблется и нуждается в постоянном подтверждении официальных данных или позиции государства по тем или иным вопросам. В этом контексте следует, что государственные министерства и ведомства также зависят от СМИ, как и СМИ зависят от их желания взаимодействовать.

Развитие журналистики в странах СНГ и проведение пресс-конференций имеют как свои закономерности, так и кардинальные отличия. Как показывает анализ, практически во всех государствах постсоветского пространства с разной периодичностью используются пресс-конференции для распространения той или иной оперативной информации, будь то политические кампании, подведение итогов деятельности президента, министерства или ведомства, определённое событие, кризисная ситуация.

В качестве закономерности пресс-конференций, которая прослеживается на протяжении десятилетий их проведения, можно выделить информирование общества, формирование культурных и идеологических ценностей при условии качественной организации.

Средства массовой информации как «четвёртая власть» не только передают или принимают информацию, но и оказывают своё воздействие на людей, и в этом контексте пресс-конференции являются каналом распространения информации среди широких масс и отражением позиции или достижений государства. Эффективно проведенная пресс-конференция способна задать тон общественной дискуссии, направить внимание аудитории на определенные проблемы и предложить варианты их решения. Она является платформой для трансляции экспертных мнений, анализа текущей ситуации и прогнозирования дальнейшего развития событий. Успех пресс-конференции определяется не только содержанием представленной информации, но и профессионализмом спикеров, умением аргументированно отстаивать свою точку зрения и готовностью к открытому диалогу с журналистами.

Важно отметить, что пресс-конференции, особенно те, которые транслируются на национальном или международном уровне, играют ключевую роль в формировании имиджа страны или организации. Они позволяют продемонстрировать открытость, готовность к сотрудничеству и транспарентность в принятии решений. В конечном итоге, качественно организованная пресс-конференция

¹ Журналисты в Таджикистане хотят изменить систему проведения пресс-конференций. URL: <https://media.tj/strong-zhurnalisty-v-tadzhikistane-xotvat-izmenit-sistemu-provedeniya-press-konferencij-strong/>

укрепляет доверие общественности и способствует созданию позитивного информационного поля вокруг представляемой структуры.

Литература

1. Альшевская С. Пресс-службы органов государственного управления: динамика и современное состояние [Электронный ресурс] / С.Альшевская, А.Колик, И.Сидорская // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. – Минск, 2017. – №2. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36665987&vsclid=ml6tzinszh678200338>
2. Блохин И. Теория журналистики в России. – СПб, 2018. – 254 с.
3. Борщевский Г. Аксиологическая функция пресс-конференций президента в публичной политике современной России // Политическая наука. – М., 2022. – №3. – С.122-143.
4. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1slovar.ru/enc/161575-press-konferenciya/#source_2
5. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2004. – 155 с.
6. Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. – М., 2020. – №3. – С.63-69.
7. Зардова О. Русскоязычные СМИ Республики Таджикистан и вопросы связи с общественностью в условиях государственной независимости: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Зардова Ориёна. – Душанбе, 2014. – 27 с.
8. Калиаждарова Ш. СМИ в новейшей истории независимого Казахстана: этапы развития и перспективы // Studia Culturae. – СПб., 2018. – Вып. 38. – С.77-90.
9. Королько В. Основы публик рилейнз. – М., 2000. – 585 с.
10. Комментарий пресс-службы Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2009/02/kommentarij-press-sluzhbv-prezidenta-respubliki-tadzhikistan/?vsclid=ml6w14nnrm532863346>
11. Ларина К., Борисова Е. Типология пресс-конференций в зависимости от их персуазивного потенциала // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – М., 2023. – Вып. 12 (880). – С.69-76.
12. Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (26-27 октября 2018 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Olga-Putina-2/publication/364088126_Edinicy_kommunikacii_k_voprosu_o_definicii/links/63388f47ff870c55cef0a8a0/Edinicy-kommunikacii-k-voprosu-o-definicii.pdf
13. Малаховский А. Особенности взаимоотношений администрации президента Ф.Рузвельта и прессы в годы «нового курса». – М., 2016. – С.26-29.
14. Рихтер А.Г. Свобода массовой информации в постсоветских государствах: регулирование и саморегулирование журналистики в условиях переходного периода: автореф. дис. ... автореф. д-ра филол. наук: 10.01.10 / Рихтер Андрей Георгиевич. – М., 2007. – 60 с.
15. Таджикистан: СМИ и власть стали дальше друг от друга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1317829320>
16. Шумович А. Великолепные мероприятия: технологии и практика event-management. – М., 2006. – 268 с.

PRESS CONFERENCES AS A TOOL OF PUBLIC COMMUNICATION IN THE COUNTRIES OF THE POST-SOVIET SPACE

Batenkova Elena Viktorovna

Postgraduate student of the chair of national and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 13
ms.batenkova@inbox.ru

The article deals with the emergence and development of press conferences in the post-soviet space. The role of press conferences is examined as an instrument of public communication between state institutions, the mass media, and society. Particular attention is paid to the regulatory and legal framework governing the organization of press conferences for the media in Tajikistan, which dates back to 2005, when a presidential decree of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon was adopted. The uniqueness of Tajikistan's practice of conducting accountable and outcome-oriented press conferences that serve as a mechanism for ensuring transparency in the activities of state institutions is emphasized. A comparative analysis of practices in Russia, Belarus, Uzbekistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan is conducted, highlighting specific national features. The novelty of the research lies in its comprehensive examination of the evolution of press conferences within the context of post-Soviet transformation and in introducing previously underexplored Tajik material into academic discourse.

Keywords: mass media; press conferences; communication; state institutions; transparency; information.

НИШАСТҲОИ МАТБУОТӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ МУОШИРАТИ ҶАМӢЯТӢ ДАР КИШВАРҲОИ ПАСОШӢРАВИ

Батенкова Елена Викторовна

Аспиранти кафедраи журналистикаи миллӣ ва байналмилалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 13
ms.batenkova@inbox.ru

Дар мақола хусусиятҳои пайдоиш ва рушди нишастҳои матбуотӣ дар фазои пасошӯравӣ баррасӣ карда мешаванд. Нақши нишастҳои матбуотӣ ҳамчун воситаи муоширати оммавӣ байни сохторҳои давлатӣ, васоити ахбори омма ва ҷомеа таҳқиқ карда мешавад. Ба заминаи меъриёи ҳуқуқӣ, ки баргузори нишастҳои матбуотиро барои ВАО дар Тоҷикистон таъмин менамояд ва аз соли 2005, вақте ки Фармони Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон Эмомали Раҳмон қабул шуд, оғоз меёбад, диққат дода мешавад.

Дар баргузории нишастҳои матбуотии ҳисоботӣ ва ҷамъбасти, ки механизми шаффофияти кори сохторҳои давлатиро таъмин мекунад, беназирии Тоҷикистон таъкид карда мешавад. Таҳлили муқоисавии таҷрибаҳои Русия, Беларус, Узбекистон, Қазоқистон, Қирғизистон гузаронида шуд, баъзе хусусиятҳо қайд карда шуданд. Навоварии тадқиқот аз баррасии ҳамачонибаи таҳаввули нишастҳои матбуотӣ дар заминаи тағирёбии пасошӯравӣ ва ҷалби маводи кам омӯхташудаи тоҷикӣ ба гардиши илмӣ иборат аст.

Калидвожаҳо: ВАО; нишастҳои матбуотӣ; коммуникатсия; сохторҳои давлатӣ; таъмини шаффофият; иттилоот.

УДК 070:004.9:342.518

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Касымова Лайло Тоирджоновна

Аспирант кафедры отечественной и международной журналистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 13
lailo_toiri@mail.ru

В статье рассматриваются процессы цифровизации в Республике Таджикистан с акцентом на внедрение электронного правительства и развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Проведён исторический и нормативный анализ формирования цифровой политики в стране, начиная с конца XX века и до настоящего времени. Выявлены достижения в данной сфере, включая расширение телекоммуникационной инфраструктуры, запуск государственных цифровых платформ и принятие стратегических документов. Отмечены проблемы, связанные с недостаточной активностью официальных интернет-ресурсов, неполной языковой адаптацией контента и разрывом между нормативной базой и её реализацией. Сформулированы выводы о необходимости дальнейшего развития инфраструктуры, совершенствования законодательных механизмов и повышения цифровой грамотности населения.

Ключевые слова: цифровизация; электронное правительство; информационно-коммуникационные технологии; Таджикистан; цифровая экономика; государственные услуги.

За последние два года (2024-2025) в Таджикистане произошли, можно сказать, знаковые события в плане развития цифровизации и доступа к информации как населения, так и СМИ.

Ряд аналитиков и экспертов сходятся во мнении, что именно в этот период произошли кардинальные изменения в развитии и доступе к интернету и в доступе к информации и услугам, которые продолжают и поныне, набирая обороты и вырисовывая новые контуры цифровой культуры социально-экономических и информационных взаимоотношений в Таджикистане.

Хушбахт Абдуджаборзода в своей научной статье: «Цифровая трансформация, поддержка инновационных технологий и развитие инфраструктуры ИКТ откроют новые горизонты для экономического роста и повышения качества жизни граждан... Реализация данной инициативы требует комплексного подхода и взаимодействия всех секторов общества, государственного и частного секторов, а также активного международного сотрудничества. Таджикистан делает уверенные шаги на пути к цифровому будущему, стремясь стать конкурентоспособной страной с развитыми цифровыми и инновационными инфраструктурами, что бу-

дет способствовать процветанию экономики, улучшению качества образования и повышению уровня жизни населения» [1, с.63].

Анализируя динамику развития цифровизации в стране в статье «Цифровизация – ключ к будущему», опубликованной 4 января 2025 года в «Народной газете», Баходурхон Бабаджанов говорит о том, что только в 2024 году свыше 70 процентов государственных услуг в республике переведены в электронный формат деятельности. Это, в свою очередь означает, что взаимодействие государственных министерств и ведомств с гражданами существенно упрощено¹.

Безусловно, руководство Таджикистана отчётливо понимает веяния эпохи и осознанно выбирает путь развития электронного правительства как одного из ключевых направлений развития, которое должно обеспечить прозрачность управления, повышая эффективность государственных услуг и содействуя интеграции в глобальное цифровое пространство.

В статье также приводится следующая статистика: «За последние годы в Таджикистане было построено более 20 тысяч километров оптоволоконных линий связи, что обеспечило доступ к интернету даже в отдаленных регионах. Около 80 процентов школ и вузов Таджикистана были подключены к высокоскоростному интернету, что позволило внедрить современные методики обучения»².

Следовательно, таких высоких показателей за столь короткий срок удалось достичь только благодаря тому, что руководством страны были приняты, своевременные, можно даже сказать экстренные, кардинальные и существенные меры.

С целью внедрения и всестороннего использования цифровых технологий и расширения инновационных процессов в различных сферах экономики 28 декабря 2024 года Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в ходе своего Послания «Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Таджикистан» объявил 2025-2030 годы «Годами развития цифровой экономики и инноваций». В послании Глава страны отметил: «Для устойчивой цифровизации национальной экономики и формирования её технологической основы необходимо ускорить реформы в сфере связи и обеспечить поэтапный переход на цифровую экономику и цифровые услуги во всех сферах». Эмомали Рахмон³.

На базе предпринимаемых усилий и принятых решений политики цифрового развития в 2024 году было создано Агентство инноваций и цифровых технологий при Президенте Республики Таджикистан. Целью данного агентства является непосредственное укрепление институциональных основ цифровой экономики, цифровизации отраслей национальной экономики, развития информационно-коммуникационной инфраструктуры в стране и ускорения процесса реализации «электронного правительства».

¹ [cifrovizacija-kliuch-k-budushhemu](https://narodnaya.tj/2025/01/04/cifrovizacija-kliuch-k-budushhemu/). URL: <https://narodnaya.tj/2025/01/04/cifrovizacija-kliuch-k-budushhemu/>

² Там же.

³ Послание к Парламенту. 21 декабря 2021 года.

В то же время одной из значимых мер, которая поспособствовала обеспечению доступа населения к информации и её распространению было создание единого государственного интернет-портала «eHukumat.tj», представляющего собой единую информационно-коммуникационную сетевую инфраструктуру. На 20 августа 2025 года в портале уже объединено в общем сайты 7 министерств, 32 комитетов, агентств и других госорганов, а также 8 органов местной государственной власти.

Согласно проведенному исследованию по данному вопросу, при создании единой информационно-коммуникационной сетевой инфраструктуры следует учесть, что в различных странах данный процесс имеет свои особенности, то есть если в одних государствах он реализуется через государственную систему связи и интернета, то в других – через единую цифровую платформу государственных услуг или интегрированную телекоммуникационную сеть, находящуюся под управлением государства.

Например, в России для органов власти действует Единая государственная сеть передачи данных, в Беларуси, Казахстане и Узбекистане пользуются едиными государственными платформами электронного правительства.¹

По этому поводу 1 сентября 2025 года в Тяньцзине Китайской Народной Республике по итогам Саммита ШОС была принята декларация, в которой страны-члены Организации выступили за суверенное регулирование интернета и самостоятельное управление им в национальном сегменте [7].

В данном контексте будет логичным провести анализ практик и подходов регулирования интернета в государствах постсоветского пространства, поскольку именно для этих стран характерны более схожие с Таджикистаном исторические условия, институциональные модели развития и социально-политические факторы, которые впоследствии, так или иначе повлияли на процессы цифровизации, развитие электронного правительства и формирование национальных подходов к информационному суверенитету.

При анализе регулирования интернета в государствах постсоветского пространства можно привести точку зрения профессора Константина Курылёва, директора Центра исследований постсоветских стран, по утверждению которого на постсоветском пространстве сложилось несколько, достаточно разных подходов к регулированию Интернета. К наиболее либеральным государствам в данном контексте учёный относит такие страны, как Армения, Кыргызстан и Молдова. Во вторую группу стран, где подходы к проблеме регулирования Интернета достаточно серьезные, входят Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина. К.Курылёв особенно выделяет Туркменистан и Украину, которые демонстрируют наиболее жесткие подходы к регулированию интернета [2, с.710].

Различия в подходах к регулированию интернета имеют, на наш взгляд, глубокие причины исторического и социально-экономического характера,

¹ <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/regulirovanie-interneta-na-postsovetском-prostranstve/>

связанные как с глобальной эволюцией цифровых технологий, так и политической и социальной трансформацией отдельного общества или государства. Это делает необходимым обратиться к истокам цифровизации, ее вызовам традиционной информационной системе и этапам формирования мирового информационного пространства.

Эксперты сходятся во мнении, что конец XX века характеризуется стремительным развитием интернета и технологий, что стало стимулом для глобальной цифровой трансформации во всем мире. Джонни Райан в своей книге «История Интернета и цифрового будущего» рассказывает о развитии Интернета с 1950-х годов до наших дней и рассматривает, как менялся баланс сил между личностью и государством в таких областях, как цензура, нарушение авторских прав, интеллектуальная свобода, терроризм и война. Автор объясняет, как Интернет произвёл революцию в политических кампаниях, как развитие Всемирной паутины дало возможность выбора новой онлайн-группе активных, нишевых потребителей и как крах доткомов научил более продвинутые компании извлекать выгоду из возможностей цифровых мастеров. От государственных систем времён холодной войны до сегодняшнего перехода к облачным вычислениям, пользовательскому контенту и новому глобальному достоянию. Книга раскрывает тенденции, формирующие бизнес, политику и СМИ цифрового будущего [3, с.210].

Другими словами, о том, как происходит переход процессов в электронный формат, начинают применяться всё новые и современные информационно-коммуникационные технологии в различных сферах жизни, как кардинально изменяются подходы к созданию, распространению и потреблению информации.

С учётом всех этих изменений, средства массовой информации, институты экономики, образования и государственного управления должны были принимать меры по адаптации к новым условиям. Как итог, современные цифровые платформы разрушили и кардинально изменили традиционные пути к доступу к информации, сделав ее более оперативной, интерактивной, а самое главное – доступной.

Этот период также можно обозначить как начало эпохи цифровизации, охватившей все сферы медийной деятельности – от создания и распространения контента до взаимодействия с аудиторией.

Традиционные СМИ, в нынешнем положении, для сохранения своей востребованности, актуальности и конкурентоспособности вынуждены адаптироваться к новым условиям и реалиям, осваивать и внедрять цифровые технологии и интегрироваться в онлайн-пространство.

Тут целесообразно раскрыть смысл слова цифровизация, и напомнить некоторые исторические факты, связанные с этим словом.

Цифровизация – это процесс перевода различных сфер жизни, бизнеса, экономики и государственных услуг в цифровую форму с использованием современных информационных технологий. Она включает в себя автоматизацию процессов, использование цифровых данных, интернета, облачных технологий и искусственного интеллекта [9].

Цифровизация меняет подходы к процессу работы. Путем цифровизации используются и внедряются искусственный интеллект, анализ данных и автоматизация во всех сферах деятельности. Само понятие «цифровизация» начало активно использоваться с конца XX и начала XXI века, но его корни уходят в 1950-1960-е годы, когда появились первые компьютеры, и началась обработка данных в цифровом формате.

Первый в мире микропроцессор был выпущен в 1971 году компанией Intel, что стало важной вехой в развитии цифровых технологий. В 1990-х годах с распространением Интернета и мобильной связи цифровизация получила новый импульс. В начале 2000-х этот термин активно начали использовать в экономике и управлении, когда государства и корпорации стали внедрять цифровые технологии для оптимизации работы [5, с.10].

В 2000-х годах цифровизация стала глобальным трендом, охватив практически все сферы жизни, включая такие важные сферы как экономика, здравоохранение, финансы, промышленность, образование и СМИ. Во втором десятилетии XXI века цифровизация уже играет ключевую роль в развитии общества. Оно повлияло уже на все сферы общественной и экономической жизни во всем мире.

Необходимо отметить, что Таджикистан одним из первых в Центральной Азии принял Государственную стратегию «Информационно-коммуникационные технологии для развития Республики Таджикистан», подписанную указом Президента Таджикистана за №1174 от 5 ноября 2003 года. В данном документе отдельные главы посвящены телекоммуникационным и информационным службам, банковским системам, электронной торговли, системе науки и образования, интеллектуальной собственности.

Еще в начале 2010-х в республике был создан Совет по информационно-коммуникационным технологиям при Президенте Республики Таджикистан как высший руководящий и координирующий орган в сфере развития ИКТ, реализации государственной информационной политики и формирования электронного правительства Таджикистана, возглавляемый Президентом Республики Таджикистан.

Первое заседание данного совета состоялось 4 февраля 2011 года с участием его членов и руководителей соответствующих министерств и ведомств, Председателя города Душанбе и других ответственных лиц.

На данном заседании было рассмотрено состояние информационно-технологической сферы. Другими важными вопросами в повестке заседания были меры по обеспечению широкого доступа населения к современным информационным технологиям, а также создание и развитие электронного правительства.

С учетом проведенного анализа и на основании поручений Главы государства, а также изложенных эффективных рекомендаций и предложений было принято постановление Совета информационных и коммуникационных технологий при Президенте РТ.

Было отмечено, что в соответствии с требованием времени все министерства и ведомства, а также другие государственные структуры должны открыть свои интернет-сайты, а также постоянно обновлять на них информацию, размещать

репортажи, документы, отчеты и другие материалы, которые должны быть доступны. При эффективной реализации этой цели будет усовершенствована система государственного управления, упростится борьба с коррупцией, увеличится эффективность национальной экономики и Таджикистан превратится в ключевую страну по транзиту электронной информации в регионе [6].

Правительство Республики Таджикистана своим постановлением за №643 от 30 декабря 2011 года утвердило Концепцию формирования электронного правительства в Республики Таджикистан, при разработке которого Совет по информационно-коммуникационным технологиям при Президенте РТ играл ключевую координирующую роль [8].

Согласно вышеуказанной Концепции, политика внедрения электронного правительства в стране включает три основных этапа. В рамках первого этапа (2012-2013) все государственные органы должны были создать локальные и отраслевые, ведомственные компьютерные сети, разработать программы компьютеризации для внедрения ИКТ, создать собственные сайты (страницы), разработать проект правительственного портала, широко и эффективно использовать существующие информационно-технологические сети между государственными органами, завершить создания существующих межведомственных компонентов электронного правительства и т.д.

Таким образом, в начале 2010-х годов Таджикистан становится лидером по развитию Интернета во всей Центральной Азии. В 2005 году Таджикистан стал первой страной в мире, которая успешно провела массовое тестирование мобильной связи 3G. При этом буквально за два-три года количество абонентов выросло до 3 миллионов, тогда как в 2000 году их было не более 3000.

В декабре 2019 года для ускорения процессов цифровой трансформации по поручению Главы государства была разработана и принята к реализации Концепция цифровой экономики в Республике Таджикистан 2020-2025гг. Данная Концепция предусматривает постепенный и поэтапный переход к реализации видения цифровой трансформации в республике. Документ должен помочь создать содействующие условия для дальнейшей трансформации сфер человеческой деятельности под влиянием цифровых технологий. В него были включены, в частности, развитие информационного общества, переход к оказанию цифровых государственных услуг и цифровому правительству, повсеместное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Показатели эффективности от реализации вышеупомянутых мер в сфере цифровизации можно понять из анализа статистических данных развития телекоммуникационной инфраструктуры и доступа к интернету в Таджикистане.

К примеру, по данным портала Statista, к концу 2025 года охват сети 4G в Таджикистане должен составить 89,57%, а сети 3G составит 97,45%. В тоже время в 2025 году средняя скорость широкополосного подключения в Таджикистане будет составлять 3,55 кбит/с. По прогнозам портала, в 2025 году, экспорт ИКТ-услуг на душу населения в Таджикистане составит 0,70 долл. США, а уровень проникновения Интернета в Таджикистане будет на уровне 82,33%. К 2025 году

число домохозяйств, имеющих доступ к Интернету дома в Таджикистане, составил 873,01 тысяч.

**Таблица 1 – Ключевые показатели цифровизации
в Республике Таджикистан (2010-2025 гг.)**

*Прогнозные данные на конец 2025 года по оценкам Statista

Год	Охват 3G, % насе- ления	Охват 4G, % насе- ления	Про- никно- вание интер- нета, % населе- ния	Количе- ство домохо- зяйств с интер- нетом, тыс.	Средняя скорость Интер- нет- соедине- ния, кбит/с	Число сайтов госор- ганов, ед.	Доля регу- лярно обнов- ляемых сайтов, %
2010	15,2	-	8,5	85	0,64	18	15
2015	65,4	5,0	28,1	280	1,45	78	22
2020	90,1	52,3	61,7	650	2,85	126	27
2023	96,8	78,5	78,9	812	3,10	129	30
2025*	97,45	89,57	82,33	873,01	3,55	129	30

Анализ данных показывает, что за 15 лет (2010-2025) Таджикистан достиг значительного прогресса в сфере телекоммуникаций, в том числе проникновение интернета выросло почти в 10 раз, охват 4G за последние 8 лет увеличился с 5% до почти 90%. В тоже время, отмечается низкие темпы улучшения качества работы официальных сайтов остаются. Согласно статистике, лишь около 30% ресурсов обновляются регулярно [11].

Необходимо отметить, что политика электронного правительства Таджикистана была начата в условиях переходной экономики страны, характеризующейся недостаточной инфраструктурой информационно-коммуникационных технологий, низким уровнем компьютерной грамотности и ограниченным доступом к интернету.

По мнению Д.Салимова, преподавателя кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Высшей школы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации САФУ имени М.В.Ломоносова, вопрос развития интернет-ресурсов и появления соответствующей им аудитории в Таджикистане является необходимым объектом изучения исследователей постсоветских государств. Здесь главный акцент делается на инструментальной значимости сетевых СМИ, а также на формировании ими медийного пространства для политического оспаривания [4, с.126].

Анализ процессов цифровизации в Республике Таджикистан показывает, что за последние годы страна проделала значительный путь в целях развития информационно-коммуникационных технологий, внедрении электронного правительства и расширении доступа к интернету. На данном этапе государственная политика в этой сфере носит системный и долгосрочный характер, что подтверждает-

ся принятием ряда стратегических и концептуальных документов, направленных на трансформацию экономики, государственного управления, образования, науки и социальной сферы.

Вместе с тем, что наряду с достижениями, пока остаются нерешённые проблемы, включая доступность информации, а именно нерегулярное обновления официальных сайтов, неполная языковая адаптация ресурсов. Необходима дальнейшая интеграции цифровых сервисов в повседневную жизнь населения, в том числе посредством повышения цифровой грамотности населения.

С учётом текущих достижений и обозначенных в государственных стратегиях целей, Таджикистан обладает большим потенциалом для формирования конкурентоспособной цифровой экономики, повышения прозрачности управления и улучшения качества предоставляемых услуг. Дальнейший успех будет зависеть от устойчивого развития телекоммуникационной инфраструктуры, совершенствования нормативно-правовой базы и качества ее реализации, а также от активного вовлечения общества в процессы цифровой трансформации.

Литература

1. Абдуджаборзода Х.А. Исторические предпосылки развития цифровой экономики и инноваций в Республике Таджикистан (2025-2030): стратегические приоритеты и ожидаемые результаты // Вестник Таджикского национального университета. – Душанбе: ТНУ, 2025. – №3. – С.62-68.
2. Курылёв К.П. Регулирование Интернета на постсоветском пространстве / К.П.Курылёв, Н.П.Пархитко, Н.Г.Смолик // Постсоветские исследования. – М.: Автономная некоммерческая организация «Центр исследований постсоветских стран», 2021. – Т.4, №8. – С.705-718.
3. Райан Дж. История Интернета и цифрового будущего. – Лондон: Reaktion Books, 2010. – 248 с.
4. Салимов Д.М. Сетевые СМИ в современном Таджикистане: социально-экономический анализ // International Journal of Open Information Technologies. – 2022. – Т.10, №11. – С.126-133.
5. Чэн Гун, Рибьер В. Исторический очерк цифровой трансформации // Springer. – 2023. – С.3-25.
6. Таджикистан станет цифровым во всем: Президент Э. Рахмон сообщил о необходимости проведения цифровой трансформации страны [Электронный ресурс] // Ховар. – 27.01.2023. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2023/01/tadzhikistan-stanet-tsifrovym-vo-vsem-prezident-tadzhikistana-omali-rahmon-soobshil-o-neobhodimosti-provedeniya-tsifrovoy-transformatsii-vsej-strany-v-blizhajshie-gody/>
7. ТАСС. Международная панорама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnava-panorama/>
8. 2025–2030 годы объявлены в Таджикистане годами развития цифровой экономики и инноваций [Электронный ресурс] // Ховар. – 12.12.2024. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2024/12/2025-2030-gody-obyavleny-v-tadzhikistane-godami-razvitiya-tsifrovoj-ekonomiki-i-innovatsij/>
9. Digitization [Electronic resource]. // Wikipedia. – Access mode: <https://en.wikipedia.org/wiki/Digitization>
10. E-government in Tajikistan: Myth or Reality? [Electronic resource] // CABAR.asia. – 26.06.2025. – Access mode: <https://cabar.asia/en/e-government-in-tajikistan-myth-or-reality>

11. Statista. Digital Connectivity Indicators – Tajikistan [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.statista.com/>

DIGITALIZATION AND DEVELOPMENT OF E-GOVERNMENT IN TAJIKISTAN

Qosimova Lailo Toirjonovna

Postgraduate student of the chair of national and international journalism
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992 44) 620 42 13
lailo_toiri@mail.ru

The article deals with the processes of digitalization in the Republic of Tajikistan, focusing on the implementation of e-government and the development of information and communication technologies (ICT). A historical and regulatory analysis of the formation of national digital policy is conducted, covering the period from the late 20th century to the present. Achievements in this area are identified, including the expansion of telecommunications infrastructure, the launch of government digital platforms, and the adoption of strategic policy documents. A number of issues are highlighted, such as insufficient activity of official online resources, incomplete linguistic adaptation of digital content, and a gap between the regulatory framework and its practical implementation. Conclusions are drawn regarding the need for further infrastructure development, improvement of legislative mechanisms, and increased digital literacy among the population.

Keywords: digitalization; e-government; information and communication technologies; Tajikistan; digital economy; public services.

РАҚАМИКУНОӢ ВА РУШДИ ҲУКУМАТИ ЭЛЕКТРОНӢ ДАР ТОҶИКИСТОН

Қосимова Лайло Тоирҷоновна

Аспиранти кафедраи журналистикаи дохилӣ ва байналмилалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 44) 620 42 13
lailo_toiri@mail.ru

Мақолаи мазкур равандҳои рақамисозиро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон баррасӣ намуда, ба татбиқи ҳукумати электронӣ ва рушди технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ (ТИК) таваҷҷӯҳ зоҳир мекунад. Муаллиф таҳлили таърихӣ ва меъёрии рушди сиёсати рақамиро дар кишвар аз охири асри 20 то имрӯз овардааст. Муваффақиятҳо, аз ҷумла тавсеаи инфрасохтори телекоммуникатсия, ба қор андохтани платформаҳои рақамии давлатӣ ва қабули ҳуҷҷатҳои

стратегӣ низ муайян карда шуданд. Мушкилоти марбут ба фаъолияти нокифояи манобеъи расмӣ интернетӣ, мутобик нашудани мундариҷаи забонӣ ва фарқият байни ҷаҳорҷӯби меъёрӣ ва татбиқи он таъкид шудааст. Зарурати рушди минбаъдаи инфрасохтор, тақмили механизмҳои конунгузорӣ ва баланд бардоштани саводнокии рақамӣ дар байни аҳоли ҳулосаҳо бароварда шудаанд.

Калидвожаҳо: рақамисозӣ; ҳукумати электронӣ; технологияҳои иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ; Тоҷикистон; иқтисодиёти рақамӣ; хизматрасониҳои давлатӣ.

УДК 314.74, 325.1, 327.7

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Ткаченко Александр Александрович

Доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник

Институт исследований международных экономических отношений

Финансовый университета при Правительстве РФ

125167, Россия, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2

alaltkachenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

В статье рассматриваются вопросы регулирования миграции из стран Центральной Азии в Россию, по объему которой Таджикистан занимает первое место среди всех стран-доноров миграции. Цель работы – показать необходимость трудовой миграции как для стран-доноров, так и принимающих стран. Выявлено, что среди проблем статистики миграции важную роль играют концептуальные документы в области миграции, разработка которых различается в Таджикистане и России. Установлено, что главная цель национальных миграционных стратегий должна быть связана с индикаторами Целей устойчивого развития ООН. Показана важность денежных переводов мигрантов для домохозяйств и экономики Таджикистана и отрицательная роль ужесточений миграционной политики страны-реципиента. Особое внимание уделено стоимости отправки переводов мигрантов, показано, что высокие тарифы на междоуездные переводы не соответствуют ЦУР ООН и могут привести к невыполнению цели достижения уровня в 3% от отправляемой суммы. Сотрудничество стран СНГ в области внешней миграции требует согласованной методологии, обеспечивающей сопоставимость статистических показателей. Проведенный анализ различий в стоимости отправки денежных переводов свидетельствует о том, что без ускорения снижения этого показателя целевой показатель ЦУР ООН к 2030 г. достигнут не будет. Статистика США по доходам трудовых мигрантов позволяет сравнивать доходы мигрантов и местного населения, что ценно для формирования эффективной миграционной политики.

Ключевые слова: денежные переводы мигранта; ремиттансы; партнёрство в области статистики; обследования трудовой миграции; стоимость отправки денежных переводов; цифровые денежные переводы; стратегии регулирования миграции.

Введение. В Стратегии регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года (пункт 125) отмечается, что трудовая миграция через границу, приграничная рабочая миграция, как и другие виды и характеристики миграции «еще не изучены учеными и практиками». Научный журнал «Вестник университета (РТСУ)» уделяет вопросам и проблемам миграции должное внимание, особенно в последние годы. В опубликованных исследованиях рассматриваются большинство составляющих процесса миграции и её

возможных последствий [14], в том числе возвратная миграция [12] и проблемы цифровой грамотности мигрантов [15].

Одна из самых важных характеристик миграции как мирового явления – денежные переводы (ремиттансы). Объем ремиттансов растёт даже быстрее мирового ВВП, поэтому их доля в ВВП постоянно увеличивается со второй половины 1980-х гг., особенно быстро – со второй половины 2000-х гг. В XXI в. были только 3 экстремальных точки снижения показателей трудовой миграции и ремиттансов, связанные с кризисными ситуациями в мировой экономике, но они были несравненно короче самих кризисных периодов. Поэтому можно утверждать, что потоки ремиттансов/переводов являются самыми устойчивыми экономическими феноменами, но каждая страна должна проводить политику, способствующую этой устойчивости и учитывающую не только экономическое, но и важное социальное значение переводов.

Относительно новое и важное явление – это цифровизация: применительно к денежным переводам/ремиттансам она способствует повышению финансовой доступности для мигрантов-иностранцев. Переход к «цифре» очень важен для каждого человека (трудового мигранта), так как обеспечивает снижение стоимости услуг по переводу денежных средств. Азиатский банк развития рекомендует инвестировать в предвыездную подготовку и образование граждан, отправляющихся за границу. Именно такая подготовка в современных условиях очень важна для иммигранта, который с помощью госорганов может овладеть соответствующими навыками, получить доступ к банковским услугам, а затем пользоваться этим в стране въезда.

Не менее важна проблема статистики миграции, которая бы наиболее полно отражала это явление во всем его многообразии и позволяла национальным и международным институциям эффективно его регулировать. Условия современного ландшафта статистических данных становятся всё более сложными, отражающими, с одной стороны, увеличение доступной международной базы данных из различных источников, а, с другой, показывающими недостаточность данных национальных статслужб как наиболее точных и проверенных. Эта статья обращает внимание на данные, которые более редко используются исследователями и практиками, но которые помогают ориентироваться в анализе сложных социально-экономических процессов, связанных с миграцией. Профессиональные статистики постоянно обсуждают способы улучшения сбора, анализа и использования данных о миграции в современном мире. Широкая возможность для этого была предоставлена Третьим международным форумом по статистике миграции (International Forum on Migration Statistics, IFMS), прошедшем в 2023 г. Форум, по мнению организаторов, способствовал заполнению существующих пробелов в данных о миграции для лучшего информирования, в первую очередь, политиков, особенно тех стран, в жизни которых миграция играет столь видную роль, как в Таджикистане. Рост интереса к форумам связан не только с необходимостью ликвидации многих белых пятен в статистической информации о миграции и мигрантах, но и выполнения целей, установленных ЦУР ООН, что требует большего внимания к соответствующим индикаторам.

Проблемы развития миграционной статистики и ЦУР ООН. Необходимость совершенствования и прежде всего расширения миграционной статистики стоит перед всеми странами, хотя наиболее актуальна она для стран, принимающих и отдающих большие потоки мигрантов, где Россия (реципиент) и Таджикистан (донор) занимают верхние строчки рейтингов. Эти вопросы обсуждаются исследователями как по отношению к учету иммигрантов [13], так и как глобальные проблемы современного сообщества [11; 2; 4] – первой из которых можно назвать развитие/наращивание статистического потенциала. В решении задачи гармонизации статистики международной миграции основная роль отводится пересмотренной концептуальной основе ООН и статистическим определениям международной миграции, в ней представленным¹.

Ключевыми факторами измерений статистического потенциала любой страны считаются финансирование и законодательство. Как пример глобальных масштабов необходимого финансирования статистики можно привести данные по 77 «бедным» странам, получающим помощь от Международной ассоциации развития [5], которым для разработки показателей в соответствии с ЦУР ООН и их мониторинга потребуется за 2016-2030 гг. 17,0-17,7 млрд долл. США, а вместе со странами-получателями помощи от Международного банка реконструкции и развития, имеющими хорошо развитые статистические системы, но нуждающимися в дополнительных ресурсах для производства показателей ЦУР, потребность в финансировании составит 26,5-27,6 млрд долл.²

Обратимся к статистике США как примеру крупнейшего реципиента внешней миграции, экономика которого показывала растущую долю иностранной рабочей силы. «Обследование текущего состояния населения» (Current Population Survey) как крупнейшего обследования в США ежегодно представляет аналитические данные «Foreign-Born Workers: Labor Force Characteristics», включающие раздел о иностранных работниках (мигрантах). Например, в 2023 г. все работники, родившиеся за границей, имели заработки на уровне 87% от местных работников, но иностранные работники со степенью бакалавра и выше имели средний недельный доход на 2,2% больше, чем средний недельный доход местного населения³. Еще более рельефны различия среди работников по расовым и этническим признакам. Белые трудовые иммигранты зарабатывают на 12,7% больше белых из местного населения (родившихся в США), черные – на 5,7% больше, чем местные той же расы, и работники азиатского происхождения – на 2,7% больше. В то же время испаноязычные или латиноамериканские иностранные работники зарабатывают на 16,4% меньше⁴. Обследование позволяет сравнивать уровень участия в рабочей силе иммигрантов и местного населения, в том числе:

¹ «Современная концептуальная основа статистики по международной миграции и мобильности» принята 52-й сессией Статистической комиссии ООН (2021).

² The State of Development Data Funding 2016. The State of Development Data Funding report. SDDF, 2016. 45 p. P.1.

³ <https://www.bls.gov/news.release/pdf/forbrn.pdf>

⁴ Рассчитано автором по: <https://www.pgpf.org/blog/2024/07/the-foreign-born-labor-force-of-the-united-states>

в возрастном разрезе, по уровню образования, уровню безработицы и ряду других характеристик. Подобные данные были бы очень полезны для сравнения по названным характеристикам трудовых мигрантов стран Центральной Азии и местного (регионального) населения, занятого в российской экономике.

Примером высококачественных исследований трудовой миграции и ремиттансов может быть обследование рынка ремиттансов в 9 странах Африки – получателях переводов [20]. Набор индикаторов, выбранных для обследования, представляет большой интерес для возможных обследований по использованию ремиттансов, например, среди четырех стран Центральной Азии – основных источников трудовой миграции в Россию (см. табл.).

Таблица – Число прибывших в Россию из стран Центральной Азии, тыс. чел.

год	Казах- стан	Кир- гизия	Таджи- кистан	Турк- мения	Узбе- кистан	из стран СНГ	из всех стран
2023	48,5	54,2	171,2	13,3	44,5,	490,9	560,4
	*9,9/8,7	11,0/9,7	34,9/30,5	2,7/2,4	9,1/7,9	87,6	100
2022	64,4	62,4	186,6	12,1	54,0	662,0	730,3
	*9,7/8,8	9,4/8,5	28,2/25,6	1,8/1,7	8,2/7,4	90,6	100
2019	86,3	53,8	89,6	14,6	60,8	618,0	701,2
	*14,0/12,3	8,7/7,7	14,5/12,8	2,4/2,1	9,8/8,7	88,1	100

Примечания: * - доли в % от прибывших из стран СНГ/от всех прибывших в общей численности прибывших.

Источники: Бюллетени «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2019, 2022, 2023». URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>; расчёт автора

В предковидный 2019 г. объем миграции из стран Центральной Азии в Россию был выше по сравнению с 2023 г. во всех странах (в Киргизии практически тот же), кроме Таджикистана, где он был значительно ниже: почти в 2 раза (на 91%). В то же время в 2023г. по сравнению с 2022 г. миграция из Таджикистана, оставаясь самой большой среди всех стран-доноров, уменьшилась на 8,2% и по предварительным данным в 2024 г. она также сократилась. В то же время этот индикатор показывает особое место таджикских мигрантов на российском рынке труда, без которых он явно не может обойтись.

Обследование, приведенное в статье [20] необходимо для определения устойчивых трендов в миграционных потоках и основных коридоров денежных переводов, а также определения новых тенденций, что важно как для России, так и для стран – основных доноров миграций, и его можно было бы проводить один раз в 5 лет. В обследовании выделяется 14 источников расходов денежных пере-

водов/ремиттансов (от использования на строительство жилья, питания, образования, здоровья до улучшения фермерских хозяйств, включая сельскохозяйственную технику) и три географических направления ремиттансов: вне Африки, в африканских странах и в стране – родине мигрантов (domestic). Период охвата в обследовании был довольно большим – двадцать лет (1990-2010). Даже имеющиеся отечественные публикации, рассматривающие выборочные обследования как источники данных о мигрантах, обращаются к зарубежному опыту [3], что свидетельствует о необходимости проведения подобных российских обследований. Особенно важно выделение такого акцептора денежных переводов, как здоровье мигранта и его семьи. Важность такого сегмента расходов ремиттансов для населения Таджикистана очевидна и по той причине, что при довольно низком показателе расходов на душу населения (в 13,7 раза меньше, чем в России), аномально большую долю несет на себе население (65,2%), в то время как государство тратит лишь 23,4% всех расходов¹.

Рассмотренные проблемы статистики миграции играют очень важную роль в разработке концептуальных документов в области миграции. В 2025 г. Россия приняла новую Концепцию государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы², предусматривающую более жесткую политику. Если эта Концепция носит краткосрочный характер, то первым достоинством Стратегии регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года³ следует назвать её долгосрочный характер. Это свидетельствует не только о понимании таджикскими policy-makers важности проблем, которые невозможно решить за 5 и даже 10 лет, но и о видении таджикским государством перспектив развития как этого феномена, так и экономики в целом.

В первую очередь необходимо отметить, что положения Стратегии состоят из основных норм, включенных в Международную конвенцию о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей (ратифицировано Республикой Таджикистан 28 ноября 2001 года, №462). С учетом этого в Стратегии рассматривается комплекс вопросов, связанных с соблюдением прав и свобод мигрантов, предотвращением любых форм дискриминации, обеспечением безопасности, регулированием и легализацией миграции. Этот важный институциональный документ рассматривает в пункте 138 комплекс вопросов о правах и свободах мигрантов, предотвращения их возможной дискриминации, регулирования миграции и др. с позиции Международной конвенции о защите всех прав трудящихся-мигрантов и членов их семей ООН, которую Республика ратифицировала в 2001 г.⁴ Проблему мы видим в том, что крупнейший реципиент таджикской трудовой

¹ https://apps.who.int/nha/database/country_profile/index/en

² О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. №738.

³ Приложение 1 к Постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2023 г. №309.

⁴ Ратифицировано Республикой Таджикистан 28 ноября 2001 года, №462.

миграции Россия не ратифицировала этой конвенции, что затрудняет не только формирование самых благоприятных условий для иммигрантов, но и усложняет урегулирование неизбежно возникающих споров и разногласий. Более того, в отличие от Таджикистана Россия не ратифицировала обе важнейшие для миграции конвенции МОТ: Конвенции C097 – о миграции в целях трудоустройства (пересмотренная версия), 1949 г. (№97), Конвенции №143 о трудящихся-мигрантах (дополнительные положения), 1975 г., что еще более усложняет проблему скоординированного подхода к обоюдодоприемлемому решению миграционных проблем. Низкий уровень ратификаций миграционных конвенций «сдерживает расширение международного права и в области миграции» [10, с.83].

Стратегия развития статистики в области миграции. В рамках международных стандартов в 2014 г. ООН было предложено национальным правительствам принять стратегию развития статистики до 2030 года. Россия приняла такую стратегию только в самом конце 2024 года¹, Таджикистан пошел несколько иным путем и интегрировал Стратегию развития системы государственной статистики Таджикистана до 2030 г. в общую Национальную стратегию развития страны до 2030 года², которая была принята в 2016 г. Принятие этого документа через 2 года после рекомендации ООН можно оценить как важное достижение, учитывая минимальный срок для разработки такого перспективного документа, осуществленное почти на 10 лет раньше по сравнению с российским. В России 7 институциональных органов федеральной власти работали по поручению правительства над стратегией развития системы государственной статистики до 2030 года, но среди них не было министерства внутренних дел, отвечающего за миграционную службу и формирующего миграционные данные.

Необходимо также учитывать, что стратегия развития статистики является одновременно важной составляющей общей национальной стратегии социально-экономического развития³. Но при этом особенностью или скорее уникальностью этого сектора общественного и экономического развития является то, что он охватывает все другие направления развития любого государства: развития рынков, развитие институций, собственно человеческое развитие и природную среду, в которой все эти виды развития происходят.

Одним из важнейших блоков миграционной статистики являются данные о денежных переводах и шире – о ремиттантах⁴. Переводы трудовых мигрантов давно превратились в важнейшие по объему финансовые потоки из страны в страну. Так, в 2023 г., по оценкам Всемирного банка (ВБ), объем денежных пере-

¹ Об утверждении Стратегии развития системы государственной статистики и Росстата до 2030 г.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. №4159-р.

² Утверждено Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 1 декабря 2016 г. №636.

³ Статья 16 Федерального закона "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (№172-ФЗ), который предусматривает не только разработку каждые 6 лет, но и возможность ежегодных корректировок, что мало соответствует понятию стратегического планирования.

⁴ «Понятие «ремиттансы» (personal remittances) значительно шире понятия «денежные переводы мигрантов» (personal transfers) и количественно включает в себя, например, и трансфер капиталов между домохозяйствами, поэтому оно вошло в русский язык без перевода» [9, с.101].

водов во всем мире достиг рекордных 818 млрд долл. США, что примерно в четыре раза превышает общий объем официальной помощи развитию (Official development assistance), предоставляемой странами ОЭСР¹. При этом 656 млрд или 80,2% переводов поступили в развивающиеся страны.

Отслеживание ремиттансов по целому набору данных является важной задачей ВБ, так как это явление ЦУР ООН непосредственно связывает с уменьшением бедности в странах-получателях переводов. А если учитывать долговременный тренд роста *налогов на трудовые доходы*, размер которых ещё в начале 1980-х годов обогнал размер налогов на капитал, в отличие от глобального тренда снижения налогов на капитал в XXI веке², то снижение стоимости отправки денежных переводов мигрантов необходимо и по этой причине.

Роль Партнерства в области статистики (PARIS21). Сложность развития статистической системы в условиях противоречивых процессов глобализации наряду с развитием региональных государственных союзов и интеграционных объединений требует значительных усилий международного сообщества в помощи многим странам. Особенно значительные проблемы возникли в связи с выполнением Повестки для в области устойчивого развития ООН. Для улучшения статистики развивающихся стран, отражающей достижение целей устойчивого развития ООН, было создано Партнерство в области статистики для развития в XXI веке (Partnership in Statistics for Development in the 21st Century, PARIS21), которое оказывает помощь странам с низким и средним уровнем дохода в разработке, внедрении и оценке национальных стратегий развития статистики. Для Таджикистана как участника Партнерства PARIS21 по просьбе страны и ее сообщества доноров PARIS21 провел промежуточную оценку статистической стратегии Таджикистана в октябре 2008 года. В инициативу/партнёрство вовлечены более 90 стран, среди них страны Центральной Азии. В то же время отношение к PARIS21 России и Китая является неопределённым. С Консорциумом PARIS21 официально сотрудничает Межстаткомитет СНГ.

PARIS21 точно акцентирует внимание на такой важной задаче статистики как правильное понимание и использование (в конечном итоге) правительствами полученных статистических данных, что возможно лишь на основе открытого диалога между производителями и пользователями данных как ключа к решению проблемы понимания и использования. Важность мы видим и в том, что эта стратегия обеспечивает сопоставимость и надежность данных, чего так не хватает национальным статистическим данным по внешней миграции на постсоветском пространстве.

¹ Monterroso Oscar and Vilán Diego. Global Remittances Cycle. FEDS Notes. An official website of the United States Government. February 27, 2025.

² До принятия глобального минимального налога, согласованного более чем 140 странами и устанавливающего минимальную эффективную ставку налога в размере 15% для транснациональных компаний, что может привести к изменению названной тенденции.

Стоит также обратить внимание на временной эшелон стратегий развития - Региональная стратегия развития статистики (Regional Strategy for the Development of Statistics) предоставляет стране пятидесятилетнюю стратегию развития.

Стоимость отправки переводов мигрантов как важная проблема международного сообщества. История системы денежных переводов совсем молода: это в основном XXI век. Так, фиксация/учёт среднемировой стоимости отправки (global cost of sending) переводов впервые была осуществлена ВБ в 2009 г.¹ тогда средняя стоимость отправки 200 долл. США, как точное представление о типичном размере транзакции денежных переводов, в среднем по миру составила 19,34 долл. США (в первом квартале 2009); к 2021 г. стоимость снизилась на 37,5% до 12,08 долл. и к 2025 г. (первый квартал) до 6,49% [22, с.6-7]. Хотя это несомненный прогресс в достижении задачи ЦУР ООН, размер стоимости всё ещё более чем в 2 раза превышает цель ЦУР ООН 2030 года. Можно также констатировать ускорение снижения стоимости в 2020-е гг., вероятно, благодаря росту электронных платежей.

В 2020-е гг. в Таджикистане отмечался рост объёма денежных переводов, особенно заметный в 2022 и 2024 гг., – на 83% в 2022 г. по сравнению с предыдущим и в 2,3 раза по сравнению с предковидным 2019 г., в 2024 г. соответственно – на 45% и в 2,9 раза². При уменьшении числа самих трудовых иммигрантов, которое по оценкам составило 8% в 2024 г. по сравнению с 2023 в основном из-за «продолжающихся ограничений на трудоустройство»³ в 49 регионах России, это может свидетельствовать также о росте числа и соответственно доли мигрантов, обладающих счетами в банках и овладевших самыми современными методами переводов, которые заметно экономнее/дешевле. Эксперты ВБ сделали обоснованный вывод, что денежные переводы выгадывают от большей финансовой доступности как отправителей, так и получателей. Чем выше число и доля пользователей денежных переводов, имеющих счета, «тем выше вероятность того, что средства будут отправлены через эти счета, а не через нерегулируемые каналы» [17, с.4]. Это в свою очередь способствует увеличению, часто значительному, общего объёма денежных переводов и усиливает их влияние на экономическое развитие.

Показатели статистики переводов более чем другие отражают реальную картину возможностей, с одной стороны, роста благосостояния семьи/домохозяйства мигранта, и, с другой, финансового сектора и экономики в целом как источника их роста.

Сохраняющиеся высокие сборы за трудоустройство и связанные с этим расходы, которые несут трудовые мигранты для получения работы за границей, широко признаются как серьезное препятствие на пути реализации преимуществ международной миграции для устойчивого и инклюзивного развития обеих групп стран: принимающих и отдающих. В настоящее время приоритетом счита-

¹ World Bank (WB) (2021): Remittance Prices Worldwide Quarterly, no 40, December.

² Рассчитано по: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?locations=TJ>

³ Стратегия регулирования миграционных процессов в Республике Таджикистан на период до 2040 года.

ется отмена сборов за найм мигрантов, что, по мнению международных организаций, способствует достижению безопасной и ответственной миграции. Практика остается иной: так, процедура проведения предварительных проверок мигрантов, подавших заявление в паспортно-визовую службу МВД России на территории Таджикистана, стоит, по данным МОМ, с 1 сентября 2024 г. 153 таджикских сомони, что от минимальной зарплаты в 800 сомони составляет 19,1%, т.е. почти пятую часть.

С этой целью Повестка дня «Цели устойчивого развития на период до 2030 года» призывает государства отслеживать показатель ЦУР 10.7.1 (Затраты работника на трудоустройство в процентах от его месячного дохода в стране назначения) как один из ключевых показателей для оценки прогресса в сокращении неравенства между странами. К сожалению, пока почти нет реальных данных, по которым можно судить о ситуации. Так, Росстат этот показатель не разрабатывает, у статистических органов других стран СНГ он всё еще (2023) находится в стадии разработки. Кроме того, Международный форум по статистике миграции подчеркивает важность дезагрегирования этого показателя по гендеру, миграционному коридору, производствам (industry) и уровню профессиональной квалификации. Можно привести пример гендерных различий – за 2014-2020 гг., по данным российских исследователей, выросла доля женщин-мигрантов, посылающих переводы домой, при этом этот показатель был выше среди женщин Таджикистана (86%) по сравнению с Киргизстаном (79%) и Узбекистаном (80%) [6, с.44-45].

Приведем полностью цель (пункт 10.с.1) международного сообщества в отношении показателя стоимости затрат по переводу денег мигранта: «К 2030 году сократить операционные затраты, связанные с переводом мигрантами денежных средств, до менее 3 процентов от суммы перевода и ликвидировать каналы денежных переводов, у которых эти затраты превышают 5 процентов»¹. Стоит также отметить, что эта цель декларируется жестче, чем многие другие, вероятно, потому что она обращена прежде всего к национальным и международным финансовым системам, Целевым показателем считается 3%, хотя запись сформулирована как «ниже 3%». Доклад ООН 2025 года по ЦУР отмечает сразу несколько сдвигов, которые могут рассматриваться только как негативные и отдаляющие нас от цели 2030 года. Так, за прошедший 2024 год увеличилась средняя глобальная стоимость отправки 200 долл. США с 6,2% до 6,7%. Во-вторых, стоимость отправки денег из стран «Большой двадцатки» (G20), представляющих значительный, если не основной источник денежных переводов в мире, выросла даже больше, чем в среднем по миру, хотя и ненамного. В-третьих, банки не только остаются самым дорогим каналом, но стоимость их услуг выросла даже больше, чем средний рост: с 12,1% в 2023 г. до 13,4% в 2024 г. [26, с.29]. Из по-

¹ Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf

зитивных моментов отметим тот факт, что цифровые денежные переводы остаются заметно дешевле, чем отправка нецифровыми методами: 5,3% по сравнению с 7,2%. Цифровые переводы занимают около 30% всех транзакций, и на эту цифру стоит ориентироваться национальным как институциональным, так и коммерческим службам, помогающим мигрантам.

Исследование воздействия денежных переводов на земельные отношения в развивающихся странах выявило такие основные направления инвестирования remitтансов, как вложения в сельскохозяйственную рабочую силу и технологии, а также покупку земли [19]. Подобные исследования в Таджикистане – стране, где сельское население составляет 71,14% (на начало 2024 г.), а remitтансы играют важнейшую роль в финансировании национальной экономики в целом, очень важны, это даже не требует доказательств как эксплицитное явление. При этом несмотря на тенденцию уменьшения доли сельского населения (73,394% в 2010 г. и 71,136% в 2024 г.), абсолютная численность сельского населения за этот период возросла на 1 875 тыс. чел.¹ Такая же тенденция была свойственна всем странам Центральной Азии, за исключением Узбекистана, где снижение доли происходило в течение всего XXI века, за одним исключением – доля сельского населения в Таджикистане значительно выше, чем в любой из этих стран: от 42% в Казахстане до 62% в Кыргызстане².

Важность снижения стоимости отправки переводов ООН показывает через позитивную роль самих remitтансов в 9 различных целях ЦУР, что подчеркивает многообразие воздействия³. Укажем лишь на некоторые из них. Так, денежные переводы/remitтансы составляют до 60% дохода семей, получающих эти переводы, и обычно удваивают располагаемый доход семьи, а увеличение суммы денежных переводов на 10% на душу населения сокращает долю беднейшего населения страны на 3,5% (цель 1); демографический прогресс – дети из получающих денежные переводы семей имеют больший вес при рождении, а младенческая смертность в таких семьях ниже (цель 3); в таких семьях выше охват детей образованием и переводы позволяют вкладывать около десятой части дохода семьи в образование детей (цель 4); гендер – около 100 млн занятых женщин-мигрантов (половина всех отправителей) отправляют большую часть своего дохода на более регулярной основе, хотя и зарабатывают меньше мужчин (цель 5); денежные переводы положительно воздействуют на общий уровень жизни семьи при использовании для улучшения жилищных условий, включая установку энергоэффективного оборудования для приготовления пищи (цель 7); инвестиции мигрантов способствуют увеличению дохода в местных сообществах, создают новые рабочие места (цель 8); доход семьи/домохозяйства – сокращение стоимости переводов на 3% даёт семьям-получателям дополнительно 20 млрд долл. в год (цель

¹ Рассчитано по: Шумораи аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон то 1 январи соли 2024. Численность населения Республики Таджикистан на 1 января 2024 года / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2024. С.9-11. URL: <https://www.stat.tj/wp-content/uploads/2024/09/machmuai-shumorai-aholi-to-1.01.2024.pdf>

² Рассчитано по: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZS>

³ <https://www.un.org/ru/observances/remittances-day/SDGs>

10); влияние диаспор – денежные переводы и инвестиции диаспор играют важную роль в смягчении негативных последствий изменения климата, поддерживают ирригационные системы и борьбу с наводнениями (цель 13); глобальное партнерство и особенно глобальный договор о миграции развивают сотрудничество между всеми секторами, занимающимися денежными переводами (цель 17).

Разумеется, эксперты ООН стремятся показать благотворное воздействие переводов/ремиттансов на все цели устойчивого развития как прямые, так и косвенные. Поэтому более-менее точное измерение затрат или меры переводов, на них идущих, более чем затруднительно, а часто и невозможно.

Различия в стоимости отправки переводов. В конце 2017 г. мониторинг снижения затрат на переводы мигрантов при отправляемой сумме 200 долл. США был дополнен аналогичными данными по сумме в 500 долл. США. Хотя многолетние тенденции в динамике стоимости отправки переводов большей суммы оказались те же, что и наблюдаемые с 2008 г. переводы в расчёте на 200 долл., средняя стоимость отправки 500 долл. была весь наблюдаемый период *ниже*. Это различие ожидалось экспертами ВБ, но была выявлена еще одна важная тенденция различий – бóльшая устойчивость стоимости крупных переводов в отличие от более частых колебаний стоимости переводов в расчете на 200 долл. Так, по данным ВБ с 2014 г. стоимость перевода из расчета 500 долл. не превышала 5% (максимум наблюдался в III квартале 2011 г., когда общая средняя стоимость отправки 500 долл. США составила 5,59%) [22, с.23], составив в четвертом квартале 2023 г. 4,45% и в первом квартале 2025 г. – 4,26% [23, с.23]. Хотя можно говорить о тенденции медленного снижения стоимости, очевидно, что при таких темпах целевой показатель ЦУР ООН к 2030 г. не будет достигнут даже по крупным переводам.

Это различие в стоимости более крупных и средних переводов необходимо учитывать, как представляется, в планах выполнения целей ООН по снижению стоимости переводов к 2030 г., так как страны с более квалифицированными трудовыми иммигрантами быстрее достигнут поставленной цели при прочих равных условиях. Кроме того, снижение стоимости отправки переводов уменьшает объем использования мигрантами неформальных каналов, что также увеличивает вероятность их доставки в домохозяйство иммигранта и приводит к увеличению объема денежных переводов: 1% снижения дает 1,6% в расчете на 200 долл. [16, с.2449].

Наиболее важно, с нашей точки зрения, отслеживание направлений этих переводов по странам-получателям и их доли в общем объеме отправленных в данную страну переводов, так как при всех прочих условиях рост этой доли может свидетельствовать о росте получаемых заработков в связи с ростом опыта/мастерства и квалификации рабочей силы. Поэтому по различиям в доле «переводов 500» можно в какой-то мере судить о профессиональной квалификации трудовых иммигрантов и видеть различия между странами – основными реципиентами трудовых мигрантов [22, с.23]. Необходимо также подчеркнуть, что поквартальное отслеживание ВБ стоимости переводов даёт возможность более точно видеть колебания числа занятых в экономике трудовых иммигрантов, что в

первую очередь связано с изменением текущего курса национальных валют, в данном случае рубля. Это было бы важно и в оценке влияния изменений в административно-правовом поле российской миграционной политики на потоки мигрантов из стран-крупнейших доноров российской экономики: Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Узбекистана и Армении.

Сравнение показателей, отражающих долю двух размеров переводов (200 и 500), с одной стороны, и размеров средних переводов из страны в страну, с другой, позволяют получить общее представление о квалификации трудовых мигрантов и её динамике, а на основании этого делать заключения и выводы об эффективности миграционной политики селективной направленности и о необходимости её изменений.

Необходимо отметить, что важная цель 10.с.1 о снижении стоимости отправки денежных переводов мигрантов, которая многим национальным и международным экспертам представляется недостижимой к 2030 году, уже достигнута рядом стран по ряду направлений. Например, Россия намеченный ООН показатель, в основном (имеются значительные колебания в течение года) достигла в отношениях со странами ЕАЭС и СНГ, поток трудовой миграции из которых занимает основное место на российском рынке труда и в общем притоке иностранной рабочей силы в российскую экономику.

Если в целом ситуация с переводами из России выглядит благополучно, так как глобальный показатель стоимости уже достиг норматива ЦУР на 2030 г., то в отношении отдельных стран СНГ и ЕАЭС видны значительные проблемы. Например, различия в колебаниях поквартальной стоимости отправки переводов из России в Таджикистан в 2021-2023 гг. достигали 2,8 раза (минимум/максимум), а такие же различия в стоимости переводов из России в Армению, страну-члена ЕАЭС, достигали 4,6 раза¹. Особенно неблагоприятным представляются поквартальные колебания стоимости отправки – так, в конце 2024 г. (четвертый квартал – Q4) по отношению к шести странам СНГ стоимость превышала 3% – в том числе для Таджикистана (4,23%), при этом для трех стран – членов Евразийского союза он был максимальным: Киргизстан (5,29%), Беларусь (5,77%), Казахстана (5,82%) [23, с.31].

Это один из тех камней на пути интеграции, который свидетельствует не только о препятствиях, но и о неупорядоченности самого процесса. Необходимо обратить внимание, что несмотря на внешнее благополучие в достижении глобальной цели 10с. 1, в стоимости отправки переводов из России существуют проблемы даже в ближнем круге стран. Так, среди стран ЕАЭС не достигнут единый подход для иммигрантов разных стран, отправляющих переводы из России. Трудно строить общее интеграционное пространство пяти экономик, если переводы в Армению в 2023 г. стоили в 2,5 раза больше, чем в Казахстан.

По статистике ВБ о стоимости отправки переводов можно также судить о значительных различиях между субъектами переводов. Так, банки остаются в 2025 г. самыми дорогими каналами отправляемых переводов 14,55%, что почти

¹ Рассчитано по: [22, с.31].

на 2,5 процентных пункта превышает стоимость 2023 г. (12,1%), заметно ниже стоимость отправки через почтовые офисы – 7%, но она тоже выросла, хотя и незначительно, далее следуют операторы трансфертов (личных денежных переводов) – 5,04% и замыкает список основных каналов мобильные операторы – 4,97 (рост более 1 процентного пункта), но на их долю приходится лишь менее 1% всех переводов. [23, р. 18-19]. Особое место занимают переводы с помощью SmaRT: в четвертом квартале 2023 г. глобальный средний показатель SmaRT за 500 долл. составил всего 2,54%, по которым ВБ подготовил методологию по «умным» переводам – «Getting SmaRT about remittance price monitoring»¹. Поэтому России в рамках СНГ и особенно ЕАЭС стоит обратить внимание на различия между этими же системами переводов в рамках стран СНГ с особым вниманием к российским участникам каналов переводов и соответствующей политики Банка России. Например, проведение политики, направленной на поощрение конкуренции на рынке денежных переводов [18].

Показатель стоимости денежных переводов 10.с. 1 не разрабатывается Росстатом, что можно оценить двояко: как уверенность в точности предоставляемых ВБ данных и в то же время как недооценку важности этого показателя для миграционной системы России. Но исходя из роли денежных переводов и ремиттансов² в целом для национальных экономик Таджикистана и Киргизии, для других стран СНГ, такая информация представляется весьма актуальной.

Цифровизация денежных переводов и финансовая грамотность мигрантов. В современных условиях финансовая грамотность мигрантов и их цифровые навыки взаимосвязаны и взаимообусловлены. К сожалению, ряд авторов, рассматривая финансовую грамотность населения, не касается мигрантов как важного феномена современной экономической жизни, чья широкая ориентация на возможность цифровых услуг во время занятости за рубежом играет всё более растущее значение в современной глобальной экономике и в первую очередь влияет на потоки ремиттансов в страну выхода [1].

Обратим внимание на показатель, выявляющий, по нашему мнению, роль денежных переводов для таджикских семей и национальной экономики. Динамика довольно ясно показывает уникальность изменений в этом индикаторе как в Таджикистане, так и в Киргизстане. Показатель «Счет (финансовый)» рассчитывается ВБ для 40% беднейшего населения и для 60% самых богатых. В Киргизстане в 2011 г. эти два показателя были низкими (0,98% и 3,57%) и значительно отличались: доля владения такими счетами у «богатых» была в 3,6 раза выше. В Таджикистане они были выше – 5,8% и 15,2% соответственно, и разрыв был ниже – 2,6 раза. Динамика по 2021 г. включительно показывает не только значительный рост доступа к финансовым счетам, но и сближение индикаторов двух групп

¹ Methodology for the Smart Remitter Target (SmaRT): a new approach to measuring the progress towards the global objectives of reducing the cost of international remittances. Payment Systems Development Group. June 2016. URL: https://remittanceprices.worldbank.org/sites/default/files/smart_methodology.pdf

² Признание важности денежных переводов/ремиттансов выразилось и в том, что ООН установила Международный день семейных денежных переводов – 16 июня.

населения по доходам – 38,23% и 40,32% в Таджикистане и 44,1 45,8% в Киргизстане¹.

Разница в показателях, составляющая всего лишь около двухпроцентного пункта, свидетельствует о большом влиянии денежных переводов на уровень жизни/благополучие таджикских семей (домохозяйств)², так как в первую очередь именно такие семьи имеют счета в банках для осуществления операции переводов.

Довольно тревожную картину показывает динамика получения личной заработной платы на счет взрослыми в возрасте 15+: если в 2017 г. доля таких получателей составляла 6,328%, то в 2021 г. она снизилась до 2,430%. В отличие от этого показателя доля взрослых, использовавших мобильный телефон или интернет для проверки баланса счета в финансовых учреждениях, не показал динамики снижения, хотя изменение этой доли за этот же период трудно назвать тенденцией роста: 5,695% и 5,869%. Недостаточная развитость банковской системы и обращения населения к её услугам частично видна из показателя пользования банкоматами: в Таджикистане в 2021 г. доля таких пользователей составляла 23,1%, в то время как в Кыргызстане 42,3%; при этом в последнем рост этой доли в течение последнего десятилетия был непрерывным, а в Таджикистане в 2016-2019 гг. прогресс остановился и лишь в 2020 г. возобновился рост. Это подтверждает и Л.Ф.Солиева в своем выводе: «Таджикистан отстаёт по уровню доступности интернета и цифровых услуг» [7, с.58].

Именно эти цифры свидетельствуют о пока еще очень низком уровне использования цифровых методов в повседневной жизни. Конечно, трудовые мигранты Таджикистана имеют показатели выше не выезжающих жителей, но по видимому их доля также не составляет даже относительного большинства среди отправляющих ремиттансы различным путём. Это в свою очередь вызывает потери сумм ремиттансов, которые могли быть получены на родине благодаря электронной оплате. Этот вывод можно косвенно подтвердить данными о распространении цифровой оплаты онлайн или телефоном среди жителей Таджикистана. Определенный оптимизм внушает различие в показателях использования цифровых/электронных платежей населения Таджикистана с разным уровнем образования – доля пользователей среди лиц со средним образованием и выше в 4,2 раза больше, чем у населения с начальным образованием и ниже. Но всё же эта доля очень низка – 5,12%.

Поскольку мы рассматриваем позиции трудовых мигрантов, целесообразно обратить внимание на показатели взрослых, находящихся в составе рабочей силы. Среди них совершали цифровой платеж в 2014 г. 5,83% и в 2021 г. 27,37%. Рост доли в 4,7 раза свидетельствует, во-первых, о значительном прогрессе, а, во-вторых, о плодотворном взаимном влиянии возвратной миграции на занятых в таджикской экономике. Значительно бóльшая потребность мигрантов в стране

¹ <https://www.gpfi.org/data>

² Влияние также оказывает довольно своеобразная выборка ВБ, когда берутся 60% богатых, куда на самом деле попадают и все средние по доходу семьи/домохозяйства, т.е. по существу «бедные» сравниваются не с «богатыми».

пребывания в электронных переводах стимулирует их переход на цифровые платежи, возвращаясь домой они не только увеличивают аналогичный показатель в стране, но и явно или неявно демонстрируют полезность и эффективность обладания цифровыми навыками. Для сравнения приведем данные по соседнему государству Центральной Азии Кыргызстану. В 2021 г. аналогичный показатель доли был несколько выше – 31,75% (на 4,4 процентных пункта)¹, но рост этой доли к Кыргызстану по сравнению с 2014 г. был намного меньше – 2,3 раза. Можно предположить, что большее число таджикских трудовых мигрантов, в том числе в России, объективно привело к большему росту пользователей цифровыми услугами.

Заключение. Тридцать лет назад автор статьи [8] задавался вопросом: выходит ли Россия из демографического кризиса, и этот вопрос как важнейшая проблема развития российского государства продолжает обсуждаться на всех уровнях общества и власти. Многие разделяют точку зрения, что важную роль если не в решении этого кризиса, то в его смягчении и даже демпфировании играет миграция: большинство развитых стран принимают мигрантов в своё общество, а не только экономическую жизнь. Такая же тенденция могла бы закрепиться в России, тем более что в первую очередь речь идет об иммиграции из соседних стран – имевших в прошлом общую экономическую систему. Особое место Таджикистана в этом ряду связано прежде всего с экономической значимостью трудовых мигрантов для российской экономики – в России работают более 1,2 млн граждан Таджикистана, что составляет около 16% всех иностранных рабочих².

Литература

1. Баринов М.А. Роль и значение финансовой грамотности населения для эффективного развития национальной экономики // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №4(86). – С.55-65.
2. Гребенюк А.А. Отношение трудовых мигрантов из Центральной Азии к международным интеграционным объединениям на постсоветском пространстве / А.А.Гребенюк, В.А.Протасова, А.А.Аверьянов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – М., 2024. – Т.24, №1. – С.107-125. DOI 10.22363/2313-0660-2024-24-1-107-125
3. Денисенко М.Б. Выборочные обследования и переписи населения как источники данных о втором поколении мигрантов: зарубежный опыт / М.Б.Денисенко, М.А.Смирнова, А.В.Степанова // Вопросы статистики. – 2022. – Т.29, №5. – С.46-60. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-46-60>
4. Исломинзода А.А. Регулирование мобильности рабочей силы в рамках ГАТС/ВТО: условия и принципы // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №3-4(75). – С.169-180.
5. Международная ассоциация развития // Новая Российская энциклопедия: в 12 т. Т.Х (2) / ред. колл. В.И.Данилов-Данильян, А.Д.Некипелов. – М.: Издательский Дом "Инфра-М", 2012. – С.152.

¹ <https://www.gpfi.org/data>

² <https://caspiantpost.com/economics/russia-tajikistan-trade-turnover-sees-significant-growth-in-2025>

6. Полетаев Д.В. Денежные переводы трудовых мигрантов из Таджикистана, Киргизии и Узбекистана из РФ на родину: устоявшиеся практики и динамичные изменения. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. – 2024. – №14(5). – С.41-49. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-5-41-49.
7. Солиева Л.Ф. Значение цифровизации для современного рынка труда // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №2(88). – С.56-64.
8. Ткаченко А.А. Выходит ли Россия из демографического кризиса? // Социально-политический журнал. – 1996. – №5. – С.36-41.
9. Ткаченко А.А., Гиноян А.Б. Место ремиттансов в финансовых потоках в развивающиеся экономики // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т.21, №6. – С.94-107.
10. Ткаченко А.А. Международная миграция и реформы миграционной политики // Мир новой экономики. – 2024. – №18(1). – С.80-92. DOI: 10.26794/2220-6469-2024-18-1-80-92.
11. Ульмасов Р. Миграционные процессы в условиях глобализации: характерные особенности и основные тенденции // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. – №1(65). – С.50-58.
12. Ульмасов Р.У., Махмадбекзода М.Ш. Политика государства в реинтеграции граждан, возвратившихся из трудовой миграции // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3(81). – С. 17-327.
13. Чудиновских О.С., Степанова А.В. О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами // Демографическое обозрение. – 2020. – Т.7, №1. – С.54-82
14. Шарипова А.Г. Международная миграция населения и механизм её регулирования // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №1(83). – С.40-49.
15. Шарипова А.Г., Солиева Л.Ф. Регулирование рынка труда и трудовой миграции в Таджикистане в условиях цифровизации // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2025. – №1(87). – С.31-41
16. Ahmed J., Mughal M., Martinez-Zarzoso In. Sending money home: Transaction cost and remittances to developing countries // World Economy. – 2021. – №44(8). – P.2433-2459. <https://doi.org/10.1111/twec.13110>.
17. Ardic O. [et al.]. Financial Stability Institute Insights on policy implementation / Financial Stability Institute Insights on Policy Implementation. №43. The Journey So Far – Making Cross-border Remittances Work for Financial Inclusion. Bank for International Settlements 2022. – Washington, D.C.: World Bank Group. – 41 p. <http://documents.worldbank.org/curated/en/099626506172223111>
18. Kpodar K., Imam P.A. How do transaction costs influence remittances? [Electronic resource] // World Development. – 2024. – Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106537.17>
19. Mack Elizabeth A. [et al.] Remittances and land change: A systematic review [Electronic resource] // World Development. – 2023. – Vol.168, August. – Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106251>
20. Mohapatra Sacket, Rather Deli. Editors. Remittance markets in Africa. World Bank Publications – Books. – Washington: The World Bank Group, 2011. – №2292, December. – 380 p. ISBN: 978-0-8213-8475-6
21. Partnership in Statistics for Development in the Twenty-first Century [Electronic resource]. // Note by the Secretary-General. – 2009. – 9 December. UN. Secretary-General, PARIS 21. – Access mode: <https://digitallibrary.un.org/record/674114?v=pdf>
22. Remittance Prices Worldwide Quarterly. The World Bank Group. – 2023. – Issue 48, December. – 32 p. [Electronic resource]. – Access mode: https://remittanceprices.worldbank.org/sites/default/files/rpw_main_report_and_annex_q423_final.pdf
23. Remittance Prices Worldwide Quarterly. The World Bank Group. – 2025. – Issue 53, March. – 32 p. [Electronic resource]. – Access mode: <http://remittanceprices.worldbank.org/>

24. Tajikistan. Migration situation report. July-December 2024. International organization for migration. [Electronic resource]. – Access mode: <https://seeecadata.iom.int/msite/seeecadata/country/tajikistan>
25. The State of development data funding 2016. The State of Development Data Funding report. – SDDF, 2016. – 45 p.
26. United Nations Department of economic and social affairs. The Sustainable Development Goals Report 2025. – New York: United Nations, 2025. – 51 p. [Electronic resource]. – Access mode: <https://unstats.un.org/sdgs/report/2025/The-Sustainable-Development-Goals-Report-025.pdf>

CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND RUSSIA'S NEW MIGRATION POLICY CONCEPT

Tkachenko Alexander Alexandrovich

Doctor of Economics, professor,
chief researcher

Institute for research of International economic relations
Financial university under the government of the Russian Federation
125167, Russia, Moscow, Leningradsky ave., 49/2
alaltkachenko@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

This article deals with the regulation of migration from Central Asian countries to Russia, where Tajikistan ranks first among all migrant-donor countries. The aim of the study is to demonstrate the need for labor migration for both donor and receiving countries. It is revealed that conceptual documents on migration, the development of which differs in Tajikistan and Russia, play a significant role in the problems of migration statistics. It has been established that the main goal of national migration strategies should be linked to the indicators of the UN Sustainable Development Goals. The importance of migrant remittances for households and the economy of Tajikistan and the negative impact of tightening migration policies in the recipient country are demonstrated. Particular attention is paid to the cost of sending migrant remittances, demonstrating that high tariffs on intercountry transfers are not consistent with the UN SDGs and may lead to failure to achieve the target of achieving the 3% level of the remitted amount. Cooperation between CIS countries in the field of external migration requires a coordinated methodology that ensures the comparability of statistical indicators. The conducted analysis of differences in the cost of sending remittances indicates that without accelerating the reduction of this indicator, the UN SDG target will not be achieved by 2030. US statistics on the income of labor migrants allow for comparison of the incomes of migrants and the local population, which is valuable for the development of effective migration policy.

Keywords: migrant remittances; remittances; partnership in statistics; labor migration surveys; cost of sending remittances; digital money transfers; migration regulation strategies.

КИШВАРҲОИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ ВА МАФҲУМИ НАВИ СИЁСАТИ МУҲОЧИРАТИ РОССИЯ

Ткаченко Александр Александрович

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор,
сардори илмӣ

Институти тадқиқоти муносибатҳои иқтисодии байналмилалӣ
Донишгоҳи молиявии назди Ҳукумати Федератсияи Россия
125167, Россия, Москва, Маскав, хиёбони Ленинградский, 49/2

alaltkachenko@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-8828-1761>

Дар мақола масъалаҳои танзими муҳоҷират аз кишварҳои Осиёи Марказӣ ба Русия баррасӣ мешаванд, ки аз рӯи ҳаҷми он Тоҷикистон дар байни ҳамаи кишварҳои донори муҳоҷират дар ҷои аввал қарор дорад. Ҳадафи кор нишон додани зарурати муҳоҷирати меҳнатӣ барои кишварҳои донор ва қабулкунанда мебошад. Муайян карда шудааст, ки дар байни мушкилоти омили муҳоҷират, ҳуҷҷатҳои концептуалӣ дар соҳаи муҳоҷират, ки таҳияи онҳо дар Тоҷикистон ва Русия фарқ мекунад, нақши муҳим доранд. Муқаррар карда шудааст, ки ҳадафи асосии стратегияҳои миллии муҳоҷират бояд бо нишондиҳандаҳои Ҳадафҳои Рушди Устувори СММ алоқаманд бошад. Дар мақола аҳамияти интиқоли маблағҳои муҳоҷирон барои хонаводаҳо ва иқтисоди Тоҷикистон ва таъсири манфии сатҳтар кардани сиёсати муҳоҷират дар кишвари қабулкунанда нишон дода шудааст. Таваҷҷӯҳи махсус ба арзиши интиқоли маблағҳои муҳоҷирон равона карда шудааст, ки нишон медиҳад, ки тарифҳои баланди интиқоли байнидавлатӣ ба Ҳадафҳои Рушди Устувори СММ мувофиқат намеkunанд ва метавонанд боиси ноқоимӣ дар расидан ба ҳадафи расидан ба сатҳи 3%-и маблағи интиқолшуда шаванд. Ҳамкориҳои байни кишварҳои ИДМ дар соҳаи муҳоҷирати беруна методологияи ҳамохангшударо талаб мекунад, ки муқоисаи нишондиҳандаҳои омории таъмин мекунад. Таҳлили фарқиятҳо дар арзиши интиқоли маблағҳо нишон медиҳад, ки бидуни суръат бахшидан ба коҳиши ин нишондиҳанда, ҳадафи Ҳадафҳои Рушди Устувори СММ то соли 2030 ба даст оварда намешавад. Омори ИМА дар бораи даромади муҳоҷирони меҳнатӣ имкон медиҳад, ки даромади муҳоҷирон ва аҳолии маҳаллӣ муқоиса карда шавад, ки барои ташаққули сиёсати муассири муҳоҷират арзишманд аст.

Калидводаҳо: интиқоли маблағҳои муҳоҷирон; интиқоли маблағҳо; шарикӣ дар соҳаи омор; пурсишҳои муҳоҷирати меҳнатӣ; арзиши интиқоли маблағҳо; интиқоли пули рақамӣ; стратегияҳои танзими муҳоҷират.

УДК 331.5:004.9:338.2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА

Шарипова Асиля Гуломовна

Доктор экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и маркетинга
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 227 39 73; (+992) 91 950 80 54 (м.)
gavhar.sharipova@bk.ru

Таджикистан, как и другие государства региона, сталкивается с вызовами обеспечения продуктивной занятости в условиях роста населения и структурных изменений экономики. Объявление 2025-2030 гг. «Годами развития цифровой экономики и инноваций» на уровне правительства Таджикистана подчёркивает приоритетность цифровой трансформации для всех отраслей, включая рынок труда. Данная статья представляет теоретико-аналитический обзор цифровизации государственной политики занятости как инновационного фактора развития рынка труда Республики Таджикистан. Рассмотрены теоретические основы цифровизации занятости, проведен анализ текущего состояния рынка труда Таджикистана и реализации цифровых инициатив в сфере занятости, выявлены основные проблемы. Рассматриваются институциональные основы, ключевые цифровые платформы и инструменты, роль больших данных и искусственного интеллекта, а также социально-экономические эффекты и ограничения цифровой трансформации рынка труда. Анализ мирового опыта цифровизации государственной политики занятости как инновационного фактора развития рынка труда и накопившихся проблем в Таджикистане свидетельствует, что для преодоления выявленных проблем и максимизации эффекта от цифровизации необходимо реализовать комплекс мероприятий, направленных на совершенствование политики занятости в Таджикистане в условиях глобальной цифровизации.

Ключевые слова: продуктивная занятость; инновации; цифровизация; рынок труда; трансформация; сфера труда; государственная политика; кадры; страны СНГ; цифровые инициативы; мировой опыт.

В современную эпоху глобальной цифровой трансформации все больше сфер экономики и общественной жизни переходят на новые технологические рельсы. В послании Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона от 16.12.2025 г. отмечается, что «Министерство экономического развития и торговли и Агентство инновации и цифровых технологий обязаны совместно с министерствами образования и науки, промышленности и новых технологий, финансов изучить потребности рынка труда в направлении цифровой экономики и принять необходимые меры для увеличения числа специалистов данной сферы, а также улучшения качества подготовки кадров» [1].

Государственная политика занятости не является исключением, использование цифровых технологий рассматривается как важнейший фактор повышения эффективности рынка труда и обеспечения устойчивого развития страны. Для стран с переходной экономикой, в том числе Республики Таджикистан, цифровизация системы занятости приобретает особое значение ввиду необходимости создания новых рабочих мест, повышения качества управления трудовыми ресурсами и снижения масштабов трудовой миграции.

В контексте государственной политики занятости цифровизация означает внедрение цифровых технологий в практику управления занятостью населения, предоставление электронных государственных услуг в сфере труда, автоматизацию процессов подбора кадров, мониторинга рынка труда и социально-трудовых отношений. Речь идет о переходе от традиционных (бумажных и офлайн) методов реализации политики занятости к электронным платформам и информационным системам, позволяющим более оперативно и прозрачно связывать соискателей и работодателей, учитывать потребности рынка труда в режиме реального времени, а также интегрировать данные различных ведомств (служб занятости, налоговых органов, фондов соцстраха и др.).

Согласно концепции электронного правительства, использование ИКТ должно повысить эффективность работы государственных органов и доступность государственных услуг для граждан. В рамках этой концепции, государственные службы занятости переходят к предоставлению услуг через интернет-порталы, мобильные приложения и информационные киоски, что расширяет охват населения и снижает издержки взаимодействия граждан с органами власти. Цифровая экономика формирует новые требования к рынку труда: появляются новые профессии, возрастает роль навыков работы с данными и технологиями, наблюдается рост гибких форм занятости (удаленная работа, фриланс, платформенная занятость и др.).

А.Курбонов, М.Б.Сафарова, М.Д.Нуралиева отмечали, что переход к цифровой экономике сопровождается структурными изменениями на рынке труда и требует от институтов занятости адаптации к новым условиям [5].

А.Ш.Назаров, У.Муродзода, Ш.С.Кабилов подчёркивают необходимость выявления закономерностей структурных сдвигов в занятости в условиях цифровизации, что обеспечит эффективное функционирование институтов распределения труда [3; 6; 7]. Государственная политика занятости должна включать меры по развитию цифровой грамотности, переподготовке кадров под запросы новой экономики, стимулированию создания рабочих мест в секторах высоких технологий.

Важной методологической основой является и концепция продуктивной занятости, которая подразумевает такие рабочие места, которые приносят достаточно дохода для достойного уровня жизни и используют потенциал работников наиболее полно [4]. В Национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 года обеспечение продуктивной занятости определено одним из ключевых приоритетов. Достижение этой цели в современных условиях во многом связывается с инновационным развитием, включая цифровизацию экономики. Таким обра-

зом, теоретически цифровизация рассматривается как инструмент повышения продуктивности труда, прозрачности рынка труда и эффективности реализации государственной политики занятости.

Рынок труда Таджикистана в последние годы развивается под воздействием как внутренних социально-экономических факторов, так и внешних трендов (миграция, технологические изменения). Экономически активное население страны составляет около 2,67 млн. человек, из которых официально заняты более 2,61 млн. чел., а зарегистрированный уровень безработицы не превышает 2% [8]. Такие низкие официальные показатели безработицы обусловлены тем, что значительная доля трудоспособного населения находит работу за рубежом и не регистрируется на бирже труда в стране. Хотя в 2024 году отток мигрантов уменьшился на 8% по сравнению с предыдущим годом, однако масштабы внешней занятости остаются высокими. Данная ситуация ставит перед государством задачу создания достаточного количества рабочих мест внутри страны и улучшения сервисов содействия занятости, чтобы снизить вынужденную миграцию.

Государственная политика занятости в Республике Таджикистан основывается на ряде стратегических документов и программ, в числе которых: Концепция развития продуктивной занятости населения на период до 2040 года, Среднесрочная программа развития продуктивной занятости на 2023-2027гг., Государственные программы содействия занятости населения, Национальная стратегия развития до 2030 года и др. Принятая в 2022г. Концепция продуктивной занятости ставит целью создание условий для ежегодного формирования более 100 тыс. рабочих мест, что необходимо ввиду прогнозируемого роста населения до 11,5 млн. чел. к 2030г. Реализация этой концепции осуществляется через пятилетние программы в частности, утверждена Программа содействия занятости на 2023–2027гг. которая направлена на переключение с модели развития, основанной преимущественно на трудовой миграции и низкоквалифицированных рабочих местах, к модели продуктивной внутренней занятости, ориентированной на индустриально-инновационный рост экономики.

В сфере содействия занятости за последние годы реализован ряд важных цифровых проектов. Одним из ключевых достижений стало создание Национальной базы данных вакансий электронного портала KOR.tj, презентованного Министерством труда, миграции и занятости в июле 2024 года. Он разработан в целях оперативного трудоустройства граждан и представляет собой бесплатную национальную информационную систему, где соискатели могут самостоятельно искать подходящую работу, а работодатели размещать вакансии. Сайт доступен на трех языках и имеет мобильное приложение для Android и iOS, что расширяет его аудиторию.

Совершенствование портала KOR.tj и создание автоматизированной базы данных вакансий позволяет установить прямой контакт между ищущими работу и работодателями без посредников, сократить временные и финансовые затраты при найме, а также обеспечить мониторинг и учет процессов трудоустройства. Внедрение данного электронного ресурса инициируется как мера для более эффективного обеспечения населения рабочими местами и инструмент снижения

масштабов внешней трудовой миграции за счет улучшения возможностей поиска работы на родине.

Другим направлением цифровизации стало переводение трудовых документов и процессов в электронный формат. В 2023 г. в стране запущен пилотный проект «Цифровизация трудовых соглашений», направленный на перевод заключения и учета трудовых договоров в электронный формат [12]. Предполагается, что все трудовые соглашения будут вноситься в единую электронную базу данных, доступную для контролирующих органов (налоговых, страховых, пенсионных и др.). По оценкам разработчиков, реализация данного проекта позволит увеличить количество персональных страховых счетов и в целом повысить прозрачность трудовых отношений. Одновременно ведётся работа по созданию единого реестра государственных услуг в сфере труда и соцзащиты, многие из этих услуг переводятся в онлайн-формат. Например, постановлением правительства утверждён перечень госуслуг, оказываемых в электронной форме (2022 г.), а также правила их автоматизации, что включает и услуги по регистрации безработных, назначению пособий, выдаче направлений на обучение и пр.

Цифровые инструменты постепенно внедряются в практику работы органов занятости Таджикистана. Согласно официальному отчёту Минтруда, только за первое полугодие 2024 года услугами государственных органов труда и занятости воспользовались более 106 тыс граждан [8]. В рамках реализации Государственной программы содействия занятости 2023-2027гг. за этот период было трудоустроено на новые рабочие места около 40,9 тыс.чел., что составило 65,4% от плановых показателей программы на год. Значительная часть из них устроена через механизмы, внедрение которых также облегчается цифровизацией: квотирование рабочих мест для отдельных категорий (4,6 тыс. человек), содействие самозанятости (1,2 тыс. чел.), направление на оплачиваемые общественные работы (4,3тыс. чел.), организация курсов переобучения и повышения квалификации (более 11 тыс. чел. направлены в учебные центры).

Проведение ярмарок вакансий традиционной меры службы занятости также дополняется онлайн-информированием: за указанный период было организовано 483 ярмарки, на которых нашли работу 6,6 тыс. чел. Теперь информация о вакансиях и соискателях заранее распространяется через сайт Агентства по труду и занятости и социальные сети, что увеличивает отдачу. В перспективе, с накоплением данных на портале KOR.tj, аналитические отчеты о структуре спроса и предложения на рынке труда смогут формироваться автоматически, помогая органам оперативно реагировать на дисбалансы.

В целом, на конец 2024г. можно констатировать, что базовая цифровая инфраструктура в сфере занятости в Таджикистане создана и функционирует. Существуют веб-порталы и информационные системы, облегчающие взаимодействие граждан с органами занятости, а также межведомственный обмен данными. Страна интегрируется и в международные инициативы, например, планируется участие в создании единой электронной биржи труда ЕАЭС, что в будущем позволит таджикским гражданам искать работу и заключать контракты онлайн в рамках интеграционного объединения. Реализуемый ВБ проект "Цифровые осно-

вы Таджикистана" направлен на улучшение доступа к цифровым услугам и повышению цифровых навыков населения, особенно в сельской местности, что также повысит эффективность политики занятости.

Несмотря на достигнутые успехи, переход к цифровой модели управления занятостью сталкивается с рядом проблем и ограничений. Одной из основных проблем является неравномерность развития цифровой инфраструктуры. В отдаленных и горных районах Таджикистана по-прежнему отмечается недостаточный уровень доступа к скоростному интернету и стабильной мобильной связи. Это ограничивает охват цифровыми сервисами занятости той части населения, которая наиболее остро нуждается в государственной поддержке на рынке труда (сельские жители, молодежь из периферийных регионов). Если в столице и крупных городах соискатели могут зарегистрироваться на портале вакансий онлайн, то в ряде селений доступ к таким услугам остается затруднительным. Проблема усугубляется низким уровнем цифровой грамотности у части безработных граждан, особенно старшего поколения и сельских женщин. Таким категориям населения сложнее самостоятельно воспользоваться электронными сервисами, поэтому все еще необходимы традиционные очные консультации и посредничество сотрудников служб занятости.

Второй важный вызов необходимость развития кадрового потенциала самих государственных органов занятости. Переход на новые цифровые форматы требует переподготовки работников центров занятости, освоения ими новых ИТ-инструментов, умения работать с большими базами данных. Требуется привлечение квалифицированных ИТ-специалистов для сопровождения и развития таких систем, как портал KOR.tj, и защиты персональных данных пользователей.

Третья группа проблем связана с нормативно-правовым обеспечением цифровизации занятости. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства, регламентирующего электронный документооборот в сфере труда, юридическую силу электронных трудовых договоров, обмен данными между ведомствами. Защита конфиденциальной информации о гражданах (их резюме, сведения о заработках, социальном статусе) требует строгого соблюдения законодательства о персональных данных и кибербезопасности. Кроме того, следует учитывать вопросы киберрисков, т.е. обеспечивать надежность функционирования онлайн-систем, устойчивость к возможным сбоям или злонамеренным атакам. Пока случаи утечки данных или сбоев на портале занятости не носили серьезного характера, однако профилактика таких рисков должна быть частью политики.

Четвертая проблема ограниченность охвата и доверия населения к новым электронным сервисам. Многие граждане по старинке предпочитают личное обращение в органы занятости или поиск работы через знакомых, не доверяя новым онлайн-платформам. Формирование доверительной цифровой среды является сложной задачей: необходимо убеждать пользователей в надежности и удобстве государственных сайтов по трудоустройству, обеспечивать актуальность и полноту размещаемых вакансий. Если соискатели не найдут на портале привлекательных вакансий, они будут разочарованы и могут потерять интерес к цифровым каналам. Аналогично, работодатели должны видеть реальную пользу от

размещения объявлений онлайн (экономия времени, доступ к широкому кадровому резерву), иначе они могут проигнорировать новую систему. Таким образом, достижение "критической массы" пользователей, активно использующих цифровые сервисы занятости, – вызов ближайших лет.

Потом, цифровизация сама по себе не создает рабочие места, она лишь инструмент. Если экономика не генерирует достаточного спроса на труд или создаваемые рабочие места низкооплачиваемые и непривлекательные, то даже самая совершенная цифровая биржа труда не решит проблему безработицы. В случае Таджикистана основной вызов заключается в стимулировании создания рабочих мест в частном секторе, диверсификация экономики и повышение инвестиционной активности. Цифровые платформы облегчат подбор персонала и повысят прозрачность рынка, но они должны подкрепляться общим ростом экономики и активной промышленной и инвестиционной политикой государства.

Опыт цифровизации политики занятости в странах с разным уровнем развития цифровой экономики демонстрирует как общие тенденции, так и существенные различия.

В развитых экономиках (Республика Корея, Сингапур, страны ОЭСР) высокий уровень интернет-покрытия (близкий к 90-100% населения) и цифровой грамотности населения создают благоприятную среду для всеобъемлющей оцифровки услуг занятости. Практически все сервисы можно переводить в онлайн без риска исключения значительной части граждан.

Для сравнения, в странах с развивающейся цифровой экономикой (например, Узбекистан, Индия, ряд других стран Азии) остается заметным цифровой разрыв между городским и сельским населением, между молодёжью и пожилыми, мужчинами и женщинами и т.д. Поэтому подход этих стран – мультиканальный: наряду с развитием веб-порталов сохраняются очные каналы (центры занятости, выездные ярмарки вакансий), а также привлекаются посредники. Индия, реализуя мегапроект e-Shram, подключила к регистрации неформальных работников сеть из более 400 тысяч центров коллективного доступа (Common Service Centers) по деревням и малым городам [9]. Это позволило неграмотным и не имеющим интернета трудящимся зарегистрироваться при помощи специально обученных агентов, что катализировало успех программы (сотни миллионов регистраций).

Таким образом, в странах с невысоким цифровым проникновением власти вынуждены сочетать инновации с традиционными мерами, иначе часть общества останется за бортом цифровой занятости. ОЭСР в своих рекомендациях прямо указывает: важно, чтобы «никто не остался позади» на пути цифровизации – службы занятости должны предоставлять альтернативные каналы обслуживания для граждан с низкими цифровыми навыками или отсутствием доступа к интернету [10].

Продвинутые цифровые системы занятости (Корея, Китай, отчасти Казахстан) стремятся быть комплексными: интегрировать не только вакансии и резюме, но и образовательные сервисы, социальные выплаты, аналитику рынка труда, взаимодействие с работодателями. Например, казахстанская Enbek.kz помимо

собственно поиска работы включает функционал подачи заявок на субсидируемые рабочие места (молодёжная практика, социальные рабочие места и др.), оформления выплат по потере работы, сервис переселения безработных из трудоизбыточных регионов и даже раздел вакансий госслужбы и нацкомпаний. То есть электронная биржа труда становится «единым окном» практически по всем вопросам занятости и смежных социальных услуг.

В менее развитых системах основной упор пока делается на базовые функции: публикация вакансий/резюме и онлайн-консультации. К примеру, армянский портал e-work.am на первом этапе запуска предлагает регистрацию соискателей, просмотр вакансий и базовую профориентацию; более сложные сервисы (например, онлайн-обучение, интеграция с налоговыми системами) будут добавляться позже по мере готовности инфраструктуры. Узбекистанский портал Ish.mehnat.uz изначально служил лишь для сбора вакансий от работодателей, но постепенно развивается в сторону двусторонней платформы (планируется подключить возможность онлайн-отклика на вакансии, интегрировать данные с центрами обучения и пр. – такие планы обозначены в концепции «Цифровой Узбекистан»).

По использованию искусственного интеллекта контраст между странами наиболее заметен. Страны с высоким цифровым потенциалом (Корея, Китай, развитые страны ОЭСР) уже внедряют продвинутые AI-решения – от чат-ботов до автоматизированного профилирования безработных для выдачи персональных планов трудоустройства. Например, в Финляндии и Австрии службы занятости используют ИИ для прогнозирования, сколько времени конкретный безработный будет искать работу, и в зависимости от этого предлагают ему более интенсивные меры поддержки (так называемые системы прогнозирования длительной безработицы на основе машинного обучения) [11]. Напротив, в странах со средним и низким уровнем цифровизации применение ИИ пока ограничено пилотными проектами или вовсе отсутствует.

В Индии, например при всей масштабности NCS, ИИ, по сути, сводится к простым алгоритмам сопоставления вакансий по ключевым словам и фильтрам; полноценные нейросетевые рекомендации еще впереди.

Армения и Узбекистан сейчас сосредоточены на оцифровке данных и создании базовой ИТ-инфраструктуры. Тем не менее, эти страны могут выигрывать за счет трансфера технологий: например, казахстанская биржа Enbek уже использует элементы машинного обучения для анализа профилей, а Узбекистан налаживает сотрудничество с Южной Кореей по ИКТ, включая сферу занятости. В перспективе, по мере удешевления и распространения AI-инструментов, и развивающиеся страны смогут внедрять их в свои службы занятости, минуя некоторые этапы (эффект "leapfrogging").

В разных странах по-разному распределены роли государства и частного сектора в цифровой экосистеме занятости. В Китае и Казахстане государство стремится интегрировать частные платформы в единую систему: так, Enbek.kz подключила к себе 5 крупных коммерческих сайта с вакансиями, а китайские

власти через соглашения обмениваются данными с топовыми рекрутинговыми компаниями.

В Индии и ряде западных стран государственный портал – лишь один из игроков наряду с частными сайтами, и задача правительства скорее регулировать и направлять цифровой рынок труда (например, устанавливать стандарты хранения резюме, лицензировать частные агентства онлайн-рекрутинга, стимулировать обмен вакансиями через открытые API). Кроме того, различается подход к защите персональных данных: европейские страны ввели строгий контроль, который ограничивает автоматизацию решений, влияющих на человека (например, алгоритмический отбор резюме должен быть прозрачен и оспорим соискателем).

В азиатских странах регулирование персональных данных менее жесткое, что с одной стороны упрощает сбор больших данных для нужд занятости, но с другой – требует от государства дополнительных мер кибербезопасности, чтобы предотвратить утечки и несанкционированное использование данных миллионов граждан. Например, Китай добился практически повсеместного внедрения электронных трудовых книжек с биометрией, которые хранят данные о трудовом стаже и социальных отчислениях каждого работника [12]. Это облегчает мониторинг занятости, но возникает вопрос конфиденциальности и использования этих данных, который решается на уровне политики киберсуверенитета Китая.

Уровень экономического развития определяет объем ресурсов, которые страна может вложить в цифровую трансформацию занятости. Богатые государства могут инвестировать миллионы долларов в собственные ИТ-решения, заказывая их у местных технологических компаний (пример – южнокорейский KEIS, разработавший сложные алгоритмы для Work-Net). Развивающиеся страны зачастую опираются на международную помощь и готовые продукты: например, внедрение портала e-work.am в Армении происходило при консультативной поддержке ЕС; Узбекистан получает кредиты Всемирного банка на развитие цифровой инфраструктуры и обучения ИТ-кадров. Однако повсеместно признается острая потребность в кадрах с новыми компетенциями – как среди населения (цифровые навыки соискателей), так и внутри самих служб занятости (специалисты, умеющие работать с данными, управлять цифровыми платформами).

Развитие цифровых навыков выступает необходимым сопровождением цифровизации рынка труда. В странах СНГ и Азии реализуются масштабные программы обучения: от упомянутого узбекского проекта «1 миллион программистов» до курсов базовой компьютерной грамотности для безработных в Казахстане. Без подготовки людей даже лучшие технологии могут остаться недооцененными.

Сравнение разных стран показывает, что траектория развития государственной политики занятости направлена в сторону цифровизации, но стартовые условия и скорость движения различны. Наиболее развитые государства уже входят в эпоху «занятости 4.0», используя ИИ и платформенные решения, тогда как другие делают первые шаги – создают электронные базы данных и переводят услуги в интернет. Тем не менее, обмен опытом и технологиями, а также поддержка международных организаций способствуют сокращению этого разрыва. Страте-

гическое планирование и адаптивная политика могут помочь государствам любого уровня вовлеченности в цифровую экономику более эффективно применять преимущества цифровизации занятости.

Естественно, цифровизация не является панацеей от всех проблем рынка труда. Высокий уровень безработицы или структурные проблемы (нехватка рабочих мест в экономике) одними ИТ-инструментами невозможно решить. Но цифровая трансформация усиливает возможности политики занятости как в обычное время, так и в кризисные периоды. Например, в ходе пандемии COVID-19 страны с более развитыми электронными службами занятости смогли быстрее развернуть программы поддержки, так через порталы оперативно собирались заявки на выплаты по безработице, перенаправлялись уволенные работники в отрасли, где был спрос (например, система «Talent Exchange» в Индии, соединявшая мигрантов, потерявших работу, с предприятиями, испытывавшими кадровый голод). То есть устойчивость рынка труда к потрясениям улучшилась.

Мировой опыт свидетельствует, что цифровизация государственной политики занятости стала важным и неизбежным этапом развития современных рынков труда. От электронных бирж труда до искусственного интеллекта в подборе кадров – инновационные инструменты позволяют государствам эффективнее решать традиционную задачу содействия занятости, создавая более прозрачный, гибкий и ориентированный на людей рынок труда. Страны СНГ и Азии, каждая со своей спецификой, активно перенимают эти глобальные тенденции: кто-то (Казахстан, Республика Корея, Китай) выступает пионером в регионе, демонстрируя успешные модели интегрированных цифровых платформ и использования ИИ, другие (Узбекистан, Армения, Индия) стремительно нагоняют, реализуя масштабные проекты по оцифровке услуг и повышению цифровой грамотности населения.

Цифровизация уже доказала свою эффективность: увеличивается охват государственной поддержкой, сокращаются сроки поиска работы, снижается неформальная занятость, появляются новые возможности для удаленной работы и обучения. Для граждан это означает более удобный доступ к вакансиям и сервисам, для бизнеса – сокращение издержек на поиск персонала, для государства – более точечную и информированную политику на рынке труда. В то же время, реализация потенциала цифровых инноваций требует внимания к рискам: необходимо преодолевать цифровое неравенство, защищать данные работников, обучать всех участников новым навыкам и совершенствовать нормативную базу (например, регламентировать труд на цифровых платформах, как этим занимается сейчас МОТ).

В ближайшем будущем роль государства как координатора и инвестора в цифровой экосистеме занятости будет нарастать. От успеха цифровизации служб занятости во многом будет зависеть способность стран адаптироваться к грядущим изменениям, будь то автоматизация и ИИ, появление новых форм занятости или глобальные экономические вызовы.

Цифровизация государственной политики занятости на практике показала свою важность как инновационного фактора развития рынка труда, но ее потенциал раскроется полностью лишь тогда, когда технологические новшества до-

полняются инклюзивной и человеко-ориентированной политикой. Реализация цифровой модели государственной политики занятости во многих странах мира показала ряд устойчивых эффектов:

- повышение адресности мер занятости: персонализированные цифровые сервисы позволяют точнее учитывать индивидуальные характеристики соискателей и работодателей;
- снижение транзакционных издержек: электронные процедуры сокращают временные и административные затраты для всех участников рынка труда;
- рост прозрачности и управляемости рынка труда: интегрированные базы данных обеспечивают государству более полное представление о реальном состоянии занятости;
- усиление роли активной политики занятости: цифровые инструменты повышают эффективность программ обучения, переквалификации и поддержки уязвимых групп.

Страны, которые сумели объединить стратегическое видение, технологию и социальный диалог, способны получить более динамичные и устойчивые рынки труда, которые готовы к вызовам XXI века.

В целом, анализ мирового опыта и накопившихся проблем в Таджикистане свидетельствует, что для преодоления перечисленных проблем и максимизации эффекта от цифровизации необходимо реализовать комплекс мероприятий. К их числу можно отнести развитие инфраструктуры и доступности цифровых сервисов. Рекомендуются ускорить расширение интернет-покрытия и улучшение связи в сельских и горных районах. Программы развития ИКТ-инфраструктуры (например, строительство оптоволоконных линий, установка базовых станций сотовой связи) должны быть синхронизированы с задачами служб занятости, чтобы жители всех регионов могли пользоваться онлайн-услугами. Также целесообразно создание в удалённых населённых пунктах специализированных пунктов доступа (центров общественного доступа), где соискатели при помощи консультантов могли бы регистрироваться на портале вакансий, составлять электронные резюме и откликаться на объявления.

Следует включить компоненты обучения цифровым навыкам в программы поддержки безработных. Например, при центрах занятости можно организовать краткосрочные курсы по основам компьютерной грамотности и интернет-пользованию для тех, кто ищет работу. Для формирования устойчивой пользовательской базы важно проведение информационной кампании о преимуществах электронных сервисов. Министерству труда совместно со СМИ и местными органами власти стоит разъяснять населению, что поиск работы через официальный портал расширяет возможности трудоустройства, гарантирует бесплатность и отсутствие мошенничества.

Важно продолжать работу по объединению разрозненных баз данных (по занятости, образованию, миграции, социальной помощи) в единую информационную систему. Это позволит, например, автоматически сверять данные о безработном при назначении пособия или учитывать сведения о прошедшем обучении при подборе вакансии.

Следует обеспечить защиту портала KOR.tj и связанных систем от несанкционированного доступа, регулярно проводить аудит безопасности, шифровать персональные данные пользователей. Одновременно нужна работа по обеспечению бесперебойности сервисов: резервирование серверов, планы действий при сбоях, горячие линии поддержки для пользователей.

Требуется совершенствование законодательной базы. Необходимо официально внедрить понятия электронного трудового договора и электронной трудовой книжки в законодательство о труде, разработать порядок разрешения трудовых споров при наличии только электронных документов. Следует учитывать международный опыт регулирования дистанционной и гибкой занятости: например, законодательно закрепить право работника на отключение вне рабочего времени при удалённой работе, определить минимальные социальные гарантии для фрилансеров, занятых через цифровые платформы, и т.п. Обновление нормативной базы должно идти рука об руку с развитием цифровых сервисов, чтобы новые формы занятости не выпадали из правового поля.

Реализация данных предложений требует как организационных усилий, так и финансовых ресурсов. Однако в долгосрочной перспективе вложения в цифровизацию оправдываются за счет роста производительности труда, снижения уровня безработицы и более рационального использования трудового потенциала страны. Следует подчеркнуть, что цифровая трансформация занятости не разовая акция, а постоянный процесс инновационного развития, который должен сопровождаться параллельными изменениями в экономике и образовании.

Литература

1. Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Таджикистан. 16.12.2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prezident.tj/event/missives/54185>
2. 2025-2030: Годы цифровой трансформации экономики Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtsu.tj/news/?ELEMENT_CODE=2472
3. Кабилов Ш.С. Выбор методологии сбора данных в информационных системах управления больших систем // Рушди технологияҳои рақамӣ дар шароити муосир: маводҳои конференсияи III-юми байналмилалӣ илмию амалӣ бахшида ба “Бистсолаи омӯзиш ва рушди фанҳои табиатшиносӣ, дақиқ ва риёзӣ дар соҳаи илм ва маориф” (солҳои 2020-2040) 27-28 декабри соли 2024 / Зери назари доктори илмҳои техники Х.Х.Назарзода, номзоди илмҳои иқтисодӣ Ҷ.Н.Машокиров, номзоди илмҳои иқтисодӣ З.С.Султонов, номзоди илмҳои иқтисодӣ С.С.Амонов. – Душанбе: ДДТТ, 2024. – 425 с. – С.135-137.
4. Концепция развития продуктивной занятости населения Республики Таджикистан на период до 2040 года: утв. Постановлением Правительства РТ от 30.06.2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2022/06/novvi-dokument-v-tadzhikistan-planiruvut-sozdat-ezhegodno-po-100-tysyach-rabochih-mest/>
5. Курбонов А. Влияние цифровизации на миграционные процессы / А.Курбонов, М.Б.Сафарова, М.Д.Нуралиева // Рушди технологияҳои рақамӣ дар шароити муосир: маводҳои конференсияи III-юми байналмилалӣ илмию амалӣ бахшида ба “Бистсолаи омӯзиш ва рушди фанҳои табиатшиносӣ, дақиқ ва риёзӣ дар соҳаи илм ва маориф” (солҳои 2020-2040) 27-28 декабри соли 2024 / Зери назари доктори илмҳои техники Х.Х.Назарзода, номзоди илмҳои иқтисодӣ Ҷ.Н.Машокиров, номзоди илмҳои иқтисодӣ З.С.Султонов, номзоди илмҳои иқтисодӣ Амонов С.С. – Душанбе: ДДТТ, 2024. – 425 с. – С.172-175.

6. Назаров А.Ш., Муродзода У. Биллинговая система в условиях цифровизации экономики // Рушди технологияҳои рақамӣ дар шароити муосир: маводҳои конференсияи III-юми байналмилалӣ илмию амалӣ бахшида ба “Бистсолаи омӯзиш ва рушди фанҳои табиатшиносӣ, дақиқ ва риёзӣ дар соҳаи илм ва маориф” (солҳои 2020-2040) 27-28 декабри соли 2024 / Зери назари доктори илмҳои техники Х.Х.Назарзода, номзади илмҳои иқтисодӣ Ч.Н.Машокиров, номзади илмҳои иқтисодӣ З.С.Султонов, номзади илмҳои иқтисодӣ Амонов С.С. – Душанбе: ДДТТ, 2024. – 425 с. – С.200-201.
7. Назаров А.Ш., Кабилов Ш.С. Изменения на рынке труда в условиях цифровизации // Вестник ПИТТУ им. М.С.Осими. – 2022. – №3(24). – С.72-78.
8. Об итогах деятельности Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан за первое полугодие 2024 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mehnat.tj/ru/news/dt/27992682-25a6-4248-93c1-563ec790053b>
9. Портал E-Shram: крупнейшая в мире база данных неорганизованных работников. От регистрации до признания – революционное путешествие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pib.gov.in/PressNoteDetails.aspx?NoteId=153584&ModuleId=3&reg=3&lang=2>
10. Трудоустройство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/en/topics/policy-issues/employment-services>
11. Шницер Паскаль, Бетчерман Гордон. ИИ в государственных службах занятости: раскрытие потенциала, избегание ловушек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/en/digital-development/ai-in-public-employment-services--unlocking-potential>
12. Цифровизация бизнеса Таджикистана: достижения и вызовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://narodnaya.tj/2025/12/10/cifrovizaciya-biznesa-tadzhikistana-dostizheniya-i-yyzovy/>

DIGITALIZATION OF STATE EMPLOYMENT POLICY AS AN INNOVATIVE FACTOR IN LABOR MARKET DEVELOPMENT

Sharipova Asilya Gulomovna

Doctor of economical sciences,
associate professor of the chair of management and marketing
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992 37) 227 39 73; (+992) 91 950 80 54 (m.)
gavhar.sharipova@bk.ru

Tajikistan, like other countries in the region, faces the challenges of ensuring productive employment amid population growth and structural economic changes. Announcement 2025-2030 The "Years of Digital Economy and Innovation Development" policy adopted by the government of Tajikistan emphasizes the priority of digital transformation for all sectors, including the labor market. In the article, a theoretical and analytical review of the digitalization of state employment policy as an innovative factor in the development of the labor market of the Republic of Tajikistan is presented. The article examines the theoretical foundations of employment digitalization, analyzes the current state of the labor market in Tajikistan and the implementation of digital initiatives in the field of employment, and identifies key challenges. It examines the institutional framework, key digital platforms and tools, the role of big data and artificial intelligence, as well as the socioeconomic effects and limitations of the

digital transformation of the labor market. An analysis of global experience in digitalizing state employment policy as an innovative factor in labor market development and the accumulated problems in Tajikistan demonstrates that, to overcome the identified problems and maximize the impact of digitalization, it is necessary to implement a set of measures aimed at improving employment policy in Tajikistan in the context of global digitalization.

Keywords: productive employment; innovation; digitalization; labor market; transformation; sphere of labor; public policy; personnel; CIS countries; digital initiatives; global experience.

РАҚАМИКУНОНИИ СИЁСАТИ ДАВЛАТИИ ШУҒЛИ АҲОЛӢ ҲАМЧУН ОМИЛИ ИННОВАТСИОНИИ РУШДИ БОЗОРИ МЕҲНАТ

Шарипова Асилия Ғуломовна

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи менеҷмент ва маркетинг
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 227 39 73; (+992) 91 950 80 54 (м.)
gavhar.sharipova@bk.ru

Тоҷикистон, мисли дигар кишварҳои минтақа, дар шароити афзоиши аҳоли ва тағйироти сохтори иқтисод бо мушкилоти таъмини шуғли истеҳсоли рӯ ба рӯ мебошад. Эълон гардидани солҳои 2025–2030 ҳамчун «Солҳои рушди иқтисоди рақамӣ ва инноватсияҳо» дар сатҳи Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон афзалиятнок будани табдили рақамиро барои ҳамаи соҳаҳо, аз ҷумла бозори меҳнат, таъкид менамояд. Мақолаи мазкур шарҳи назариявӣ-таҳлилии рақамигардонии сиёсати давлатии шуғлро ҳамчун омил инноватсионии рушди бозори меҳнати Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод менамояд. Дар мақола асосҳои назариявии рақамигардонии шуғл баррасӣ гардида, таҳлили ҳолати кунунии бозори меҳнати Тоҷикистон ва татбиқи ташаббусҳои рақамӣ дар соҳаи шуғл анҷом дода шудааст, инчунин мушкилоти асосӣ муайян карда шудаанд.

Дар мақола заминаҳои институтсионалӣ, платформаҳо ва абзорҳои асосии рақамӣ, нақши маълумоти калон (Big Data) ва зехни сунъӣ, инчунин таъсири иҷтимоӣ-иқтисодӣ ва маҳдудиятҳои табдили рақамии бозори меҳнат мавриди таҳлил қарор гирифтаанд.

Таҳлили таҷрибаи ҷаҳонии рақамигардонии сиёсати давлатии шуғл ҳамчун омил инноватсионии рушди бозори меҳнат ва мушкилоти ҷамъшуда дар Тоҷикистон нишон медиҳад, ки барои бартараф намудани мушкилоти муайянгардида ва ба ҳадди аксар расонидани самаранокии рақамигардонӣ, татбиқи маҷмӯи чорабиниҳо, ки ба тақмили сиёсати шуғл дар Тоҷикистон дар шароити рақамигардонии глобалӣ равона шудаанд, зарур мебошад.

Калидвожаҳо: шуғли маҳсулноқ; инноватсияҳо; рақамисозӣ; бозори меҳнат; трансформатсия; соҳаи меҳнат; сиёсати давлатӣ; кадрҳо; кишварҳои ИДМ; ташаббусҳои рақамӣ; таҷрибаи ҷаҳонӣ.

УДК 33:796.51 (575.2)

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫМ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ В ГОРНЫХ РЕГИОНАХ ТАДЖИКИСТАНА

Самиев Амруддин Мухамадиевич

Кандидат геологических наук,
доцент кафедры методики преподавания географии и туризма
Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 121
Тел.: (+992) 93 778 48 28 (м.)
amritspu@gmail.com

Мамадризохонов Акбар Алихонович

Доктор биологических наук,
профессор кафедры географии и туризма
Хорогский государственный университет им.М.Назаршоев
736000, Республика Таджикистан, ГБАО, Хорог, ул. Ш. Шотемура, 109
Тел.: (+992) 93 598 45 63 (м.)

Статья посвящена исследованию экосистемного подхода к управлению туристско-рекреационным природопользованием в горных регионах Таджикистана. Учитывая экологическую чувствительность и социально-экономическую значимость горных территорий, авторы акцентируют внимание на необходимости комплексного и сбалансированного развития туристской деятельности. Рассматриваются ключевые институциональные, цифровые и управленческие механизмы, способствующие формированию устойчивых туристских экосистем. Особое внимание уделено межотраслевой интеграции, цифровой трансформации, вовлечению местных сообществ, а также оценке прямого и косвенного вклада туризма в экономику региона. В работе подчёркивается, что эффективное развитие туризма в горных экосистемах возможно только при условии системного подхода, ориентированного на устойчивость, адаптивность и партнёрство.

Ключевые слова. экосистемный подход; устойчивое развитие; туристско-рекреационное природопользование; горные регионы; институциональная среда; цифровая трансформация; экологическая устойчивость; межсекторное взаимодействие; управление туризмом.

Горные экосистемы охватывают более 93 % территории Республики Таджикистан, что обуславливает как их уникальность, так и высокую уязвимость в контексте устойчивого природопользования и социально-экономического развития [10, с.217]. Учитывая значительный потенциал горных территорий для развития

туризма, необходимо признать их стратегическую роль в создании рабочих мест, стимулировании экономического роста и повышении уровня жизни местного населения [15].

Горные экосистемы Таджикистана характеризуются рядом специфических природных условий. Среди них – значительные абсолютные высоты, резкие перепады рельефа, крутые склоны, а также низкие среднегодовые температуры и резкие колебания температур в течение суток. Кроме того, здесь наблюдается ограниченность почвенного покрова, высокая степень эрозионной опасности и нестабильность склоновых процессов [12, с.122].

Эти особенности предопределяют ярко выраженную вертикальную поясность: в зависимости от высоты над уровнем моря горные территории подразделяются на различные природные зоны. В Таджикистане традиционно выделяют низкогорные, среднегорные, высокогорные и нивально-глетчерные (ледниковые) зоны. Каждая из них обладает своими уникальными климатическими, биологическими и геоморфологическими характеристиками. Так, низкогорья отличаются относительно мягким климатом и развитыми почвенно-растительными сообществами. Среднегорные зоны более прохладны, здесь преобладают хвойные и лиственные леса. Высокогорья, находящиеся выше 3 000 метров, характеризуются тундровой и альпийской растительностью, коротким вегетационным периодом и крайне суровыми климатическими условиями. Наконец, на самых больших высотах господствуют вечные снега и ледники.

Различия между этими зонами касаются не только климата и растительности, но и степени пригодности для туризма и рекреации. В одних районах возможно развитие экотуризма, пеших маршрутов и альпинизма, в других же необходим строгий режим охраны в связи с природоохранной ценностью ландшафта и уязвимостью экосистем.

В то же время интенсивная эксплуатация природных ресурсов без учёта экологических ограничений способна привести к деградации экосистем, сокращению биоразнообразия и ухудшению состояния окружающей среды [9, с.318]. В условиях цифровой трансформации экономики и усиления роли устойчивого развития особое значение приобретает экосистемный подход как основа стратегического управления туристско-рекреационным природопользованием [2, с.112].

Экосистемный подход предполагает рассмотрение горных территорий как сложных пространственно-функциональных систем, где природные, социальные, экономические и культурные компоненты находятся в состоянии постоянного взаимодействия. В туристском контексте это означает, что территория не представляет собой лишь совокупность объектов и инфраструктуры, а является интегрированной системой, функционирование которой зависит от баланса и согласованности её элементов [14, с.415].

Связи между компонентами экосистемы – материальные (транспорт, инженерные сети), информационные (цифровые платформы, туристская информация), институциональные (правовое регулирование, формы управления) и социокультурные (взаимодействие с местным населением, традиции) – в совокупности

определяют устойчивость системы. Любые изменения в одной из подсистем, например рост туристической нагрузки или изменение климатических условий, могут вызвать каскадные последствия, влияя на всю систему в целом [5, с.89].

Таким образом, эффективное управление туристским развитием горных территорий должно опираться на принципы системности, адаптивности и межотраслевой интеграции. Экосистемный подход обеспечивает возможность формирования сбалансированных стратегий, направленных на устойчивое использование природного потенциала, сохранение экологического баланса и вовлечение местных сообществ в процессы принятия решений [4, с.38].

Положительное влияние на устойчивое развитие может оказать эффективное использование рекреационных ресурсов. Согласно приведенным исследованиям, территория Таджикистана в Центральной Азии обладает наибольшим рекреационным потенциалом. Поэтому в стране все большее значение приобретает введение в экономический оборот мощных рекреационных ресурсов. [11, с.50].

Развитие туристско-рекреационного природопользования в горных регионах всё в большей степени зависит от экономической и цифровой конвергенции. Взаимодействие различных отраслей экономики на основе единого интереса к устойчивому развитию способствует формированию кооперационных моделей, базирующихся на современных цифровых платформах и механизмах обмена ресурсами, координации управленческих решений и партнёрстве.

В современных условиях цифровой трансформации туризма и регионального управления горные экосистемы начинают рассматриваться не только как природные ландшафты, но и как социально-экономические среды, влияющие на формирование динамических возможностей всех заинтересованных участников – бизнеса, органов власти, научных учреждений, НКО и местных сообществ. Такое взаимодействие укрепляет индивидуальные и территориальные конкурентные преимущества, включая экологическую устойчивость и инвестиционную привлекательность региона.

Формирование туристской экосистемы в горах предполагает институциональную базу, которая включает устойчивые управленческие механизмы и организационные структуры. К ключевым компонентам экосистемы относятся:

- *Цифровая платформа*, интегрирующая информацию о ресурсах, инфраструктуре, услугах и маршрутах;
- *Образовательный кластер*, обеспечивающий подготовку специалистов в области устойчивого туризма, цифрового маркетинга и экологического менеджмента;
- *Общественные и профессиональные организации*, представляющие интересы бизнеса, транспортных операторов, отельеров, гидов и содействующие распространению принципов устойчивости;
- *Принимающее сообщество*, вовлечённое в процессы туризма и заинтересованное в сохранении экологического и культурного потенциала.

Такой институционально-ориентированный подход способствует не внешнему воздействию туризма на окружающую среду, а его интеграции в устойчи-

вую систему территориального развития, основанного на партнёрстве и инновациях.

Эффективность функционирования горных туристских экосистем требует оценки на основе как прямого, так и косвенного вклада туризма в региональную экономику. Прямой вклад включает доходы от размещения, питания, экскурсий и транспорта; косвенный – мультипликативный эффект в смежных отраслях, инвестициях и занятости.

Туристско-рекреационные комплексы могут использовать природные ресурсы и культурные активы горных районов для создания экономических возможностей для местных жителей, сохраняя при этом целостность хрупких экосистем. [6, с. 222]

Вместе с тем, в горных регионах с высокой экологической чувствительностью приоритетом должно стать не количественное наращивание турпотока, а достижение качественной эффективности: получение максимума социальных и экономических выгод при минимизации ущерба природе и снижении социального напряжения.

Важнейшими критериями устойчивого развития туристских экосистем являются:

- *Экологическая устойчивость* – соблюдение стандартов, сохранение биоразнообразия;
- *Социальная включённость* – участие местного населения, повышение качества жизни;
- *Экономическая отдача* – рост доходов, поступлений в бюджеты, инвестиций.

Только сбалансированное развитие туризма с учётом указанных факторов способно обеспечить долгосрочную устойчивость горных территорий без утраты их природного капитала.

Развитие устойчивых туристских экосистем должно стать частью реализации Национальной стратегии развития Республики Таджикистан до 2030 года, в которой подчёркивается значимость горных территорий как экологического и социально-экономического ресурса. Однако данный процесс сдерживается рядом институциональных барьеров, среди которых – фрагментарность законодательства, слабая координация между секторами, недостаток цифровых решений и кадрового потенциала.

Создание институциональной среды устойчивого туризма требует:

- усиления координационной роли государства;
- формирования интегрированной системы взаимодействия всех заинтересованных сторон;
- обеспечения прозрачности управления и оценки эффективности программ;
- укрепления нормативной базы и цифровой инфраструктуры.

Таким образом, устранение институциональных ограничений и развитие управленческой экосистемы позволит создать условия для эффективного взаимодействия между экономическими интересами, потребностями населения и задачами охраны окружающей среды.

Заключение. Экосистемный подход представляет собой действенный методологический инструмент устойчивого управления туристским развитием в горных регионах. Он обеспечивает системное, адаптивное и сбалансированное развитие, опирающееся на комплексное взаимодействие природных, экономических и социокультурных факторов. Применение этого подхода в Таджикистане является необходимым условием достижения стратегических приоритетов устойчивого развития, повышения конкурентоспособности регионов и сохранения уникального природного наследия.

Литература

1. Амонова Д.С., Карамхудоев Х.Е. Основные направления и перспективы развития экологического туризма в высокогорных регионах Таджикистана // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – №3 (71). – С.22-26
2. Большакова Ю.А. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий: дис. ... дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Большакова Юлия Александровна. – Княгинино, 2015. – 160. с.
3. Валиев А.В. Интенсификация пастбищного хозяйства Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 206 с.
4. Дьякова Е.А. Экосистемный подход в управлении рекреационным природопользованием / Е.А.Дьякова, Б.Б.Рубцов, О.В.Шевелева // Экономика природопользования. – 2020. – №2. – С.35-42.
5. Ефимова Е.В. Стратегическое управление устойчивым развитием сельских территорий: дис. ...канд. экон. наук: 08.00.05 / Ефимова Екатерина Викторовна. – Саранск, 2017. – 171с.
6. Ёров Дж.Н. Формирование и направления развития туристско-рекреационных комплексов Республики Таджикистан: теория, методология, практика: дис. ... д-ра экон.наук: 08.00.04 (08.00.04.06) / Ёров Джамшед Нуруллоевич. – Душанбе, 2025. – 372с.
7. Ёров Дж.Н. Формирование и направления развития туристско-рекреационных комплексов Республики Таджикистан: теория, методология, практика: автореф. дис. ... д-ра экон.наук: 08.00.04 (08.00.04.06) / Ёров Джамшед Нуруллоевич. – Душанбе, 2025. – 53с.
8. Мадаминов А.А. Продуктивность горных пастбищ и сенокосов Таджикистана. – М.: ВИНТИ, 1992. – 191 с.
9. Мамадризохонов А.А. Экотуризм в горных регионах Таджикистана. – Душанбе, 2013. – 594 с.
10. Мамадризохонов А.А. Организация туристской деятельности. – Душанбе: Андалеб, 2016. – 401 с.
11. Мухаббатова Н. Географические аспекты социально-экономического развития горных регионов (на примере Раштского региона Республики Таджикистан): дис. ... канд. геог. наук: 25.00.24 / Мухаббатова Наргис. – Душанбе 2023. – 162с.
12. Национальный план действий Республики Таджикистан по смягчению последствий изменения климата. – Душанбе: Таджикглавгидромет, 2003. – 264 с.
13. Станюкович К.В. Растительность гор СССР. – Душанбе: Дониш, 1973. – 416 с.
14. Bramwell B. & Lane B. Critical research on the governance of tourism and sustainability // Journal of Sustainable Tourism. – 2011. – №19(4-5). – P.411-421.
15. UNWTO (World Tourism Organization). Tourism for Development: A Sustainable Path Forward. – 2022.

**AN ECOSYSTEM-BASED APPROACH TO MANAGING TOURISM AND
RECREATIONAL NATURE MANAGEMENT IN THE MOUNTAIN
REGIONS OF TAJIKISTAN**

Samiyev Amruddin Mukhamadievich

Candidate of geological sciences,
associate professor of the chair of teaching methods, geography and tourism
Tajik state pedagogical university names after S. Aini
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 121
Ph.: (+992) 93 778 48 28 (m.)
amritspu@gmail.com

Mamadrizokhonov Akbar Alikhanovich

Doctor of biological sciences,
professor of the chair of geography and tourism
Khorog state university names after M. Nazarshoev
736000, Republic of Tajikistan, Gorno-Badakhshan Autonomous Region,
Khorog, Sh. Shotemur str., 109
Ph.: (+992) 93 598 45 63 (m.)

The article is devoted to the ecosystem-based approach to managing tourism and recreational nature management in the mountainous regions of Tajikistan. Considering the environmental sensitivity and socioeconomic significance of mountainous regions, the authors emphasize the need for integrated and balanced development of tourism. Key institutional, digital, and governance mechanisms that facilitate the development of sustainable tourism ecosystems are examined. Special attention is paid to cross-sector integration, digital transformation, local community engagement, and assessing the direct and indirect contribution of tourism to the regional economy. The paper emphasizes that effective tourism development in mountain ecosystems is only possible with a systems approach focused on sustainability, adaptability and partnership.

Keywords: ecosystem approach; sustainable development; tourism and recreational nature management; mountain regions; institutional environment; digital transformation; environmental sustainability; intersectoral interaction; tourism management.

РАВИШИ ЭКОСИСТЕМӢ БА ИДОРАКУНИИ САЙӢХӢ ВА ИДОРАКУНИИ ТАБИАТИ ФАРОГАРДӢ ДАР МИНТАҚАҲОИ КӢҲИСТОНИ ТОҶИКИСТОН

Самиев Амруддин Мухамадиевич

Номзади илмҳои геологӣ,
дотсенти кафедраи методикаи таълими ҷуғрофия ва сайёҳӣ
Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 121
Тел.: (+992) 93 778 48 28 (м.)
amritspu@gmail.com

Мамадризохонов Акбар Алихонович

Доктори илмҳои биологӣ,
профессори кафедраи ҷуғрофия ва сайёҳӣ
Донишгоҳи давлатии Хоруғ ба номи М. Назаршоев
736000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон,
Хоруғ, кӯч. Ш. Шотемур, 109
Тел.: (+992) 93 598 45 63 (м.)

Мақола ба омӯзиши равиши экосистемавӣ барои идоракунии сайёҳӣ ва истифодаи табиати фароғатӣ дар минтақаҳои кӯҳистонии Тоҷикистон бахшида шудааст. Бо назардошти хассосияти экологӣ ва аҳамияти иҷтимоӣ-иқтисодии минтақаҳои кӯҳистонӣ, муаллифон ба зарурати рушди муттаҳид ва мутавозини фаъолиятҳои сайёҳӣ тамаркуз мекунанд. Механизмҳои калидии институтсионалӣ, рақамӣ ва идоракунии, ки ба ташаккули экосистемаҳои устувори сайёҳӣ мусоидат мекунанд, баррасӣ мешаванд. Таваҷҷӯҳи махсус ба ҳамгирони байнисоҳавӣ, табдили рақамӣ, ҷалби ҷомеаҳои маҳаллӣ, инчунин арзёбии саҳми мустақим ва ғайримустақими сайёҳӣ ба иқтисоди минтақа равона карда шудааст. Дар ин мақола таъкид шудааст, ки рушди самараноки сайёҳӣ дар экосистемаҳои кӯҳистонӣ танҳо бо равиши системавӣ, ки ба устуворӣ, мутобикшавӣ ва шарикӣ нигаронида шудааст, имконпазир аст.

Калидвожаҳо: равиши экосистема; рушди устувор; сайёҳӣ ва идоракунии табиати фароғатӣ; минтақаҳои кӯҳистон; муҳити институтсионалӣ; табдили рақамӣ; устувории экологӣ; ҳамкории байнисоҳавӣ. идоракунии сайёҳӣ.

УДК 338.46

**РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: СОВРЕМЕННАЯ
ИНФРАСТРУКТУРА И МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ
УСТОЙЧИВОСТИ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В
РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

Кошонова Манзура Рахматджановна

Доктор экономических наук, профессор кафедры финансов
Таджикский государственный финансово-экономический университет
734064, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Нахимова, 64/1
Тел.: (+992) 93 555 50 72 (м.)
manzura@yandex.ru

В статье анализируется развитие современной инфраструктуры для поддержки предпринимательства и механизмы создания новых инновационных производств, направленных на решение комплекса важных научных и практических вопросов экономики и финансового менеджмента. Приводится опыт зарубежных стран, связанный с влиянием малых и конкурентоспособных промышленных предприятий на создание новых рабочих мест, усиление инновационной активности, повышение производительности труда и экономического роста. Автор рекомендует использование зарубежного опыта в Республике Таджикистан. На основе статистического анализа о деятельности МСП обосновывается, что финансовая устойчивость предприятий тесно связана с обеспечением их современной инфраструктуры.

Ключевые слова: современная инфраструктура, финансовая устойчивость, МСП (малое и среднее предпринимательство), развитие предпринимательской деятельности, механизм управления финансовой устойчивостью, государственная поддержка, факторы развития предпринимательства.

Постановка вопроса. Малые и средние предприятия считаются драйвером развития национальной экономики во всех развитых и развивающихся странах, включая Таджикистан. Они вносят значительный вклад в создание рабочих мест, рост производства, формирование бюджета и налоговых поступлений, а также развитие новых технологий. Поэтому государство и научное сообщество уделяют особое внимание развитию инфраструктуры для поддержки предпринимательства.

Анализ последних исследований и публикаций. Развитие инфраструктуры для поддержки предпринимательства и механизмы содействия созданию новых инновационных производств способствуют решению комплекса важных научных и практических задач экономики и финансового менеджмента, а разработка рекомендаций и механизмов содействия финансовой устойчивости малых и средних предприятий придает актуальность исследуемой проблеме. В этой связи

необходимо упомянуть, что в Республике Таджикистан были приняты и целенаправленно реализуются долгосрочные национальные стратегии развития и более 500 отраслевых и региональных программ. В настоящее время реализуются Программа среднесрочного развития Республики Таджикистан на 2021-2025 годы, Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года.

Целью статьи является выявление социально-экономической значимости инфраструктуры и ее влияния на обеспечение финансовой устойчивости субъектов малого и среднего предпринимательства.

Основное содержание материала. Проблема инфраструктуры многогранна и многоаспектна, так как касается инфраструктуры рынка. Инфраструктура рынка обслуживает и предпринимательство, а значит инфраструктура рынка может быть основой инфраструктурой МСП, которая нуждается в адаптации в современных условиях с рыночными законами и процессом глобализации. Однако инфраструктура предпринимательства имеет свои особенности, так как создает условия для развития отраслей экономики, человеческого капитала, инновационных открытий и создания рабочих мест.

Малые и средние предприятия играют значительную роль в экономиках всех стран, поскольку являются драйверами экономического роста и инноваций. В настоящее время малые и средние предприятия (МСП) составляют около 90% всех предприятий в мире, обеспечивают до 70% рабочих мест и около 50% мирового ВВП. Это особенно актуально для стран с развивающимися рынками, где около 131 миллиона, или 41% от общего числа МСП, не имеют доступа к формальному кредитованию для развития бизнеса [4].

Следует отметить, что современная инфраструктура для поддержки предпринимательства представляет собой комплекс организационных мер, направленных на развитие и поддержку малых и средних предприятий (МСП). Она состоит из финансовой, консультационной, информационной и институциональной поддержки. Вспомогательная инфраструктура включает в себя коммунальные услуги, другие общественные удобства, такие как кафетерии, рестораны, банки, туристические агентства и другие аналогичные объекты, которые необходимы в регионах республики для удобства сотрудников, работников. Согласно исследованиям американского экономиста Д.Бёрча, 82% новых рабочих мест создается на малых предприятиях, а новые компании практически являются локомотивом (двигателем) развития экономики США. В результате исследования Д.Бёрч установил, что большая часть рабочих мест создается на малых, быстрорастущих предприятиях. Эта группа быстрорастущих предприятий, составляет не более 3% от общего объема торговли США, которая получила название «Газели», то есть компании, которые значительно повышают финансовую устойчивость предприятия за короткое время. Например, по данным исследований с 1990 по 1994 год «Газели» создали 5 млн рабочих мест, что дало значительный толчок развитию экономики США [5].

Анализ опыта других стран также свидетельствует о значительном вкладе малых и конкурентоспособных промышленных предприятий в создание новых

рабочих мест, усиление инновационной активности, повышение производительности труда и экономический рост. Например, исторический опыт показывает, что в Австралии в 1997-1998 гг. 45% от общего числа новых рабочих мест было создано малыми предприятиями, и этот процесс продолжается и по сей день. В Нидерландах более 80% новых рабочих мест обеспечивают вновь созданные и быстрорастущие компании. Исследования ученых Гарвардского университета показали, что наибольшим потенциалом создания новых рабочих мест обладают малые и средние предприятия, однако крупные предприятия с численностью сотрудников более 1000 человек способны создать лишь 13% новых рабочих мест. Например, в США крупные предприятия обеспечивают 37% рабочих мест. Приведенные исследования способствуют разработке нового направления политики поддержки национальной экономики в сфере деятельности конкурентоспособного промышленного предпринимательства в целях стимулирования предпринимателей, а также указывают на необходимость совершенствования механизмов для повышения конкурентоспособности, создания благоприятных условий для предпринимателей, способствующих их выходу со своей продукцией на внутренний и внешние рынки страны.

Анализ статистических данных Республики Таджикистан о деятельности малых и средних предприятий показал, что в количестве зарегистрированных юридических лиц по форме собственности, размеру и региону в Республике Таджикистан в 2017-2023 гг. наблюдается значительный рост. За эти годы количество предприятий увеличилось с 42 031 (в 2017 году) до 55 636 (в 2023 году), или на 32,4%.

Таблица 1 – Состояние индивидуального предпринимательства в Республике Таджикистан за 2017-2023гг. (ед.)

годы	Состояние МСП	Республика Таджикистан (РТ)	ГБАО Горно-бадахшанская область	Хатлонская область	Согдская область	г.Душанбе	Районы республиканского подчинения (РРП)
2017	зарегистрированные	42031	1609	12484	10716	10280	6942
	действующие	25923	928	7250	8162	5477	4106
	закрытые	16108	681	5234	2554	4803	2836
2018	зарегистрированные	43252	1669	12773	11025	10656	7129
	действующие	26850	987	7592	8308	5755	4212
	закрытые	16402	682	5181	2717	4901	2917

2019	зарегистриро- ванные	46465	1797	13805	11906	11275	7682
	действующие	27069	1081	7626	8280	5795	4287
	закрытые	19396	716	6179	3626	5480	3395
2020	зарегистриро- ванные	47639	1870	14021	12187	11708	7853
	действующие	28056	1289	7932	8453	5970	4412
	закрытые	19583	581	6089	3734	5738	3441
2021	зарегистриро- ванные	48625	1920	14218	12359	12498	7630
	действующие	29967	1338	8539	8923	6555	4612
	закрытые	18658	582	5679	3436	5943	3018
2022	зарегистриро- ванные	52134	2015	14820	13228	13886	8185
	действующие	31840	1486	8869	9435	6857	5193
	закрытые	20294	529	5951	3793	7029	2992
2023	зарегистриро- ванные	55636	2110	15625	14353	14792	8756
	действующие	33228	1542	9087	9928	7310	5361
	закрытые	22408	568	6538	4425	7482	3395

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2024. С.227; 2023. С.227; 2022. С.225; 2021. С.354; 2020. С.218; 2019. С.210; 2018. С.210.

Как показано в таблице 1, в анализируемые годы количество зарегистрированных предприятий существенно отличается от количества действующих:

- количество действующих предприятий в Республике Таджикистан по отношению к количеству ликвидированных предприятий в 2023 году составило 33 228 единиц, или 59,7% от числа зарегистрированных предприятий, что по сравнению с 2017 годом составляет 25 923, или 61,7% от числа зарегистрированных предприятий. Это свидетельствует о том, что из 100% зарегистрированных предприятий в 2023 году действовало лишь 59,7%, а в 2017 году – 61,7%, реально функционировали. То есть в 2023 году по сравнению с 2017 годом активность действующих предприятий снизилась всего на 1,7%, что является тревожным сигналом с точки зрения политики развития предпринимательства, обеспечения занятости рабочей силы, и обеспечения доходов. В таблице 2 представлена динамика активности ликвидированных предприятий в процентах от зарегистрированных предприятий.

Таблица 2 – Динамика деятельности предприятий в Республике Таджикистан за 2017, 2023гг. (в %)

годы	показатели	РТ	ГБАО	Хатлон	Согд	Душанбе	РРП
2017	Количество зарегистрированных предприятий (в %)	100	100	100	100	100	100
	Количество закрытых предприятий (в%)	38,3	42,3	41,9	23,8	46,7	40,8
	Количество действующих предприятий(в%)	61,7	57,7	58,1	76,2	53,3	59,2
2023	Количество зарегистрированных предприятий (в %)	100	100	100	100	100	100
	Количество закрытых предприятий (в%)	42,2	26,9	41,8	30,8	50,5	38,7
	Количество действующих предприятий(в%)	57,8	73,1	58,2	69,2	49,8	61,3

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2024. С.227; 2018. С.210.

Следует отметить, что в 2017 году по сравнению с 2023 годом тенденция ликвидации (закрытия) предприятий в Республике Таджикистан увеличилась на 3,9%. В регионах Республики Таджикистан: в ГБАО показатель снизился почти на 15,4%; в Хатлонской области остался без изменений, т.е. показатель ликвидации предприятий составил 41,9%; в Согдийской области увеличился с 23,8% до 30,8%, т.е. на 7%; в Душанбе увеличился с 46,7% до 50,5%, т.е. на 4,2%; в РРП снизился с 40,8% до 38,7%, т.е. на 2,1%.

Безусловно, для эффективной и устойчивой деятельности малых и средних предприятий (МСП) существуют некоторые проблемы:

- несоответствие институциональных, законодательно-правовых основ;
- недостаточное обеспечение финансовых ресурсов;
- недостаточная обеспеченность современных инфраструктур;
- недостаточные методологические разработки для предотвращения периодических рисков МСП.

Следует отметить, что при численности занятых на предприятиях до 30 человек, по законодательству Республики Таджикистан, к субъектам малого предпринимательства (МСП) относятся индивидуальные предприниматели и юриди-

ческие лица, которые соответствуют следующим критериям: средняя численность работников не должна превышать 30 человек за календарный год для большинства видов деятельности. Для производителей сельскохозяйственной продукции показатель не более 50 человек за календарный год. Если какой-либо из этих критериев превышен, компания теряет статус субъекта малого предпринимательства¹. Проанализировав показатели малых и средних предприятий с численностью работников до 30 человек, можно отметить положительный рост. Количество действующих предприятий (с численностью работников до 30 человек) увеличилось с 75% до 79,3% в период с 2017 по 2023 год. Даже в 2022 году наблюдается рост до 80,5%.

Однако в таблице 3 анализ данных показал, что по частным малым и средним предприятиям с численностью работников до 30 человек имеется заметное различие в их количестве. Очевидно, что большинство предприятий перешли на частное правление, и это говорит о том, что социально-экономические реформы в Таджикистане и Программа Национальная стратегия развития экономики до 2030 годы и последующие принятые программы и законодательные акты реализуются.

В Республике Таджикистан в период с 2017 по 2023 год 75-80% действующих предприятий были зафиксированы в статистике республики как действующие по форме частной собственности.

Таблица 3 – Динамика деятельности действующих предприятий с численностью работающих до 30 человек за анализируемые годы

Регионы	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2023 отно- ситель- но 2017г.
Республика Таджикистан	20324	21438	21734	22509	24350	26209	27690	136
ГБАО	705	752	854	1040	1099	1251	1336	189
Хатлон	5466	5949	5996	6227	6824	7158	7363	134
Согд	6405	6702	6705	6823	7255	7778	8312	129
г.Душанбе	4560	4735	4778	4926	5445	5694	6191	135
РРП	3188	3300	3401	3493	3727	4328	4488	140
Частные предприятия до 30 человек								
Республика Таджики	16545	17375	17450	18240	19829	21620	22945	138

¹ <https://www.google.com/search?q>

стан								
ГБАО	240	275	357	536	581	712	757	315
Хатлон	4255	4582	4550	4784	5310	5608	5773	135
Согд	5769	5903	5839	5972	6357	6872	7351	127
г.Душанбе	4105	4338	4374	4509	4969	5268	5730	139
РРП	2176	2277	2330	2439	2612	3160	3334	153

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе, 2024. С.227; 2023. С.227; 2022. С.225; 2021. С.354; 2020. С.218; 2019. С.210; 2018. С.210.

Как видно из таблицы, в регионах самые низкие показатели наблюдались в ГБАО – 31,7% в 2017 году и с 2020 года – 55,7%; в Хатлонской области в анализируемые годы – от 71,5 до 76,7%; в Согдийской области – от 82 до 84,86%; в Душанбе – от 84 до 90%; в РРП – от 63 до 72%.

Это, безусловно, свидетельствует о неравномерном развитии МСП и их необеспеченности финансовыми ресурсами, а также недостаточной реализации социально-экономических реформ.

Стоит отметить, что в результате дальнейшего исследования малого и среднего предпринимательства было установлено, что большинство рабочих мест создается в малых и быстрорастущих предприятиях. Социологические исследования, проведенные USAID, показали, что 70% нанятых работников приходится на МСП, однако эти наймы не были закреплены договорами, а были основаны на устных договоренностях¹. Общеизвестно, что оценка развития финансовой устойчивости предприятий основывается не только на факторах платежеспособности, ликвидности, уставного капитала, обеспеченности денежными средствами, кредитования, обеспеченности основными средствами, оборачиваемости, выполнения обязательств предприятия перед соответствующими органами, но и на долгосрочной перспективе деятельности предприятий, то есть чем дольше предприятие продолжает свою деятельность, тем больше оно получает прибыль и обеспечивает рабочую силу рабочими местами. Таким образом, мы посчитали, что информация, представленная в таблице 4, может расширить и уточнить информацию о финансовой устойчивости предприятий. В связи с этим мы рассмотрели количество действующих предприятий и проанализировали для сравнения два года. Были выборочно взяты данные из статистики по непрерывно функционирующим предприятиям в определенные годы, чтобы выявить, насколько они финансово устойчивы, что функционируют с 2020 по 2023 год. Финансовая устойчивость предприятий в данном случае была определена по количеству предприятий, которые функционировали в определенный момент времени.

¹ Kanat Tilekeyev Micro-, Small- and medium Enterprises in Tajikistan: Drivers of and Barriers to Growth. Working paper. 2014. №1. University of Central Asia URL: <https://www.ucentralasian.org>

Таблица 4 – Количество финансово устойчивых предприятий в Республике Таджикистан за 2020 г.¹(ед.)

Регионы	Колич.зарегистр ированных предпр.		Действующие предприятия		Закрытые предприятия	
	Количество юр.лиц	Количество индивидуальных пред.	Количество юр.лиц	Количество индивидуальных пред.	Количество юр.лиц	Количество индивидуальных пред.
Республика Таджикистан	47639	592794	35392	304041	12247	288753
ГБАО	1870	10002	1806	4328	64	5674
Хатлон	14021	159081	10314	96562	3707	62519
Согд	12187	207922	9596	111401	2591	96521
г.Душанбе	11708	104044	8097	34903	3611	69141
РРП	7853	111745	5579	56847	2274	54898

Таблица 5 – Количество финансово устойчивых предприятий в Республике Таджикистан (2023 г.)²

Регионы	Количество зарегистриров анных		Действующих		Закрытых	
	Количество юр.лиц	Количество индивидуаль- ных пред.	Количество юр.лиц	Количество индивидуаль- ных пред.	Количество юр.лиц	Количество индивидуаль- ных пред.
Республика Таджикистан	55636	686046	33228	316463	22408	369583
ГБАО	2110	16380	1542	7531	568	8849
Хатлон	15625	184717	9087	102472	6538	82245
Согд	14353	239702	9928	113847	4425	125855
г.Душанбе	14792	122051	7310	37103	7482	84948
РРП	8756	123196	5361	55510	3395	67686

Источник: Статистический ежегодник Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2024. С.227, 231.

¹ Таджикистан. 30 лет государственной независимости. Статистический сборник. Душанбе 2021. С. 347.

² Там же.

Анализ исследуемого периода показывает, что по тем или иным причинам регистрация и ликвидация предприятий имеет тенденцию роста. Например, если сравнить семилетний период с 2015 по 2023 год, то становится ясно, что на рост малых и средних предприятий оказали влияние определенные факторы, в частности, принятие ряда законов о поддержке предпринимательства в 2015, 2017, 2021, 2022, 2023 гг. (Закон Республики Таджикистан «О государственной защите и поддержке предпринимательства в Республике Таджикистан» (в редакции Законов Республики Таджикистан от 25.07.2005 г., №98, от 12.05.2007 г., №259, от 31.12.2008 г., №463, от 29.12.2010 г., №658, от 25.03.2011 г., №701 от 26 июля 2014 года №1107), Закон Республики Таджикистан «О защите конкуренции» (от 30 мая 2017 года №1417), которые положительно повлияли на финансовую устойчивость МСП в плане их непрерывного и активного функционирования. Следует отметить, что нами также были проведены исследования по выявлению финансовой устойчивости предприятия на примере отдельно взятых МСП ROA (Return on Assets – рентабельность активов), ROE (коэффициент рентабельности собственного капитала). Результаты исследования показывают, насколько эффективно они используют свои активы и получают прибыль [2]. Однако в предлагаемой статье с целью выявления финансовой устойчивости мы акцентируем внимание на таких показателях, как непрерывность и постоянство функционирования предприятий.

В процессе анализа был использован метод «Map viewer», поскольку пользователи признают его преимущество в более точном и наглядном отображении экономических статистических показателей, влияния того или иного фактора на карте. С нашей точки зрения, этот метод полезен ученым, экономистам и политикам для определения статистических показателей в секторах экономики каждого населенного пункта, города, села и района, наглядно показывая преимущества и недостатки того или иного элемента в регионе, делая анализ полным для общественного рассмотрения и, как следствие, облегчая проведение ранжирования регионов.

**Карта 1 – Количество финансово устойчивых предприятий
в Республике Таджикистан (в 2020 году) (ед.)**

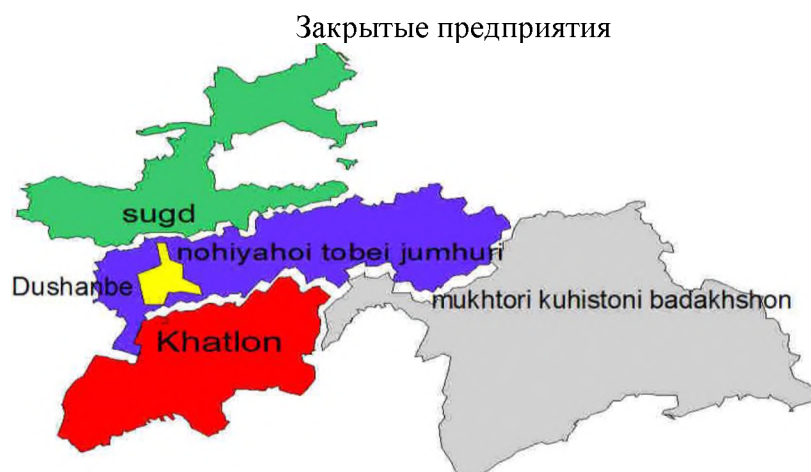

Рейтинг регионов(единица)

	Хатлон	Согд	г. Душанбе	РРП	ГБАО
2021	14021	12187	11708	7853	1870
Рейтинг	1	2	3	4	5

На карте мы показали максимумы и минимумы статистических чисел разными цветами. Использование разных цветов основано на изучении психологических методов. Первым, кто использовал цветовой тест для определения активности человека, был швейцарский ученый Макс Люшер. Ученый считал, что цветовая диагностика является не только простым и удобным методом оценки по сравнению с вербальными методами, но и дает возможность получить более интересные результаты. Следует отметить, что французский ученый, экономист, социолог, международный консультант как в Российской Федерации, так и в странах СНГ, и в Таджикистане в частности, Иван Самсон активно использовал этот тест, он только усовершенствовал его в демографических, социально-экономических анализах, отображая эти цвета на картах региона [6]. В нашем примере цвета были классифицированы и использовались для определения активности функционирования предприятий следующим образом: красный цвет – означает высокий уровень достижений, желтый цвет – действия, которые направлены на достижение главной цели в будущем, зеленый цвет – указывает на движение деятельности, синий цвет – требует умеренной, спокойной деятельности, а серый цвет – указывает на неактивные движения. То есть серый цвет отражает низкое экономическое и финансовое положение конкретного региона по сравнению с другими цветами. Таким образом, регион ГБАО показан с точки зрения недостаточного количества предприятий и, следовательно, его низкого финансового уровня. В ГБАО в 2021 году количество предприятий достигло 1870. По сравнению с Хатлонской областью это в 7,5 раз меньше, по сравнению с Согдийской областью – в 6,5 раз меньше, по сравнению с городом Душанбе – в 5,5 раз меньше, по сравнению с РРП – в 4 раз меньше.

Карта 2 – Количество финансово неустойчивых предприятий в Республике Таджикистан (в 2020 году) (ед.)

Рейтинг регионов. (единица)

	Хатлон	г. Душанбе	Согд	РПП	ГБАО
2021	3707	3611	2591	2274	64
рейтинг	1	2	3	4	5

Карта 3 – Количество финансово устойчивых предприятий в Республике Таджикистан (в 2023 году) (ед.)

Зарегистрированные предприятия

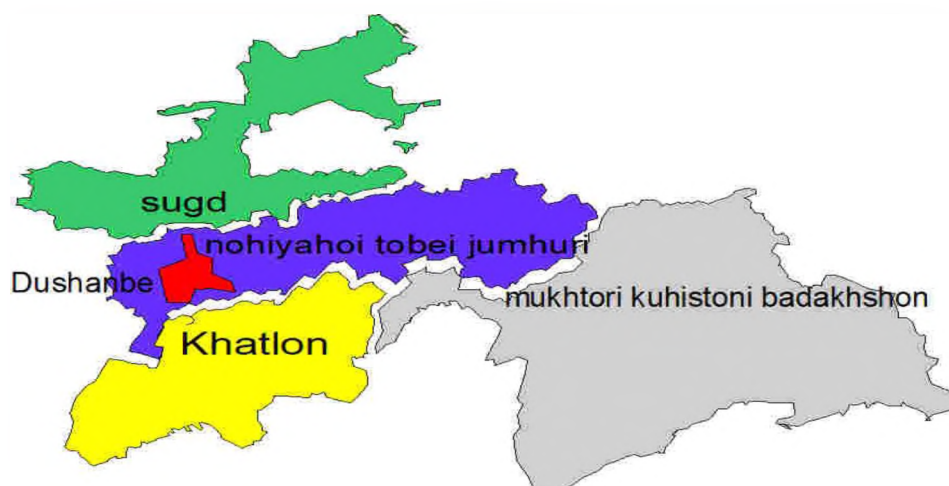

Рейтинг регионов (единица)

	Хатлон	г. Душанбе	Согд	РПП	ГБАО
2023	15625	14792	14353	8756	2110
Рейтинг					

Карта 4 – Количество предприятий, имеющих финансовую устойчивость в Республике Таджикистан (в 2023 году) (ед.)

Зарегистрированные предприятия

Рейтинг регионов (единица)

	г. Душанбе	Хатлон	Согд	РРП	ГБАО
2023	7482	6538	4425	3395	568
рейтинг					

Таблица 5 – Динамика вновь созданных предприятий за 2000-2023гг.

(единица)

Регионы РТ	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2023г. относительно 2000, в %
Республика Таджикистан	21286	45000	25083	42358	47639	48625	52134	55636	261,3
ГБАО	857	1035	1121	1724	1870	1920	2015	2110	246,2
Хатлон	5279	13268	6934	12350	14021	14218	14820	15625	295,9
Согд	5801	12063	6131	10328	12187	12359	13228	14353	247,4
г. Душанбе	4356	7057	6487	10860	11708	12498	13886	14792	339,5
РРП	4993	11566	4410	7096	7853	7630	8185	8756	175

Источник: Ежегодная статистика Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2024. С.226.

Данные таблицы 5 показывают, что количество предприятий имеет тенденцию к росту, за исключением резкого роста в 2010 году, который, по нашему мнению, был вызван влиянием ипотечного кризиса 2007 года, разразившегося в США. В целом, экономические реформы положительно влияют на переход к рыночной экономике. Также наблюдается тенденция к увеличению количества предприятий и организаций в регионах Республики Таджикистан.

Неоспоримо, что развитие предпринимательства является залогом прогресса и экономического развития любого региона. Рост предпринимательской активности является важным показателем экономического развития города/района и влияет на общий индекс экономической активности и предпринимательства. В связи с этим эффективность предпринимательской деятельности отражается в секторах экономики.

Если обратиться к таблице 6, то она дает оценку экономической активности в республике и, безусловно, может отражать данные о предпринимательской активности, то есть занятости в секторах экономики в целом. Анализ данных таблицы 6 позволяет выдвинуть гипотезу относительно занятости в секторах экономики. Занятость в предпринимательской деятельности также обычно включается как показатель и вспомогательная инфраструктура в разных отраслях экономики.

На тех предприятиях, где экономическая активность населения находится на стадии движения, она демонстрирует положительную динамику в их деятельности, а значит и в их финансовой устойчивости.

Таблица 6 – Общие показатели динамики экономической активности в отраслях экономики за рассматриваемые годы (число)

Сфера экономики	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2023 по сравнению с 2010 в %
Сельское хозяйство в том числе обрабатывающ.	5943	19404	6183	8989	10194	10252	10461	11192	188,3
Добывающая промышленность	149	199	90	335	537	569	608	727	4,9 м
Обработка, промышленность	1639	2164	1519	2711	3586	3658	4648	5058	3,1м
Строительство	1976	2545	1626	2781	3463	3523	3833	4314	2,4м
Транспорт, коммуникация	592	788	693	1180	1012	1087	1780	1778	3,0м
Торговля	2352	6173	2710	7831	9255	9345	9721	10001	4,7м
Образование	353	576	2551	4398	5364	5424	5682	5709	16,1 м
Здравоохранение	571	695	522	1120	1277	1356	1554	1574	2,7 м

Другие услуги	1603	3330	4298	5652	2800	2805	2892	2977	185,7
Недвижимое имущество	3405	5832	2178	3496	698	727	765	730	-27,4 м

Источник: Ежегодная статистика Республики Таджикистан / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе, 2024. С.222, 223, 224.

Анализ общих показателей динамики экономической активности в секторах экономики выявил, что бытовые услуги, операции с недвижимым имуществом, образование, транспорт и т.д. предоставляются малыми предприятиями (ремонтные мастерские, парикмахерские, химчистки, транспортные услуги и ЖКХ и т.д.). Он также показал динамику количества вновь созданных и ликвидированных предприятий за последние годы.

Надо отметить, что в 2021-2023 гг. показатели изменились по сравнению с предыдущими годами. Например, в 2023 году по сравнению с 2010 годом экономическая активность в сельском хозяйстве выросла на 188,3%; а в добывающей промышленности – в 4,9 раза, в обрабатывающей промышленности – в 3,1 раза; в строительстве – в 2,4 раза; в транспорте и связи – в 3,0 раза; в образовании – в 16,4 раза. В здравоохранении она выросла в 2,7 раза. Только в коммунальном хозяйстве и бытовых услугах в 2023 году она снизилась на 185,7%, а количество операций с недвижимым имуществом в том же году сократилось в 27,4 раза. Если рассматривать тенденцию, то динамика экономической активности наиболее росла до 2015 года, а затем снижалась с 2020 по 2021-2023 гг. Причину такого спада мы видим в социально-экономическом кризисе, распространении COVID-19, а затем и в нестабильности мировой геополитической обстановки. Изучая данные таблицы 6, мы видим также колебания (вверх и вниз) количества предприятий разных отраслей в отдельные годы и по разным причинам (мировой финансовый кризис, ограничения, связанные с пандемией, различные геополитические конфликты стран-партнеров, объявление РФ санкции со стороны США и европейских стран). Все это не могло не повлиять на финансовую устойчивость и, в свою очередь, активно функционировать МСП в Таджикистане.

Следует отметить, что из 17 отраслей, отраженных в статистическом пакете, мы выбрали 10, наиболее важных для оценки финансовой устойчивости (см.табл.6). В целом, по количеству, распределению предприятий и организаций по видам экономической деятельности, на выбранные нами отрасли приходится от 80 до 92,6% от общего числа видов экономической деятельности в республике. Хотя не все отрасли включены в наш анализ, они, тем не менее, демонстрируют тенденцию к росту. Также важную роль в обеспечении финансовой устойчивости играют следующие факторы:

- доступ субъектов малого и среднего предпринимательства и индивидуальных предпринимателей к информационно-консультационным услугам на территории;

- доступ субъектов малого и среднего предпринимательства и индивидуальных предпринимателей, в том числе женщин-предпринимателей, к кредитам;
- поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства и индивидуальных предпринимателей со стороны государственных органов (программы и проекты, финансируемые из бюджета);
- влияние трудовой миграции на развитие предпринимательского потенциала города/района (в том числе доля возвратившихся трудовых мигрантов, занятых в малом и среднем бизнесе), анализ тенденций последних лет посредством изучения статистических данных.

Следует отметить, что уровень предпринимательской активности весьма нестабилен по отношению к уровню организации системы местного самоуправления. Органы государственной власти своими действиями и бездействием могут как способствовать, так и препятствовать развитию предпринимательской деятельности.

Необходимость влияния государственного механизма на национальную экономику обусловлена тем, что в условиях рыночной экономики рынок не может решить все проблемы и трудности общества. Ограниченность рыночных механизмов проявляется в том, что эти меры не в состоянии обеспечить рациональное использование природных ресурсов (полезных ископаемых) и охрану окружающей среды, необходимый уровень образования, культуры, здравоохранения и т.д.

Государственное регулирование предпринимательской деятельности не ограничивается только государственными программами и действиями государственных органов, но и требует участия государства в создании необходимых условий для развития предпринимательства. Другими словами, государственные органы активно участвуют в развитии предпринимательской инфраструктуры. Государство должно обеспечивать законодательную базу для деятельности всех субъектов предпринимательства, а они, в свою очередь, оказывают содействие государственным органам в проведении различных мероприятий и реализации программ.

В целом меры государственной поддержки должны включать следующие основополагающие факторы:

1. Институциональный фактор. Определяет качество институциональной среды, эффективность деятельности государственных институтов развития, качество и ориентацию на институциональный результат, формируемый в экономической среде.

2. Инновационный фактор. Уровень развития элементов национальной и региональной инновационной системы, а также зависимость развития промышленного предпринимательства от уровня развития элементов инновационной системы.

3. Инфраструктурный фактор. Определяет уровень развития инфраструктуры национальной и региональной экономической системы и ее влияние на развитие промышленности страны.

4. Кадровый фактор (квалификация). Все трудовые и человеческие ресурсы, направляемые на стимулирование других факторов и обеспечение их потенциа-

ла, вносят существенный вклад в реализацию программ подготовки и переподготовки кадров в стране.

5. Социальный фактор. Определяет качество жизни и конкурентоспособность социально-экономической системы как благоприятной территории для проживания.

6. Интеграционный фактор. Данный фактор направлен на определение способности сектора промышленного предпринимательства интегрироваться в мировое, региональное и национальное экономическое пространство с точки зрения поиска рынков сбыта готовой продукции и других факторов.

7. Ситуационный фактор (конъюнктурный). Определяет влияние рынков сырья, готовой продукции и факторов производства на развитие конкурентоспособного промышленного предпринимательства в регионах.

8. Фактор отцифровки аналитических данных с использованием метода «Map Viewer», использования метода прогнозирования и т.д.

9. Для активизации предпринимательской деятельности, в первую очередь, необходимо создать современную инфраструктуру, которая включает содействие в виде доступа к: грантам на открытие бизнеса; гарантийной поддержке по кредитам, субсидиям на компенсацию части затрат, связанных с приобретением оборудования в целях создания/освоения/модернизации; скидкам по лизингу, включая субсидии на компенсацию части затрат на уплату первого взноса по договору лизинга; созданию инновационных производств, включая субсидии малым инновационным компаниям на покрытие стартовых затрат, субсидии действующим инновационным компаниям на покрытие затрат на производство и реализацию продукции; субсидии предприятиям, работающим в сфере ремесел, народных промыслов, экологического туризма и сельского туризма; к кредитам по низким процентным ставкам; кредитам по специальным ставкам; льготам по арендной плате; обучению и развитию предпринимательских навыков и т.д.

В заключение следует отметить, что механизмы внедрения инноваций в производство и управление финансовой устойчивости в условиях рыночной экономики в Республике Таджикистан должны быть гибкими, адаптивными к экономическим колебаниям, что поможет устоять перед рисками.

Литература

1. Глухих Л.Ф. Индекс Берча как индикатор конкурентоспособности предприятий в региональном сегменте рынка переработки. Отрасль не является примером рынка соков Краснодарского края / Л.Ф.Глухих, Д.Я.Родин, Э.М.Комисарова // Региональная экономика и практика. – 2015. – №45. – С.27-37.
2. Кошонова М.Р., Сафарзода М.С. Методы анализа финансовой устойчивости малых предприятий в Республике Таджикистан // Вестник финансов и экономики. Научно-практический журнал. – Душанбе, – 2022. – №3 (32). – С.29-39.
3. Седых Ю.А., Макаренко Т.А. Инфраструктура поддержки предпринимательства [Электронный ресурс] // Интернет журнал «Мир науки». – Режим доступа: <http://mir-nauki.com>
4. Урумов Т.Р. Доступ субъектов малого и среднего предпринимательства к финансированию: новые возможности. Анализ и прогноз. [Электронный ресурс] // Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – №3. – С.44-50. – Режим доступа: <https://doi.org/10.202542/afij-2020-3-44-50>

5. Birch D., Medoff J. Gazelles B. Labor Markets, Employment Policy, and Job Creation. Solomon LC, Levenson AR. (Eds). – Westview, Boulder Co., 1994. – P.159-168.
6. Ivan Samson & Patrick Ternaux. Innovative Economic Behaviour in Russia: the Case of Labour Markets // journal of innovation economics de boeck université. – 2008. – Vol.0(1). – P.63-85.
7. Kanat Tilekeyev. Micro- Small and medium enterprises in Tajikistan: drivers of and barriers to growth [Electronic resource] // Working paper / University of Central Asia. – 2014. – №31. – Access mode: <https://www.ucentralasian.org>
8. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2024. – С.223-224; 2021. – С.354; 2020. – С.218; 2019. – С.210; 2018. – С.210.
9. Таджикистан: 30 лет государственной независимости. Статистический сборник. – Душанбе, 2021. – С.348-350;

ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT: MODERN INFRASTRUCTURE AND MECHANISMS FOR ENSURING FINANCIAL STABILITY OF SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Koshonova Manzura Rakhmatjanovna

Doctor of economical sciences,
professor of the chair of finance

Tajik state university of finance and economics
734064, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Nakhimov str., 64/1

Ph.: (+992) 93 555 50 72 (m.)

manzura@yandex.ru

The article analyzes the development of modern infrastructure to support entrepreneurship and mechanisms for creating new innovative industries aimed at addressing a range of important scientific and practical issues in economics and financial management. The article presents international experience related to the impact of small and competitive industrial enterprises on job creation, increased innovation, increased labor productivity, and economic growth. The author recommends applying this international experience to the Republic of Tajikistan. A statistical analysis of SME activity demonstrates that the financial sustainability of enterprises is closely linked to their modern infrastructure.

Keywords: modern infrastructure; financial sustainability; SMEs (small and medium-sized enterprises); entrepreneurial development; financial sustainability management mechanism; government support; entrepreneurship development factors.

РУШДИ СОҲИБКОРӢ: ИНФРАСТРУКТУРА ВА МЕХАНИЗМҲОИ МУОСИР БАРОИ ТАЪМИНИ УСТУВОРИИ МОЛИЯВИИ СОҲИБКОРИИ ХУРД ВА МИЁНА ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Кошонова Манзура Раҳматҷонова

Доктори илмҳои иқтисодӣ,
профессори кафедраи молия
Донишгоҳи давлатии молия ва иқтисоди Тоҷикистон
734064, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Нахимов, 64/1
Тел.: (+992) 93 555 50 72 (м.)
manzura@yandex.ru

Дар ин мақола рушди инфрасохтори муосир барои дастгирии соҳибкорӣ ва механизмҳои мусоидат ба таъсиси соҳаҳои нави инноватсионӣ таҳлил карда мешавад ва як қатор масъалаҳои муҳими илмӣ ва амалӣ дар иқтисодиёт ва идоракунии молиявӣ баррасӣ мешаванд. Таҷрибаи байналмилалӣ оид ба таъсири корхонаҳои хурд ва рақобатпазири саноатӣ ба таъсиси ҷойҳои корӣ, афзоиши инноватсия, афзоиши ҳосилнокии меҳнат ва рушди иқтисодӣ оварда шудааст. Муаллиф истифодаи ин таҷрибаи байналмилалиро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон тавсия медиҳад. Дар асоси таҳлили омории фаъолияти корхонаҳои хурду миёна, муаллиф исбот менамояд, ки устувории молиявии корхонаҳо бо таъмини инфрасохтори муосири онҳо зич алоқаманд аст.

Калидвожаҳо: инфрасохтори муосир; устувории молиявӣ; корхонаҳои хурду миёна (корхонаҳои хурду миёна); таъмини устувории молиявии корхонаҳои хурду миёна; рушди соҳибкорӣ; механизмҳои идоракунии устувории молиявӣ; дастгирии давлатӣ; омилҳои рушди соҳибкорӣ.

УДК 338.246

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Баринов Михаил Александрович

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансы
Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г.Столетовых
600005, Россия, Владимир, ул. Чайковского, д.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 0240
31f84@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ диагностики национальной безопасности как критически важной функции современного государства. Исследуется генезис и эволюция понятия «национальная безопасность» в отечественной научной мысли, определяется сущность и содержание диагностики как инструмента управления рисками и угрозами. Рассматриваются основные объекты, субъекты и методологические подходы к диагностированию состояния национальной безопасности Российской Федерации и ряда зарубежных стран. Особое внимание уделяется системному и критериальному подходам, позволяющим формализовать процесс оценки и выявить пороговые значения безопасности. На основе анализа российских источников доказываем, что эффективная диагностика является необходимым условием для своевременной выработки и реализации превентивных и упреждающих мер по защите национальных интересов страны. Проанализированы особенности функционирования национальных социально-экономических систем в разрезе пространственных и временных характеристик, что позволило выявить на основе наметившихся тенденций потенциал развития территорий. Автором осуществлена оценка и мониторинг национальных макросистем по средству интегрального показателя диагностики национальной безопасности, который позволяет на базе разработанного инструментария выявить особенности функционирования национальных систем. Статья предназначена для специалистов в области теории управления, политологии и безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность; диагностика; угрозы; критерии; пороговые значения; мониторинг; система.

Цель научного исследования заключается в исследовании национальной безопасности экономических систем.

Научная новизна исследования заключается в формировании критериального аппарата, позволяющего оценить уровень безопасности национальных систем.

Методология. В ходе исследования были использованы и применены совокупность статистических показателей, общенаучные методы, которые позволяют оценивать пространственные и динамические характеристики региональных систем.

Результаты. Значимость исследования состоит в определении тенденций развития национальных систем с расчетом интегрального критерия, позволяющего сделать обобщенную характеристику стран и определить ее рейтинг.

Выводы. Осуществлена диагностика факторов, влияющих на мезоэкономическое развитие территорий, который может быть использован в качестве инструмента в деятельности региональных органов власти.

Методы исследования. В исследовании применялись общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, сравнительно-сопоставительный анализ, контент-анализ нормативно-правовых документов и научной литературы, критериальный подход для формализации количественных параметров безопасности.

Диагностика национальной безопасности представляет собой сложный, многогранный процесс оценки состояния национальной безопасности, направленный на своевременное выявление, анализ и прогнозирование внутренних и внешних угроз жизненно важным интересам личности, общества и государства. В российской научной традиции понятие «национальная безопасность» прочно укрепились после принятия Закона Российской Федерации «О безопасности» 1992 года и получило свое дальнейшее развитие в ряде стратегических документов, ключевым из которых является ежегодно актуализируемое Послание Президента Федеральному Собранию, а также Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, являющаяся основополагающим документом стратегического планирования, отдельные моменты которой рассмотрены в труде И.И.Шишковца [12]. Согласно отечественному исследователю М.С.Савченко [10] есть состояние защищенности этих интересов от внутренних и внешних угроз, что предполагает не только оборону страны, но и устойчивое социально-экономическое развитие. Диагностика в данном контексте выступает в качестве важнейшей функции управления безопасностью, обеспечивающей субъекты управления, прежде всего Совет Безопасности Российской Федерации, объективной и верифицируемой информацией для принятия решений. Процесс диагностики носит непрерывный, перманентный характер и интегрирован в систему стратегического планирования страны. Методологической основой диагностики служит системный подход, рассматривающий национальную безопасность как сложную, многоуровневую систему, состоящую из взаимосвязанных компонентов: экономической, военной, информационной, экологической, общественной и государственной безопасности и других видов, ряд из которых отражаются в работах Н.Л.Полторацкой [9], К.А.Буртнго [4], Д.Б.Балаевой [1], Б.Б.Бидовой [3], Л.А.Беляевской-Плотник [2] и многих других.

Каждый из этих компонентов требует своего собственного диагностического инструментария, но в то же время их оценка должна быть комплексной, поскольку дестабилизация в одной сфере неминуемо порождает негативные эффекты в других. Например, исследователь Тулупов А.С. определял безопасность с позиции комплексной оценки, используя в каждой сфере свой набор статистических показателей [11].

Важнейшим элементом диагностики является определение объектов и субъектов данного процесса. К объектам диагностики относятся все без исключения

сферы жизнедеятельности, перечисленные в Стратегии национальной безопасности, а именно: состояние экономики, качество жизни граждан, состояние гражданского общества, уровень научно-технологического развития страны, здравоохранение, культура, экология, стабильность политической системы, защищенность от внешних военных угроз и терроризма. Субъектами диагностики выступают органы государственной власти, наделенные соответствующими полномочиями: Администрация Президента, аппарат Совета Безопасности, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, а также специально созданные межведомственные комиссии и научные организации, осуществляющие экспертно-аналитическое сопровождение, такие как Национальный исследовательский институт развития современной экономики или Институт экономики роста им. П.А.Столыпина. Ключевым вопросом методологии диагностики является разработка системы критериев и показателей, позволяющих дать количественную и качественную оценку состоянию безопасности. В российской практике, как отмечают исследователи В.Г.Старовойтов [7], И.Н.Гарифуллин [5] используются несколько групп показателей, учитывающие экспертные и обобщенные критерии. Особую роль играет понятие «пороговые значения» безопасности, введенное в научный оборот работами академика РАН С.Ю.Глазьева [6]. Рассматривая пороговые значения, следует отметить, что они представляют собой предельные величины, несоблюдение которых препятствует нормальному развитию личности, общества и государства и приводит к формированию деструктивных процессов. Например, пороговыми значениями экономической безопасности считаются: доля импорта в потреблении не более 30%, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума не более 7%, уровень инфляции не более 5% в год. Задача диагностики – постоянно осуществлять мониторинг этих показателей и фиксировать их приближение к критическим, пороговым значениям. Для сбора и анализа информации применяется широкий спектр методов: статистический анализ данных Росстата и других ведомств, контент-анализ СМИ и открытых источников, социологические опросы (ВЦИОМ, ФОМ), методы математического и компьютерного моделирования для прогнозирования развития кризисных ситуаций, методы экспертных оценок, ситуационный анализ и построение сценариев. Мониторинг состояния национальной безопасности осуществляется на регулярной основе, а его результаты отражаются в ежегодных докладах секретаря Совета Безопасности Президенту России и в документах стратегического планирования, таких как национальные доклады. На основе данных диагностики осуществляется планирование мер по обеспечению безопасности, корректировка государственной политики, разработка новых стратегий и доктрин. Таким образом, диагностика выполняет не только констатирующую, но и предиктивную, прогностическую функцию, позволяя переходить от реагирования на уже возникшие угрозы к их упреждающему нейтрализации. В современных условиях, характеризующихся высокой турбулентностью международной обстановки и усилением санкционного давления на Россию, значение точной и оперативной диагностики многократно возрастает. Как справедливо указывает в своих работах А.И.Подберезкин [8], в новой реальности требуются новые, более чувствитель-

ные индикаторы, особенно в сферах технологической и финансовой безопасности, способные улавливать скрытые и латентные угрозы.

В ходе исследования была осуществлена оценка национальной безопасности 7 стран: Россия, Доминиканская Республика (ДР), Финляндия, Польша, Гонконг, Япония, Нидерланды. В качестве показателей оценки уровня национальной безопасности вышеуказанных стран были проанализированы:

- доля инвестиций в основной капитал в ВВП;
- ожидаемая продолжительность жизни;
- уровень преступности в сфере экономики;
- уровень инфляции;
- уровень безработицы.

Статистические данные по показателям представлены в таблице 1 за период с 2019 года по 2023 год. Также были рассчитаны темпы роста (отношение данных за 2023 год к данным за 2019 год) и темпы прироста.

Таблица 1 – Статистические данные показателей, влияющих на уровень национальной безопасности страны

Показатель	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %									
	2019	2020	2021	2022	2023	Тр	Тпр (20/19)	Тпр (21/20)	Тпр (22/21)	Тпр (23/22)
Россия	21,90	22,30	23,10	24,30	26,00	1,19	0,02	0,04	0,05	0,07
ДР	25,10	22,50	26,80	28,50	29,00	1,16	-0,10	0,19	0,06	0,02
Финляндия	23,80	23,50	23,90	23,50	22,00	0,92	-0,01	0,02	-0,02	-0,06
Польша	19,10	18,10	18,90	19,80	20,50	1,07	-0,05	0,04	0,05	0,04
Гонконг	22,00	21,50	22,80	23,20	24,10	1,10	-0,02	0,06	0,02	0,04
Япония	25,00	25,30	25,40	25,90	26,50	1,06	0,01	0,00	0,02	0,02
Нидерланды	21,60	20,90	20,80	21,20	21,50	1,00	-0,03	0,00	0,02	0,01
Показатель	Ожидаемая продолжительность жизни, лет									
	2019	2020	2021	2022	2023	Тр	Тпр (20/19)	Тпр (21/20)	Тпр (22/21)	Тпр (23/22)
Россия	73,07	71,17	69,81	72,52	73,15	1,00	-0,03	-0,02	0,04	0,01
ДР	73,11	72,64	71,76	74,21	73,72	1,01	-0,01	-0,01	0,03	-0,01
Финляндия	81,86	81,82	81,81	81,24	81,91	1,00	0,00	0,00	-0,01	0,01
Польша	77,92	76,59	75,64	77,92	78,63	1,01	-0,02	-0,01	0,03	0,01
Гонконг	85,26	84,71	85,08	83,48	85,51	1,00	-0,01	0,00	-0,02	0,02
Япония	84,42	84,67	84,55	84,05	84,71	1,00	0,00	0,00	-0,01	0,01
Нидерланды	82,05	81,39	81,36	81,91	82,16	1,00	-0,01	0,00	0,01	0,00
Показатель	Уровень преступности в сфере экономики, %									
	2019	2020	2021	2022	2023	Тр	Тпр (20/19)	Тпр (21/20)	Тпр (22/21)	Тпр (23/22)
Россия	72,00	70,00	71,00	72,00	74,00	1,03	-0,03	0,01	0,01	0,03
ДР	72,00	72,00	70,00	68,00	68,00	0,94	0,00	-0,03	-0,03	0,00
Финляндия	14,00	15,00	12,00	13,00	13,00	0,93	0,07	-0,20	0,08	0,00

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Польша	42,00	44,00	44,00	45,00	46,00	1,10	0,05	0,00	0,02	0,02
Гонконг	24,00	23,00	24,00	24,00	25,00	1,04	-0,04	0,04	0,00	0,04
Япония	27,00	26,00	27,00	27,00	27,00	1,00	-0,04	0,04	0,00	0,00
Нидерланды	18,00	18,00	18,00	20,00	20,00	1,11	0,00	0,00	0,11	0,00
Уровень инфляции, %										
Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	Тр	Тпр (20/19)	Тпр (21/20)	Тпр (22/21)	Тпр (23/22)
Россия	4,50	3,40	6,70	11,94	7,42	1,65	-0,24	0,97	0,78	-0,38
ДР	1,80	3,80	8,20	8,80	4,80	2,67	1,11	1,16	0,07	-0,45
Финляндия	1,00	0,30	2,20	7,10	6,30	6,30	-0,70	6,33	2,23	-0,11
Польша	2,20	3,40	5,10	14,40	11,50	5,23	0,55	0,50	1,82	-0,20
Гонконг	2,90	0,30	1,60	1,90	2,10	0,72	-0,90	4,33	0,19	0,11
Япония	0,50	0,10	0,20	2,50	3,30	6,60	-1,00	1,00	11,50	0,32
Нидерланды	2,60	1,30	2,70	10,00	3,80	1,46	-0,50	1,08	2,70	-0,62
Уровень безработицы, %										
Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	Тр	Тпр (20/19)	Тпр (21/20)	Тпр (22/21)	Тпр (23/22)
Россия	4,60	5,80	4,80	3,90	3,20	0,70	0,26	-0,17	-0,19	-0,18
ДР	5,80	7,40	8,50	5,80	5,20	0,90	0,28	0,15	-0,32	-0,10
Финляндия	6,70	7,80	7,60	6,80	7,30	1,09	0,16	-0,03	-0,11	0,07
Польша	3,30	3,20	3,40	2,80	2,70	0,82	-0,03	0,06	-0,18	-0,04
Гонконг	2,90	5,80	5,20	4,50	3,00	1,03	1,00	-0,10	-0,13	-0,33
Япония	2,40	2,80	2,80	2,60	2,60	1,08	0,17	0,00	-0,07	0,00
Нидерланды	3,40	3,80	4,20	3,50	3,50	1,03	0,12	0,11	-0,17	0,00

Примечание* Составлено автором по материалам исследования

По показателю доли инвестиций в основной капитал в ВВП наблюдается разница между уровнями экономического развития стран. Россия и ДР демонстрируют наиболее устойчивый рост – на 19% и 16% соответственно. Рост в России обусловлен развитием государственно-инвестиционной модели, ориентированной на импортозамещение, в Доминиканской Республике – высокой инвестиционной привлекательностью, основанной на рыночных факторах.

Стабильно высокий уровень инвестиций сохраняют Япония и Гонконг, демонстрируя плавный рост, что говорит о постоянном развитии инвестиционной составляющей страны. Уверенный рост доли инвестиций отмечается и в Польше – за пятилетний период показатель увеличился на 7%. Однако среди анализируемых стран самая низкая доля инвестиций в основной капитал в ВВП в Польше. В Нидерландах наблюдается стабильность – показатель варьируется в довольно узких рамках. На фоне положительной и стабильной динамики выделяется Финляндия, которая является единственной из анализируемых стран с нисходящей динамикой. За пятилетний период показатель снизился на 8%, что говорит о инвестиционной слабости страны на фоне рецессий.

В России за пятилетний период роста продолжительности жизни не наблюдалось. В 2021 году произошло падение показателя по отношению к 2020 году на 2% с последующим восстановлением до докризисного уровня к концу 2023 году. Постковидный кризис также отразился на ожидаемой продолжительности жизни населения Польши и Доминиканской Республике – прослеживается похожий тренд. Однако ситуация быстро восстановилась и в 2023 году показатель достиг отметки в 78,63 и 73,72 лет соответственно.

В Японии, Гонконге, Финляндии и Нидерландах наблюдаются незначительные колебания показателя. Это подчеркивает эффективность их систем здравоохранения и социальной поддержки в условиях кризиса.

На протяжении анализируемого периода наблюдается значительная дифференциация между странами по показателям экономической преступности. Россия и Доминиканская Республика демонстрируют высокие значения показателя (68-74%), что существенно превышает уровни других стран. Польша занимает промежуточное положение (42-46%), тогда как Гонконг, Япония и Финляндия показывают относительно низкие уровни экономической преступности (12-27%).

В динамике прослеживаются разнонаправленные тенденции. Россия демонстрирует постепенный рост показателя с 72% в 2019 году до 74% в 2023 году, несмотря на некоторое снижение в 2020 году. Аналогичная восходящая тенденция наблюдается в Польше (с 42% до 46%) и Гонконге (с 24% до 25%). Доминиканская Республика показывает устойчивую динамику со снижением с 72% до 68%. Наиболее стабильные показатели характерны для Японии (27%) и Финляндии (12-15%).

Особого внимания заслуживает реакция экономической преступности на пандемийный 2020 год. В то время как в России и Японии произошло снижение показателя, в Польше и Финляндии наблюдался его рост, что может свидетельствовать о различных механизмах адаптации криминальных структур к изменившимся условиям.

На протяжении всего анализируемого периода наблюдается значительный разброс в уровне инфляции между странами. Наиболее высокие показатели инфляции характерны для России, Польши и Нидерландов, где в пиковый 2022 год значения достигли двузначных величин (11,94%, 14,4% и 10,0% соответственно). В Доминиканской Республике и в Финляндии также наблюдается рост уровня инфляции в 2022 году до 8,80% и 7,10% соответственно. В противоположность этому, Гонконг и Япония демонстрировали исключительную ценовую стабильность, сохраняя инфляцию на минимальном уровне даже в период глобального ценового шока.

Наибольший прирост инфляции в 2022 году по сравнению с 2021 годом зафиксирован в Японии (в 11,5 раз), что особенно показательно для традиционно дефляционной экономики. Значительный рост также наблюдался в Польше (в 2,2 раза), в Нидерландах (в 2,7 раза) и в Финляндии (в 1,8 раза).

В 2023 году все страны, за исключением Японии и Гонконга, показали снижение темпов инфляции, что свидетельствует об эффективности принимаемых

монетарных мер. Наиболее значительное снижение инфляции произошло в Доминиканской Республике (с 8,8% до 4,8%) и России (с 11,94% до 7,42%).

Проведенный анализ свидетельствует о разнородности инфляционных процессов в разных странах, что обусловлено структурными особенностями экономик, эффективностью монетарной политики и степенью интеграции в глобальные цепочки поставок.

Во всех странах, за исключением Финляндии, наблюдается общая тенденция к снижению уровня безработицы к 2023 году по сравнению с доковидным 2019 годом. Наиболее значительное улучшение продемонстрировали Россия (снижение на 1,4%), Польша (снижение на 0,6%) и Гонконг (снижение на 0,6%).

Пандемийный кризис 2020 года оказал наиболее сильное воздействие на рынки труда Доминиканской Республики и Гонконга, где уровень безработицы вырос на 1,6% и 2,9% соответственно. Это объясняется высокой зависимостью этих экономик от туризма и сектора услуг, наиболее пострадавших от ограничительных мер.

Наиболее устойчивыми к кризису оказались рынки труда Польши и Японии, где колебания безработицы были минимальными. Страны сохранили одни из самых низких показателей безработицы среди всех анализируемых объектов на протяжении всего периода.

В постпандемийный период (2021-2023 гг.) наиболее быстрое восстановление продемонстрировали Россия, где безработица снизилась с 5,8% до 3,2%, и Гонконг, где показатель вернулся к 3% после пика в 5,8% в 2020 году.

В Финляндии уровень безработицы в 2023 году превышает показатель 2019 года (7,3% против 6,7%). Это свидетельствует о структурных проблемах на рынке труда и более медленном восстановлении экономики.

Нидерланды и Япония демонстрируют стабильность на рынке труда с незначительными колебаниями показателя в течение всего анализируемого периода.

Далее был выполнен процесс нормирования показателей, полученные значения отражены в таблице 2, и найдены среднеарифметические значения по анализируемым факторам (табл.3).

Таблица 2 – Нормированные значения анализируемых показателей

	Доля инвестиций в основной капитал в ВВП, %				
Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,26	0,26	0,27	0,29	0,30
ДР	0,29	0,27	0,31	0,34	0,34
Финляндия	0,28	0,28	0,28	0,28	0,26
Польша	0,22	0,21	0,22	0,24	0,24
Гонконг	0,26	0,25	0,27	0,28	0,28
Япония	0,29	0,30	0,30	0,31	0,31
Нидерланды	0,25	0,25	0,24	0,25	0,25
	Ожидаемая продолжительность жизни, лет				
Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,86	0,84	0,82	0,86	0,86
ДР	0,86	0,86	0,84	0,88	0,86
Финляндия	0,96	0,97	0,96	0,97	0,96
Польша	0,91	0,90	0,89	0,93	0,92
Гонконг	1,00	1,00	1,00	0,99	1,00
Япония	0,99	1,00	0,99	1,00	0,99
Нидерланды	0,96	0,96	0,96	0,97	0,96
	Уровень преступности в сфере экономики, %				
Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,84	0,82	0,83	0,84	0,87
ДР	0,84	0,84	0,82	0,80	0,80
Финляндия	0,16	0,18	0,14	0,15	0,15
Польша	0,49	0,52	0,52	0,53	0,54
Гонконг	0,28	0,27	0,28	0,28	0,29
Япония	0,32	0,30	0,32	0,32	0,32
Нидерланды	0,21	0,21	0,21	0,23	0,23
	Уровень инфляции, %				
Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,05	0,04	0,08	0,14	0,09
ДР	0,02	0,04	0,10	0,10	0,06
Финляндия	0,01	0,00	0,03	0,08	0,07
Польша	0,03	0,04	0,06	0,17	0,13
Гонконг	0,03	0,00	0,02	0,02	0,02
Япония	0,01	0,00	0,00	0,03	0,04
Нидерланды	0,03	0,02	0,03	0,12	0,04
	Уровень безработицы, %				
Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,05	0,07	0,06	0,05	0,04
ДР	0,07	0,09	0,10	0,07	0,06

Финляндия	0,08	0,09	0,09	0,08	0,09
Польша	0,04	0,04	0,04	0,03	0,03
Гонконг	0,03	0,07	0,06	0,05	0,04
Япония	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03
Нидерланды	0,04	0,04	0,05	0,04	0,04

Примечание* Составлено автором

Нормирования критериев производятся по формуле (1):

$$N_x = \frac{X_i}{X_{\max}} \quad (1)$$

где N_x — нормированное значение фактора

X_n ; X_i — расчетное значение показателя по стране за выбранный год;

$X_{\max}$ — максимальное значение по стране за рассмотренный период времени.

Если показатель имеет обратную направленность (например, безработица, смертность), то формула имеет вид:

$$N_x = 1 - \frac{X_i}{X_{\max}} \quad (2)$$

Таблица 3 – Среднеарифметические значения факторов по анализируемым странам

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
Россия	0,41	0,41	0,41	0,44	0,43
ДР	0,42	0,42	0,44	0,44	0,42
Финляндия	0,30	0,30	0,30	0,31	0,31
Польша	0,34	0,34	0,35	0,38	0,37
Гонконг	0,32	0,32	0,33	0,33	0,33
Япония	0,33	0,33	0,33	0,34	0,34
Нидерланды	0,30	0,30	0,30	0,32	0,31

Примечание* Составлено автором

На основе полученных данных был рассчитан интегральный показатель диагностики национальной безопасности по каждой стране (таблица 4). Интегральный индекс I_{nX} был найден по формуле средней геометрической:

$$I_{nX} = \sqrt[n]{\overline{X_1} * \overline{X_2} * \overline{X_n}} \quad (3)$$

где I_{nX} — интегральный индекс диагностики национальной безопасности;

X_n — нормированное среднеарифметическое значение фактора.

Таблица 4 – Интегральный показатель диагностики национальной безопасности анализируемых стран

Россия	ДР	Финляндия	Польша	Гонконг	Япония	Нидерланды
0,65	0,65	0,55	0,60	0,57	0,58	0,55

*Примечание * Составлено автором*

Значения интегрального показателя находятся в относительно узком диапазоне (0,55-0,65), что указывает на отсутствие резких дисбалансов среди рассматриваемых стран. Россия и Доминиканская республика (ДР) демонстрируют наиболее высокие значения интегрального показателя диагностики национальной безопасности (0,65). Это свидетельствует о сравнительно высоком уровне устойчивости национальной безопасности в этих странах в рамках анализируемых критериев. Польша (0,60) занимает промежуточное положение, отражая средний уровень национальной безопасности, благодаря умеренному темпу инфляции и безработицы, а также стабильными инвестициями в основной капитал. Страна имеет как сильные стороны, так и зоны потенциального риска, снижающих уровень безопасности и требующих внимания со стороны аппарата власти. Гонконг (0,57) и Япония (0,58) имеют близкие значения. Слабые стороны этих стран могут быть связаны с высокой зависимостью от внешней конъюнктуры или демографическими вызовами и дефляционными рисками. Финляндия и Нидерланды (0,55) показывают наименьшие значения среди анализируемых стран. Это может быть связано с социально-ориентированной моделью, где даже умеренная инфляция или безработица могут восприниматься критичными. Также особое влияние может оказывать более строгий учет экономических преступлений и снижать показатель.

В заключении необходимо подчеркнуть, что диагностика национальной безопасности является не просто академическим упражнением, а практическим инструментом выживания и развития суверенного государства в XXI веке. Она позволяет перевести абстрактные категории безопасности в плоскость конкретных управленческих решений, основанных на объективных данных и научном прогнозе. Дальнейшее развитие системы диагностики в России видится в углублении междисциплинарного подхода, широком внедрении технологий big data и искусственного интеллекта для анализа больших массивов информации, а также в повышении координации между всеми субъектами обеспечения национальной безопасности для формирования единого информационно-аналитического пространства, что в конечном итоге будет способствовать укреплению государственного суверенитета и достижению национальных целей развития.

Литература

1. Балаева Д.Б. Угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации в свете Стратегии национальной безопасности // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11(174). – С.298-299. EDN JUTCNJ.
2. Беляевская-Плотник Л.А. Принципы и последовательность интегральной оценки реализации стратегических национальных приоритетов в системе мониторинга национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2023. – Т.19, №12(429). – С.2237-2257. DOI: 10.24891/ni.19.12.2237. EDN SVLZIZ.
3. Бидова Б.Б. Анализ правовой политики по обеспечению национальных интересов и национальной безопасности в сфере экономики // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А.Кадырова. – 2021. – №4(44). – С.94-104. DOI: 10.36684/chesu-2021-44-4-94-104. EDN GJEYRJ.
4. Буртный К.П. Методика изучения приоритетов обеспечения национальной безопасности России на занятиях по учебной дисциплине «Теория национальной безопасности» // Научно-методический бюллетень Военного университета МО РФ. – 2023. – №2(20). – С.79-90. EDN JSWYCI.
5. Гарифуллин И.Н. Индекс превосходства – новый интегральный показатель оценки эффективности инновационных кластеров в современной экономике // Экономический вестник Республики Татарстан. – 2023. – №1. – С.37-39. EDN DLKPTF.
6. Глазьев С.Ю. Интегральный мирохозяйственный уклад и глобальная безопасность – ключевые проблемы современной науки / С.Ю.Глазьев, И.Ф.Кефели // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т.18, № 4(50). – С.10-21. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-10-21. EDN UCIXKO.
7. Интегральные и обобщенные показатели развития и обеспечения национальной безопасности страны / В.Г.Старовойтов, В.В.Еремин, С.А.Побываев [и др.] // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2023. – Т.14, №4. – С.619-635. DOI 10.18184/2079-4665.2023.14.4.619-635. EDN JMKQEW.
8. Подберезкин А.И. Современная стратегия национальной безопасности России. – М.: Изд-во "Международные отношения", 2023. – 1595 с. ISBN 978-5-906367-99-0. EDN UWJGXH.
9. Полтораднева Н.Л. Метод потоков в диагностике угроз национальной экономической безопасности России // Идеи и идеалы. – 2024. – Т.16, №2-2. – С.304-331. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.2.2-304-331. EDN NBARST.
10. Савченко М.С. К вопросу эволюции понятия "национальная безопасность" и месте "духовной безопасности" в стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2024. – №2(63). – С.20-29. EDN MTINHS.
11. Тулупов А.С. Оценка национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2024. – №59(4). – С.3-23. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-1>
12. Шишковец И.И. Стратегия национальной безопасности США в контексте угроз национальной безопасности Российской Федерации и Республики Беларусь // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. – 2022. – № 2. – С. 92-98. – EDN GOJUKX.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY NATIONAL SECURITY OF ECONOMIC SYSTEMS

Barinov Michael Alexandrovich

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economics of innovations and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G.Stoletov
600005, Russia, Vladimir, Tchaikovsky str. 36, apt. 45
Ph.: +7 920 623 02 40
3lf84@mail.ru

The article provides a comprehensive analysis of the diagnosis of national security as a critical function of the modern state. The genesis and evolution of the concept of "national security" in domestic scientific thought is studied, the essence and content of diagnostics as a tool for managing risks and threats is determined. The main objects, subjects and methodological approaches to diagnosing the state of national security of the Russian Federation and a number of foreign countries are considered. Particular attention is paid to systemic and criteria approaches that allow formalizing the assessment process and identifying safety thresholds. Based on the analysis of Russian sources, it is proved that effective diagnostics are a prerequisite for the timely development and implementation of preventive and proactive measures to protect the country's national interests. The features of the functioning of national socio-economic systems in the context of spatial and temporal characteristics were analyzed, which made it possible to identify the development potential of territories on the basis of emerging trends. The author assessed and monitored national macrosystems using an integral indicator of national security diagnostics, which allows, on the basis of the developed tools, to identify the features of the functioning of national systems. The article is intended for specialists in the field of management theory, political science and security.

Keywords: national security; diagnostics; threats; criteria; thresholds; monitoring; system.

ҶАНБАҲОИ МЕТОДОЛОГИИ ТАДҚИҚОТИ АМНИЯТИ МИЛЛИИ СИСТЕМАҲОИ ИҚТИСОДӢ

Баринов Михаил Александрович

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёт ва молияи инноватсионӣ,
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г. Столетовҳо
600005, Россия, Владимир, кӯч. Чайковский, х.36, кв.45
Тел.: +7 920 623 02 40
3lf84@mail.ru

Дар мақола таҳлили ҳамачонибаи таҳлили амнияти миллии ҳамчун вазифаи муҳими давлати муосир оварда шудааст. Он пайдоиш ва таҳаввули мафҳуми "амнияти миллии"-ро дар тафаккури

илмийи Русия таҳқиқ мекунад ва моҳият ва мундариҷаи ташхисро ҳамчун воситаи идоракунии хатарҳо ва таҳдидҳо муайян мекунад. Дар мақола объектҳо, мавзӯҳо ва равишҳои асосии методологии барои ташхиси вазъи амнияти миллии Федератсияи Русия ва як қатор кишварҳои хориҷӣ баррасӣ мешаванд. Таваҷҷӯҳи махсус ба равишҳои системавӣ ва меъёри равона карда шудааст, ки имкон медиҳанд раванди арзёбӣ ба расмӣ дароварда шавад ва останаҳои амният муайян карда шаванд. Дар асоси таҳлили манбаъҳои русӣ нишон дода шудааст, ки ташхиси самаранок шартӣ зарурӣ барои таҳия ва татбиқи саривактии чораҳои пешгирикунанда ва пешгирикунанда барои ҳифзи манфиатҳои миллии кишвар мебошад. Фаъолияти системаҳои миллии иҷтимоӣ-иқтисодӣ аз ҷиҳати хусусиятҳои фазоӣ ва замонӣ таҳлил карда мешавад, ки имкон дод, ки потенциали рушди каламравҳо дар асоси тамоюлҳои пайдошуда муайян карда шавад. Муаллиф макросистемаҳои миллиро бо истифода аз нишондиҳандаи интегралӣ ташхиси амнияти милли арзёбӣ ва назорат кардааст, ки дар асоси абзорҳои таҳияшуда имкон медиҳад хусусиятҳои фаъолияти системаҳои милли муайян карда шаванд. Мақола барои мутахассисони соҳаи назарияи идоракунии, сиёсатшиносӣ ва амният пешбинӣ шудааст.

Калидвожаҳо: амнияти милли; ташхис; таҳдидҳо; меъёрҳо; арзишҳои остана; мониторинг; система.

УДК 332.1

АНАЛИЗ ВКЛАДА РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРАБОТОК В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Быкова Маргарита Леонидовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики инноваций и финансы
Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
601270, Россия, Владимирская обл., Суздальский р-н,
п. Боголюбово, ул. Новая, д.20 кв.19
Тел.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

Статья посвящена актуальной проблеме влияния различных видов научных исследований на социально-экономический рост на региональном уровне и разработке дифференцированных подходов к научно-технической политике. Методологической основой исследования выступает корреляционно-регрессионный анализ, позволяющий количественно оценить вклад затрат на фундаментальные и прикладные исследования и разработки в динамику валового регионального продукта. На основе анализа данных проведена группировка регионов, результатом которой стало выделение характерных моделей развития – от территорий с высокой отдачей от научных инвестиций до зон с их статистически незначимым влиянием на экономику. Выявлена значительная пространственная неоднородность: в таких регионах, как Москва и Московская область, наблюдается устойчивая связь между затратами на науку и ВРП ($R^2 > 0,95$), тогда как в Курской, Калужской и Владимирской областях эта связь минимальна. Установлено, что эффективность научных инвестиций определяется структурой экономики, уровнем кооперации науки и производства, а также качеством институтов коммерциализации. Новизна исследования заключается в разработке методологии дифференцированной оценки вклада различных видов научных затрат и выявлении трех доминирующих моделей их влияния на экономический рост в регионах ЦФО. Практическая значимость работы состоит в обосновании адресных мер государственной политики для каждого типа регионов: от стимулирования коммерциализации разработок и оптимизации структуры научных затрат до решения институциональных проблем и создания необходимой инфраструктуры.

Ключевые слова: инновационное развитие; регрессионный анализ; социально-экономический рост; пространственная неоднородность.

Введение. В современных условиях глобальной технологической конкуренции и трансформации экономических моделей научно-инновационное развитие регионов становится критическим фактором обеспечения национальной безопасности и устойчивого экономического роста. Особую актуальность приобретает изучение эффективности инвестиций в различные виды научной деятельности, поскольку именно региональный уровень выступает ключевым пространством

для реализации инновационного потенциала и достижения технологического суверенитета [1, с.270].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью преодоления глубоких структурных диспропорций в научно-инновационном развитии регионов России. Выявление дифференцированного влияния затрат на фундаментальные исследования, прикладные науки и разработки на валовой региональный продукт позволяет перейти от унифицированных подходов к формированию адресной научно-технической политики. В условиях ограниченности ресурсов и усиления внешних вызовов определение региональной специфики эффективности научных инвестиций становится не только вопросом экономической целесообразности, но и обеспечения технологического суверенитета страны.

В ходе исследования были решены следующие задачи:

- проведен анализ теоретических основ и специфики научно-инновационного развития территорий.
- осуществлен анализ влияния объемов финансирования фундаментальных и прикладных исследований, а также разработок на динамику валового регионального продукта в разрезе Центрального федерального округа.
- дана оценка зависимости экономического роста, измеряемого через валовой региональный продукт, от инвестиций в различные виды научных исследований на уровне субъектов ЦФО.
- сформулированы выводы, раскрывающие региональную специфику эффективности научных инвестиций.

Научная новизна проведенного исследования заключается в разработке методологии дифференцированной оценки вклада различных видов научных затрат в экономический рост на региональном уровне. На основе корреляционно-регрессионного анализа выявлены и количественно оценены три доминирующие модели влияния научных инвестиций на валовой региональный продукт в субъектах ЦФО, что позволило выделить характерные кластеры регионов по эффективности использования средств, направляемых на фундаментальные и прикладные исследования, разработки. Установлена и статистически подтверждена значительная пространственная неоднородность эффективности научных инвестиций, обусловленная спецификой социально-экономического развития территорий.

Результаты. Проведенный корреляционно-регрессионный анализ выявил значительную пространственную неоднородность влияния затрат на различные виды научных исследований на динамику валового регионального продукта (ВРП) в регионах ЦФО. Наибольшая эффективность научных инвестиций наблюдается в Москве и Московской области ($R^2 > 0,95$), тогда в Курской, Калужской и Владимирской областях связь между затратами на науку и ВРП статистически незначима.

Выводы. Исследование подтвердило отсутствие универсальной модели влияния научных затрат на экономический рост регионов. Эффективность определяются структурой экономики, уровнем кооперации науки и производства, а также качеством институтов коммерциализации. Для повышения отдачи от научных

инвестиций необходима дифференцированная научно-техническая политика: стимулирование коммерциализации разработок и укрепление связей с реальным сектором, оптимизация структуры научных затрат и поддержка прикладных исследований, а также решение институциональных проблем, создание инфраструктуры и интеграция в межрегиональные инновационные цепочки. Ключевыми направлениями дальнейших исследований являются анализ временных лагов, кумулятивного эффекта научных инвестиций и качественных параметров научной деятельности.

Научные исследования являются фундаментальным инструментом для построения и развития современного постиндустриального общества, а также инновационной, наукоёмкой экономики, основанной на знаниях. Этот тезис подтверждается опытом ведущих мировых держав, таких как США, Япония, Германия, Франция, Великобритания, Канада и Италия, а также других передовых в научном отношении стран – Израиля, Южной Кореи и Китая. Инвестиции в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы оказывают значительное влияние на социально-экономическое развитие государства, способствуя повышению уровня социализации человека и интеллектуального потенциала общества в целом, делая страны более удобными и комфортными для жизни [3, с.372]. Особенно важную роль научный потенциал играет в условиях четвертой промышленной революции, выступая ключевым фактором для формирования конкурентоспособной экономики, основанной на знаниях. Её эффективное функционирование напрямую зависит от способности общества создавать, распространять и практически применять новые знания и результаты исследований [5, с.224].

Для современной России инновационное развитие является необходимым условием быстрой модернизации страны, повышения качества жизни населения и роста конкурентоспособности экономики. Именно поэтому инновационная политика должна стать одним из приоритетных государственных проектов. Для ее успешной реализации необходимы четкие критерии, а также долгосрочный прогноз как российской, так и мировой экономики, который позволит совместить интеллектуально-технологический потенциал России с тенденциями глобальных рынков. В современных условиях инновации перестали быть просто инструментом корпоративной конкуренции. На фоне замедления глобальной экономики и снижения темпов роста производительности они превратились в ключевой фактор экономического успеха и национального лидерства, но уже в сфере технологий [2, с.79].

Наука и инновации находятся в неразрывной связи и образуют цикл взаимного развития. Фундаментальная и прикладная наука служат основным источником появления инноваций, генерируя новые знания и открытия. Эти научные результаты затем, через сложный инновационный процесс, включающий стадии исследований, разработок и внедрения, трансформируются в практические технологии, продукты и услуги.

В свою очередь, сами инновации создают новые запросы и вызовы для науки, стимулируя дальнейшие исследования. Таким образом, инновации явля-

ются главным каналом практической реализации научных достижений, а наука – двигателем и фундаментом для прорывных инноваций.

Эта взаимосвязь имеет критическое значение на национальном уровне. В условиях глобальной конкуренции и замедления темпов роста мировой экономики способность страны превращать научный потенциал в работающие инновации становится ключевым фактором лидерства, модернизации экономики и повышения качества жизни. Эффективная государственная политика, направленная на стимулирование как научных исследований, так и внедрение их результатов, замыкает этот цикл, обеспечивая переход к экономике, основанной на знаниях.

Для стимулирования научной деятельности, которая приводит к созданию высокотехнологичных разработок и обеспечивает научно-технологический прогресс, необходимо значительное финансирование. Однако ключевое значение имеют не только объемы инвестиций, но и сами модели финансового обеспечения, которые должны базироваться на научно обоснованных методологических принципах, касающихся как фундаментальных и прикладных исследований, так и механизмов их реализации.

Разработка концептуальных основ такого финансового обеспечения позволяет решить несколько критически важных задач: согласовать приоритетные для финансирования направления научной деятельности с актуальными целями социально-экономического развития страны, организовать эффективный мониторинг использования средств, контроль за их целевым расходованием и своевременным исполнением обязательств; корректно идентифицировать и оценивать риски, возникающие при выборе схем финансирования исследований и разработок, а также обеспечить прозрачность и открытость финансирования научных проектов.

В качестве одного из ключевых инструментов для достижения этих целей предлагается разработать и внедрить единую цифровую научно-исследовательскую платформу. Такая платформа должна обеспечить плавную интеграцию всего исследовательского и интеллектуального потенциала страны с институциональной средой, которая отвечает за финансирование российской науки, создавая тем самым целостную и эффективную экосистему для генерации знаний и технологий [6, с.35].

В настоящее время ключевой задачей в ресурсном обеспечении науки является расширение участия бизнеса в финансировании исследований и увеличение доли внебюджетных средств.

Современная наука представляет собой ключевой общественный институт, который вносит значительный вклад в генерацию, воспроизводство и накопление знаний. Она выступает важным каналом взаимодействия между членами общества не только в национальном, но и в глобальном масштабе, что находит отражение в создании международных научных проектов. Эти проекты направлены как на углубление научного сотрудничества и достижение результатов, так и на укрепление партнерских отношений между странами.

Значимость науки в мире резко возросла: за последние два десятилетия объем затрат на НИОКР увеличился втрое, достигнув 2,4 трл. долл. в 2020 году, при

этом в ведущих странах-лидерах этот показатель вырос более, чем в два раза. Инвестиции в НИОКР и эффективность их использования стали определяющими факторами экономического потенциала государств [7, с.50].

Ожидается, что в России в среднесрочной перспективе затраты на НИОКР также возрастут до 2,3% ВВП. Однако особенностью российской модели финансирования науки является доминирующая роль государства, на которое в 2020 году приходилось 67,8% расходов на исследования и разработки. В большинстве ведущих стран основным источником финансирования выступает бизнес: в Израиле – 90%, Китае – 77,5%, Японии – 78,3%, Германии – 64,5%. Данное обстоятельство подчеркивает важность грамотного мониторинга, оценки и стратегического планирования направлений государственного финансирования научных исследований для обеспечения их эффективности и соответствия целям социально-экономического развития страны [4].

Основным инструментом исследования среди специальных методов выступил корреляционно-регрессионный анализ. Его применение позволило не просто зафиксировать наличие связей, но и количественно оценить силу и статистическую значимость влияния независимых переменных – затрат на фундаментальные и прикладные исследования, а также разработки – на зависимую переменную, в качестве которой выступал валовой региональный продукт (ВРП). Выбор ВРП в качестве целевого показателя обусловлен его репрезентативностью для оценки социально-экономического развития территорий.

Данный методологический подход обеспечил объективность, достоверность и системность проводимого анализа. В результате его применения удалось не только оценить гипотезу о существенном влиянии научных инвестиций на экономический рост, но и проанализировать имеющиеся структурные диспропорции в распределении этих инвестиций между регионами, а также определить территории с наибольшим потенциалом развития за счет оптимизации затрат на науку.

Логическая последовательность и основные этапы исследования, включая постановку цели, отбор показателей, построение регрессионных моделей и интерпретацию результатов, наглядно представлены на рисунке 1.

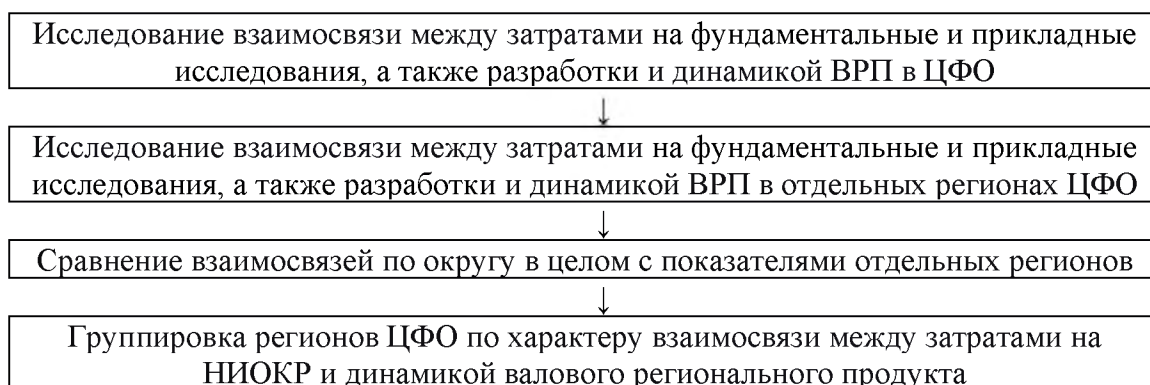

Рисунок 1 – Этапы оценки взаимосвязи между затратами на научно-инновационное развитие и величиной ВРП

В модель для оценки влияния на валовой региональный продукт были включены следующие независимые переменные, отражающие объем затрат на различные виды научных исследований:

X_1 – величина затрат на фундаментальные исследования, млн руб.

X_2 – величина затрат на прикладные исследования, млн руб.

X_3 – величина затрат на разработки, млн руб.

Анализ данных затрат позволяет оценить разнонаправленное влияние научной деятельности на региональный рост. Фундаментальные исследования создают потенциал для будущих прорывов, прикладные исследования адаптируют знания к практическим целям, а разработки непосредственно воплощают их в новые продукты и технологии. Их отдельный учет позволяет оценить, какие именно стадии инновационного цикла вносят наибольший вклад в рост ВРП в отдельных субъектах, что важно для формирования адресной научно-технической политики.

Включение в модель именно этих переменных позволяет не только проверить теоретическую гипотезу о влиянии науки на экономику, но и получить практические выводы о сравнительной эффективности разных видов научных затрат, что и составляет основную цель данного исследования.

Коэффициент детерминации рассчитывался по формуле (1):

$$Y = \frac{\sum (\hat{y} - \bar{y})^2}{\sum (y_i - \bar{y})^2}, \quad (1)$$

Для проверки адекватности и значимости построенной модели применялся F-критерий Фишера. Проверка гипотезы о значимости модели осуществлялась путем сравнения наблюдаемого (расчетного) значения критерия (2) с табличным значением для заданного уровня значимости:

$$F = \frac{R^2}{1 - R^2} * \frac{n - m - 1}{m}, \quad (2)$$

где R^2 – значение коэффициента детерминации;

n – число наблюдений;

m – число факторов в регрессионном уравнении.

Выводы и результаты. В рамках данного исследования был проведен комплексный анализ влияния объемов финансирования различных видов научной деятельности на экономическое развитие регионов Центрального федерального округа (ЦФО). Основное внимание уделялось оценке воздействия затрат на фундаментальные исследования, прикладные исследования и разработки на величину валового регионального продукта (ВРП) как ключевого показателя социально-экономического роста.

Для визуализации и интерпретации выявленных зависимостей были построены регрессионные модели, графическое представление которых приведено на рисунках 2-4.

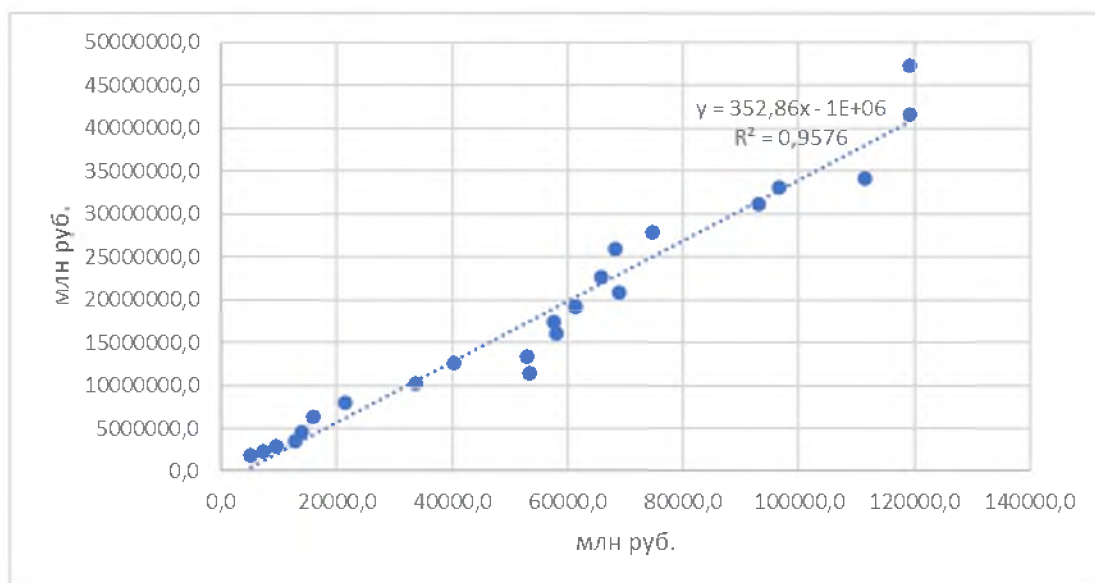

Рисунок 2 – График влияния затрат на фундаментальные исследования на величину ВРП в Центральном федеральном округе

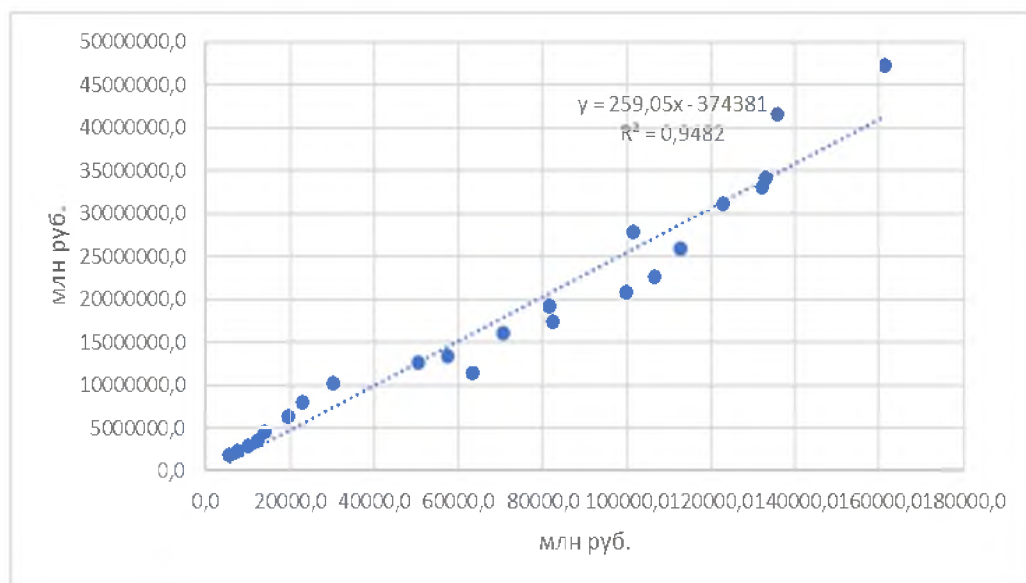

Рисунок 3 – График влияния затрат на прикладные исследования на величину ВРП в Центральном федеральном округе

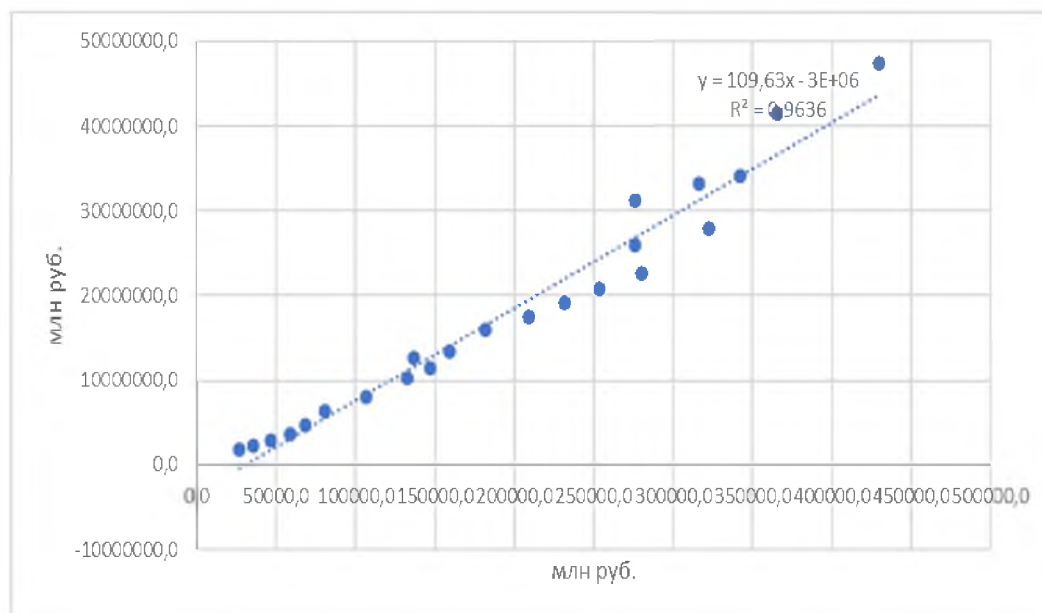

Рисунок 4 – График влияния затрат на разработки на величину ВРП в Центральном федеральном округе

Проведенный анализ графиков регрессионных зависимостей позволяет сформулировать следующие ключевые выводы о характере влияния различных видов научных затрат на валовой региональный продукт Центрального федерального округа. Анализ подтвердил наличие заметной связи между объемом финансирования научной деятельности и величиной ВРП. Однако сила и характер этой зависимости различаются в зависимости от типа исследований. Все модели являются статистически значимыми, что подтверждается результатами расчета и анализа F-критерия Фишера. Наиболее существенный уровень связи наблюдается между инвестициями в разработки и величиной валового регионального продукта в ЦФО ($R^2 = 0,9636$).

На втором этапе исследования с помощью регрессионного анализа была количественно оценена зависимость регионального производства от затрат на различные виды научной деятельности. Были получены уравнения регрессии и рассчитаны коэффициенты детерминации, результаты которых представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты расчета регрессионной зависимости между затратами на фундаментальные и прикладные исследования, а также разработки и динамикой ВРП в отдельных регионах ЦФО

Белгородская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 975,25x + 230269$	0,8359	$y = 949,48x + 103331$	0,9228	$y = 851,68x + 34449$	0,8941
Брянская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 4864,2x - 19506$	0,8469	$y = 2637,2x + 42113$	0,8213	$y = 383,49x + 95231$	0,4325
Владимирская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 197,42x + 204765$	0,1311	$y = 931,7x - 23050$	0,9246	$y = 149,21x - 37202$	0,7412
Воронежская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 730,6x + 15656$	0,9727	$y = 248,96x - 27230$	0,8948	$y = 75,279x - 61573$	0,9307
Ивановская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 851,28x - 22011$	0,8264	$y = 730,64x + 18697$	0,5892	$y = 1648,4x - 38372$	0,6358
Калужская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

влияние x_1 на y		влияние x_2 на y		влияние x_3 на y	
$y = 176,1x + 144222$	0,1157	$y = 226,85x - 20555$	0,8269	$y = 64,541x + 30415$	0,3873
Костромская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 7203,9x + 55650$	0,7227	$y = 6441,8x + 70699$	0,4282	$y = 2122,8x + 118874$	0,2436
Курская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 127,26x + 212759$	0,0388	$y = 1243x + 143604$	0,1858	$y = 98,837x + 35638$	0,5612
Липецкая область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 7736,7x + 16960$	0,8396	$y = 4950,2x + 25732$	0,8924	$y = 1187,2x + 138802$	0,8852
Московская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 40,712x - 27547$	0,7346	$y = 19,575x + 27093$	0,9662	$y = 8,5148x - 55664$	0,9523
Орловская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2
$y = 1427,7x + 27303$	0,8816	$y = 1409,3x + 19551$	0,9448	$y = 614,24x + 114377$	0,2517
Рязанская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R^2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R^2

$y = 1019,8x + 67207$	0,6082	$y = 977,22x + 44151$	0,8469	$y = 279,45x - 26107$	0,561
Смоленская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R2
$y = 333,59x + 24399$	0,9685	$y = 2686,9x + 48422$	0,849	$y = 940,55x - 66618$	0,6042
Тамбовская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R2
$y = 975,94x + 22573$	0,929	$y = 1029,8x + 32203$	0,8403	$y = 39,304x + 173658$	0,0166
Тверская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R2
$y = 692,52x + 69436$	0,7164	$y = 667,72x - 18248$	0,6487	$y = 105,56x - 62340$	0,8323
Тульская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R2
$y = 2381,6x + 109913$	0,4504	$y = 551,93x + 64855$	0,7148	$y = 551,93x + 64855$	0,896
Ярославская область					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R2
$y = 601,54x - 23784$	0,8672	$y = 501,74x + 53987$	0,4548	$Y = 68,253x + 28473$	0,8409
г. Москва					
Уравнение, описывающее влияние x_1 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_2 на y	R2	Уравнение, описывающее влияние x_3 на y	R2

$y = 19,353x + 80935$	$0,9588$	$y = 16,591x + 59360$	$0,9343$	$y = 7,5241x - 49374$	$0,968$

Проведенный анализ демонстрирует выраженную пространственную неоднородность в степени влияния каждого из факторов. Ни один из них не является универсально доминирующим для всех регионов, что указывает на наличие специфики социально-экономического развития территорий.

Для группы промышленно развитых и аграрных регионов, таких как Брянская, Воронежская, Ивановская, Костромская, Смоленская, Тамбовская и Ярославская области доминирующим фактором экономического роста являются затраты на фундаментальные исследования. Высокие значения коэффициентов регрессии указывают на значительную отдачу в ВРП от каждого вложенного рубля в данный вид научных исследований. Это позволяет предположить, что экономика этих субъектов обладает развитым научно-промышленным комплексом, способным трансформировать фундаментальные знания в прикладные решения. Также можно сделать вывод о том, что фундаментальная наука здесь исторически интегрирована в отраслевую специализацию.

Белгородская, Владимирская, Калужская, Липецкая, Московская, Орловская и Рязанская области образуют кластер, который демонстрирует исключительную зависимость ВРП от затрат на прикладные исследования. Для этих субъектов характерна модель, при которой научный потенциал ориентирован на решение конкретных технологических задач, адаптацию существующих знаний под нужды реального сектора экономики. Особенно показателен пример Московской области, где и прикладные исследования, и разработки ($R^2 = 0,9523$) являются гораздо более значимыми факторами, чем фундаментальная наука ($R^2 = 0,7367$). Это соответствует профилю высокоурбанизированной, диверсифицированной и инновационно ориентированной экономики, где спрос со стороны промышленности стимулирует быструю коммерциализацию научных результатов.

Третий ярко выраженный тренд характеризует регионы, где ключевую роль играют затраты на разработки. К ним, помимо Москвы, относятся Тверская и Тульская области. Для столицы и ее окружения это закономерно: здесь концентрируются штаб-квартиры крупных корпораций, инжиниринговые и IT-компании, чья деятельность в большей степени связана с финальной стадией инновационного цикла – созданием и выводом на рынок готового продукта.

Высокая значимость разработок, где одновременно сильна фундаментальная наука, говорит о сбалансированной и зрелой инновационной системе, эффективно переводящей знания из всех секторов науки в практику. К таким регионам можно отнести Белгородскую, Воронежскую, Липецкую, Московскую, Тверскую, Ярославскую области, а также Москву.

Наиболее проблемной с точки зрения эффективности научных затрат является Курская область, где ни один из факторов не показывает устойчивой сильной связи с ВРП. В данном субъекте наблюдаются крайне низкие значения коэффициентов детерминации. Это свидетельствует о существовании разрыва между научной деятельностью и реальным сектором экономики. Финансирование науки

здесь не приводит к ощутимому экономическому эффекту, что может быть вызвано доминированием бюджетных ассигнований, не ориентированных на экономический результат. С началом специальной военной операции Курская область, будучи приграничным регионом, столкнулась с беспрецедентными вызовами, требующими оперативной мобилизации всех ресурсов – экономических, научных и социальных. В этом контексте выявленная неспособность региональной науки адекватно отвечать на запросы экономики трансформируется из проблемы экономической эффективности в вопрос национальной безопасности.

Таким образом, не существует единой, универсальной для всех регионов ЦФО модели влияния науки на экономику. Эффективность различных видов научных затрат обусловлена спецификой региональной экономической структуры, уровнем ее технологического развития и сложившимися кооперационными связями. Следовательно, и научно-техническая политика должна носить дифференцированный характер: для одних регионов приоритетом должна быть поддержка фундаментального задела, для других – стимулирование прикладных исследований и коммерциализации, а для третьих – первоочередное решение институциональных проблем, мешающих превращению научных затрат в экономический рост.

На следующем этапе исследования было проведено сравнение отдельных значений коэффициента детерминации для различных субъектов со средними значениями по округу (рис. 5-7)

Рисунок 5 – Сравнение значений коэффициента детерминации в рамках оценки влияния x_1 на y в отдельных регионах и по ЦФО в целом

Рисунок 6 – Сравнение значений коэффициента детерминации в рамках оценки влияния x_2 на y в отдельных регионах и по ЦФО в целом

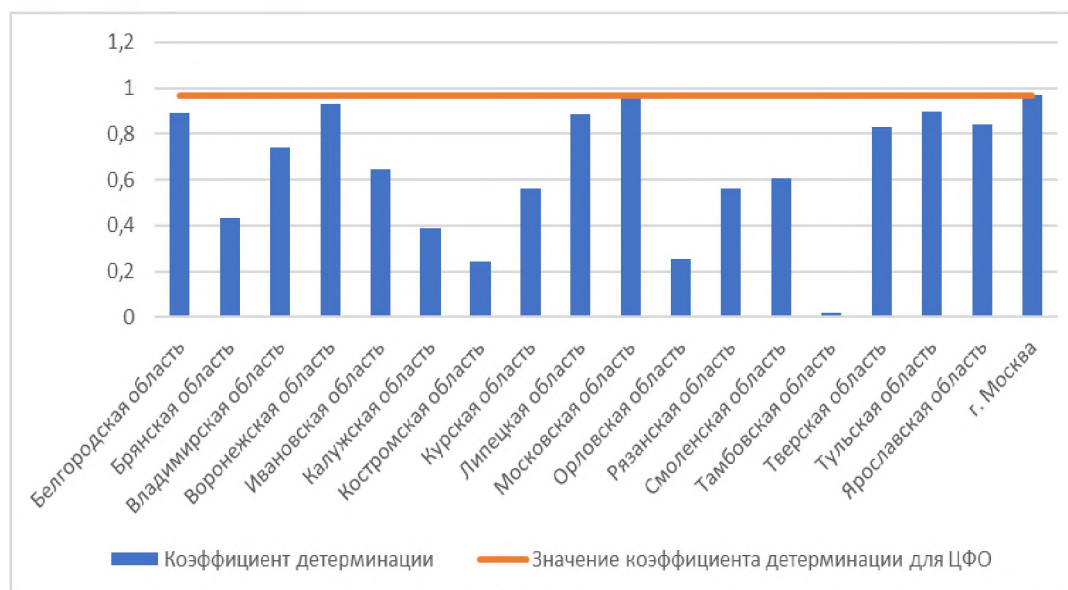

Рисунок 7 – Сравнение значений коэффициента детерминации в рамках оценки влияния x_3 на y в отдельных регионах и по ЦФО в целом

Анализ влияния затрат на фундаментальные исследования на величину ВРП показывает наиболее существенную неравномерность. Такие регионы, как Воронежская (0,9727) и Смоленская (0,9685) области демонстрируют эффективность, превышающую средний уровень по ЦФО (0,9603). Однако существует целая группа регионов с критически низкой эффективностью фундаментальных иссле-

дований: Калужская (0,1157), Владимирская (0,1311) и Курская (0,0388) области. Столь низкие значения коэффициента детерминации указывают на практически полное отсутствие связи между финансированием фундаментальной науки и экономическими результатами в этих субъектах, что требует пересмотра парадигмы организации научной деятельности.

В сфере прикладных исследований ситуация более сбалансирована, однако также имеют место значительные различия. Московская (0,9662) область демонстрирует высокую эффективность, превышая среднее значение по округу (0,9521).

Наиболее показательной является сфера разработок, где средний показатель по ЦФО достигает максимального значения (0,9674). Здесь ярко выражены два полюса: с одной стороны, Москва (0,968), Московская (0,9523) и Воронежская (0,9307) области, где разработки напрямую влияют на экономический рост; с другой – Тамбовская (0,0166), Костромская (0,2436) и Орловская (0,2517) области с низкой отдачей в ВРП. Такой разрыв между максимальным и минимальным значением коэффициента детерминации свидетельствует о высокой дифференциации научно-инновационного развития в рамках одного федерального округа.

Сравнительный анализ коэффициентов детерминации выявил наличие в ЦФО нескольких кластеров регионов с принципиально разной эффективностью использования научных инвестиций. Это требует дифференцированного подхода к разработке научно-инновационной стратегии регионального роста и ставит под сомнение целесообразность применения единых критериев оценки эффективности научной деятельности для всех субъектов.

На основании проведенного исследования выявлена значительная пространственная неоднородность в эффективности влияния различных видов научных затрат на экономический рост регионов ЦФО. Это определяет ключевое направление для дальнейших исследований – углубленный анализ причин данной дифференциации. Другим важным вектором является изучение временного лага и кумулятивного эффекта научных инвестиций. Исследование с учетом лагов позволит построить более точные прогнозные модели. Также предполагается выход за рамки количественного анализа и включение в исследование качественных параметров. Перспективным видится анализ качества научных исследований, эффективности механизмов коммерциализации разработок, уровня кооперации между научными организациями и реальным сектором экономики.

Литература

1. Агафоненко О.Ю. Определение структуры финансового механизма инновационного развития региона // Финансовые рынки и банки. – 2024. – №6 – с.266 – 271. DOI: 10.24412/2658-3917-2024-6-266-271
2. Казова З. М. Инновационное развитие как механизм обеспечения устойчивой национальной экономики / З.М.Казова, З.А.Иванов, Т.К.Татаров, И.А.Шабатуков, С.З.Шугушхов // Прикладные экономические исследования (научно-практический журнал). – Нальчик, 2023. – №S1. – С.77-85. https://doi.org/10.47576/2949-1908_2023_S1_77.
3. Механизмы финансирования фундаментальных исследований на уровне региона: опыт Красноярского края / А.П.Пантелеева, В.И.Бывшев, К.В.Парфентьева [и др.] // Управление

- наукой и наукометрия. – 2021. – Т.16, №3. – С.370-387. DOI: 10.33873/2686-6706.2021.16-3.370-387. EDN МНЖКР
4. Ратай Т.В. Российская наука в 2021 г. – НИУ ВШЭ, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/759541668.pdf>
 5. Сатпаева З.Т. Роль науки в социально-экономическом развитии стран с разным научным потенциалом / З.Т.Сатпаева, М.Т.Молдабекова, Д.М.Мусаева // Вестник университета «Туран». – 2020. – №3. – С.223-228. <https://doi.org/10.46914/1562-2959-2020-1-3-223-228>
 6. Шкодинский С.В. Особенности финансирования научных исследований в Российской Федерации / С.В.Шкодинский, М.В.Шевчук, В.Г.Костякова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – М., 2023. – №1. – С.26–37. DOI: 10.18384/2310-6646-2023-1-26-37
 7. Шумская Е.И. О вопросах финансирования научных исследований в Российской Федерации / Е.И.Шумская, Д.И.Жучков, С.Ю.Иванов // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – М., 2023. – №1. – С.49-53. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-49-53>

ANALYSIS OF THE CONTRIBUTION OF VARIOUS TYPES OF SCIENTIFIC RESEARCH AND DEVELOPMENT TO SOCIO-ECONOMIC GROWTH AT THE REGIONAL LEVEL

Bykova Margarita Leonidovna

Candidate of economic sciences,
associate professor of the chair of economics of innovations and finance
Vladimir state university named after A.G. and N.G.Stoletov
601270, Russia, Vladimir region, Suzdal district,
Bogolyubovo settlement, Novaya Street, Bldg. 20, Apt. 19
Ph.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

The article is devoted the pressing issue of the impact of various types of scientific research on socio-economic growth at the regional level and the development of differentiated approaches to scientific and technological policy. The study's methodological basis is a correlation and regression analysis, allowing for a quantitative assessment of the contribution of expenditures on fundamental and applied research and development to the dynamics of the gross regional product. Based on the data analysis, regions were grouped, resulting in the identification of characteristic development patterns – from areas with a high return on scientific investment to zones with a statistically insignificant impact on the economy. Significant spatial heterogeneity was identified: in regions such as Moscow and the Moscow region, a stable relationship between research expenditures and GRP ($R^2 > 0.95$) is observed, while in the Kursk, Kaluga, and Vladimir regions, this relationship is minimal. It was established that the effectiveness of scientific investment is determined by the structure of the economy, the level of cooperation between science and industry, and the quality of commercialization institutions. The novelty of the study lies in the development of a methodology for differentiated assessment of the contribution of various types of scientific expenditures and the identification of three dominant models of their influence on economic growth in the regions of the Central Federal District. The practical significance of this work lies in its substantiation of targeted public policy measures for each type of region: from

stimulating the commercialization of developments and optimizing the structure of research costs to addressing institutional issues and creating the necessary infrastructure.

Keywords: innovative development; regression analysis; socioeconomic growth; spatial heterogeneity.

ТАҲЛИЛИ САҲМИ НАМУДҲОИ ГУНОГУНИ ТАДҚИҚОТ ВА ТАҲҚИҚОТИ ИЛМӢ БА РУШДИ ИҶТИМОӢ-ИҚТИСОДӢ ДАР САТҲИ МИНТАҚАВӢ

Бикова Маргарита Леонидовна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи иқтисодиёти инноватсия ва молия
Донишгоҳи давлатии Владимир ба номи А.Г. ва Н.Г. Столетов
601270, Россия, вилояти Владимир, ноҳияи Суздаль, Боголюбово,
кӯч. Новая, 20, х.19
Тел.: +7 902 888 0842
margarita93@bk.ru

Мақола ба мушкилоти кунунии таъсири намулҳои гуногуни тадқиқоти илмӣ ба рушди иҷтимоӣ-иқтисодӣ дар сатҳи минтақаӣ ва таҳияи равишҳои фарқкунанда ба сиёсати илмӣ ва техникаӣ бахшида шудааст. Асоси методологии тадқиқот таҳлили ҳамбастагӣ ва регрессия мебошад, ки имкон медиҳад, ки саҳми хароҷот барои тадқиқот ва таҳияи бунёди ва амалӣ ба динамикаи маҳсулоти умумии минтақаӣ арзёбӣ карда шавад. Дар асоси таҳлили маълумот, минтақаҳо ғурӯҳбандӣ карда шуданд, ки дар натиҷа шаклҳои хоси рушд муайян карда шуданд – аз минтақаҳои, ки ғайри баланд аз сармоягузори илмӣ доранд, то минтақаҳои, ки таъсири омӯрӣ ба иқтисодиёт доранд. Нобаробарии назарраси фазоӣ муайян карда шуд: дар минтақаҳо ба монанди Москва ва вилояти Москва, робитаи устувор байни хароҷоти тадқиқот ва ММД ($R^2 > 0.95$) мушоҳида мешавад, дар ҳоле ки дар минтақаҳои Курск, Калуга ва Владимир ин робита нисбатан аст. Муайян карда шуд, ки самаранокии сармоягузори илмӣ аз ҷониби сохтори иқтисодиёт, сатҳи ҳамкориҳои байни илм ва саноат ва сифати муассисаҳои тижоратӣ муайян карда мешавад. Навовариҳои тадқиқот дар таҳияи методология барои арзёбии тафриқавии саҳми намулҳои гуногуни хароҷоти илмӣ ва муайян кардани се модели бартаридоштаи таъсири онҳо ба рушди иқтисодӣ дар минтақаҳои Ноҳияи марказии федералӣ мебошад. Аҳамияти амалии ин кор дар асоснок кардани чораҳои мақсадноки сиёсати давлатӣ барои ҳар як намулҳои минтақа аст: аз ҳавасмандгардонии тижоратикунонии таҳияҳо ва беҳсозии сохтори хароҷоти илмӣ то ҳалли мушкилоти институтсионалӣ ва эҷоди инфрасохтори зарурӣ.

Калидвожаҳо: рушди инноватсионӣ; таҳлили регрессия; афзоиши иҷтимоӣ-иқтисодӣ; нобаробарии фазоӣ.

УДК 331.108.4

ЗАРУБЕЖНЫХ ОПЫТ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ВЗАИМНЫХ ИНТЕРЕСОВ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И СТРАНЫ ПРЕБЫВАНИЯ

Бахриев Убайдулло Абдулложонович

Аспирант кафедры экономики труда и управления персоналом

Академия труда и социальных отношений

119454, Россия, Москва, ул. Лобачевского, 90

Тел.: +7 9035710601

bakhriev_7776@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы адаптации трудовых мигрантов, выходцев из Юго-Восточной Азии, в принимающих их обществах, на примере опыта Тайваня. В условиях глобализации и демографических изменений трудовые мигранты становятся неотъемлемой частью экономики многих стран, однако процесс их интеграции сопровождается многочисленными трудностями, включая дискриминацию, культурные конфликты, нарушение трудовых прав и недостаточную социальную защиту.

Анализируются ключевые проблемы, с которыми сталкиваются рабочие-мигранты, в том числе межэтнические конфликты, дискриминация на рабочем месте, языковые барьеры, а также влияние националистических настроений на их положение в обществе. Особое внимание уделяется Тайваню, где мигранты из Юго-Восточной Азии составляют значительную часть рабочей силы в промышленности и сфере услуг. Рассматриваются условия труда и жизни иностранных работников, их социальная поддержка, проблемы эксплуатации и барьеры в доступе к правовой защите.

Анализируется международный опыт регулирования трудовой миграции в таких странах, как Великобритания, Германия, Франция, США и Китай. Рассматриваются законодательные меры и социальные программы, направленные на интеграцию мигрантов в общество и защиту их прав. Описаны стратегии национальной миграционной политики этих стран, включая механизмы адаптации, мониторинга и поддержки трудящихся-мигрантов.

Подчеркивается необходимость межкультурного взаимодействия и соблюдения прав человека как основополагающих принципов миграционной политики. Автор предлагает рекомендации по совершенствованию системы адаптации трудовых мигрантов, направленные в том числе, на разработку программ социальной интеграции, обеспечение равного доступа к трудовым правам и усиление государственного контроля над соблюдением трудового законодательства.

Делается вывод, что успешная интеграция трудовых мигрантов требует комплексного подхода, включающего меры как на государственном, так и на общественном уровне. Опыт Тайваня и других стран может стать основой для разработки более эффективной миграционной политики в России и других странах, испытывающих потребность в иностранной рабочей силе.

Ключевые слова: трудовая миграция; адаптация мигрантов; культурные конфликты; дискриминация; социальная интеграция; защита трудовых прав; миграционная политика; опыт Тайваня.

Великобритания, Германия и Франция, а также Соединенные Штаты Америки считаются странами классической миграции, и являются бесспорными лидерами в вопросах миграции.

Целью данного исследования является изучение процесса адаптации рабочих-мигрантов из Юго-Восточной Азии на примере разбора кейса по методике адаптации трудовых мигрантов в Тайване и проблемами этнического характера, с которыми они сталкиваются.

Используя методы социологических наблюдений и анализ литературы, исследование сосредоточено на сложных взаимодействиях между рабочими-мигрантами и местным обществом, в частности на конфликтах и сотрудничестве между различными этническими группами.

В рамках исследования даны рекомендации для политики в отношении трудящихся-мигрантов и стратегий социальной интеграции, способствующих сосуществованию и развитию мультикультурализма, а также предложить теоретическую основу для будущих исследований в этой области. В данной работе автор обобщены выводы и на основании них разработаны предложения:

- «межкультурный конфликт» ухудшает физическое и психическое состояние иностранных трудящихся-мигрантов,
- управленческие меры должны основываться на «вопросах прав человека», чтобы позволить иностранным трудящимся-мигрантам иметь определенную степень свободы и развитие их права на труд и социализацию, поэтому предприятиям следует разработать соответствующие меры, позволяющие иностранным трудящимся-мигрантам получить физическую и психическую адаптацию.

На Тайване по мере трансформации промышленной структуры и роста спроса на рабочую силу трудящиеся-мигранты Азии постепенно становятся незамеченной частью рабочей силы.

Что касается культурных конфликтов, то многие ученые Тайваня провели исследования культурных конфликтов в транснациональных браках, а также конфликтов интересов и культурной изоляции, связанных с иммигрантами

Таким образом, подчеркивание мультикультурной идентичности способствует принятию различных групп иммигрантов, в то время как национализм, как правило, приводит к исключению как трудящихся-мигрантов, так и брачных мигрантов [7]. Поэтому в рамках данного исследования хотелось бы больше изучить опыт Тайваня, связанные с этой областью социологии, сосредоточены только на таких темах, как «транснациональные браки» или «культурная адаптация трудящихся-мигрантов». Такие проблемы обычно появляются только в социальных новостях, что является одной из целей данного исследования.

Сокращение масштабов насилия на рабочем месте и дискриминации по принципу исключения – это то, за что постоянно ратуют на международном уровне [3, с.14]. В этой статье будут обсуждаться причины конфликтов с участием транснациональных работников и пути решения этих проблем.

Во-первых, в нем будут проанализированы условия жизни этих работников в их новой среде, их сети социальной поддержки и то, как они справляются с языковыми и культурными различиями.

А во-вторых, позволит исходить корни бобры с самого начала исторических изменение.

Изучая эти вопросы, данное исследование надеется раскрыть истинные обстоятельства жизни трудящихся-мигрантов из Восточной Азии и привлечь внимание к их правам и обеспечить их защиту.

Хотя с наступлением глобализации и эры искусственного интеллекта многие рабочие силы будут заменены машинами, внутренние кадровые проблемы все еще существуют. Эта проблема обычно возникает из-за проблем с социальным статусом, люди обычно не желают заниматься производством и сферой услуг.

Две отрасли промышленности – производство и сфера услуг – считаются на Тайване «неквалифицированными» и «непрофессиональными» рабочими местами, в результате чего люди с высшим образованием не желают ими заниматься.

Такое предложение не только позволило бы наиболее эффективно использовать ограниченное число иностранных рабочих и генерировать наибольшую добавленную стоимость для нашего национального благосостояния, но и сбалансировало бы ухудшающееся распределение доходов за счет налогообложения (т.е. аукционов) и субсидий (профессиональное обучение и общественные работы) [7].

Согласно последнему исследованию спроса на рабочую силу, опубликованному Министерством труда, ожидаемое количество вакансий к концу апреля 2024 года, по прогнозам, увеличится на 61 000 по сравнению с концом января, в то время как количество сокращений рабочих мест, по прогнозам, составит 8 000. В целом, ожидается, что общее количество вакансий увеличится на 53 000.

Основными причинами нехватки рабочей силы являются «расширение или диверсификация компании», на долю которой приходится 54,5%, за которой следует «замена пенсионеров», на долю которой приходится 27,3% [8].

Сравнивая различные отрасли, ожидается, что спрос на рабочую силу в промышленном секторе увеличится на 23 000 человек к концу апреля 2024 года по сравнению с концом января, в то время как спрос в секторе услуг, как ожидается, увеличится на 30 000, что станет шестым кварталом подряд, когда спрос в секторе услуг превышает промышленный сектор. Среди основных отраслей промышленности чистый прирост наблюдается в обрабатывающей промышленности, где требуется еще 20 000 сотрудников.

При детальном анализе этой отрасли ожидается, что для производства электронных компонентов потребуется 4000 рабочих, для производства компьютеров, электронных изделий и оптических изделий, как ожидается, потребуется 3000 рабочих, а для производства машин и оборудования, по прогнозам, потребуется 2000 рабочих. На втором месте по величине спроса находится индустрия размещения и общественного питания с ожидаемым увеличением на 7000 работников, за ней следует оптовая и розничная торговля с ожидаемым увеличением на 6000 работников.

Часто возникает много споров по трудовым вопросам в собственной стране, не говоря уже о рабочих из зарубежных стран. Конечно, у них также будут те же проблемы, и многие споры привлекут большое внимание общества, такие как:

вопросы эксплуатации прав человека, трудовых прав и интересов или даже вопросы социальных конфликтов.

Иностранные рабочие-мигранты играют решающую роль на рынке труда Тайваня. Они не только обеспечивают основной уход за пожилыми людьми, но и вносят значительный вклад в работу заводов, строительных площадок, рыбацких лодок и закусовых по всему Тайваню.

Иностранные рабочие-мигранты восполняют нехватку рабочей силы на Тайване, однако их трудовым правам и защите техники безопасности редко уделяется должное внимание, что делает их почти незаметными в тайваньском обществе. В настоящее время почти 230 000 человек заняты домашним и производственным трудом, выполняя физически тяжелую, рискованную, а иногда и грязную работу, такую как рыбная ловля и работа на фабрике [10, с.24-25].

Основные проблемы, связанные со случаями незаконного въезда трудящихся-мигрантов, их бегства, превышения срока службы и незаконной работы, требуют срочного внимания со стороны правительства. Продолжаются дебаты о том, может ли расширение прав трудящихся-мигрантов повлиять на тайваньских рабочих или на благосостояние. Мнения по этому поводу сильно различаются.

Это было бы выгодно не только для общественного порядка и рынка труда Тайваня, но и для репутации Тайваня в области прав человека на международном уровне.

Несмотря на частые поправки к соответствующим нормативным актам за последние 30 лет, направленные на улучшение трудовых прав рабочих-мигрантов-иностранцев на Тайване, и множество заслуживающих одобрения административных мер, количество жалоб, поданных на горячую линию 1955 года, существенно не уменьшилось. Согласно официальной статистике, доступной онлайн за последние пять лет, в 2017 году было подано 46 296 жалоб, а в 2021 году – 46 634. Для сравнения, количество жалоб, поданных домашней прислугой по горячей линии 1955 года, значительно ниже, чем жалоб, поданных иностранными трудящимися-мигрантами. Например, в 2017 году жалобы домашних работников составляли всего 10% от жалоб иностранных работников, и в 2021 году это соотношение снизилось всего до 6,4%.

Учитывая общее количество работников, на Тайване насчитывается около десяти миллионов домашней прислуги и примерно 700 000 иностранных рабочих. Несмотря на это, ежегодно от иностранных рабочих поступает от 40 000 до 50 000 жалоб, что означает, что примерно 6 из каждых 100 рабочих-иностранцев подают жалобу. Напротив, только примерно 3 из каждых 10 000 домашних работников подают жалобу, что указывает на существенное неравенство. Учитывая незнание окружающей среды, законов, языка, культуры, религии и обычаев в сочетании с более несбалансированной динамикой власти между рабочей силой и руководством, неудивительно, что «синие воротнички»-иностранные рабочие на Тайване подают большое количество жалоб.

Фактически, большое число случаев, о которых сообщается по официальным каналам, говорит о том, что фактическое число, вероятно, занижено, что вызывает опасения по поводу практической эффективности нормативных поправок.

Еще один вопрос, на который стоит обратить внимание, — это характер жалоб, поданных трудящимися-мигрантами по горячей линии. Согласно официальной статистике, за последние пять лет проблемы с управлением неизменно занимали первое место среди жалоб, за ними следовали проблемы с заработной платой и контрактами, причем значительное количество жалоб также касалось брокеров.

Нередко можно увидеть новости о том, что рабочие-мигранты дерутся группами, особенно в местах скопления рабочих-мигрантов, обычно в промышленных зонах, где рабочие-мигранты образуют небольшой живой круг, например, в районе Чжунли в городе Таюань, где перед вокзалом собирается большое количество рабочих-мигрантов из Юго-Восточной Азии.

Групповые конфликты среди современных рабочих-мигрантов имеют много общего с фракционными разборками между жителями Чжанчжоу и Цюаньчжоу на раннем Тайване.

Будь то современные рабочие-мигранты или участники ранних фракционных разборок, они представляют собой маргинализированные и угнетенные группы.

Как ранние фракционные столкновения, так и современные конфликты трудящихся-мигрантов демонстрируют, что в условиях значительных культурных различий члены группы с большей вероятностью объединятся и будут противостоять внешним угрозам.

Исследователи заинтересованы в понимании того, какие современные социальные, политические или экономические условия и контексты позволяют маргинализированным группам объединяться посредством этнической мобилизации для сопротивления угнетению доминирующих групп [5, с.14].

Прошло 32 года с тех пор, как Тайвань открыл доступ для крупных трудовых мигрантов из Юго-Восточной Азии. В настоящее время на Тайване проживает около 750 000 человек. Из-за врожденных языковых и культурных барьеров эмоции, накопленные трудящимися-мигрантами из Юго-Восточной Азии из-за языка и адаптации к новой среде в первые дни их прибытия на Тайвань, были трудными. Они испытали чувство «афазии».

Страхом для трудящихся-мигрантов часто становится то, что им не с кем поговорить о своих проблемах, и давление со стороны работодателей. За последние 30 лет из-за "афазии" возникло много сожалений. Однако языковые барьеры обычно первыми принимают на себя основную тяжесть. Работа в совершенно незнакомой стране требует не только сильной психологической подготовки, но и большого количества знаний, таких как изучение китайского языка и даже местных диалектов, и, конечно же, еды. Отчасти это также является ключевой проблемой [8].

Хотя все еще могут быть некоторые различия, проблемы с питанием, вытекающие из религии, что обычно беспокоит индонезийских рабочих-мигрантов больше всего, так это то, что многие индонезийские рабочие-мигранты в целом верят в ислам

Однако на Тайване домашняя прислуга, как правило, родом из Индонезии. Согласно статистике Министерства труда, на конец 2023 года общее число тру-

дящихся-мигрантов в сфере промышленности и социального обеспечения на Тайване составляет 753 000 человек, в том числе 272 000 из Индонезии, 263 000 из Вьетнама, 149 000 с Филиппин и 67 000 из Таиланда; среди них около 234 000 – работники-мигранты из сферы социального обеспечения, а в промышленности насчитывается около 519 000 рабочих-мигрантов [7].

Из-за недостаточного внимания к психическому здоровью в странах Юго-Восточной Азии и в целом низкого уровня образования их самосознание относительно низкое, что затрудняет им четкое изложение своих страданий. Это затруднительное положение, которое тайваньцы часто упускают из виду в дискуссиях о трудящихся-мигрантах.

У многих трудящихся-мигрантов тела взрослых людей, способных работать за границей и содержать свои семьи, но их разум все еще незрелый. политика не только решает проблему нехватки рабочей силы в производственном секторе, но и предлагает тайваньским семьям такие услуги, как уход за пожилыми людьми, долгосрочный уход за детьми, уход за детьми по уходу за детьми и выполнение домашних обязанностей, облегчая бремя ухода за пожилыми людьми, воспитания детей и выполнения домашних обязанностей [8].

Имея дело с трудящимися-мигрантами, предприятия должны решать проблему «кросс-культурной адаптации», которая относится к различным стратегиям психологического и организационного поведения и усилиям, предпринимаемым отдельными лицами для эффективного общения и взаимодействия представителей разных культур при вхождении в новую культурную среду.

Феномен групповых столкновений иностранных рабочих на станции может быть дополнительно проанализирован с помощью соответствующих этнических теорий и расового сознания [6, с.23].

Интересно, что после обзора прошлых новостных событий эти конфликты между рабочими-мигрантами обычно являются конфликтами между иностранными рабочими-мигрантами. Как правило, тайваньцы вряд ли будут воевать в группах с иностранными рабочими-мигрантами, хотя упомянутая выше «проблема дискриминации» часто возникает из-за самих тайваньцев. В Восточной Азии существует сильная дискриминация и неприятие этих иностранных рабочих-мигрантов, но эти предрассудки существуют только на «психологическом и сознательном» уровне и не приведут к физическим конфликтам или даже вооруженным дракам.

Отношение многих тайваньцев к иностранным рабочим-мигрантам в основном продиктовано сочувствием или беспомощностью, потому что они понимают положение этих рабочих-мигрантов и в какой-то степени полагаются на их рабочую силу.

В соответствии с Законом Китайской Народной Республики о въезде и выезде от 2013 года, иностранцы, которые собираются в Китай работать по приглашению или по найму, при подаче заявления на визу должны иметь при себе соответствующее приглашение или трудовое удостоверение. В соответствии с этим законодательством иностранному гражданину, прибывшему в Китай с целью

трудоустройства в сопровождении членов своей семьи, выдается специальная виза типа «Z» [2].

Согласно законодательству КНР, существует несколько факторов, которые определяют, считается ли наем иностранного работника незаконным, а также все вытекающие из этого последствия. Например, будет запрещено законом работать без разрешения и вида на жительство, а также работать за пределами сферы деятельности, указанной в разрешениях на работу. Если трудящийся-мигрант нарушает административные ограничения при совмещении работы и учебы, выходит за рамки согласованной сферы деятельности или превышает установленный лимит времени, работа также будет считаться незаконной [2].

В Великобритании после демографического кризиса произошло сокращение людей трудоспособного возраста. Повышение рождаемости - очень сложная задача, и в результате трудящиеся-мигранты смогли обеспечить необходимое количество работников. В 1920-х годах была создана система выдачи разрешений на работу иностранным гражданам. Отбор проводился на основе конкретных групп персонала, при этом учитывались профессиональные и квалификационные данные последних. Таким образом, мигранты смогли удовлетворить спрос на рабочую силу, который сложился на рынке труда в тех регионах страны, где коренные жители страны по разным причинам не хотели работать. В последующие годы на трудящегося-мигранта распространяется строгое обязательство работать на определенного работодателя [4].

После изучения опыта Германии, страны, в которой миграция определяет внутреннюю и внешнюю политику государства, можно сделать ряд выводов и применить полученный опыт в контексте миграционной политики в Российской Федерации.

Закон об иммиграции 2005 года, который включает в себя законы «О пребывании, трудоустройстве и интеграции иностранцев» и «О свободе передвижения граждан ЕС», официально закрепил признание Германии страной иммиграции. Как следствие, повышается осведомленность о миграционном процессе как о важном требовании для расширения экономики страны. Еще одно преимущество закона, который сейчас рассматривается, заключается в том, что он создает основу для постепенного принятия политики интеграции.

Национальный план Германии включает в себя ряд нестандартных подходов к процессу интеграции мигрантов в общество. В план включено около 400 мероприятий, 250 из которых были перенесены на региональный уровень, а 150 из них были переданы федеральному правительству. Для достижения своих целей эта стратегия рассчитана на широкую мобилизацию общества.

В Национальном плане значительное внимание уделяется мониторингу осуществления интеграции, а также созданию единой информационной системы с целью учета эффективности проводимой политики. В результате ведения микро-регистрации для целей мониторинга используются важные статистические данные, собираемые Федеральным бюро статистики Германии и статистическими Департаментами федеральных земель. В процессе отбора данных учитываются такие показатели, как гендерные и возрастные характеристики мигрантов, знание

языка, образование, занятость, состояние здоровья, открытость для различных культур, факты нарушения законодательства и другие аспекты.

Результаты такого мониторинга могут быть использованы в различных целях, включая определение того, были ли достигнуты цели миграционной политики, получение информации об обстоятельствах, с которыми сталкиваются мигранты в сообществе, в котором они проживают, и эффективное использование имеющихся ресурсов. Мониторинг проверенный подход, который позволяет разработать хорошо продуманный план миграции, учитывающий разнообразие социальных процессов. Он также позволяет оценить, какие методы интеграции эффективны, а какие нет.

Национальным планом эффективным способом называются СМИ. Это достигается за счет использования возможностей СМИ, которые способны влиять на отношение принимающего сообщества к мигрантам. Например, мигрантов часто изображают либо жертвами, либо преступниками.

Властям Германии удалось наладить диалог со СМИ, что привело к более объективному рассмотрению материала. Кроме того, на представление о беспристрастности СМИ значительное влияние оказал вклад гражданского общества. Примером такой организации является Немецкий фонд интеграции, миссия которого заключается в распространении примеров успешной интеграции [1, с.102].

На курсах изучается национальный язык, а также имеет вводный курс. Ознакомительный компонент содержит информацию о местоположении федеральной территории, на которой мигрант решил проживать, а также знания о правовых нормах, истории и культуре страны, в которой мигрант в настоящее время проживает. На интеграционный курс отводится 660 часов.

Именно благодаря изучению немецкого люди могут получить доступ к возможностям получения образования и карьерного роста наравне со всем населением принимающих их стран. Исследования эффективности курсов по миграции, проведенные Федеральным управлением по делам миграции, показали, что расходы на обучение мигрантов являются достойными инвестициями, которые способствуют экономическому развитию [1, с.102].

В контексте интеграции мигрантов участие гражданского общества оказывается достаточно полезным. Помимо социальных групп, в Германии существует большое количество неправительственных организаций, которые оказывают помощь мигрантам в процессе оформления документов, предоставляют консультативные услуги и стремятся повысить осведомленность населения.

Координационный совет исламских ассоциаций был создан совместно с рядом других организаций с целью содействия более мирному урегулированию проблем, которые в настоящее время имеют место в этом конкретном регионе.

Интеграционные советы создаются на основе принятия местных принципов интеграции и их адаптации в соответствии с потребностями данного общества. В состав этих советов входят мигранты, которые сами являются жителями данного муниципалитета. Помимо консультирования местных органов власти по вопро-

сам, касающимся мигрантов и их интеграции, на Интеграционный совет возложена ответственность за оказание помощи мигрантам в различных секторах.

Таким образом, важно иметь понимание, основанное на опыте других стран, что интеграция мигрантов в Российской Федерации должна быть результатом взаимодействия широкого круга участников, в то время как сами мигранты должны играть наиболее значимую роль в этом процессе. В связи с наличием значительных различий между Российской Федерацией, западными странами и Китаем с точки зрения экономики, системы образования и степени развития гражданского общества, невозможно пытаться напрямую дублировать миграционную политику и механизмы адаптации трудовых мигрантов.

Однако знакомство с механизмами интеграции, используемыми другими странами, а также внедрение наиболее эффективных методов и технологий могут способствовать дальнейшему совершенствованию российской миграционной политики, которая в настоящее время переживает большие трансформации.

Литература

1. Гризаковская Д. В. Механизмы социокультурной интеграции мигрантов: опыт Германии // Символ науки. – 2021. – №7. – С.102-103.
2. Закон КНР о въезде и выезде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [URL:http://www.asia-business.ru/](http://www.asia-business.ru/) (дата обращения: 12.01.2025 г.).
3. Мишунина А. А. Принимающее общество и мигранты: правовые практики экономической и социально-культурной адаптации в современных условиях // Российская юстиция. – 2022. – №9. – С.13-16.
4. Правовое регулирование миграции в Великобритании: история и современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasialegal.info/>
5. Yang Wan-Ying, Zhang Ya-Wen. Why Oppose Migrant Workers/Immigrants? // Conflict of interest or cultural exclusion. Taiwanese journal of political science. – 2019. – №60. – P.43-84.
6. Zhang Ning, Zhang Lingqian. Analysis of cognitive conflicts in migrant worker policies // Labor relations review. – 2020. – №22(2). – P.22-51.
7. Cheng Chinhin. Anti-discrimination and Equal Rights: On the Work Equality of Foreign Workers in Taiwan // Yuedan Law Journal. – 2011. – №189. – P.5-21.
8. Li C.T., Chang C.F. The impact of foreign workers on domestic workers' wages and employment: An empirical study of Taiwan // Economic Research. – 2019. – №55(2). – P.279-321.
9. Hsin P.-L., Liu I.-C. The effect benefit evaluation of the implementation of the new system of foreign workers in the 3K industry. Research Project of Workforce Development Agency. Ministry of Labor. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.wda.gov.tw/> (дата обращения: 12.01.2025 г.).
10. Wu Hui-Lin, Ching-His Chang. A study of the labor shortage and foreign workers in Taiwan. – Taipei: Chung-Hua Institution for economic research, 1991. – P.1-169.

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE SETTLEMENT OF MUTUAL INTERESTS OF MIGRANT WORKERS AND THE HOST COUNTRY

Bahriev Ubaydullo Abdullazhonovich

Postgraduate student of the chair of labor economics and personnel management

Academy of labor and social relations

119454, Russia, Moscow, Lobachevsky str., 90

Ph.: +7 9035710601

bakhriev_7776@mail.ru

This article deals with the problems of adaptation of migrant workers, especially those from South-east Asia, in their host societies, with an emphasis on the experience of Taiwan. In the context of globalization and demographic changes, migrant workers are becoming an integral part of the economy of many countries, but the process of their integration is accompanied by numerous difficulties, including discrimination, cultural conflicts, violation of labor rights and insufficient social protection.

The author analyzes the key problems faced by migrant workers, including interethnic conflicts, discrimination in the workplace, language barriers, as well as the impact of nationalist sentiments on their position in society. Particular attention is paid to Taiwan, where migrants from Southeast Asia make up a significant part of the workforce in industry and services. The article examines the working and living conditions of foreign workers, their social support, problems of exploitation and barriers to access to legal protection.

The article also analyzes the international experience of regulating labor migration, including the example of Great Britain, Germany, France, the USA and China. Legislative measures and social programs aimed at integrating migrants into society and protecting their rights are being considered. The strategies of the national migration policy of these countries are described, including mechanisms for adaptation, monitoring and support of migrant workers.

The study highlights the need for intercultural interaction and respect for human rights as fundamental principles of migration policy. The author offers recommendations for improving the system of adaptation of migrant workers, including improving working conditions, developing social integration programs, ensuring equal access to labor rights and strengthening state control over compliance with labor legislation.

In conclusion, it is concluded that the successful integration of migrant workers requires an integrated approach, including measures at both the state and public levels. The experience of Taiwan and other countries can become the basis for developing a more effective migration policy in Russia and other countries in need of foreign labor.

Keywords: labor migration; migrant adaptation; cultural conflicts; discrimination in the workplace; social integration; protection of labor rights; migration policy; Taiwan's experience.

ТАҶРИБАИ ХОРИҶӢ ДАР ҲАЛЛИ МАНФИАТҲОИ МУТТАҲИДАИ МУҲОЧИРОНИ МЕҲНАТӢ ВА КИШВАРИ МИҶОРАТӢ

Бахриев Убайдулло Абдуллоҷонович

Аспиранти кафедраи иқтисодиёти меҳнат ва идоракунии кадрҳо

Академияи меҳнат ва муносибатҳои иҷтимоӣ

119454, Россия, Москва, кӯч. Лобачевский, 90

Тел.: +7 9035710601

bakhriev_7776@mail.ru

Дар мақола мушкилоти мутобиқшавии муҳочирони меҳнатӣ аз Осиёи Ҷанубу Шарқӣ дар ҷомеаҳои мизбон бо истифода аз таҷрибаи Тайван баррасӣ шудааст. Дар заминаи ҷаҳонишавӣ ва тағйироти демографӣ, муҳочирони меҳнатӣ ба қисми ҷудонашавандаи иқтисодиёти бисёр кишварҳо табдил меёбанд, аммо раванди ҳамгироии онҳо бо мушкилоти сершумор, аз ҷумла таъбиз, низоъҳои фарҳангӣ, поймол кардани ҳуқуқи меҳнатӣ ва ҳифзи нокифояи иҷтимоӣ ҳамроҳ аст. Дар ин мақола масъалаҳои калидии коргарони муҳочир, аз ҷумла низоъҳои байниқавмӣ, таъбиз дар ҷои кор, монеаҳои забонӣ ва таъсири эҳсоси миллатгарой ба мавқеи онҳо дар ҷомеа таҳлил карда мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба Тайван, ки дар он муҳочирон аз Осиёи Ҷанубу Шарқӣ қисми назарраси қувваи кориро дар соҳаҳои истеҳсолот ва хизматрасонӣ ташкил медиҳанд, равона карда шудааст. Дар он шаронти кор ва зиндагии коргарони хориҷӣ, дастгирии иҷтимоии онҳо, масъалаҳои истисмор ва монеаҳо барои дастрасӣ ба ҳифзи ҳуқуқӣ баррасӣ мешавад. Инчунин, он таҷрибаи байналмилалиро дар танзими муҳочирати меҳнатӣ дар кишварҳо ба монанди Британияи Кабир, Олмон, Фаронса, Иёлоти Муттаҳида ва Чин баррасӣ мекунад. Он ҷораҳои қонунгузорӣ ва барномаҳои иҷтимоиро, ки барои ҳамгироии муҳочирон ба ҷомеа ва ҳифзи ҳуқуқҳои онҳо равона шудаанд, баррасӣ мекунад. Он стратегияҳои сиёсати миллии муҳочирати ин кишварҳоро, аз ҷумла механизмҳои мутобиқшавӣ, назорат ва дастгирии коргарони муҳочир тавсиф мекунад. Он зарурати ҳамкориҳои байнифарҳангӣ ва эҳтиром ба ҳуқуқи инсонро ҳамчун принципҳои асосии сиёсати муҳочират таъкид мекунад. Муаллиф тавсияҳоро барои беҳтар кардани низоми мутобиқшавии муҳочирони меҳнатӣ пешниҳод мекунад, ки дар баробари дигар чизҳо, ба таҳияи барномаҳои ҳамгироии иҷтимоӣ, таъмини дастрасии баробар ба ҳуқуқҳои меҳнатӣ ва тақвияти назорати давлатӣ бар риояи қонунгузории меҳнатӣ нигаронида шудаанд. Хулоса мешавад, ки ҳамгироии муваффақонаи муҳочирони меҳнатӣ ба равиши ҳамаҷониба, аз ҷумла ҷораҳо дар сатҳи давлатӣ ва ҷамъиятӣ ниёз дорад. Таҷрибаи Тайван ва дигар кишварҳо метавонад ҳамчун асос барои таҳияи сиёсати муассиртари муҳочират дар Русия ва дигар кишварҳое, ки ба қувваи кории хориҷӣ ниёз доранд, хизмат кунад.

Калидвожаҳо: муҳочирати меҳнатӣ; мутобиқшавии муҳочирон; низоъҳои фарҳангӣ; таъбиз; ҳамгироии иҷтимоӣ; ҳифзи ҳуқуқи меҳнатӣ; сиёсати муҳочират; таҷрибаи Тайван.

УДК 331.108.4

АВТОМАТИЗАЦИЯ ТРУДА: РЕВОЛЮЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА ИЛИ УГРОЗА ЗАНЯТОСТИ?

Лукманов Айнур Айратович

Аспирант кафедры экономики и социологии здравоохранения
Национальный научно-исследовательский институт общественного
здоровья имени Н.А.Семашко
105064, Россия, Москва, ул. Воронцово поле, д.12, строение 1
Тел.: +79035710601
aalukmanov@yandex.ru

В статье исследуется влияние автоматизации труда на современный рынок труда. Автоматизация, охватывающая технологии, такие как роботизация производственных процессов и внедрение систем искусственного интеллекта, заметно преобразует способы выполнения рабочих задач и повышает общую производительность. В работе представлен анализ преимуществ, связанных с автоматизацией, включая повышение эффективности, снижение затрат и улучшение качества продукции. Однако наряду с этими положительными аспектами поднимается вопрос о рисках, связанных с потерей рабочих мест и возможным увеличением неравенства на рынке труда. Отдельное внимание уделяется необходимости адаптации образовательных систем и профессиональной подготовки, чтобы подготовить работников к новым реалиям. Статья обращает внимание на то, что инвестиции в человеческий капитал и инновации становятся ключевыми факторами для создания адаптивных и инклюзивных систем в условиях растущей динамики и неопределенности современного мира.

Ключевые слова: автоматизация труда; производственные процессы; рынок труда; преимущества; угроза занятости; автоматизированные технологии.

В современных условиях стремительного развития технологий автоматизация труда становится одной из наиболее значимых тенденций, оказывающих глубокое влияние на рынок труда. С каждым днем все больше процессов подвергается автоматизации, что влечет за собой как положительные изменения, так и ряд вызовов, требующих внимательного анализа [7, с.200]. Исторически, автоматизация связывалась с введением машинного труда, существенно изменяющего структуру производства. Однако в последние десятилетия с развитием искусственного интеллекта (ИИ), больших данных и сложных вычислительных систем, эта тенденция вышла на новый уровень, затрагивая не только традиционные производственные сферы, но и сервисный сектор, управление и даже творческие профессии.

Автоматизация труда представляет собой процесс замены человеческой рабочей силы машинами и программами, способными выполнять задачи с высокой

скоростью и точностью. Это явление охватывает широкий спектр технологий, начиная от простых автоматизированных машин и заканчивая сложными алгоритмами ИИ, способными принимать решения на основе анализа данных [6, с.146]. В результате, компании, внедряющие такие технологии, зачастую сталкиваются с увеличением производительности, снижением операционных затрат, улучшением качества продукции и услуг.

Тем не менее, наряду с этими очевидными преимуществами присутствуют и серьезные риски. Одним из главных опасений является потенциальная угроза для занятости: многие работники могут потерять свои рабочие места в результате автоматизации, поскольку машины и алгоритмы становятся способными выполнять задачи, ранее требовавшие человеческого участия. Это особенно актуально для профессий, связанных с рутинными, предсказуемыми действиями, где возможности для творчества и принятия нестандартных решений минимальны. Таким образом, возникает вопрос о том, как сохранить рабочие места и поддержать тех, кто может оказаться выведенным за рамки рынка труда в результате таких изменений.

Под автоматизацией труда понимается процесс применения технологий для выполнения задач, которые ранее выполнялись людьми. Это может включать в себя не только физическую роботизацию производственных процессов, но и использование программного обеспечения для автоматизации офисной работы и цифровых услуг [6, с.147]. Рассмотрим более детально ключевые аспекты автоматизации:

1. Роботизация. Роботизация подразумевает использование механических устройств, которые могут выполнять физические задачи, ранее требовавшие человеческого труда. Этот процесс включает:

- промышленные роботы (используются на заводах для выполнения повторяющихся задач, таких как сборка, сварка, упаковка и контроль качества., что позволяет не только ускорить процесс производства, но и повысить его точность);
- сервисные роботы (применяются в гостиничном и ресторанном бизнесе, а также в здравоохранении для выполнения рутинных задач (например, доставка еды, уборка помещений, ассистирование в медицинских процедурах);
- гибкие роботизированные системы (создаются в ответ на необходимость более адаптивного производства, способны менять свои настройки под разные виды продукта).

Подчеркнем, что роботизация способствует не только повышению производственной эффективности, но и снижению физической нагрузки на работника, что может привести к улучшению условий труда.

2. Искусственный интеллект (ИИ). ИИ представляет собой технологию, основанную на симуляции человеческого интеллекта в машинах, что позволяет им анализировать информацию и принимать решения. Основные направления применения ИИ в автоматизации:

- машинное обучение (алгоритмы обучаются на больших объемах данных и могут предсказывать результаты, распознавать шаблоны и адаптироваться к изменяющимся условиям);
- обработка естественного языка (NLP) (используется в чат-ботах и виртуальных помощниках, что позволяет автоматизировать взаимодействие с клиентами и улучшить качество обслуживания);
- компьютерное зрение (включает технологии для анализа изображений и видео, используемые, например, для проверки качества продукции на производственных линиях или в системах безопасности).

Следовательно, ИИ способен значительно улучшить скорость и качество принятия решений, минимизируя человеческие ошибки и позволяя организациям более точно предсказывать потребности рынка.

3. Процессы автоматизации. Процессы автоматизации охватывают применение технологий для оптимизации бизнес-процессов и снижения затрат:

- автоматизация офисных процессов (внедрение программного обеспечения для управления документами, ведения учета, анализа данных и других административных задач);
- системы управления производством (MES) (позволяют эффективно планировать и контролировать производственные процессы, уменьшая время простоя и повышая общую производительность);
- предиктивная аналитика (использует данные о прошлых показателях для прогнозирования будущих результатов и оптимизации управления ресурсами).

Таким образом, автоматизация бизнес-процессов не только способствует снижению затрат, но и позволяет компаниям становиться более гибкими, увеличивая свою скорость реакции на изменения в рыночной среде.

Отметим, что ключевые аспекты автоматизации – роботизация, искусственный интеллект и процессы автоматизации – играют важную роль в трансформации современных бизнес-моделей и рабочих процессов [5, с.129]. Их интеграция создает возможности для значительного повышения эффективности и качества работы, однако также требует от работников новых навыков и способностей, так как рынок труда постепенно адаптируется к этим изменениям. Важно учитывать, что успешная автоматизация не только облегчает задачи, но и открывает новые горизонты для инноваций и роста [3, с.26].

Рассмотрим основные положительные аспекты автоматизации труда [2, с.18]:

1. Увеличение производительности. Технологии позволяют увеличить скорость и объем производства, что в свою очередь снижает затраты на единицу продукции и повышает конкурентоспособность компаний.
2. Улучшение качества продукции. Роботы и автоматизированные системы способны выполнять задачи с высокой точностью, что снижает вероятность ошибок и повышает качество конечного продукта.
3. Создание новых рабочих мест. Несмотря на опасения утраты традиционных рабочих мест, автоматизация создает новые профессии, требующие специфических навыков, связанных с управлением технологиями и анализом данных.

4. Улучшение условий труда. Автоматизация снимает с плеч работников рутинные и опасные задачи, позволяя сосредоточиться на более сложных и творческих аспектах работы.

Несмотря на явно положительные стороны, автоматизация труда также порождает множество опасений и вызовов:

1. Утрата рабочих мест. Одним из самых значительных последствий автоматизации является угроза массовой утраты рабочих мест, особенно в секторах, где задачи можно легко автоматизировать. Это особенно актуально для низкоквалифицированных работников.

2. Повышение неравенства. Автоматизация может привести к увеличению социального и экономического неравенства. Наибольшую выгоду от технологий получают высококвалифицированные специалисты, в то время как менее квалифицированные работники могут столкнуться с трудностями в поиске новых вакансий.

3. Необходимость переобучения. Работникам часто необходимо повышать свою квалификацию или переобучаться, чтобы соответствовать изменяющимся требованиям рынка труда. Это может быть дорогостоящим и времязатратным процессом.

4. Психологические и социальные последствия. Массовая автоматизация может повлиять на психоэмоциональное состояние работников и их приверженность к работе, создавая чувство неопределенности и беспокойства.

Рассмотрим влияние автоматизации на рынок труда на примере автоматизации производства, включая компании, такие как Tesla и Toyota, и их успешную интеграцию технологий.

Компания Tesla была основана 1 июля 2003 года Мартином Эберхардом и Марком Тарпеннингом в Сан-Карлосе, Калифорния [9]. Название Tesla было выбрано в честь Николы Теслы, который внес значительный вклад в развитие электротехники и является символом инноваций в этой области. С тех пор Tesla стала одной из ведущих компаний в области электромобильного производства и альтернативной энергетики, активно способствуя переходу на экологически чистые транспортные средства. Рассмотрим примеры успешной интеграции технологий в автопроизводстве компании Tesla [9]:

1. Использование роботов. Tesla активно использует продвинутые роботизированные системы для автоматизации многих этапов производственного процесса. В частности, на заводах Tesla применяются специализированные роботы для точной сборки компонентов, таких как кузова автомобилей, что позволяет значительно ускорить процесс.

2. Внедрение ИИ. Tesla интегрировала искусственный интеллект в системы управления производственными процессами. ИИ анализирует данные о работе оборудования в реальном времени, что позволяет предсказывать возможные поломки и проводить профилактическое обслуживание, минимизируя время простоя.

3. Система сборки. Более плавная система потоковой сборки позволяет Tesla производить автомобили на заказ, оптимизируя запасы и минимизируя отходы.

Далее рассмотрим компанию Toyota. История компании Toyota является интересным примером трансформации и инновации, охватывающим более чем столетний период. Поскольку Toyota начинала как производитель текстильных станков, ее фактическое основание говорит о вкладе в развитие автоматизации и высоких технологий в Японии. Сакити Тоеда основал компанию в 1890 году, сосредоточив внимание на производстве ткацких станков. Его идеи и разработки помогли революционизировать текстильное производство [4].

Важным достижением стало создание автоматического ткацкого станка, который значительно увеличил производительность и снизил трудозатраты в текстильной области. Концепция автоматического текстильного станка была реализована в 1924 году, а в 1929 году Toyoda Automatic Loom Works заключает сделку по продаже патента на свой автоматический ткацкий станок, что приносит компании значительные средства. Эти финансовые ресурсы стали основой для создания автомобильного подразделения компании. Спустя несколько лет, в 1937 году, Toyota Motor Co., Ltd. была официально зарегистрирована как самостоятельная компания, выделившаяся из Toyoda Automatic Loom Works [4].

Таким образом, Toyota прошла удивительный путь – от производства ткацких станков до мирового лидера в автомобилестроении и экологической устойчивости. Это история инноваций, адаптации и стремления к совершенству, которая продолжает быть актуальной и сегодня.

Рассмотрим примеры успешной интеграции технологий в автопроизводстве компании Toyota [4]:

1. Система «Тойота» (Toyota Production System). Эта философия объединяет автоматизацию с концепцией бережливого производства. Toyota использует «автоматизацию с человеческим касанием», где роботы выполняют рутинные задачи, в то время как работники сосредотачиваются на более сложных аспектах, таких как контроль качества.

2. Интеграция смарт-технологий. Toyota активно инвестирует в умные технологии, такие как системы интернета вещей (IoT), которые позволяют машинам и оборудованию обмениваться данными для улучшения производственной эффективности.

3. Гибкость производства. Современные производственные линии Toyota настроены на быстрое переключение между различными моделями автомобилей, что позволяет компании адаптироваться к изменениям в спросе без значительных затрат.

Искусственный интеллект, робототехника и автоматизация меняют правила игры в мировой экономике. Ожидается, что к 2030 году они создадут около 97 миллионов новых рабочих мест и могут увеличить мировой ВВП на 15 трлн долл. дополнительного [1, с.33]. Это масштабное изменение действительно подчеркивает, насколько важно подготовить всех к будущему, определяемому этими тенденциями в области высоких технологий.

Автоматизация полностью меняет правила игры в различных отраслях. Она делает работу более быстрой и дешевой, а также позволяет выполнять все те скучные задачи, которые никто не хочет выполнять. Это означает, что работники

могут сосредоточиться на более интересных вещах, таких как разработка новых идей и решение проблем. Но это также означает, что работникам необходимо осваивать новые навыки, чтобы идти в ногу с изменениями. Рабочие места будут отличаться, и люди должны быть к этому готовы. Например, возрастет спрос на навыки в области технологий, анализа данных и машинного обучения. И хотя некоторые рабочие места могут исчезнуть, будут созданы новые в таких областях, как техническое обслуживание оборудования, программирование и системный менеджмент. Поэтому работникам важно продолжать учиться и развивать свои навыки, чтобы оставаться на высоте.

Искусственный интеллект и робототехника берут на себя множество задач, но они также помогают нам принимать более эффективные решения, анализируя сложные данные. Это означает, что сотрудникам необходимо развивать новые навыки, чтобы идти в ногу с изменениями. Растет спрос на навыки в области технологий, анализа данных и машинного обучения, поэтому важно продолжать учиться. Хотя некоторые рабочие места могут исчезнуть, будут созданы новые в таких областях, как техническое обслуживание оборудования, программирование и управление системами. Автоматизация также повышает производительность и экономический рост, делая работу более плавной и сокращая количество ошибок. Это может привести к увеличению прибыли предприятий и, возможно, к повышению заработной платы работников, которые знают, как использовать эти технологии. Однако влияние автоматизации в разных секторах неодинаково. В производстве, логистике и здравоохранении происходят серьезные изменения, в то время как в сферах, где требуется личное взаимодействие, таких как образование и некоторые услуги, автоматизация может быть не столь значительной.

Технический прогресс быстро автоматизирует многие традиционные рабочие функции, вынуждая предприятия и их руководителей постоянно адаптировать методы выполнения работы. Хотя автоматизация дает множество преимуществ, таких как повышение эффективности и продуктивности, она также вносит сбои, поскольку определенные роли устаревают. Чтобы организации и отдельные лица преуспели в этих меняющихся условиях, они должны вдумчиво обдумать, какие навыки останутся ценными и как лучше всего развивать их как внутри компании, так и за ее пределами.

Определение ключевых навыков на будущее – важный вопрос, решение которого обеспечит безболезненный переход рабочей силы к профессиональной деятельности, автоматизирующей рутинные задачи и замещающей труд человека. Необходимо отметить технические навыки, которые понадобятся работникам, чтобы преуспеть в эпоху автоматизации. Прежде всего, навыки программирования. Знание таких языков, как Python, SQL, C++ и Java, важно для разработки систем автоматизации и приложений искусственного интеллекта. Также, необходимо знать, как создавать роботов, управлять ими и обслуживать их. Наконец, анализ данных. Знания в области анализа данных, машинного обучения и искусственного интеллекта высоко ценятся при создании интеллектуальных решений для автоматизации.

В ходе многочисленных исследований было установлено, что «гибкие навыки», или навыки межличностного общения, являются одними из наиболее важных для работы в будущем. Всемирный экономический форум прогнозирует, что такие «гибкие навыки», как активное обучение, критическое мышление, креативность, управление людьми, взаимодействие с другими людьми, эмоциональный интеллект, суждение и принятие решений, ориентация на обслуживание, ведение переговоров и когнитивная гибкость, с наименьшей вероятностью будут автоматизированы. Аналогичным образом, исследование, проведенное Организацией экономического сотрудничества и развития, показало, что такие навыки, как коммуникация, сотрудничество и решение проблем, менее поддаются автоматизации, чем более рутинные когнитивные и физические задачи [8].

«Мягкие» навыки требуют от человека таких качеств, как эмоциональный интеллект, социальное взаимодействие, инициативность, адаптивность и рассудительность, которые сложно воспроизвести с помощью технологий. В то время как автоматизация может выполнять отдельные физические или административные задачи, «мягкие» навыки позволяют людям эффективно руководить, взаимодействовать и решать проблемы вместе с другими людьми и технологиями [10, с.132]. Для бизнеса «мягкие» навыки способствуют организационной гибкости, инновациям и устойчивости в нестабильные времена. Руководители должны тщательно развивать эти незаменимые человеческие качества в своих командах.

Изучение мнения экспертов о влиянии автоматизации на рынок труда, позволило прийти к следующим выводам.

Во-первых, это сокращение рабочих мест. Внедрение высокотехнологичных машин и роботов может привести к уменьшению числа рабочих мест, особенно в рутинных и физически трудоемких сферах. Работники, ранее выполнявшие однообразные задачи, могут оказаться под угрозой увольнения.

Во-вторых, это необходимость в переподготовке и получении новых навыков работниками. Как пример, компании Tesla и Toyota, создают новые рабочие места, требующие более высоких квалификаций. Это приводит к росту спроса на специалистов в области ИТ, инженерии и управления проектами. Работники сталкиваются перед необходимостью обучения и переподготовки, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда.

В-третьих, повышение квалификации. Автоматизация также создает возможность для повышения квалификации работников. Профессионалы могут специализироваться на обслуживании и управлении автоматизированными системами, что открывает новые горизонты для карьерного роста.

В-четвертых, изменение рабочей среды. Условия труда становятся более безопасными и удобными, поскольку опасные и тяжелые физические работы передаются роботизированным системам. Работники могут сосредотачиваться на более сложных, интересных и креативных задачах.

Автоматизация труда действительно представляет собой двустороннюю монету – с одной стороны, это революция, способствующая росту производительности и улучшению качества жизни; с другой стороны, это угроза, требующая немедленного внимания к проблемам занятости и социальной справедливости.

Чтобы максимально эффективно воспользоваться преимуществами автоматизации и минимизировать ее отрицательные последствия, необходимо развивать стратегические инициативы в области образования, социального обеспечения и переобучения. Только так можно обеспечить устойчивый и инклюзивный экономический рост в эпоху автоматизации.

Автоматизация в автопроизводстве, как на примере Tesla и Toyota, демонстрирует, что внедрение высоких технологий может привести к улучшению производительности и качеству продукции. Однако она также вызывает необходимость адаптации рынка труда, что требует от работников новых навыков и гибкости. Таким образом, ключевым аспектом успешной интеграции автоматизации является готовность компаний и работников к изменениям в профессиональной среде.

Литература

1. Ананченкова П.И., Шапиро С.А. Гибридизация рабочего места как перспективная форма занятости // Труд и социальные отношения. – 2022. – Т.33, №4. – С.30-41.
2. Аннамурадова А.М. Роботизация и автоматизация труда: анализ влияния на рынок труда и социальные последствия / А.М.Аннамурадова, И.С.Атаев, Б.Т.Назаров // Вестник науки. – 2024. – Т.3, №2(71). – С.16-19.
3. Бякерев М.А. Влияние цифровизации экономики на рынок труда / М.А.Бякерев, В.В.Тонконог, А.В.Кончаков // Мир труда в XXI веке: адаптация к новым реалиям: материалы X Международной научно-практической конференции. – М. ИИЦ АТиСО, 2024. – С.24-28.
4. История компании Toyota [Электронный ресурс] // Лизинг. – Режим доступа: <https://leasing.ru/auto/toyota-history> (дата обращения 12.01.2025 г.)
5. Левкович Р.В. Необходимость и эффективность затрат на развитие персонала организации / Р.В.Левкович, А.В.Кончаков, В.В.Тонконог // Парадигмы социальных и экономических процессов России и тенденции их трансформации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Индивидуальный предприниматель Алзидан Махер, 2024. – С. 228-232.
6. Попов И.Л., Тонконог В.В. Влияние современных глобальных вызовов на рынок труда // Мир труда в XXI веке: адаптация к новым реалиям: материалы X Международной научно-практической конференции. – М.: ИИЦ АТиСО, 2024. – С.145-148.
7. Тонконог В.В. Влияние информационных технологий на сферу труда / В.В.Тонконог, Н.Ю.Андриянов, С.С.Соколов // Мир труда в XXI веке: адаптация к новым реалиям: материалы X Международной научно-практической конференции. – М.: ИИЦ АТиСО, 2024. – С.199-203.
8. Organisation for Economic Co-operation and Development. (2016). OECD work on technology and jobs [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.oecd.org/els/emp/OECD-Work-on-Technology-and-Jobs.pdf>
9. Tesla: история создания и успеха [Electronic resource]. // Tesla. – Access mode: <https://tesla-motor.ru/blog/historyofcreation?ysclid=m5vbyjbyab15081967>
10. Tarick M., Ananchenkova P. New skills for new social reality // Labour and social relations journal. – 2019. – Т.30, №1. – С.130-137.

AUTOMATION OF LABOR: A REVOLUTION IN THE LABOR MARKET OR A THREAT TO EMPLOYMENT?

Lukmanov Ainur Ayratovich

Postgraduate student of the chair of healthcare economics and sociology
National research institute of public health named after N.A.Semashko
105064, Russia, Moscow, Vorontsovo pole str., 12, building 1

Ph.: +79035710601

aalukmanov@yandex.ru

The article examines the impact of labor automation on the modern labor market. Automation, encompassing technologies such as the robotization of production processes and the introduction of artificial intelligence systems, is visibly transforming the way work tasks are performed and increasing overall productivity. An analysis of the benefits associated with automation, including increased efficiency, lower costs, and improved product quality is presented. However, along with these positive aspects, the issue of risks associated with job losses and a possible increase in inequality in the labor market is being raised. Special attention is paid to the need to adapt educational systems and professional training in order to prepare employees for new realities. The article draws attention to the fact that investments in human capital and innovation are becoming key factors for creating adaptive and inclusive systems in the context of the growing dynamics and uncertainty of the modern world.

Keywords: automation of labor; production processes; labor market; advantages; threat of employment; automated technologies.

АВТОМАТИКАИ МЕҲНАТ: ИНҚИЛОБИ БОЗОРИ МЕҲНАТ Ё ТАҲДИД БА ШУҒЛ?

Лукмонов Айнур Айратович

Аспиранти кафедраи иқтисодиёт ва сотсиологияи тандурустӣ
Институти миллии тадқиқоти тандурустии ҷамъиятӣ Н.А. Семашко
105064, Россия, Москва, кӯч. Воронцово Поле, 12, бинои 1

Тел.: +79035710601

aalukmanov@yandex.ru

Ин мақола таъсири автоматикунории меҳнатро ба бозори муносири меҳнат баррасӣ мекунад. Автоматика, ки технологияҳоро ба монанди робототехникаи равандҳои истеҳсоли ва татбиқи системаҳои зехнӣ сунъӣ дар бар мегирад, роҳҳои иҷрои вазифаҳои кори ба таври назаррас тағйир медиҳад ва ҳосилнокии умумиро афзоиш медиҳад. Дар мақола таҳлили манфиатҳои марбут ба автоматикунорӣ, аз ҷумла баланд бардоштани самаранокӣ, кам кардани хароҷот ва беҳтар шудани сифати маҳсулот пешниҳод шудааст. Аммо, дар баробари ин ҷанбаҳои мусбат, масъалаи хатарҳои марбут ба аз даст додани ҷойҳои кори ва афзоиши эҳтимолии нобаробарӣ дар бозори

меҳнат ба миён гузошта шудааст. Тавачҷӯхи махсус ба зарурати мутобиқ кардани системаҳои таълимӣ ва омӯзиши касбӣ барои омода кардани коргарон ба воқеиятҳои нав дода мешавад. Дар мақола таъкид шудааст, ки сармоягузорӣ ба сармояи инсонӣ ва инноватсия дар ҷаҳони рӯзафзун ва номуайяни имрӯза ба омилҳои калидӣ дар эҷоди системаҳои мутобиқшаванда ва фарогир табдил ёфта истодаанд.

Калидвожаҳо: автоматикунории меҳнат; равандҳои истеҳсоли; бозори меҳнат; манфиатҳо; таҳдидҳои шуғл; технологияҳои автоматӣ.

УДК 35.073.53(575.3)

АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩНО-КОМУНАЛЬНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Парфёнова Дарья Александровна

Соискатель

Института экономики и демографии

Национальной академии наук Таджикистана

734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Ризо, 6А

Тел.: (+992) 988 06 13 91 (м.)

daryaparfyonova@gmail.com

Жилищно-коммунальное хозяйство Республики Таджикистан занимает ключевое место в системе жизнеобеспечения, однако его развитие сдерживается высоким износом инфраструктуры, институциональной фрагментарностью управления, ограниченностью инвестиций и недостаточной эффективностью нормативно-правового регулирования. Цель статьи состоит в комплексном анализе действующих институциональных механизмов управления жилищно-коммунальным хозяйством РТ, выявлении их системных недостатков и формулировании направлений их модернизации с учётом международного опыта. Научная новизна работы заключается в увязке теоретических подходов институциональной экономики с конкретными практиками управления ЖКХ Таджикистана, а также в структурировании институциональных барьеров по блокам: нормативно-правовому, организационно-управленческому, финансово-инвестиционному, антикоррупционному и участию населения. В результате проведённого анализа показано, что существующая модель управления не обеспечивает устойчивого обновления инфраструктуры и требует перехода к программно-целевому подходу, развитию государственно-частного партнёрства, усилению прозрачности и общественного контроля. Сделан вывод о необходимости глубокой модернизации институциональной среды ЖКХ, включающей обновление законодательной базы, укрепление координации органов государственной власти и формирование условий для привлечения частных инвестиций и активного участия граждан в принятии решений.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство; институциональные механизмы управления; модернизация ЖКХ; Республика Таджикистан; государственно-частное партнёрство; тарифная и инвестиционная политика; нормативно-правовое регулирование; устойчивое развитие городской инфраструктуры; участие населения в управлении ЖКХ.

В условиях современности жилищно-коммунальное хозяйство является одной из ключевых отраслей экономики, обеспечивающей стабильное функционирование социальной инфраструктуры и удовлетворение базовых потребностей населения. Однако сегодня, в Республике Таджикистан развитие предприятий жилищно-коммунального хозяйства сталкивается с множеством вызовов, включая высокий износ инфраструктуры, недостаточное финансирование и слабую нормативно-правовую базу. Эти проблемы обостряются на фоне экономических

и институциональных трансформаций, что требует системного подхода к управлению развитием данной сферы. Эффективные институциональные механизмы управления могут способствовать повышению устойчивости и модернизации предприятий жилищно-коммунального хозяйства, обеспечивая их устойчивое развитие и удовлетворение потребностей общества.

Упоминая институциональное управление, необходимо понимать, что оно представляет собой совокупность механизмов, процессов и институтов, регулирующих деятельность экономических агентов и обеспечивающих достижение устойчивого развития в различных сферах [10, с.21]. В контексте жилищно-коммунального хозяйства институциональное управление направлено на создание условий для эффективного функционирования предприятий, улучшение качества предоставляемых услуг и модернизацию инфраструктуры.

Согласно Д.К.Норту, институты – это «правила игры в обществе», которые определяют, каким образом взаимодействуют экономические агенты [21, с.3]. Применительно к сфере жилищно-коммунального хозяйства это подразумевает наличие устойчивой нормативной базы, эффективных механизмов взаимодействия между государством, предприятиями и населением, а также прозрачность и подотчетность управленческих процессов.

В дополнение к этому, Е.Остром подчеркивает, что эффективное управление общественными благами, к которым относится инфраструктура жилищно-коммунального хозяйства, требует внедрения институциональных механизмов, адаптированных к специфике конкретного региона и типа услуг [22, с.87].

При этом, роль институтов в сфере жилищно-коммунального хозяйства заключается в формировании стимулов для модернизации и устойчивого развития. По мнению Т.Эггертссона, устойчивость предприятий зависит от качества институтов, регулирующих доступ к ресурсам, систему контрактов и взаимодействие между различными субъектами [19, с.56].

Аналогичная проблема описывается Е.В.Кузиной: «Проблема модернизации в жилищно-коммунальном хозяйстве является актуальной по нескольким причинам: устаревшая инфраструктура, энергоэффективность и экология, качество услуг, демографические и социальные изменения» [8, с.762]. М.В.Красникова же придерживается иной позиции, отмечая, что проблема модернизации жилищно-коммунального хозяйства заключается «в контексте быстрого роста городов, процесса урбанизации и изменения климатических условий, которые требуют адаптации инженерных систем и их приведение в соответствие с современными стандартами энергетической эффективности и устойчивого развития» [7, с.124].

По мнению Е.В.Кузиной: «Модернизация в жилищно-коммунальном хозяйстве представляет собой процесс обновления и совершенствования инфраструктуры, систем и оборудования, которые обеспечивают коммунальные услуги в сфере жилищного обслуживания. Этот процесс включает в себя внедрение новых технологий, улучшение энергоэффективности, повышение качества предоставляемых услуг и обеспечение удобства для жителей» [8, с.764].

Вопрос модернизации жилищно-коммунального хозяйства Республики Таджикистан на современном этапе выходит далеко за рамки узкой технической повестки, поскольку остро встаёт вопрос не только о замене изношенной инфраструктуры и оборудования. Краеугольным камнем становится о пересмотр сложившейся модели управления отраслью, механизмов финансирования, тарифной политики и распределения полномочий между государственными и муниципальными структурами. В условиях ускоряющейся урбанизации, роста нагрузки на инженерную инфраструктуру и ужесточения экологических стандартов модернизация жилищно-коммунального хозяйства становится ключевым условием устойчивости городской среды и качества жизни населения.

Большинство объектов коммунальной инфраструктуры на постсоветском пространстве, включая Республику Таджикистан, формировалось в условиях демографической, технологической и экономической структуры, принципиально отличной от современной. Основной массив водопроводных, канализационных и тепловых сетей был создан в период плановой экономики, что предопределило их конструктивные параметры, режим эксплуатации и нормативные требования, ориентированные на реалии того времени. На сегодняшний день данные системы демонстрируют значительную степень физического износа и функциональной деградации, что со всей очевидностью указывает на несоответствие накопленной инфраструктуры потребностям нынешнего этапа социально-экономического развития.

Систематическое недофинансирование отрасли в постсоветский период, а также ограниченность бюджетных ресурсов привели к тому, что работы по модернизации носили преимущественно фрагментарный и реактивный характер. В центре внимания оставалась необходимость оперативного устранения наиболее критичных аварийных ситуаций и локальных дефектов, в то время как решение стратегических задач отошло на второй план. Подобная логика восстановления и ремонта, не подкреплённая долгосрочным планированием, обусловила накопление инфраструктурного износа, приобретя выраженное макроэкономическое измерение.

Следует подчеркнуть, что совокупная стоимость отложенных ремонтов и реконструкций растёт с опережающей динамикой по сравнению с возможностями традиционных каналов финансирования коммунального сектора. Основные источники покрытия расходов – тарифная выручка и бюджетные субсидии — демонстрируют ограниченный потенциал расширения, что создаёт устойчивый разрыв между реальными потребностями инфраструктуры и доступными финансовыми ресурсами. В результате формируется ситуация, когда инфраструктурный долг становится барьером для устойчивого развития отрасли, а его продолжительное накопление приводит к росту системных рисков, оказывающих влияние на качество коммунальных услуг и экономическую стабильность регионов.

Современный этап реформирования жилищно-коммунального хозяйства в Республике Таджикистан характеризуется постепенным переходом от разрозненных ремонтных мероприятий к программно-целевому подходу. В центр

обсуждения выдвигается задача согласованного развития подсистем – водоснабжения, водоотведения, теплоснабжения, утилизации отходов – с учётом долгосрочных прогнозов потребления, климатических и демографических изменений. Международные финансовые институты, в том числе Всемирный банк, Азиатский банк развития и др., в реализуемых в Таджикистане проектах по управлению водными ресурсами и сельскому водоснабжению, напрямую увязывают инвестиции в инфраструктуру с реформой систем управления, усилением институционального потенциала и внедрением современных механизмов эксплуатации и обслуживания сетей¹.

Модернизация коммунальной инфраструктуры не сводится к механической замене физически изношенных элементов, а, по сути, требует пересмотра действующей институциональной конструкции отрасли, поскольку долговременный эффект достигается только при изменении не отдельных технических решений, а правил, регулирующих их применение. В этом контексте ключевым становится переход к тарифной политике, основанной на экономически обоснованных расчётах и при этом не провоцирующей социальные риски, формирование единых критериев качества коммунальных услуг, развитие систем достоверного и оперативного учёта, а также установление чётких обязанностей для всех участников рынка – как государственных предприятий, так и частных операторов, участвующих в предоставлении услуг или их обеспечении.

В этих условиях вопросы о том, каким образом структурируются полномочия различных уровней власти, каковы границы их компетенций и на каких основаниях принимаются обязательные для исполнения решения, выходят за рамки сугубо административных процедур и превращаются в фундаментальные элементы отраслевой архитектуры. Особое значение приобретает также институциональная конфигурация муниципальных предприятий: фактический объём их компетенций, степень хозяйственной самостоятельности и механизм подотчётности нередко оказываются определяющими факторами успешности модернизационных инициатив.

В российской и международной литературе, посвящённой реформированию жилищно-коммунального хозяйства, постепенно сложился круг устойчивых аналитических подходов, имеющих принципиальное значение и для интерпретации странового контекста Таджикистана. В центре этих дискуссий находятся вопросы тарифной политики и механизмов её соотнесения с реальными издержками функционирования инфраструктуры при сохранении социальной устойчивости. Одновременно рассматривается проблема распределения ролей между государственными и частными субъектами, поскольку степень их вовлечённости неизбежно влияет на характер управленческих решений и инвестиционных стимулов. Важное место занимает и обсуждение институциональных ограничений, формирующих рамочные условия

¹ В Таджикистане дан старт Проекту по управлению водными ресурсами и ирригацией. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/>

модернизации: исследователи обращают внимание на несогласованность полномочий, различия в корпоративных практиках и воздействие регуляторной неопределённости на процессы развития отрасли.

Эти направления анализа образуют теоретическую основу, позволяющую соотнести наблюдаемые в Таджикистане процессы с более широкими моделями трансформации коммунального сектора и тем самым уточнить институциональные факторы, определяющие динамику и пределы модернизационных реформ.

В научной литературе обращается внимание на то, что жилищно-коммунальное хозяйство функционирует как многоуровневая экономико-техническая система, где эффект локальных вмешательств, таких как замена отдельных участков сети, оказывается ограниченным при неизменности базовых механизмов управления. В этой связи показательно замечание А.А.Саркисяна, который, анализируя особенности функционирования и направления эволюции отрасли, подчёркивает, что устойчивое повышение её результативности возможно лишь при одновременном обновлении технической базы и переосмыслении организационной структуры, а также механизмов финансирования и тарифного регулирования [14, с.331].

В диссертационных исследованиях, посвящённых управлению развитием жилищно-коммунального хозяйства как самостоятельной экономической системы, последовательно акцентируется необходимость отхода от преимущественно административно-распорядительных инструментов в пользу программно-целевых методов, предполагающих опору на прогнозирование, сценарный анализ и системную оценку рисков [2, с.47]. Указанные положения в полной мере корреспондируют с вызовами модернизации коммунальной инфраструктуры Таджикистана, где практики управления по-прежнему характеризуются эпизодичностью и реактивностью, что ограничивает возможность формирования устойчивых механизмов долгосрочного развития.

В ряде исследований подчёркивается, что специфика жилищно-коммунального хозяйства – сочетание высокой социальной значимости предоставляемых услуг с ограниченной инвестиционной привлекательностью отрасли – предопределяет сохранение за государством выраженной регулирующей и координационной функции. В этом контексте показателен вывод А.Н.Ряховской, аргументирующей необходимость укрепления роли государства в обеспечении устойчивости предприятий коммунального сектора, которую она напрямую связывает с предсказуемостью тарифной политики и институциональным закреплением долгосрочных условий для привлечения инвестиций [12, с.76].

Т.А.Журавлёва и её соавторы демонстрируют, что неконтролируемое сокращение участия государства в жилищно-коммунальном секторе способно привести к нарастанию инфраструктурных рисков: увеличению аварийности, снижению качества предоставляемых услуг и, как следствие, росту последующих бюджетных издержек, необходимых для ликвидации возникших последствий [3, с.163]. Одновременно подчёркивается значимость институционального

разграничения компетенций между различными уровнями государственной власти в сфере управления жилищно-коммунальным хозяйством, что приобретает особую актуальность в государствах с выраженной вертикалью управления [12, с.75].

Серьёзное внимание в научных работах уделяется вопросам финансирования модернизации жилищно-коммунального хозяйства. А.Н.Ряховская, С.Б.Козлова и другие исследователи подробно анализируют несоответствие между объёмом необходимых инвестиций и имеющимися источниками финансирования, указывая на хронический характер бюджетного дефицита в отрасли и ограниченность тарифного ресурса [12, с.78].

В научных публикациях, рассматривающих проблемы тарифной и ценовой политики в жилищно-коммунальном хозяйстве, последовательно акцентируется дуалистический характер тарифов: с одной стороны, они призваны обеспечивать финансовую устойчивость предприятий и воспроизводство инфраструктуры, с другой – должны оставаться социально допустимыми, не провоцируя роста задолженности населения [13, с.39]. В связи с этим выдвигаются концепции поэтапного сближения тарифов с экономически обоснованным уровнем при одновременном предоставлении адресной поддержки социально уязвимым домохозяйствам, а также предлагаются механизмы стимулирующего тарифного регулирования, направленные на снижение ресурсных потерь и повышение энергоэффективности коммунальных услуг.

Ю.А.Канцер, анализируя особенности ресурсоснабжения в жилищно-коммунальном хозяйстве, приходит к выводу, что устойчивость отрасли в значительной степени определяется степенью прозрачности финансовых потоков между ресурсоснабжающими организациями и конечными потребителями, а также наличием институционально оформленных механизмов долгосрочных контрактов и модернизированных расчётных схем [5, с.117]. Указанные положения представляются релевантными и для таджикского контекста, где проблемы непрозрачности финансовых расчётов, высоких технологических потерь и хронических неплатежей сохраняют системный характер.

Одним из устойчивых направлений научной дискуссии остаётся анализ механизмов государственно-частного партнёрства в жилищно-коммунальном хозяйстве. В монографическом исследовании С.А.Кожевникова и Т.В.Усковой подчёркивается, что применение моделей партнёрства в региональной коммунальной сфере может обеспечить не только привлечение дополнительных инвестиционных ресурсов, но и передачу управленческих технологий, при условии чёткого распределения рисков и наличия необходимых гарантий со стороны государства [6, с.57].

В работах Н.И.Сутягиной, В.Н.Алфёрова и ряда других исследователей государственно-частное партнёрство рассматривается как один из ключевых инструментов модернизации инфраструктуры в условиях ограниченных бюджетных ресурсов [1, с.133]. При этом подчёркивается, что классические модели ГЧП, включая концессионные соглашения и различные формы долгосрочных подрядных отношений, требуют адаптации к специфике

жилищно-коммунального хозяйства, для которого характерны длительные горизонты окупаемости, высокая социальная чувствительность тарифов и необходимость обеспечения непрерывности предоставления услуг. Эти особенности формируют особые институциональные ограничения и предъявляют повышенные требования к проектированию партнёрских соглашений.

В ряде исследований современные стратегии модернизации жилищно-коммунального хозяйства увязываются с широким внедрением энергоэффективных технологий, систем ресурсосбережения и цифровых платформ управления. Отмечается, что применение решений, направленных на сокращение тепловых и водных потерь, использование автоматизированных систем учёта, организация дистанционного мониторинга состояния инженерных сетей и ориентация на стандарты энергоэффективности создают возможность не только уменьшить эксплуатационные затраты, но и обеспечить повышение качества услуг, снижение аварийности и увеличение долговечности инфраструктурных объектов [17].

Для Таджикистана, где энергетический и водный баланс тесно связан с особенностями гидроресурсов и горного рельефа, подобные решения представляют особый интерес, так как позволяют сочетать модернизацию городской инфраструктуры с задачами рационального использования природных ресурсов.

Несмотря на то, что основная масса научных работ, посвящённых модернизации жилищно-коммунального хозяйства, базируется преимущественно на российском эмпирическом материале, содержащиеся в них выводы во многом применимы и к Таджикистану, поскольку обе страны обладают сопоставимым советским наследием в сфере коммунальной инфраструктуры. Вместе с тем национальный контекст Таджикистана характеризуется рядом существенных особенностей, требующих отдельного аналитического учёта при сопоставлении и адаптации данных теоретических подходов.

Во-первых, модернизационные процессы в жилищно-коммунальном хозяйстве Таджикистана тесно сопряжены с задачами реформирования систем водоснабжения и ирригации, что обусловлено высокой долей сельского населения и сохраняющимися дефицитами в обеспечении безопасной питьевой водой и санитарными услугами в ряде регионов. Международные инициативы в области сельского водоснабжения, реализуемые при поддержке донорских организаций, ориентированы не только на строительство и реконструкцию инфраструктурных объектов, но и на формирование устойчивых эксплуатационных моделей, включая укрепление институциональной и финансовой автономии коммунальных предприятий¹.

Во-вторых, для системы жилищно-коммунального хозяйства Таджикистана характерна высокая степень государственного участия и ограниченное развитие конкурентных механизмов в большинстве отраслевых сегментов. Такая

¹ В Таджикистане дан старт Проекту по управлению водными ресурсами и ирригацией. URL: <https://www.vsemimvbank.org/>

структура объективно усиливает роль государства как стратегического координатора и регулятора модернизационных процессов, одновременно предопределяя необходимость повышения прозрачности процедур принятия решений, совершенствования тарифной политики и институционализации механизмов общественного контроля.

В-третьих, ограниченная платёжеспособность значительной части домохозяйств сдерживает возможность одномоментного приведения тарифов к экономически обоснованному уровню. В такой ситуации особую значимость приобретают подходы, разработанные в российской и зарубежной литературе, предполагающие поэтапное повышение платы за услуги при одновременном расширении механизмов адресной социальной поддержки и стимулировании ресурсосбережения, а также использование инструментов государственно-частного партнёрства для финансирования капиталоемких проектов без чрезмерного увеличения долговой нагрузки на государственный бюджет [12, с. 77].

Наконец, для таджикского контекста принципиальным остаётся вопрос институциональной координации, поскольку модернизация жилищно-коммунального хозяйства, по самой своей природе охватывающая широкий спектр взаимозависимых инфраструктурных и организационных процессов, неизбежно вступает в пересечение с реформами в сфере земельных отношений, градостроительного регулирования, управления естественными монополиями, а также с формирующейся повесткой устойчивого городского развития. В результате возникает необходимость перехода к комплексной модели планирования, при которой проекты обновления коммунальной инфраструктуры интегрируются в документы стратегического развития в качестве составных элементов, обеспечивающих согласованность решений на уровне государства и крупных городских агломераций.

В современных условиях Таджикистана значимость институциональных механизмов усиливается ещё и тем, что функционирование предприятий жилищно-коммунального хозяйства происходит в рамках переходной экономики, где сохраняется высокая степень их зависимости от государственных источников финансирования, что, в свою очередь, ограничивает возможности формирования устойчивых хозяйственных стимулов. На данное обстоятельство указывает и ряд аналитических работ: так, в исследовании Б. Карлссона и К. Эдквиста подчёркивается, что для стран, находящихся в сходных экономических условиях, решающим фактором становится внедрение гибких институциональных механизмов, способных адаптироваться к быстро изменяющейся внешней среде [18, с.132].

Международная практика управления жилищно-коммунальными хозяйствами показывает, что устойчивое развитие отрасли может быть обеспечено лишь при наличии эффективно функционирующей системы взаимодействия институтов государственного управления и частного сектора, чья координация формирует необходимые условия для инвестиционной активности и технологического обновления [9, с.41]. Показательно, что в

исследовании ЮНЕСКО подчёркивается, что именно использование механизмов государственно-частного партнёрства выступает одним из ключевых факторов модернизации инфраструктуры и повышения качества предоставляемых коммунальных услуг¹.

Опыт стран Восточной Европы (в частности, Польши и Румынии) свидетельствует о том, что реформирование жилищно-коммунального хозяйства может быть реализовано через формирование специализированных институциональных структур, наделённых полномочиями по управлению инфраструктурными комплексами и координации инвестиционной деятельности. Согласно данным Европейского банка реконструкции и развития, одним из наиболее показательных примеров является Польша, где институциональная реформа была сопряжена с внедрением систем управления качеством (ISO) и активным привлечением частных инвестиций, что позволило ускорить модернизацию коммунального сектора и повысить его операционную устойчивость².

Для Таджикистана наибольшую аналитическую ценность представляет опыт Казахстана, поскольку создание в 2010-е годы национальной программы модернизации жилищно-коммунального хозяйства стало фактором заметного сокращения уровня инфраструктурного износа – с порядка 70% до примерно 50% [20, с.34]. При этом подчёркивается, что подобная динамика оказывается достижимой лишь в условиях регулярного и методически выстроенного мониторинга эффективности институциональных реформ, без которого результаты модернизации утрачивают устойчивость и не трансформируются в долгосрочные структурные изменения отрасли.

Институциональное управление в жилищно-коммунальном хозяйстве выступает ключевым инструментом обеспечения его устойчивого функционирования и модернизационного развития, поскольку именно институциональная архитектура определяет предсказуемость правил, распределение ответственности и устойчивость механизмов принятия решений. Теоретические подходы, разработанные Д.К.Нортом, Е.Остром и Т.Эггертссоном, формируют концептуальную основу для конструирования адаптированных моделей управления, способных учитывать специфику отрасли и особенности переходной экономики. В свете международной практики становится очевидным, что успешность реформ в жилищно-коммунальном секторе зависит от сбалансированного сочетания эффективной нормативно-правовой базы, институционализированного участия частного сектора и достаточной гибкости управленческих механизмов – факторов, приобретающих особую значимость в условиях Таджикистана.

Таким образом, модернизация системы жилищно-коммунального хозяйства предстает как многоаспектный и внутренне взаимосвязанный процесс, охватывающий не только техническое обновление инфраструктуры, но и

¹ UNESCO Water Report. 2015. P.23.

² Transition Report. 2020. P.45.

трансформацию механизмов управления, совершенствование финансово-тарифной политики, развитие форм государственно-частного партнёрства, а также внедрение цифровых и энергоэффективных технологий. Анализ научной литературы, представленной отечественными и зарубежными авторами, позволяет утверждать, что устойчивый результат достигается лишь тогда, когда модернизация инженерной базы сопровождается институциональными преобразованиями и последовательным формированием предсказуемой нормативно-правовой среды, обеспечивающей согласованность и длительность эффекта проводимых реформ.

Для Республики Таджикистан использование накопленного научного и практического опыта в сфере модернизации жилищно-коммунального хозяйства, адаптированного к национальным социально-экономическим и природно-климатическим условиям, может стать важнейшим условием повышения качества городской среды, снижения инфраструктурных рисков и достижения целей устойчивого развития.

Для проведения анализа институциональных механизмов управления жилищно-коммунальным хозяйством в Республике Таджикистан необходимо прежде всего зафиксировать текущее состояние отрасли, её ключевые показатели и наиболее существенные проблемные зоны. Современное положение жилищно-коммунального сектора характеризуется сочетанием высокого уровня физического износа инфраструктуры, хронической недостаточности финансовых ресурсов и слабой институциональной основы, что в совокупности затрудняет реализацию модернизационных программ. Согласно данным Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан (2022), степень износа основных фондов предприятий жилищно-коммунального хозяйства достигает 60-70%, существенно превышая нормативно допустимые уровни¹.

Согласно отчёту Всемирного банка, одной из наиболее критичных проблем отрасли остаётся крайне низкий уровень инвестиций в её модернизацию: объём ежегодных вложений в жилищно-коммунальный сектор не превышает 1% ВВП, что очевидно недостаточно для удовлетворения растущих потребностей населения и поддержания инфраструктуры в работоспособном состоянии².

Наиболее уязвимыми направлениями по-прежнему остаются нерегулярность водоснабжения и низкое качество питьевой воды – свыше 30% жителей страны не имеют устойчивого доступа к безопасным источникам; эксплуатация устаревших и энергоёмких систем теплоснабжения; а также выраженный дефицит квалифицированных кадров, способных обеспечивать модернизационные процессы в жилищно-коммунальном хозяйстве³.

¹ Социально-экономическое положение Республики Таджикистан: январь – декабрь // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе: УОП ГВЦ Агентства по статистике при Президенте РТ, 2023. С.83.

² World Bank Report on Utility Services in Tajikistan. 2020. P.12.

³ UNDP Report on Sustainable Development in Tajikistan. 2021. P.19.

Как отмечает Соколов Ю.И., «катастрофически высокое устаревание основных фондов, неэффективность управленческих систем, занимающихся жилищно-коммунальным хозяйством, провоцируют целый ряд проблем, таких как ухудшение качества жизни, рост доли ветхого и аварийного жилья, увеличение количества коммунальных и технологических аварий» [15, с.474]. Эти выводы созвучны позиции Е.В.Захаровой, подчёркивающей, что «жилищно-коммунальная сфера — это крупнейшая система жизнеобеспечения» [4, с.86], и тем самым акцентирующей её ключевую роль в устойчивом социально-экономическом развитии.

Исходя из этого, жилищно-коммунальное хозяйство и процессы его модернизации обоснованно рассматриваются как одно из приоритетных направлений государственной политики, поскольку именно состояние коммунальной инфраструктуры в существенной степени определяет динамику экономического роста, уровень занятости, доходы населения и качество среды повседневной жизнедеятельности населения.

Ещё одним проблемным аспектом функционирования жилищно-коммунального хозяйства в Республике Таджикистан остаётся состояние нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность профильных предприятий и определяющей институциональные рамки отраслевого управления. Ключевыми документами в данной области выступают:

Закон Республики Таджикистан "О жилищно-коммунальном хозяйстве" (№522 от 2013 года), закрепляющий принципы предоставления коммунальных услуг и распределение полномочий между органами управления;

Национальная стратегия развития жилищно-коммунального хозяйства до 2030 года, утверждённая постановлением Правительства Республики Таджикистан в 2017 г., ориентированная на модернизацию инфраструктуры, совершенствование механизмов управления и стимулирование притока частных инвестиций;

Закон Республики Таджикистан «О государственно-частном партнёрстве» (№815, 2016 г.), создающий правовые предпосылки для участия частного сектора в реализации проектов по обновлению коммунальной инфраструктуры.

Несмотря на наличие указанного нормативного массива, в исследовании Н.Ш.Файзиева подчёркивается, что значительная часть действующих нормативных актов не соответствует современным требованиям и в ряде случаев утратила связь с текущими условиями функционирования отрасли [16, с.561]. Недостаточная координация между государственными органами, низкая прозрачность регуляторных процедур и отсутствие чётких механизмов реализации реформ формируют институциональные ограничения, препятствующие эффективному обновлению коммунального сектора. Дополнительной проблемой является то, что структура и функциональное наполнение ряда объектов жилищно-коммунальной инфраструктуры за последние годы существенно изменились, тогда как законодательство, регулирующее их деятельность, не прошло необходимой адаптации. Это обстоятельство свидетельствует о нарастающем разрыве между нормативно-правовой рамкой и фактическими реалиями развития отрасли, что обуславливает

необходимость её комплексной ревизии, актуализации и модернизации в соответствии с потребностями сегодняшнего дня.

Система управления жилищно-коммунальным хозяйством в Республике Таджикистан институционально выстраивается через ряд ключевых государственных органов, каждый из которых выполняет специфические функции в общей архитектуре отраслевого регулирования. К числу таких органов относятся:

1. Министерство энергетики и водных ресурсов Республики Таджикистан, ответственное за стратегическое развитие водоснабжения и энергетических систем;

2. Агентство жилищно-коммунального хозяйства при Правительстве Республики Таджикистан, выступающее центральным координирующим звеном в управлении предприятиями жилищно-коммунального сектора;

3. Местные органы власти, осуществляющие непосредственное регулирование и контроль качества предоставления услуг на уровне территорий.

По данным отчета Азиатского банка развития, действующая институциональная конфигурация управления характеризуется чрезмерной бюрократизированностью процедур, что негативно отражается на оперативности и эффективности деятельности¹. Так, процессы согласования и принятия решений о выделении финансовых ресурсов на ремонт инфраструктуры занимают в среднем от шести до девяти месяцев, что является критически длительным сроком в условиях аварийных ситуаций, требующих незамедлительного вмешательства.

Участие частного сектора и населения в управлении жилищно-коммунальным хозяйством остаётся крайне ограниченным. Согласно исследованию ЮНИСЕФ, доля граждан, вовлечённых в обсуждение вопросов, связанных с предоставлением коммунальных услуг, не достигает 10%, что свидетельствует о низком уровне общественного участия и недостаточной институционализации механизмов обратной связи². Развитие государственно-частного партнёрства также происходит крайне медленно вследствие отсутствия достаточных стимулирующих инструментов для частных инвесторов.

Вместе с тем имеются и положительные примеры применения смешанных моделей управления. Так, при поддержке Европейского банка реконструкции и развития в 2020 году был реализован проект модернизации системы водоснабжения в городе Хорог, который предусматривал привлечение частного оператора. Реализация проекта позволила сократить потери воды на 25%, продемонстрировав потенциал партнёрских механизмов при корректной институциональной настройке³.

Анализ действующих институциональных механизмов управления жилищно-коммунальным хозяйством в Республике Таджикистан позволяет

¹ ADB Assessment Report on Tajikistan's Utility Sector. 2022. P.27.

² UNICEF Report on community-based management in Tajikistan. 2021. P.15.

³ EBRD Case Study on Tajikistan. 2021. P.9.

констатировать наличие ряда системных проблем, препятствующих формированию устойчивой модели отраслевого развития. К числу наиболее значимых относятся:

1. Низкая результативность деятельности государственных органов, обусловленная отсутствием чётко выстроенных механизмов межведомственной координации;

2. Ограниченное участие частного сектора и недостаточная разработанность стимулирующих инструментов, способных придать импульс развитию государственно-частного партнёрства;

3. Недостаточная нормативно-правовая база, которая не в полной мере отражает современные вызовы и не интегрирует международный опыт регулирования коммунальной сферы.

Указанные проблемы в совокупности формируют запрос на комплексную перестройку системы управления жилищно-коммунальным хозяйством, предполагающую адаптацию лучших международных практик к социально-экономическим условиям Таджикистана.

Анализ институциональной среды функционирования жилищно-коммунального хозяйства Республики Таджикистан позволяет выделить ряд системных ограничений, существенно сдерживающих возможности устойчивого развития отрасли. Во-первых, важным препятствием выступает низкий уровень прозрачности управленческих процедур. Как отмечает Н.Ш.Файзиев, недостаточная открытость процессов принятия решений формирует институциональную неопределённость и снижает эффективность механизмов модернизационного регулирования [16, с.560]. Данное обстоятельство проявляется, в частности, в ограниченной доступности информации о распределении финансовых средств, направляемых на ремонт и обновление коммунальной инфраструктуры, что исключает возможность формирования полноценной системы общественного и профессионального контроля.

Во-вторых, значительное влияние на динамику отраслевых преобразований оказывает недостаточная нормативная регламентация, о чём свидетельствует аналитика Всемирного банка. Действующая законодательная база не формирует ясных и предсказуемых условий для участия частного капитала, что объективно создаёт барьеры для развития государственно-частного партнёрства и препятствует реализации инвестиционных проектов, требующих долгосрочных и институционально устойчивых механизмов финансирования¹.

В-третьих, функционирование предприятий жилищно-коммунального хозяйства характеризуется выраженными ресурсными ограничениями. По оценкам Азиатского банка развития, более 70% предприятий зависят от государственных субсидий, что обуславливает хронический дефицит собственных средств и препятствует внедрению современных технологических и управленческих решений². Проблема усугубляется недостатком квалифицированных кадров, особенно

¹ World Bank Report on Utility Services in Tajikistan. 2020. P.16.

² ADB Assessment Report on Tajikistan's Utility Sector. 2022. P.33.

на уровне региональных коммунальных предприятий, что снижает способность отрасли адаптироваться к новым требованиям и осваивать инновационные практики.

Дополнительным институциональным фактором, оказывающим деструктивное влияние на эффективность отраслевого управления, остаётся высокий уровень коррупционных рисков. Согласно данным Transparency International, Республика Таджикистан сохраняет низкие позиции в международных рейтингах прозрачности. В жилищно-коммунальном секторе это проявляется в завышении стоимости проектов модернизации, нецелевом использовании финансовых средств и отсутствии достаточных механизмов контроля за качеством предоставляемых услуг. Подобные нарушения подрывают доверие к реформам, усиливают транзакционные издержки и ограничивают возможности привлечения внешних инвестиционных ресурсов.

Как отмечают Л.М.Прозументов, М.Е.Добрусина и Н.Г.Набеева, «борьба с коррупцией требует усиления институционального контроля, внедрения системы мониторинга и привлечения независимых экспертов» [11, с.214]. Указанная позиция подчёркивает необходимость формирования комплексного механизма надзора, который бы обеспечивал не только процедурную прозрачность управленческих решений, но и возможность их внешней верификации, что имеет особое значение в условиях высокой регуляторной нагрузки и ограниченной открытости отрасли.

Несмотря на существование успешных примеров реформирования жилищно-коммунального хозяйства в ряде государств Центральной Азии, их адаптация в Республике Таджикистан сопряжена со значительными затруднениями. Во-первых, определяющую роль играет необходимость учёта локальной социально-экономической специфики. Опыт Казахстана и Узбекистана демонстрирует, что внедрение реформаторских моделей становится результативным лишь тогда, когда институциональные решения согласуются с особенностями региональной структуры населения, характером инфраструктурных проблем и уровнем административной децентрализации. В Таджикистане подобные адаптационные процедуры пока не получили достаточной методической проработки, что ограничивает применимость зарубежных практик.

Во-вторых, системным ограничением остаётся недостаточная институциональная гибкость. Как подчёркивает Э.Остром, успешная адаптация международных механизмов возможна только при условии формирования гибких институтов, способных оперативно реагировать на структурные изменения и корректировать управленческие решения в соответствии с динамикой внешней среды [22, с.92]. Однако действующая институциональная конфигурация жилищно-коммунального хозяйства Таджикистана характеризуется высокой степенью организационной жёсткости, что снижает возможности к внедрению адаптивных моделей управления и затрудняет локализацию реформ под национальные условия.

Участие населения в процессах управления жилищно-коммунальным хозяйством рассматривается в научной литературе как один из факторов повышения

прозрачности и результативности функционирования отрасли. Однако, по данным ЮНИСЕФ, уровень вовлечённости граждан в обсуждение проблем жилищно-коммунальной сферы на местном уровне составляет лишь 5-10%, что свидетельствует о крайне ограниченном влиянии потребителей на процессы принятия решений¹. Подобная ситуация обусловлена, прежде всего, низкой информированностью домохозяйств о функционировании коммунальных предприятий, а также отсутствием институционализированных механизмов, обеспечивающих структурированное взаимодействие населения с организациями жилищно-коммунального комплекса.

Экономическая нестабильность и высокий уровень бедности, характерные для Таджикистана, формируют дополнительные ограничения для управления отраслью. Более 60% населения обладают низкой платёжеспособностью, что существенно сокращает возможности коммунальных предприятий по корректировке тарифов в направлении их экономического обоснования². В результате процессы модернизации инфраструктуры замедляются, а зависимость отрасли от внешних источников финансирования, включая международную помощь, возрастает, что снижает устойчивость системы в долгосрочной перспективе.

Обобщение представленных оценок позволяет заключить, что институциональное управление жилищно-коммунальным хозяйством Таджикистана сталкивается с комплексом взаимосвязанных вызовов, включающих низкий уровень прозрачности и общественного участия, выраженные коррупционные риски, недостаток финансовых и кадровых ресурсов, а также трудности в адаптации международного опыта. Преодоление данных ограничений предполагает проведение комплексной институциональной реформы, направленной на совершенствование нормативно-правовой базы, развитие механизмов государственно-частного партнёрства и формирование устойчивых процедур участия населения в процессе принятия решений.

В контексте обеспечения устойчивого развития предприятий жилищно-коммунального хозяйства ключевое значение приобретает модернизация регулирующей нормативно-правовой среды. Согласно исследованиям Всемирного банка, эффективность функционирования коммунального сектора напрямую зависит от наличия чётких и прозрачных правил, регламентирующих деятельность отраслевых предприятий, включая механизмы тарифообразования, стандарты качества предоставляемых услуг и процедуры внешнего контроля. Формирование такой нормативной рамки рассматривается как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности отрасли и улучшения её институциональной устойчивости³.

На основании проведённого анализа представляется возможным сформулировать комплекс мер, направленных на институциональное укрепление и повы-

¹ UNICEF Report on community-based management in Tajikistan. 2021. P.17.

² World Bank Poverty and Equity Brief: Tajikistan. 2022. P.8.

³ World Bank Report on Utility Services in Tajikistan. 2020. P.24.

шение эффективности функционирования жилищно-коммунального хозяйства Республики Таджикистан.

Во-первых, значимым направлением выступает адаптация международных стандартов управления. Опыт Казахстана¹ демонстрирует, что внедрение систем менеджмента качества, в том числе стандарта ISO 9001, способствует повышению операционной эффективности предприятий жилищно-коммунального хозяйства и улучшению управляемости внутренних процессов.

Во-вторых, важное значение имеет разработка долгосрочных программ реформ, предполагающих формирование стратегических ориентиров и последовательных этапов модернизации. Иллюстративным является пример Узбекистана, где принятие Национальной программы модернизации жилищно-коммунального хозяйства в 2016 г. обеспечило институциональную рамку для обновления инфраструктуры и совершенствования отраслевого управления.

В-третьих, актуальной задачей остаётся повышение результативности государственного управления, что требует как укрепления механизмов межведомственной координации, так и внедрения современных инструментов административной деятельности. В данном контексте обоснованной представляется:

- создание единого органа управления жилищно-коммунальным хозяйством. Как показал опыт Латвии², создание специализированного агентства по управлению коммунальными услугами позволило сократить издержки и повысить качество услуг.

- внедрение электронного управления. Использование цифровых технологий для мониторинга состояния инфраструктуры и прозрачного распределения финансовых ресурсов. В Эстонии³ электронные системы управления жилищно-коммунальными хозяйствами способствовали сокращению административных издержек на 20%.

В-четвёртых, ключевое значение приобретает расширение инвестиционного потенциала и развитие механизмов государственно-частного партнёрства. Недостаток капитальных вложений остаётся одним из центральных ограничений модернизации отрасли. Для преодоления финансовых барьеров необходимо:

- создание благоприятных условий для инвесторов. Например, в Польше⁴ успешная реформа жилищно-коммунального хозяйства включала налоговые льготы для частных инвесторов и субсидии на модернизацию коммунальной инфраструктуры.

- разработка инвестиционных проектов. Пример г.Хорога⁵, где при поддержке Европейского банка реконструкции и развития был реализован проект по улучшению водоснабжения, демонстрирует, что правильное проектирование и

¹ EBRD Case Study on Kazakhstan Utility Reforms. 2021. P.18.

² OECD Report on Utility Governance in Latvia. 2020. P.11.

³ Estonia e-Governance Case Study. 2021. P.7.

⁴ EBRD Transition Report on Poland. 2020. P.34.

⁵ EBRD Tajikistan Water Project. 2021. P.12.

управление инвестициями позволяет повысить эффективность даже в условиях ограниченных ресурсов.

В-пятых, важной составляющей институционального развития является активизация участия населения в процессах управления жилищно-коммунальным хозяйством. Механизмы включения граждан способствуют повышению прозрачности управленческих решений и формированию системы обратной связи. В частности:

- создание общественных советов. В странах Центральной Азии (например, Кыргызстане¹) общественные советы, включающие представителей населения, активно участвуют в принятии решений по тарифам и распределению бюджета жилищно-коммунальных хозяйств.

- проведение образовательных кампаний. Обучение населения основам энергосбережения и рационального использования коммунальных услуг может снизить издержки предприятий и повысить эффективность управления.

В-шестых, необходимым условием модернизации является снижение уровня коррупционных рисков посредством институционализации прозрачных процедур и систем контроля. В числе действенных инструментов могут быть:

- мониторинг и аудит. Создание независимых механизмов мониторинга распределения средств и выполнения проектов. Опыт Грузии² свидетельствует, что создание специализированных антикоррупционных структур привело к сокращению злоупотреблений приблизительно на 40%.

- открытые тендеры. Внедрение электронных платформ для проведения тендеров, как это реализовано в Украине³ (система ProZoggo), позволяет повысить конкуренцию и снизить коррупционные риски.

Таким образом, результаты проведённого анализа позволяют заключить, что совершенствование институциональных механизмов управления жилищно-коммунальным хозяйством Республики Таджикистан предполагает реализацию комплексного подхода, направленного на устранение системных ограничений и формирование устойчивой управленческой архитектуры. К числу приоритетных направлений относятся:

1. развитие нормативно-правовой базы, обеспечивающей предсказуемость регуляторной среды и закрепление современных требований к функционированию отрасли;

2. повышение эффективности государственного управления, предполагающее совершенствование координационных механизмов и внедрение современных управленческих инструментов;

3. привлечение частных инвестиций и развитие форм государственно-частного партнёрства, способствующих расширению финансовых возможностей и улучшению технологического уровня инфраструктуры;

¹ UNDP Report on Public Participation in Central Asia. 2020. P.21.

² Transparency International Georgia Report. 2020. P.8.

³ World Bank Ukraine Procurement Study. 2021. P.13.

4. укрепление механизмов участия населения в процессах принятия решений, что обеспечивает повышение прозрачности и общественной подотчётности органов управления;

5. формирование системной антикоррупционной инфраструктуры, минимизирующей институциональные риски и повышающей доверие к реформируемым институтам.

Эти меры, основанные на международных примерах и специфике Таджикистана, могут стать основой для успешного реформирования отрасли.

Жилищно-коммунальное хозяйство занимает ключевое место в системе социально-экономического развития Республики Таджикистан, однако функционирование отрасли в настоящее время существенно осложняется совокупностью институциональных и организационных ограничений. Проведённый анализ показал, что предприятия жилищно-коммунального комплекса сталкиваются с дефицитом нормативно-правового регулирования, недостаточным уровнем инвестиций, фрагментарностью и слабой согласованностью действий государственных институтов, низкой степенью участия частного сектора и гражданского общества, а также выраженными коррупционными рисками.

На основании проведённого исследования формулируются следующие выводы.

1. Институциональные механизмы управления жилищно-коммунальным хозяйством Республики Таджикистан требуют модернизации, предполагающей обновление законодательной базы, устранение нормативных пробелов и внедрение современных методов управления, ориентированных на повышение прозрачности и результативности отраслевых процессов.

2. Международная практика (Казахстан, Польша, Латвия, Грузия) демонстрирует, что успешное осуществление реформ в жилищно-коммунальной сфере становится возможным при наличии прозрачной и предсказуемой нормативной среды, институтов государственно-частного партнёрства, функционирующих в соответствии с установленными правилами, а также механизмов активного участия населения в процессе принятия решений.

3. Коррупционные риски и недостаточная прозрачность управленческих процедур продолжают выступать существенными барьерами для институциональной трансформации отрасли, что требует разработки и институционализации эффективных систем мониторинга, аудита и механизмов общественного контроля.

4. Ограниченность финансовых ресурсов усиливает необходимость привлечения частного капитала, что, в свою очередь, предполагает формирование благоприятных условий для инвесторов, включая стабильные регуляторные правила, инструменты распределения рисков и чёткие процедурные механизмы реализации инвестиционных проектов.

На основании сформулированных выводов представляется возможным предложить ряд рекомендаций, направленных на совершенствование

институциональных механизмов управления жилищно-коммунальным хозяйством Республики Таджикистан.

1. Разработка и внедрение долгосрочной стратегии модернизации жилищно-коммунального хозяйства, основанной на учёте региональной специфики, институциональных ограничений и релевантного международного опыта. Такая стратегия должна включать систему целевых индикаторов, механизмов мониторинга и оценки достигнутых результатов.

2. Укрепление межведомственной координации посредством формирования единого регулирующего органа, наделённого полномочиями по комплексному управлению жилищно-коммунальным сектором, обеспечению согласованности решений и повышению институциональной предсказуемости отраслевой политики.

3. Развитие механизмов государственно-частного партнёрства, предполагающее совершенствование законодательной базы, введение налоговых и финансовых стимулов для частных инвесторов, а также обеспечение прозрачных процедур реализации инвестиционных проектов и распределения рисков.

4. Повышение прозрачности и расширение участия населения в управлении отраслью, что предполагает создание общественных консультативных структур, а также проведение образовательных программ, направленных на формирование у населения компетенций в области рационального использования коммунальных ресурсов и контроля качества предоставляемых услуг.

5. Институционализация цифровых технологий в системе управления жилищно-коммунальным хозяйством, включая внедрение инструментов мониторинга состояния инфраструктуры, систем электронного аудита и цифровых сервисов для потребителей, что позволит повысить оперативность, подотчётность и качество управленческих процессов.

Представленное исследование способствует углублению теоретико-методологического понимания роли институциональных механизмов в управлении жилищно-коммунальным хозяйством в условиях переходной экономики. Полученные результаты обладают практической ценностью и могут быть использованы при разработке государственной политики, формировании отраслевых нормативных актов и проектировании региональных программ реформирования коммунального комплекса. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка адаптированных моделей институционального управления, учитывающих экономические, социальные и климатические особенности Таджикистана, что позволит повысить устойчивость и эффективность отраслевого развития в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Алферов В.Н., Климатич К.А. Государственно-частное партнерство как инструмент развития жилищно-коммунального хозяйства России // Стратегии бизнеса: анализ, прогноз, управление. – 2020. – № 5. – С. 132-136.
2. Жданова Т.С. Управление развитием жилищно-коммунального хозяйства как экономической системой: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 080005 / Жданова Тамара Сергеевна. – Саратов: [б.и.], 2005. – 155 с.
3. Журавлева Т.А., Алымов А.И. Необходимость повышения роли государства в сфере жилищно-коммунального хозяйства в России // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2024. – №2. – С. 159-164.
4. Захарова Е.В. Роль жилищно-коммунальных услуг в решении социальных проблем общества // Вестник ИрГТУ. – 2009. – №3 (39). – С. 84-91.
5. Канцер Ю. Ресурсоснабжение жилищно-коммунального хозяйства России. Вопросы теории и практики: монография. – М.: Юстицформ, 2017. – 196 с.
6. Кожевников С.А., Ускова Т.В. Государственно-частное партнерство в жилищно-коммунальном хозяйстве региона: проблемы и перспективы развития: монография. - Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2016. – 148 с.
7. Красникова М.В. Модернизация жилищно-коммунального хозяйства: актуальные проблемы и пути их решения // Научный лидер. – 2024. - № 21 (171) – С. 121-127.
8. Кузина Е.В. Проблема модернизации в жилищно-коммунальном хозяйстве и способы ее решения // Вестник науки. – 2023. - № 12 (69). – С. 761-765.
9. Ларин С.Н. Модернизация сферы жилищно-коммунального хозяйства на основе внедрения инновационных подходов в управление и повышение эффективности воспроизводства жилищного фонда // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – №8 (197). – С. 36-47.
10. Новиков Д.А. Институциональное управление организационными системами. – М.: ИПУ РАН, 2004. – 68 с.
11. Прокументов Л.М., Добрусина М.Е., Набеева Н.Г. Коррупционные риски: классификация, оценка и меры, направленные на их предотвращение // Вестник Томского государственного университета. – 2019. - № 445. – С.210-216.
12. Ряховская А.Н., Крюкова О.Г., Арсенова Е.А. Совершенствование действующей системы финансирования ЖКХ // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2010. – № 3. – С.74-79.
13. Ряховская А.Н., Таги-Заде Ф.Г. Тарифная и ценовая политика в жилищной и коммунальной сферах: монография. – М.: Инфра-М, 2024. – 124 с.
14. Саркисян А.А. Аспекты функционирования и тенденции развития жилищно-коммунального хозяйства и его составных элементов // Инженерный вестник Дона. – 2012. – № 11 (131). – С. 329-335.
15. Соколов Ю.И. Системный кризис жилищно-коммунального хозяйства России // Проблемы анализа риска. - 2020. - №5. – С. 471-479.
16. Файзиев Н.Ш. Модели экономического роста // The Multidisciplinary Journal of Science and Technology. – 2024. – № 5 (6). – С. 559-562.
17. Энергоэффективность, ресурсосбережение и природопользование в городском хозяйстве и строительстве: экономика и управление. Материалы III Международной науч.-технич. конф. (20-25 мая 2016 г., г.Волгоград). – Волгогр.: гос. архит.-строит. ун-т., 2016. – 792 с.
18. Carlsson B., Edquist C. Institutions and Economic Change. – 2002. – 132p.
19. Eggertsson T. Economic Behavior and Institutions. – 1990. – 56p.
20. Kassymbekov A. Development of Housing and Utilities in Kazakhstan. – 2021. – 34p.
21. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. – 1990. – P.3.
22. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. – 1990. – P.87.

ANALYSIS OF INSTITUTIONAL GOVERNANCE MECHANISMS IN THE HOUSING AND PUBLIC UTILITIES SECTOR OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Parfyonova Darya Alexandrovna

Candidate for a degree
Institute of economics and demography
National academy of sciences of Tajikistan
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Rizo str., 6A
Ph.: (+992) 988-06-13-91
daryaparfyonova@gmail.com

The housing and public utilities sector of the Republic of Tajikistan constitutes a core component of the national system of vital services; however, its development is constrained by the high depreciation of infrastructure, fragmented institutional governance, limited investment capacities, and insufficient effectiveness of the regulatory framework. The purpose of this article is to conduct a comprehensive analysis of the existing institutional governance mechanisms of the housing and public utilities sector in Tajikistan, to identify their structural deficiencies, and to outline possible directions for their modernization with consideration of relevant international experience. The scientific novelty of the study lies in correlating theoretical approaches of institutional economics with the actual practices of utility management in Tajikistan and in systematizing the institutional barriers into several analytical blocks: regulatory, organizational and managerial, financial and investment, anti-corruption, and citizen participation. The research demonstrates that the current governance model does not ensure the sustainable renewal of infrastructure and requires a transition to programme-oriented management, the expansion of public-private partnerships, and the strengthening of transparency and public oversight. The study concludes that a profound modernization of the institutional environment of the housing and public utilities sector is necessary, including the revision of the legislative framework, the reinforcement of inter-agency coordination, and the creation of conditions for attracting private investment and broadening citizen involvement in decision-making.

Keywords: housing and utilities; institutional management mechanisms; housing and utilities modernization; Republic of Tajikistan; public-private partnerships; tariff and investment policy; regulatory framework; sustainable development of urban infrastructure; public participation in housing and communal services management.

ТАҲЛИЛИ МЕХАНИЗМҲОИ ИНСТИТУЦИОНИИ ИДОРАКУНИИ ХОҶАГИИ МАНЗИЛИЮ КОММУНАЛИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Парфёнова Дарья Александровна

Довталаб,
Институти иқтисод ва демография
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734024, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Ризо, 6А
Тел.: (+992) 988 06 13 91 (м.)
daryaparfyonova@gmail.com

Хочагии манзилию коммуналии Ҷумҳурии Тоҷикистон унсури калидии низоми таъмини ҳаёти ҷомеаро ташкил медиҳад, аммо рушди он дар шароити кунунӣ аз сатҳи баланди фарсудаҷавии инфрасохтор, ноқоилии механизмҳои идоракунии институтионӣ, маҳдуд будани имкониятҳои сармоягузорӣ ва самаранокии нокифояи асоси меъёриву ҳуқуқӣ вобаста мебошад. Мақсади мақола дар таҳлили ҳамаҷонибаи механизмҳои амалкунандаи идоракунии институтионии соҳаи манзилию коммуналии Тоҷикистон, муайян намудани нуқсонҳои сохтории онҳо ва пешниҳод намудани самтҳои модернизатсия бо дарназардошти таҷрибаи байналмилалӣ ифода меёбад. Навгониҳои илмӣ таҳқиқот дар мувофиқ намудани равишҳои назариявии иқтисоди институтионӣ бо амалияи идоракунии хочагии манзилию коммуналӣ дар Тоҷикистон ва гурӯҳбандии монеаҳои институтионӣ аз рӯи блокҳои меъёриву ҳуқуқӣ, ташкилӣ-идорӣ, молиявӣ сармоягузорӣ, зиддикоррупсионӣ ва иштироки ҷомеа ифода меёбанд. Натиҷаҳо нишон медиҳанд, ки модели амалкунандаи идоракунии имкони таҷдиди устувори инфрасохторро таъмин намекунад ва гузариш ба идоракунии барномарезишуда, густариши ҳамкорихои давлатӣ-хусусӣ, тақвияти шаффофият ва назорати ҷамъиятиро тақозо менамояд. Хулоса бар он аст, ки барои рушди устувори соҳа модернизатсияи амиқи муҳити институтионӣ зарур мебошад, ки таҳияи заминаҳои нави меъёриву ҳуқуқӣ, таҳкими ҳамохангсозии мақомоти давлатӣ ва фароҳам овардани шароит барои ҷалби сармояи хусусӣ ва иштироки фаъолонан шаҳрвандон дар қабули қарорхоро дар назар дорад.

Калидвожаҳо: хочагии манзилию коммуналӣ; механизмҳои идоракунии институтионӣ; модернизатсияи соҳаи коммуналӣ; Ҷумҳурии Тоҷикистон; ҳамкорихои давлатӣ-хусусӣ; сиёсати тарифию сармоягузорӣ; танзими меъёриву ҳуқуқӣ; рушди устувори инфрасохтори шаҳрӣ; иштироки шаҳрвандон дар идоракунии коммуналӣ.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, опубликованных в журнале «Вестник университета» в 2025 году

<u>ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ</u>	<u>№</u>	<u>Стр.</u>
Абдужалилова Х.С. Функционирование вводных слов и вставных конструкций в газетном тексте английского языка и их соответствия в таджикском языке	4(90)	114-124
Абдуллозода М.А. Публицистическое творчество Али Исмоилзода в 30-е гг. XX в.	1(87)	215-226
Аламшоев Ш.М. Лексика ткачества и прядения в ваханском языке	4(90)	87-95
Александрова О.И., Жарбулова С.Т., Эбзеева Ю.Н. Измерение языковой компетентности билингвов: роль методов языковой диагностики и социолингвистических факторов	3(89)	103-113
Алюнина Ю.М., Меденица Л., Григорян В.А. Морфемный конструктор: словообразовательная игра на уроках РКИ	3(89)	86-102
Аминов А.С. Художественный перевод как интерпретация (на примере русских переводов поэзии Рудаки, Хайяма и Саади)	1(87)	280-290
Арсеньева И.А., Ельникова С.И., Салоев А.Т. Особенности вербального выражения приветствия в языках России и стран СНГ	3(89)	114-129
Ахмадзода И.И. Объективация концепта «Хизмат» в паремиологическом и фразеологическом фондах таджикского языка	4(90)	146-153
Батенкова Е.В. Пресс-конференции как инструмент публичной коммуникации в странах постсоветского пространства	4(90)	217-230
Бобоева М.С. Комментарии к газелям Хафиза в Индии XVII века: методы и подходы	4(90)	187-204
Бойматова Н.К. Образ красоты в таджикском языковом сознании (на материале анкетирования)	2(88)	205-215
Боровик В.В., Каверзина А.В., Салоев А.Т., Толмачева Е.Ю. Особенности лингвистических конструкторов грамматических концептов на примере структуры «взял(а)»	3(89)	161-172
Брагина М.А., Левина В.Н., Игумнова Е.С., Шарапова Е.В. Пейзаж в художественном тексте: современные интерпретации и контексты	3(89)	74-85

Брагина Э.Р. Экономический диалог: адаптация германизмов в русском языке сквозь призму фонетики и морфологии	1(87)	140-149
Гуломова Ф.А. О классификации военной терминологии в таджикском языке	1(87)	177-186
Гусаров Д.А., Пшеничникова А.Ю., Мельникова Е.Н. Лингвокультурный символ <i>лес</i> в немецкоязычной литературе 2024 года	3(89)	218-236
Давлатмирова М.Б. Ценности культуры как основа для формирования «Словаря культуры» таджикского народа	4(90)	45-53
Давлатмирова М.Б., Худоёров Х.Ё. Научная преемственность и новаторство – мост между традицией и современностью	2(88)	311-323
Джабборова М.Т. Способы выражения грамматического значения в русском и таджикском языках	3(89)	16-28
Джамshedов П.Дж., Кобилова Ф.Х. Терминологическое определение и характеристика дискурсивных маркеров в английском и таджикском языках	3(89)	48-59
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Литературный эпос Беларуси в период суверенитета республики: тематическое своеобразие	3(89)	199-217
Елистратов В.С., Ковтун М.Б. А.В.Сухово-Кобылин: стилистический «Избыток электричества» (о проекте «Словарь языка А.В.Сухова-Кобылина»)	2(88)	94-105
Ибодуллоев Б. Типы и стратегии передачи реалий в кросс-культурном переводе	4(90)	125-134
Иванова В.В. Развитие коммуникативных навыков русского языка у студентов из СНГ на уровне ТРКИ-3	3(89)	252-261
Иванова С.С., Вологина Н.В., Юсупова Д.Т. Репрезентация пространственного образа <i>лес</i> сквозь призму коми-пермяцкой языковой картины мира (на материале повестей Василия Климova «Богатырская палица» и Валериана Баталова «Нехоженой тропой»)	3(89)	262-274
Икромзода Х.И. Лингвокогнитивные основы спортивной лексики таджикского языка	4(90)	65-75
Икромзода Х.И. Перевод спортивного дискурса на таджикский язык: проблемы и стратегии	2(88)	117-129
Иматшоева М. Сравнительное исследование префиксально-суффиксального словообразования в шугнанском, таджикском и английском языках	4(90)	106-113

УКАЗАТЕЛЬ

Имомзода М.М. Ассоциативное поле концепта “ <i>оила/семья</i> ” в языковом сознании таджикской молодежи	1(87)	163-176
Искандарова Д.М. Векторы развития таджикской лингвистики: цифровизация научных исследований	2(88)	166-182
Искандарова Д.М. Корпусно-ориентированные исследования в таджикском языкознании: типологический и сопоставительный аспекты (на материале конструкций с глаголом – <i>гирифтан</i>)	4(90)	13-22
Исмоилова Н.М. Лексикографический и корпусный анализ благопожеланий и проклятий в таджикском языке	4(90)	135-145
Калинина Ю.М., Анумян К.С., Саидов З.З. Современное состояние русского языка в образовательной среде Республики Армения и Республики Таджикистан	3(89)	130-142
Касымова Л.Т. Цифровизация и развитие электронного правительства в Таджикистане	4(90)	231-240
Кобылко Я., Куновски М.Н. Славяно-тюркские языковые контакты: принцип герметичности грамматик в свете системной типологии языков	3(89)	173-186
Козлова О.Л. Лексико-семантическое поле лингвокультурного типажа «Зан» («Жена») в паремиях таджикского языка	2(88)	216-230
Курбонова Х.Х. Психолингвистическое моделирование лексемы «Верность» в русском языке	2(88)	195-204
Ладыгина О.В. Культурная обусловленность коммуникативного поведения (на примере таджикской лингвокультуры)	2(88)	183-194
Лазарева О.С., Акопян Л.С. Лингвокультурные маркеры дискурса художественных текстов магического реализма Габриэля Маркеса и Исабель Альенде	3(89)	275-298
Махсутшоева Н.М. Лексическая объективация концепта «Зан» в системе кровного родства в таджикском языке	2(88)	283-293
Мирзоева П.В. Фразеологические единицы с компонентом «сердце» в художественных произведениях С.Айни и способы их передачи на английском языке	1(87)	197-206
Москвичева С.А., Баянбаева Ж.А., Алтынбекова Б. Единицы и стратегии при киргизско-русском переключении кода: трудности выделения, алгоритм анализа	3(89)	297-312

Муллоев Ш.Б. Особенности отражения межрелигиозных отношений в СМИ Республики Таджикистан	1(87)	237-248
Муллоева К.Н. Парадигма традиционных таджикских семейных отношений в интерпретации Н.Мамаджоновой	2(88)	144-155
Мухторов З.М. Научная школа успешного наставника	2(88)	324-330
Мухторов З.М., Атаева Т.Х. Структурно-семантический анализ терминов социальной работы в таджикском и английском языках	4(90)	23-33
Некушоева Ш.С. Лингвокультурологический взгляд на лексику традиционного жилища (на примере имен пяти столбов традиционного памирского дома)	2(88)	130-143
Некушоева Ш.С. Макрополе <i>kata-čīd</i> «малая родина» как отражение концепта «дом» в шугнано-рушанской лингвокультуре	3(89)	237-251
Норов М.Б. Отражение элементов крестьянства в социокультурной жизни таджикского народа	3(89)	330-345
Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А. Культурная география в информационной среде: создание интерактивной карты творческой судьбы В.Ф.Ходасевича	3(89)	29-47
Пронкин Н.В. Лингвокультуремы персофонов как условие для этноориентированного обучения РКИ	3(89)	324-329
Разыкова М.Б. Сопоставительный анализ концепта «Праздник» в паремиологическом фонде таджикского и английского языков	2(88)	231-239
Рахимов А.А. Освещение проблем гражданского общества через призму художественно-публицистических жанров журналистики	1(87)	249-258
Сабирова С.Г. Наследие первых: неизменная актуальность просветительской мысли: к юбилею профессора Дилоро Мукаддасовны Искандаровой и Научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан»	2(88)	294-310
Саидова Д.Дж. Теоретические основы исследования семантических полей в лингвистике	4(90)	154-134
Салимзода О. Правовая специфика становления института парламента в Республике Таджикистан	1(87)	269-279
Салимзода О. СМИ и представительная власть в Таджикистане – ретроспектива и перспектива взаимодействия	1(87)	259-268

УКАЗАТЕЛЬ

Салихов Н.Н. Нравственно-этические проблемы в очерках и повестях Ш.Мусо	1(87)	227-236
Салоев А.Т. Сложноподчинённые предложения с придаточной частью места в русском и таджикском языках (сравнительный анализ)	1(87)	150-162
Сафарзода Х.Х. Газета «Джумхурият» в контексте процессов глобализации	4(90)	178-186
Сафарзода Х.Х. Освещение международных инициатив Таджикистана в рамках аналитических жанров прессы	1(87)	291-299
Смолий Е.С., Повалко П.Ю., Колышева О.Н., Ашуров А.Дж. Представления современных таджиков о себе и Таджикистане, России и русских: методология исследования и результаты	3(89)	143-160
Солиходжаева Ш.А. Структура лингвистической терминологии: моделирование многослойной иерархии терминов в таджикском, русском и английском языках	4(90)	76-86
Султанова Р.М. Деривативы как результат морфологической деривации в системе частей речи русского и таджикского языков	4(90)	34-44
Султанова Р.М., Сакаева Л.Р. К вопросу о передаче стилистической доминанты: переводческие трансформации как инструмент адекватного перевода	3(89)	60-73
Султанова Р.М., Усмонова Н.А. Проблемы функциональной омонимизации в рамках адвербиального класса слов	1(87)	118-128
Тагаева Т.Р. Специфические особенности отражения эмоции «ғам» («печаль») во фразеологическом фонде таджикского языка	2(88)	240-257
Турсунова Ш.А. Структурно-семантический анализ концепта «уважение» в английском и таджикском языках	4(90)	96-105
Файзулоева Р.Х. Реализация культурно-специфических метафор в фольклорных текстах шугнано-рушанской группы языков	2(88)	156-165
Хакимов А.А. Роль социокультурных стереотипов в повседневной практике общения	2(88)	268-282
Хамидиён И.И., Худойдои Ислои, Мансурова Б.С. Роль и влияние сетевых СМИ на трансформацию журналистики	4(90)	165-177
Хамидова М.Н. К вопросу о категориях переходности и каузативности (на материале английского и таджикского языков)	4(90)	54-64

Хасанова Т.Г. Идеи этнонациональной идентичности в «Таджикнаме» (том 3 трилогии) и «Правде о таджиках» И.К.Усмонова	2(88)	106-116
Хасанова Ш.Р. Рациональные прилагательные как средство языковой репрезентации личности	3(89)	187-198
Холова Ш.О. История формирования некоторых терминов сферы образования в таджикском языке	1(87)	207-214
Хурсанова Н.Н. К вопросу о таджикско-русском двуязычии	1(87)	187-196
Хурсанова Н.Н. Лексическая интерференция в русской речи таджиков (на материале письменных работ студентов)	2(88)	256-267
Шамбезода Х.Дж. К вопросу о формировании нормы в бесписьменных языках	1(87)	109-117
Шарипов В.А. «Шахнаме» А.Фирдоуси в русских переводах Ц.Б.Баку-Лахути и Михаила Лозинского	4(90)	205-216
Шустова С.В., Нагзибекова М.Б. Когнитивный сценарий функционирования глагола <i>оскорблять</i> в русском языке	1(87)	129-139
Яркина Л.П., Ху Чанцин, Новикова Н.С. Когнитивно-лингвистический анализ метафоры «Футляр» (на материале рассказа А.П.Чехова «Человек в футляре»)	3(89)	313-323
<u>ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ</u>		
Акрамова З.Б., Хасанзода Ф.А. Рынок труда и рынок образовательных услуг: механизм взаимодействия (на примере Согдийской области Республики Таджикистан)	1(87)	62-72
Баринов М.А. Инновационная направленность генезиса региональных систем	3(89)	346-356
Баринов М.А. Методические аспекты исследования национальной безопасности экономических систем	4(90)	297-309
Бахриев У.А. Зарубежный опыт урегулирования взаимных интересов трудовых мигрантов и страны пребывания	4(90)	327-337
Быкова М.Л. Анализ вклада различных видов научных исследований и разработок в социально-экономический рост на региональном уровне	4(90)	310-326
Быкова М.Л. Особенности научно-инновационного развития регионов России	3(89)	366-381
Джураева Г.А. Цифровая трансформация как способ повышения эффективности налоговой системы Республики Таджикистан	1(87)	84-93

УКАЗАТЕЛЬ

Исмаилова Ш.Ш. Развитие сельскохозяйственного кредитования в Китае	2(88)	79-3
Каюмов Н.К., Довгялло Я.П. Краткий обзор определения понятий инноваций	2(88)	13-24
Комилов С.Дж., Шарипов Ф.Р. Цифровизация и региональная интеграция: новые тренды и риски взаимодействия	1(87)	13-30
Кошенова М.Р. Развитие предпринимательства: современная инфраструктура и механизмы обеспечения финансовой устойчивости малых и средних предприятий в Республике Таджикистан	4(90)	279-298
Лукманов А.А. Автоматизация труда: революция на рынке труда или угроза занятости?	4(90)	338-347
Лю Цзяньвей. Анализ кросс-уровневого модераторного эффекта поддержки предпринимательства в университетах и его влияние на механизм формирования предпринимательских намерений среди студентов	2(88)	40-55
Мукимова Н.Р., Бердиева Н.Х. Экономико-математическое моделирование взаимосвязи конкурентных преимуществ промышленных предприятий с процессами цифровизации в экономике	1(87)	42-61
Мукимова Н.Р., Сайфудинова М.И. Подходы к мониторингу финансовой устойчивости энергетического сектора	2(88)	25-39
Назифов Ф.М. Цифровизация энергетической инфраструктуры как инструмент обеспечения энергетической безопасности в регионах	1(87)	73-83
Парфёнова Д.А. Анализ институциональных механизмов управления жилищно-коммунальным хозяйством Республики Таджикистан	4(90)	348-369
Раджабеков Г.Дж. Гидроэнергетические ресурсы Афганистана и вопросы их освоения	2(88)	65-78
Раимдодов У. Регулирование трудовой миграции в контексте обеспечения продуктивной занятости населения Республики Таджикистан	3(89)	382-397
Сайфудинова М.И. Инвестиционные и управленческие механизмы повышения финансовой устойчивости предприятий энергетического сектора	1(87)	94-108
Самиев А.А., Мамадризохов А.А. Экосистемный подход к управлению туристско-рекреационным природопользованием в горных регионах Таджикистана	4(90)	272-278

Солиева Л.Ф. Значение цифровизации для современного рынка труда	2(88)	56-64
Ткаченко А.А. Страны Центральной Азии и новая концепция миграционной политики России	4(90)	241-258
Худяков С.О. Системы управления знаниями как фактор развития корпоративного обучения	3(89)	398-408
Шарипова А.Г. Цифровизация государственной политики занятости как инновационный фактор развития рынка труда	4(90)	259-271
Шарипова А.Г., Солиева Л.Ф. Регулирование рынка труда и трудовой миграции в Таджикистане в условиях цифровизации	1(87)	31-41
Шарифов Т.А. Экономико-правовое регулирование трансграничной несостоятельности (банкротства) в Республике Таджикистан	3(89)	357-365

LIST
of articles published in Bulletin of university in 2025

<u>PHILOLOGICAL SCIENCES</u>	<u>№</u>	<u>P.</u>
Abdualilova Kh.S. Functioning of parenthetical words and constructions in English newspaper text and their correspondences in the Tajik language	4(90)	114-124
Abdullozoda M.A. Journalistic work of Ali Ismoilzoda in the 30s of the XX century	1(87)	215-226
Ahmadzoda I.I. Objectivation of the concept "Khizmat" in the paroemeological and phraseological funds of the Tajik language	4(90)	146-153
Alamshoev Sh.M. Weaving and spinning vocabulary in the Wakhan language	4(90)	87-95
Alexandrova O.I., Zharbulova S.T., Ebzeeva Yu.N. Measurement of linguistic competence in bilinguals: the role of language diagnostic methods and sociolinguistic factors	3(89)	103-113
Alyunina Yu.M., Medenica L., Grigoryan V.A. Morpheme constructor: word formation game for Russian foreign language learners	3(89)	86-102
Aminov A.S. Literary translation as interpretation (on the example of Russian translations of Rudaki, Khayyam and Saadi's poetry)	1(87)	280-290
Arsenyeva I.A., Yelnikova S.I., Saloev A.T. Features of the verbal expression of greetings in the languages of Russia and the CIS countries	3(89)	114-129
Batenkova E.V. Press-conferences as a tool of public communication in the countries of the post-soviet space	4(90)	217-230
Boboeva M.S. Commentaries on the ghazels of hafiz in 17 th -century India: methods and approaches	4(90)	187-204
Boimatova N.K. The image of beauty in the Tajik linguistic consciousness (based on the survey)	2(88)	205-215
Borovik V.V., Kaverzina A.V., Saloev A.T., Tolmacheva E.J. Features of linguistic constructs of grammatical concepts on the example of the structure «взял(а)»	3(89)	161-172
Bragina E.R. Economic dialogue: adaptation of Germanisms in the Russian language through the prism of phonetics and morphology	1(87)	140-149
Bragina M.A., Levina V.N., Igumnova E.S., Sharapova E.V. Landscape in fiction: contemporary interpretations and contexts	3(89)	74-85

Davlatmirova M.B. Cultural values as a basis for developing the 'Cultural dictionary' of the Tajik people	4(90)	45-53
Davlatmirova M.B., Khudoyorov Kh.Yo. Scientific continuity and innovation – a bridge between tradition and modernity	2(88)	311-323
Duktova L.G., Sharapava E.V. The literary epos of Belarus during the period of the republic's sovereignty: thematic originality	3(89)	199-217
Elistratov V.S., Kovtun M.B. A.V.Sukhovo-Kobylin: stylistic «Excess of electricity» (project information «Dictionary of Sukhovo-Kobylin language»)	2(88)	94-105
Fayzuloeva R.Kh. The realization of culturally specific metaphors in folklore texts of the Shughnan-Rushan group of languages	2(88)	156-165
Gulomova F.A. Classification of military terminology in the Tajik language	1(87)	177-186
Gusarov D.A., Pshenichnikova A.Yu., Melnikova E.N. <i>Forest</i> as linguocultural symbol in German-language literature of the 2024 year	3(89)	218-236
Ibodulloev B.J. Types and strategies for translating realia in cross-cultural translation	4(90)	125-134
Ikromzoda Kh.I. Linguo-cognitive foundations of sports vocabulary in the Tajik language	4(90)	65-75
Ikromzoda Kh.I. Translation of sports discourse into Tajik: problems and strategies	2(88)	117-129
Imatshoeva M.B. Comparative study of prefix-suffix word formation in Shughni, Tajik and English languages	4(90)	106-113
Imomzoda M.M. Associative field of the concept “ <i>oila/family</i> ” in the linguistic consciousness of Tajik youth	1(87)	163-176
Iskandarova D.M. Corpus-oriented research in Tajik linguistics: typological and comparative aspects (based on constructions with the verb <i>girifan</i>)	4(90)	13-22
Iskandarova D.M. Vectors of development of Tajik linguistics: digitalization of scientific research	2(88)	166-182
Ismoilova N.M. A lexicographical and corpus analysis of wishes and curses in the Tajik language	4(90)	135-145
Ivanova S.S., Vologina N.V., Yusupova D.T. Representation of the spatial image of the <i>forest</i> through the prism of the Komi-Permyak linguistic worldview (based on the story of Vasily Klimov "The bogatyr mace" and Valerian Batalov "The untreated path")	3(89)	262-274

Ivanova V.V. Development of communicative skills in the Russian language of students from the CIS at the C-1 level	3(89)	252-261
Jabborova M.T. Ways of expressing grammatical meaning in the Russian and Tajik languages	3(89)	16-28
Jamshedov P.J., Kobilova F.Kh. Terminological definition and characteristics of discursive markers in the English and Tajik languages	3(89)	48-59
Kalinina Yu.M., Anumyan K.S., Saidov Z.Z. The current state of the Russian language in an educational environment of the Republic of Armenia and the Republic of Tajikistan	3(89)	130-142
Khakimov A.A. The role of sociocultural stereotypes in everyday communication practice	2(88)	268-282
Khamidiyon I.I., Khudoydodi I., Mansurova B.S. The role and impact of online media in the transformation of journalism genres	4(90)	165-177
Khasanova Sh.R. Rational adjectives as a means of linguistic representation of personality	3(89)	187-198
Khasanova T.G. Ideas of ethno-national identity in "Tajikname" (volume 3 of the trilogy) and "The truth about the Tajiks" by I.K.Usmonov	2(88)	106-116
Kholova Sh.O. History of the formation of some terms in the sphere of education in the Tajik language	1(87)	207-214
Khomidova M.N. On the categories of transitivity and causativity (based on the English and Tajik languages)	4(90)	54-64
Khursanova N.N. Lexical interference in the Russian speech of the Tajiks (based on the written works of students)	2(88)	256-267
Khursanova N.N. To the question of Tajik-Russian bilingualism	1(87)	187-196
Kobylko Ya., Kunovski M.N. Slavic-Turkic language contacts: the principle of grammar hermeticity in light of systemic language typology	3(89)	173-186
Kozlova O.L. Lexico-semantic field of the linguocultural type "Zan" ("Wife") in the paroemias of the Tajik language	2(88)	216-230
Kurbonova Kh.Kh. Psycholinguistic modeling of the lexeme "Loyalty" in the Russian language	2(88)	195-204
Ladygina O.V. Cultural determination of communicative behavior (on the example of Tajik linguoculture)	2(88)	183-194
Lazareva O.S., Hakobyan L.S. Linguocultural markers of discourse in magical realism artistic texts by Gabriel	3(89)	275-298

Marquez and Isabel Allende		
Makhsutshoeva N.M. Lexical objectification of the concept "Zan" in the system of consequence in the Tajik language	2(88)	283-293
Mirzoeva P.V. Phraseological units with the concept of "heart" in Sadriddin Aini's literary works and the ways of their translation into English	1(87)	197-206
Moskvitcheva S.A., Bayanbayeva Zh.A., Altynbekova B. Nits and strategies in Kyrgyz-Russian code switching: difficulties in identification, analysis algorithm	3(89)	297-312
Mukhtorov Z.M. Scientific school of a successful educator	2(88)	324-330
Mukhtorov Z.M., Ataeva T.Kh. Structural-semantic analysis of social work terminology in the Tajik and English languages	4(90)	23-33
Mulloev Sh.B. Features of reflection of interreligious relations in the media of the Republic of Tajikistan	1(87)	237-248
Mulloeva K.N. Paradigm of traditional Tajik family relations in the interpretation of N.Mamadjonova	2(88)	144-155
Nekushoeva Sh.S. A linguocultural perspective on the lexicon of a traditional dwelling (on the example of the names of the five pillars of the traditional Pamir house)	2(88)	130-143
Nekushoeva Sh.S. Macro-field <i>kata-čīd</i> – "small homeland" as a reflection of the concept «home» in Shughny-Rushani linguistic culture	3(89)	237-251
Norov M.B. Reflection of peasantry elements in the socio-cultural life of the Tajik people	3(89)	330-345
Ovcharenko A.Yu., Shaprinskaya E.A. Cultural geography in the information environment: creating an interactive map of V.N. F.N.Khodasevich's creative destiny	3(89)	29-47
Pronkin N.V. Linguo-culturomems of persophones as a condition for ethno-oriented teaching of Russian as a foreign language	3(89)	324-329
Qosimova L.T. Digitalization and development of e-government in Tajikistan	4(90)	231-240
Rahimov A.A. Covering the problems of civil society through the prism of fictional and journalism genres	1(87)	249-258
Razykova M.B. Comparative analysis of the concept "Holiday" in the paremiological fund of Tajik and English languages	2(88)	231-239
Sabirova S.G. Heritage of the first: the constant relevance of educational thought on the anniversary of professor Iskandarova Diloru Mukaddasovna and the Scien-	2(88)	294-310

tific school "Applied linguistics in the Republic of Tajikistan"		
Safarzoda Kh.Kh. Coverage of international initiatives of Tajikistan in the framework of analytical genres of the press	1(87)	291-299
Safarzoda Kh.Kh. The «Jumhuriyat» newspaper and the problem of globalization	4(90)	178-186
Saidova D.J. Theoretical foundations of the study of semantic fields in linguistics	4(90)	154-134
Salikhov N.N. Moral and ethical problems in the essays and stories of Sherali Muso	1(87)	227-236
Salimzoda O. Mass media and representative government in Tajikistan – retrospective and perspective of interaction	1(87)	259-268
Salimzoda O. The legal features of Parliament institution formation in the Republic of Tajikistan	1(87)	269-279
Saloev A.T. Complex sentences with a subordinate clause of place in Russian and Tajik languages (comparative analysis)	1(87)	150-162
Shambezoda Kh.J. To the question of formation of the norm in unwritten languages	1(87)	109-117
Sharipov V.A. «Shahnameh» of A.Firdawsi in Russian translations by Ts.B.Banu-Lakhuti and Mikhail Lozinsky	4(90)	205-216
Shustova S.V., Nagzibekova M.B. Cognitive scenario of functioning of the verb <i>to insult</i> in the Russian language	1(87)	129-139
Smoliy E.S., Povalko P.Yu., Kolysheva O.N., Ashurov A.J. Modern Tajiks' perceptions of themselves and Tajikistan, Russia and Russians: research methodology and results	3(89)	143-160
Solikhodjaeva Sh.A. The structure of linguistic terminology: modeling a multilayer hierarchy of terms in Tajik, Russian and English	4(90)	76-86
Sultanova R.M. Deverbatives as a result of morphological derivation in the parts of speech of Russian and Tajik languages	4(90)	34-44
Sultanova R.M., Sakaeva L.R. On the question of transferring stylistic dominance: translation transformations as a tool for adequate translation	3(89)	60-73
Sultanova R.M., Usmonova N.A. Problems of functional homonymization in the framework of the adverbial class of words	1(87)	118-128
Tagaeva T.R. Specific features of reflection of the emotion of sadness ("gham") in the phraseological fund of	2(88)	240-257

the Tajik language		
Tursunova Sh.A. Structural and semantic analyses of the concept "Respect" in the English and Tajik languages	4(90)	96-105
Yarkina L.P., Hu Changqing, Novikova N.S. Cognitive-linguistic analysis of the metaphor "Case" (based on the story "The Man in the Case" by A.P. Chekhov)	3(89)	313-323
<u>ECONOMIC SCIENCES</u>		
Akramova Z.B., Hasanzoda F.A. Labor market and educational services market: interaction mechanism (on the example of Sughd region Republic of Tajikistan)	1(87)	62-72
Bahriev U.A. International experience in the settlement of mutual interests of migrant workers and the host country	4(90)	327-337
Barinov M.A. Innovative focus on the genesis of regional systems	3(89)	346-356
Barinov M.A. Methodological aspects of the study national security of economic systems	4(90)	297-309
Bykova M.L. Analysis of the contribution of various types of scientific research and development to socio-economic growth at the regional level	4(90)	310-326
Bykova M.L. Features of scientific and innovative development of Russian regions	3(89)	366-381
Ismailova Sh.Sh. Development of agricultural credit in China	2(88)	79-3
Juraeva G.A. Digital transformation as a way to increase the efficiency of the tax system of the Republic of Tajikistan	1(87)	84-93
Kayumov N.K., Dovgyallo Ya.P. A brief review of the definition of innovation concepts	2(88)	13-24
Khudyakov S.O. Knowledge management systems as a factor in the development of corporate training	3(89)	398-408
Komilov S.J., Sharipov F.R. Digitalization and regional integration: new trends and interaction risks	1(87)	13-30
Koshonova M.R. Entrepreneurship development: modern infrastructure and mechanisms for ensuring financial stability of small and medium-sized enterprises in the Republic of Tajikistan	4(90)	279-298
Liu Jianwei. Analysis of cross-level moderatory effect of entrepreneurship support in the universities on the mechanism of forming entrepreneurial intention among students	2(88)	40-55

Lukmanov A.A. Automation of labor: a revolution in the labor market or a threat to employment?	4(90)	338-347
Mukimova N.R., Berdieva N.Kh. Economic and mathematical modeling of the relationship between competitive advantages of industrial enterprises and digitalization processes in the economy	1(87)	42-61
Mukimova N.R., Sayfudinova M.I. Approaches to monitoring financial stability of the energy sector	2(88)	25-39
Nazifov F.M. Digitalization of energy infrastructure as a tool for ensuring energy security in the regions	1(87)	73-83
Parfyonova D.A. Analysis of institutional governance mechanisms in the housing and public utilities sector of the Republic of Tajikistan	4(90)	348-369
Raimdodov U. Regulation of labor migration in the context of ensuring productive employment in the Republic of Tajikistan	3(89)	382-397
Rajabekov G.J. Hydroenergy resources of Afghanistan and their development issues	2(88)	65-78
Samiyev A.M., Mamadrizokhonov A.A. An ecosystem-based approach to managing tourism and recreational nature management in the mountain regions of Tajikistan	4(90)	272-278
Sayfudinova M.I. Investment and management mechanisms for increasing financial stability of enterprises in the energy sector	1(87)	94-108
Sharifov T.A. Economic and legal regulation of cross-border insolvency (bankruptcy) in the Republic of Tajikistan	3(89)	357-365
Sharipova A.G. Digitalization of state employment policy as an innovative factor in labor market development	4(90)	259-271
Sharipova A.G., Solieva L.F. Regulation of the labor market and labor migration in Tajikistan in the context of digitalization	1(87)	31-41
Solieva L.F. The importance of digitalization for the modern labor market	2(88)	56-64
Tkachenko A.A. Central Asian countries and Russia's new migration policy concept	4(90)	241-258

ФЕХРИСТИ

мақолаҳои дар маҷаллаи «Вестник университета» дар соли 2025
нашргардида

<u>ИЛМҲОИ ФИЛОЛОҒӢ</u>	<u>№</u>	<u>Саҳ.</u>
Абдужалилова Ҳ.С. Корбурди вожаҳои туфайлӣ ва таркибҳои иловагӣ дар матнҳои рӯзномавии забони англисӣ ва мубокикатҳои онҳо дар забони тоҷикӣ	4(90)	114-124
Абдуллозода М.А. Эҷодиёти публитсистии Алӣ Исмоилзода дар даҳаи 30-уми асри XX	1(87)	215-226
Аламшоев Ш.М. Лексикаи бофандагӣ ва ресандагӣ дар забони ваҳонӣ	4(90)	87-95
Александрова О.И., Жарбулова С.Т., Эбзеева Ю.Н. Ченкунии салоҳияти забонӣ дар байни дузабонҳо: нақши усулҳои ташҳиси забонӣ ва омилҳои сотсиолингвистӣ	3(89)	103-113
Алюнина Ю.М., Меденица Л., Григорян В.А. Калимабандии морфемӣ: бозии калимасозӣ дар дарсҳои РКИ	3(89)	86-102
Аминов А.С. Тарҷумаи адабӣ ҳамчун тафсир (дар намунаи тарҷумаҳои ашъори Рӯдакӣ, Хайём ва Саъдӣ ба забони русӣ)	1(87)	280-290
Арсеньева И.А., Ельникова С.И., Салоев А.Т. Хусусиятҳои изҳори шифоҳии хайрамақдамгӯӣ дар забонҳои Россия ва кишварҳои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил	3(89)	114-129
Ахмадзода И.И. Мафҳуми концепти "Хизмат" дар асосҳои парозеомеологӣ ва фразеологӣ забони тоҷикӣ	4(90)	146-153
Батенкова Е.В. Нишастҳои матбуотӣ ҳамчун воситаи муоширати ҷамъиятӣ дар кишварҳои пасошӯравӣ	4(90)	217-230
Бобоева М.С. Шарҳи ғазалиёти Ҳофиз дар Ҳиндустон дар асри XVII: усулҳо ва равишҳо	4(90)	187-204
Бойматова Н.К. Симои зебӣ дар шуури забонии тоҷикон (дар асоси маълумоти пурсишнома)	2(88)	205-215
Боровик В.В., Каверзина А.В., Салоев А.Т., Толмачева Е.Ю. Хусусиятҳои конструктҳои лингвистӣ дар таркиби концептҳои грамматикӣ дар мисоли таркиби «взял(а)»	3(89)	161-172
Брагина М.А., Левина В.Н., Игумнова Е.С., Шарапова Е.В. Landscape in fiction: contemporary interpretations and contexts	3(89)	74-85

Брагина Э.Р. Гуфтугӯи иқтисодӣ: мутобиқшавӣ германизмҳо дар забони русӣ аз нигоҳи фонетика ва морфология	1(87)	140-149
Ғуломова Ф.А. Хусусиятҳои тарҷумаи ҳарбӣ дар ғаболияти тарҷумони ҳарбӣ	1(87)	177-186
Гусаров Д.А., Пшеничникова А.Ю., Мельникова Е.Н. Лингвокультурный символ <i>лес</i> в немецкоязычной литературе 2024 года	3(89)	218-236
Давлатмирова М.Б. Арзишҳои фарҳангӣ ҳамчун асос барои сохтани “Луғати фарҳагии халқи тоҷик”	4(90)	45-53
Давлатмирова М.Б., Худоёрв Х.Ё. Вориснокии илмӣ ва навоарӣ – пуле байни анъана ва замони муосир	2(88)	311-323
Дуктова Л.Г., Шарапова Е.В. Эпоси адабии Беларус дар давраи соҳибхитёрӣ: хусусияти мавзӯӣ	3(89)	199-217
Елистратов В.С., Ковтун М.Б. А.В.Сухово-кобилин: уфазои сабкӣ «Изофаи барк» (дар бораи лоихаи «Фарҳанги забони А.В.Сухово-Кобилин»)	2(88)	94-105
Ибодуллоев Б. Навъ ва усулҳои интиқоли реалиҳо дар тарҷумаи байнифарҳангӣ	4(90)	125-134
Иванова В.В. Рушди малакаҳои коммуникатсионии забони русӣ дар донишҷӯени ИДМ дар сатҳи С-1	3(89)	252-261
Иванова С.С., Володина Н.В., Юсупова Д.Т. Репрезентатсияи образи фазоии «Чангал» аз муддои манзараи забонию фарҳангии коми-пермяк (бар асоси повестҳои Василий Климов «Богатырская палица» ва Валериан Баталов «Нехоженой тропой»)	3(89)	262-274
Икромзода Х.И. Асосҳои лингвокогнитивии лексикаи варзишии забони тоҷикӣ	4(90)	65-75
Икромзода Х.И. Тарҷумаи дискурси варзишӣ ба забони тоҷикӣ: мушкilot ва дурнамо	2(88)	117-129
Иматшоева М. Тадқиқоти қиёсии сохтани калимаи префиксал-суффиксал дар забонҳои шуғонӣ, тоҷикӣ ва англисӣ	4(90)	106-113
Имомзода М.М. Соҳаи ассоситативии концепсияи «оила» дар шуури забонии ҷавонони тоҷик	1(87)	163-176
Искандарова Д.М. Самтҳои рушди забоншиносии тоҷик: рақамикунонии тадқиқоти илмӣ	2(88)	166-182
Искандарова Д.М. Таҳқиқоти пайкараасос дар забоншиносии тоҷик: ҷанбаҳои типологӣ ва муқоисавӣ (дар асоси маводи сохторҳо бо феъли « <i>гирифтан</i> »)	4(90)	13-22
Исмоилова Н.М. Таҳлили луғиграфӣ ва корпусии дуо ва дуои бад дар забони тоҷикӣ	4(90)	135-145

Калинина Ю.М., Анумян К.С., Саидов З.З. Ҳолати муносири забони русӣ дар муҳити таълимии Ҷумҳурии Арманистон ва Ҷумҳурии Тоҷикистон	3(89)	130-142
Кобылко Я., Куновски М.Н. Контактҳои забонии славянию туркӣ: принсипи герметикӣ будани грамматика дар партави типологияи системии забонҳо	3(89)	173-186
Козлова О.Л. Майдони луғавӣ-маъноии намунаи лингвофарҳангии «Зан» («Ҳамсар») дар паремияҳои забони тоҷикӣ	2(88)	216-230
Курбонова Х.Х. Моделсозии психолингвистии лексемаи «Верность» («Вафодорӣ») дар забони русӣ	2(88)	195-204
Қосимова Л.Т. Рақамикунонӣ ва рушди ҳукумати электронӣ дар Тоҷикистон	4(90)	231-240
Ладыгина О.В. Омилҳои фарҳангӣ дар ташаккули рафтори коммуникативӣ (бар асоси лингвофарҳанги тоҷикӣ)	2(88)	183-194
Лазарева О.С., Акопян Л.С. Нишонаҳои лингвофарҳангии дискурси матнҳои ҳунари дар раҳи магииски реализми Габриэль Маркес ва Исабель Альенде	3(89)	275-298
Махсутшоева Н.М. Обьективизатсияи лексикии концепти «Зан» дар системаи ҳешу таборӣ дар забони тоҷикӣ	2(88)	283-293
Мирзоева П.В. Воҳидҳои фразеологӣ бо ҷузъи “дил” дар асарҳои С.Айнӣ ва тарҷумаи онҳо дар забони англисӣ	1(87)	197-206
Москвичева С.А., Баянбаева Ж.А., Алтынбекова Б. Воҳидҳо ва стратегияҳо дар қадами киргизӣ-русӣ: диққат ба мушкilotи таъйини воҳидҳо ва алгоритми таҳлил	3(89)	297-312
Муллоев Ш.Б. Хусусиятҳои инъикоси муносибатҳои байнидинӣ дар ВАОи Ҷумҳурии Тоҷикистон	1(87)	237-248
Муллоева К.Н. Парадигмаи муносибатҳои анъанавии оилавӣ тоҷик дар тафсири Н.Мамаҷонова	2(88)	144-155
Мухторов З.М., Атаева Т.Х. Таҳлили сохторӣ ва семантикаи истилоҳоти қори иҷтимоӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ	4(90)	23-33
Мухторов З.М. Мактаби илмӣ устодони муваффақ	2(88)	324-330
Некушоева Ш.С. Таҳлили лингвофарҳангии лексикаи марбут ба ҳонаи суннатӣ (дар асоси намунаи номҳои панҷ сутуни ҳонаи анъанавии помирӣ)	2(88)	130-143
Некушоева Ш.С. Ҳавзаҳои воҳидҳои “Ватани хурд” ҳамчун инъикоскунандаи концепти “ҳона” дар	3(89)	237-251

забонҳои гурӯҳи шугнонӣ-рушонӣ		
Норов М.Б. Инъикоси унсурҳои деҳқонӣ дар зиндагии иҷтимоиву фарҳангии мардуми тоҷик	3(89)	330-345
Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А. Географияи фарҳангӣ дар муҳити иттилоотӣ: таҳияи харитаи интерактивии сарнавишти эҷодии В.Ф.Ходасевич	3(89)	29-47
Пронкин Н.В. Лингвокультуремҳои персифонҳо: шарт барои таълими этноориентирӣ русӣ чун забони хориҷӣ	3(89)	324-329
Рахимов А.А. Жанрҳои бадеӣ-ҷомеашиносии журналистика дар заминаи инъикоси мушкилоти ҷомеаи шахрвандӣ	1(87)	249-258
Розиқова М.Б. Таҳлили муқоисавии мафҳуми «Ид» дар фонди паремиялогии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ	2(88)	231-239
Сабирова С.Ғ. Мероси аввалинҳо: аҳамияти пойдории андешаҳои маърифатӣ бахшида ба ҷашнвораи профессор Искандарова Дилоро Муқаддасовна ва Мактаби илмӣ «Забоншиносии амалӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон»	2(88)	294-310
Саидова Д.Ҷ. Асосҳои назариявии таҳқиқи майдонҳои маъноӣ дар забоншиносӣ	4(90)	154-134
Салимзода О. ВАО ва мақомоти намоёндагӣ дар Тоҷикистон – ретроспектива ва дурномаи ҳамкорӣ	1(87)	259-268
Салимзода О. Хусусияти ҳуқуқии ташаққули институти Парлумон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	1(87)	269-279
Салихов Н.Н. Проблемаҳои ахлоқ ва этика дар очеркҳо ва ҳикоятҳои Ш.Мусо	1(87)	227-236
Салоев А.Т. Ҷумлаҳои мураккаби тобӣ бо ҷузъҳои мавзӯи макон дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ (таҳлили муқоисавӣ)	1(87)	150-162
Сафарзода Х.Х. Рӯзномаи “Ҷумҳурия” ва мушкили ҷаҳоншиносӣ	4(90)	178-186
Сафарзода Х.Х. Ташаббусҳои байналхалқии Тоҷикистон дар доираи жанрҳои таҳлилии матбуот	1(87)	291-299
Смолий Е.С., Повалко П.Ю., Колышева О.Н., Ашуров А.Ҷ. Тасаввуроти тоҷикони муосир дар бораи худ ва Тоҷикистон, дар бораи Россия ва русҳо: методологияи тадқиқ ва натиҷаҳо	3(89)	143-160
Солиходжаева Ш.А. Сохтори истилоҳотии лингвистикӣ: моделсозии бисёрқаблаҳои иерархияи истиҳолот дар забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ	4(90)	76-86
Султанова Р.М., Усмонова Н.А. Мушкилоти ҳамномии функционалӣ дар доираи синфи ибораҳои сифатӣ	1(87)	118-128

Султонова Р.М. Девербативҳо ҳангоми натиҷаи морфологии деривация дар системаи ҳисмҳои луғфӣ забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	4(90)	34-44
Султонова Р.М., Сакаева Л.Р. Ба масъалаи интиқоли доминантаи услубӣ: таҳаввулотӣ тарҷумонӣ ва нақши он дар тарҷумаи мувофиқ	3(89)	60-73
Тағоева Т.Р. Хусусиятҳои ҳоси эҳсоси «Ғам» дар захираи фразеологии забони тоҷикӣ	2(88)	240-257
Турсунова Ш.А. Таҳлили сохторӣ-семантикии концепти “эҳтиром” дар забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ	4(90)	96-105
Файзулоева Р.Х. Инъикоси маҷозҳои ҳоси фарҳангӣ дар матнҳои фолклории гурӯҳи шугуниву рушонӣ	2(88)	156-165
Ҳакимов А.А. Нақши стереотипҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ дар амалиёти муосироти ҳаррӯза	2(88)	268-282
Ҳамидиён И.И., Худойдоди И., Мансурова Б.С. Нақш ва таъсири ВАО-и онлайнӣ дар тавдиди жанрҳои журналистика	4(90)	165-177
Ҳасанова Т.Г. Идеҳои ҳуввияти этно-миллӣ дар «Тоҷикнома» (ҷилди 3-и трилогия) ва «Ҳақиқат дар бораи тоҷикон»-и И.К.Усмонов	2(88)	106-116
Ҳасанова Ш.Р. Сифатҳои рационалӣ ҳамчун воситаи репрезентатсияи шахсият дар забон	3(89)	187-198
Холова Ш.О. Таърихи ташаккули баъзе мафҳумҳо дар соҳаи маориф дар забони тоҷикӣ	1(87)	207-214
Хурсанова Н.Н. Даҳолати луғавӣ дар гуфтори русии тоҷикон (аз рӯи асарҳои хаттии донишҷӯён)	2(88)	256-267
Хурсанова Н.Н. Оид ба масъалаи дузабонии тоҷикию русӣ	1(87)	187-196
Ҳомидова М.Н. Рочё ба масъалаи гузаранда ва каузативият (дар асоси забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ)	4(90)	54-64
Ҷабборова М.Т. Роҳҳои изҳори маънои грамматикӣ дар забонҳои русӣ ва тоҷикӣ	3(89)	16-28
Ҷамшедов П., Кабилова Ф. Тавсифи терминологӣ ва хусусиятҳои маркерҳои дискурсии дар забони англисӣ ва тоҷикӣ	3(89)	48-59
Шамбезода Х.Ҷ. Баррасии шаклгирӣ одатҳо дар забонҳои бехат	1(87)	109-117
Шарипов В.А. “Шоҳнома”-и А.Фирдавӣ дар тарҷумаҳои русии С.Б.Бону-Лохутӣ ва Михаил Лозинский	4(90)	205-216
Шустова С.В., Нағзибекова М.Б. Сенарияи маърифатии корбурди феъли “Оскорблять” («Таҳқир кардан») дар забони русӣ	1(87)	129-139

Яркина Л.П., Ху Чанцин, Новикова Н.С. Таҳлили маърифатӣ-лингвистикии метафораи "Парванд" (бар асоси ҳикояи "Марде дар парванда"-и А.П. Чехов)	3(89)	313-323
<u>ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ</u>		
Акрамова З.Б., Ҳасанзода Ф.А. Бозори кор ва бозори хизматрасониҳои таҳсилоти: механизми ҳамкорӣ (дар мисоли вилояти Суғди Ҷумҳурии Тоҷикистон)	1(87)	62-72
Баринов М.А. Самтгирии инноватсионии генезиси системаҳои регионалӣ	3(89)	346-356
Баринов М.А. Ҷанбаҳои методологии тадқиқоти амнияти миллии системаҳои иқтисодӣ	4(90)	297-309
Бахриев У.А. Таҷрибаи хориҷӣ дар ҳалли манфиатҳои муттаҳидаи муҳоҷирони меҳнатӣ ва кишвари миҷоратӣ	4(90)	327-337
Бикова М.Л. Таҳлили саҳми намудҳои гуногуни тадқиқот ва таҳқиқоти илмӣ ба рушди иҷтимоӣ-иқтисодӣ дар сатҳи минтақавӣ	4(90)	310-326
Бикова М.Л. Хусусиятҳои рушди илмӣ ва инноватсионии минтақаҳои Россия	3(89)	366-381
Исмоилова Ш.Ш. Инкишофи қарздиҳии хоҷагии қишлоқ дар Хитой	2(88)	79-3
Комилов С.Ҷ., Шарипов Ф.Р. Рақамгардонӣ ва ҳамгирии минтақавӣ: тамоюлҳои нав ва хатарҳои ҳамкорӣ	1(87)	13-30
Кошенова М.Р. Рушди соҳибкорӣ: инфраструктура ва механизмҳои муосир барои таъмини устувории молиявии соҳибкории хурд ва миёна дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	4(90)	279-298
Қаюмов Н.Қ., Довгялло Я.П. Шарҳи мухтасар дар бораи тафсири мафҳуми инноватсия	2(88)	13-24
Лукмонов А.А. Автоматикаи меҳнат: инкилоби бозори меҳнат ё таҳдид ба шуғл?	4(90)	338-347
Лю Тэзянвей. Таҳлили таъсири модератории бо сатҳҳои мутафовити дастгирии соҳибкорӣ дар донишгоҳҳо ба раванди шаклгирии тамоюлҳои соҳибкорӣ дар миёни донишҷӯён	2(88)	40-55
Мукимова Н.Р., Бердиева Н.Х. Моделсозии иқтисодӣ-риёзӣ оид ба пайванди бартарҳои рақобатии корхонаҳои саноатӣ бо равандҳои рақамикунонӣ дар иқтисод	1(87)	42-61

Мукимова Н.Р., Сайфудинова М.И. Усулҳои мониторинги устувории молиявӣ дар соҳаи энергетика	2(88)	25-39
Назифов Ф.М. Рақамикунонии зерсохтори энергетикӣ чун воситаи таъмини амнияти энергетикӣ дар минтақаҳо	1(87)	73-83
Парфенова Д.А. Таҳлили механизмҳои институтиони идоракунии хоҷагии манзилию коммуналии Ҷумҳурии Тоҷикистон	4(90)	348-369
Раимдодов У. Танзими мигратсияи меҳнатӣ дар қаринаи таъмини серкорӣ самараноки аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон	3(89)	382-397
Рачабеков Г.Ҷ. Захираҳои гидроэнергетикии Афғонистон ва масъалаҳои истифодаи онҳо	2(88)	65-78
Сайфудинова М.И. Механизмҳои инвестиционӣ ва идоракунии баланд бардоштани пуқуввати молиявӣ корхонаҳои дар сектори соҳаи энергетика	1(87)	94-108
Самиев А.А., Мамадризоҳонов А.А. Равиши экосистемӣ ба идоракунии сайёҳӣ ва идоракунии табиати фарогардӣ дар минтақаҳои қўхистони Тоҷикистон	4(90)	272-278
Солиева Л.Ф. Аҳамияти рақамикунонӣ барои бозори меҳнати муосир	2(88)	56-64
Ткаченко А.А. Кишварҳои Осиёи Марказӣ ва мафҳуми нави сиёсати муҳоҷирати Россия	4(90)	241-258
Худяков С. Системаҳои идоракунии дониш ҳамчун омили рушди омӯзиши корпоративӣ	3(89)	398-408
Ҷўраева Г.А. Таҷдиди рақамӣ ҳамчун роҳи баланд бардоштани самарои системаи андозии Ҷумҳурии Тоҷикистон	1(87)	84-93
Шарипова А.Г. Рақамикунонии сиёсати давлатии шуғли аҳоли ҳамчун омили инноватсионии рушди бозори меҳнат	4(90)	259-271
Шарипова А.Г., Солиева Л.Ф. Танзими бозори кор ва муҳоҷирати меҳнатӣ дар шароити рақамикунонӣ дар Тоҷикистон	1(87)	31-41
Шарифов Т.А. Танзими иқтисодию ҳуқуқии шикасти (муфлисшавии) беасоси трансмарзӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон	3(89)	357-365

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 22.12.2025г. Подписано в печать 30.12.2025г.
Формат 60x84_{1/16}. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная.
Объем 48,8 п.л. Тираж 50 экз. Заказ №74

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30